

Николай Носов

1

Николай
Носов

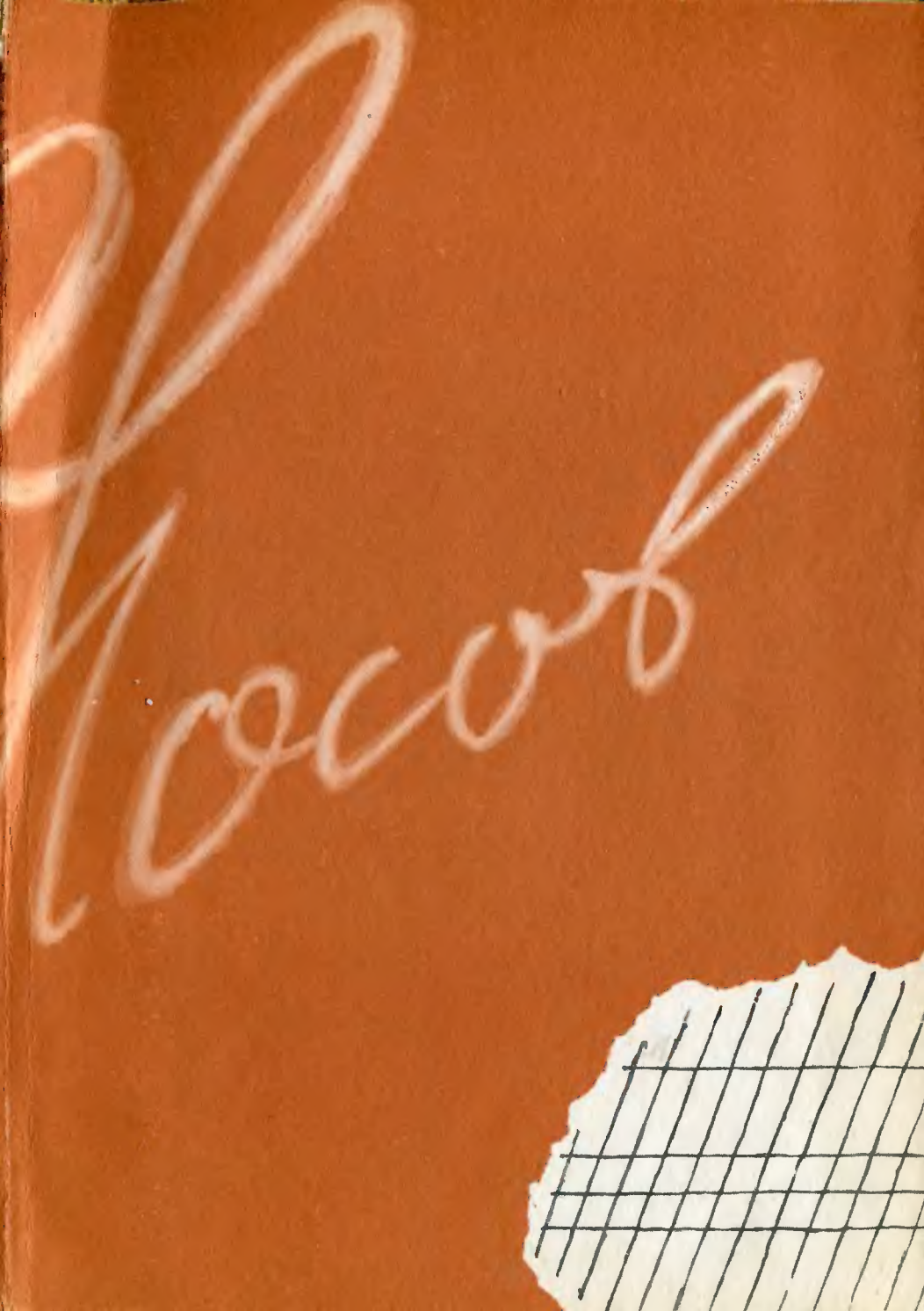

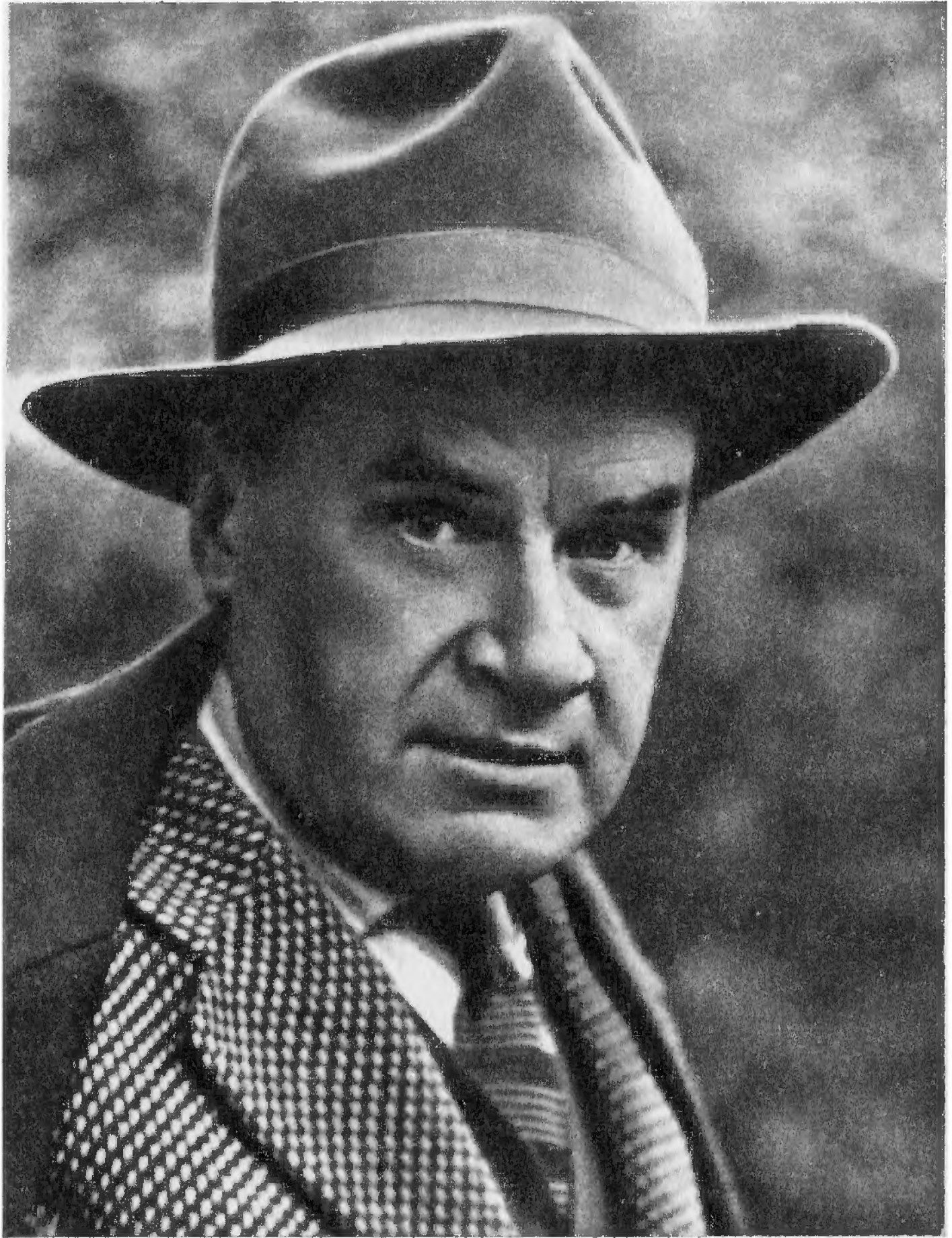
Собрание сочинений

[Faint, illegible cursive handwriting in light brown ink on a textured orange-brown background.]

H. H. Jacob

Москва.

«Детская
литература»

.1979.

НИКОЛАЙ

Н

Ю

*Собрание сочинений
в четырёх томах*

Рассказы и сказки. Повести.

О В

ТОМ

Н84

Р2

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

*Н. В. Свиридов, А. Г. Алексин,
С. П. Алексеев, А. А. Виноградов*

Н 70802—423 Подп. изд.
М101(03)79

© Состав. Вступительная статья. Оформление.
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1979 г.

ВОЛШЕБНИК И ДРУГ ДЕТЕЙ

Волшебники, как известно, бывают разные: добрые или злые. Николай Николаевич Носов был волшебником потому, что владел таинственным «золотым ключиком» к сердцам миллионов маленьких граждан нашей страны и всей планеты: книги его переведены на десятки языков мира, они совершили путешествие по всем континентам. И он был не просто добрым волшебником, а, я бы сказал, добрейшим. Да ещё и весёлым!

Некоторые наивные люди думают, что «весело» и «несерьёзно» — это одно и то же. О, как они ошибаются! Именно юмор, занимательность — это, как не раз говорилось, кратчайшее расстояние между самыми серьёзными проблемами и сознанием юного человека. Под обложками книг Николая Носова, словно под крышами гостеприимных домов, поселились неутомимые фантазёры.

Кстати, именно так — «Фантазёры» — назывался один из великолепных сборников писателя. Но и сам он, как все настоящие волшебники, был редкостным фантазёром: как раз его фантазия и подарила всем нам знаменитого Незнайку со всеми увлекательнейшими его путешествиями и в кругу друзей, и в Солнечном городе, и на Луне. Вроде бы просто смешное, приключенческое произведение... Но нет! В этой весёлой трилогии рассказано о важнейших проблемах, которые беспокоят не только юных, но и взрослых, в ней писатель выступает против того, что чуждо законам нашего государства, что чуждо сердцам честных людей. Помните мудрые пушкинские строки:

Сказка — ложь, да в ней намёк,
Добрым молодцам урок!

Многим, очень многим добрым молодцам и молодым романам-сказкам Николая Носова про Незнайку преподали бесценные уроки — нравственные и даже политические! Они воспевают силу человеческого разума, стремление к знаниям, справед-

ливость, истинную свободу. Вот видите, как много полезного могут свершить остроумные книги, если юмор в них живёт не сам по себе, а является верным средством для достижения благородных художественных и воспитательных целей!

Произведения про Незнайку столь значительны и поучительны (хотя в них нет и намёка на унылые назидания!), что они были удостоены Государственной премии РСФСР имени Н. К. Крупской.

Но творческая дорога Николая Николаевича началась не с Незнайки... Он хотел быть «знайкой» в самом истинном значении этого слова — и поэтому испытал в жизни не одну профессию. Был он и кинорежиссёром... В годы минувшей войны будущий писатель создавал кинофильмы для Советской Армии — и был награждён за это боевым орденом Красной Звезды.

Можно сказать, что светом красной звезды было озарено всё его творчество, ибо произведениями своими он воспитывал людей, до конца верных социалистическому Отечеству.

Сперва появились рассказы для детей. Один из них назывался «Ступеньки»... Помню, Лев Кассиль сказал однажды, что так вот, начав со «Ступенек», Николай Носов зашагал по высоким ступеням талантливой литературы. И достиг он завидных вершин большого, заслуженного успеха, завоевал любовь читателей всех возрастов. Потому что полюбили его не только ребята, но и их мамы и папы, бабушки и дедушки. Да и как было не полюбить: писатель-волшебник помогал взрослым растить детей настоящими гражданами, патриотами нашей Советской Отчизны.

Потом появились повести «Весёлая семейка», «Дневник Коли Синицына».

Весёлая «семейка» произведений Н. Носова становилась дружной, прекрасной семьёй, известной каждому ребёнку в стране.

Государственной премией СССР была отмечена повесть «Витя Малеев в школе и дома». Хотя в ней не раз упоминаются двойки и прочие школьные отметки, но не о них произведение выдающегося мастера детской литературы, а о том, что без знаний не может быть полноценного и, как мы говорим, гармонично развитого человека: ни на земле, ни на воде, ни в космосе ничего без них не добьёшься! И ещё повесть про Витю Малеева утверждает, что в борьбе за знания нужно быть волевым, сильным, настойчивым.

После этого произведения можно было с уверенностью сказать, что высокоталантливое творчество Николая Носова получило всенародное и международное признание: я уже писал, что трудно найти страну, где бы детские книжки издавались, а носовских книг не было. Недаром Валентин Катаев писал: «Носов — умный, вдумчивый художник, полный неистощимого юмора, автор поистине классических книг: «Весёлая семейка», «Дневник Коли Синицына», «Витя Малеев в школе и дома», «Приключения Незнайки» и множества маленьких шедевров в две-три странички, каждый из которых блесит, как яркая жемчужина в довольно объёмистом ларце нашей детской литературы».

«Повесть о моём друге Игоре»... Так назвал писатель произведение, посвящённое годам становления характера его внука. Но книга могла бы быть названа и повестью о «друге Ване», или «друге Пете», или «друге Серёже», или «подруге Кате», ибо каждый мальчишка и каждая девчонка узнают на её страницах черты своих характеров, встретятся со своими радостями и бедами, со своими мечтами и надеждами. Произведение, написанное вроде бы об одном юном человеке, стало произведением о многих представителях юного поколения.

Жизнь Николая Носова, полная творческих поисков и открытий, сама по себе была удивительной, волнующей повестью. Не раз на читательских конференциях его просили: «Расскажите, пожалуйста, о себе!» И он откликнулся на эту просьбу биографической повестью «Тайна на дне колодца».

В Доме детской книги мне показали однажды, сколько писем приходит на имя писателя-волшебника. Тысячи!.. А ведь пишут только тому, кому верят, с кем хотят поделиться самым сокровенным, с кем хотят посоветоваться. Ответить всем своим читателям по почте Николай Николаевич, конечно, не мог. И автобиографическая повесть стала как бы его ответным письмом всем юным и взрослым читателям.

Почти сорок лет отдал Николай Николаевич Носов благороднейшему делу воспитания дорогих наших мальчишек и девчонок. Это был труд неустанный... Недаром орден Трудового Красного Знамени и другие высокие правительственные награды за труд сияли на его груди рядом с боевым орденом Красной Звезды.

Мне выпала радость дружить с Николаем Николаевичем... Книги с его автографами я храню как святыню. Помню беседы с ним, которые всегда дарили мне глубокие раздумья о ранней

поре человеческой жизни, которая определяет и путь и будущее, о добре, которое должно повсюду торжествовать, и о зле, которое везде должно быть побеждено... Во имя этого торжества и во имя этой победы жил на земле Николай Николаевич Носов.

Потом болезнь поборол его физические силы... Но писатель — это прежде всего его творчество. Умные, весёлые, мастерски написанные книги Николая Носова продолжают путь по нашей земле и по всему белому свету. Значит, и жизнь писателя-волшебника продолжается!

Говорят, что грядущее юного человека, его будущие «взрослые» годы во многом зависят от того, какие книги он прочитал в детстве, с какими литературными героями сдружился. Тот, кто сдружился с книгами Николая Николаевича Носова, станет Человеком с заглавной буквы — отважным, жизнерадостным, беззаветно любящим нашу Родину. Спасибо за это замечательному художнику слова, добрейшему волшебнику и другу детей!

Анатолий Алексин

Рассказы
и сказки

МИШКИНА КАША

Один раз, когда я жил с мамой на даче, ко мне в гости приехал Мишка. Я так обрадовался, что и сказать нельзя! Я очень по Мишке соскучился. Мама тоже была рада его приезду.

— Это очень хорошо, что ты приехал,— сказала она.— Вам вдвоём здесь веселей будет. Мне, кстати, завтра надо в город поехать. Я, может быть, задержусь. Проживёте тут без меня два дня?

— Конечно, проживём,— говорю я.— Мы не маленькие!

— Только вам тут придётся самим обед готовить. Сумеете?

— Сумеем,— говорит Мишка.— Чего там не суметь!

— Ну, сварите суп и кашу. Кашу ведь просто варить.

— Сварим и кашу. Чего там её варить! — говорит Мишка.
Я говорю:

— Ты смотри, Мишка, а вдруг не сумеем! Ты ведь не варил раньше.

— Не беспокойся! Я видел, как мама варит. Сыт будешь, не помрёшь с голоду. Я такую кашу сварю, что пальцы оближешь!

Наутро мама оставила нам хлеба на два дня, варенья, чтобы мы чай пили, показала, где какие продукты лежат, объяснила, как варить суп и кашу, сколько крупы положить, сколько чего. Мы всё слушали, только я ничего не запомнил. «Зачем,— думаю,— раз Мишка знает».

Потом мама уехала, а мы с Мишкой решили пойти на реку рыбу ловить. Наладили удочки, накопили червей.

— Постой,— говорю я.— А обед кто будет варить, если мы на реку уйдём?

— Чего там варить! — говорит Мишка.— Одна возня! Съедем весь хлеб, а на ужин сварим кашу. Кашу можно без хлеба есть.

Нарезали мы хлеба, намазали его вареньем и пошли на реку. Сначала выкупались, потом разлеглись на песке. Греемся на солнышке и хлеб с вареньем жуём. Потом стали рыбу ловить. Только рыба плохо клевала: поймали всего с десяток пескариков. Целый день мы на реке проболтались. К вечеру вернулись домой. Голодные!

— Ну, Мишка,— говорю,— ты специалист. Что варить будем? Только такое, чтоб побыстрей. Есть очень хочется.

— Давай кашу,— говорит Мишка.— Кашу проще всего.

— Ну что ж, кашу так кашу.

Растопили плиту. Мишка насыпал в кастрюлю крупы. Я говорю:

— Сыпь побольше. Есть очень хочется!

Он насыпал полную кастрюлю и воды налил доверху.

— Не много ли воды? — спрашиваю.— Размазня получится.

— Ничего, мама всегда так делает. Ты только за печкой смотри, а я уж сварю, будь спокоен.

Ну, я за печкой смотрю, дрова подкладываю, а Мишка кашу варит, то есть не варит, а сидит да на кастрюлю смотрит, она сама варится.

Скоро стемнело, мы зажгли лампу. Сидим и ждём, когда каша сварится. Вдруг смотрю: крышка на кастрюле приподнялась и из-под неё каша лезет.

— Мишка,— говорю,— что это? Почему каша лезет?

— Куда?

— Шут её знает куда! Из кастрюли лезет!

Мишка схватил ложку и стал кашу обратно в кастрюлю впихивать. Мял её, мял, а она будто пухнет в кастрюле, так и вываливается наружу.

— Не знаю,— говорит Мишка,— с чего это она вылезать вздумала. Может быть, готова уже?

Я взял ложку, попробовал: крупа совсем твёрдая.

— Мишка,— говорю,— куда же вода девалась? Совсем сухая крупа!

— Не знаю,— говорит.— Я много воды налил. Может быть, дырка в кастрюле?

Стали мы кастрюлю осматривать: никакой дырки нет.

— Наверно, испарилась,— говорит Мишка.— Надо ещё подлить.

Он переложил лишнюю крупу из кастрюли в тарелку и подлил в кастрюлю воды. Стали варить дальше. Варили, варили — смотрим, опять каша наружу лезет.

— Ах, чтоб тебя! — говорит Мишка.— Куда же ты лезешь?

Схватил ложку, опять стал лишнюю крупу откладывать. Отложил и снова бух туда кружку воды.

— Вот видишь,— говорит,— ты думал, что воды много, а её ещё подливать приходится.

Варим дальше. Что за комедия! Опять вылезает каша.

Я говорю:

— Ты, наверно, много крупы положил. Она разбухает, и ей тесно в кастрюле становится.

— Да,— говорит Мишка,— кажется, я немного много крупы переложил. Это всё ты виноват: «Клади, говорит, побольше. Есть хочется!»

— А откуда я знаю, сколько надо класть? Ты ведь говорил, что умеешь варить.

— Ну и сварю, не мешай только.

— Пожалуйста, не буду тебе мешать.

Отошёл я в сторонку, а Мишка варит, то есть не варит, а только и делает, что лишнюю крупу в тарелки перекладывает. Весь стол уставил тарелками, как в ресторане, и всё время воды подливает.

Я не вытерпел и говорю:

— Ты что-то не так делаешь. Так ведь до утра можно варить!

— А что ты думаешь, в хорошем ресторане всегда обед с вечера варят, чтоб наутро поспел.

— Так то,— говорю,— в ресторане! Им спешить некуда, у них еды много всякой.

— А нам-то куда спешить?

— Нам надо поесть да спать ложиться. Смотри, скоро двенадцать часов.

— Успеешь,— говорит,— выспаться.

И снова бух в кастрюлю кружку воды. Тут я понял, в чём дело.

— Ты,— говорю,— всё время холодную воду льёшь, как же она может свариться!

— А как, по-твоему, без воды, что ли, варить?

— Выложить,— говорю,— половину крупы и налить воды сразу побольше, и пусть себе варится.

Взял я у него кастрюлю, вытряхнул из неё половину крупы.

— Наливай,— говорю,— теперь воды доверху.

Мишка взял кружку, полез в ведро.

— Нету,— говорит,— воды. Вся вышла.

— Что же мы делать будем? Как за водой идти, темнота какая! — говорю.— И колодца не увидишь.

— Чепуха! Сейчас принесу.

Он взял спички, привязал к ведру верёвку и пошёл к колодцу. Через минуту возвращается.

— А вода где? — спрашиваю.

— Вода... там, в колодце.

— Сам знаю, что в колодце. Где ведро с водой?

— И ведро, — говорит, — в колодце.

— Как — в колодце?

— Так, в колодце.

— Упустил?

— Упустил.

— Ах ты, — говорю, — размазня! Ты что ж, нас уморить голодом хочешь? Чем теперь воды достать?

— Чайником можно.

Я взял чайник и говорю:

— Давай верёвку.

— А её нет, верёвки.

— Где же она?

— Там.

— Где — там?

— Ну... в колодце.

— Так ты, значит, с верёвкой ведро упустил?

— Ну да.

Стали мы другую верёвку искать. Нет нигде.

— Ничего, — говорит Мишка, — сейчас пойду попрошу у соседей.

— С ума, — говорю, — сошёл! Ты посмотри на часы: соседи спят давно.

Тут, как нарочно, обоим нам пить захотелось; кажется, сто рублей за кружку воды отдал бы! Мишка говорит:

— Это всегда так бывает: когда нет воды, так ещё больше пить хочется. Поэтому в пустыне всегда пить хочется, потому что там нет воды.

Я говорю:

— Ты не рассуждай, а ищи верёвку.

— Где же её искать? Я везде смотрел. Давай леску от удочки привяжем к чайнику.

— А леска выдержит?

— Может быть, выдержит.

— А если не выдержит?

— Ну, если не выдержит, то... оборвётся...

— Это и без тебя известно.

Размотали мы удочку, привязали к чайнику леску и пошли к колодцу. Я опустил чайник в колодец и набрал воды. Леска натянулась, как струна, вот-вот лопнет.

— Не выдержит! — говорю. — Я чувствую.

— Может быть, если поднимать осторожно, то выдержит, — говорит Мишка.

Стал я поднимать потихоньку. Только приподнял над водой, плюх — и нет чайника.

— Не выдержала? — спрашивает Мишка.

— Конечно, не выдержала. Чем теперь доставать воду?

— Самоваром, — говорит Мишка.

— Нет, уж лучше самовар просто бросить в колодец, по крайней мере возиться не надо. Верёвки-то нет.

— Ну, кастрюлей.

— Что у нас, — говорю, — по-твоему, кастрюльный магазин?

— Тогда стаканом.

— Это сколько придётся возиться, пока стаканом воды носишь!

— Что же делать? Надо ведь кашу доваривать. И пить до зарезу хочется.

— Давай, — говорю, — кружкой. Кружка всё-таки больше стакана.

Пришли домой, привязали леску к кружке так, чтоб она не переворачивалась. Вернулись к колодцу. Вытащили по кружке воды, напились. Мишка говорит:

— Это всегда так бывает. Когда пить хочется, так кажется, что целое море выпьешь, а когда станешь пить, так одну

кружку выпьешь и больше уже не хочется, потому что люди от природы жадные...

Я говорю:

— Нечего тут на людей наговаривать! Тащи лучше кастрюлю с кашей сюда, мы прямо в неё воды натаскаем, чтоб не бегать двадцать раз с кружкой.

Мишка принёс кастрюлю и поставил на край колодца. Я её не заметил, зацепил локтем и чуть не толкнул в колодец.

— Ах ты, растяпа! — говорю. — Зачем мне кастрюлю под локоть сунул? Возьми её в руки и держи крепче. И отойди от колодца подальше, а не то и каша полетит в колодец.

Мишка взял кастрюлю и отошёл от колодца. Я натаскал воды.

Пришли мы домой. Каша у нас остыла, печь погасла. Растопили мы снова печь и опять принялись кашу варить. Наконец она у нас закипела, сделалась густая и стала пыхтеть. «Пых, пых!»

— О! — говорит Мишка. — Хорошая каша получилась, знатная!

Я взял ложку, попробовал:

— Тьфу! Что это за каша! Горькая, несолёная и воняет гарью.

Мишка тоже хотел попробовать, но тут же выплюнул.

— Нет, — говорит, — умирать буду а такую кашу не стану есть!

— Такой каши наешься, и умереть можно! — говорю я.

— Что ж делать?

— Не знаю.

— Чудаки мы! — говорит Мишка — У нас же пескари есть!

Я говорю:

— Некогда теперь уже с пескарями возиться! Скоро светать начнёт.

— Так мы их варить не будем, а зажарим. Это ведь быстро — раз, и готово.

— Ну давай,— говорю,— если быстро. А если будет как каша, то лучше не надо.

— В один момент, вот увидишь.

Мишка почистил пескарей и положил на сковородку. Сковородка нагрелась, пескари и прилипли к ней. Мишка стал отдирать пескарей от сковородки ножом, все бока ободрал им.

— Умник! — говорю.— Кто же рыбу без масла жарит!

Мишка взял бутылку с подсолнечным маслом. Налил масла на сковородку и сунул в печь прямо на горячие угли, чтоб поскорее зажарились. Масло зашипело, затрещало и вдруг вспыхнуло на сковородке пламенем. Мишка вытащил сковородку из печки — масло на ней пылает. Я хотел водой залить, а воды у нас во всём доме ни капли нет. Так оно и горело, пока всё масло не выгорело. В комнате дым и смрад, а от пескарей одни угольки остались.

— Ну,— говорит Мишка,— что теперь жарить будем?

— Нет,— говорю я,— больше я тебе ничего жарить не дам. Мало того, что ты продукты испортишь, так ты ещё пожар устроишь. Из-за тебя весь дом сгорит. Довольно!

— Что же делать? Есть-то ведь хочется!

Попробовали мы сырую крупу жевать — противно. Попробовали сырой лук — горько. Масло попробовали без хлеба есть — тошно. Нашли банку из-под варенья. Ну, мы её вылизали и легли спать. Уже совсем поздно было.

Наутро проснулись голодные. Мишка сразу полез за крупой, чтоб варить кашу. Я как увидел, так меня даже в дрожь бросило.

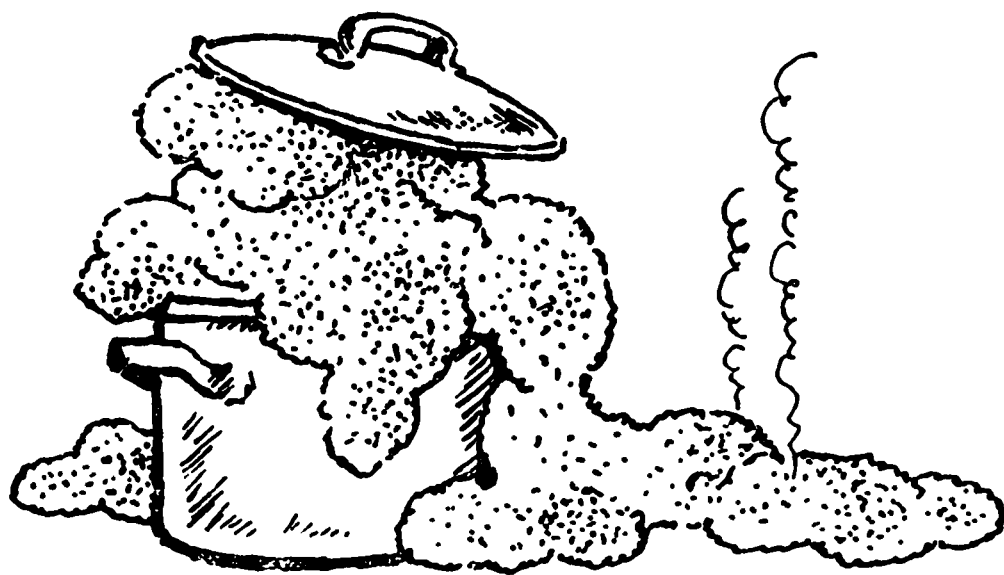
— Не смей! — говорю.— Сейчас я пойду к хозяйке, тёте Наташе, попрошу, чтобы она нам кашу сварила.

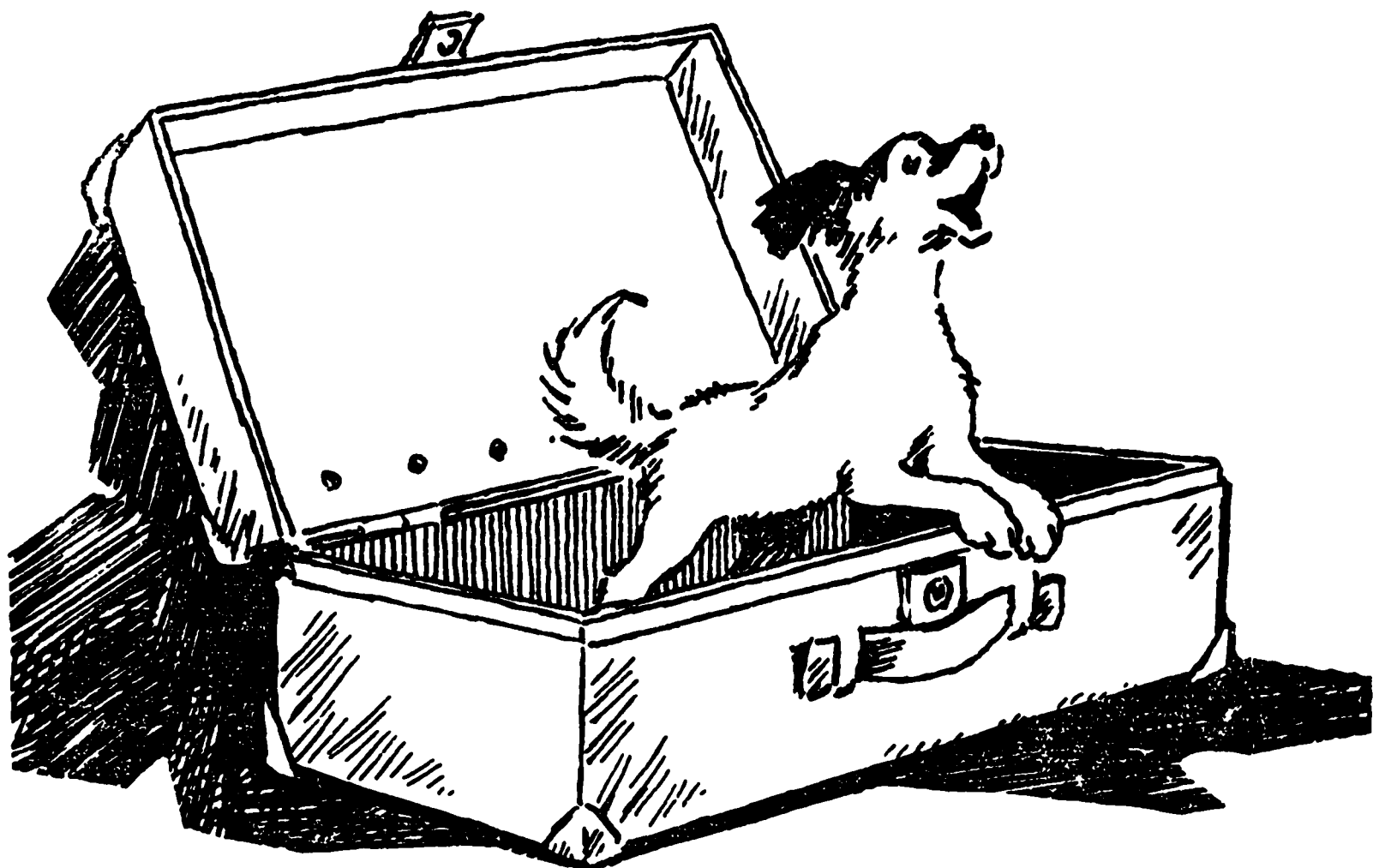
Мы пошли к тёте Наташе, рассказали ей всё, обещали, что мы с Мишкой все сорняки у неё на огороде выполем, только пусть она поможет нам кашу сварить. Тётя Наташа сжалилась над нами: напоила нас молоком, дала пирогов с капустой, а потом усадила завтракать. Мы всё ели и ели, так что тёти Наташин Вовка на нас удивлялся, какие мы голодные были.

Наконец мы наелись, попросили у тёти Наташи верёвку и пошли доставать из колодца ведро и чайник. Много мы провозились и, если бы Мишка не придумал подкову к верёвке привязать, так бы ничего и не достали. А подковой, как крючком, подцепили и ведро и чайник. Ничего не пропало — всё вытащили. А потом мы с Мишкой и Вовкой сорняки на огороде пололи.

Мишка говорил:

— Сорняки — это чепуха! Совсем нетрудное дело. Гораздо легче, чем кашу варить!

ДРУЖОК

Замечательно нам с Мишкой жилось на даче! Вот где было раздолье! Делай что хочешь, иди куда хочешь. Можешь в лес за грибами ходить или за ягодами или купаться в реке, а не хочешь купаться — так лови рыбу, и никто тебе слова не скажет. Когда у мамы кончился отпуск и нужно было собираться обратно в город, мы даже загрустили с Мишкой. Тётя Наташа заметила, что мы оба ходим как в воду опущенные, и стала уговаривать маму, чтоб мы с Мишкой остались ещё пожить. Мама согласилась и договорилась с тётей Наташей, чтоб она нас кормила и всякое такое, а сама уехала.

Мы с Мишкой остались у тёти Наташи. А у тёти Наташи была собака, Дианка. И вот как раз в тот день, когда мама уехала, Дианка вдруг ощенилась: шестерых щенков принесла. Пятеро чёрных с рыжими пятнами и один — совсем рыжий,

только одно ухо у него было чёрное. Тётя Наташа увидела щенков и говорит:

— Чистое наказание с этой Дианкой! Каждое лето она щенков приносит! Что с ними делать, не знаю. Придётся их утопить.

Мы с Мишкой говорим:

— Зачем топить? Они ведь тоже хотят жить. Лучше отдать соседям.

— Да соседи не хотят брать, у них своих собак полно, — сказала тётя Наташа. — А мне ведь тоже не надо столько собак.

Мы с Мишкой стали просить.

— Тётечка, не надо их топить! Пусть они подрастут немножечко, а потом мы сами их кому-нибудь отдадим.

Тётя Наташа согласилась, и щеночки остались. Скоро они подросли, стали бегать по двору и лаять: «Тяф! Тяф!» — совсем как настоящие псы. Мы с Мишкой по целым дням играли с ними.

Тётя Наташа несколько раз напоминала нам, чтоб мы раздали щенков, но нам было жалко Дианку. Ведь она станет скучать по своим детям, думали мы.

— Зря я вам поверила, — сказала тётя Наташа. — Теперь я вижу, что все щенки останутся у меня. Что я буду делать с такой оравой собак? На них одного корму сколько надо!

Пришлось нам с Мишкой браться за дело. Ну и помучились же мы! Никто не хотел брать щенков. Несколько дней подряд мы таскали их по всему посёлку и насилу пристроили трёх щенков. Ещё двоих мы отнесли в соседнюю деревню. У нас остался один щенок, тот, который был рыжий с чёрным ухом. Нам он больше всех нравился. У него была такая милая морда и очень красивые глаза, такие большие, будто он всё время чему-нибудь удивлялся. Мишка никак не хотел расставаться с этим щенком и написал своей маме такое письмо:

«Милая мамочка! Разреши мне держать щеночка маленького. Он очень красивый, весь рыжий, а ухо чёрное, и я его

очень люблю. За это я тебя всегда буду слушаться, и буду хорошо учиться, и щеночка буду учить, чтоб из него выросла хорошая, большая собака».

Мы назвали щеночка Дружком. Мишка говорил, что купит книжку о том, как дрессировать собак, и будет учить Дружка по книжке.

* * *

Прошло несколько дней, а от Мишкиной мамы так и не пришло ответа. То есть пришло письмо, но в нём совсем ничего про Дружка не было. Мишкина мама писала, чтобы мы приезжали домой, потому что она беспокоится, как мы тут живём одни.

Мы с Мишкой в тот же день решили ехать, и он сказал, что повезёт Дружка без разрешения, потому что он ведь не виноват, раз письмо не дошло.

— Как же вы повезёте своего щенка? — спросила тётя Наташа. — Ведь в поезде не разрешают возить собак. Увидит кондуктор и оштрафует.

— Ничего, — говорит Мишка, — мы его в чемодан спрячем, никто и не увидит.

Мы переложили из Мишкиного чемодана все вещи ко мне в рюкзак, просверлили в чемодане дырки гвоздём, чтоб Дружок в нём не задохнулся, положили туда краюшку хлеба и кусок жареной курицы на случай, если Дружок проголодается, а Дружка посадили в чемодан и пошли с тётей Наташей на станцию.

Всю дорогу Дружок сидел в чемодане молча, и мы были уверены, что довезём его благополучно. На станции тётя Наташа пошла взять нам билеты, а мы решили посмотреть, что делает Дружок. Мишка открыл чемодан. Дружок спокойно лежал на дне и, задрав голову кверху, жмурил глаза от света.

— Молодец Дружок! — радовался Мишка. — Это такой умный пёс!.. Понимает, что мы его везём тайком.

Мы погладили Дружка и закрыли чемодан. Скоро подошёл поезд. Тётя Наташа посадила нас в вагон, и мы попрощались с ней. В вагоне мы выбрали для себя укромное местечко. Одна лавочка была совсем свободна, а напротив сидела старушка и дремала. Больше никого не было. Мишка сунул чемодан под лавку. Поезд тронулся, и мы поехали.

* * *

Сначала всё шло хорошо, но на следующей станции стали садиться новые пассажиры. К нам подбежала какая-то длинноногая девчонка с косичками и затрещала, как сорока:

— Тётя Надя! Дядя Федя! Идите сюда! Скорее, скорее, здесь места есть!

Тётя Надя и дядя Федя пробрались к нашей лавочке.

— Сюда, сюда! — трещала девчонка. — Садитесь! Я вот здесь сяду с тётей Надечкой, а дядечка Федечка пусть сядет рядом с мальчиками.

— Не шуми так, Леночка, — сказала тётя Надя.

И они вместе сели напротив нас, рядом со старушкой, а дядя Федя сунул свой чемодан под лавку и сел рядом с нами.

— Ой, как хорошо! — захлопала в ладоши Леночка. — С одной стороны три дяденьки сидят, а с другой — три тётеньки.

Мы с Мишкой отвернулись и стали смотреть в окно. Сначала всё было тихо, только колёса постукивали. Потом под лавкой слышался шорох и начало что-то скрестись, словно мышь.

— Это Дружок! — зашептал Мишка. — А что, если кондуктор придёт?

— Ничего, может быть, он и не услышит.

— А если Дружок лаять начнёт?

Дружок потихоньку скрёбся, будто хотел проскрести в чемодане дырку.

— Ай, мамочка, мышь! — завизжала эта егоза Леночка и стала поджимать под себя ноги.

— Что ты выдумываешь! — сказала тётя Надя. — Откуда тут мышь?

— А вот послушай! Послушай!

Тут Мишка изо всех сил стал кашлять и толкать чемодан ногой. Дружок на минуту успокоился, потом потихоньку заснул. Все удивлённо переглянулись, а Мишка поскорей стал тереть по стеклу пальцем так, чтоб стекло визжало. Дядя Федя посмотрел на Мишку строго и сказал:

— Мальчик, перестань! Это на нервы действует.

В это время сзади кто-то заиграл на гармошке, и Дружка не стало слышно. Мы обрадовались. Но гармошка скоро утихла.

— Давай будем песни петь! — шепчет Мишка.

— Неудобно, — говорю я.

— Ну, давай громко стихи читать.

— Ну, давай. Начинай.

Из-под лавки раздался писк. Мишка закашлял и поскорее начал стихи:

Травка зеленеет, солнышко блестит,
Ласточка с весною в сени к нам летит.

В вагоне раздался смех. Кто-то сказал:

— На дворе скоро осень, а у нас тут весна начинается!

Леночка стала хихикать и говорить:

— Какие мальчишки смешные! То скребутся, как мыши, то по стеклу пальцами скрипят, то стихи читают.

Но Мишка ни на кого не обращал внимания. Когда это стихотворение кончилось, он начал другое и отбивал такт ногами:

Как мой садик свеж и зелен!
Распустилась в нём сирень.
От черёмухи душистой
И от лип кудрявых тень.

— Ну, вот и лето пришло: сирень, видите ли, распустилась! — шутили пассажиры.

А у Мишки без всякого предупреждения грянула зима:

Зима!.. Крестьянин, торжествуя,
На дровнях обновляет путь;
Его лошадка, снег почуя,
Плетётся рысью как-нибудь...

А потом почему-то всё пошло шиворот-навыворот и после зимы наступила вдруг осень:

Скучная картина!
Тучи без конца.
Дождик так и льётся,
Лужи у крыльца.

Тут Дружок жалобно завыл в чемодане, и Мишка закричал что было силы:

Что ты рано в гости,
Осень, к нам пришла?
Ещё просит сердце
Света и тепла!

Старушка, которая дремала напротив, проснулась, закивала головой и говорит:

— Верно, деточка, верно! Рано осень к нам пришла. Ещё ребятишкам погулять хочется, погреться на солнышке, а тут осень! Ты, миленький, хорошо стишки говоришь, хорошо!

И она принялась гладить Мишку по голове. Мишка незаметно толкнул меня под лавкой ногой, чтоб я продолжал чтение, а у меня, как нарочно, все стихи выскочили из головы, только одна песня вертелась. Недолго раздумывая, я гаркнул что было силы на манер стихов:

Ах вы сени, мои сени!
Сени новые мои!
Сени новые, кленовые, решётчатые!

Дядя Федя поморщился:

— Вот наказание! Ещё один исполнитель нашёлся!

А Леночка надула губки и говорит:

— Фи! Нашёл что читать! Какие-то сени!

А я отбарабанил эту песню два раза подряд и принялся за другую:

Сижу за решёткой, в темнице сырой,
Вскормлённый в неволе орёл молодой...

— Вот бы тебя засадить куда-нибудь, чтоб ты не портил людям нервы! — проворчал дядя Федя.

— Ты не волнуйся,— говорила ему тётя Надя.— Ребята стишки повторяют, что тут такого!

Но дядя Федя всё-таки волновался и тёр рукой лоб, будто у него голова болела. Я замолчал, но тут Мишка пришёл на помощь и стал читать с выражением:

Тиха украинская ночь.
Прозрачно небо, звёзды блещут...

— О! — засмеялись в вагоне.— На Украину попал! Куда-то ещё залетит?

На остановке вошли новые пассажиры:

— Ого, да тут стихи читают! Весело будет ехать.

А Мишка уже путешествовал по Кавказу:

Кавказ подо мною, один в вышине
Стою над снегами у края стремнины...

Так он объехал чуть ли не весь свет и попал даже на Север. Там он охрип и снова стал толкать меня под лавкой ногой. Я никак не мог припомнить, какие ещё бывают стихи, и опять принялся за песню:

Всю-то я вселенную проехал.
Нигде я милой не нашёл...

Леночка засмеялась:

— А этот всё какие-то песни читает!

— А я виноват, что Мишка все стихи перечитал? — сказал я и принялся за новую песню:

Голова ль ты моя удалая,
Долго ль буду тебя я носить?

— Нет, братец, — проворчал дядя Федя, — если будешь так донимать всех своими стихами, то не сносить тебе головы!

Он опять принялся тереть рукой лоб, потом взял из-под лавки чемодан и вышел на площадку.

Поезд подходил к городу. Пассажиры зашумели, стали брать свои вещи и толпиться у выхода. Мы тоже схватили чемодан и рюкзак и стали пролезать на площадку. Поезд остановился. Мы вылезли из вагона и пошли домой. В чемодане было тихо.

— Смотри, — сказал Мишка, — когда не надо, так он молчит, а когда надо было молчать, он всю дорогу скулил.

— Надо посмотреть — может, он там задохнулся? — говорю я.

Мишка поставил чемодан на землю, открыл его... и мы остолбенели: Дружка в чемодане не было! Вместо него лежали какие-то книжки, тетради, полотенце, мыло, очки в роговой оправе, вязальные спицы.

— Что это? — говорит Мишка. — Куда же Дружок делся? Тут я понял, в чём дело.

— Стой! — говорю. — Да это ведь не наш чемодан!

Мишка посмотрел и говорит:

— Верно! В нашем чемодане были дырки просверлены, и, потом, наш был коричневый, а этот рыжий какой-то. Ах я разиня! Схватил чужой чемодан!

— Бежим скорее обратно, может быть, наш чемодан так и стоит под лавкой, — сказал я.

Прибежали мы на вокзал. Поезд ещё не ушёл. А мы забыли,

в каком вагоне ехали. Стали бегать по всем вагонам и заглядывать под лавки. Обыскали весь поезд. Я говорю:

— Наверно, его забрал кто-нибудь.

— Давай ещё раз пройдем по вагонам,— говорит Мишка.

Мы ещё раз обыскали все вагоны. Ничего не нашли. Стоим с чужим чемоданом и не знаем, что делать. Тут пришёл проводник и прогнал нас.

— Нечего,— говорит,— по вагонам шнырять!

Пошли мы домой. Я зашёл к Мишке, чтобы выгрузить из рюкзака его вещи. Мишкина мама увидела, что он чуть не плачет, и спрашивает:

— Что с тобой?

— Дружок пропал!

— Какой дружок?

— Ну, щенок. Не получала письма разве?

— Нет, не получала.

— Ну вот! А я писал.

Мишка стал рассказывать, какой хороший был Дружок, как мы его везли и как он потерялся. Под конец Мишка расплакался, а я ушёл домой и не знаю, что было дальше.

* * *

На другой день Мишка приходит ко мне и говорит:

— Знаешь, теперь выходит — я вор!

— Почему?

— Ну, я ведь чужой чемодан взял.

— Ты ведь по ошибке.

— Вор тоже может сказать, что он по ошибке.

— Тебе ведь никто не говорит, что ты вор.

— Не говорит, а всё-таки совестно. Может быть, тому человеку этот чемодан нужен. Я должен вернуть.

— Да как же ты найдёшь этого человека?

— А я напишу записки, что нашёл чемодан, и расклею по всему городу. Хозяин увидит записку и придёт за своим чемоданом.

— Правильно! — говорю я.

— Давай записки писать.

Нарезали мы бумаги и стали писать:

«Мы нашли чемодан в вагоне. Получить у Миши Козлова. Песчаная улица, № 8, кв. 3».

Написали штук двадцать таких записок. Я говорю:

— Давай напишем ещё записки, чтоб нам вернули Дружка. Может быть, наш чемодан тоже кто-нибудь по ошибке взял.

— Наверно, его тот гражданин взял, который с нами в поезде ехал,— сказал Мишка.

Нарезали мы ещё бумаги и стали писать:

«Кто нашёл в чемодане щенка, очень просим вернуть Мише Козлову или написать по адресу: Песчаная улица, № 8, кв. 3».

Написали и этих записок штук двадцать и пошли их по городу расклеивать. Клеили на всех углах, на фонарных столбах... Только записок оказалось мало. Мы вернулись домой и стали ещё записки писать. Писали, писали — вдруг звонок. Мишка побежал открывать. Вошла незнакомая тётенька.

— Вам кого? — спрашивает Мишка.

— Мишу Козлова.

Мишка удивился: откуда она его знает?

— А зачем?

— Я,— говорит,— чемодан потеряла.

— А! — обрадовался Мишка.— Идите сюда. Вот он, ваш чемодан.

Тётенька посмотрела и говорит:

— Это не мой.

— Как — не ваш? — удивился Мишка.

— Мой был побольше, чёрный, а этот рыжий.

— Ну, тогда вашего у нас нет,— говорит Мишка.— Мы другого не находили. Вот когда найдём, тогда пожалуйста.

Тётенька засмеялась и говорит:

— Вы неправильно делаете, ребята. Чемодан надо спрятать и никому не показывать, а если придут за ним, то вы сначала

спросите, какой был чемодан и что в нём лежало. Если вам ответят правильно, тогда отдавайте чемодан. А так ведь вам кто-нибудь скажет: «Мой чемодан», и заберёт, а это и не его вовсе. Всякие люди бывают!

— Верно! — говорит Мишка. — А мы и не сообразили! Тётенька ушла.

— Вот видишь, — говорит Мишка, — сразу подействовало! Не успели мы записки наклеить, а люди уже приходят. Ничего, может быть, и Дружок найдётся!

Мы спрятали чемодан под кровать, но в этот день к нам больше никто не пришёл. Зато на другой день у нас перебивало много народу. Мы с Мишкой даже удивлялись, как много людей теряют свои чемоданы и разные другие вещи. Один гражданин забыл чемодан в трамвае и тоже пришёл к нам, другой забыл в автобусе ящик с гвоздями, у третьего в прошлом году пропал сундук — все шли к нам, как будто у нас было бюро находок. С каждым днём приходило всё больше и больше народу.

— Удивляюсь! — говорил Мишка. — Приходят только те, у которых пропал чемодан или хотя бы сундук, а те, которые нашли чемодан, преспокойно сидят дома.

— А чего им беспокоиться? Кто потерял, тот ищет, а кто нашёл, чего ему ещё ходить?

— Могли бы хоть письмо написать, — говорит Мишка. — Мы бы сами пришли.

* * *

Один раз мы с Мишкой сидели дома. Вдруг кто-то постучал в дверь. Мишка побежал отворять. Оказалось, почтальон. Мишка радостный вбежал в комнату с письмом в руках.

— Может быть, это про нашего Дружка! — сказал он и стал разбирать на конверте адрес, который был написан неразборчивыми каракулями.

Весь конверт был усеян штемпелями и наклейками с надписями.

— Это не нам письмо,— сказал наконец Мишка.— Это маме. Какой-то шибко грамотный человек писал. В одном слове две ошибки сделал: вместо «Песчаная» улица написал «Печная». Видно, письмо долго по городу ходило, пока куда надо дошло... Мама! — закричал Мишка — Тебе письмо от какого-то грамотея!

— Что это за грамотей?

— А вот почитай письмо.

Мама разорвала конверт и стала читать вполголоса:

— «Милая мамочка! Разреши мне держать щеночка маленького. Он очень красивый, весь рыжий, а ухо чёрное, и я его очень люблю...» Что это? — говорит мама.— Это ведь ты писал!

Я засмеялся и посмотрел на Мишку. А он покраснел как варёный рак и убежал.

* * *

Мы с Мишкой потеряли надежду отыскать Дружка, но Мишка часто вспоминал о нём:

— Где он теперь? Какой у него хозяин? Может быть, он злой человек и обижает Дружка? А может быть, Дружок так и остался в чемодане и погиб там от голода? Пусть бы мне не вернули его, а только хоть бы сказали, что он живой и что ему хорошо!

Скоро каникулы кончились, и пришла пора идти в школу. Мы были рады, потому что очень любили учиться и уже соскучились по школе. В этот день мы встали рано-рано, оделись во всё новое и чистое. Я пошёл к Мишке, чтоб разбудить его, и встретился с ним на лестнице. Он как раз шёл ко мне, чтобы разбудить меня.

Мы думали, что в этом году с нами будет заниматься Вера Александровна, которая учила нас в прошлом году, но оказалось, что у нас теперь будет совсем новая учительница, Надежда Викторовна, так как Вера Александровна перешла в другую школу. Надежда Викторовна дала нам расписание

уроков, сказала, какие учебники будут нужны, и стала вызывать нас всех по журналу, чтоб познакомиться с нами. А потом спросила:

— Ребята, вы учили в прошлом году стихотворение Пушкина «Зима»?

— Учили! — загудели все хором.

— Кто помнит это стихотворение?

Все ребята молчали. Я шепчу Мишке:

— Ты ведь помнишь?

— Помню.

— Так поднимай руку!

Мишка поднял руку.

— Ну, выходи на середину и читай, — сказала учительница.

Мишка подошёл к столу и начал читать с выражением:

Зима!.. Крестьянин, торжествуя,
На дровнях обновляет путь;
Его лошадка, снег почуя,
Плетётся рысью как-нибудь...

Он читал всё дальше и дальше, а учительница сначала смотрела на него пристально, потом наморщила лоб, будто вспоминала что-то, потом вдруг протянула к Мишке руку и говорит:

— Постой, постой! Я вспомнила: ты ведь тот мальчик, который ехал в поезде и всю дорогу читал стихи? Верно?

Мишка сконфузился и говорит:

— Верно.

— Ну, садись, а после уроков зайдёшь ко мне в учительскую.

— А стихи не надо кончать? — спросил Мишка.

— Не надо. Я и так вижу, что ты знаешь.

Мишка сел и принялся толкать меня под партой ногой:

— Это она! Та тётянька, которая с нами в поезде ехала. Ещё с нею была девчонка Леночка и дяденька, который сердился. Дядя Федя, помнишь?

— Помню,— говорю.— Я её тоже узнал, как только ты стихи стал читать.

— Ну, что теперь будет? — беспокоился Мишка.— Зачем она меня в учительскую вызвала? Наверно, достанется нам за то, что мы тогда шумели в поезде!

Мы с Мишкой так волновались, что не заметили даже, как занятия кончились. Последними вышли из класса, и Мишка пошёл в учительскую. Я остался ждать его в коридоре. Наконец он оттуда вышел.

— Ну, что тебе учительница сказала? — спрашиваю я.

— Оказывается, мы её чемодан взяли, то есть не её, а того дяденьки. Но это всё равно. Она спросила, не взяли ли мы по ошибке чужой чемодан. Я сказал, что взяли. Она стала расспрашивать, что в этом чемодане было, и узнала, что это их чемодан. Она велела сегодня же принести ей чемодан и дала адрес.

Мишка показал мне бумажку, на которой был записан адрес. Мы поскорей пошли домой, взяли чемодан и отправились по адресу.

Нам открыла дверь Леночка, которую мы видели в поезде.

— Вам кого? — спросила она.

А мы забыли, как звать учительницу.

— Пойдите,— говорит Мишка.— Вот тут на бумажке записано... Надежду Викторовну.

Леночка говорит:

— Вы, наверно, чемодан принесли?

— Принесли.

— Ну, заходите.

Она привела нас в комнату и закричала:

— Тётя Надя! Дядя Федя! Мальчики чемодан принесли!

Надежда Викторовна и дядя Федя вошли в комнату. Дядя Федя открыл чемодан, увидел свои очки и сразу надел их на нос.

— Вот они, мои любимые старые очки! — обрадовался он.—

Как хорошо, что они нашлись! А то я к новым очкам никак не могу привыкнуть.

Мишка говорит:

— Мы ничего не трогали. Всё ждали, когда хозяин отыщется. Мы даже везде объявления наклеили, что нашли чемодан.

— Ну вот! — сказал дядя Федя. — А я никогда не читаю объявлений на стенах. Ну ничего, в следующий раз буду умнее — всегда буду читать.

Леночка куда-то ушла, а потом вернулась в комнату, а за ней бежал щенок. Он был весь рыжий, только одно ухо у него было чёрное.

— Смотри! — прошептал Мишка.

Щенок насторожился, приподнял своё ухо и поглядел на нас.

— Дружок! — закричали мы.

Дружок завизжал от радости, кинулся к нам, принялся прыгать и лаять. Мишка схватил его на руки:

— Дружок! Верный мой пёс! Значит, ты не забыл нас?

Дружок лизал ему щёки, а Мишка целовал его прямо в морду. Леночка смеялась, хлопала в ладоши и кричала:

— Мы его в чемодане с поезда принесли! Мы по ошибке ваш чемодан взяли. Это всё дядечка Федечка виноват!

— Да, — сказал дядя Федя, — это моя вина. Я первый взял ваш чемодан, а потом уж вы мой взяли.

Они отдали нам чемодан, в котором Дружок ехал в поезде. Леночка, видно, очень не хотела расставаться с Дружком. На глазах у неё даже слёзы были. Мишка сказал, что на следующий год у Дианки снова будут щенки, тогда мы выберем самого красивого и привезём ей.

— Обязательно привезите, — сказала Леночка.

Мы попрощались и вышли на улицу. Дружок сидел на руках у Мишки, вертел во все стороны головой, и глаза у него были такие, будто он всему удивлялся. Наверно, Леночка всё время держала его дома и ничего ему не показывала.

Когда мы подошли к дому, у нас на крыльце сидели две тётки и дядька. Они, оказывается, нас ждали.

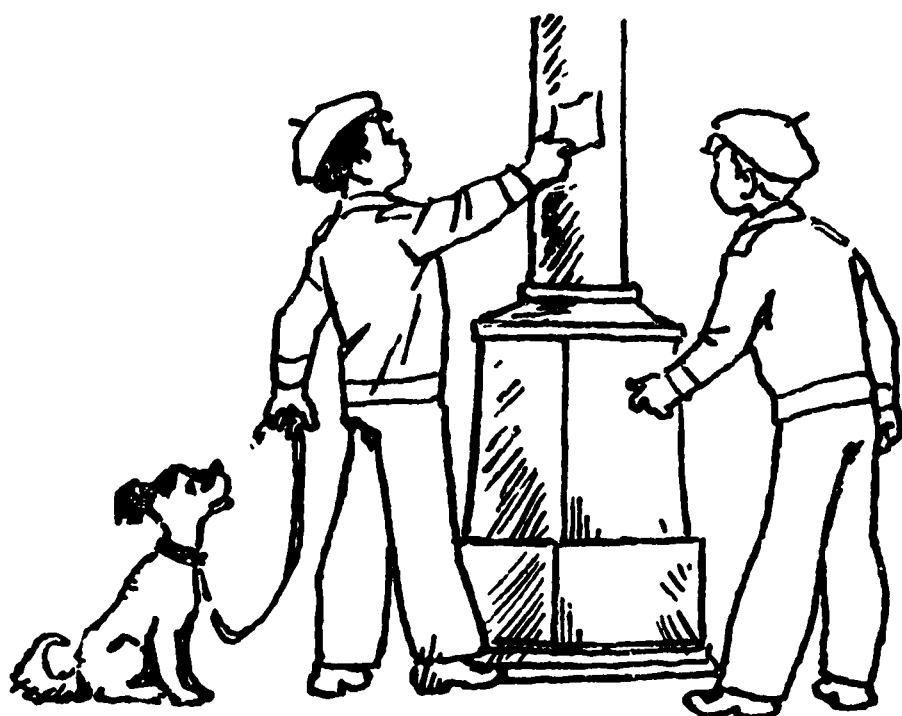
— Вы, наверно, за чемоданом пришли? — спросили мы их.

— Да,— сказали они.— Это вы те ребята, которые чемодан нашли?

— Да, это мы,— говорим мы.— Только никакого чемодана у нас теперь нет. Уже нашёлся хозяин, и мы отдали.

— Так вы бы поснимали свои записки, а то только людей смущаете. Приходится из-за вас даром время терять!

Они поворчали и разошлись. А мы с Мишкой в тот же день обошли все места, где наклеили записки, и ободряли их.

ТЕЛЕФОН

Один раз мы с Мишкой были в игрушечном магазине и увидели замечательную игрушку — телефон. В большой деревянной коробке лежали два телефонных аппарата, две трубки, в которые говорить и слушать, и целая катушка проволоки. Продавщица объяснила нам, что если один телефон поставить в одной квартире, а другой — у соседей и соединить оба аппарата проволокой, то можно переговариваться.

— Вот нам бы купить! Мы как раз соседи, — сказал Мишка. — Хорошая штука! Это не какая-нибудь простая игрушка, которую поломаешь и выбросишь. Это полезная вещь!

— Да, — говорю я, — очень полезная штука! Захотел поговорить, взял трубку — поговорил, и ходить никуда не надо.

— Удобство! — восторгался Мишка. — Сидишь дома и разговариваешь. Замечательно!

Мы с Мишкой решили собирать деньги, чтобы купить телефон. Две недели подряд мы не ели мороженого, не ходили

в кино — всё деньги копили. Наконец насобирали сколько было нужно и купили телефон.

Примчались из магазина домой с коробкой. Один телефон у меня поставили, другой — у Мишки, и от моего телефона протянули проволоку через форточку вниз, прямо к Мишкиному телефону.

— Ну, — говорит Мишка, — попробуем разговаривать. Беги наверх и слушай.

Я помчался к себе, взял трубку и слушаю, а трубка уже кричит Мишкиным голосом:

— Алло! Алло!

Я тоже как закричу:

— Алло!

— Слышно что-нибудь? — кричит Мишка.

— Слышно. А тебе слышно?

— Слышно. Вот здорово! Тебе хорошо слышно?

— Хорошо. А тебе?

— И мне хорошо! Ха-ха-ха! Слышно, как я смеюсь?

— Слышно. Ха-ха-ха! А тебе слышно?

— Слышно. Послушай, сейчас я к тебе приду.

Мишка прибежал ко мне, и мы принялись обниматься от радости.

— Хорошо, что купили телефон! Правда? — говорит Мишка.

— Конечно, — говорю, — хорошо.

— Слушай, сейчас я пойду обратно и позвоню тебе.

Он убежал и позвонил снова.

Я взял трубку:

— Алло!

— Алло!

— Слышно?

— Слышно.

— Хорошо?

— Хорошо.

— И у меня хорошо. Давай разговаривать.

— Давай,— говорю.— А о чём разговаривать?

— Ну, о чём... О чём-нибудь... Хорошо, что мы купили телефон, правда?

— Правда.

— Вот если бы не купили, было бы плохо. Правда?

— Правда.

— Ну?

— Что «ну»?

— Чего же ты не разговариваешь?

— А ты почему не разговариваешь?

— Да я не знаю, о чём разговаривать,— говорит Мишка.— Это всегда так бывает: когда надо разговаривать, так не знаешь, о чём разговаривать, а когда не надо разговаривать, так разговариваешь и разговариваешь...

Я говорю:

— Давай вот что: подумаем, а когда придумаем, тогда позвоним.

— Ладно.

Я повесил трубку и стал думать. Вдруг звонок. Я взял трубку.

— Ну, придумал? — спрашивает Мишка.

— Нет ещё, не придумал.

— Я тоже ещё не придумал.

— Зачем же ты звонишь, раз не придумал?

— А я думал, что ты придумал.

— Я сам тогда позвонил бы.

— А я думал, что ты не догадаешься.

— Что ж я, по-твоему, осёл?

— Нет, какой же ты осёл! Ты совсем не осёл! Разве я говорю, что ты осёл!

— А что ты говоришь?

— Ничего. Говорю, что ты не осёл.

— Ну ладно, довольно тебе про осла твердить! Давай лучше уроки учить.

— Давай.

Я повесил трубку и сел за уроки. Вдруг Мишка снова звонит:

— Слушай, сейчас я буду петь и на рояле играть по телефону.

— Ну, пой,— говорю.

Послышалось какое-то шипение, потом забренчала музыка, и вдруг Мишка запел не своим голосом:

Куда, куда вы удалились,
Весны моей златые дни-и-и?

«Что это? — думаю.— Где он так петь выучился?»

Вдруг Мишка сам является. Рот до ушей.

— Ты думал, это я пою? Это патефон по телефону поёт! Дай-ка я послушаю.

Я дал ему трубку. Он слушал, слушал, потом как бросит трубку — и бегом вниз. Я взял трубку, а там: «Пш-ш-ш! Пш-ш-ш! Др-р-р! Др-р-р!» Наверно, пластинка кончилась. Я снова сел за уроки. Опять звонок. Я взял трубку:

— Алло!

А из трубки:

— Ав! Ав! Ав!

— Ты чего,— говорю,— по-собачьи лаешь?

— Это не я. Это с тобой Дружок разговаривает. Слышишь, как он кусает трубку зубами?

— Слышу.

— Это я ему в морду тыкаю трубкой, а он её зубами грызёт.

— Ты бы лучше не портил трубку.

— Ничего, она железная... Ай! Пошёл вон! Я тебе покажу, как кусаться! Вот тебе! (Ав! Ав! Ав!) Кусается, понимаешь?

— Понимаю,— говорю.

Снова сел за уроки. Через минуту звонок. Я взял трубку, а там что-то жужжит:

«Жжу-у-у-у!»

— Алло,— кричу я.

«Жуу-у! Жжу-у!»

— Чем ты там жужжишь?

— Мухой.

— Какой мухой?

— Ну, простой мухой. Я её держу перед трубкой, а она крылышками машет и жужжит.

Целый вечер мы с Мишкой звонили друг другу и выдумывали разные фокусы: пели, кричали, рычали, мычали, даже шёпотом разговаривали — всё было слышно. Уроки я кончил поздно и думаю:

«Позвоню ещё раз Мишке, перед тем как лечь спать».

Позвонил, а он не отвечает.

«Что же это? — думаю.— Неужели телефон испортился?»

Позвонил ещё раз — опять нет ответа! Думаю:

«Надо пойти узнать, в чём дело».

Прибегаю к нему... Батюшки! Он телефон положил на стол и ломает. Батарейку из аппарата вытащил, звонок разобрал и уже трубку развинчивает.

— Стой! — говорю.— Ты зачем телефон ломаешь?

— Да я не ломаю. Я только хочу посмотреть, как он устроен. Разберу, а потом соберу обратно.

— Так разве ты соберёшь? Это понимать надо.

— Ну я и понимаю. Чего тут ещё не понимать!

Он развинтил трубку, вынул из неё какие-то железки и стал отковыривать круглую пластинку, которая внутри была. Пластинка вырвалась, и из трубки посыпался чёрный порошок. Мишка испугался и стал собирать порошок обратно в трубку.

— Ну, вот видишь,— говорю,— что ты наделал!

— Ничего,— говорит,— я сейчас соберу всё, как было.

И стал собирать. Возился, возился... Винтики маленькие, закручивать трудно. Наконец собрал трубку, только железка у него одна осталась и два винтика лишних.

— А это откуда — железка? — спрашиваю.

— Ах я разиня! — говорит Мишка.— Забыл! Её надо было там внутри привинтить. Придётся снова разбирать трубку.

— Ну,— говорю,— я пойду домой, а ты, как только будет готово, позвони мне.

Пошёл я домой и стал ждать. Ждал, ждал, так ничего не дождался и спать лёг.

Наутро телефон как зазвонит! Я вскочил неодетый, схватил трубку и кричу:

— Слушаю!

А из трубки в ответ:

— Ты чего хрюкаешь?

— Как это — хрюкаю? Я не хрюкаю,— говорю я.

— Брось хрюкать! Говори по-человечески! — кричит Мишка.

— Я и говорю по-человечески. Зачем хрюкать?

— Ну, довольно тебе баловаться! Всё равно я не поверю, что ты поросёнка в комнату притащил.

— Да говорят же тебе, что никакого поросёнка нет! — рассердился я.

Мишка замолчал. Через минуту приходит ко мне:

— Ты чего хрюкал по телефону?

— Я не хрюкал.

— Я ведь слышал.

— Да зачем же мне хрюкать?

— Не знаю,— говорит.— Только у меня в трубке всё «хрю-хрю» да «хрю-хрю». Вот пойдёшь, если не веришь, послушай.

Я пошёл к нему и позвонил по телефону:

— Алло!

Сначала ничего не было слышно, а потом потихоньку так: «Хрюк! Хрюк! Хрюк!»

Я говорю:

— Хрюкает.

А в ответ снова:

«Хрюк! Хрюк! Хрюк!»

— Хрюкает! — кричу я.

А из трубки опять:

«Хрюк! Хрюк! Хрюк! Хрюк!»

Тут я понял, в чём дело, и побежал к Мишке.

— Это ты,— говорю,— телефон испортил!

— Почему?

— Ты разбирал его, вот и испортил у себя в трубке что-то.

— Наверно, я что-нибудь неправильно собрал,— говорит Мишка.— Надо исправить.

— Как же теперь исправишь?

— А я посмотрю, как твой телефон устроен, и свой сделаю так же.

— Не дам я свой телефон разбирать!

— Да ты не бойся! Я осторожно. Надо же починить!

И стал чинить. Возился, возился — и починил так, что совсем ничего не стало слышно. Даже хрюкать перестало.

— Ну, что теперь делать? — спрашиваю я.

— Знаешь,— говорит Мишка,— пойдём в магазин, может быть, там починят.

Пошли мы в игрушечный магазин, но там телефонов не чинили и даже не знали, где чинят. Целый день мы ходили скучные. Вдруг Мишка придумал:

— Чудаки мы! Ведь мы можем по телеграфу переговариваться!

— Как — по телеграфу?

— Очень просто: точка, тире. Звонок-то ведь действует! Короткий звонок — точка, а длинный — тире. Выучим азбуку Морзе и будем переговариваться!

Достали мы азбуку Морзе и стали учить: «А» — точка, тире; «Б» — тире, три точки; «В» — точка, два тире... Выучили всю азбуку и стали переговариваться. Сначала у нас получалось медленно, а потом мы научились, как настоящие телеграфисты: «трень-трень-трень!» — и всё понятно. Это даже интереснее было, чем простой телефон. Только это продолжалось недолго. Один раз звоню Мишке утром, а он не отвечает. «Ну,— думаю,— спит ещё». Позвонил позже — опять не отвечает. Пошёл к нему и стучу в дверь. Мишка открыл и говорит:

— Ты чего в дверь барабанишь? Не видишь, что ли?

И показывает на двери кнопку.

— Что это? — спрашиваю.

— Кнопка.

— Какая?

— Электрическая. У нас теперь электрический звонок есть, так что можешь звонить.

— Где ты взял?

— Сам сделал.

— Из чего?

— Из телефона.

— Как — из телефона?

— Очень просто. Звонок из телефона выдрал, кнопку — тоже. И батарею из телефона вынул. Была игрушка — стала вещь!

— Какое же ты имел право телефон разбирать? — говорю я.

— Какое право! Я свой телефон разобрал. Твоего ведь не трогал.

— Так телефон-то наш общий! Если бы я знал, что ты станешь ломать, то и не стал бы с тобой покупать! Зачем мне телефон, если разговаривать не с кем!

— А зачем нам разговаривать? Небось недалеко живём, можно и так прийти поговорить.

— Я с тобой и разговаривать после этого не хочу!

Рассердился я на него и три дня с ним не разговаривал. От скуки и я свой телефон разобрал и сделал из него электрический звонок. Только не так, как у Мишки. Я всё аккуратно устроил. Батарею поставил возле двери на полочке, от неё по стене провода протянул к электрическому звонку и кнопке. А кнопку к двери хорошенько винтиками привинтил, чтоб она не болталась на одном гвозде, как у Мишки. Даже папа и мама похвалили меня за то, что я устроил такую полезную вещь в доме.

Я пошёл к Мишке, чтобы рассказать ему, что у меня теперь тоже электрический звонок есть.

Подхожу к двери, звоню... Нажимал кнопку, нажимал — никто не открывает. «Может быть, звонок испортился?» — думаю. Стал в дверь стучать. Мишка открыл. Я спрашиваю:

— Что же звонок, не действует?

— Не действует.

— Почему?

— Да я батарею разобрал.

— Зачем?

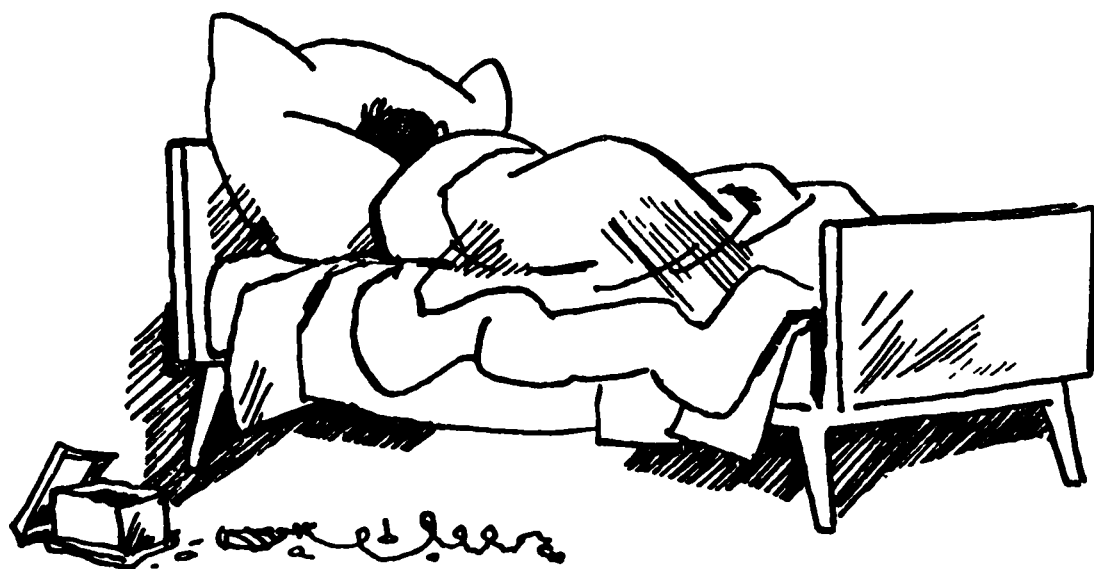
— Ну, я хотел посмотреть, из чего батарея сделана.

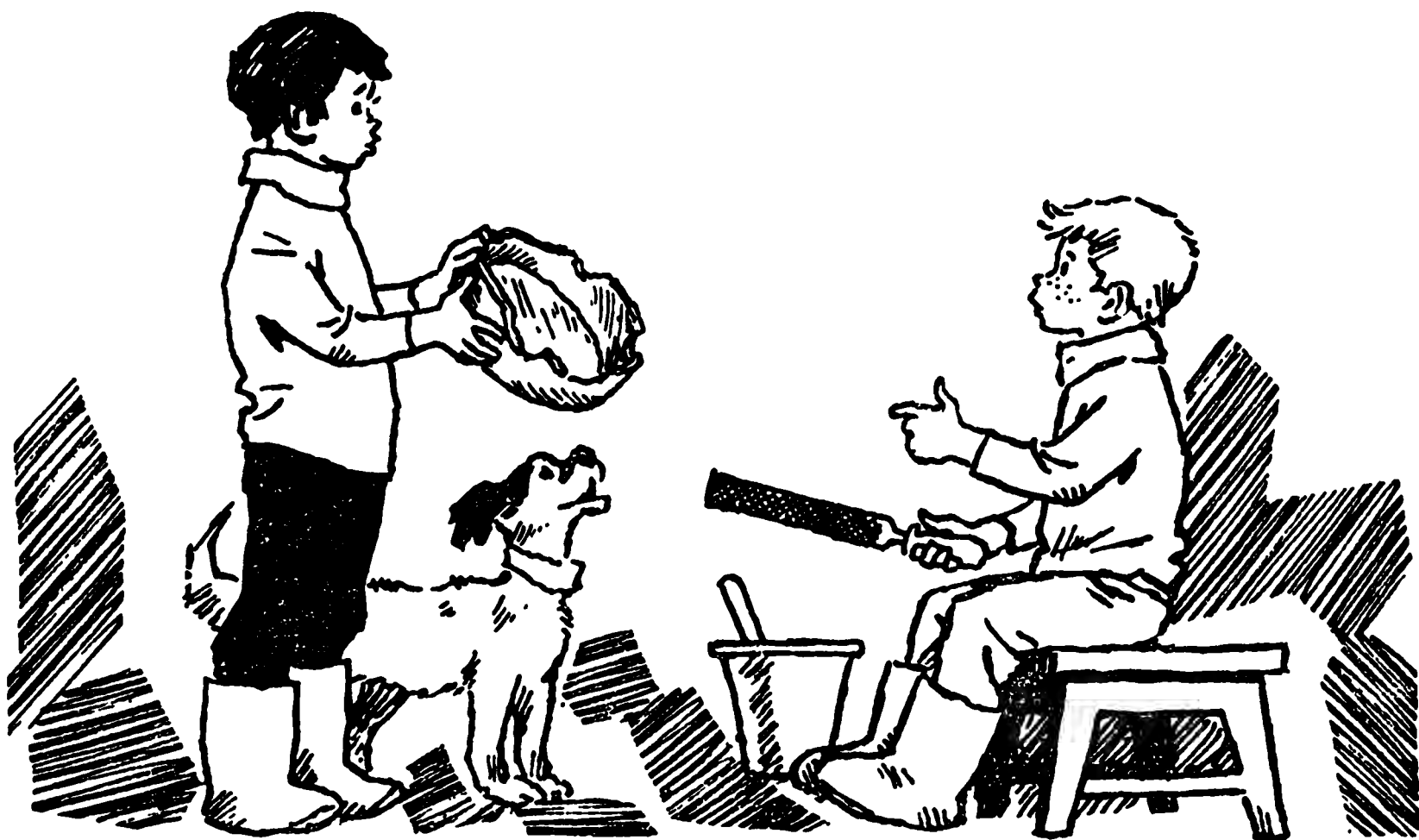
— Как же, — говорю, — ты теперь будешь — без телефона и без звонка?

— Ничего, — вздохнул он, — как-нибудь буду!

Пошёл я домой, а сам думаю: «Почему Мишка такой нескладный? Зачем он всё ломает?!» Мне даже жалко стало его.

Вечером я лёг спать и долго не мог заснуть, всё вспоминал: как у нас был телефон и как из него получился электрический звонок. Потом я стал думать об электричестве, как оно получается в батарее и из чего. Все давно уже спали, а я всё думал про это и никак не мог заснуть. Тогда я встал, зажёл лампу, снял с полки батарею и разломал её. В батарее оказалась какая-то жидкость, в которой мокла чёрная палка, завёрнутая в тряпочку. Я понял, что электричество получалось из этой жидкости. Потом лёг в постель и быстро заснул.

БЕНГАЛЬСКИЕ ОГНИ

Сколько хлопот у нас с Мишкой было перед Новым годом! Мы уже давно готовились к празднику: клеили бумажные цепи на ёлку, вырезали флажки, делали разные ёлочные украшения. Всё было бы хорошо, но тут Мишка достал где-то книгу «Занимательная химия» и вычитал в ней, как самому сделать бенгальские огни.

С этого и началась кутерьма! По целым дням он толк в ступе серу и сахар, делал алюминиевые опилки и поджигал смесь на пробу. По всему дому шёл дым и воняло удушливыми газами. Соседи сердились, и никаких бенгальских огней не получалось.

Но Мишка не унывал. Он позвал к себе на ёлку даже многих ребят из нашего класса и хвастал, что у него будут бенгальские огни.

— Они знаете какие! — говорил он. — Они сверкают, как

серебро, и рассыпаются во все стороны огненными брызгами.

Я говорю Мишке:

— Что же ты наделал? Позвал ребят, а никаких бенгальских огней не будет.

— Почему не будет? Будет! Ещё времени много. Всё успею сделать.

Накануне Нового года он приходит ко мне и говорит:

— Слушай, пора нам за ёлками ехать, а то останемся мы на праздник без ёлок.

— Сегодня уже поздно,— ответил я.— Завтра поедем.

— Так ведь завтра уже украшать ёлку надо.

— Ничего,— говорю я.— Украшать надо вечером, а мы поедем днём, сейчас же после школы.

Мы с Мишкой уже давно решили поехать за ёлками в Горелкино, где мы жили у тёти Наташи на даче. Тёти Наташин муж работал лесничим и ещё летом сказал, чтобы мы приезжали к нему в лес за ёлками. Я даже заранее упросил маму, чтоб она разрешила мне в лес поехать.

На другой день я прихожу к Мишке после обеда, а он сидит и толчёт бенгальские огни в ступе.

— Что ж ты,— говорю,— не мог раньше сделать? Ехать пора, а ты возишься!

— Да я делал и раньше, только, наверно, мало серы клал. Они шипят, дымят, а гореть не горят.

— Ну и брось, всё равно ничего не выйдет.

— Нет, теперь, наверно, выйдет. Надо только побольше серы класть. Дай-ка мне алюминиевую кастрюлю, вон на подоконнике.

— Где же кастрюля? Тут только сковородка,— говорю я.

— Сковородка?.. Эх, ты! Да это и есть бывшая кастрюля. Давай её сюда.

Я передал ему сковородку, и он принялся скоблить её по краям напильником.

— Это у тебя, значит, кастрюля в сковородку превратилась? — спрашиваю я.

— Ну да,— говорит Мишка.— Я её пилил напильником, пилил, вот она и сделалась сковородкой. Ну ничего, сковородка тоже нужна в хозяйстве.

— Что же тебе мама сказала?

— Ничего не сказала. Она ещё не видела.

— А когда увидит?

— Ну что ж... Увидит так увидит. Я, когда вырасту, новую кастрюлю ей куплю.

— Это долго ждать, пока ты вырастешь!

— Ничего.

Мишка наскоблил опилок, высыпал порошок из ступки, налил клею, размешал всё это, так что у него получилось тесто вроде замазки. Из этой замазки он наделал длинных колбасок, навертел их на железные проволоочки и разложил на фанерке сушиться.

— Ну вот,— говорит,— высохнут — и будут готовы, только надо от Дружка спрятать.

— Зачем от него прятать?

— Слопает.

— Как — слопает? Разве собаки бенгальские огни едят?

— Не знаю. Другие, может быть, и не едят, а Дружок ест. Один раз я оставил их сохнуть, вхожу — а он их грызёт. Наверно, думал, что это конфеты.

— Ну, спрячь их в печь. Там тепло, и Дружок не достанет.

— В печку тоже нельзя. Один раз я их спрятал в печь, а мама пришла и затопила — они и сгорели. Я их лучше на шкаф положу,— говорит Мишка.

Мишка взобрался на стул и положил фанерку на шкаф.

— Ты ведь знаешь, какой Дружок,— говорит Мишка.— Он всегда мои вещи хватает! Помнишь, он затащил мой левый ботинок, так что мы его нигде найти не могли. Пришлось мне тогда три дня ходить в валенках, пока другие ботинки не купили. На дворе теплынь, а я хожу в валенках, как будто обмороженный! А потом уже, когда купили другие ботинки, мы этот ботинок, который один остался, выбросили, потому что кому

он нужен — один ботинок! А когда его выбросили, отыскался тот ботинок, который потерялся. Оказалось — его Дружок за-тащил на кухню под печь. Ну, мы и этот ботинок выбросили, потому что если б первый не выбросили, то и второй бы не выбросили, а раз первый выбросили, то и второй выбросили. Так оба и выбросили.

Я говорю:

— Довольно тебе болтать! Одевайся скорее, ехать надо.

Мишка оделся, мы взяли топор и помчались на вокзал. А тут поезд как раз ушёл, так что пришлось нам дожидаться другого. Ну ничего, дождались, поехали. Ехали, ехали, наконец приехали. Слезли в Горелкине и пошли прямо к лесничему. Он дал нам квитанцию на две ёлки, показал делянку, где разрешалось рубить, и мы пошли в лес. Ёлок кругом много, только Мишке они всё не нравились.

— Я такой человек,— хвалился он,— уж если поехал в лес, то срублю самую лучшую ёлку, а то и ездить не стоит

Забрались мы в самую чащу.

— Надо рубить поскорей,— говорю я.— Скоро и темнеть начнёт.

— Что ж рубить, когда нечего рубить!

— Да вот,— говорю,— хорошая ёлка.

Мишка осмотрел ёлку со всех сторон и говорит:

— Она, конечно, хорошая, только не совсем. По правде сказать, совсем нехорошая: куцая.

— Как это — куцая?

— Верхушка у неё короткая. Мне такой ёлки и даром не надо!

Нашли мы другую ёлку.

— А эта хромая,— говорит Мишка.

— Как — хромая?

— Так, хромая. Видишь, у неё нога внизу закривляется.

— Какая нога?

— Ну, ствол.

— Ствол! Так бы и говорил!

Нашли мы ещё одну ёлку.

— Лысая,— говорит Мишка.

— Сам ты лысый! Как это ёлка может быть лысая?

— Конечно, лысая! Видишь, какая она реденькая, вся просвечивает. Один ствол виден. Просто не ёлка, а палка!

И так всё время: то лысая, то хромая, то ещё какая-нибудь!

— Ну,— говорю,— тебя слушать — до ночи ёлки не срубишь!

Нашёл себе подходящую ёлочку, срубил и отдал топор Мишке:

— Руби поскорей, нам домой ехать пора.

А он словно весь лес взялся обыскать. Уж я и просил его и бранил — ничего не помогало. Наконец он нашёл ёлку по своему вкусу, срубил, и мы пошли обратно на станцию. Шли, шли, а лес всё не кончается.

— Может, мы не в ту сторону идём? — говорит Мишка.

Пошли мы в другую сторону. Шли, шли — всё лес да лес! Тут и темнеть начало. Мы давай сворачивать то в одну сторону, то в другую. Заплутались совсем.

— Вот видишь,— говорю,— что ты наделал!

— Что же я наделал? Я ведь не виноват, что так скоро наступил вечер.

— А сколько ты ёлку выбирал? А дома сколько возился? Вот придётся из-за тебя в лесу ночевать!

— Что ты! — испугался Мишка.— Ведь ребята сегодня придут. Надо искать дорогу.

Скоро стемнело совсем. На небе засверкала луна. Чёрные стволы деревьев стояли, как великаны, вокруг. За каждым деревом нам чудились волки. Мы остановились и боялись идти вперёд.

— Давай кричать! — говорит Мишка.

Тут мы как закричим вместе:

— Ау!

«Ау!» — ответило эхо.

— Ау! Ау-у! — закричали мы снова что было силы.

«Ау! Ау-у!» — повторило эхо.

— Может быть, нам лучше не кричать? — говорит Мишка.

— Почему?

— Ещё волки услышат и прибегут.

— Тут, наверно, никаких волков нет.

— А вдруг есть! Лучше пойдём скорее.

Я говорю:

— Давай прямо идти, а то мы никак на дорогу не выберемся.

Пошли мы снова. Мишка всё оглядывался и спрашивал:

— А что делать, когда нападают волки, если ружья нет?

— Бросать в них горящие головешки, — говорю я.

— А где их брать, эти головешки?

— Развести костёр — вот тебе и головешки.

— А у тебя есть спички?

— Нету.

— А они на дерево могут влезть?

— Кто?

— Да волки.

— Волки? Нет, не могут.

— Тогда, если на нас нападут волки, мы залезем на дерево и будем сидеть до утра.

— Что ты! Разве просидишь на дереве до утра!

— Почему не просидишь?

— Замёрзнешь и свалишься.

— Почему замёрзнешь? Нам ведь не холодно.

— Нам не холодно, потому что мы двигаемся, а попробуй посиди на дереве без движения — сразу замёрзнешь.

— А зачем сидеть без движения? — говорит Мишка. — Можно сидеть и ногами дрыгать.

— Это устанешь — целую ночь на дереве ногами дрыгать!

Мы продирались сквозь густые кустарники, спотыкались о пни, тонули по колено в снегу. Идти становилось трудней и трудней.

Мы очень устали.

— Давай бросим ёлки! — говорю я.

— Жалко, — говорит Мишка. — Ко мне ребята сегодня придут. Как же я без ёлки буду?

— Тут нам бы самим, — говорю, — выбраться! Чего ещё о ёлках думать!

— Постой, — говорит Мишка. — Надо одному вперёд идти и протаптывать дорогу, тогда другому будет легче. Будем меняться по очереди.

Мы остановились, передохнули. Потом Мишка впереди пошёл, а я за ним следом. Шли, шли... Я остановился, чтоб положить ёлку на другое плечо. Хотел идти дальше, смотрю — нет Мишки! Исчез, словно провалился под землю вместе со своей ёлкой.

Я кричу:

— Мишка!

А он не отвечает.

— Мишка! Эй! Куда же ты делся?

Нет ответа.

Я пошёл осторожно вперёд, смотрю — а там обрыв! Я чуть не свалился с обрыва. Вижу — внизу шевелится что-то тёмное.

— Эй! Это ты, Мишка?

— Я! Я, кажется, с горы скатился!

— Почему же ты не отвечаешь? Я тут кричу, кричу...

— Ответишь тут, когда я ногу ушиб!

Я спустился к нему, а там дорога. Мишка сидит посреди дороги и коленку руками трёт.

— Что с тобой?

— Коленку ушиб. Нога, понимаешь, подвернулась.

— Больно?

— Больно! Я посижу.

— Ну, давай посидим, — говорю я.

Уселись мы с ним на снегу. Сидели, сидели, пока нас не пробрал холод. Я говорю:

— Тут и замёрзнуть можно! Может быть, пойдём по дороге? Она нас куда-нибудь выведет: или на станцию, или к лес-

ничему, или в деревню какую-нибудь. Не замерзать же в лесу!

Мишка хотел встать, но тут же заохал и опять сел.

— Не могу,— говорит.

— Что же теперь делать? Давай я понесу тебя на закорках,— говорю я.

— Да разве ты донесёшь?

— Давай попробую.

Мишка поднялся и начал взбираться ко мне на спину. Кряхтел, кряхтел, насилу залез. Тяжёлый! Я согнулся в три погибели.

— Ну, неси! — говорит Мишка.

Только прошёл я несколько шагов, поскользнулся — и бух в снег.

— Ай! — заорал Мишка.— У меня нога болит, а ты меня в снег кидаешь!

— Я же не нарочно!

— Не брался бы, если не можешь!

— Горе мне с тобой!— говорю я.— То ты с бенгальскими огнями возился, то ёлку до самой темноты выбирал, а теперь вот зашибся... Пропадёшь тут с тобой!

— Можешь не пропадать!..

— Как же не пропадать?

— Иди один. Это всё я виноват. Я уговорил тебя за ёлками ехать.

— Что же, я тебя бросить должен?

— Ну и что ж? Я и один дойду. Посижу, нога пройдёт — я и пойду.

— Да ну тебя! Никуда я без тебя не пойду. Вместе приехали, вместе и вернуться должны. Надо придумать что-нибудь.

— Что же ты придумаешь?

— Может быть, санки сделать? У нас топор есть.

— Как же ты из топора санки сделаешь?

— Да не из топора, голова! Срубить дерево, а из дерева — санки.

— Всё равно гвоздей нет.

— Надо подумать,— говорю я.

И стал думать. А Мишка всё на снегу сидит. Я подтащил к нему ёлку и говорю:

— Ты лучше на ёлку сядь, а то простудишься.

Он уселся на ёлку. Тут мне пришла в голову мысль.

— Мишка,— говорю я,— а что, если тебя повезти на ёлке?

— Как — на ёлке?

— А вот так: ты сиди, а я буду за ствол тащить. Ну-ка, держись!

Я схватил ёлку за ствол и потащил. Вот как ловко придумал! Снег на дороге твёрдый, укатанный, ёлка по нему легко идёт, а Мишка на ней — как на санках!

— Замечательно! — говорю я.— На-ка, держи топор.

Отдал ему топор. Мишка уселся по удобнее, и я повёз его по дороге. Скоро мы выбрались на опушку леса и сразу увидели огоньки.

— Мишка! — говорю.— Станция!

Издали уже слышался шум поезда.

— Скорей! — говорит Мишка.— Опоздаем на поезд!

Я припустился изо всех сил. Мишка кричит:

— Ещё поднажми! Опоздаем!

Поезд уже подъезжал к станции. Тут и мы подоспели. Подбегаем к вагону. Я посадил Мишку. Поезд тронулся, я вскочил на подножку и ёлку за собой втащил. Пассажиры в вагоне стали бранить нас за то, что ёлка колючая.

Кто-то спросил:

— Где вы взяли такую ободранную ёлку?

Мы стали рассказывать, что с нами в лесу случилось. Тогда все стали жалеть нас. Одна тётенька усадила Мишку на скамейку, сняла с него валенок и осмотрела ногу.

— Ничего страшного нет,— сказал она.— Просто ушиб.

— А я думал, что ногу сломал, так она у меня болела,— говорит Мишка.

Кто-то сказал:

— Ничего, до свадьбы заживёт!

Все засмеялись. Одна тётенька дала нам по пирогу, а другая — конфет. Мы обрадовались, потому что очень проголодались.

— Что же мы теперь будем делать? — говорю я. — У нас на двоих одна ёлка.

— Отдай её на сегодня мне, — говорит Мишка, — и дело с концом.

— Как это — с концом? Я её тащил через весь лес да ещё тебя на ней вёз, а теперь сам без ёлки останусь!

— Так ты мне её только на сегодня дай, а завтра я тебе возвращу обратно.

— Хорошенькое, — говорю, — дело! У всех ребят праздник, а у меня даже ёлки не будет!

— Ну ты пойми, — говорит Мишка, — ко мне ребята сегодня придут! Что я буду без ёлки делать?

— Ну, покажешь им свои бенгальские огни. Что, ребята ёлки не видели?

— Так бенгальские огни, наверно, не будут гореть. Я их уже двадцать раз делал — ничего не получается. Один дым, да и только!

— А может быть, получится?

— Нет, я и вспоминать про это не буду. Может, ребята уже забыли.

— Ну нет, не забыли! Не надо было заранее хвастаться.

— Если б у меня ёлка была, — говорит Мишка, — я бы про бенгальские огни что-нибудь сочинил и как-нибудь выкрутился, а теперь просто не знаю, что делать.

— Нет, — говорю, — не могу я тебе ёлку отдать. У меня ещё ни в одном году так не было, чтоб ёлки не было.

— Ну будь другом, выручи! Ты меня уже не раз выручал!

— Что же, я тебя всегда выручать должен?

— Ну, в последний раз! Я тебе что хочешь за это дам. Возьми мои лыжи, коньки, волшебный фонарь, альбом с

марками. Ты ведь сам знаешь, что у меня есть. Выбирай что угодно.

— Хорошо,— сказал я.— Если так, отдай мне своего Дружка.

Мишка задумался. Он отвернулся и долго молчал. Потом посмотрел на меня — глаза у него были печальные — и сказал:

— Нет, Дружка я не могу отдать.

— Ну вот! Говорил «что угодно», а теперь...

— Я забыл про Дружка... Я, когда говорил, думал про вещи. А Дружок ведь не вещь, он живой.

— Ну и что ж? Простая собака! Если б он хоть породистый был.

— Он же не виноват, что он не породистый! Всё равно он любит меня. Когда меня нет дома, он думает обо мне, а когда я прихожу, радуется и машет хвостом... Нет, пусть будет что будет! Пусть ребята смеются надо мной, а с Дружком я не расстанусь, даже если бы ты мне дал целую гору золота!

— Ну ладно,— говорю я,— бери тогда ёлку даром.

— Зачем даром? Раз я обещал любую вещь, так и бери любую вещь. Хочешь, я тебе дам волшебный фонарь со всеми картинками? Ты ведь очень хотел, чтоб у тебя был волшебный фонарь.

— Нет, не надо мне волшебного фонаря. Бери так.

— Ты ведь столько трудился из-за ёлки — зачем отдавать даром?

— Ну и пусть! Мне ничего не надо.

— Ну, и мне даром не надо,— говорит Мишка.

— Так это ведь не совсем даром,— говорю я.— Просто так, ради дружбы. Дружба ведь дороже волшебного фонаря! Пусть это будет наша общая ёлка.

Пока мы разговаривали, поезд подошёл к станции. Мы и не заметили, как доехали. У Мишки нога совсем перестала болеть. Он только немного прихрамывал, когда мы сошли с поезда.

Я сначала забежал домой, чтоб мама не беспокоилась, а потом помчался к Мишке — украшать нашу общую ёлку.

Ёлка уже стояла посреди комнаты, и Мишка заклеивал ободранные места зелёной бумагой. Мы ещё не кончили украшать ёлку, как стали собираться ребята.

— Что же ты, позвал на ёлку, а сам даже не украсил её! — обиделись они.

Мы стали рассказывать про наши приключения, а Мишка даже приврал, будто на нас напали в лесу волки и мы от них спрятались на дерево. Ребята не поверили и стали смеяться над нами. Мишка сначала уверял их, а потом махнул рукой и сам стал смеяться. Мишкины мама и папа пошли встречать Новый год к соседям, а для нас мама приготовила большой круглый пирог с вареньем и других разных вкусных вещей, чтоб мы тоже могли хорошо встретить Новый год.

Мы остались одни в комнате. Ребята никого не стеснялись и чуть ли не на головах ходили. Никогда я не слышал такого шума! А Мишка шумел больше всех. Ну, я-то понимал, почему он так разошёлся. Он старался, чтоб кто-нибудь из ребят не вспомнил про бенгальские огни, и выдумывал всё новые и новые фокусы.

Потом мы зажгли на ёлке разноцветные электрические лампочки, и тут вдруг часы начали бить двенадцать часов.

— Ура! — закричал Мишка. — С Новым годом!

— Ура! — подхватили ребята. — С Новым годом! Ур-а-а!

Мишка уже считал, что всё кончилось благополучно, и закричал:

— А теперь садитесь за стол, ребята, будет чай с пирогом!

— А бенгальские огни где же? — закричал кто-то.

— Бенгальские огни? — растерялся Мишка. — Они ещё не готовы.

— Что же ты, позвал на ёлку, говорил, что бенгальские огни будут... Это обман!

— Честное слово, ребята, никакого обмана нет! Бенгальские огни есть, только они еще сырые...

— Ну-ка, покажи. Может быть, они уже высохли. А может, никаких бенгальских огней нету?

Мишка нехотя полез на шкаф и чуть не свалился оттуда вместе с колбасками. Они уже высохли и превратились в твёрдые палочки.

— Ну вот! — закричали ребята. — Совсем сухие! Что ты обманываешь!

— Это только так кажется, — оправдывался Мишка. — Им ещё долго сохнуть надо. Они не будут гореть.

— А вот мы сейчас посмотрим! — закричали ребята.

Они расхватали все палочки, загнули проволочки крючочками и развесили их на ёлке.

— Пойдите, ребята, — кричал Мишка, — надо проверить сначала!

Но его никто не слушал.

Ребята взяли спички и подожгли все бенгальские огни сразу.

Тут раздалось шипение, будто вся комната наполнилась змеями. Ребята шарахнулись в стороны. Вдруг бенгальские огни вспыхнули, засверкали и рассыпались кругом огненными брызгами. Это был фейерверк! Нет, какой там фейерверк — северное сияние! Извержение вулкана! Вся ёлка сияла и сыпала вокруг серебром. Мы стояли как зачарованные и смотрели во все глаза.

Наконец огни догорели, и вся комната наполнилась каким-то едким, удушливым дымом. Ребята стали чихать, кашлять, тереть руками глаза. Мы все гурьбой бросились в коридор, но дым из комнаты повалил за нами. Тогда ребята стали хватать свои пальто и шапки и начали расходиться.

— Ребята, а чай с пирогом? — надрывался Мишка.

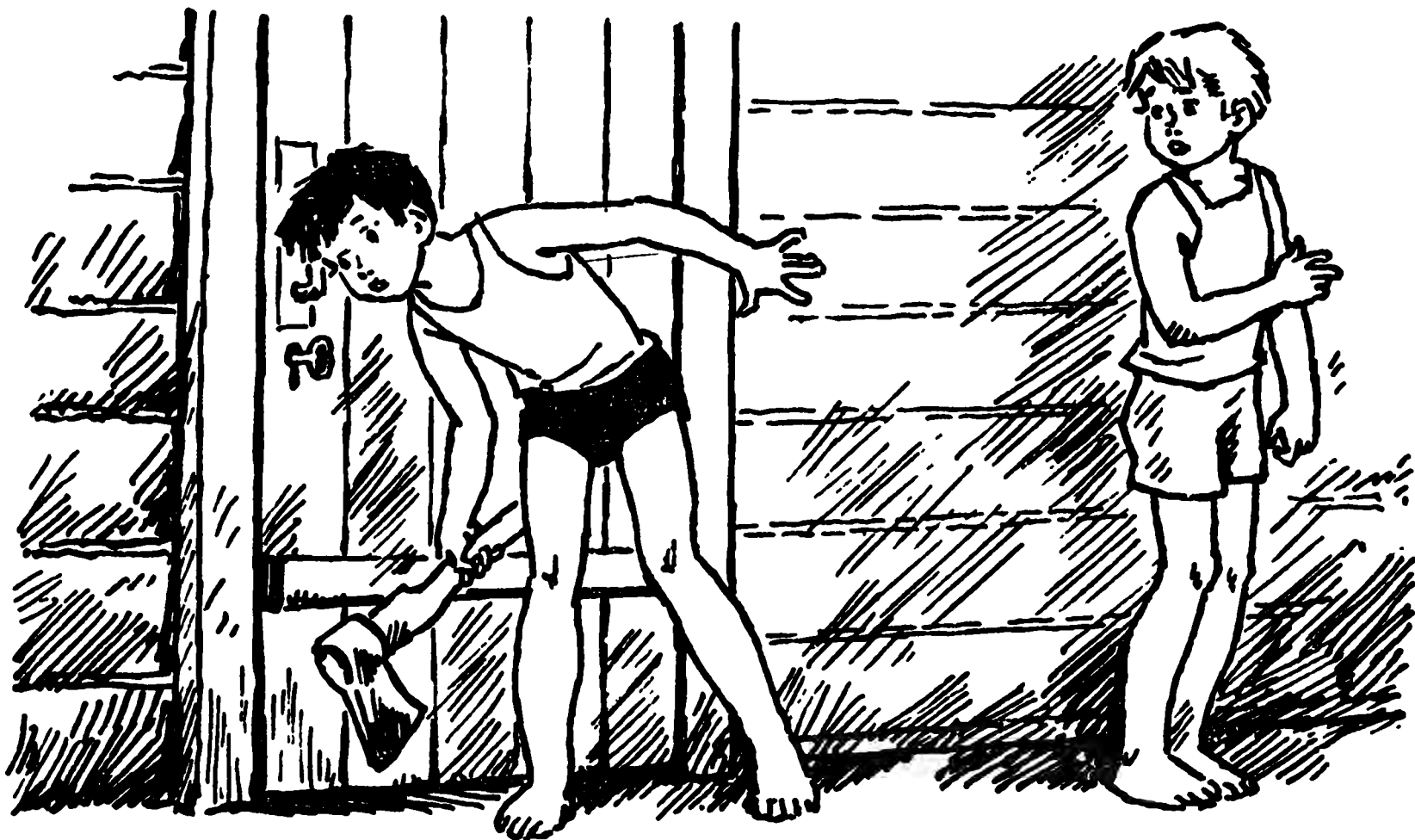
Но никто не обращал на него внимания. Ребята кашляли, одевались и расходились. Мишка вцепился в меня, отнял мою шапку и закричал:

— Не уходи хоть ты! Остайся хоть ради дружбы! Будем пить чай с пирогом!

Мы с Мишкой остались одни. Дым понемногу рассеялся, но в комнату всё равно нельзя было войти. Тогда Мишка завязал рот мокрым платком, подбежал к пирогу, схватил его и притащил в кухню.

Чайник уже вскипел, и мы стали пить чай с пирогом. Пирог был вкусный, с вареньем, только он всё-таки пропитался дымом от бенгальских огней. Но это ничего. Мы с Мишкой съели полпирога, а другую половину доел Дружок.

ТУК-ТУК-ТУК

Мы втроём — я, Мишка и Костя — приехали в пионерлагерь на день раньше всего отряда. У нас было задание: украсить помещение к приезду ребят. Мы сами просили нашего вожатого Витю отправить нас вперёд. Нам очень хотелось поскорей в лагерь.

Витя согласился и сам поехал с нами. Когда мы приехали, в доме уже заканчивалась уборка. Мы развесили на стенах плакаты, картины, которые привезли с собой, потом нарезали из разноцветной бумаги флажков, нанизали их на верёвочки и повесили под потолком. Потом нарвали в поле цветов, наделали из них букетов и расставили на окнах в банках с водой. Хорошо получилось!

Вечером вожатый Витя уехал обратно в город. Марья Максимовна, лагерный сторож, которая жила рядом в маленьком домике, сказала, чтобы мы шли ночевать к ней, но мы не захотели. Мишка сказал, что мы ничего не боимся и будем ночевать

одни в доме. Марья Максимовна ушла, а мы поставили во дворе самовар, сели на крылечке и отдыхали. Хорошо было в лагере! Возле самого дома росли высокие рябины, а вдоль забора — огромные старые липы. На них множество круглых вороньих гнёзд.

Вороны кружились над липами и громко кричали. В воздухе гудели майские жуки. Они носились в разные стороны, налетали на стены дома и шлёпались на землю. Мишка подбирал их и складывал в коробочку.

А потом солнышко скрылось за лесом, и облака на небе вспыхнули красным пламенем. Так красиво стало! Если бы у меня были краски, я бы тут же нарисовал картину: вверху красные облака, а внизу наш самовар. А от самовара поднимается дым прямо к облакам, как из паровой трубы.

Потом облака потухли и стали серые, как будто горы. Всё переменялось вокруг. Нам даже стало казаться, что мы попали каким-то чудом в другие края.

Самовар вскипел. Мы перенесли его в комнату, зажгли лампу и сели пить чай. В окно налетели ночные бабочки; они кружились вокруг лампы, будто плясали. Всё было как-то необыкновенно. Тихо так, только самовар на столе шумит. Мы сидим и чай пьём, сами себе хозяева.

После чая Мишка запер на крючок дверь и ещё верёвкой за ручку привязал.

— Чтоб не забрались разбойники,— говорит.

— Не бойся,— говорим мы,— никто не заберётся.

— Я не боюсь. Так, на всякий случай. И ставни надо закрыть.

Мы посмеялись над ним, но ставни всё-таки закрыли, на всякий случай, и стали укладываться спать. Сдвинули три кровати вместе, чтоб удобнее было разговаривать.

Мишка стал просить пустить его в середину. Костя говорит:

— Ты, видно, хочешь, чтоб разбойники сначала нас убили, а потом только до тебя добрались. Ну ладно, ложись.

Пустили его в середину. Но он всё равно, должно быть,

боялся: взял в кухне топор и сунул его себе под подушку. Мы с Костей чуть со смеху не лопнули.

— Ты только нас не заруби по ошибке,— говорим.— А то примешь нас за разбойников и тяпнешь по голове топором.

— Не бойтесь,— говорит Мишка,— не тяпну!

Потушили мы лампу и стали в темноте рассказывать друг другу сказки. Сначала рассказал Мишка, потом я, а когда очередь дошла до Кости, он начал какую-то длинную страшную сказку про колдунов, про ведьм, про чертей и про Кощея Бессмертного. Мишка от страха закутался с головой в одеяло и стал просить Костю не рассказывать больше эту сказку. А Костя, чтоб попугать Мишку, принялся ещё кулаками по стене стучать и говорить, что это черти стучат. Мне самому сделалось страшно, и я сказал Косте, чтоб он перестал.

Наконец Костя унялся. Мишка успокоился и уснул. Стало тихо. Мы с Костей почему-то долго не могли уснуть. Лежим, прислушиваемся, как Мишкины жуки в коробке шуршат.

— Темно, как в погребе! — сказал Костя.

— Это потому, что ставни закрыты,— говорю я.

— А всё-таки мы храбрые! Не боимся одни ночевать! — говорит Костя.

Скоро чуточку посветлело. Стали видны щели в ставнях.

— Наверно, уже рассвет,— говорит Костя.— Теперь ночи совсем короткие.

— А может быть, луна взошла?

Наконец я задремал. Вдруг слышу сквозь сон:

Тук-тук-тук!

Я проснулся. Мишка и Костя спят. Я разбудил Костю.

— Кто-то стучит,— говорю.

— Кто же может стучать?

— А вот послушай.

Прислушались мы. Тихо. Потом снова:

Тук-тук-тук!

— В дверь стучат,— говорит Костя.— Кто же это?

Подождали мы. Не стучат больше.

«Может быть, показалось», — думаем.

Вдруг опять:

Тук-тук-тук! Тук-тук-тук!

— Тише, — шепчет Костя, — Не надо отзываться. Может быть, постучит и уйдёт.

Подождали. Вдруг снова:

Тук-тук-тук! Тра-та-та-та!

— Ах, чтоб тебя разорвало! Не уходит! — говорит Костя.

— Может быть, это из города кто-нибудь приехал? — говорю я.

— Зачем же в такую поздноту ездить? Подождём. Если постучат ещё, спросим.

Ждём. Никого нет.

— Наверно, ушёл, — говорит Костя.

Только мы было успокоились, вдруг снова:

Тра-та-та-та!

Я подскочил в постели от неожиданности.

— Пойдём, — говорю, — спросим.

— Пойдём.

Подкрались мы к двери.

— Кто там? — спрашивает Костя.

Тихо. Никто не отвечает.

— Кто там?

Молчит.

— Кто там?

Никакого ответа.

— Наверно, ушёл, — говорю я.

Пошли мы обратно. Только отошли от двери:

Тук-тук-тук! Трах-та-тах!

Бросились снова к дверям:

— Кто там?

Молчит.

— Что он, глухой, что ли? — говорит Костя.

Стоим мы, прислушиваемся. За дверью будто об стенку кто-то трётся.

— Кто там?

Ничего не отвечает.

Отошли мы от двери. Вдруг снова:

Тук-тук-тук!

Забрались мы на кровать и дышать боимся. Сидели, сидели — не стучит больше. Легли. Думаем, не будет больше стучать.

Тихо. Вдруг слышим — шуршит по крыше. И вдруг по железу:

Бух-бух-бух! Трах!

— На крышу забрался! — прошептал Костя.

Вдруг с другой стороны:

Бум-бум-бум! Бах!

— Да тут не один, а двое! — говорю я. — Что ж это они, крышу разобрать хотят?

Вскочили мы с кроватей, закрыли дверь в соседнюю комнату, откуда был ход на чердак. К двери стол придвинули и ещё другим столом и кроватью подпёрли. А на крыше всё стучат: то один, то другой, то вместе разом. И ещё третий к ним прибавился. И ещё кто-то снова в дверь колотить начал.

— Может быть, это кто-нибудь нарочно, чтоб напугать нас, — говорю я.

— Выйти, — говорит Костя, — да наcostылять им по шее, чтоб не мешали спать!

— Ещё нам, — говорю, — наcostыляют. Вдруг их там человек двадцать!

— А может, это и не люди!

— А кто же?

— Черти какие-нибудь.

— Брось, — говорю, — сказки рассказывать! И без сказок страшно!

А Мишка спит и ничего не слышит. Ему хоть бы что!

— Может быть, разбудить его? — спрашиваю.

— Не надо. Пусть пока спит, — говорит Костя. — Знаешь, какой он трус. До смерти перепугается.

Устали мы, прямо с ног валимся. Спать хочется! Костя забрался в постель и говорит:

— Надоела мне вся эта музыка! Пусть там себе хоть головы расшибут на крыше. Очень мне нужно обращать внимание.

Я вытащил у Мишки из-под подушки топор, положил его рядом с собой в кровать и тоже прилёг отдохнуть. Стук на крыше становился всё чаще и тише. Мне стало казаться, что это дождь по крыше стучит, и я не заметил, как снова уснул.

Утром просыпаемся от страшного стука. Во дворе шум и крик.

Я схватил топор, подбежал к двери.

— Кто там? — спрашиваю.

И вдруг слышу голос Вити, вожатого:

— Откройте, ребята! Что там с вами случилось? Полчаса достучаться не можем.

Я открыл дверь. Все ребята гурьбой ввалились в комнату. Витя увидел топор.

— Зачем топор? — спрашивает. — И что у вас за разгром такой?

Мы с Костей стали рассказывать, что здесь ночью случилось. Но никто нам не верил, все смеялись над нами и говорили, что это нам с перепугу показалось. Мы с Костей чуть не плакали от обиды. Вдруг сверху послышался стук.

— Тише! — закричал Костя и поднял палец кверху.

Ребята умолкли и стали прислушиваться.

Тук-тук-тук! — стучало что-то по крыше.

Ребята застыли от удивления. Мы с Костей открыли дверь и потихоньку вышли во двор. Все пошли за нами. Мы отошли от дома в сторону и взглянули на крышу. Там сидела обыкновенная ворона и что-то клевала.

Тук-тук-тук! Бух-бух! — стучала она по железу клювом.

Ребята увидели ворону и расхохотались так громко, что ворона хлопала крыльями и улетела. Ребята сейчас же притащили лестницу; несколько человек забрались на крышу посмотреть, что там клевала ворона.

— Здесь прошлогодние ягоды рябины лежат. Наверно, вороны клюют их и стучат по крыше! — закричали ребята.

— Откуда же здесь ягоды рябины берутся? — говорим мы.

— Да тут ведь вокруг рябины растут. Вот ягоды прямо на крышу и падают.

— Пойдите, а в дверь-то кто стучал? — говорю я.

— Да, — говорит Костя, — зачем это воронам понадобилось в дверь стучать? Вы ещё скажете, что вороны нарочно в дверь стучали, чтоб мы их переночевать пустили.

На это никто не мог ничего ответить. Все побежали на крыльцо и стали осматривать дверь. Витя поднял с крыльца ягоду и сказал:

— Они и не стучали в дверь. Они клевали на крыльце ягоды, а вам показалось, что стучат в дверь.

Мы посмотрели: на крыльце валялось несколько ягод рябины.

— Храбрецы! — смеялись над нами ребята. — Втроём испугались вороны!

— И совсем не втроём, а вдвоём, — говорю я, — Мишка спал как убитый и ничего не слышал.

— Молодец, Мишка! — закричали ребята. — Значит, ты один не боялся вороны?

— Я ничего не боялся, — ответил Мишка. — Я спал и ничего не знаю.

С тех пор все считают Мишку храбрецом, а нас с Костей трусами.

ОГОРОДНИКИ

Через день после того, как мы приехали в пионерлагерь, наш вожатый Витя сказал, что у нас будет свой огород. Мы собрались и стали решать, как будем обрабатывать землю и что сажать. Решили поделить землю на участки и чтобы на каждом участке бригада из двух человек работала. Сразу будет видно, кто впереди, а кто отстаёт. Отстающим решили помогать, чтобы вся земля была хорошо обработана и дала большой урожай.

Мы с Мишкой попросили записать нас в одну бригаду. Мы ещё в городе условились, что будем работать вместе и рыбу ловить вместе. Всё у нас было общее: и лопаты и удочки.

— Ребята,— сказал Вадик Зайцев,— я предлагаю сделать красное знамя и на нём написать: «Лучшему огороднику». Кто первый вскопает участок, у того на участке поставим знамя.

— Правильно,— согласились ребята.— А потом будем за это знамя бороться. Кто лучше проведёт посадку, к тому перейдёт на участок знамя. Потом знамя будем передавать за прополку. А у кого окажется самый большой урожай, тому подарим осенью это знамя, и пусть он везёт его с собой в город.

Мы с Мишкой решили бороться за красное знамя.

— Как возьмём его в самом начале, так до конца не выпустим и домой увезём,— говорил Мишка.

Наш огород был недалеко от реки. Мы измерили землю рулеткой, наметили участки и вбили колышки с номерами. Нам с Мишкой достался двенадцатый участок. Мишка тут же стал кричать, что нам самый плохой участок дали.

— Да чем он плохой? — спрашивает Витя.

— Дырка вон тут в земле!

— Ну, что это за дырка! — засмеялся Витя.— Лошадь копытом продавila.

— И пень вон торчит,— говорит Мишка.

— И на других участках есть пни, посмотри.

Но Мишка уже никуда смотреть не хотел и кричал:

— Его ведь из земли выковыривать надо!

— Что ж, выкорчуете. Сами не справитесь, ребята помогут.

— Уж если возьмёмся — справимся,— обиделся Мишка.— Ещё и ребятам поможем, на буксир кого надо возьмём.

— Вот и хорошо,— сказал Витя.

Все ребята стали вскапывать землю. И мы с Мишкой стали копать.

Мишка то и дело бегал смотреть, сколько другие ребята вскопали. Я говорю ему:

— Ты не бегай, работай, а то мы меньше всех вскопаем.

— Ничего,— говорит,— я ещё поднажму.

И стал поднажимать. Поднажмёт, поднажмёт и снова убежит куда-нибудь.

В этот день мы мало работали. Скоро вожатый Витя позвал всех обедать. После обеда мы с Мишкой схватили лопаты

и снова хотели на огород бежать, но Витя не позволил. Он сказал:

— Работать будем только до обеда. После обеда — отдыхать, а то у нас найдутся такие ребята, которые в первый же день перетрутся и потом не смогут работать.

На следующее утро мы раньше всех примчались на огород и стали копать. Потом Мишка выпросил у Вити рулетку и принялся землю мерять, сколько у нас на участке вскопано да сколько осталось. Покопает немного и снова меряет. И всё ему кажется мало.

Я говорю:

— Конечно, будет мало, если я один копаю, а ты только меряешь!

Он бросил рулетку и стал копать. Только недолго копал. Корень ему в земле попался, так он этот корень стал из земли выдирать. Драл его, драл, весь участок разворотил. Даже на соседний участок залез и там выдирает этот корень.

— Да брось ты его,— говорю.— Чего ты к нему привязался?

— Я,— говорит,— думал, что он короткий, а он вон какой длинный, как удав.

— Ну и перестань с ним возиться!

— Да должен же он где-нибудь кончиться!

— А тебе будто не всё равно?

— Нет,— говорит,— я такой человек: если за что-нибудь взялся, обязательно до конца сделаю.

И снова ухватился руками за корень. Тогда я рассердился, подошёл и отрубил этот корень лопатой. А Мишка корень рулеткой измерил и говорит:

— Ого! Шесть с половиной метров! А если бы ты не отрубил, так он, может быть, метров двадцать был бы!

Я говорю:

— Если бы я знал, что ты так будешь работать, то с тобой бы не связывался.

А он:

— Можешь отдельно. Я же тебя не заставляю.

— Как же теперь отдельно, когда у нас столько вскопано! Вот не получим из-за тебя красного знамени.

— Почему не получим? Ты посмотри, сколько у Вани Ложкина и Сени Боброва. Ещё меньше нашего.

Он побежал на участок Вани и Сени и стал над ними смеяться:

— Эх, вы! Придётся вас на буксир брать!

А они его прогоняют:

— Смотри как бы тебя не взяли!

Я говорю:

— Чудак ты! Над другими смеёшься, а сам сколько сделал? И чего я только с тобой связался!

— Ничего,— говорит,— я одну штуку придумал. Завтра знамя будет на нашем участке.

— С ума,— говорю — сошёл! Тут на два дня работы, а с тобой и четыре провозишься.

— Вот увидишь, я потом тебе расскажу.

— Ты лучше работай. Всё равно земля сама не вскопается.

Он взял лопату, но тут Витя сказал, чтобы все шли обедать. Ну, Мишка лопату на плечо и помчался впереди всех в лагерь.

После обеда Витя стал красный флаг делать, а мы все ему помогали: кто палку строгал, кто материю подшивал, кто разводил краски. Флаг получился красивый. Палку выкрасили золотой краской, а на красной материи Витя написал серебряными буквами: «Лучшему огороднику».

Мишка сказал:

— Давайте ещё пугало сделаем, чтоб вороны огород не клевали.

Эта затея всем очень понравилась. Взяли мы жердь и к ней крест-накрест палку привязали, достали старый мешок и сшили из него рубаху. Потом натянули эту рубаху на жердь, а сверху глиняный горшок надели. На горшке Мишка нарисовал углём нос, рот, глаза. Страшная рожа получилась! Поставили это пугало посреди двора. Все смотрели на него и смеялись.

Мишка отвёл меня в сторону и говорит:

— Вот что я придумал: давай, когда все лягут спать, уйдём на огород и вскопаем свой участок. Оставим на утро кусочек маленький, завтра быстро вскопаем и получим знамя.

Я говорю:

— Если бы ты работал! А то ведь с разными пустяками возишься.

— Я буду хорошо работать, вот увидишь!

— Ну ладно, только если ты снова возьмёшься за старое, брошу всё и уйду.

Вечером все легли спать. И мы с Мишкой легли, только для виду. Я уже начал дремать. Вдруг меня Мишка толкает в бок:

— Вставай! А то не видать нам знамени, как своих ушей!

Встал я. Мы вышли так, чтобы никто нас не видел. Взяли лопаты и пошли на огород. Луна светила, и всё было видно.

Пришли на огород.

— Вот наш участок,— говорит Мишка.— Видишь, и пень торчит.

Стали мы копать. На этот раз Мишка хорошо работал, и мы много вскопали. Дошли до пня и решили его выкорчевать. Обкопали со всех сторон и стали из земли тащить. Тащили, тащили, а он не лезет. Пришлось обрубать корни лопатой. Устали, как лошади! Всё-таки вытащили. Землю заровняли, а пень Мишка на соседний участок бросил.

Я говорю:

— Это ты нехорошо сделал!

— А куда его девать?

— Нельзя же на чужой участок!

— Ну, давай его в реку бросим!

Взяли мы пень и потащили к реке. А он тяжёлый! Насилу дотащили — и бултых в воду! Он поплыл по реке, как будто спрут или осьминог какой. Мы посмотрели ему вслед и пошли домой. Больше в этот раз уже не могли работать, устали очень. Да нам совсем небольшой кусочек осталось вскопать.

Утром проснулись мы позже всех. Всё тело у нас болит: руки болят, ноги болят, спина болит.

— Что это? — спрашивает Мишка.

— Перетрудились, — говорю, — слишком много работали.

Встали мы, размялись немного. За завтраком Мишка стал перед ребятами хвастать, что красное знамя достанется нам.

После завтрака все помчались на огород, а мы с Мишкой пошли не спеша. Куда нам спешить! Пришли на огород. Все, как кроты, роются, а мы ходим да посмеиваемся.

— Не видать вам знамени, — говорим, — как своих ушей!

Ребята отвечают:

— Вы бы работали! Только другим мешаете.

Тут Мишка говорит:

— А это вот чей участок? Совсем мало вскопано. И хозяев нет. Наверно, дрыхнут ещё!

Я посмотрел:

— Номер двенадцатый. Да это ведь наш участок!

— Не может быть, — говорит Мишка. — Мы больше вскопали.

— Мне, — говорю, — тоже казалось, что больше.

— Может быть, нарочно кто-нибудь номерки переменил?

— Нет, всё правильно. Вот одиннадцатый, а там тринадцатый.

Смотрим, и пень торчит. Мы растерялись даже.

— Послушай, — говорю я. — Если это наш участок, то откуда же пень взялся? Мы ведь его уже выкорчевали!

— Правда, — говорит Мишка. — Не мог же за ночь новый пень вырасти.

Вдруг слышим, Ваня Ложкин на своём участке кричит:

— Ребята, смотрите, какое чудо! У нас тут вчера пень был, а сегодня нету. Куда он делся?

Все побежали на это чудо смотреть. Подошли и мы с Мишкой.

«Что такое! — думаем. — Вчера у них и до половины не было вскопано, а сегодня совсем небольшой кусочек остался».

— Мишка,— говорю я,— да это ведь мы ночью по ошибке на их участке работали и пень им выкорчевали!

— Да что ты!

— Верно!

— Ах мы ослы! — говорит Мишка.— Да что же нам теперь делать? По правилу, они должны нам свой участок отдать, а себе пусть берут наш. Что мы, даром у них работали?

— Молчи! — говорю.— Хочешь, чтоб над нами весь лагерь смеялся?

— Что же делать?

— Копать,— говорю,— вот что!

Схватили мы лопаты. Да не тут-то было: руки болят, ноги болят, спина не разгибается.

Скоро Ваня Ложкин и Сенька Бобров на своём участке работу кончили. Витя поздравил их и отдал им красное знамя.

Они поставили его посреди участка. Все собрались вокруг и в ладоши хлопали.

Мишка говорит:

— Это неправильно!

— Почему неправильно? — спрашивает Витя.

— Потому и неправильно, что за них кто-то пень выкорчевал. Они сами сказали.

— А мы виноваты? — говорит Ваня.— Может быть, его кто-нибудь себе на дрова выкорчевал. Разве мы запрещать будем?

— А может быть, его кто-нибудь по ошибке вместо своего выкорчевал,— ответил Мишка.

— Тогда бы он здесь был, а его нигде нет,— сказал Ваня.

— А может быть, они его в реку бросили,— говорит Мишка.

— Ну что ты пристал: «может быть» да «может быть»!

— Может быть, вам и участок кто-нибудь ночью вскопал,— не унимался Мишка.

Я его толкаю, чтоб он не проговорился.

Ваня говорит:

— Всё может быть. Мы землю не меряли.

Пошли мы на свой участок и стали копать. А Ваня и Сенька стали рядом и хихикают.

— Вот работают! — говорит Сенька. — Будто во сне мочалку жуют.

— Надо их на буксир взять, — сказал Ваня. — У них ведь меньше всех вскопано.

Ну и взяли нас на буксир. Помогли нам копать и пень выкорчевать. Всё равно мы позже всех кончили.

Ребята говорят:

— Давайте на их участке, как на отстающем, поставим пугало.

Все согласились и поставили пугало на нашем участке. Мы с Мишкой обиделись. А ребята говорят:

— Добивайтесь, чтоб ваш участок стал лучшим, когда посадка и прополка будут, тогда и уберём с вашего огорода пугало.

Юра Козлов предложил:

— Давайте пугало ставить отстающим.

— Давайте, — обрадовались все.

— А осенью подарим тому, у кого будет самый плохой урожай, — говорит Сенька Бобров.

Мы с Мишкой решили стараться изо всех сил, чтоб отделаться от этого пугала. Только у нас так ничего и не получилось. Всё лето простояло оно на нашем участке, потому что на посадке Мишка всё перепутал и посадил свёклу там, где уже была морковка посажена, а при прополке вместо сорняков петрушку повыдергал. Пришлось на этом месте в спешном порядке редиску посадить. Сколько раз я хотел отделиться от Мишки, да никак не мог. «Кто же, — думаю, — в беде товарища покидает!» Так и маялся с ним до конца.

Зато осенью красное знамя нам с Мишкой досталось. У нас самый большой урожай помидоров и кабачков оказался.

Ребята стали спорить.

— Это неправильно! — говорили они. — Всё время были отстающие, и вдруг самый большой урожай!

Но Витя сказал:

— Ничего, ребята, всё правильно. Хоть они и отставали, но землю хорошо обрабатывали, старались и добивались, чтоб большой урожай был.

Ваня Ложкин сказал:

— У них земля была хорошая. А вот нам с Сеней скверная земля попалась. И урожай маленький, хоть мы и старались. За что же нам пугало подарили? Пусть они тогда и пугало берут себе, раз оно у них всё лето стояло.

— Ничего,— говорит Мишка,— мы возьмём и пугало. Давайте его сюда.

Все засмеялись, а Мишка сказал:

— Если б не это пугало, то мы и знамени не получили бы.

— Это почему же? — удивились все.

— Потому что на нашем участке оно ворон пугало, а на других вороны не боялись, вот и урожай получился меньше. И потом, из-за этого пугала мы не забывали, что нам надо стараться и работать лучше.

Я говорю Мишке:

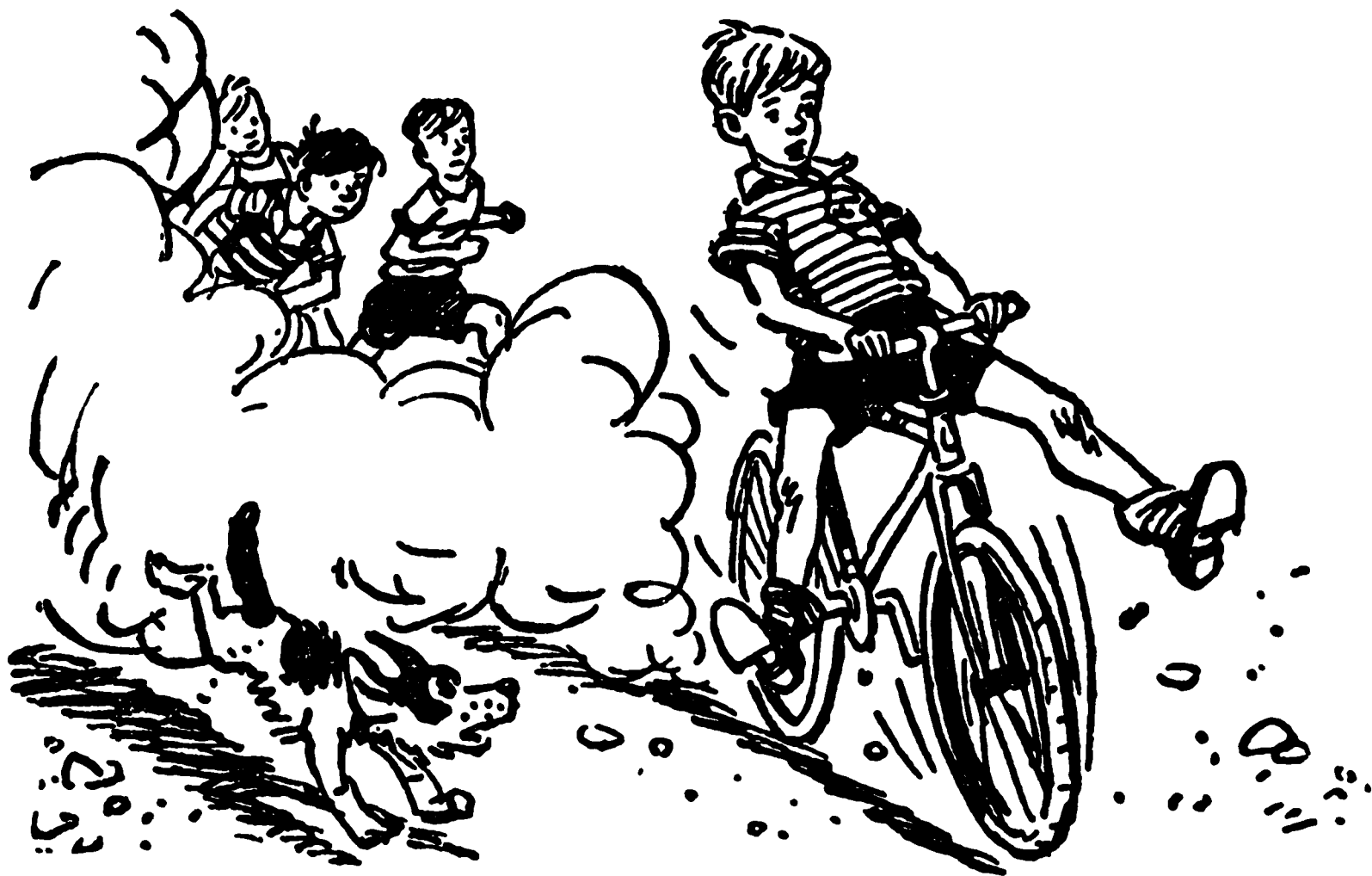
— Зачем ты взял это пугало? Для чего оно нам?

— Ну, давай его в реку бросим,— говорит Мишка.

Взяли мы пугало и бросили в реку. Оно поплыло по реке, растопырив руки. Мы посмотрели ему вслед и стали в него камнями бросать. А потом пошли в лагерь.

В тот же день Лёшка Курочкин снял нас фотоаппаратом вместе со знаменем. Так что, если кому-нибудь хочется карточку, мы можем прислать.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ТОЛИ КЛЮКВИНА

Ученик четвёртого класса школы № 36 Толя Ключвин вышел из дома № 10 на Демьяновской улице и, свернув в Третий Каширский переулок, зашагал к своему приятелю Славе Огонькову, который жил на Ломоносовской улице, в доме № 14. Ещё вчера с вечера друзья условились встретиться сегодня утром и поиграть в шахматы. Они оба увлекались этой игрой и способны были играть с утра до вечера. Такая на них полоса нашла.

Толя очень спешил, потому что обещал своему другу прийти к десяти часам утра, но уже было гораздо больше, так как Толя по своей неорганизованности замешкался дома и не успел выйти вовремя. А тут ещё, как это всегда бывает, когда поскорей надо, на улице произошла задержка. Он уже был в конце Третьего Каширского переулочка, как вдруг из-за забора вылезла

серая кошка и остановилась с явным намерением перебежать Толе дорогу.

— А-кши! Брысь сейчас же! — закричал Толя на кошку и, чтоб испугать её, нагнулся, делая вид, будто хочет поднять с земли камень.

Это действительно испугало кошку, но, вместо того чтоб бежать назад, она бросилась через дорогу и скрылась за воротами дома на противоположной стороне улицы.

— Ах, чтоб тебя! — растерянно пробормотал Толя.

Он остановился, не смея идти вперёд, и стал думать, что лучше: плюнуть три раза через плечо и продолжать путь или возвратиться назад и пройти по другой улице. Оглядевшись по сторонам и убедившись, что его никто не видит, он решил всё же вернуться назад.

«Будто что-нибудь может измениться от того, что я плюну три раза,— рассуждал он.— Раз кошка перебежала дорогу, то тут хоть плюй, хоть не плюй... Хотя если сказать по правде, то, может быть, и сама кошка ничего не значит, да ладно уж, шут с ней! Мне нетрудно по другой дороге пройти, а то на самом деле ещё какая-нибудь неудача получится».

Рассуждая таким образом, Толя вернулся к своему дому и, пройдя по Демьяновской улице до следующего угла, свернул во Второй Каширский переулок. На этот раз он добрался до Ломоносовской улицы без особенных приключений и ещё издали увидел, как из подъезда дома № 14 вышел какой-то мальчик. Сначала Толе показалось, что он очень похож на Славу Огонькова, потом показалось, будто не очень. Мальчик между тем постоял у подъезда, словно о чём-то раздумывал, после чего повернулся к Толе спиной и зашагал в противоположную сторону.

«Ладно,— сказал сам себе Толя.— Я сейчас поднимусь к Славе, и всё станет ясно. Если Слава дома, то это, значит, не он. Если же его дома нет, то тогда это он».

Поднявшись на четвёртый этаж, Толя позвонил у дверей 31-й квартиры. Ему отворила Славина мама.

— А Слава только что ушёл,— сказала она.— Разве ты не встретил его?

— Нет, то есть я видел его издали, да подумал, что это не он. Он ведь сказал, что подождёт меня.

— Он тебя долго ждал, даже сердился, что ты не идёшь. А потом ему позвонил по телефону Женя Зайцев, и Слава сказал, что пойдёт к нему.

— Свинья какая! Будто уж не мог подождать немножко! — сказал Толя, попрощавшись со Славиной мамой и спускаясь по лестнице.

Выйдя на улицу, он постоял у подъезда, раздумывая, что предпринять, потом тоже пошёл к Жене Зайцеву, который жил на Загородном шоссе, то есть довольно далеко от Ломоносовской улицы. Теперь Толе не к чему было спешить. Он шёл, зевая по сторонам и разглядывая всё, что попадалось на пути. На Суворовском бульваре он остановился, чтоб посмотреть на ребят, которые учились кататься на детском двухколёсном велосипеде.

Ребят было четверо, но ни один из них ещё не умел кататься, поэтому они не столько ездили, сколько падали с велосипеда. Нужно сказать, что кататься на этом велосипеде без привычки было довольно трудно, так как он был не совсем обычной конструкции. На обычном двухколёсном велосипеде педали надо крутить только до тех пор, пока машина не разгонится, после чего велосипед едет сам, а педали стоят на месте. На этом же велосипеде педали надо было крутить всё время. Даже когда их можно было уже и не крутить, они сами крутились. Это, наверное, объяснялось тем, что велосипед был устаревшей системы. Его подарил ребятам один жилец, который жил в их доме.

Жильца этого звали Иван Герасимович. Когда Иван Герасимович был ещё маленький, ему подарил этот велосипед его папа. Потом Иван Герасимович вырос и купил себе настоящий, взрослый, велосипед, а этот велосипед спрятал в сарае. Он думал, что когда-нибудь женится и у него будут дети, тогда он подарит им этот велосипед. Но прошло лет двадцать пять или

тридцать, Иван Герасимович так и не женился, а про велосипед забыл. И вот недавно он разбирал у себя в сарае старую рухлядь и увидел этот велосипед.

«Что мне с ним делать? — подумал Иван Герасимович. — Отдам-ка я его ребятам в общее пользование. Всё равно у меня своих детишек нету. Хотя я ещё, может быть, женюсь, но к тому времени велосипед совсем заржавеет, и его надо будет выбросить или сдать в утиль».

Он вытащил велосипед из сарая и сказал ребятам:

— Вот вам, чертенята, велосипед. Он хоть неказистый на вид, зато крепкий. Я в детстве по целым дням катался на нём, а у него, глядите, хотя бы спица сломалась. Словом, катайтесь, ребятки. Доламывайте.

Ребята были очень удивлены и даже не верили, что им дарят велосипед, но потом увидели, что Иван Герасимович не шутит, и очень обрадовались. Сначала они попробовали кататься по двору, но там им было очень больно падать, так как весь двор был вымощен крупным булыжником. Тогда они пошли на бульвар, и здесь их увидел Толя. Он посмотрел, как ребята то и дело кувыркались с велосипеда на землю, и сказал:

— Эх, вы! Кто же так учится кататься! Так и носы расшибёте! На велосипеде надо учиться кататься с горы.

— Почему с горы? — удивились ребята.

— Потому что, когда едешь с горы, велосипед катится сам — педали крутить не надо, и можно учиться держать равновесие. А когда научишься держать равновесие, можно начинать учиться крутить педали. Если же начнёшь учиться сразу и тому и другому, то ничего не получится.

Кто-то из ребят сказал:

— Надо пройти по бульвару дальше, там дорога идёт вниз, то есть с горки.

Все побежали туда, где начинался спуск. Но ни у кого не хватало смелости скатиться на велосипеде с горы.

— Какие же вы трусишки! — сказал Толя. — Ну-ка дайте велосипед, я покажу вам, как надо кататься.

Толя сел на велосипед, оттолкнулся ногой и покати́л вниз. Он уже умел немного кататься, и езда на велосипеде не представляла для него трудности. Ребята гурьбой побежали за ним. Они уже начали бояться, как бы он не удрал от них вместе с велосипедом. Велосипед между тем набирал скорость. Педали начали вертеться с такой быстротой, что Толя не успевал крутить ногами. Пришлось ему отпустить педали, но они всё-таки продолжали вращаться и начали бить его по ногам. Тогда Толя расставил ноги широко в стороны и помчался такой раскорякой со страшной скоростью. Неожиданно он увидел впереди малышей, которые играли посреди бульвара. Чтоб не наехать на них, ему пришлось круто повернуть в сторону. На его счастье, в ограде бульвара оказалась калитка. Толя проскочил сквозь неё, в мгновение ока пересек улицу и въехал в ворота дома.

Промелькнув по двору с быстротой молнии, Толя выехал на задворки и со всего разгона наткнулся передним колесом на толстую чугунную тумбу, которая лежала недалеко от забора. От удара велосипед брыкнул, словно лошадь, и встал торчком. Толя выскочил из седла, перелетел вверх ногами через забор, как акробат в цирке, и шлёпнулся в мусорный ящик, который стоял в соседнем дворе под забором.

Всё произошло так быстро, что Толя не успел опомниться, как уже сидел в ящике. Падая, он зацепился за гвоздь, который торчал в крышке ящика, и разорвал на спине рубашку. Это несколько задержало скорость полёта, к тому же он упал на кучу мягкого мусора, что значительно смягчило удар. Таким образом, всё обошлось благополучно, если не считать, что в самый последний момент Толя ушибся о стенку ящика лбом.

Придя понемногу в себя, он ощупал рукой ушибленный лоб, и ему показалось, что там у него ссадина или царапина.

Приложив к ссадине носовой платок, Толя стал осматриваться по сторонам, пытаясь разгадать, куда это он попал.

Ребята, которые мчались за велосипедом во весь опор, сильно отстали. Они, однако, успели заметить, как Толя свернул с

бульвара и скрылся в чужих воротах. Вскочив в эти ворота и пробежав в конец двора, они обнаружили валявшийся под забором велосипед. Увидев, что велосипед не похищен, но сам Толя куда-то исчез, ребята принялись бегать по двору, заглядывать во все уголки и кричать:

— Мальчик! Мальчик!

Но Толя не отзывался. Ребята подумали, что он, должно быть, не захотел больше кататься и ушёл домой. Они взяли велосипед и побежали обратно на бульвар.

Сидя в ящике, Толя слышал, как кричали ребята, но так как они звали его не по имени, то решил, что зовут кого-то другого. Осмотревшись по сторонам и выглянув из мусорного ящика наружу, Толя наконец уяснил себе, куда он попал. Понятно, у него не было большого желания сидеть в таком месте. Убедившись, что кровь из царапины на лбу уже не идёт, он спрятал в карман носовой платок и вылез из ящика.

Перед ним, за деревьями, был виден серый кирпичный дом с высокой аркой в стене. Толя пошёл прямо под эту арку, надеясь выйти на улицу, но попал не на улицу, а в другой двор. Здесь было гораздо красивее, чем там, откуда явился Толя. Посреди двора возвышалась огромная круглая клумба с цветущими астрами, георгинами и яркими, как огоньки, настурциями. Недалеко от клумбы была куча песка, обнесённая с четырёх сторон голубым деревянным заборчиком. Какие-то красивые тихие дети сидели вокруг кучи и лепили из песка пирожки. Они были в ярких, цветастых платьицах и костюмчиках. Издали их тоже можно было принять за цветы. По обеим сторонам песочной кучи были разбиты газоны с аккуратно подстриженной зелёной травкой. Вдоль газонов стояли удобные лавочки, на которых сидели мамы детей. Они мирно беседовали между собой, читали книжки и следили, чтоб детишки хорошо вели себя и не запорошили друг другу песочком глаза.

Позади лавочек была волейбольная площадка с протянутой поперёк неё верёвочной сеткой. Несколько мальчиков и девочек постарше играли в волейбол.

Двор был большой, широкий, окружённый со всех четырёх сторон стенами домов с балконами. На многих балконах пестрели цветы, высаженные в длинных деревянных ящиках. Толя невольно остановился и залюбовался открывшейся перед ним картиной. Всё это было удивительно: и цветы, и газоны с травой, и дети, и большой кожаный мяч, плавно взлетающий над волейбольной сеткой.

«Ах, если бы и мне жить в этом доме! — подумал Толя. — Я бы каждый день глядел на цветочки, на песочную горку с детишками, играл бы с этими мальчиками и девочками в волейбол».

Он грустно вздохнул и как раз в это время увидел, что одна девочка махнула ему рукой, приглашая его поиграть с ними. Толя подошёл несмело, но уже через две-три минуты вполне освоился среди новых друзей. Ему даже стало казаться, что он знаком с ними чуть ли не тысячу лет. Прошло ещё минут пять, и он уже захватил, как говорится, инициативу в свои руки: подавал команду, когда надо было меняться местами, кричал «аут», «сетбол», «мазила» и другие какие-то непонятные слова. Он всех учил правилам игры, хотя сам не особенно соблюдал эти правила. Кончилось тем, что он не смог взять мяч, который шёл очень низко. Вместо того чтоб отбить мяч рукой, он стукнул по нему ногой. Удар получился более сильный, чем ожидал Толя, мяч полетел в сторону и попал прямо в окно на втором этаже дома. Осколки стекла со звоном посыпались вниз. Мяч, к счастью, не влетел в окно, а упал тут же рядом.

Первой мыслью Толи было броситься наутёк, но он подавил в себе это желание. Ему казалось нечестным сбежать. Могли ведь подумать, что окно вышиб не он, а кто-нибудь из оставшихся игроков. Между тем один мальчик схватил мяч и, прижимая его к груди, побежал со двора.

— Спасайся кто может! — закричал кто-то.

Все игроки бросились врассыпную.

Увидев, что остался один, Толя решил, что теперь и ему можно бежать, но в тот же момент почувствовал, как его кто-то

крепко схватил сзади за шиворот, и чей-то визгливый голос закричал прямо в ухо:

— Ты куда же это мячом садишь, разбойник?! Некуда тебе мячом пулять, кроме как по окнам, лоботряс ты этакий!

Толя обернулся, насколько было можно в его положении, и, скосив глаза, увидел злое лицо старой женщины, с коричневой бородавкой, величиной с горошину, над верхней губой. Одной рукой старуха крепко держала Толю за шиворот, в другой руке у неё была чёрная клеёнчатая сумка с продуктами.

— Я нечаянно,— растерянно пробормотал Толя, стараясь вырваться.

— Я вот те оторву голову нечаянно да вместо стекла в окошко вставляю. Нет на вас, сорванцов, угомону!

— Опять у вас разбили, Дарья Семёновна? — спросила одна из женщин, которые сидели на лавочке возле песочной кучи.

— У нас, милая, а то как же! Уже в третий раз подряд бьют, чтоб их лихоманка била! Стёкол на них не напасёшься. Ты из какой квартиры? — спросила Дарья Семёновна и с силой тряхнула Толю за шиворот.

— Из шестнадцатой,— признался Толя.

— А вот и неправда,— сказала другая женщина.— Я в шестнадцатой квартире всех знаю.

— Так я ведь не в вашем доме живу,— ответил Толя.

— Ах, не в нашем! — со злой усмешкой сказала Дарья Семёновна.— Мало тут наши бьют окна, так ещё не наши приходить будут! Пойдём-ка в домоуправление.

Старуха потащила Толю в домоуправление. Там сидели управдом и счетовод. Управдом что-то писал за столом. Счетовод что-то подсчитывал на арифмометре. Он при этом курил, не выпуская изо рта папиросу, и жмурился от попадавшего в глаза дыма.

Ещё там, на лавочке, у окна, сидел усатый мужчина в сапогах. Он тоже курил папиросу, отчего в комнате стоял дым столбом.

Попав в эту отравленную дымом атмосферу, Толя закашлялся, но Дарья Семёновна бесцеремонно подтолкнула его вперёд и, прикрыв за собой дверь, сказала:

— Вот, окно высадил. Уже в третий раз разбивают, значит. Только было отлучилась в магазин за продуктами, возвращаюсь, а этот как наподдаст мячик ногой. Сама видела. Наши-то все на дачу уехали, денег мне в обрез оставили. Где я теперь на стекольщика два рубля возьму?

— Гм! — промычал управдом, отрываясь от своих бумаг. — Придётся, дружочек, уплатить за стекло два рубля.

— Я принесу, — пролепетал Толя.

— Вот, вот, дружище, пойдика и принеси.

— Так он и принесёт, держи карман шире! — проворчала Дарья Семёновна.

— Честное слово, я принесу, — стал уверять её Толя.

— А ты погоди со своим честным-то словом! Уйдёшь, только тебя и видели!

— Верно, — сказал управдом. — Надо записать его адрес. Как твоё имя, фамилия?

— Толя Клюквин.

— Где живёшь? Говори адрес.

— Демьяновская улица, дом десять, квартира шестнадцать.

— Ну так вот, Толя Клюквин, не принесёшь два рубля на стекольщика, мы тебя по этому адресу живо найдём. Понял? — сказал управдом, записав Толин адрес.

— Найдёшь его, держи карман, — сказала недоверчивая старуха. — Он тебе наврёт с три короба, только записывай.

Управдом покосился на Дарью Семёновну.

— Ну, это нетрудно проверить, — ответил он. — Демьяновская, десять. Это какое же домоуправление будет?.. Кажется, двадцать девятое...

Управдом полистал лежавшую перед ним тетрадь со списком домоуправлений, снял телефонную трубку и набрал номер.

— Алло! — закричал он, подождав с минуту. — Это два-

дцать девятое?.. Посмотрите там по домово́й книге, живёт у вас в шестнадцатой квартире Толя Клюквин? Как?.. Живёт?.. Ну спасибо... Что натворил?.. Да ничего особенного. Стекло здесь одной гражданке высадил... Ну, бабушка, вы не беспокойтесь,— сказал он, обращаясь к Дарье Семёновне и кладя трубку на место.— Теперь он от нас не скроется. Всё правильно.

— То-то и подозрительно, что всё правильно,— сказал уса́тый мужчина, который сидел на лавочке.— У нас тут в четвёртом отделении милиции случай был. Задержал милиционер мальчишку: прыгал на ходу из трамвая, а штраф отказался платить. Ну, его, естественно, милиционер в отделение привёл. Там, естественно, спрашивают: «Как фамилия?» Он говорит: «Ваня Сидоров»,— то есть не свою фамилию назвал, а одного своего знакомого мальчика. Его спрашивают: «Где живёшь?» Он им и адрес этого Вани Сидорова дал. Те стали звонить из милиции в домоуправление: живёт, мол, там у вас Ваня Сидоров? Им говорят: «Живёт». Ну те, что ж, отпустили этого Ваню Сидорова, то есть не Ваню Сидорова, а этого мальчишку, который Ваней Сидоровым назвался, а на другой день послали родителям настоящего Вани Сидорова повестку, чтоб уплатили за своего сына штраф. Ну, родители, конечно, на Ваню набросились. «Что же ты, говорят, такой-сякой, с подножки на ходу прыгаешь? Штраф теперь за тебя плати!» Парнишка, конечно, расстроился, в слёзы: «Не прыгал я!» — «А, так ты ещё врать, такой-сякой!» Бедный парень уверяет, клянётся. Заболел, понимаете, от такого недоверия. Родители видят — что-то не то получается. Не стал бы мальчонка так сильно расстраиваться, если б правда. Отец, естественно, побежал в милицию. «Мы, говорит, сыну верим. Наш Ваня не станет на ходу из трамвая прыгать. Он хороший». Ему говорят: «Они все хорошие, когда дома сидят». Отец говорит: «Всё равно я не стану штраф платить». — «А не заплатите, говорят, судить вас будем».

Через неделю там или другую вызывают отца на суд. Отец приходит «Товарищи, говорит, это что же такое? Не прыгал ведь он». — «Как, говорят, не прыгал, когда тут всё: и имя, и

фамилия, и адрес,— всё точно записано». Хотели отцу присудить пятнадцать суток ареста за то, что плохо сына воспитывает и штраф не хочет платить, да спасибо, кто-то надоумил вызвать в качестве свидетеля того милиционера, который задержал Ваню, когда он с подножки прыгал.

Ну, вызвали, естественно, милиционера, показали ему Ваню.

Милиционер посмотрел и говорит: «А я уж и не помню, какой тот мальчишка-то был, да, сдаётся мне, этот Ваня не тот мальчик, что я задержал». Потом он ещё пригляделся к нему и говорит: «Да, теперь я точно вижу, что это не тот». Так эта история ничем и кончилась. А могли Ваниного отца на пятнадцать суток арестовать ни за что ни про что. А того парнишку, который Ваней Сидоровым назвался, так и не нашли.

— Да, найдёшь его! — сказал управдом.— Видно, стреляный воробей оказался.

— Ещё какой стреляный! — подхватил усатый мужчина.— Обычно мальчишка наврёт с три короба, а всё без толку: выдумает и номер дома, и квартиру, и улицу. Станут в домоуправление звонить, а там во всём доме и квартиры-то такой нет, или живёт в ней кто-то другой. Вот тут-то он и попался. А этот всё верно сказал, только не про себя, а про Ваню Сидорова.

— Этак-то,— сказала Дарья Семёновна,— каждый разобьёт тебе стекло и скажет: я, дескать, Ваня Сидоров, живу там-то и там-то. Потом иди получай с Вани Сидорова.

— Гм! Вот видите, бабушка, какая оказия,— сказал управдом, пытливо взглянув на Толю.— Может быть, он на самом деле Ваня Сидоров, то есть... тьфу!.. как, ты сказал, твоя фамилия?

— Толя Клюквин,— ответил Толя.

— Вот, вот. Может быть, он на самом деле Толя Клюквин, а может, и кто другой. Тут, как видите, по-всякому бывает. Идите-ка вы с ним лучше в милицию, там поточней разберут.

— Зачем в милицию? — взмолился Толя.— Я вам говорю правду.

— «Правду, правду»! — проворчала с досадой старуха.— Жди от вас правды-то!

Она схватила Толю за руку чуть повыше локтя и потащила на улицу. Толя семенил рядом с ней, пугливо оглядываясь по сторонам. Ему казалось, что прохожие с любопытством глядели на него и догадывались, что его ведут в милицию, наверное, думали, что он вор.

Толя ни разу ещё не попадал в милицию, и ему очень не хотелось идти туда. Он рванулся что было силы, но старуха ещё крепче впила свои цепкие пальцы в его руку.

— За что вы его? — спросила шедшая навстречу женщина.

— Стекло в доме расшиб.

— Куда же вы его теперь?

— А в милицию. Куда же ещё?

— Пустите меня! — просил Толя, стараясь вырваться.

Но старуха держала его как клещами.

— А ты не трепыхайся, — твердила она. — От меня всё равно не уйдёшь.

— Пустите! — просил Толя. — Я сам пойду. Не надо меня держать. Я не убегу.

— Так я тебе и поверила.

Убедившись, что ему не вырваться из рук Дарьи Семёновны, Толя решил пойти на хитрость. Он видел, что она могла держать его только одной рукой, так как в другой у неё была сумка с продуктами.

«Когда-нибудь рука у неё устанет, и она не сможет меня так крепко держать», — решил Толя.

Он перестал вырываться и некоторое время шёл спокойно, как бы примирившись со своей участью. Усыпив таким образом бдительность старухи, он неожиданно рванулся и, оказавшись на свободе, бросился удирать.

— Стой! Стой! — закричала Дарья Семёновна, бросаясь за ним вдогонку. — Стой, говорят тебе! Держите его!

Встречные пешеходы останавливались, не зная, надо им ловить Толю или не надо. Один гражданин хотел было его

схватить, но Толя ловко шмыгнул у него под рукой и, повернув с тротуара, помчался по мостовой. Здесь ему не угрожали встречные пешеходы и он мог развить гораздо большую скорость. Дарья Семёновна тоже побежала по мостовой, но тут же чуть не угодила под грузовую машину.

— Стой! — закричала она, бросившись обратно на тротуар. — Остановись сейчас же! Попадёшь под машину!

Но Толя не слушал её. Он выбежал на перекрёсток и понёсся через дорогу. Дарья Семёновна увидела мчавшийся наперерез Толе трамвай и остановилась на углу улицы. Внутри у неё всё похолодело. Ей казалось, что Толя вот-вот угодит под трамвай. Но вагоновожатый, увидав Толю, замедлил ход. Толя перебежал через рельсы, но с другой стороны к нему уже приближался автомобиль. Бежать назад было поздно. Раздался визг тормозов. Автомобиль ткнул Толю в плечо и тут же остановился. Толя упал. Дарья Семёновна уронила на землю сумку и закрыла лицо руками.

Вокруг Толи моментально образовалась толпа. Какой-то гражданин сейчас же подбежал к телефонной будке и стал вызывать «скорую помощь». Толя между тем поднялся на ноги.

— Больно ушибся? — спросил его кто-то. — Ты не ранен?

— Нет, — замотал головой Толя.

Шофёр вылез из кабины и подбежал к Толе:

— И откуда ты взялся посреди мостовой, пострелёнок? Больно тебе?

— Нет, не больно.

Шофёр схватил его обеими руками, потрогал за локти, за плечи:

— Нигде не болит?

— Нигде. Я испугался просто.

— «Испуга-а-лся»! — Лицо шофёра расплылось в улыбке. — Скажи спасибо, что я затормозить успел вовремя.

Тут подошёл милиционер.

— Что с мальчиком? — спросил он шофёра.

— Счастливый случай, товарищ милиционер. Можно сказать, отделался лёгким испугом.

— Вот как!

В это время сквозь толпу пробралась Дарья Семёновна. Руки у неё тряслись от страха, губы дрожали. Увидев, что Толя как ни в чём не бывало стоит возле автомашины, она бросилась к нему и заголосила:

Живой, гляди-ка! Ах ты мой милы-ы-й!

Толя увидел старуху и метнулся от неё в сторону. Однако вокруг плотной стеной стояла толпа, и ему некуда было бежать.

— Да ты что, милый! — замахала руками старуха. — Да разве ж я тебя трону? Товарищ милиционер, это я, честное слово, я во всём виновата. Это он от меня, окаянной, с испугу под машину бросился. И всё из-за стекла этого, будь оно трижды неладно!

— Это верно, — сказал кто-то в толпе. — Я лично видел, как эта старушенция гналась за ним, словно разъярённая фурия.

— Ну что ж, мы так и запишем, — сказал милиционер и начал писать протокол.

— Пиши, милый, пиши! А ты, голубчик, не бойся, — обратилась старуха к Толе. — Я на тебя за стекло не в обиде, чтоб оно сгорело, век бы его не видать! Ты, миленький, приходи к нам, играй с ребятишками в этот свой мячик. А стёкла-то эти, бей их хоть каждый день, разве я что скажу!

Тут неподалёку остановилась машина «скорой помощи», и из неё вышла женщина в белом халате.

— Где пострадавший? — спросила она, подойдя к толпе. — Кого здесь машиной сшибло?

— Да вон, мальчонку, — ответил ей кто-то.

Толпа моментально расступилась, и женщина подошла к Толе:

— Ну-ка, держись руками за мою шею, я тебя в санитарную машину снесу.

— Да он здоровёхонек,— с усмешкой сказал шофёр.— Ничего ему не сделалось.

— Это вы так думаете,— строго сказала женщина.— А я вижу, что у мальчика лоб разбит.

— Так это я не сейчас,— сказал Толя.— Это я поранился, когда в мусорный ящик упал.

— В какой такой мусорный ящик?

— Ну, когда с ребятами на велосипеде катался.

Женщина схватила Толю в охапку и понесла к санитарной машине.

— Куда же вы его? — сказала Дарья Семёновна.— Он же сказал, что об мусорный ящик поранился.

— А по-вашему, если об мусорный ящик, то и лечить не надо? Ему поскорей надо укол против столбняка сделать.

— Ну что ж, на то вы и врачи, чтоб знать, против чего укол делать,— сказала Дарья Семёновна.— А ты, миленький, приходи к нам в мячик играть, когда поправишься! — закричала она и помахала Толе рукой.

Через минуту Толя уже ехал в санитарной машине. Женщина уложила его на носилки, а сама села рядом на лавочке.

— Вот приедем в больницу, доктор осмотрит тебя, тогда можно будет и ходить, и бегать, а сейчас пока полежи,— говорила она.

В окно санитарной машины были видны только верхние этажи зданий, и Толя никак не мог догадаться, по каким улицам они ехали. Но не это его тревожило. Больше всего его волновало то, что ему должны были сделать укол. Он боялся, что будет больно.

Скоро машина повернула в ворота лечебницы и остановилась у подъезда. Два санитары открыли дверцы и начали вытаскивать из машины носилки. Толя хотел вскочить на ноги, но один из санитаров строго сказал:

— Лежи, лежи смирненько!

И они понесли Толю в больницу. Толе, однако, хотелось видеть, куда это его несут, и, вместо того чтоб спокойно

лежать, он сидел на носилках и вертел во все стороны головой.

— И что за парень попался такой упрямый! — ворчал санитар, который шагал сзади.— Ему говорят — лежи, а он тут как ванька-встанька.

Пройдя по коридору больницы, санитары внесли Толю в большую светлую комнату с белыми стенами и высоким потолком. Здесь, как и в коридоре, пахло йодом, карболкой и другими медикаментами. Один из санитаров легко схватил Толю под мышки и положил на высокую твёрдую койку, застеленную холодной белой клеёнкой.

— Лежи тут. Сейчас доктор придёт,— сказал санитар тихо и для чего-то погрозил Толе пальцем.

Толя остался лежать. Ему было страшно. Доктор почему-то долго не приходил. Толе уже стало казаться, что о нём все забыли, но через некоторое время дверь отворилась, и вошёл доктор вместе с медицинской сестрой.

Доктор был старенький и весь белый: в чистом белом халате, в белом колпаке на голове, с белыми седыми бровями, а на носу очки. Он любил говорить слово «ну-с», обращался к Толе на «вы» и называл его молодым человеком:

— Ну-с, молодой человек, как же это вы под машину попали?

Не дожидаясь Толиного ответа, он вставил себе в уши две тонкие резиновые трубочки и приложил Толе к груди какую-то круглую металлическую штучку.

— Ну-с, попрошу вас дышать, молодой человек. Так... дышите поглубже... ещё дышите...— приговаривал он, прикладывая металлическую штучку к груди то справа, то слева.

Потом поднёс Толе к носу палец:

— А теперь попрошу вас смотреть на кончик моего пальца. И стал водить пальцем в разные стороны.

Толя вертел глазами то вправо, то влево, то вверх, то вниз, старательно следя за докторским пальцем.

После этого доктор ощупал Толю со всех сторон, постукал

по коленкам резиновым молоточком с блестящей металлической ручкой и, обратившись к медицинской сестре, спросил:

— У вас всё готово, Серафима Андреевна?

— Всё готово,— отозвалась она.

— Ну так приступайте,— приказал доктор.

«Батюшки! К чему это она приступать будет?» — подумал Толя.

От страха у него завертелись в глазах оранжевые круги и похолодело внутри.

— Не надо мне делать укол! — взмолился он.— Я больше не буду!

— Глупенький! Кто тебе сказал, что я буду делать укол? Я вовсе не буду.

С улыбкой Серафима Андреевна подошла к Толе, пряча за спиной шприц, который держала в руке. Свободной рукой она перевернула Толю на бок и как бы в шутку ущипнула пальцами за спину.

— Ай! — завизжал Толя, почувствовав, как игла шприца впилась в его тело.

— Тише, голубчик, тише! Всё уже! Не кричи! Уже ведь не больно!

— Да, не больно! — плаксиво ответил Толя.

— Теперь пусть он полежит полчасика, и можете отправить его домой. Только не забудьте помазать ему йодом ранку на лбу,— сказал доктор и вышел из комнаты.

Серафима Андреевна помазала Толе ссадину на лбу йодом, потом присела к столу и стала что-то писать в тетради.

— Тебя как звать-то? — спросила она.

Толя хотел сказать, что его зовут Толя, но почему-то сказал, что его имя Слава, а когда Серафима Андреевна спросила, как его фамилия, он, вместо того чтоб сказать Клюквин, ответил, что его фамилия Огоньков, то есть назвал имя и фамилию своего приятеля Славы Огонькова, к которому шёл утром, когда кошка ему дорогу перебежала.

— Красивая у тебя фамилия,— сказала Серафима Андре-

евна, записывая имя и фамилию Славы Огонькова.— А где ты живёшь?

Вместо того чтоб сказать, что он живёт на Демьяновской, дом 10, квартира 16, Толя сказал, что живёт на Ломоносовской, дом 14, квартира 31, то есть опять-таки дал адрес не свой, а этого самого Славы Огонькова.

Впоследствии Толя и сам не мог объяснить, почему он соврал. Должно быть, он вспомнил в этот момент, как никто ему не поверил в домоуправлении, когда он говорил правду, ну, а раз никто не верит, то чего ж ему и стараться! К тому же он очень боялся, как бы из больницы не сообщили матери про всё, что случилось.

Таким образом, Толя поступил в точности, как тот мальчик, про которого слышал в домоуправлении. Если бы он не слышал про этого мальчика, ему бы и в голову не пришло называться чужим именем и давать чужой адрес, но поскольку он слышал, то ему тут же и пришло всё это в голову.

— Ломоносовская улица — это не близко,— сказала Серафима Андреевна.— У вас дома есть телефон?

У Толи дома телефона не было, но он вспомнил, что в квартире у Славы телефон был, и поэтому сказал, что телефон есть.

— А какой номер? — спросила Серафима Андреевна.

— Номер, номер...— забормотал Толя, морща изо всех сил лоб.— Номер не помню.

— Как же ты своего телефона не помнишь? — усмехнулась Серафима Андреевна.— Видно, так испугался, когда под машину попал, что и номер забыл. Ну ничего, я сейчас посмотрю в справочнике.

— А зачем вы хотите по телефону звонить? — испуганно спросил Толя.

— Надо же сказать твоей маме, чтобы пришла за тобой. Я бы сама отвела тебя домой, но мне нельзя отлучаться с работы.

— Будто я сам не найду дороги домой! — сказал Толя.— Зачем меня ещё отводить!

— Нет, голубчик, я тебя не могу отпустить одного. Вдруг ты снова угодишь под машину!

Серафима Андреевна принялась листать телефонную книгу.

— Вот,— сказала она, отыскав нужную страницу.— Огоньков, Ломоносовская улица, дом четырнадцать, квартира тридцать один.

Она протянула руку к телефонному аппарату, сняла трубку и принялась набирать номер. Толя с тревогой наблюдал за её действиями и ждал, что из всего этого выйдет. Единственная его надежда была на то, что у Славы не окажется никого дома. Однако надежда эта оказалась напрасной. Через полминуты Серафима Андреевна уже разговаривала со Славиной мамой.

— Алло! Это гражданка Огонькова? — кричала она в телефонную трубку.— С вами говорят из больницы. Вам надо прийти за сыном. Да, да, за сыном, за Славой... Что с ним?.. Да с ним ничего. Он лежит тут... Да вы не волнуйтесь. С ним ничего, честное слово, ничего... Ну, а лежит потому, что ему противостолбнячный укол сделали... Противостолбнячный... Да... Зачем укол?.. Ну, вы ведь знаете, что при ранении всегда полагается укол против столбняка делать... Да нет! Какое ранение! Кто вам говорит про ранение? Он вовсе не ранен... Да не ранен, говорят вам! Просто царапина. Заживёт к вечеру... Да я не обманываю вас, честное слово, я говорю правду. Царапина! Абсолютно никакого ранения... Что?.. Царапина отчего?.. Ну, попал под машину, то есть не попал под машину, а его сшибло, то есть не сшибло, что это я говорю,— он сам упал, а машины даже близко не было, честное слово... Да нет, что вы такое выдумываете! Я не успокаиваю вас. Он живой, честное слово, живой. Да что вы поднимаете раньше времени панику! Вот он лежит тут, честное слово, лежит, что я, врать буду! Приезжайте, сами увидите... Что? Куда приезжать?.. Тургеневская, дом двадцать пять.

Серафима Андреевна положила трубку и, улыбнувшись, сказала Толе:

— Ну вот, как удачно всё вышло. Сейчас твоя мама здесь будет.

Услыхав эту новость, Толя моментально соскочил с койки, но Серафима Андреевна уложила его обратно.

— А ты лежи. Зачем же вставать? После укола всегда полежать надо. Мама придёт, вместе домой отправитесь.

Толя лежал и старался представить себе, как он будет выпутываться, когда Славина мама придёт и увидит его вместо Славы.

«Может быть, признаться Серафиме Андреевне, что я вовсе не Слава?» — думал Толя.

Однако он никак не мог решиться признаться, а потом Серафима Андреевна вышла из комнаты, и её долго не было. Увидев, что она не возвращается, Толя решил, что теперь самое лучшее будет — это удрать отсюда. Он уже представлял себе, как Серафима Андреевна и Славина мама войдут в комнату и, увидев, что его нет, начнут искать по всей больнице; Славина мама, конечно, испугается ещё больше, но в конце концов она всё же вернётся домой, увидит Славу и успокоится.

Продумав всё это, Толя поднялся на койке и уже опустил ноги вниз, чтоб соскочить на пол, но в это время дверь открылась, и в комнату вошла Серафима Андреевна, а за ней Славина мама. Лицо у неё было бледное и встревоженное.

— Ну, вот видите,— сказала Серафима Андреевна.— Он жив и вполне здоров, и даже смеётся.

Толя сидел на койке и глупо улыбался, глядя на Славину маму.

— Где же мой сын? — спросила Славина мама, обводя комнату растерянным взглядом и как бы не замечая Толю.

— Да вот же,— весело сказала Серафима Андреевна, махнув рукой в сторону Толи.— Неужто не признали своего сына?

— Где мой сын? — глухо повторила Славина мама.— Толя, где Слава?

— Не знаю,— пробормотал Толя.

— Вы ведь вместе были у Жени Зайцева. Куда вы от него пошли? Толя, не скрывай от меня ничего!

— Да какой он Толя! Он Слава,— сказала Серафима Андреевна.

— Кто — Слава? — удивилась Славина мама.

— Да он же. Кто же ещё?

— Слушайте, что всё это значит? Вы скажете наконец, где мой сын?

— Так разве Слава не ваш сын?

— Слава мой сын, но ведь это не Слава, а Толя! Толя Клюквин, понимаете? Сколько раз повторять вам! Я, кажется, с ума сойду!

— Что же ты сказал мне, что тебя зовут Слава Огоньков? — напустилась Серафима Андреевна на Толю.— Вы меня, гражданка, простите, но я не виновата. Он мне сказал, что он Огоньков, я и позвонила вам. Ты зачем сказал, что ты Огоньков, когда ты вовсе не Огоньков? Ты что, не в своём уме, такие шутки шутить? Или ты, может, испугался, когда под машину попал? Вы его не вините, гражданка, должно быть, он от испуга не то, что надо, сказал. Это бывает.

— Да я разве виню? Я никого не виню. Я только хочу узнать, где мой сын?

— Гражданочка, откуда же я могу знать, где ваш сын? Разве вы не видите, что вашего сына у нас нет?

— Значит, он не попал под машину?

— Должно быть, ещё не попал,— развела руками Серафима Андреевна.— Думаю, что, если б попал, его бы к нам привезли.

— Слушай, Толя,— обратилась Славина мама к Толе.— Ты мне скажи только, когда вы со Славой ушли сегодня от Жени?

— А я разве был сегодня у Жени? — спросил Толя.

— А разве нет? Мне показалось сегодня утром, что ты тоже к Жене пошёл.

— Я пойти-то пошёл, но дойти-то не дошёл. Я не попал к нему, потому что сюда вот попал.

— Так, может быть, Слава и сейчас у Жени сидит? Ты не помнишь телефон Жени?

— Нет.

— Ну, телефон можно по телефонной книге узнать,— сказала Серафима Андреевна.

Она быстро разыскала в телефонной книге телефон Жени Зайцева. Славина мама сейчас же позвонила, и оказалось, что Слава был там. Поговорив со Славой и приказав ему возвращаться домой, она успокоилась и попросила Серафиму Андреевну дать ей немножечко валерьяновых капель. Серафима Андреевна накапала ей валерьянки в стаканчик и сказала:

— Теперь надо бы позвонить Толиной маме, чтобы пришла за ним.

— Нет, нет,— сказала Славина мама.— Не надо Толиной маме звонить, а то вы её до смерти перепугаете.

— Что вы! Зачем же я стану пугать? Уж я знаю, как надо.

— Нет, я лучше сама отведу Толю домой. Да у них, кстати, и телефона нет.

Сказав это, Славина мама взяла Толю за руку и, попрощавшись с Серафимой Андреевной, вышла на улицу.

— Как же так получилось, что ты в больницу попал? — спросила она.

Толя стал рассказывать по порядку, как отправился утром к Славе, но вернулся назад, потому что ему перебежала дорогу кошка, а поэтому он опоздал и не застал Славу дома; как пошёл потом к Жене, но по дороге стал кататься на велосипеде и упал в мусорный ящик, потом играл с ребятами в волейбол, разбил мячом окно, попал в руки злой бабке, которая потащила его в милицию, а он от неё вырвался и побежал через дорогу, и его чуть не задавил автомобиль, после чего его отвезли в больницу и сделали укол против столбняка. Славина мама не могла сдерживать на лице улыбку, слушая весь этот невероятный рассказ.

Потом она сказала:

— Какой же ты чудной человек! Ну скажи, пожалуйста, что было бы, если бы ты не обратил внимания на то, что тебе перебежала дорогу кошка, а пошёл бы спокойно своей дорогой?

— Да что было бы?.. Ничего, наверное, и не было бы,— ответил Толя.— Я застал бы дома Славу, мы играли бы с ним дома в шахматы, и я не пошёл бы к Жене, не разбил бы окно, не удрал бы от бабки и не попал бы под машину.

— Вот видишь! Это всё из-за того, что ты человек с предрассудками и веришь в разную чепуху.

— А это что — предрассудки?

— Не знаешь, что такое предрассудки? — усмехнулась Славина мама.— Постараюсь тебе объяснить. Ты, наверное, знаешь, что когда-то человек был ещё очень дикий, необразованный, не умел правильно рассуждать, не понимал многого, что происходит вокруг. Когда происходило затмение Солнца, он, не умея объяснить это неожиданное явление, пугался и воображал, что оно предвещает какое-нибудь бедствие, а когда ему неожиданно перебежала дорогу кошка или другое животное, он думал, что это тоже сулит какую-нибудь неудачу. Так появились многие предрассудки, а предрассудками они названы потому, что возникли ещё перед тем, как человек научился правильно пользоваться своим рассудком, или умом.

— Так лучше их назвали бы не предрассудками, а перед-рассудками,— сказал Толя.

— Ну, это всё равно, что «пред», что «перед»,— сказала Славина мама.— Принято говорить «предрассудки». Ну вот. Мы с тобой прекрасно знаем, что во время солнечного затмения Луна заслоняет Солнце, и это не может предвещать ничего плохого. Что же может случиться с человеком плохого, если ему перебежит дорогу кошка?

— Ну что может случиться? Наверное, ничего,— ответил Толя.— Человек ходит сам по себе, а кошка бежит сама по себе.

— Вот видишь, ты это понимаешь,— сказала Славина

мама.— Плохо будет только тогда, когда человек из-за какой-нибудь чепухи, вроде кошки, станет делать не то, что должен. Представь себе, что у тебя есть друг. И вот твой друг попал в беду. Ты спешишь на помощь ему, но как раз в этот момент тебе перебегает дорогу кошка. Что ты сделаешь? Повернёшься и пойдёшь назад, вместо того чтоб выручать друга?

— Нет, я буду выручать друга.

— Правильно! Человеку всегда надо делать то, что велит ему долг, а не то, что велит ему вера в кошку или в другую какую-нибудь ерунду. Ты вот шёл утром к Славе, потому что обещал встретиться с ним, значит, твой долг был идти к нему, а ты из-за какой-то ничтожной кошки стал петлять по улицам, так что в конце концов чуть под автомобиль не попал.

Пока Славина мама объясняла всё это Толе, они дошли до Ломоносовской улицы. Увидев, что они очутились возле Славиного дома, Толя сказал:

— Не надо меня провожать дальше. Теперь я сам дорогу домой найду.

— Ну, иди сам,— согласилась Славина мама.

Толя свернул в Третий Каширский переулок и зашагал к своему дому. Он шёл и думал:

«Вот какая чепуха может выйти из-за всех этих предрассудков! И ещё хорошо, что всё хорошо кончилось! Не затормози шофёр вовремя, и всё кончилось бы гораздо хуже».

Неожиданно его рассуждения были прерваны появлением рыжей полусибирской кошки, которая выскочила из-за угла дома и, распушив хвост трубой, быстро побежала через дорогу. Толя вздрогнул от неожиданности и остановился как вкопанный.

«Вот уж как не повезёт с утра, так целый день не будет везти! — с досадой подумал он.— Что теперь делать? Если идти в обход, то снова какая-нибудь ерунда случится: или в мусорный ящик свалишься, или кирпич на голову упадёт. Так и во веки веков домой не дойдёшь!»

Он нерешительно посмотрел по сторонам и сказал сам себе:

«Нет, с этим пора кончать! Что я, человек или не человек? Я человек! А человек — существо умное, гордое. Он запускает в космос ракеты, покорил атомную энергию, выдумал думающую машину. Человек не может зависеть от какой-то старой, облезлой кошки и всегда должен делать то, что велит ему долг. А что мне велит долг? Мой долг велит мне идти домой обедать, потому что мама уж давно ждёт меня и, наверное, волнуется».

Славина мама долго стояла на углу улицы и смотрела вслед Толе. Она боялась, как бы с ним не случилось ещё чего-нибудь. Она видела, как он почему-то остановился посреди тротуара, постоял в нерешительности некоторое время, потом вдруг махнул рукой и, подняв гордо голову, бодро пошёл вперёд.

ПРО ГЕНУ

Гена был, в общем, хороший мальчик. Ничего себе паренёк. Как говорится, не хуже других детишек. Вполне здоровый, румяный, лицо кругленькое, нос кругленький, вся голова, в общем, кругленькая. А шея у него была короткая. Совсем почти шеи не было. То есть шея, конечно, у него имелась, но её можно было разглядеть только летом, когда Гена ходил в майке или в рубашке с открытым воротом. А зимой, когда он надевал тёплую курточку или пальто, шеи не было видно, и казалось, что его круглая голова лежала прямо на плечах, словно арбуз на блюде. Но это, конечно, не такая уж большая беда, потому что у многих ребят, пока они ещё маленькие, шея бывает коротенькая, а когда они подрастут, то и шея становится длинней.

В общем, это был не такой уж большой недостаток.

Главный недостаток Гены заключался в том, что он любил иногда приврать. То есть он не то чтобы врал, как говорится, без зазрения совести. Нет, этого за ним не водилось. Вернее сказать, он не всегда говорил правду.

Впрочем, с кем этого не бывает! Иной раз хоть не хочешь, а соврёшь и даже сам не заметишь, как это вышло.

А учился Гена ничего себе. Как говорится, не хуже других. В общем, неважно учился. Были у него в дневнике тройки, иногда попадались и двойки. Но это, конечно, только в те дни, когда папа и мама ослабляли своё внимание и не очень следили, чтоб он вовремя делал уроки.

Но главное, как уже сказано, было то, что он иногда говорил неправду, то есть врал иногда так, что себя не помнил. За это один раз он даже был крепко наказан.

Случилось это зимой, когда в его школе проводили сбор металлического лома. Ребята задумали помочь государству и собирать металлический лом для заводов. Они даже решили соревноваться между собой, кто соберёт больше, а победителей помещать на доску Почёта.

Гена тоже решил соревноваться. Но в первый день, когда он отправился за металлическим ломом, он встретил во дворе своего друга Гошу.

Этот Гоша был худенький, маленький мальчик, чуть ли не на целый год младше Гены. Но Гена с ним очень дружил, потому что Гоша был умный и всегда придумывал что-нибудь интересное.

Так случилось и на этот раз. Увидев Гену, Гоша спросил:

— Ты куда это разогнался?

— Иду собирать металлический лом,— сказал Гена.

— Пойдём лучше с ледяной горки кататься. В соседнем дворе ребята хорошую горку сделали.

Они отправились в соседний двор и принялись кататься с горки. Санок у них не было, поэтому они съезжали попросту на ногах. Только это было не очень удобно, потому что каждый раз приходилось ехать сначала стоя, а потом уже лёжа на животе, а иной раз и на спине.

Наконец Гоша сказал:

— Так кататься невыгодно. Можно расквасить нос. Пойди-ка ты лучше домой за санками. У тебя ведь есть санки.

Гена пошёл домой, пробрался на кухню и взял санки. Мама увидела и говорит:

— Зачем санки? Ты ведь пошёл собирать лом.

— А я буду возить лом на санках,— объяснил Гена.— Он ведь тяжёлый. В руках много не унесёшь, а на санках гораздо легче.

— А,— сказала мама.— Ну иди.

Целый день Гена катался с Гошей на санках и только к вечеру вернулся домой. Всё пальто у него было в снегу.

— Где же ты пропадал столько времени? — спросила мама.

— Сбирал лом.

— Неужели для этого надо было так извальяться в снегу?

— Ну, это мы на обратном пути с ребятами немножко в снежки поиграли,— объяснил Гена.

— Ничего себе — немножко! — покачала головой мама.

— А много ты собрал лому? — спросил Гену папа.

— Сорок три килограмма,— не задумываясь, соврал Гена.

— Молодец! — похвалил папа и стал высчитывать, сколько это будет пудов.

— Кто же теперь на пуды считает? — сказала мама.— Теперь все считают на килограммы.

— А мне на пуды интересно,— ответил папа.— Когда-то я работал в порту грузчиком. Приходилось носить бочонки с треской. В каждом бочонке по шесть пудов. А сорок три килограмма — это почти три пуда. Как же ты дотащил столько?

— Я ведь не носил, а на санках,— ответил Гена.

— Ну, на санках, конечно, легче,— согласился отец.— А другие ребята сколько собрали — больше, чем ты, или меньше?

— Меньше,— ответил Гена.— Кто тридцать пять килограммов, кто тридцать. Только один мальчик собрал пятьдесят килограммов, и ещё один мальчик собрал пятьдесят два.

— Ишь ты! — удивился папа. — На девять килограммов больше, чем ты.

— Ничего, — сказал Гена. — Завтра я тоже на первое место выйду.

— Ну ты не особенно надрывайся там, — сказала мама.

— Зачем — особенно! Как все, так и я.

За ужином Гена ел с большим аппетитом. Глядя на него, папа и мама радовались. Им всегда почему-то казалось, что Гена ест мало и от этого может похудеть и заболеть. Увидев, как он уписывает за обе щеки гречневую кашу, отец потрепал его рукой по голове и, засмеявшись, сказал:

— Поработаешь до поту, так и поешь в охоту! Не так ли, сынок?

— Конечно, так, — согласился Гена.

Весь вечер отец и мать говорили о том, как хорошо, что теперь в школе приучают детей к труду.

Папа сказал:

— Кто с малых лет приучится трудиться, тот вырастет хорошим человеком и никогда не будет на чужой шее сидеть.

— А я и не буду на чужой шее сидеть, — сказал Гена. — Я на своей буду сидеть шее.

— Вот, вот! — засмеялся папа. — Ты у нас хороший мальчик.

Наконец Гена лёг спать, а папа сказал маме:

— Знаешь, что мне больше всего нравится в нашем мальчике — это его честность. Он мог бы наврать с три короба, мог сказать, что собрал больше всех лома, а он откровенно признался, что двое ребят собрали больше его.

— Да, он у нас мальчик честный, — сказала мама.

— По-моему, воспитывать в детях честность — важнее всего, — продолжал папа. — Честный человек не соврёт, не обманет, не подведёт товарища, не возьмёт чужого и трудиться будет исправно, не станет сидеть сложа руки, когда другие работают, потому что это значит быть паразитом и поедать чужой труд.

На другой день Гена явился в школу, и учительница спросила, почему он не пришёл вчера собирать лом. Не моргнув глазом, Гена ответил, что ему не разрешила мама, так как у него заболела сестрёнка воспалением лёгких и он должен был пойти в больницу, чтоб отнести ей апельсин, а без апельсина она будто бы не могла выздороветь. Почему ему пришло в голову наврать про больницу, про сестрёнку, которой у него вовсе не было, и вдобавок про апельсин,— это никому не известно.

Придя из школы домой, он пообедал сначала, потом взял саночки, сказал маме, что идёт собирать лом, а сам снова отправился кататься на горку. Вернувшись к вечеру домой, он опять принялся сочинять, кто из ребят сколько собрал лому, кто вышел на первое место, кто на последнее, кто ударник, кто отличник, кто просто передовик.

Так было каждый день. Уроки Гена совсем перестал делать. Ему не до того было. В дневнике у него начали появляться двойки. Мама сердилась и говорила:

— Это всё из-за лома! Разве можно заставлять детей столько трудиться? Ребёнку совсем некогда делать уроки! Надо будет пойти в школу и поговорить с учительницей. Что они там себе думают? Одно из двух: пусть или учатся, или лом собирают! Иначе ничего не выйдет.

Однако ей всё было некогда, и она никак не могла собраться пойти в школу. Папе она боялась говорить про плохие отметки Гены, потому что папа всегда расстраивался, когда узнавал, что его сын скверно учится. Ничего не подозревая, он каждый вечер с интересом расспрашивал Гену о его трудовых успехах и даже записывал в свою записную книжечку, сколько он собрал за день лома. Гена для большего правдоподобия сочинял разные небылицы. Сочинил даже, что учительница Антонина Ивановна поставила его в пример всему классу и поместила его фамилию на доску Почёта.

Наконец наступил день, когда Гена получил самую скверную отметку, которая только бывает на свете, то есть единицу,

да ещё по такому важному предмету, как русский язык. Он, конечно, ничего не сказал маме, а просто взял санки и отправился «собирать лом»; то есть это он только так говорил, что идёт собирать лом, а на самом деле пошёл, как всегда, кататься.

Когда он ушёл, мама вспомнила, что не проверила его отметки. Она достала из сумки дневник и увидела, что у него там «кол», то есть, попросту говоря, единица.

— Эге! — с досадой сказала она. — Это, наконец, возмутительно! Что они там себе в школе думают! Ребёнок единицы приносит, а у них только лом на уме!

Оставив все свои дела, она поспешила в школу.

На её счастье, Антонина Ивановна ещё не ушла. Увидев Генину маму, она сказала:

— Вот хорошо, что вы пришли. Я вас вызвала, чтоб поговорить об успехах Гены.

— Как это вы меня вызвали? — удивилась Генина мама. — Меня никто не вызывал. Я сама пришла.

— Разве вы не получили мою записку? — спросила учительница.

— Нет.

— Странно! — сказала Антонина Ивановна. — Я ещё позавчера велела Гене передать вам записку.

— Может быть, вы ошиблись? Вы, наверно, кому-нибудь другому велели, а не Гене.

— Нет. Как же я могла ошибиться?

— Почему же Гена не передал мне?

— Надо будет у него об этом спросить, — сказала Антонина Ивановна. — А сейчас я хотела выяснить, почему Гена стал хуже учиться. Мне непонятно, почему он дома уроки не делает.

— Что же здесь непонятного? — усмехнулась Генина мама. — Сами заставляете детей собирать лом, а потом удивляетесь, почему дети уроки не делают.

— При чём же здесь лом? — удивилась учительница.

— Как — при чём? Когда же им делать уроки, если нужно лом собирать? Вы бы сами подумали.

— Что-то я вас не совсем понимаю. Мы не перегружаем учащихся этой работой. В сборе металлолома они участвуют один раз в неделю. Это не может повредить их занятиям.

— Ха-ха-ха! Раз в неделю! — засмеялась Генина мама. — Да они каждый день собирают. Гена собрал почти целую тонну.

— Кто вам сказал?

— Гена.

— Ах так! Если хотите знать, то ваш Гена не то что тонну, а ни килограмма не собрал, ни грамма, ни полграмма! — с возмущением сказала учительница.

— Как вы можете так говорить! — вспылила Генина мама. — Он мальчик честный, он не станет обманывать. Вы ведь сами поставили его в пример всему классу и повесили на доску Почёта.

— На доску Почёта?! — воскликнула Антонина Ивановна. — Как же я могла поместить Гену на доску Почёта, если он даже ни разу не участвовал в сборе металлолома?! В первый раз сказал, что у него заболела сестрёнка воспалением лёгких... У вас болела дочь воспалением лёгких?

— Какая дочь? У меня нет никакой дочери!

— Вот видите! А Гена сказал — заболела сестрёнка воспалением лёгких и мама послала в больницу отнести апельсин.

— Ну подумайте только! — сказала мама. — Выдумал апельсин какой-то. Значит, он всё время меня обманывал! Наверное, и сегодня не пошёл собирать лом?

— Кто же сегодня собирает лом! — ответила учительница. — Сегодня четверг, а сбор лома проводится у нас по субботам. В субботу мы нарочно отпускаем ребят пораньше.

От волнения Генина мама даже забыла попрощаться с учительницей и бросилась поскорей домой. Она не знала, что думать, что делать. От горя у неё даже заболела голова. Когда вернулся с работы Генин папа, мама сейчас же рассказала

ему обо всём. Услыхав такую новость, папа ужасно расстроился и разволновался.

Мама принялась успокаивать его, но он не хотел успокаиваться и метался по комнате, как разъярённый тигр.

— Подумать только! — кричал он, хватаясь за голову руками. — Значит, он только и делал, что катался на санках, а нам говорил, что ходит собирать лом. Так врать, а! Хорошо воспитали сыночка, нечего сказать!

— Но мы же не учили его обманывать! — сказала мама.

— Этого ещё не хватало! — ответил папа. — Ну, пусть он только вернётся, я ему покажу!

Однако Гена долго не приходил. В этот день он ушёл со своим другом Гошей далеко, в парк культуры, и они катались там на берегу реки с откосов. Это было очень увлекательное занятие, и они никак не могли накататься досыта.

Было совсем поздно, когда Гена наконец явился домой. Он с головы до ног извалялся в снегу и дышал от усталости, словно лошадь. Его круглое лицо так и пылало жаром, шапка налезла на глаза, и, для того чтоб хоть что-нибудь видеть, ему приходилось запрокидывать назад голову.

Мама и папа тут же подбежали к нему и стали помогать снять пальто, а когда сняли, от Гены повалил кверху пар.

— Бедненький! Ишь как натрудился-то! — сказал папа. — У него вся рубашка мокрая!

— Да, — сказал Гена. — Сегодня я сто пятьдесят килограммов железа собрал.

— Сколько, сколько?

— Сто пятьдесят.

— Ну, герой! — развёл руками отец. — Надо подсчитать, сколько всего получится.

Папа взял свою записную книжечку и стал подсчитывать:

— В первый день ты собрал сорок три килограмма, на следующий ещё пятьдесят, — вместе девяносто три, на третий день шестьдесят четыре — получится сто пятьдесят семь, потом ещё шестьдесят девять — это будет... это будет...

— Двести двадцать шесть,— подсказал Гена.

— Правильно! — подтвердил папа.— Считаем дальше...

Так он считал, считал, и у него получилась целая тонна, да ещё с лишним.

— Смотри,— с удивлением сказал он.— Целую тонну железа собрал! Это ж надо! Кто же ты теперь у нас?

— Наверное, отличник или ударник, не знаю точно,— ответил Гена.

— Не знаешь? А я знаю! — закричал вдруг отец и стукнул кулаком по столу.— Ты плут! Мошенник! Трутень ты, вот кто! Тунеядец!

— Какой ту-тунеядец? — заикаясь от испуга, спросил Гена.

— Не знаешь, какие тунеядцы бывают?

— Не-не-не знаю.

— Ну, это те, которые сами не трудятся, а норовят устроиться так, чтоб за них другие работали.

— Я не норовю... не норовлю,— пролепетал Гена.

— Не норовишь? — закричал отец страшным голосом.— А кто каждый день на санках катается, а дома врёт, будто лом собирает? Где записка? Признавайся, негодный!

— Какая за-за-записка?

— Будто не знаешь! Записка, которую тебе Антонина Ивановна дала.

— У меня нет.

— Где же она?

— Я её в мусоропровод выбросил.

— А, в мусоропровод! — загремел отец и стукнул кулаком по столу с такой силой, что зазвенела посуда.— Тебе для того дали записку, чтоб ты её в мусоропровод бросал?

— Ну, успокойся, пожалуйста,— взмолилась мама.— До смерти перепугаешь ребёнка.

— Перепугаешь его! Как же! Он сам кого хочешь перепугает. Подумать только — так врать! Тонну железа собрал! На доску Почёта повесили! Это же позор! Как я буду людям в глаза смотреть!

— Зачем же кричать? Его наказать надо, а кричать — это непедагогично. У ребёнка может пропасть аппетит,— сказала мама.

— Думаю, что аппетит у него не пропадёт,— сказал папа,— а что его наказывать следует, это я и сам знаю.

Папа ещё долго стыдил Гену. Гена просил у него прощения, клялся, что теперь ни за что не будет на санках кататься и всегда будет собирать лом. Но отец не согласился его простить. Кончилось дело тем, что Гена был крепко наказан. Как был наказан, говорить ни к чему. Каждый сам знает, какие наказания бывают. В общем, наказали его, и всё.

А в этот год Гена на самом деле уже не катался больше на санках, так как зима скоро кончилась и снег растаял. Но и железный лом ему тоже не пришлось собирать, потому что учебный год подошёл к концу и ребятам нужно было усиленно заниматься, чтоб перейти в следующий класс с хорошими отметками. У них в школе в этот год никто больше не собирал железного лома.

КЛЯКСА

Я расскажу вам про Федю Рыбкина, о том, как он насмешил весь класс. У него была привычка смешить ребят. И ему было всё равно: перемена сейчас или урок. Так вот. Началось это с того, что Федя подрался с Гришей Копейкиным из-за флакончика туши. Только если сказать по правде, то никакой драки тут не было. Никто никого не бил. Они просто вырывали друг у друга из рук флакончик, а тушь из него выплеснулась, и одна капля попала Феде на лоб. От этого на лбу у него получилась чёрная клякса величиной с пятак.

Сначала Федя рассердился, а потом он увидел, что ребята смеются, глядя на его кляксу, и решил, что это даже лучше. И не стал смывать кляксу.

Скоро зазвонил звонок, пришла Зинаида Ивановна, и начался урок. Все ребята оглядывались на Федю и потихоньку

смеялись над его кляксой. Феде очень нравилось, что он одним своим видом может смешить ребят. Он нарочно сунул палец в флакончик и измазал нос тушью. Тут уж никто без смеха не мог на него смотреть. В классе стало шумно. Зинаида Ивановна сначала никак не могла понять, в чём дело, но скоро заметила Федину кляксу и даже остановилась от удивления.

— Это чем ты лицо испачкал, тушью? — спросила она.

— Ага,— кивнул головой Федя.

— А какой тушью? Этой?

Зинаида Ивановна показала на флакончик, который стоял на парте.

— Этой,— подтвердил Федя, и рот его разъехался чуть ли не до ушей.

Зинаида Ивановна надела на нос очки и с серьёзным видом осмотрела чёрные пятна на лице Феде, после чего сокрушённо покачала головой:

— Напрасно ты это сделал, напрасно!

— А что? — забеспокоился Федя.

— Да, видишь ли, тушь эта химическая, ядовитая. Она разъедает кожу. От этого кожа сперва начинает чесаться, потом на ней вскакивают волдыри, а потом уже по всему лицу идут лишай и язвочки.

Федя перепугался. Лицо у него вытянулось, рот сам собою открылся.

— Я больше не буду мазаться тушью,— пролепетал он.

— Да уж думаю, что больше не будешь! — усмехнулась Зинаида Ивановна и продолжала урок.

Федя поскорей принялся стирать пятна туши носовым платком, потом повернул своё испуганное лицо к Грише Копейкину и спросил:

— Есть?

— Есть,— шёпотом сказал Гриша.

Федя снова принялся тереть лицо. Тёр и платком и промокашкой, но чёрные пятна глубоко въелись в кожу и не стирались.

Гриша протянул Феде ластик и сказал:

— На́ вот. Это хорошая чернильная резинка. Потри попробуй. Если она тебе не поможет, то пиши пропало.

Федя принялся тереть лицо чернильной резинкой, но и это не помогло. Тогда он решил сбегать умыться и поднял руку. Но Зинаида Ивановна, будто нарочно, не замечала его. Он то вставал, то садился, то приподнимался на цыпочки, стараясь вытянуть руку как можно выше. Наконец Зинаида Ивановна спросила, что ему нужно.

— Разрешите мне пойти умыться,— попросил жалобным голосом Федя.

— А что, уже чешется лицо?

— Н-нет,— замялся Федя.— Кажется, ещё не чешется.

— Ну, тогда посиди. На переменке успеешь умыться.

Федя сел на место и снова принялся тереть лицо промо-кашкой.

— Чешется? — озабоченно спрашивал Гриша.

— Н-нет, кажется, не чешется... Нет, кажется, чешется. Не разберу, чешется или не чешется. Кажется, уже чешется! Ну-ка, посмотри, нет ещё волдырей?

— Волдырей ещё нет, а вокруг уже всё покраснело,— шёпотом сказал Гриша.

— Покраснело? — испугался Федя.— Отчего же покраснело? Может быть, уже волдыри начинаются или язвочки?

Федя снова стал поднимать руку и просить Зинаиду Ивановну отпустить его умыться.

— Чешется! — хныкал он.

Теперь ему было не до смеха. А Зинаида Ивановна говорила:

— Ничего. Пусть почешется. Зато в другой раз не станешь мазать лицо чем попало.

Федя сидел как на иголках и всё время хватался за лицо руками. Ему стало казаться, что лицо на самом деле стало чесаться, а на месте пятен уже начинают вздуваться шишки.

— Ты лучше не три,— посоветовал ему Гриша.

Наконец прозвонил звонок. Федя первым выскочил из класса и во всю прыть побежал к умывальнику. Там он всю перемену тёр лицо мылом, а весь класс над ним потешался. Наконец он начисто оттер пятна туши и целую неделю после того ходил серьезным. Всё ждал, что на лице волдыри вскочат. Но волдыри так и не вскочили, а за эту неделю Федя даже разучился на уроках смеяться. Теперь смеётся только на переменках, да и то не всегда.

ФЕДИНА ЗАДАЧА

Раз как-то зимой Федя Рыбкин пришёл с катка. Дома никого не было. Младшая сестра Феди, Рина, уже успела сделать уроки и пошла играть с подругами. Мать тоже куда-то ушла.

— Вот и хорошо! — сказал Федя. — По крайней мере, никто не будет мешать делать уроки.

Он включил радио, достал из сумки задачник и стал искать заданную на дом задачу.

— Передаём концерт по заявкам, — объявил голос по радио.

— Концерт — это хорошо, — сказал Федя. — Веселей будет делать уроки.

Он отрегулировал репродуктор, чтоб было погромче, и сел за стол.

— Ну-ка, что тут нам на дом задано? Задача номер шесть-сот тридцать девять? Так... «На мельницу доставили четыреста пятьдесят мешков ржи, по восемьдесят килограммов в каждом...»

Из репродуктора слышались звуки рояля, и чей-то голос запел густым рокочущим басом:

Жил-был король когда-то,
При нём блоха жила.
Милей родного брата
Она ему была.

— Вот какой противный король! — сказал Федя. — Блоха ему, видите ли, милей родного брата!

Он почесал кончик носа и принялся читать задачу сначала:

— «На мельницу доставили четыреста пятьдесят мешков ржи, по восемьдесят килограммов в каждом. Рожь смололи, причём из шести килограммов зерна вышло пять килограммов муки...»

Блоха! Ха-ха! —

засмеялся голос и продолжал петь:

Позвал король портного:
— Послушай, ты, чурбан!
Для друга дорогого
Сшей бархатный кафтан.

— Ишь что ещё выдумал! — воскликнул Федя. — Блохе — кафтан! Интересно, как портной его шить будет? Блоха ведь маленькая!

Он прослушал песню до конца, но так и не узнал, как портной справился со своей задачей. В песне ничего про это не говорилось.

Плохая песня,— решил Федя и опять принялся читать задачу: — «На мельницу доставили четыреста пятьдесят мешков ржи, по восемьдесят килограммов в каждом. Рожь смолоты, причём из шести килограммов зерна...»

Он был титулярный советник,
Она — генеральская дочь,—

запел репродуктор снова.

— Интересно, кто такой титулярный советник? — сказал Федя.— Гм!

Он потёр обеими руками уши, словно они у него замёрзли, и, стараясь не обращать внимания на радио, принялся читать задачу дальше:

— Так. «...из шести килограммов зерна вышло пять килограммов муки. Сколько понадобилось машин для перевозки всей муки, если на каждой машине помещалось по три тонны муки?»

Пока Федя читал задачу, песенка про титулярного советника кончилась и началась другая:

Легко на сердце от песни весёлой,
Она скучать не даёт никогда,
И любят песню деревни и сёла,
И любят песню большие города!

Эта песенка очень понравилась Феде. Он даже забыл про задачу и стал пристукивать карандашом по столу в такт.

— Хорошая песня! — одобрил он, когда пение кончилось.— Так... О чём тут у нас говорится? «На мельницу доставили четыреста пятьдесят мешков ржи...»

Однозвучно гремит колокольчик,—

послышался высокий мужской голос из репродуктора.

— Ну, гремит и пусть гремит,— сказал Федя.— Нам-то какое дело? Нам надо задачу решать. На чём тут мы остановились? Так... «Для дома отдыха купили двадцать одеял и тридцать пять простынь за двести пятьдесят шесть рублей. Сколько денег уплатили за купленные одеяла и простыни в отдельности...» Позвольте! Откуда тут ещё одеяла с простынями взялись? У нас разве про одеяла? Тьфу, чёрт! Да это не та задача! Где же та?.. А, вот она! «На мельницу доставили четыреста пятьдесят мешков ржи...»

По дороге зимней, скучной
Тройка борзая бежит,
Колокольчик однозвучный
Утомительно гремит

— Опять про колокольчик! — воскликнул Федя.— На колокольчиках помешались! Так... Утомительно гремит.. в каждом мешке... рожь смололи, причём из шести килограммов муки вышло пять килограммов зерна... То есть муки вышло, а не зерна! Совсем запутали!

Колокольчики мои, цветики степные!
Что глядите на меня, тёмно-голубые?

— Тьфу! — плюнул Федя.— Прямо деваться от колокольчиков некуда! Хоть из дому беги, с ума можно сойти!.. Из шести килограммов зерна вышло пять килограммов муки, и спрашивается, сколько понадобилось машин для перевозки всей муки...

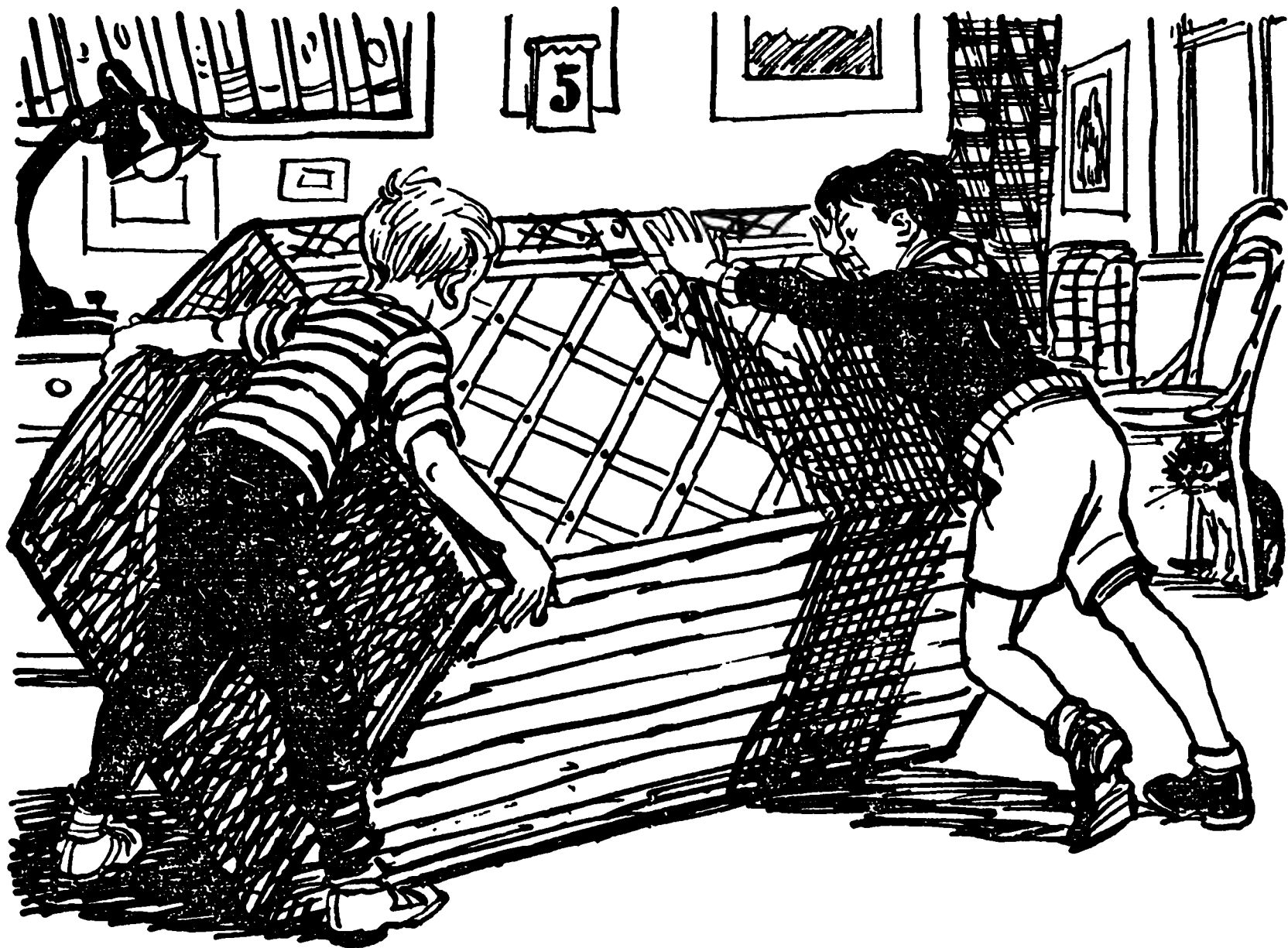
Не счесть алмазов в каменных пещерах,
Не счесть жемчужин в море полудённом...

— Очень нам нужно ещё алмазы считать! Тут мешки с мукой никак не сосчитаешь! Прямо наказание какое-то! Два-

дцать раз прочитал задачу — и ничего не понял! Пойду лучше к Юре Сорокину, попрошу, чтоб растолковал.

Федя Рыбкин взял под мышку задачник, выключил радио и пошёл к своему другу Сорокину.

НАХОДЧИВОСТЬ

Мы с Вовкой сидели дома, за то что разбили сахарницу. Мама ушла, а к нам пришёл Котька и говорит:

— Давайте играть во что-нибудь.

— Давайте в прятки,— говорю я.

— У, да здесь и прятаться негде! — говорит Котька.

— Почему — негде? Я так спрячусь, что ты вовек не найдёшь. Надо только находчивость проявить.

— А ну-ка, спрячься. Найду в два счёта.

Котька пошёл в коридор и стал считать до двадцати пяти. Вовка побежал в комнату, а я в чулан. В чулане лежала рогожка. Я залез под неё и свернулся на полу комочком.

Вот Котька сосчитал до двадцати пяти и пошёл искать.

Вовку он сразу нашёл под кроватью и стал меня искать. Обыскал всю комнату и кухню. Зашёл в чулан, остановился возле меня и говорит:

— Тут кастрюли какие-то, стул сломанный, рогожка старая. Никого нет!

Потом вернулся в комнату и спрашивает:

— Где он? Ты не видал, Вовка?

— Может, в шкафу сидит? — говорит Вовка. — Ну-ка, открой шкаф... Нету!

— Может быть, в буфет забрался?.. Нету! Куда же он делся?

— Знаю! — закричал Вовка. — Он в сундуке!

— Правильно! Больше ему негде быть. Как мы раньше не догадались!

Они подбежали к сундуку и принялись открывать крышку, но она не открывалась.

— Закрыта, — говорит Котька.

— А может, он изнутри держит?

Они стали стучать по крышке и кричать.

— Вылезай!

— Давай перевернём сундук, — говорит Вовка. — Ну-ка, подхватывай с той стороны! Ра-а-а-зом!

Бух! Сундук перевернулся, даже пол задрожал.

— Нет, наверное, его там нету, — говорит Котька. — Не может же он вверх ногами сидеть!

— Должно быть, он в кухне под печкой, — ответил Вовка.

Они побежали на кухню и стали тыкать кочергой под печку:

— Вылезай! Теперь всё равно попался!

Я насилу удержался от смеха.

— Постой, — говорит Вовка. — Я, кажется, кого-то поймал.

— Ну-ка, тащи его!

— Сейчас, зацеплю кочергой только... Есть! Ну-ка, посмотрим, кто это... Тьфу! Старые валенки!.. Где же его искать?

— Не знаю. Я не играю больше. Выходи! — закричал Котька. — Игра окончена! Не хочешь, ну и сиди себе!

Они вернулись в комнату.

— Может быть, он в комоде? — спрашивает Вовка.

Послышался скрип.

— Ну что ты ищешь в комоде! Разве в ящике спрячешься? — рассердился Котька и пошёл в коридор.

— Почему не спрячешься? Надо проверить, — ответил Вовка.

Он долго скрипел ящиками и вдруг закричал:

— Котька, иди сюда!

— Нашёл? — отозвался Котька.

— Нет, я не могу вылезти.

— Откуда?

— Из комода. Я в комоде сижу.

— Зачем же ты залез в комод?

— Я хотел проверить, можно спрятаться в ящике или нет, а ящик перекосялся, и я не могу вылезть.

Тут я не выдержал и громко расхохотался. Котька услышал и бросился искать меня.

— Вытащи меня сначала! — взмолился Вовка.

— Да не кричи ты! Я не разберу, где это он смеётся.

— Вытащи меня! Мне здесь в ящике страшно!

Котька выдвинул ящик и помог Вовке выбраться. Они вместе побежали в чулан. Котька споткнулся об меня и упал.

— Ещё эту рогожку какой-то дурак здесь бросил! — закричал он и со злости как хватит меня ногой.

Я как заору! Вылез из-под рогожки:

— Ты чего дерёшься?

Он увидел меня и обрадовался.

— Ага! Попался! — и побежал в коридор. — Палочка-выручалочка! Тра-та-та!

Я говорю:

— Можешь не трататакать, я не играю больше. Это не игра, чтоб драться.

Прихожу в комнату... Батюшки! Всё разворочено. Шкафы открыты, из комода ящики вытащены, бельё на полу кучей, сундук вверх дном!

Пришлось нам целый час после этого убирать комнату.

НАШ КАТОК

Осенью, когда стукнул первый мороз и земля сразу промёрзла чуть ли не на целый палец, никто не поверил, что уже началась зима. Все думали, что скоро опять развезёт, но мы с Мишкой и Костей решили, что сейчас самое время начинать делать каток. Во дворе у нас был садик не садик, а так, не поймёшь что, просто две клумбы, а вокруг газончик с травой, и всё это заборчиком огорожено. Мы решили сделать каток в этом садике, потому что зимой клумбы всё равно никому не видны.

Костя сказал:

— Только надо, ребята, сначала получить разрешение у управдома. Иначе и начинать нельзя. Дворничиха всё равно ничего делать не даст.

— А вдруг управдом не позволит? — сказал Мишка.—

Летом просили волейбольную площадку устроить — не разрешил, зверь такой!

— Я думаю, разрешит,— сказал Костя.— Дмитрий Савельевич хороший человек. Только с ним надо дипломатично поговорить.

— Это как — дипломатично? — не понял Мишка.

— Ну, значит, вежливо. Взрослые любят, чтоб с ними вежливо разговаривали; а такие слова, как «зверь», никому не могут понравиться.

— Что ты! — замахал Мишка руками.— Да разве я такие слова когда говорю? Это я ведь за глаза только.

— «За глаза»! — усмехнулся Костя.— Ты в глаза ещё и не такое скажешь! Я тебя хорошо изучил. Вот придём в домоуправление, так ты уж лучше молчи, я сам поговорю с управдомом как надо.

Мишка говорит:

— Ладно.

Мы тут же отправились в домоуправление. На наше счастье, управдом оказался на месте. Он сидел за столом, заваленным ворохом разных бумажек. Посреди этого вороха лежала тетрадка. Левой рукой управдом водил по цифрам, которые были в тетрадке, а правой что-то записывал.

— Здравствуйте, Дмитрий Савельевич,— сказал Костя вежливо.

— Здравствуй, дружок, здравствуй! — Управдом даже не обратил на нас внимания и продолжал водить пальцем по цифрам.

— Мы к вам, Дмитрий Савельевич.

— Вижу, дружок, вижу. Зачем пришли?

— Хотим немножко поговорить с вами,— продолжал Костя.

— Ну, говори, говори.

— Хотим спросить у вас.

— Спрашивай, спрашивай.

— Мы хотим спросить у вас, Дмитрий Савельевич, одну

вещь: скажите, пожалуйста, вы должны вести у нас какую-нибудь спортивную работу?

— Какую это спортивную работу? — спросил Дмитрий Савельевич и, прижав пальцем цифру в тетрадке, посмотрел на нас поверх очков.

— Ну, как управдом, вы должны вести у нас спортивную работу.

Дмитрий Савельевич поставил карандашом отметку возле прижатой цифры, провёл по голове рукой, будто хотел причесать волосы, и сказал:

— То есть, по-моему, это вы... Вы сами должны вести спортивную работу.

— Мы это понимаем, — ответил Костя. — Мы сами должны вести спортивную работу. А вот вы нам помогать будете?

Управдом наклонил набок голову, развёл над столом руками:

— А что вы хотите сделать?

— Мы хотим устроить каток на зиму.

— А, хорошо, хорошо! Делайте, что ж... А где вы его хотите сделать?

Костя рассказал, что мы хотим разровнять в садике землю, полить водой и провести электричество, чтобы можно было кататься при свете.

Управдом одобрил наш план. Он заметно повеселел, так как сначала испугался и подумал, что мы хотим заставить его самого вести спортивную работу, но, увидев, что от него ничего такого не требуется, сказал:

— Действуйте, ребятки, а если что понадобится, приходите ко мне.

— Вот что значит дипломатический разговор! — сказал Мишка, когда мы вышли от управдома. — Ты молодец, Костя. Я теперь тоже так буду.

После этого мы организовали ребят и сказали, что, кто не будет работать, того не пустим кататься. Поэтому все рьяно взялись за дело. Кто-то из ребят придумал разломать с одной

стороны заборчик и отнести его шагов на десять в сторону, чтобы каток получился шире.

Всё у нас шло очень ловко и хорошо, но только до тех пор, пока нашу работу не заметила Лёлькина мама.

— Это что у вас за строительство? — спросила она. — Зачем разоряете садик?

Мы с Костей стали объяснять ей, что здесь будет каток.

— Ну каток, — говорит она. — А зачем же клумбы уничтожать? Делайте себе каток вокруг клумб.

Мы с Костей хотели объяснить ей всё вежливо, но тут в дело вмешался Мишка.

— Как же вокруг клумб кататься? — с презрением на лице сказал он. — Разве вы не видите, что они четырёхугольные? Или вы ничего не понимаете своей головой?

— Я-то своей головой всё понимаю, — ответила Лёлькина мама. — А вот ты, видно, не понимаешь. Вот пойду скажу управдому, что вы здесь затеяли.

— Ха-ха! — сказал Мишка. — Идите. И скажите. И посмотрим, что вам управдом скажет.

От управдома Лёлькина мама вернулась злая-презлая. Видно, он объяснил ей, что разрешил нам делать каток. Она больше ничего не сказала нам, но вместо этого стала говорить всем жильцам, что теперь маленьким детям даже погулять будет негде, а Григорию Кузьмичу из пятой квартиры наябедничала, что мы перенесли заборчик и теперь он не сможет выехать из гаража на своей автомашине. Григорий Кузьмич моментально из дома выскочил и стал требовать, чтобы мы перенесли заборчик обратно. Мы с Костей вежливо начали объяснять ему, что машина проедет, но тут снова вмешался Мишка.

— Смотрите, — закричал он, — сколько здесь для проезда места! Разве вы не понимаете, что машина свободно проедет? Должна же у вас голова хоть немного соображать!

Услышав такую грубость, Григорий Кузьмич страшно рассердился, привёл управдома и стал доказывать, что заборчик надо поставить на место, а управдом стал доказывать,

что заборчик может и здесь стоять. Кончилось тем, что они поссорились и Григорий Кузьмич побежал писать на управдома жалобу, а управдом сказал нам:

— Имейте в виду, больше я ни с кем из-за вас ругаться не стану. Если ещё хоть кто-нибудь на вас пожалуется, запрещаю делать каток!

— Это всё ты виноват! — сказал Костя Мишке. — И что ты всё лезешь со своими грубостями? Не можешь говорить дипломатично — молчи!

— Я ведь дипломатично, — ответил Мишка.

В общем, из-за Мишки мы со всеми жильцами поссорились. Все были недовольны нами и только и делали, что ворчали на нас.

Через несколько дней наступила оттепель, и работать нам стало легче. Мы разровняли площадку, сделали по краям земляной бортик, даже заборчик покрасили и принялись за устройство электрического фонаря. Деньги собрали со всех ребят, купили электрический шнур, лампочку и патрон. Столб для фонаря у нас уже давно был. Он остался после ремонта дома и лежал посреди двора. Мы его врыли в землю, а проводку нам помог сделать дядя Серёжа из девятой квартиры. Такой хороший человек оказался. Мы даже хотели про него написать в газету, но сначала некогда было, а потом как-то забыли.

И вот, когда всё было сделано и наш фонарь готов был засиять над катком ярким светом, в дело вмешалась дворничиха тётя Даша.

— Вот что, ребятушки, — сказала она, — столб вам придётся отдать, потому что на будущее лето он для ремонта понадобится.

Костя принялся доказывать ей, что столбу мы ничего плохого не сделаем, и в конце концов он, наверное, уговорил бы её, но тут Мишка не выдержал.

— Постой, — говорит, — сейчас я ей всё дипломатически объясню. — Он оттолкнул Костю и давай кричать: — Это что, по-вашему, столб? А для чего, по-вашему, сделали столб?

По-вашему, столб сделали, чтоб он, дожидаясь ремонта, целую зиму под снегом гнил? У вас что на плечах, голова или ещё что-нибудь?

Кончилось тем, что тётя Даша рассердилась и побежала в домоуправление.

— Вот видишь, что ты наделал,— сказал Костя.— Управдом ведь предупредил, что больше терпеть не станет.

Все ребята на Мишку набросились.

— Из-за тебя,— говорят,— каток запретят! Даром трудились только!

Мишка готов был рвать на себе волосы от досады.

— И как это у меня вырвалось? — убивался он.

Вдруг смотрим — тётя Даша обратно бежит, а за ней управдом. Мишка увидел, уцепился руками за столб и как завоет:

— Не отдам столб, не отдам! Я накоплю денег и заплачу вам за него. Целую зиму не буду мороженого есть.

Управдом услышал и только рукой махнул.

— Ладно,— говорит,— берите себе этот столб.

И ушёл. А тётя Даша увидела, что у неё ничего не вышло, и говорит:

— Хорошо же! Мы ещё поговорим с вами!

И вот потянулись самые тяжёлые дни. Две недели подряд стояла оттепель, даже лёгонького морозца не было. Снег иногда падал, но тут же таял и только разводил слякоть. Мы с Мишкой начали думать, что в этом году уже совсем не будет зимы, и приходили в отчаяние.

Наконец ударил долгожданный мороз. И тут у нас начались новые приключения. Никто не хотел нам давать воды для катка. Сначала мы пошли к тёте Даше и стали просить, чтоб она дала нам свой дворницкий шланг, чтобы полить каток из шланга, но она не дала.

Говорит:

— Я вообще против вашего катка. Весной растает, а убирать мне! Все жильцы против катка. Вот мы напишем управдому заявление, чтоб разорил.

Мы говорим:

— Не даёте, мы и без вас польём. Каток замёрзнет, сами придёте к нам кататься.

— И не приду! А замёрзнет, так я его золой посыплю, всё равно никто не будет кататься.

Мы стали таскать воду вёдрами из кухни шестой квартиры, но нас скоро оттуда прогнали: сказали, что мы нанесли им грязи. А какая там грязь, когда во дворе никакой грязи не было! Стали мы таскать воду из первой квартиры, но нас и оттуда выгнали. Мы пошли в четвёртую, нас стали и оттуда гнать!

Тут Мишка вспомнил, что у дяди Андрея из двадцатой квартиры есть маленький шланг. Мы все видели, как дядя Андрей обмывал летом из этого шланга свой мотоцикл. Мы пошли и попросили у него этот шланг. И какой оказался человек добрый! Дал шланг и даже сказал, что пусть будет у нас до конца зимы. Бывают же такие люди на свете! Мы про него тоже решили написать в газету, но потом тоже почему-то забыли. Всё было как-то не до того.

Завладев шлангом, мы пошли на кухню четвёртой квартиры. Там два водопроводных крана. Мишка сказал:

— Здесь мы никому не помешаем: к одному крану привернём шланг, а из другого пусть жильцы берут воду.

Мы присоединили шланг к крану и принялись поливать каток. Сначала дело шло хорошо. Струя воды с силой била из шланга и доставала во все уголки площадки. Мишка держал шланг обеими руками и улыбался во всю ширину лица. Струя шипела, трещала, так что у всех становилось радостно на душе. Неожиданно произошла задержка: струя вдруг стала слабее, потом словно увяла и совсем перестала течь.

— Что такое? — удивился Мишка. — Наверно, шланг отскочил от крана.

Прибежали на кухню. Шланг на месте, а вода не течёт. Смотрим — кран закрыт.

— Что за ехидство? — говорит Мишка. — Кому это понадобилось привернуть кран?

Отвернули мы кран, стали поливать снова. Вдруг опять — стоп! — не течёт вода. Прибегаем на кухню, снова никого нет, а кран привёрнут.

И так несколько раз.

Наконец мы догадались поставить у крана стражу, и только после этого дело пошло на лад. Поздней ночью мы кончили поливать каток, но так и не узнали, кто придумал это озорство с краном.

За ночь вода замёрзла крепко-накрепко. На следующий день состоялось торжественное открытие катка. Все ребята собрались вокруг. Лёд блестел, что твоё зеркало. Мишка первый выехал на середину льда.

— Каток объявляю открытым! — закричал он и тут же шлёпнулся.

Все, как по команде, бросились на лёд, и пошло катание. Катались и на коньках и без коньков. Все смеялись и падали. Коньки звенели и с шипением резали лёд. Катались даже те, которые не строили катка, но мы им не запрещали. Хотелось, чтоб в такой день все были радостные и счастливые. Даже взрослые вышли во двор и смотрели на наше веселье. А управдом Дмитрий Савельевич тоже пришёл и сказал:

— Вот куплю себе коньки и буду приходить по вечерам кататься. Вспомню молодость!

Потом он на самом деле купил коньки и часто ночью, когда ребята уже давно спали, приходил и катался на нашем катке. Настолько хороший человек оказался, что хотелось написать о нём в газету!

Наш каток был хороший, большой и крепкий. Про него ничего нельзя было сказать плохого. Но скоро катающихся оказалось так много, что всем не хватало места. И вот Мишка, чтоб разгрузить каток, придумал меру: у кого двойка — не пускать на каток, пока не исправит. С тех пор каждый, кто приходил кататься, должен был показать свой дневник. Некоторым двоечникам пришлось подтянуться.

Кончилось дело тем, что Мишка сам схватил двоечку по

русскому языку. Уж очень он увлёкся катанием. После школы он даже не пошёл на каток. Ему стыдно было показывать свой дневник ребятам.

В этот день на катке шла игра в хоккей. Многие взрослые пришли посмотреть на нашу игру. Все глядели на нас, и никто не ругался. Даже тётя Даша смотрела и ласково улыбалась. Она была довольна, что её маленький Шурик играет вместе со старшими ребятами и никто не прогоняет его. Когда хоккейный мячик выскакивал с катка за бортик, она поднимала его и бросала обратно на лёд.

Вдруг Глебкина мама заметила, что среди играющих нет Мишки.

— Слушайте, где же Миша? — спросила она. — Строил, строил каток, а сам не катается. Может быть, он болен?

— Надо бы проведать его, — сказала Лёлькина мама.

Они обе решили пойти проведать Мишку. Я пошёл проводить их. Когда мы пришли, Мишка сидел за столом и делал уроки.

— Почему же ты, Миша, не катаешься? — спросила Глебкина мама.

Мишка сказал, что ему задали много уроков и сегодня он на каток не пойдёт.

— Ты хороший мальчик, — сказала Глебкина мама. — Это вы хорошее дело придумали — устроить каток.

А Лёлькина мама сказала:

— С катком и родителям стало гораздо спокойнее. В прошлую зиму моя Лёлочка каталась на улице и чуть не попала под автомобиль. В прошлом году все ребята катались на улице, а теперь их на улицу и калачом не заманишь. Все липнут к этому катку, как не знаю к чему!

Они поговорили между собой и ушли.

— Вот видишь! — сказал Мишка. — А помнишь, как все нас ругали, говорили — золой засыплют, не давали нам шланг, не давали воды! А теперь сами благодарят. Да ладно, — махнул он рукой. — Что с них спрашивать!

Мне было жалко, что Мишка не может пойти на каток. Я тоже решил не кататься в этот день, а вместо этого засесть за уроки, потому что и у меня кое-что было сильно запущено. Я пошёл домой и занимался до поздней ночи, сделал уроки как следует, а когда всё было выучено, я, вместо того чтоб лечь спать, нацепил коньки и вышел во двор.

Над нашим катком ярко горела лампочка. Вокруг стояли деревья с белыми, точно сахарными, веточками. Сверху падали крупные хлопья снега и мягко ложились на лёд. А среди этих хлопьев кружилась по катку маленькая фигурка. Я присмотрелся получше и увидел, что эта фигурка был просто Мишка. Он тоже, вроде меня, не мог прожить ни одного дня без катка.

Недавно в вечерней газете писали, что первым в этом сезоне открылся каток динамовцев на Петровке. Но это неправда! Первый каток в эту зиму был открыт у нас во дворе. Он начал работать на полторы недели раньше, чем каток на Петровке, только никто не догадался написать об этом в газету.

ЗАМАЗКА

Однажды стекольщик замазывал на зиму рамы, а Костя и Шурик стояли рядом и смотрели. Когда стекольщик ушёл, они отковыряли от окон замазку и стали лепить из неё зверей. Только звери у них не получились. Тогда Костя слепил змею и говорит Шурику:

— Посмотри, что у меня получилось.

Шурик посмотрел и говорит:

— Ливерная колбаса.

Костя обиделся и спрятал замазку в карман. Потом они пошли в кино. Шурик всё беспокоился и спрашивал:

— Где замазка?

А Костя отвечал:

— Вот она, в кармане. Не съем я её!

В кино они взяли билеты и купили два мятных пряника.

Вдруг зазвонил звонок. Костя бросился занимать место, а Шурик где-то застрял. Вот Костя занял два места. На одно сел сам, а на другое положил замазку. Вдруг пришёл незнакомый гражданин и сел на замазку.

Костя говорит:

— Это место занято, здесь Шурик сидит.

— Какой такой Шурик? Здесь я сижу,— сказал гражданин.

Тут прибежал Шурик и сел рядом с другой стороны.

— Где замазка? — спрашивает.

— Тише! — прошептал Костя и покосился на гражданина.

— Кто это? — спрашивает Шурик.

— Не знаю.

— Чего ж ты его боишься?

— Он на замазке сидит.

— Зачем же ты отдал ему?

— Я не давал, а он сел.

— Так забери!

Тут погас свет и началось кино.

— Дяденька,— сказал Костя,— отдайте замазку.

— Какую замазку?

— Которую мы из окна выковыряли.

— Из окна выковыряли?

— Ну да. Отдайте, дядя!

— Да я ведь не брал у вас!

— Мы знаем, что не брали. Вы сидите на ней.

— Сижу?!

— Ну да.

Гражданин подскочил на стуле.

— Чего ж ты раньше молчал, негодный?

— Так я ведь говорил вам, что место занято.

— Когда же ты говорил? Когда я сел уже!

— Откуда же я знал, что вы сядете?

Гражданин встал и принялся шарить на стуле.

— Ну, где же ваша замазка, злодеи? — проворчал он.

— Пойдите, вот она! — сказал Костя.

— Где?

— Вот, на стуле размазалась. Мы сейчас счистим.

— Счищайте скорей, негодные! — кипятился гражданин.

— Садитесь! — кричали на них сзади.

— Не могу, — оправдывался гражданин. — У меня тут замазка.

Наконец ребята соскоблили замазку.

— Ну, теперь хорошо, — сказали они. — Садитесь.

Гражданин сел.

Стало тихо.

Костя уже хотел смотреть кино, но тут послышался шёпот Шурика:

— Ты уже съел свой пряник?

— Нет ещё. А ты?

— Я тоже нет. Давай есть.

— Давай.

Послышалось чавканье. Костя вдруг плюнул и прохрипел:

— Послушай, у тебя пряник вкусный?

— Угу.

— А у меня невкусный. Мягкий какой-то. Наверное, растаял в кармане.

— А замазка где?

— Замазка вот, в кармане... Только постой! Это не замазка, а пряник. Тьфу! В темноте перепутал, понимаешь, замазку и пряник. Тьфу! То-то я гляжу, что она невкусная!

Костя со злости швырнул замазку на пол.

— Зачем же ты её бросил? — спросил Шурик.

— А на что мне она?

— Тебе не нужна, а мне нужна, — проворчал Шурик и полез под стул искать замазку. — Где же она? — сердился он. — Вот ищи теперь.

— Сейчас я найду, — сказал Костя и тоже исчез под стулом.

— Ай! — послышалось вдруг откуда-то снизу. — Дядя, пустите!

— Кто это там?

- Это я.
- Кто — я?
- Я, Костя. Пустите меня!
- Да я ведь не держу тебя.
- Вы мне на руку наступили!
- Чего ж ты полез под стул?
- Я замазку ищу.

Костя пролез под стулом и встретился с Шуриком нос к носу.

- Кто это? — испугался он.
- Это я, Шурик.
- А это я, Костя.
- Нашёл?
- Ничего не нашёл.
- И я не нашёл.
- Давай лучше кино смотреть, а то все пугаются, в лицо ногами тыкают, думают — собака.

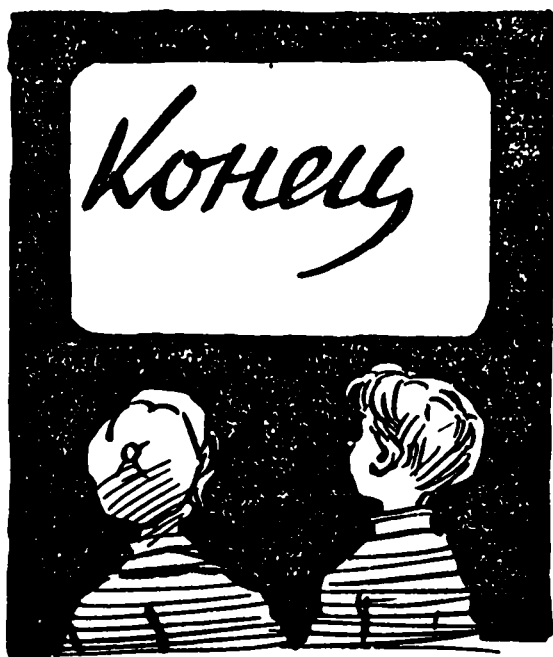
Костя и Шурик пролезли под стульями и уселись на свои места.

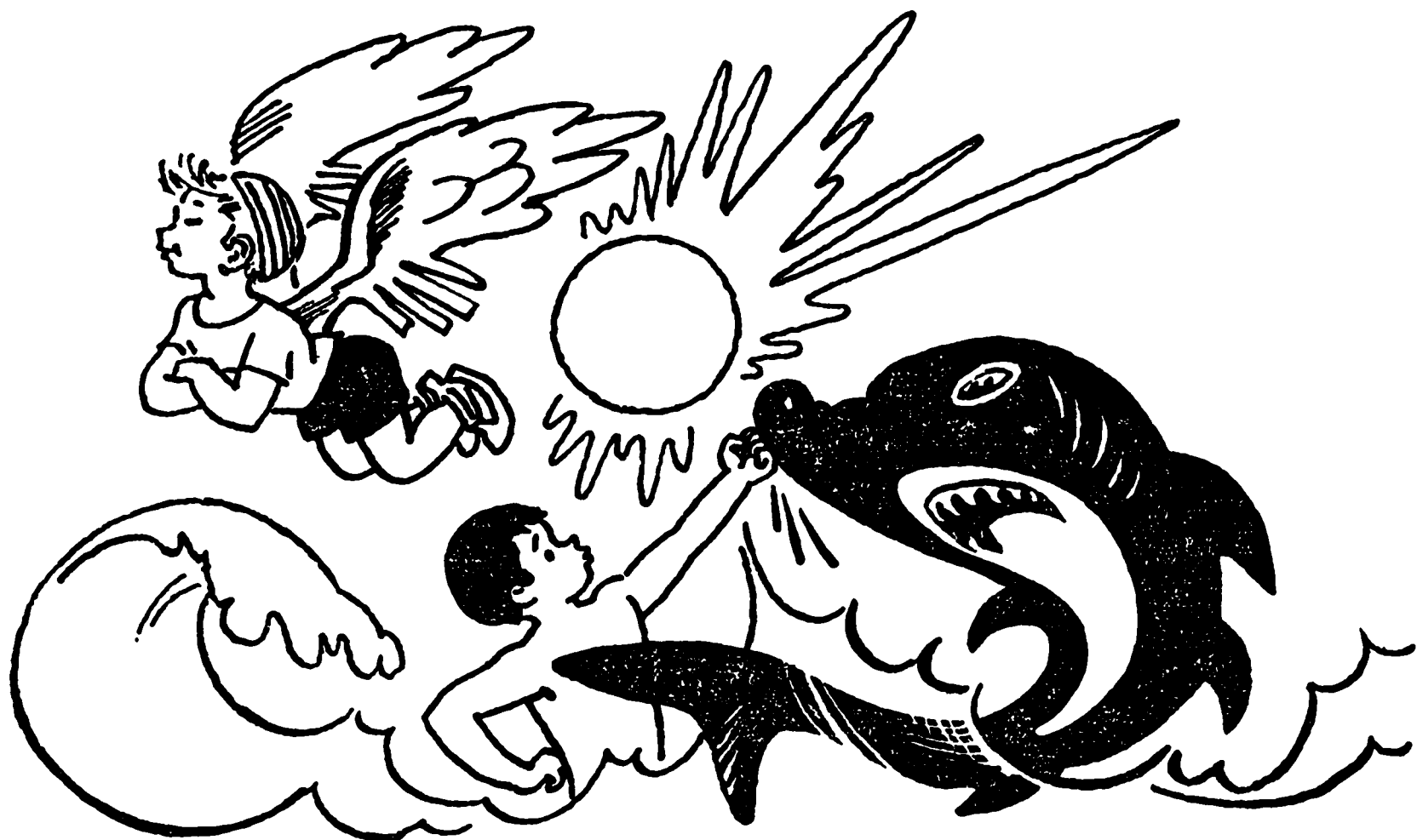
Перед ними на экране мелькнула надпись: «Конец».

Публика бросилась к выходу. Ребята вышли на улицу.

— Что это за кино мы смотрели? — говорит Костя. — Я что-то ничего не разобрал.

— А я, думаешь, разобрал? — ответил Шурик. — Какая-то чепуха на постном масле. Показывают же такие картины!

ФАНТАЗЁРЫ

Мишутка и Стасик сидели в саду на скамеечке и разговаривали. Только они разговаривали не просто, как другие ребята, а рассказывали друг другу разные небылицы, будто пошли на спор, кто кого переверёт.

— Сколько тебе лет? — спрашивает Мишутка.

— Девяносто пять. А тебе?

— А мне сто сорок. Знаешь, — говорит Мишутка, — раньше я был большой-большой, как дядя Боря, а потом сделался маленький.

— А я, — говорит Стасик, — сначала был маленький, а потом вырос большой, а потом снова стал маленький, а теперь опять скоро буду большой.

— А я, когда был большой, всю реку мог переплыть, — говорит Мишутка.

- У! А я море мог переплыть!
- Подумаешь — море! Я океан переплывал!
- А я раньше летать умел!
- А ну, полети!
- Сейчас не могу: разучился.
- А я один раз купался в море,— говорит Мишутка,— и на меня напала акула. Я её бац кулаком, а она меня цап за голову — и откусила.
- Врёшь!
- Нет, правда!
- Почему же ты не умер?
- А зачем мне умирать? Я выплыл на берег и пошёл домой.
- Без головы?
- Конечно, без головы. Зачем мне голова?
- Как же ты шёл без головы?
- Так и шёл. Будто без головы ходить нельзя!
- Почему же ты теперь с головой?
- Другая выросла.
- «Ловко придумал!» — позавидовал Стасик. Ему хотелось соврать получше Мишутки.
- Ну, это что! — сказал он.— Вот я раз был в Африке, и меня там крокодил съел!
- Вот так соврал! — рассмеялся Мишутка.
- Вовсе нет.
- Почему же ты теперь живой?
- Так он же меня потом выплюнул.
- Мишутка задумался. Ему хотелось перевернуть Стасика. Он думал, думал, наконец говорит:
- Один раз я шёл по улице. Кругом трамваи, автомобили, грузовики...
- Знаю, знаю! — закричал Стасик.— Сейчас расскажешь, как тебя трамвай переехал. Ты уже врал про это.
- Ничего подобного. Я не про это.
- Ну ладно. Ври дальше.

— Вот я иду, никого не трогаю. Вдруг навстречу автобус. Я его не заметил, наступил ногой — рраз! — и раздавил в лепёшку.

— Ха-ха-ха! Вот это враки!

— А вот и не враки!

— Как же ты мог раздавить автобус?

— Так он же совсем маленький был, игрушечный. Его мальчишка на верёвочке тащил.

— Ну, это не удивительно,— сказал Стасик.— А я раз на Луну летал.

— Эва, куда махнул! — засмеялся Мишутка.

— Не веришь? Честное слово!

— На чём же ты летал?

— На ракете. На чём ещё на Луну летают? Будто не знаешь сам!

— Что же ты там на Луне видел?

— Ну, что...— замялся Стасик.— Что я там видел? Ничего и не видел.

— Ха-ха-ха! — рассмеялся Мишутка.— А говорит, на Луну летал!

— Конечно, летал.

— Почему же ничего не видел?

— А темно было. Я ведь ночью летал. Во сне. Сел на ракету и как полечу в космическое пространство. У-у-у! А потом как полечу обратно... Летел, летел, а потом бряк о землю... ну и проснулся...

— А-а? — протянул Мишутка.— Так бы сразу и говорил. Я ведь не знал, что ты — во сне.

Тут пришёл соседский Игорь и сел рядом на скамеечке. Он слушал, слушал Мишутку и Стасика, потом говорит:

— Вот врут-то! И вам не стыдно?

— А чего стыдно? Мы же никого не обманываем,— сказал Стасик.— Просто выдумываем, будто сказки рассказываем.

— Сказки! — презрительно фыркнул Игорь. — Нашли занятие!

— А ты думаешь, легко выдумывать?

— Чего проще!

— Ну выдумай что-нибудь.

— Сейчас... — сказал Игорь. — Пожалуйста.

Мишутка и Стасик обрадовались и приготовились слушать.

— Сейчас, — повторил Игорь. — Э-э-э... гм... кхм... э-э-э...

— Ну, что ты всё «э» да «э»!

— Сейчас! Дайте подумать.

— Ну, думай, думай!

— Э-э-э, — снова сказал Игорь и посмотрел на небо. — Сейчас, сейчас... э-э-э...

— Ну, чего же ты не выдумываешь? Говорил — чего проще!

— Сейчас... Вот! Один раз я дразнил собаку, а она меня цап за ногу и укусила. Вот даже шрам остался.

— Ну и что же ты тут выдумал? — спросил Стасик.

— Ничего. Как было, так и рассказал.

— А говорил — выдумывать мастер!

— Я мастер, да не такой, как вы. Вот вы всё врёте, да без толку, а я вчера соврал, мне от этого польза.

— Какая польза?

— А вот. Вчера вечером мама и папа ушли, а мы с Ирой остались дома. Ира легла спать, а я залез в буфет и съел полбанки варенья. Потом думаю: как бы мне не попало. Взял Ирке губы вареньем намазал. Мама пришла: «Кто варенье съел?» Я говорю: «Ира». Мама посмотрела, а у неё все губы в варенье. Сегодня утром ей от мамы досталось, а мне мама ещё варенья дала. Вот и польза.

— Значит, из-за тебя другому досталось, а ты и рад! — сказал Мишутка.

— А тебе что?

— Мне ничего. А вот ты этот... как это называется... Брехун! Вот!

Сами вы брехуны!

— Уходи! Не желаем с тобой на лавочке сидеть.

— Я и сам не стану с вами сидеть.

Игорь встал и ушёл. Мишутка и Стасик тоже пошли домой. По дороге им попалась палатка с мороженым. Они остановились, стали рыться в карманах и считать, сколько у них денег. У обоих набралось только на одну порцию мороженого.

Продавщица дала им мороженое на палочке.

— Пойдём домой,— говорит Мишутка,— разрежем ножом, чтоб было точно.

— Пойдём.

На лестнице они встретили Иру. Глаза у неё были заплаканные.

— Ты чего редела? — спрашивает Мишутка.

— Меня мама гулять не пускала.

— За что?

— За варенье. А я его и не ела. Это Игорь на меня наговорил. Наверное, сам съел, а на меня свалил.

— Конечно, Игорь съел. Он сам нам хвастался. Ты не плачь. Пойдём, я тебе свою полпорцию мороженого дам,— сказал Мишутка.

— И я тебе свою полпорцию отдам, вот только попробую разочек и отдам,— пообещал Стасик.

— А вы разве не хотите сами?

— Не хотим. Мы уже по десять порций съели сегодня,— сказал Стасик.

— Давайте лучше это мороженое на троих разделим,— предложила Ира.

— Правильно! — сказал Стасик.— А то у тебя заболит горло, если ты одна всю порцию съешь.

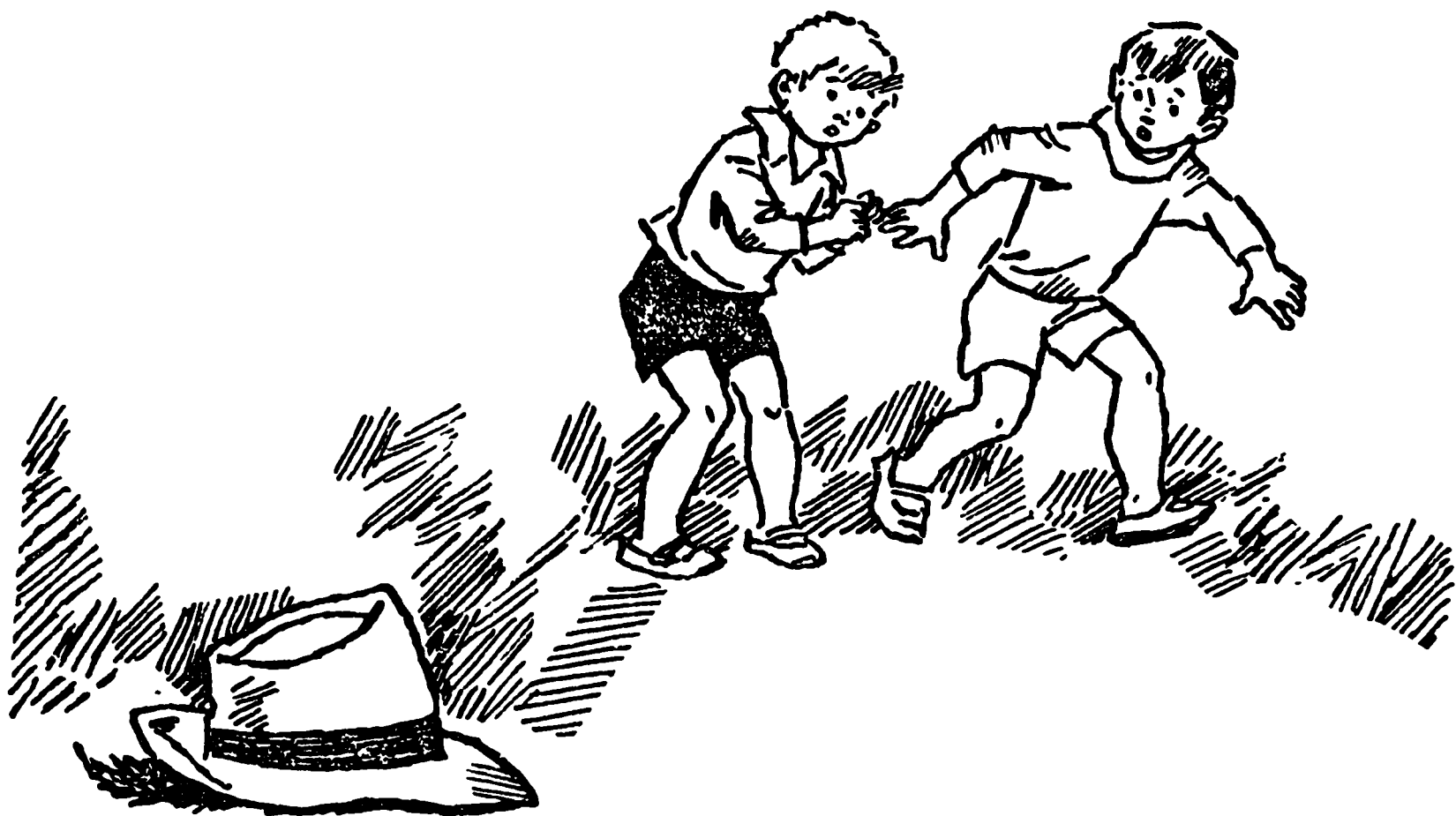
Пошли они домой, разделили мороженое на три части.

— Вкусная штука! — сказал Мишутка.— Я очень люблю мороженое. Один раз я съел целое ведро мороженого.

— Ну, ты выдумываешь всё! — засмеялась Ира. — Кто тебе поверит, что ты ведро мороженого съел!

— Так оно ведь совсем маленькое было, вёдрышко! Такое бумажное, не больше стакана...

ЖИВАЯ ШЛЯПА

Шляпа лежала на комоде, котёнок Васька сидел на полу возле комода, а Вовка и Вадик сидели за столом и раскрашивали картинки. Вдруг позади них что-то плюхнулось — упало на пол. Они обернулись и увидели на полу возле комода шляпу.

Вовка подошёл к комоду, нагнулся, хотел поднять шляпу — и вдруг как закричит:

- Ай-ай-ай! — и бегом в сторону.
- Чего ты? — спрашивает Вадик.
- Она жи-жи-живая!
- Кто живая?
- Шля-шля-шля-па.
- Что ты! Разве шляпы бывают живые?
- По-посмотри сам!

Вадик подошёл поближе и стал смотреть на шляпу. Вдруг шляпа поползла прямо к нему. Он как закричит:

- Ай! — и прыг на диван.

Вовка за ним.

Шляпа вылезла на середину комнаты и остановилась. Ребята смотрят на неё и трясутся от страха. Тут шляпа повернулась и поползла к дивану.

— Ай! Ой! — закричали ребята.

Соскочили с дивана — и бегом из комнаты. Прибежали на кухню и дверь за собой закрыли.

— Я у-у-хо-хо-жу! — говорит Вовка.

— Куда?

— Пойду к себе домой.

— Почему?

— Шляпы бо-боюсь! Я первый раз вижу, чтоб шляпа по комнате ходила.

— А может быть, её кто-нибудь за верёвочку дёргает?

— Ну, пойдёшь посмотри.

— Пойдём вместе. Я возьму кочергу. Если она к нам полезет, я её кочергой тресну.

— Постой, я тоже кочергу возьму.

— Да у нас другой кочерги нет.

— Ну, я возьму лыжную палку.

Они взяли кочергу и лыжную палку, приоткрыли дверь и заглянули в комнату.

— Где же она? — спрашивает Вадик.

— Вон там, возле стола.

— Сейчас я её как тресну кочергой! — говорит Вадик. — Пусть только подлезет ближе, бродяга такая!

Но шляпа лежала возле стола и не двигалась.

— Ага, испугалась! — обрадовались ребята. — Боится лезть к нам.

— Сейчас я её спугну, — сказал Вадик.

Он стал стучать по полу кочергой и кричать:

— Эй ты, шляпа!

Но шляпа не двигалась.

— Давай наберём картошки и будем в неё картошкой стрелять, — предложил Вовка.

Они вернулись на кухню, набрали из корзины картошки и стали швырять её в шляпу. Швыряли, швыряли, наконец Вадик попал. Шляпа как подскочит кверху!

— Мяу! — закричало что-то.

Глядь, из-под шляпы высунулся серый хвост, потом лапа, а потом и сам котёнок выскочил.

— Васька! — обрадовались ребята.

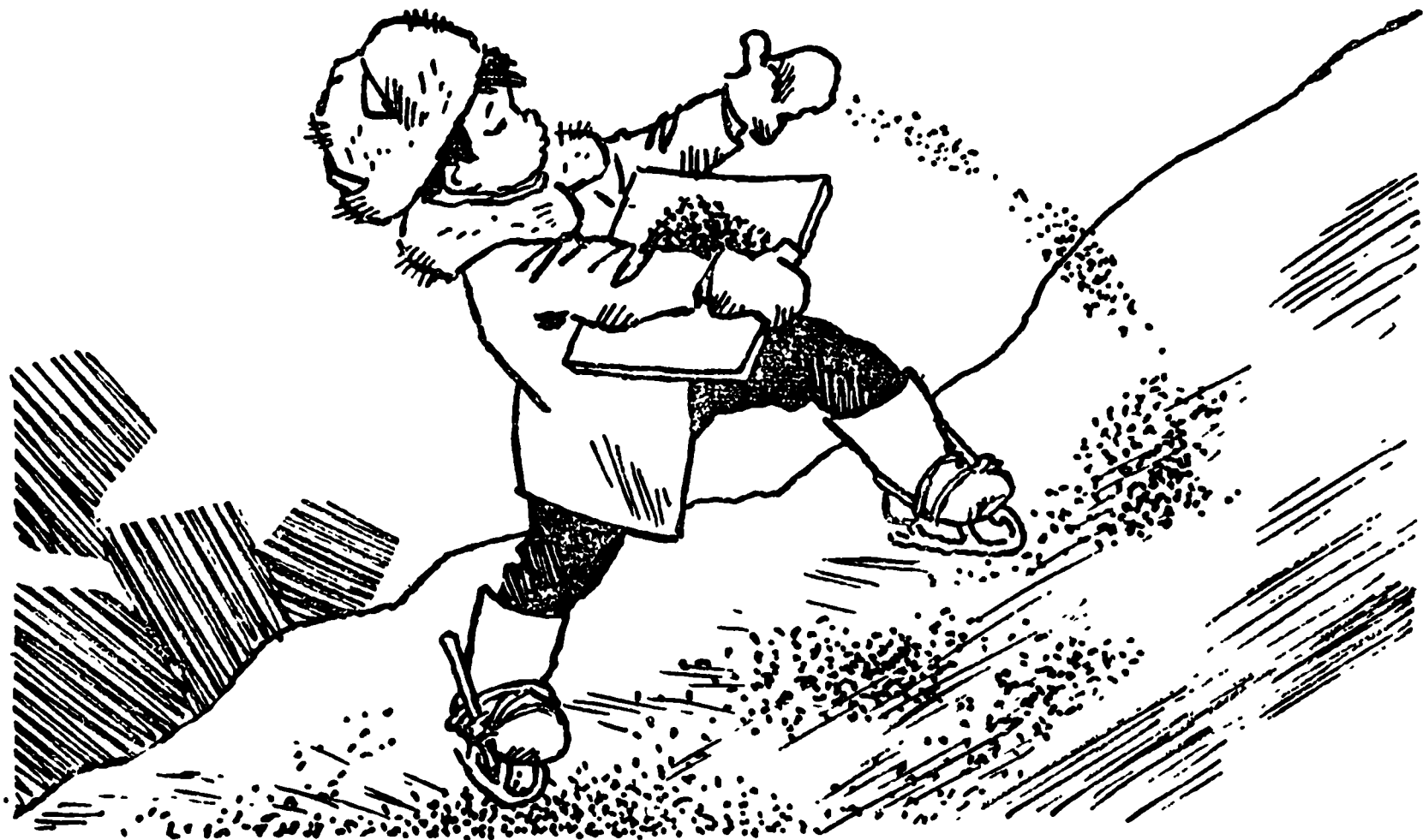
— Наверно, он сидел на полу, а шляпа на него с комода упала, — догадался Вовка.

Вадик схватил Ваську и давай его обнимать:

— Васька, миленький, как же ты под шляпу попал?

Но Васька ничего не ответил. Он только фыркал и жмурился от света.

НА ГОРКЕ

Целый день ребята трудились — строили снежную горку во дворе. Сгребали лопатами снег и сваливали его под стенку сарая в кучу. Только к обеду горка была готова. Ребята полили её водой и побежали домой обедать.

— Вот пообедаем,— говорили они,— а горка пока замёрзнет. А после обеда мы придём с санками и будем кататься.

А Котька Чижев из шестой квартиры хитрый какой! Он горку не строил. Сидит дома да смотрит в окно, как другие трудятся. Ему ребята кричат, чтоб шёл горку строить, а он только руками за окном разводит да головой мотает,— как будто нельзя ему. А когда ребята ушли, он быстро оделся, нацепил коньки и выскочил во двор. Чирк коньками по снегу, чирк! И кататься-то как следует не умеет! Подъехал к горке.

— О,— говорит,— хорошая горка получилась! Сейчас скачусь.

Только полез на горку — бух носом!

— Ого! — говорит. — Скользкая!

Поднялся на ноги и снова — бух! Раз десять падал. Никак на горку взобраться не может.

«Что делать?» — думает.

Думал, думал — и придумал:

«Вот сейчас песочком посыплю и заберусь на неё».

Схватил он фанерку и покатыл к дворницкой. Там — ящик с песком: Он и стал из ящика песок на горку таскать. Посыпает впереди себя, а сам лезет всё выше и выше. Взобрался на самый верх.

— Вот теперь, — говорит, — скачусь!

Оттолкнулся ногой и снова — бух носом! Коньки-то по песку не едут! Лежит Котька на животе и говорит:

— Как же теперь по песку кататься?

И полез вниз на четвереньках.

Тут прибежали ребята. Видят — горка песком посыпана.

— Это кто здесь напортил? — закричали они. — Кто горку песком сыпал? Ты не видал, Котька?

— Нет, — говорит Котька, — я не видал. Это я сам сыпал, потому что она была скользкая и я не мог на неё взобраться.

— Ах ты умник! Ишь что придумал! Мы трудились, трудились, а он — песком! Как же теперь кататься?

Котька говорит:

— Может быть, когда-нибудь снег пойдёт, он засыплет песок, вот и можно будет кататься.

— Так снег, может, через неделю пойдёт, а нам сегодня надо кататься.

— Ну, я не знаю, — говорит Котька.

— Не знаешь! Как испортить горку, ты знаешь, а как починить, не знаешь! Бери сейчас же лопату!

Котька отвязал коньки и взял лопату.

— Засыпай песок снегом!

Котька стал сыпать горку снегом, а ребята снова водой полили.

— Вот теперь,— говорят,— замёрзнет, и можно будет кататься.

А Котье так работать понравилось, что он ещё сбоку лопатой ступеньки проделал.

— Это,— говорит,— чтоб всем было легко взбираться, а то ещё кто-нибудь снова песком насыплет!

САША

Саша давно просил маму подарить ему пистолет, который стреляет пистонами.

— Зачем тебе такой пистолет? — говорила мама. — Это опасная игрушка.

— Что тут опасного? Если б он пулями стрелял, а то пистонами. Из него всё равно никого не убьёшь.

— Мало ли что может случиться. Пистон отскочит и попадёт тебе в глаз.

— Не попадёт! Я буду зажмуриваться, когда буду стрелять.

— Нет, нет, от этих пистолетов бывают разные неприятные случаи. Ещё выстрелишь да напугаешь кого-нибудь, — сказала мама.

Так и не купила ему пистолета.

А у Саши были две старшие сестры, Маринка и Ирочка. Вот он и стал просить сестёр:

— Миленькие, купите мне пистолетик! Мне очень хочется. За это я всегда буду вас слушаться.

— Ты, Сашка, хитренький! — сказала Марина. — Когда тебе надо, так ты подлизываешься и миленькими называешь, а как только мама уйдёт, с тобой и неладишь.

— Нет, ладишь, ладишь! Вот увидите, как я буду вести себя хорошо.

— Ладно, — сказала Ира. — Мы с Мариной подумаем. Если обещаешь вести себя хорошо, то, может быть, купим.

— Обещаю, обещаю! Всё обещаю, только купите!

На другой день сёстры подарили ему пистолет и коробку с пистонами. Пистолет был новенький и блестящий, а пистонов было много: штук пятьдесят или сто. Стреляй хоть весь день — не перестреляешь. От радости Саша прыгал по комнате, прижимал пистолет к груди, целовал его и говорил:

— Миленький мой, хорошенький пистолетик! Как я тебя люблю!

Потом он нацарапал на ручке пистолета своё имя и начал стрелять. Сразу запахло пистонами, а через полчаса в комнате стало синё от дыма.

— Довольно тебе стрелять, — сказала наконец Ира. — Я каждый раз вздрагиваю от этих выстрелов.

— Трусиха! — ответил Сашка. — Все девчонки — трусихи!

— Вот отнимем у тебя пистолет, тогда узнаешь, какие мы трусихи, — сказала Марина.

— Сейчас я пойду во двор и буду пугать ребят пистолетом, — заявил Сашка.

Он вышел во двор, но ребят во дворе не было. Тогда он побежал за ворота, и вот тут-то случилась эта история. Как раз в это время по улице шла старушка. Сашка подпустил её поближе — и как бабахнет из пистолета! Старушка вздрогнула и остановилась. Потом говорит:

— Уф, как я испугалась! Это ты тут из пистолета палишь?

— Нет, — сказал Сашка и спрятал пистолет за спину.

— Что же, я не вижу, что у тебя пистолет в руках? Ещё врать вздумал, бессовестный! Вот я пойду заявлю в милицию...

Она погрозила пальцем, перешла на другую сторону улицы и скрылась в переулке.

— Вот так штука! — испугался Саша. — Кажется, на самом деле пошла в милицию жаловаться.

Он, запыхавшись, прибежал домой.

— Чего ты запыхался, будто за тобой волк гонится? — спросила Ира.

— Это я так просто.

— Нет, ты уж лучше скажи. Сразу видно, что чего-нибудь натворил.

— Да ничего я не натворил — просто так... Напугал бабушку какую-то.

— Какую бабушку?

— Ну «какую, какую»! Обыкновенную. Просто шла по улице бабушка, а я взял да и выстрелил.

— Зачем же ты выстрелил?

— Сам не знаю. Идёт бабушка. «Дай, думаю, выстрелю» Ну и выстрелил.

— А она что?

— Ничего. Пошла в милицию жаловаться.

— Вот видишь, обещал вести себя хорошо, а сам что наделал!

— Я же не виноват, что бабка попалась такая пугливая.

— Вот придёт милиционер, он тебе покажет бабушку! — пригрозила Ира. — Будешь знать, как людей пугать!

— А как он меня найдёт? Он ведь не знает, где я живу. Даже имени моего не знает.

— Найдёт, будь спокоен! Милиционеры всё знают.

Целый час Саша просидел дома и всё выглядывал в окно — не идёт ли милиционер. Но милиционера не было видно. Тогда он понемногу успокоился, развеселился и сказал:

— Наверно, бабушка меня просто попугать хотела, чтоб я не баловался.

Он решил снова пострелять из своего любимого пистолета и сунул руку в карман. В кармане лежала коробка с писто-

нами, но пистолета не было. Он полез в другой карман, но и там было пусто. Тогда он принялся искать по всей комнате. Смотрел и под столами и под диваном. Пистолет исчез, будто провалился сквозь землю. Саше стало обидно до слёз.

— Не успел даже поиграть! — хныкал он. — Такой пистолетик был!

— Может быть, ты его во дворе потерял? — спросила Ира.

— Наверно, я его там, за воротами, выронил, — сообразил Саша.

Он открыл дверь и бросился через двор на улицу. За воротами пистолета не было.

«Ну, теперь его уже нашёл кто-нибудь и взял себе!» — с досадой подумал Саша и тут вдруг увидел, что из переулка напротив вышел милиционер и быстро зашагал через улицу, прямо к Сашиному дому.

«За мной идёт! Видно, бабка таки нажаловалась!» — испугался Саша и стремглав побежал домой.

— Ну, нашёл? — спросили его Маринка и Ирочка.

— Тише! — прошипел Сашка. — Милиционер идёт!

— Куда?

— Сюда, к нам.

— Где ты его видел?

— На улице.

Марина и Ира стали над ним смеяться:

— Эх ты, трусишка! Увидел милиционера и испугался. Может быть, милиционер совсем в другое место идёт.

— Да я вовсе и не боюсь его! — стал храбриться Сашка. — Что мне милиционер! Подумаешь!

Тут за дверью слышались шаги, и вдруг зазвонил звонок. Маринка и Ира побежали открывать дверь. Сашка высунулся в коридор и зашипел:

— Не открывайте ему!

Но Марина уже отворила дверь. На пороге стоял милиционер. Блестящие пуговицы так и сверкали на нём. Сашка опустил на четвереньки и полез под диван.

— Скажите, девочки, где здесь шестая квартира? — слышался голос милиционера.

— Это не здесь,— ответила Ира.— Здесь первая, а шестая — это нужно выйти во двор, а там дверь направо.

— Во дворе, дверь направо? — повторил милиционер.

— Ну да.

Саша понял, что милиционер вовсе не за ним пришёл, и он уже хотел вылезти из-под дивана, но тут милиционер спросил:

— Кстати, не у вас тут живёт мальчик Саша?

— У нас,— ответила Ира.

— А вот он-то мне как раз нужен,— сказал милиционер и вошёл в комнату.

Марина и Ира вошли вместе с милиционером в комнату и увидели, что Сашка куда-то исчез. Марина даже заглянула под диван. Сашка увидел её и молча погрозил ей из-под дивана кулаком, чтобы она не выдавала его.

— Ну, где же ваш Саша? — спросил милиционер.

Девочки очень испугались за Сашу и не знали, что отвечать. Наконец Марина сказала:

— А его, понимаете, дома нет. Он, понимаете, гулять ушёл.

— А что вы про него знаете? — спросила милиционера Ира.

— Что же я знаю! — ответил милиционер.— Знаю, что зовут его Саша. Ещё знаю, что у него был новенький пистолет, а теперь у него этого пистолета нету.

«Всё знает!» — подумал Сашка.

От страха у него даже зачесалось в носу, и он как чихнёт под диваном: «Апчихи!»

— Кто это там? — удивился милиционер.

— А это у нас... Это у нас собака,— соврала Маринка.

— Чего же она под диван забралась?

— А она у нас всегда под диваном спит,— продолжала сочинять Марина.

— Как же её зовут?

— Э... Бобик,—выдумала Маринка и покраснела, как свёкла.

— Бобик! Бобик! Фью! — засвистел милиционер.— Почему

же она не хочет вылезать? Фью! Фью! Ишь ты, не хочет. А собака хорошая? Какой породы?

— Э...— протянула Маринка.— Э-э...— Она никак не могла вспомнить, какие бывают породы собак.— Порода эта вот...— сказала она.— Как её?.. Хорошая порода... Длинношёрстный фокстерьер!

— О, это замечательная собака! — обрадовался милиционер.— Я знаю. У неё такая волосатая морда.

Он нагнулся и посмотрел под диван. Саша лежал ни жив ни мёртв и во все глаза глядел на милиционера. Милиционер даже свистнул от изумления:

— Так вот тут какой фокстерьер! Ты чего под диван забрался, а? Ну-ка, вылезай, теперь всё равно попался!

— Не вылезу! — заревел Саша.

— Почему?

— Вы меня в милицию заберёте.

— За что?

— За старушку.

— За какую старушку?

— За которую я выстрелил, а она испугалась.

— Не пойму, про какую он тут старушку толкует? — сказал милиционер.

— Он на улице из пистолета стрелял, а мимо шла бабушка и испугалась,— объяснила Ира.

— Ах, вот что! Значит, это его пистолет? — спросил милиционер и достал из кармана новенький, блестящий пистолет.

— Его, его! — обрадовалась Ира.— Это мы с Мариной ему подарили, а он потерял. Где вы его нашли?

— Да вот тут, во дворе, у вашей двери... Ну, признавайся, зачем напугал бабушку?—спросил милиционер и нагнулся к Саше.

— Я нечаянно...— ответил Саша из-под дивана.

— Неправда! По глазам вижу, что неправда. Вот скажи правду — отдам пистолет обратно.

— А что мне будет, если я скажу правду?

— Ничего не будет. Отдам пистолет — и всё.

— А в милицию не заберёте?

— Нет.

— Я не хотел напугать бабушку. Я только хотел попробовать, испугается она или нет.

— А вот это, братец, нехорошо! За это тебя следовало бы забрать в милицию, да ничего не поделаешь: раз я обещал не забирать — значит, должен исполнить. Только смотри, если ещё раз набедокуришь — обязательно заберу. Ну, вылезай из-под дивана и получай пистолет.

— Нет, я лучше потом вылезу, когда вы уйдёте.

— Вот чудной какой! — усмехнулся милиционер. — Ну, я ухожу.

Он положил пистолет на диван и ушёл. Маринка побежала показать милиционеру шестую квартиру. Саша вылез из-под дивана, увидел свой пистолет и закричал:

— Вот он, мой голубчик! Снова вернулся ко мне! — Он схватил пистолет и сказал: — Не понимаю только, как это милиционер моё имя узнал!

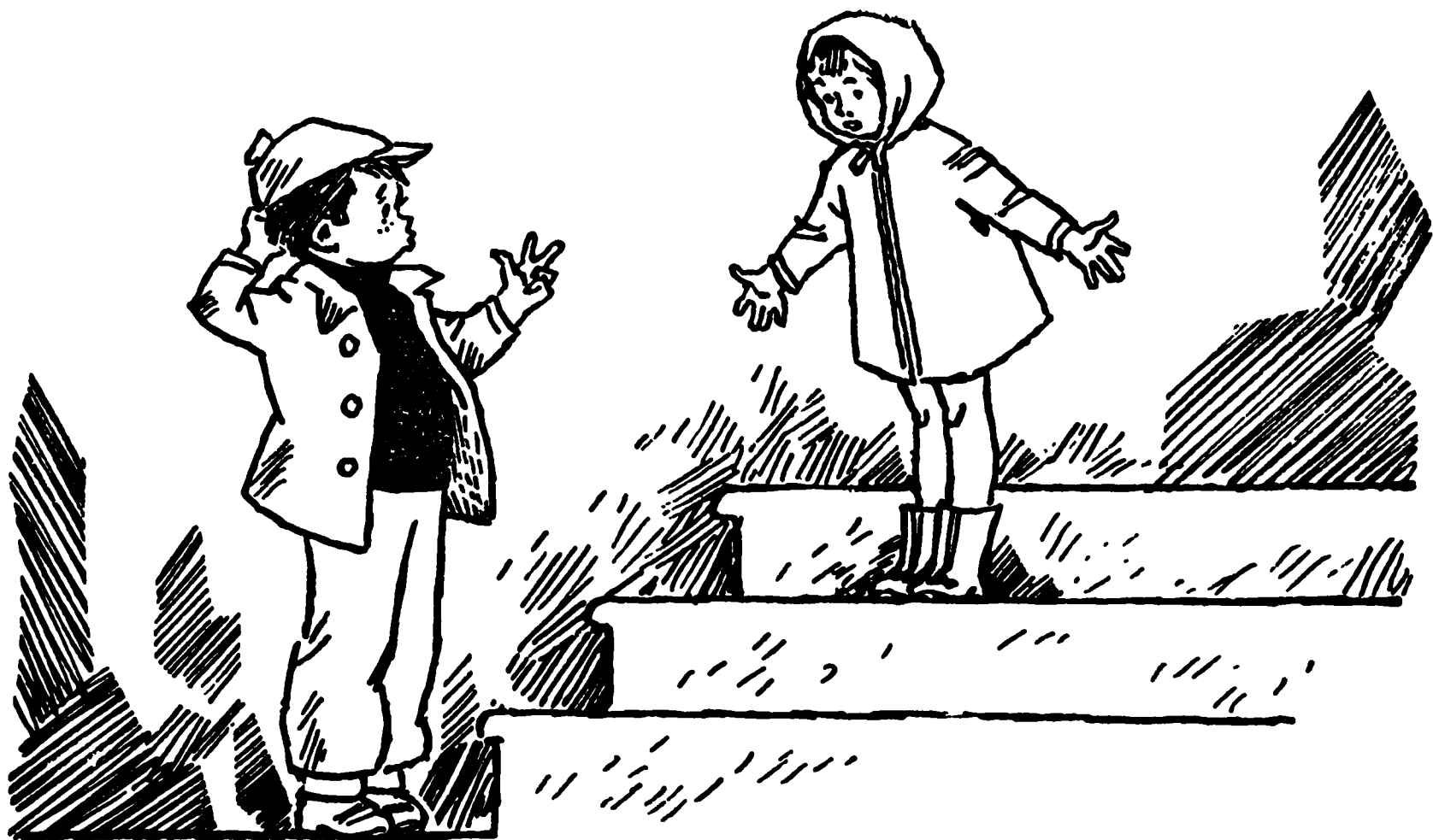
— Ты ведь сам написал своё имя на пистолете, — сказала Ира.

Тут вернулась Марина и набросилась на Сашу:

— Ах ты, чучело! Из-за тебя мне пришлось милиционеру врать! От стыда я чуть не сгорела! Вот натвори ещё чего-нибудь, ни за что не стану тебя выгораживать!

— А я и не буду больше ничего творить, — сказал Саша. — Сам теперь знаю, что не нужно людей пугать.

СТУПЕНЬКИ

Однажды Петя возвращался из детского сада. В этот день он научился считать до десяти. Дошёл он до своего дома, а его младшая сестра Валя уже дожидается у ворот.

— А я уже считать умею! — похвастался Петя. — В детском саду научился. Вот смотри, как я сейчас все ступеньки на лестнице сосчитаю.

Стали они подниматься по лестнице, а Петя громко ступеньки считает:

— Одна, две, три, четыре, пять...

— Ну, чего ж ты остановился? — спрашивает Валя.

— погоди, я забыл, какая дальше ступенька. Я сейчас вспомню.

— Ну вспоминай, — говорит Валя.

Стояли они на лестнице, стояли. Петя говорит:

— Нет, я так не могу вспомнить. Ну-ка, лучше начнём сначала.

Сошли они с лестницы вниз. Стали снова вверх подниматься.

— Одна,— говорит Петя,— две, три, четыре, пять...

И снова остановился.

— Опять забыл? — спрашивает Валя.

— Забыл! Как же это! Только что помнил и вдруг забыл!

Ну-ка, ещё попробуем.

Снова спустились с лестницы, и Петя начал сначала:

— Одна, две, три, четыре, пять...

— Может быть, двадцать пять? — спрашивает Валя.

— Да нет! Только думать мешаешь! Вот видишь, из-за тебя забыл! Придётся опять сначала.

— Не хочу я сначала! — говорит Валя.— Что это такое? То вверх, то вниз, то вверх, то вниз! У меня уже ноги болят.

— Не хочешь — не надо,— ответил Петя.— А я не пойду дальше, пока не вспомню.

Валя пошла домой и говорит маме:

— Мама, там Петя на лестнице ступеньки считает: одна, две, три, четыре, пять, а дальше не помнит.

— А дальше шесть,— сказала мама.

Валя побежала обратно к лестнице, а Петя всё ступеньки считает:

— Одна, две, три, четыре, пять...

— Шесть! — шепчет Валя.— Шесть! Шесть!

— Шесть! — обрадовался Петя и пошёл дальше.— Семь, восемь, девять, десять.

Хорошо, что лестница кончилась, а то бы он так и не дошёл до дому, потому что научился только до десяти считать.

МЕТРО

Мы с мамой и Вовкой были в гостях у тёти Оли в Москве. В первый же день мама и тётя ушли в магазин, а нас с Вовкой оставили дома. Дали нам старый альбом с фотографиями, чтоб мы рассматривали. Ну, мы рассматривали, рассматривали, пока нам это не надоело.

Вовка сказал:

— Мы так и Москву не увидим, если будем целый день дома сидеть!

Стали в окно глядеть. Напротив — станция метро.

Я говорю:

— Пойдём на метро покатаемся.

Пришли мы на станцию, взяли билеты и поехали под землёй. Сначала показалось страшно, а потом ничего, интересно. Проехали две остановки, вылезли.

«Осмотрим,— думаем,— станцию — и назад».

Стали осматривать станцию, а там лестница движется. Люди по ней вверх и вниз едут. Стали и мы кататься: вверх и вниз, вверх и вниз... Ходить совсем не надо, лестница сама возит.

Накатались по лестнице, сели на поезд и поехали обратно. Слезли через две остановки, смотрим — не наша станция!

— Наверно, мы не в ту сторону поехали,— говорит Вовка.

Сели мы на другой поезд, поехали в обратную сторону. Приезжаем — опять не наша станция! Тут мы испугались.

— Надо спросить кого-нибудь,— говорит Вовка.

— А как же ты спросишь? Ты знаешь, на какой станции мы садились?

— Нет. А ты?

— Я тоже не знаю.

— Давай ездить по всем станциям, может, отыщем как-нибудь,— говорит Вовка.

Стали мы ездить по станциям. Ездили, ездили, даже голова закружилась.

Вовка стал хныкать:

— Пойдём отсюда!

— Куда ж мы пойдём?

— Всё равно куда! Я наверх хочу.

— А что тебе наверху делать?

— Не хочу под землёй!

И начал реветь.

— Не надо,— говорю,— плакать. В милицию заберут.

— Пусть забирают! Э-э-э!..

— Ну, пойдём, пойдём,— говорю.— Не реви только. Вон милиционер уже смотрит на нас!

Схватил его за руку — и скорей на лестницу. Поехали вверх. «Куда же нас вывезет? — думаю.— Что теперь с нами будет?»

Вдруг смотрим — навстречу нам мама с тётей Олей по другой лестнице едут. Я как закричу:

— Мама!

Они увидели нас и кричат:

— Что вы здесь делаете?

А мы кричим:

— Мы никак выбраться отсюда не можем!

Больше ничего крикнуть не успели: нас лестница вверх утащила, а их вниз. Приехали мы наверх — и скорей по другой лестнице вниз, за ними вдогонку. Вдруг смотрим — а они снова навстречу едут! Увидели нас и кричат:

— Куда же вы? Почему нас не подождали?

— А мы за вами поехали!

Приезжаем вниз. Я говорю Вовке:

— Подождём. Они сейчас к нам приедут.

Ждали мы, ждали, а их всё нет и нет.

— Наверно, они нас ждут,— говорит Вовка.— Поедем.

Только поехали, а они снова навстречу.

— Мы вас ждали, ждали!..— кричат.

А вокруг все хохочут.

Приехали мы снова наверх — и опять поскорей вниз. Поймали наконец их. Мама начала бранить нас за то, что ушли без спросу, а мы стали рассказывать, как потеряли станцию.

Тётя говорит:

— Не понимаю, как это вы потеряли станцию! Я тут каждый день езжу, а ещё ни разу станцию не потеряла. Ну, поедем домой.

Сели мы на поезд. Поехали.

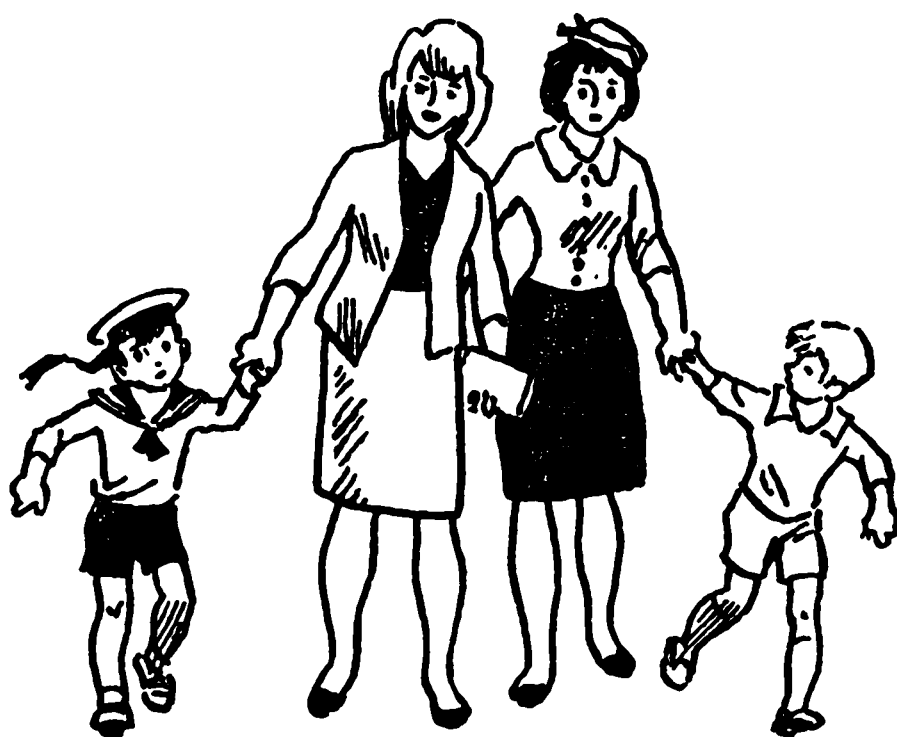
— Эх вы, пошехонцы! — говорит тётя.— Искали рукавицы, а они за поясом. В трёх соснах заблудились. Потеряли станцию!

И вот так всю дорогу смеялась над нами.

Приезжаем на станцию, тётя посмотрела вокруг и говорит:

— Тьфу! Совсем вы меня запутали! Нам на Арбат надо, а мы на Курский вокзал приехали. Не в ту сторону сели.

Пересели мы на другой поезд и поехали обратно. И тётя больше уже не смеялась над нами. И пошехонцами не называла.

ОГУРЦЫ

Один раз Павлик взял с собой Котьку на реку ловить рыбу. Но в этот день им не повезло: рыба совсем не клевала. Зато когда шли обратно, они забрались в колхозный огород и набрали полные карманы огурцов. Колхозный сторож заметил их и засвистел в свисток. Они от него бежать. По дороге домой Павлик подумал, как бы ему дома не досталось за то, что он лазит по чужим огородам. И он отдал свои огурцы Котьке.

Котька пришёл домой радостный:

— Мама, я тебе огурцов принёс!

Мама посмотрела, а у него полные карманы огурцов, и за пазухой огурцы лежат, и в руках ещё два больших огурца.

— Где ты их взял? — говорит мама.

— На огороде.

— На каком огороде?

— Там, у реки, на колхозном.

— Кто ж тебе позволил?

— Никто, я сам нарвал.

— Значит, украл?

— Нет, не украл, а так просто... Павлик брал, а мне нельзя, что ли? Ну, и я взял.

Котька начал вынимать огурцы из карманов.

— Постой, постой! Не выгружай! — говорит мама.

— Почему?

— Сейчас же неси их обратно!

— Куда ж я их понесу? Они на грядке росли, а я сорвал. Всё равно они теперь уже расти не будут.

— Ничего, отнесёшь и положишь на той же грядке, где сорвал.

— Ну, я их выброшу.

— Нет, не выбросишь! Ты их не сажал, не растил, не имеешь права и выбрасывать.

Котька стал плакать:

— Там сторож. Он нам свистел, а мы убежали.

— Вот видишь, что делаете! А если б он поймал вас?

— Он не догнал бы. Он уже старенький дедушка.

— Ну как тебе не стыдно! — говорит мама. — Ведь дедушка за эти огурцы отвечает. Узнают, что огурцы пропали, скажут, что дедушка виноват. Хорошо будет?

Мама стала совать огурцы обратно Котьке в карман. Котька плакал и кричал:

— Не пойду я! У дедушки ружьё. Он выстрелит и убьёт меня.

— И пусть убьёт! Пусть лучше у меня совсем не будет сына, чем будет сын вор.

— Ну, пойдём со мной, мамочка! На дворе темно. Я боюсь.

— А брат не боялся?

Мама дала Котьке в руки два огурца, которые не поместились в карманах, и вывела его за дверь.

— Или неси огурцы, или совсем уходи из дому, ты мне не сын!

Котька повернулся и медленно-медленно пошёл по улице. Уже было совсем темно.

«Брошу их тут, в канаву, а скажу, что отнёс,— решил Котька и стал оглядываться вокруг.— Нет, отнесу: ещё кто-нибудь увидит и дедушке из-за меня попадёт».

Он шёл по улице и плакал. Ему было страшно.

«Павлику хорошо! — думал Котька.— Он мне свои огурцы отдал, а сам дома сидит. Ему небось не страшно».

Вышел Котька из деревни и пошёл полем. Вокруг не было ни души. От страха он не помнил, как добрался до огорода. Остановился возле шалаша, стоит и плачет всё громче и громче. Сторож услышал и подошёл к нему.

— Ты чего плачешь? — спрашивает.

— Дедушка, я принёс огурцы обратно.

— Какие огурцы?

— А которые мы с Павликом нарвали. Мама сказала, чтоб я отнёс обратно.

— Вот оно какое дело! — удивился сторож.— Это, значит, я вам свистел, а вы всё-таки огурцы-то стащили. Нехорошо!

Павлик брал, и я взял. Он мне и свои огурцы отдал.

— А ты на Павлика не смотри, сам понимать должен. Ну, больше не делай так. Давай огурцы и иди домой.

Котька вытащил огурцы и положил их на грядку.

Ну, все, что ли? — спросил старик.

— Нет... одного не хватает,— ответил Котька и снова заплакал.

— Почему не хватает, где же он?

— Дедушка, я один огурец съел. Что теперь будет?

— Ну что ж будет? Ничего не будет. Съел, ну и съел. На здоровье.

— А вам, дедушка, ничего не будет за то, что огурец пропал?

— Ишь ты какое дело! — усмехнулся дедушка.— Нет, за

один огурец ничего не будет. Вот если б ты не принёс остальных, тогда да, а так нет.

Котька побежал домой. Потом вдруг остановился и закричал издали:

— Дедушка, дедушка!

— Ну что ещё?

— А этот вот огурец, что я съел, как будет считаться — украл я его или нет?

— Гм! — сказал дед. — Вот ещё какая задача! Ну чего там, пусть не украл.

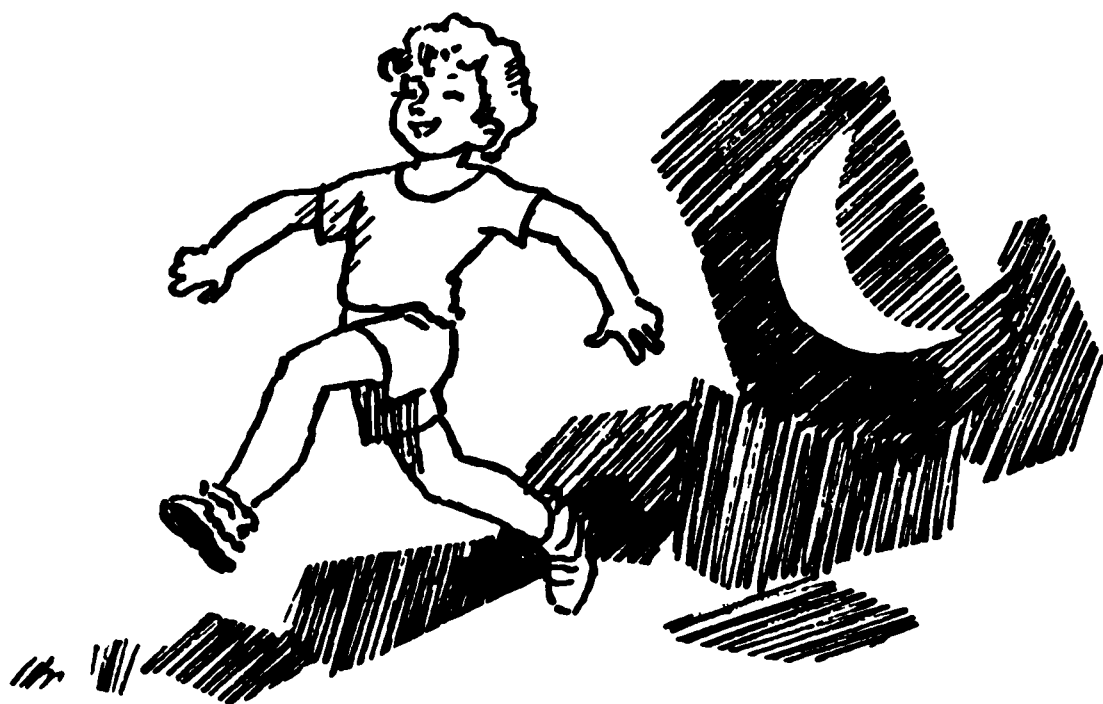
— А как же?

— Ну, считай, что я тебе подарил его.

— Спасибо, дедушка! Я пойду.

— Иди, иди, сынок.

Котька во весь дух помчался по полю, через овраг, по мостику через ручей и, уже не спеша, пошёл по деревне домой. На душе у него было радостно.

ПРЯТКИ

Витя и Славик — соседи. Они всегда ходят друг к другу в гости. Вот раз Витя пришёл в гости к Славику. Славик ему говорит:

— Давай играть в прятки!

— Давай,— согласился Витя.— Чур, я первый буду прятаться!

— Ну ладно, а я буду водить,— сказал Славик и пошёл в коридор.

Витя побежал в комнату, залез под кровать и кричит:

— Готово!

Славик пришёл, заглянул под кровать и сразу нашёл его. Витя вылез из-под кровати и говорит:

— Это неправильно! Я плохо спрятался! Если б я хорошо спрятался, ты не нашёл бы меня. Я перепрячусь.

— Ну, пожалуйста, перепрятывайся,— согласился Славик и снова пошёл в коридор.

Витя побежал во двор и стал искать, где бы спрятаться. Смотрит — возле сарая собачья конура стоит, а в ней Бобик сидит. Он поскорей выгнал из конуры Бобика, сам залез на его место и снова кричит:

— Готово!

Славик вышел во двор и стал искать Витю. Искал, искал, никак не может найти.

А Вите надоело в конуре сидеть, он и начал выглядывать из неё. Тут Славик увидел его и закричал:

— А, вот ты куда забрался! Вылезай!

Витя вылез из конуры и говорит:

— Это неправильно! Это не ты меня нашёл. Я сам выглянул.

— Зачем же ты выглянул?

— Мне надоело в конуре скрюченным сидеть. Если б я не был скрюченный, ты не нашёл бы меня. Я перепрячусь.

— Нет, теперь уж моя очередь прятаться,— говорит Славик.

— Ну, тогда я совсем не буду играть! — обиделся Витя.

— Ладно, перепрытывайся, раз ты такой,— согласился Славик.

Витя побежал в комнату, закрыл дверь, а сам забрался за вешалку и спрятался под пальто. Славик снова пошёл его искать. Он открыл дверь, а Бобик шмыгнул в неё, подбежал прямо к вешалке и стал ласкаться к Вите. Витя рассердился и начал отталкивать Бобика ногой. Славик увидел и закричал:

— А, вот ты где! За вешалкой! Вылезай!

Витя вылез и говорит:

— Это неправильно! Ты меня не нашёл! Это Бобик меня нашёл. Я перепрячусь.

— Что же это такое? — говорит Славик.— Ты всё время прячешься, а я каждый раз должен искать.

— Вот найди меня ещё раз, тогда ты будешь прятаться,— сказал Витя.

Славик снова зажмурил глаза, а Витя побежал на кухню, вытащил из посудного шкафчика всю посуду, сам залез в шкафчик и кричит:

— Готово!

Славик пошёл на кухню, видит — из шкафчика вся посуда вытащена, и сразу догадался, где Витя. Он потихоньку подкрался к шкафу, запер его на крючок, а сам побежал во двор и стал играть с Бобиком в прятки. Спрячется, а Бобик его ищет.

«Вот хорошо! — думает Славик. — С Бобиком гораздо лучше играть, чем с Витей».

А Витя сидел в шкафчике, сидел, ему и надоело. Он хотел вылезти, а дверца не открывается. Он испугался и давай кричать:

— Славик! Славик!

Славик услышал и прибежал.

— Выпусти меня отсюда! — закричал Витя. — Дверца почему-то не открывается.

— А будешь меня искать, тогда выпущу.

— Зачем же мне тебя искать, раз ты не нашёл меня.

— Я ведь нашёл.

— Это не ты меня нашёл! Я сам закричал. Если б я не закричал, ты не нашёл бы!

— Ну и сиди себе в шкафчике, а я пойду гулять, — говорит Славик.

— Не имеешь права! — закричал Витя. — Это не по-товарищески!

— А разве по-товарищески — заставлять меня всё время искать?

— По-товарищески.

— Ну, тогда сиди в шкафу до самого вечера.

— Ладно, буду теперь тебя искать, только выпусти, — стал просить Витя.

Славик откинул крючок. Витя вылез из шкафа, увидел крючок и говорит:

— Это ты нарочно запер меня? Не буду за это тебя искать!

— И не надо,— говорит Славик.— Я лучше с Бобиком буду играть.

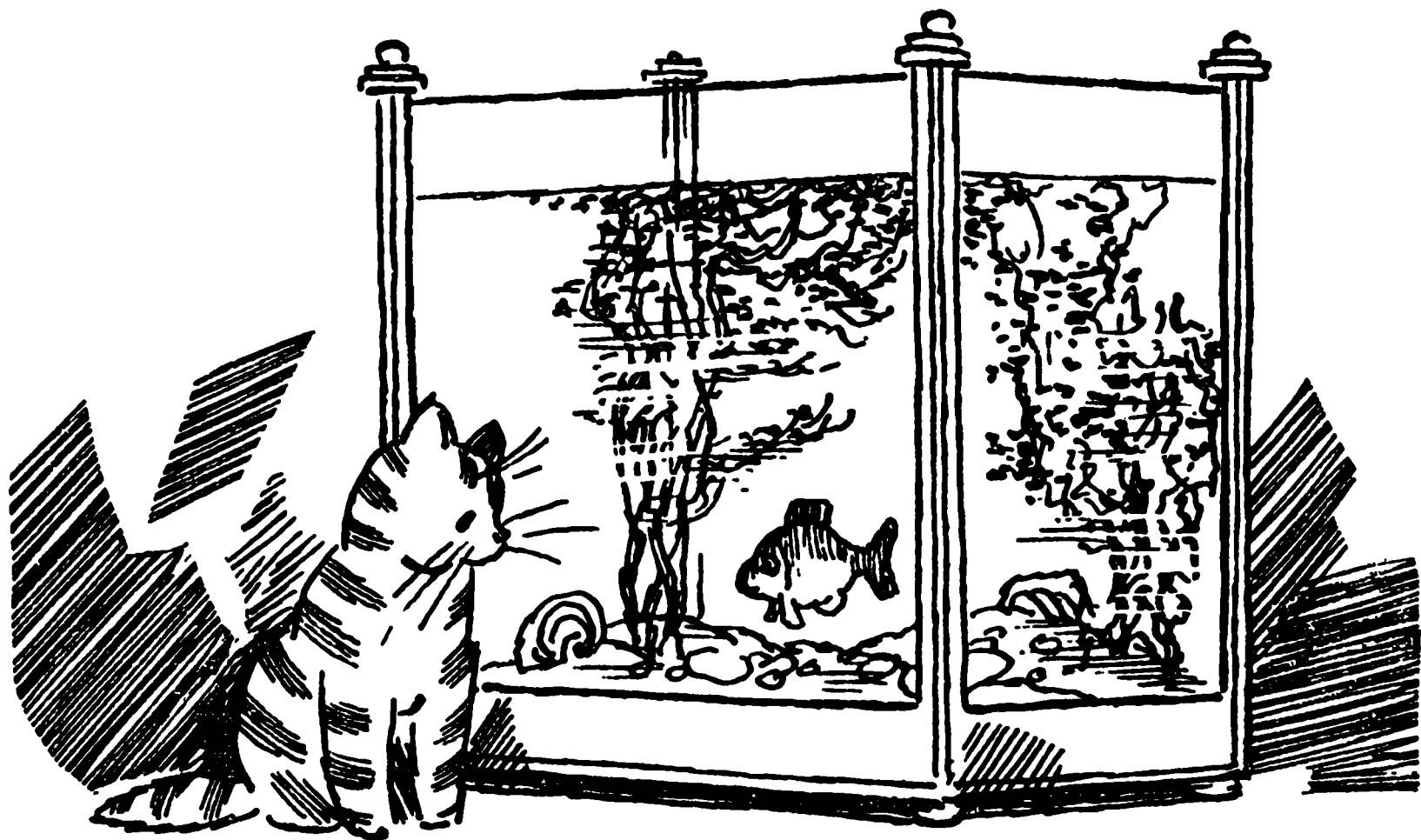
— А разве Бобик умеет искать?

— Ого! Ещё даже лучше тебя!

— Ну, давай тогда вместе от Бобика прятаться.

Витя и Славик пошли во двор и стали прятаться от Бобика. Бобик хорошо умел в прятки играть, только глаза зажимуривать не умел.

КАРАСИК

Мама недавно подарила Виталику аквариум с рыбкой. Очень хорошая была рыбка, красивая! Серебристый карасик — вот как она называлась. Виталик был рад, что у него есть карасик. Первое время он очень интересовался рыбкой — кормил её, менял воду в аквариуме, а потом привык к ней и иногда даже забывал её вовремя покормить.

А ещё у Виталика был котёнок Мурзик. Он был серый, пушистый, а глаза у него были большие зелёные. Мурзик очень любил смотреть на рыбку. По целым часам он сидел возле аквариума и не сводил глаз с карасика.

— Ты смотри за Мурзиком, — говорила Виталику мама. — Как бы он не съел твоего карася.

— Не съест, — отвечал Виталик. — Я буду смотреть.

Однажды, когда мамы не было дома, к Виталику пришёл его друг Серёжа. Он увидел в аквариуме рыбку и сказал:

— Давай меняться. Ты дай мне карасика, а я, если хочешь, дам тебе свой свисток.

— Зачем мне свисток? — сказал Виталик. — По-моему, рыбка лучше свистка.

— Чем же она лучше? Свисток свистеть может. А рыбка что? Разве может рыбка свистеть?

— Зачем же рыбке свистеть? — ответил Виталик. — Рыбка свистеть не может, зато она плавает. А свисток разве может плавать?

— Сказал! — засмеялся Серёжа. — Где это видано, чтобы свистки плавали! Зато рыбку может кот съесть, вот и не будет у тебя ни свистка, ни рыбки. А свисток кот не съест — он железный.

— Мне мама не позволяет меняться. Она говорит, что сама купит, если мне что-нибудь надо, — сказал Виталик.

— Где же она купит такой свисток? — ответил Серёжа. — Такие свистки не продаются. Это настоящий милиционерский свисток. Я как выйду во двор да как засвищу, сразу все подумают, что милиционер пришёл.

Серёжа вынул из кармана свисток и засвистел.

— А ну, дай я, — попросил Виталик.

Он взял свисток и подул в него. Свисток звонко, переливчато засвистел. Виталику очень понравилось, как он свистит. Ему захотелось иметь свисток, но он не мог сразу решиться и сказал:

— А где у тебя будет жить рыбка? У тебя ведь аквариума нет.

— А я посажу её в банку из-под варенья. У нас большая банка есть.

— Ну ладно, — согласился Виталик.

Ребята принялись ловить рыбку в аквариуме, но карась плывал быстро и не давался в руки.

Они набрызгали вокруг водой, а Серёжа измочил рукава до самых локтей. Наконец ему удалось схватить карасика.

— Есть! — закричал он. — Давай сюда какую-нибудь кружку с водой! Я посажу туда рыбку.

Виталик поскорей налил в кружку воды. Серёжа посадил карася в кружку. Ребята пошли к Серёже — сажать рыбку в банку. Банка оказалась не очень большая, и карасику в ней было не так просторно, как в аквариуме. Ребята долго смотрели, как карасик плавает в банке. Серёжа радовался, а Виталику было жалко, что теперь у него не будет рыбки, а главное, он боялся признаться маме, что променял карасика на свисток.

«Ну ничего, может быть, мама и не заметит сразу, что рыбка пропала», — подумал Виталик и пошёл домой.

Когда он вернулся, мама уже была дома.

— Где же твоя рыбка? — спросила она.

Виталик растерялся и не знал, что сказать.

— Может быть, её Мурзик съел? — спросила мама.

— Не знаю, — пробормотал Виталик.

— Вот видишь, — сказала мама. — Он выбрал-таки время, когда дома никого не было, и выловил из аквариума рыбку! Где он, разбойник? Ну-ка, найди мне его сейчас!

— Мурзик! Мурзик! — стал звать Виталик, но кота нигде не было.

— Наверно, в форточку убежал, — сказала мама. — Пойди-ка во двор, позови его.

Виталик надел пальто и вышел во двор.

«Вот как нехорошо получилось! — думал он. — Теперь Мурзику из-за меня достанется».

Он хотел вернуться домой и сказать, что Мурзика во дворе нет, но тут Мурзик выскочил из отдушины, которая была под домом, и быстро побежал к двери.

— Мурзинька, не ходи домой, — сказал Виталик. — Тебе попадёт от мамы.

Мурзик замурлыкал, принялся тереться спинкой об ноги Виталика, потом поглядел на закрытую дверь и потихоньку мяукнул.

— Не понимаешь, глупый,— сказал Виталик.— Тебе ведь человеческим языком говорят, что нельзя домой.

Но Мурзик, конечно, ничего не понимал. Он ласкался к Виталику, тёрся об него боками и потихоньку бодал его головой, будто торопил поскорей открыть дверь. Виталик стал отталкивать его от двери, но Мурзик не хотел уходить. Тогда Виталик спрятался от него за дверь.

— Мяу! — закричал Мурзик под дверью.

Виталик поскорей вышел обратно:

— Тише! Кричит тут! Вот мама услышит, тогда узнаешь!

Он схватил Мурзика и принялся запихивать его обратно в отдушину под домом, из которой Мурзик только что вылез. Мурзик упирался всеми четырьмя лапами и не хотел лезть в отдушину.

— Лезь, глупый! — уговаривал его Виталик.— Посиди там пока.

Наконец он его целиком запихал в отдушину. Только хвост Мурзика остался торчать снаружи. Некоторое время Мурзик сердито вертел хвостом, потом и хвост скрылся в отдушине. Виталик обрадовался. Он думал, что котёнок останется теперь сидеть в подвале, но тут Мурзик снова выглянул из дыры.

— Ну, куда же ты лезешь, глупая голова! — зашипел Виталик и загородил выход руками.— Говорят же тебе: нельзя домой идти.

— Мяу! — закричал Мурзик.

— Вот тебе и «мяу»! — передразнил его Виталик.— Ну что мне теперь делать с тобой?

Он стал оглядываться вокруг и искать, чем бы закрыть дыру. Рядом лежал кирпич. Виталик поднял его и закрыл дыру кирпичом.

— Вот теперь не вылезешь,— сказал он.— Посиди там, в подвале, а завтра мама забудет про рыбку, и я тебя выпущу.

Виталик вернулся домой и сказал, что Мурзика во дворе нет.

— Ничего,— сказала мама,— вернётся. Я всё равно не прощу ему этого.

За обедом Виталик сидел грустный и даже не хотел ничего есть.

«Я вот обедаю,— думал он,— а Мурзик бедный в подвале сидит».

Когда мама вышла из-за стола, он незаметно сунул в карман котлету и пошёл во двор. Там он отодвинул кирпич, которым была закрыта отдушина, и потихоньку позвал:

— Мурзик! Мурзик!

Но Мурзик не отзывался. Виталик нагнулся и заглянул в дыру. В подвале было темно и ничего не было видно.

— Мурзик! Мурзинька! — звал Виталик.— Я тебе котлету принёс!

Мурзик не вылезал.

— Не хочешь — ну и сиди, глупая голова! — сказал Виталик и вернулся домой.

Дома без Мурзика ему было скучно. На душе было как-то нехорошо, потому что он обманул маму. Мама заметила, что он грустный, и сказала:

— Не горюй! Я тебе другую рыбку куплю.

— Не надо,— сказал Виталик.

Он уже хотел признаться маме во всём, но у него не хватило смелости, и он ничего не сказал. Тут за окном послышался шорох и раздался крик:

— Мяу!

Виталик посмотрел в окно и увидел снаружи на подоконнике Мурзика. Видно, он вылез из подвала через другую дырку.

— А! Пришёл наконец, разбойник! — сказала мама.— Иди-ка сюда, иди!

Мурзик прыгнул в открытую форточку и очутился в комнате. Мама хотела схватить его, но он, видно, догадался, что его хотят наказать, и шмыгнул под стол.

— Ишь ты, хитрец какой! — сказала мама.— Чувствует, что виноват. Ну-ка, поймай его.

Виталик полез под стол. Мурзик увидел его и юркнул под диван. Виталик был рад, что Мурзик удрал от него. Он полез под диван и нарочно старался шуметь, чтобы Мурзик услышал и успел убежать. Мурзик выскочил из-под дивана. Виталик погнался за ним и принялся бегать по всей комнате.

— Что ты такой шум поднял? Разве его так поймаешь! — сказала мама.

Тут Мурзик прыгнул на подоконник, где стоял аквариум, и хотел выскочить обратно в форточку, но сорвался и с размаху как плюхнется в аквариум! Вода так и брызнула в разные стороны. Мурзик выскочил из аквариума и давай отряхиваться. Тут мама и схватила его за шиворот:

— Вот я тебя проучу как следует!

— Мамочка, миленькая, не бей Мурзика! — заплакал Виталик.

— Нечего его жалеть, — сказала мама. — Он ведь не пожалел рыбку!

— Мамочка, он не виноват!

— Как же «не виноват»? А кто карася съел?

— Это не он.

— А кто же?

— Это я...

— Ты съел? — удивилась мама.

— Нет, я не съел. Я его на свисток променял.

— На какой свисток?

— Вот на этот.

Виталик вынул из кармана свисток и показал маме.

Как же тебе не стыдно? — сказала мама.

— Я нечаянно. Серёжа сказал: «Давай меняться», я и поменялся.

— Я не о том говорю! Я говорю, почему ты не сказал правду? Я ведь на Мурзика подумала. Разве честно на других сваливать?

— Я боялся, что ты станешь бранить меня.

— Это только трусы боятся говорить правду! Хорошо было бы, если б я наказала Мурзика?

— Я больше не буду.

— Ну смотри! Только потому прощаю, что ты всё-таки сам признался,— сказала мама.

Виталик взял Мурзика и понёс к батарее сушиться. Он посадил его на скамеечке и сел рядом с ним. Мокрая шерсть на Мурзике торчала в разные стороны, как иголки у ёжика, и от этого Мурзик казался таким худым-худым, будто целую неделю совсем ничего не ел. Виталик вынул из кармана котлету и положил перед Мурзиком. Мурзик съел котлету, потом забрался на колени к Виталику, свернулся калачиком и замурлыкал свою песенку.

АВТОМОБИЛЬ

Когда мы с Мишкой были совсем маленькими, нам очень хотелось покататься на автомобиле, только это никак не удавалось. Сколько мы ни просили шофёров, никто не хотел нас катать. Однажды мы гуляли во дворе. Вдруг смотрим — на улице, возле наших ворот, остановился автомобиль. Шофёр из машины вылез и куда-то ушёл. Мы подбежали. Я говорю:

— Это «Волга».

А Мишка:

— Нет, это «Москвич».

— Много ты понимаешь! — говорю я.

— Конечно, «Москвич», — говорит Мишка. — Посмотри, какой у него капор.

— Какой, — говорю, — капор? Это у девчонок бывает капор, а у машины — капот! Ты посмотри, какой кузов.

Мишка посмотрел и говорит:

— Ну, такое пузо, как у «Москвича».

— Это у тебя,— говорю,— пузо, а у машины никакого пуза нет

— Ты же сам сказал «пузо».

— «Кузов», я сказал, а не «пузо»! Эх, ты! Не понимаешь, а лезешь!

Мишка подошёл к автомобилю сзади и говорит:

— А у «Волги» разве есть буфер? Это у «Москвича» — буфер.

Я говорю:

— Ты бы лучше молчал. Выдумал ещё буфер какой-то. Буфер — это у вагона на железной дороге, а у автомобиля бампер. Бампер есть и у «Москвича» и у «Волги».

Мишка потрогал бампер руками и говорит:

— На этот бампер можно сесть и поехать.

— Не надо,— говорю я ему.

А он:

— Да ты не бойся. Проедем немного и спрыгнем.

Тут пришёл шофёр и сел в машину. Мишка подбежал сзади, уселся на бампер и шепчет:

— Садись скорей! Садись скорей!

Я говорю:

— Не надо!

А Мишка:

— Иди скорей! Эх ты, трусишка!

Я подбежал, прицепился рядом. Машина тронулась и как помчится! Мишка испугался и говорит:

— Я спрыгну! Я спрыгну!

— Не надо,— говорю,— расшибёшься!

А он твердит:

— Я спрыгну! Я спрыгну!

И уже начал опускать одну ногу. Я оглянулся назад, а за нами другая машина мчится. Я кричу:

— Не смей! Смотри, сейчас тебя машина задавит!

Люди на тротуаре останавливаются, на нас смотрят. На перекрёстке милиционер засвистел в свисток. Мишка перепугался, прыгнул на мостовую, а руки не отпускает, за бампер держится, ноги по земле волочатся. Я испугался, схватил его за шиворот и тащу вверх. Автомобиль остановился, а я всё тащу. Мишка наконец снова залез на бампер. Вокруг народ собрался. Я кричу:

— Держись, дурак, крепче!

Тут все засмеялись. Я увидел, что мы остановились, и слез.

— Слезай,— говорю Мишке.

А он с перепугу ничего не понимает. Насилу я оторвал его от этого бампера. Подбежал милиционер, номер записывает. Шофёр из кабины вылез — все на него набросились:

— Не видишь, что у тебя сзади делается?

А про нас забыли. Я шепчу Мишке:

— Пойдём!

Отошли мы в сторонку и бегом в переулок. Прибежали домой, запыхались. У Мишки обе коленки до крови ободраны и штаны порваны. Это он когда по мостовой на животе ехал. Досталось ему от мамы!

Потом Мишка говорит:

— Штаны — это ничего, зашить можно, а коленки сами заживут. Мне вот только шофёра жалко: ему, наверно, из-за нас достанется. Видал, милиционер номер машины записывал?

Я говорю:

— Надо было остаться и сказать, что шофёр не виноват.

— А мы милиционеру письмо напишем,— говорит Мишка.

Стали мы письмо писать. Писали, писали, листов двадцать бумаги испортили, наконец написали:

«Дорогой товарищ милиционер! Вы неправильно записали номер. То есть, Вы записали номер правильно, только неправильно, что шофёр виноват. Шофёр не виноват: виноваты мы

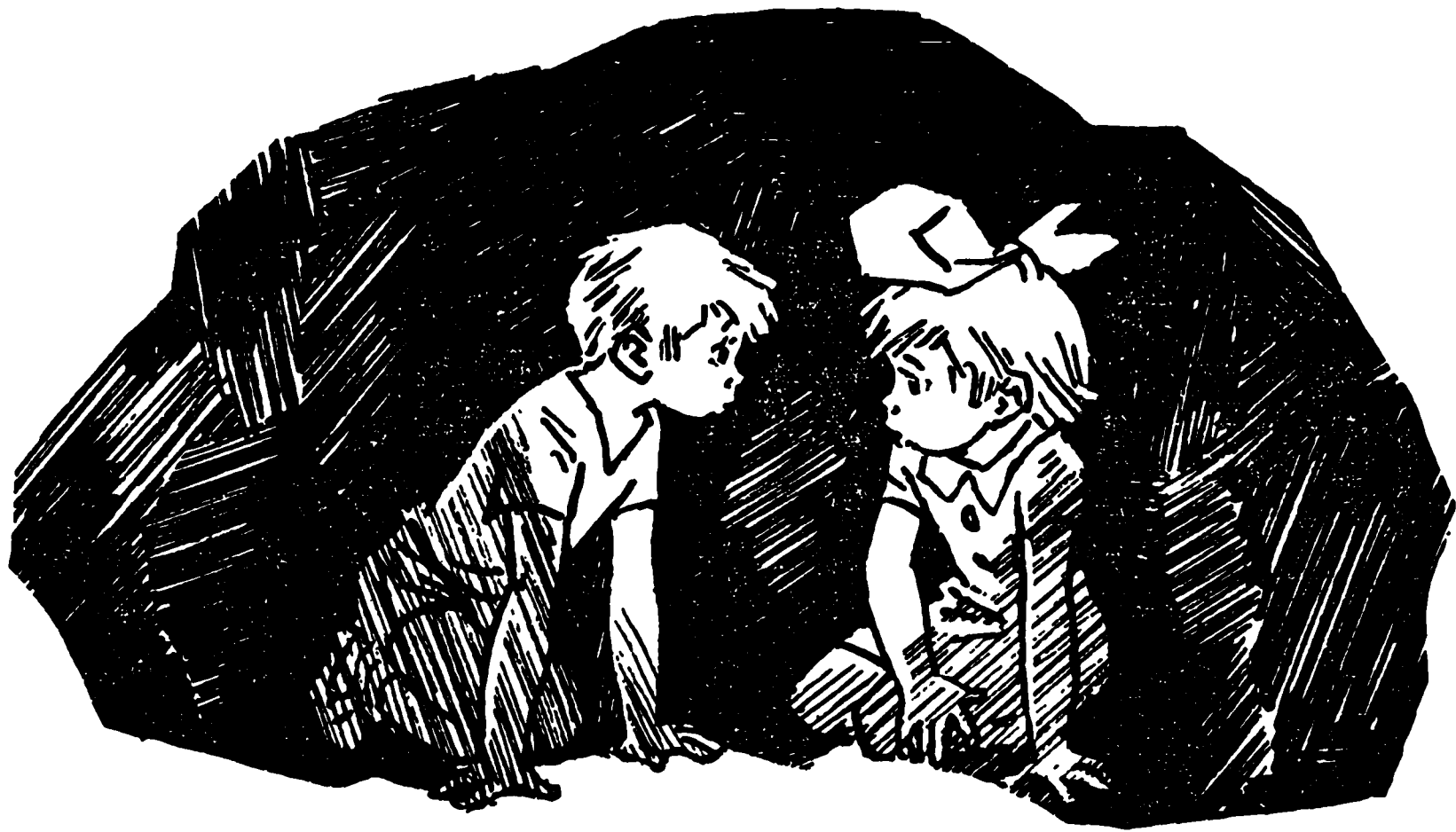
с Мишкой. Мы прицепились, а он не знал. Шофёр хороший и ездит правильно»

На конверте написали:

«Угол улицы Горького и Большой Грузинской, получить милиционеру».

Запечатали письмо и бросили в ящик. Наверно, дойдёт.

ЗАТЕЙНИКИ

Мы с Вале́й за́тейники. Мы всегда за́теваем какие-нибудь игры.

Один раз мы читали сказку «Три поро́сёнка». А потом стали играть. Сначала мы бегали по комнате, прыгали и кричали.

— Нам не страшен серый волк!

Потом мама ушла в магазин, а Валя сказала:

— Давай, Петя, сделаем себе домик, как у тех поросят, что в сказке.

Мы стащили с кровати одеяло и повесили им стол. Вот и получился дом. Мы залезли в него, а там темно-темно!

Валя говорит:

— Вот и хорошо, что у нас свой дом! Мы всегда будем здесь жить и никого к себе не пустим, а если серый волк придёт, мы его прогоним.

Я говорю:

— Жалко, что у нас в домике нет окон, очень темно!

— Ничего,— говорит Валя.— У поросят ведь домики бывают без окон.

Я спрашиваю:

— А ты меня видишь?

— Нет. А ты меня?

— И я,— говорю,— нет. Я даже себя не вижу.

Вдруг меня кто-то как схватит за ногу! Я как закричу! Выскочил из-под стола, а Валя за мной.

— Чего ты? — спрашивает.

— Меня,— говорю,— кто-то схватил за ногу. Может быть, серый волк?

Валя испугалась и бегом из комнаты. Я — за ней. Выбежали в коридор и дверь захлопнули.

— Давай,— говорю,— дверь держать, чтобы он не открыл. Держали мы дверь, держали.

Валя и говорит:

— Может быть, там никого нет?

Я говорю:

— А кто же тогда меня за ногу трогал?

— Это я,— говорит Валя,— я хотела узнать, где ты.

— Чего же ты раньше не сказала?

— Я,— говорит,— испугалась. Ты меня испугал.

Открыли мы дверь. В комнате никого нет. А к столу подойти всё-таки боимся: вдруг из-под него серый волк вылезет!

Я говорю:

— Пойди сними одеяло.

А Валя говорит:

— Нет, ты пойдё!

Я говорю:

— Там же никого нет.

— А может быть, есть!

Я подкрался на цыпочках к столу, дёрнул за край одеяла и

бегом к двери. Одеяло упало, а под столом никого нет. Мы обрадовались. Хотели починить домик, только Валя говорит:
— Вдруг опять кто-нибудь за ногу схватит!
Так и не стали больше в «три поросёнка» играть.

ЗАПЛАТКА

У Бобки были замечательные штаны: зелёные, вернее сказать, защитного цвета. Бобка их очень любил и всегда хвастался:

— Смотрите, ребята, какие у меня штаны. Солдатские!

Все ребята, конечно, завидовали. Ни у кого больше таких зелёных штанов не было.

Однажды Бобка полез через забор, зацепился за гвоздь и порвал эти замечательные штаны. От досады он чуть не заплакал, пошёл поскорее домой и стал просить маму зашить.

Мама рассердилась:

— Ты будешь по заборам лазить, штаны рвать, а я зашивать должна?

— Я больше не буду! Зашей, мама!

— Сам зашей.

— Так я же ведь не умею!

— Сумел порвать, сумеешь и зашить.

— Ну, я так буду ходить,— проворчал Бобка и пошёл во двор.

Ребята увидели, что у него на штанах дырка, и стали смеяться.

— Какой же ты солдат,— говорят,— если у тебя штаны порваны?

А Бобка оправдывается:

— Я просил маму зашить, а она не хочет.

— Разве солдатам мамы штаны зашивают? — говорят ребята.— Солдат сам должен уметь всё делать: и заплатку поставить и пуговицу пришить.

Бобке стало стыдно.

Пошёл он домой, попросил у мамы иголку, нитку и лоскуток зелёной материи. Из материи он вырезал заплатку величиной с огурец и начал пришивать её к штанам.

Дело это было нелёгкое. К тому же Бобка очень спешил и колол себе пальцы иголкой.

— Чего ты колешься? Ах ты, противная! — говорил Бобка иголке и старался схватить её за самый кончик, так, чтоб не уколоться.

Наконец заплатка была пришита. Она торчала на штанах, словно сушёный гриб, а материя вокруг сморщилась так, что одна штанина даже стала короче.

— Ну, куда же это годится?— ворчал Бобка, разглядывая штаны.— Ещё хуже, чем было! Придётся всё наново переделывать.

Он взял ножик и отпорол заплатку. Потом расправил её, приложил снова к штанам, хорошенько обвёл вокруг заплатки чернильным карандашом и стал пришивать её снова. Теперь он шил не спеша, аккуратно и всё время следил, чтобы заплатка не вылезала за черту.

Он долго возился, сопел и кряхтел, зато, когда всё сделал, на заплатку было любо взглянуть. Она была пришита ровно, гладко и так крепко, что не отодрать и зубами.

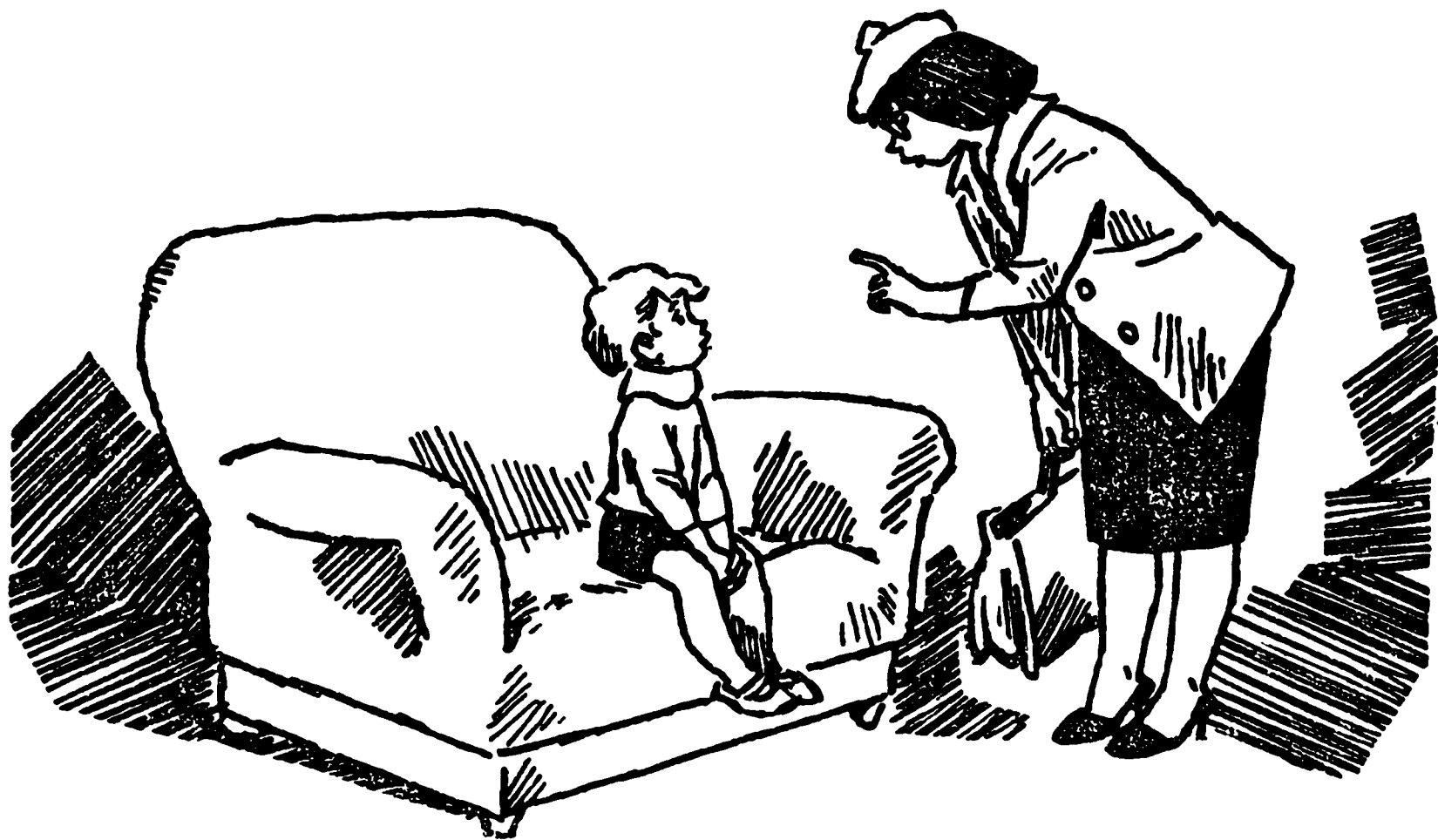
Наконец Бобка надел штаны и вышел во двор. Ребята окружили его.

— Вот молодец! — говорили они. — А заплатка, смотрите, карандашом обведена. Сразу видно, что сам пришивал.

А Бобка вертелся во все стороны, чтобы всем было видно, и говорил:

— Эх, мне бы ещё пуговицы научиться пришивать, да жаль, ни одна не оторвалась! Ну ничего. Когда-нибудь оторвётся — обязательно сам пришью.

ЛЕДЕНЕЦ

Мама уходила из дому и сказала Мише:

— Я уйду, Мишенька, а ты води себя хорошо. Не шали без меня и ничего не трогай. За это подарю тебе большой красный леденец.

Мама ушла. Миша сначала вёл себя хорошо: не шалил и ничего не трогал. Потом он только подставил к буфету стул, залез на него и открыл у буфета дверцы. Стоит и смотрит в буфет, а сам думает:

«Я ведь ничего не трогаю, только смотрю».

А в буфете стояла сахарница. Он взял её и поставил на стол.

«Я только посмотрю, а ничего трогать не буду»,— думает. Открыл крышку, видит — там что-то красное сверху.

— Э,— говорит Миша,— да это ведь леденец! Наверно, как раз тот самый, который мне обещала мама.

Он запустил в сахарницу руку и вытащил леденец.

— Ого,— говорит,— большущий! И сладкий, должно быть. Миша лизнул его и думает:

«Пососу немножко и положу обратно».

И стал сосать. Пососёт, пососёт и посмотрит, много ли ещё осталось. И всё ему кажется — много. Наконец леденец стал совсем маленький, со спичку. Тогда Мишенька положил его обратно в сахарницу. Стоит, пальцы облизывает, смотрит на леденец, а сам думает:

«Съем я его совсем. Всё равно мне мама отдаст. Ведь я хорошо себя веду, не шалю и ничего такого не делаю».

Миша достал леденец, сунул в рот, а сахарницу хотел на место поставить. Взял её, а она прилипла к рукам — и бух на пол. Разбилась на две половинки. Сахар рассыпался.

Мишенька испугался:

«Что теперь мама скажет?»

Взял он две половинки и прислонил друг к дружке. Они ничего, держатся. Даже незаметно, что сахарница разбита. Он сложил сахар обратно, накрыл крышкой и осторожно поставил в буфет.

Наконец мама приходит:

— Ну, как ты себя вёл?

— Хорошо.

— Вот умница! Получай леденец.

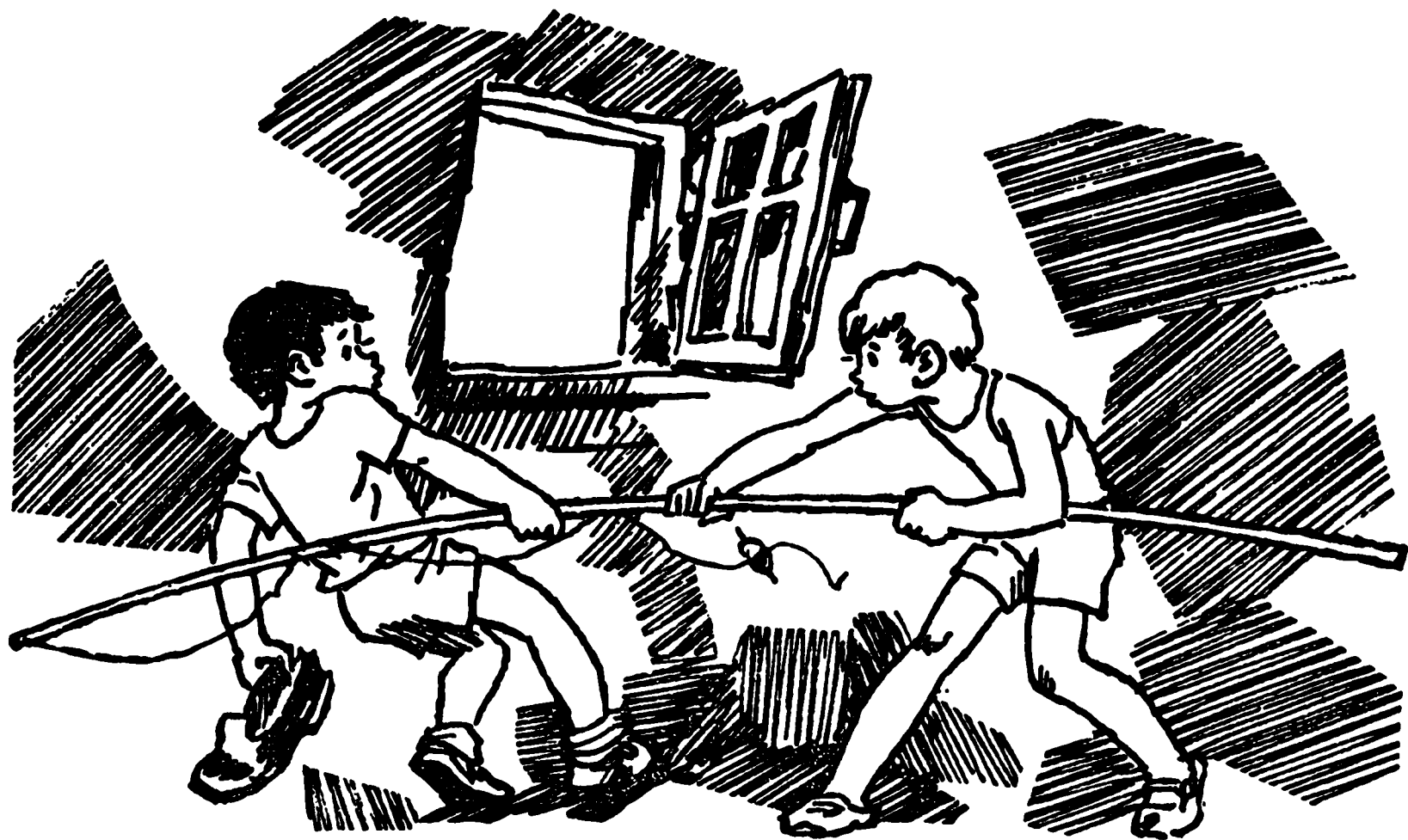
Мама открыла буфет, взяла сахарницу... Ах!.. Сахарница развалилась, сахар посыпался на пол.

— Что ж это такое? Кто сахарницу разбил?

— Это не я. Это она сама...

— Ах, сама разбилась! Ну, это понятно. А леденец-то куда девался?

— Леденец... Леденец... Я его съел. Я себя вёл хорошо, ну и съел его. Вот...

ШУРИК У ДЕДУШКИ

Летом мы с Шуриком жили у дедушки. Шурик — это мой младший брат. Он ещё в школе не учится, а я уже в первый класс поступил. Только он всё равно меня не слушается... Ну и не надо!.. Когда мы приехали, так сейчас же обыскали весь двор, облазили все сараи и чердаки. Я нашёл стеклянную банку из-под варенья и круглую железную коробочку от гуталина. А Шурик нашёл старую дверную ручку и большую калошу на правую ногу. Потом мы чуть не подрались с ним на чердаке из-за удочки. Я первый увидел удочку и сказал:

— Чур, моя!

Шурик тоже увидел и давай кричать:

— Чур, моя! Чур, моя!

Я схватил удочку, а он тоже вцепился в неё и давай отнимать. Я рассердился — как дёрну!.. Он отлетел в сторону и чуть не упал. Потом говорит:

— Подумаешь, очень нужна мне твоя удочка! У меня есть калоша.

— Вот и целуйся со своей калошей,— говорю я,— а удочку нечего рвать из рук.

Я отыскал в сарае лопату и пошёл копать червей, чтобы ловить рыбу, а Шурик пошёл к бабушке и стал просить у неё спички.

— Зачем тебе спички? — спрашивает бабушка.

— Я,— говорит,— разведу во дворе костёр, сверху положу калошу, калоша расплавится, и из неё получится резина.

— Ещё чего выдумаешь! — замахала руками бабушка.— Ты тут и дом весь спалишь со своим баловством. Нет, голубчик, и не проси. Что это ещё за игрушки с огнём! И слушать ничего не желаю.

Тогда Шурик взял дверную ручку, которую нашёл в сарае, привязал к ней верёвку, а к другому концу верёвки привязал калошу. Ходит по двору, верёвку за ручку держит, а калоша за ним по земле ездит. Куда он — туда и она. Подошёл ко мне, увидел, что я червей копаю, и говорит:

— Можешь не стараться: всё равно ничего не поймаешь.

— Это почему? — спрашиваю.

— Я заколдую рыбу.

— Пожалуйста,— говорю,— колдуй на здоровье.

Я накопал червей, сложил их в коробочку и пошёл к пруду. Пруд был позади двора — там, где колхозный огород начинается. Насадил я на крючок червяка, уселся на берегу и забросил удочку. Сижу и за поплавком слежу. А Шурик подкрался сзади и давай кричать во всё горло:

Колдуй, баба, колдуй, дед,
Колдуй, серенький медведь!
Колдуй, баба, колдуй, дед,
Колдуй, серенький медведь!

Я решил молчать и ничего не говорить, потому что с ним всегда так: если скажешь что-нибудь, ещё хуже будет.

Наконец он наколдовался, бросил в пруд калошу и стал её по воде на верёвке таскать. Потом придумал такую вещь: бросит калошу на середину пруда и давай в неё камнями швырять, пока не утопит, а потом начинает её со дна на верёвке вытаскивать. Я сначала молча терпел, а потом как не вытерплю:

— Пошёл вон отсюда! — кричу. — Ты распугал мне всю рыбу!

А он говорит:

— Всё равно ничего не поймаешь: заколдована рыба.

И опять плюх калошу на середину пруда! Я вскочил, схватил палку — и к нему. Он давай удирать, а калоша за ним на верёвке так и скачет. Еле убежал от меня.

Вернулся я к пруду и стал снова рыбу ловить. Ловил, ловил... Уже солнышко высоко поднялось, а я всё сижу да на поплавок гляжу. Не клюёт рыба, хоть тресни! На Шурика злюсь, прямо избить готов. Не то чтоб я в его колдовство поверил, а знаю, что, если приду без рыбы, смеяться будет. Уж чего я ни делал: и подальше от берега забрасывал удочку, и поближе, и поглубже крючок опускал — ничего не выходит. Захотелось мне есть, пошёл я домой, вдруг слышу — кто-то в ворота колотит: «Бум-бум! Бах-бах!»

Подхожу к воротам, смотрю, а это Шурик. Достал где-то молоток, гвозди и прибивает к калитке дверную ручку.

— Это ты для чего прибиваешь? — спрашиваю.

Он увидел меня, обрадовался:

— Хи-хи! Рыболов пришёл. Где же твоя рыба?

Я говорю:

— Ты зачем прибиваешь ручку? Здесь же есть одна ручка.

— Ничего, — говорит, — пусть две будут. Вдруг одна оторвётся.

Прибил ручку, и ещё у него один гвоздь остался. Он долго думал, что с этим гвоздём делать, хотел его просто в калитку загнать, потом придумал: приложил калошу подошвой к калитке и стал её гвоздём приколачивать.

— А это для чего? — спрашиваю.

— Так просто.

— Просто глупо, — говорю я.

Вдруг смотрим — дедушка с работы идёт. Шурик испугался, давай отрывать калошу, а она не отрывается. Тогда он встал, загородил калошу спиной и стоит

Дедушка подошёл и говорит:

— Вот молодцы, ребятки! Только приехали — и за работу сразу... Кто это придумал к калитке вторую ручку прибить?

— Это, — говорю, — Шурик.

Дедушка только крякнул.

— Ну что ж, — говорит, — теперь у нас две ручки будет: одна сверху, другая снизу. Вдруг какой-нибудь коротенький человек придёт. До верхней ручки ему не дотянуться, так он до нижней достанет.

Тут дедушка заметил калошу:

— А это ещё что?

Я так и фыркнул. «Ну, — думаю, — сейчас Шурику от дедушки будет». Шурик покраснел, сам не знает, что отвечать.

А дедушка говорит:

— Это что ж? Это, наверно, всё равно что ящик для писем. Придёт почтальон, увидит, что дома никого нет, сунет письмо в калошу и пойдёт дальше. Очень остроумно.

— Это я сам придумал! — похвастался Шурик.

— Да неужто?

— Честное слово!

— Ну молодец! — развёл руками дедушка.

За обедом дедушка всё разводил руками и рассказывал бабушке про эту калошу:

— Понимаешь, какой остроумный ребёнок! До чего сам додумался, ты не согласишься даже! Понимаешь, калошу к калитке, а? Я давно говорю, что надо ящик для писем прибить, а того и не сообразить мне, что проще калошу.

— Ладно уж, — усмехнулась бабушка. — Я куплю ящик, а пока пусть повисит калоша.

После обеда Шурик побежал в сад, а дедушка говорит:
— Ну, Шурик у нас уже отличился, а ты, Николка, тоже небось чего-нибудь наработал. Ты уж признавайся, порадууй дедушку.

— Я,— говорю,— ловил рыбу, да рыба не ловится.

— А ты где ловил?

— В пруду.

— Э...— протянул дедушка,— какая же тут рыба? Этот пруд недавно вырыли. Тут даже лягушки ещё не развелись. А ты, голубчик, не поленись, пойди на речку. Там у мостика течение быстрое. На этой быстринке и полови.

Дедушка ушёл на работу, а я взял удочку и говорю Шурику:

— Пойдём на реку, будем вместе рыбу ловить.

— Ага,— говорит,— испугался! Теперь подлизываешься!

— Зачем мне подлизываться?

— А чтоб я не колдовал больше.

— Колдуй,— говорю,— пожалуйста.

Взял я коробку с червями, банку из-под варенья, чтоб было куда рыбу сажать, и пошёл. А Шурик сзади поплёлся.

Пришли на реку. Я пристроился на берегу, недалеко от моста, где течение побыстрей, забросил удочку.

А Шурик толчётся возле меня и всё бормочет:

Колдуй, баба, колдуй, дед!

Колдуй, серенький медведь!

Помолчит чуточку, помолчит, а потом снова:

Колдуй, баба, колдуй, дед...

Вдруг рыба как клюнет, я как дёрну удочку! Рыба сверкнула в воздухе, сорвалась с крючка, упала на берег и ну плясать возле самой воды.

Шурик как крикнет:

— Держи её!

Бросился к рыбе и давай ловить. Рыба по берегу скачет, а он прямо животом на неё бросается, никак поймать не может; чуть она не удрала обратно в реку.

Наконец он её схватил. Я набрал в банку воды, Шурик пустил в неё рыбу и стал разглядывать.

— Это,— говорит,— окунь. Честное слово, окунь! Видишь, какие у него полосы. Чур, мой будет!

— Ладно, пусть будет твой. Мы ещё много наловим.

В этот день мы долго удили. Поймали шесть окуньков, четырёх пескарей и даже ёршика одного выудили.

На обратном пути Шурик нёс банку с рыбой и даже подержать не давал мне. Он был очень рад и совсем не обиделся, когда увидел, что его калоша исчезла, а вместо неё на калитке висит новенький голубой ящик для писем.

— Ну и пусть,— сказал он.— По-моему, ящик ещё даже лучше калоши.

Он махнул рукой и поскорей побежал показывать рыбу бабушке. Бабушка похвалила нас. А потом я ему сказал:

— Вот видишь, а ты колдовал! Ничего твоё колдовство не значит. Я в колдовство не верю.

— У! — сказал Шурик.— А я, думаешь, верю? Это одни только дикари верят да старенькие старушки.

Этим он очень насмешил бабушку, потому что бабушка хоть и была старенькая, но тоже не верила в колдовство.

ПРО РЕПКУ

Вот и весна пришла. На небе засияло яркое солнышко. Стало тепло на дворе, даже не нужно было пальто надевать — совсем как летом. Из-под земли вылезла зелёная травка. Молодые липки на улице ещё вчера стояли совсем-совсем голые, а сегодня они в один день покрылись маленькими листочками, такими мягкими, нежными. Очень радостно было смотреть на них! В этот день Павлик пришёл из детского сада домой и сказал маме:

— Мама, скоро мы поедem с детским садом на дачу! Нам Ольга Николаевна сказала. Через неделю.

— Вот и хорошо, — сказала мама. — Будешь там отдыхать, на даче.

— А я и не устал вовсе, — ответил Павлик. — Зачем же мне отдыхать? Лучше я буду что-нибудь делать.

— Ну, будешь собирать в лесу ягоды и грибы. Будешь ловить в поле бабочек. Хочешь, я куплю тебе сачок для бабочек?

Павлик задумался:

— Лучше купи мне лопату, чтобы землю копать. Я буду огород сажать.

— Хорошо,— сказала мама и купила ему лопатку.

На другой день Павлик принёс лопатку в детский сад и всем показывал:

— Смотрите, какая у меня лопата есть! Я буду огород сажать.

Дети окружили его и стали смеяться:

— Разве ребята сажают огород? У тебя всё равно ничего не вырастет.

— Почему не вырастет? Вырастет! — сказал Павлик.

— Нет, не вырастет! Нет, не вырастет!

Ну и крик тут поднялся! Ребят было много, и все так громко кричали. Разве мог Павлик перекричать всех? От обиды он чуть не заплакал.

— Ты не плачь,— сказала ему самая маленькая девочка, Ниночка.— Хочешь, будем вместе сажать огород? Я тебе помогать буду, и у нас вырастет большой-пребольшой огород.

— Конечно, вырастет,— сказал Павлик.

Он успокоился и больше не спорил с ребятами.

Вечером пришла за ним бабушка, и он сказал:

— Бабушка, бабушка, а вырастет у меня огород?

— Вырастет.

— А что я сажать буду, бабушка? У меня ведь нет никаких семян.

— Я куплю.

— Так ты поскорей купи, бабушка, а то мы скоро уедем.

— Завтра куплю.

На следующее утро Павлик проснулся, а бабушка ему говорит:

— Вот твои семена.

И дала ему небольшой бумажный пакетик. Павлик посмотрел, а в пакете — зёрнышки, маленькие-маленькие! Каждое величиной с маковку.

— Что же это за семена? — спросил он.

— Это семена репки.

— Отчего же они такие маленькие?

— Такие уж семена у репки,— сказала бабушка.

— И из каждого зёрнышка вырастет репка? — спросил Павлик.

— Вырастет.

— Да как же она вырастет, бабушка?

— Так уж и вырастет. Сам увидишь.

Бабушка объяснила Павлику, как вскопать землю и сделать грядку и как посадить семена. Павлик слушал внимательно и всё понял. Он взял с собой семена в детский сад и стал показывать ребятам:

— Ребята, ребята, посмотрите, какая у меня репка!

— Какая же это репка? — удивились ребята.— Репка большая, а это какой-то мак.

— Нет, не мак,— сказал Павлик.— Это репкины семена, а из них репка вырастет.

— Как же она вырастет?

— Не знаю.

— Сам не знаешь, а говоришь,— сказали ребята и не стали его слушать.

Неделя быстро прошла, и детский сад уехал на дачу. В первый же день, как только приехали, Павлик пошёл к Ольге Николаевне и спросил:

— Ольга Николаевна, можно, я буду огород сажать? У меня семена есть.

— Можно,— сказала Ольга Николаевна.

Она показала Павлику место за домом, где можно было устроить грядку. Павлик взял лопатку и принялся вскапывать землю. Прибежали ребята и стали смотреть. Земля была твёрдая, и копать было трудно. Павлик очень старался и не

хотел бросать начатого дела. Ниночка увидела, что он очень устал, и сказала:

— Дай теперь мне покопать, Павлик, ты устал.

— Ну, покопай немножечко,— согласился Павлик,— а потом снова я.

Ниночка взяла лопату и стала копать.

Ребята смотрели, смотрели, им тоже захотелось покопать.

— Дай и нам покопать,— стали просить они Павлика.

— Копайте,— говорит Павлик.

Ребята по очереди стали копать. Они даже заспорили между собой, кому раньше копать, но Павлик сказал:

— Если будете спорить, то совсем заберу лопату.

Тогда ребята утихли и стали работать без шума. До обеда грядка была готова, а после обеда Павлик разрыхлил землю граблями и принялся сажать семена.

— Дай и нам посадить,— стали просить ребята.

— Не могу. Мне самому интересно,— ответил Павлик.

— Дай! Мы ведь тоже землю копали,— сказал Толя.

— Я ведь не заставлял вас.

— Ну, дай хоть одно зёрнышко!

Павлик дал ему посадить одно семечко. Тогда и другие ребята стали просить. Пришлось каждому дать по зёрнышку. Но это ничего. Зёрнышек было много, так что некоторые даже по две штучки посадили.

На следующий день ребята проснулись рано и сразу побежали в огород. Всем хотелось поскорей посмотреть, не взошли ли семена, но, конечно, семена не могли так быстро взойти.

— Если огород поливать, то семена быстро взойдут,— сказала Надя.

Ребята побежали к Ольге Николаевне, попросили у неё садовую лейку и стали поливать грядку водой. Теперь каждое утро они поливали грядку из лейки и смотрели, не показываются ли из земли ростки. Но прошло несколько дней, а ростков никаких не было видно.

— Что же это такое? — говорили ребята.— Мы, наверно,

зёрнышки вверх ногами посадили — вот они и растут вниз, а не вверх.

И ребята перестали поливать огород. Павлик думал:

«Может быть, мы и на самом деле зёрнышки вниз головой посадили? Разве разберёшь, где у них голова, где ноги! Они маленькие!»

Ещё два дня он поливал огород, а потом тоже бросил.

— Вот тебе и выросла репка! — говорили ребята. — Даром только трудились.

Павлик перестал думать об огороде. Он играл вместе с ребятами, собирал в лесу ягоды, ловил в поле бабочек и придумал устроить во дворе кормушку для птиц. Ребята приносили остатки от обеда и ужина и кормили птичек, которые прилетали из леса.

Один раз Павлик бежал мимо грядки и увидел, что на ней появилась зелёная травка.

— Ну вот, — сказал он, — уже наш огород зарастает травой!

Тут он заметил, что травка растёт правильными рядами, будто её кто-то нарочно посадил.

— Да это ведь наша репа растёт! — закричал Павлик. Прибежали ребята.

— А может быть, это и не репа? — сказали они.

— Вот увидите, что будет репка, — ответил Павлик. — Раз бабушка сказала — репка, значит, и будет репка.

Ребята снова стали поливать огород. Травка выростала всё больше и больше и превратилась в кустики с большими листьями. Но время незаметно прошло, и наступила пора уезжать в город.

— Эх, — горевал Павлик, — не успела вырасти репка!

Он пошёл к Ольге Николаевне и спросил:

— А когда мы уедем, кто здесь будет на даче жить?

— Приедут другие дети, из другого детского сада.

— А! Ну, тогда хорошо. Пусть они себе мою репку возьмут, когда вырастет.

Ребята уехали. Стало тихо на даче. Только птички порха-

ли возле пустой кормушки и громко чирикали, будто спрашивали друг друга, куда делись дети. На следующий день приехали ребята из другого детского сада. Они бегали по всему двору, заглядывали во все уголки.

— Глядите, огород! — закричал кто-то.

Отовсюду сбежались дети. Кто-то вырвал несколько кустиков из земли. Тут прибежала самая старшая девочка, Зина.

— Зачем же вы топчете огород? — закричала она. — Как вам не стыдно! Кто-то сажал, а вы разоряете! Ну-ка, сажайте кустики обратно!

Ребята послушно посадили кустики в землю. Зина придумала сделать вокруг грядки ограду. Ребята побежали собирать палочки и сделали из них вокруг огорода забор. С тех пор никто больше не топтал грядку.

Наступило жаркое время. Солнышко по целым дням припекало всё сильнее и сильнее. Две недели подряд не было дождика, даже не появилось ни одной тучки. Земля на грядке вся высохла и потрескалась. Кустики стали вянуть. Листики на них опустились книзу и начали даже желтеть. Однажды Зина шла мимо грядки.

— Бедные кустики, — сказала она, — совсем завяли! Если не будет дождика, они вовсе засохнут.

Она взяла кружку, принесла воды и стала поливать грядку.

Ребята увидели и прибежали кто с кастрюлей, кто с чайником, а кто и просто со стаканом. Грядку полили так, что вся земля стала мокрая. Потом ребята нашли в сарае старую садовую лейку и с тех пор каждый день поливали грядку из лейки.

Через несколько дней кустики ожили. Листочки поднялись кверху и снова стали зелёные. К концу лета они разрослись так пышно, что вся грядка покрылась зеленью, а внизу под листьями виднелись верхушки больших жёлтых репок.

— Чья же это репка? — спрашивали ребята. — Кто её посадил?

— Должно быть, те дети, которые здесь жили до нас, из другого детского сада,— сказала Зина.

Перед отъездом с дачи ребята решили убрать огород. Все стали дёргать из земли репку и складывать её на траву в кучу. Куча получилась порядочная.

— Большой урожай получился! — радовались ребята.

Они уселись вокруг и долго любовались репкой. Каждый думал, что теперь делать с ней...

Вот и осень пришла.

— Надевай-ка пальто и калошки, на дворе холодно,— сказала Павлику бабушка, когда он утром собирался идти в детский сад.

Павлик оделся и вышел во двор. Все лужи вокруг замёрзли. Тонкий ледок так и хрустит под ногами. А листьев-то сколько с деревьев напало! Прямо как по ковру идёшь.

В этот день Ольга Николаевна занималась с ребятами. Дети играли в школу. Они рисовали картинки, а Ольга Николаевна ставила всем отметки. Вдруг кто-то постучал в дверь. Ольга Николаевна отворила, и в комнату вошёл почтальон. В руках у него был ящик, обшитый материей, на которой большими фиолетовыми буквами был написан адрес детского сада.

— Вам посылка,— сказал почтальон и поставил ящик на стол.

— А что в этой посылке? — стали спрашивать дети.

— Не знаю, ребята. Что-то очень тяжёлое — насилу я дотащил,— сказал почтальон.

Он попрощался и ушёл. Ольга Николаевна распоролa материю, которой был обшит ящик, и открыла крышку.

— Ничего не понимаю,— пробормотала она.— Какая-то репа!

Все ребята толпились вокруг и приподнимались на цыпочки: каждому хотелось заглянуть в ящик. Павлик даже на стул взобрался.

— Правда репка! — закричал он. — Вот смешно! Кто же это мог нам репку прислать?

Тут и другие дети стали на стулья взбираться.

— Погодите, ребята, тут письмо есть, — сказала Ольга Николаевна.

Она взяла письмо, которое лежало в посылке, и стала читать:

— «Дорогие ребята! Когда вы уехали с дачи, мы ухаживали за вашей репкой. А когда лето кончилось, мы собрали весь урожай. Репка выросла большая и очень вкусная. Мы все ели, и нам очень понравилось. Мы узнали ваш адрес и решили послать вам репку в посылке. Кушайте на здоровье!»

— Значит, это та репка, которую мы сажали! — закричали ребята. — Вот какая она большая выросла!

Ольга Николаевна поставила ящик на стул, чтобы всем было видно. Ребята смотрели на репку и прыгали от радости. Ну и крику тут было!

Вечером за ребятами пришли родители. Ребята стали показывать им репку и рассказывать, как они садили её, как поливали, как она не хотела расти, а потом как начала расти, да не успела вырасти, а потом как её вырастили другие ребята и прислали в посылке.

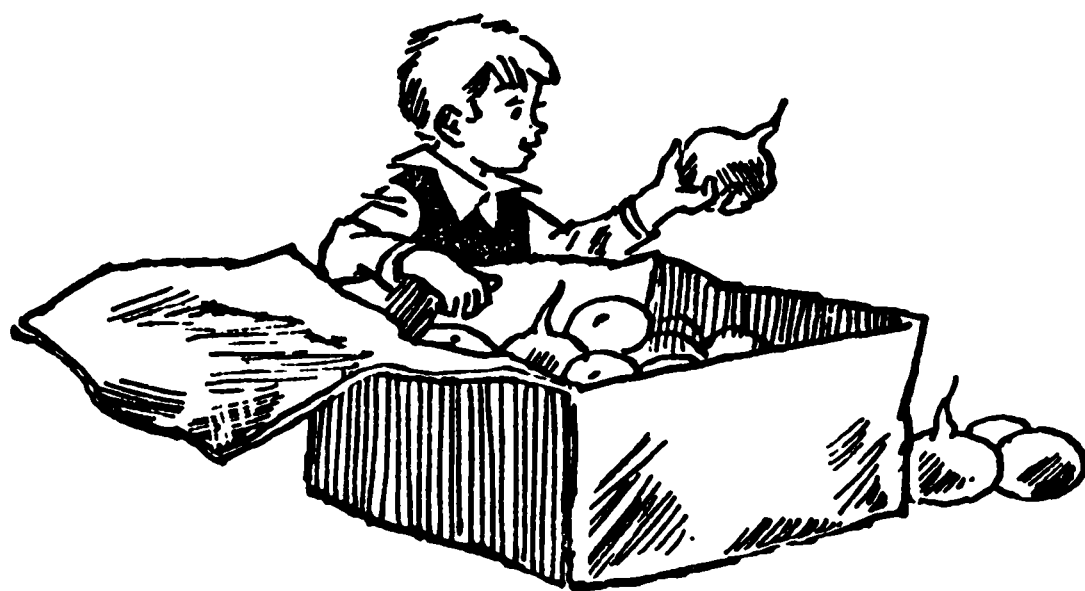
С тех пор, когда в детский сад приходил кто-нибудь из взрослых, кто ещё не видел репки, ребята вели его в комнату, показывали репку и снова рассказывали всю эту историю с начала и до конца. А когда в детский сад поступал кто-нибудь из новых ребят, то ему первым долгом показывали репку и тоже рассказывали всё эту историю.

Репка пролежала в ящике до середины зимы, и тогда Ольга Николаевна сказала, что репку надо съесть, потому что она не может так долго лежать в тёплом помещении. Репку снесли на кухню и попросили тётю Дашу приготовить её. Тётя Даша почистила репку, аккуратно нарезала её кружочками, обдала кипятком, чтобы репка не была горькая, и полила маслом. Ребята сидели за столом, ели репку и хвалили её:

— Ах, какая вкусная репка!

— А помните, какие были репкины семена? — сказал Толя. — Совсем-совсем крошечные! Удивительно, как из них выросла такая репка.

— Это всё Павлик придумал, — сказали ребята. — Если б не Павлик, никакой репки не было бы.

МИЛИЦИОНЕР

Больше всего на свете Алик боялся милиционеров. Его всегда дома милиционером пугали. Не слушается — ему говорят:

— Вот сейчас милиционер придёт!

Нашалит — снова говорят:

— Придётся тебя в милицию отправить!

Один раз Алик заблудился. Он даже сам не заметил, как это случилось. Он вышел гулять во двор, потом побежал на улицу. Бегал, бегал и очутился в незнакомом месте. Тут он, конечно, стал плакать. Вокруг собрался народ. Стали спрашивать:

— Где ты живёшь?

А он и сам не знает!

Кто-то сказал:

— Надо его в милицию отправить. Там найдут его адрес. А Алику, как услышал про милицию, ещё громче заплакал. Тут милиционер подошёл. Он наклонился к Алику и спрашивает:

— Тебя как звать-то?

Алик поднял голову, увидел милиционера — и бегом от него. Только недалеко убежал. Его быстро поймали и держат, чтобы не забежал ещё куда-нибудь. А он кричит:

— Не хочу в милицию! Не хочу! Лучше я заблуженный буду!

Ему говорят:

— Нельзя так, чтоб заблуженным быть.

— Я и так как-нибудь найдусь!

— Как же так найдёшься? Так не найдёшься!

Тут милиционер снова подошёл. Алик увидел его и такой крик поднял, что милиционер только рукой махнул, отошёл и спрятался за ворота.

Люди говорят:

— Ну не кричи. Ушёл милиционер, видишь — нет его!

— Нет, не ушёл. Вон он за воротами спрятался, я вижу!

А милиционер кричит из-за ворот:

— Граждане, узнайте хоть его фамилию, я в милицию позвоню по телефону!

Одна женщина говорит Алику:

— Вот у меня есть знакомый маленький мальчик, он никогда не заблудится, потому что свою фамилию знает.

— Я тоже знаю фамилию,— говорит Алик.

— А ну скажи.

— Кузнецов. А зовут Александр Иванович.

— Ишь ты. Молодец! — похвалила женщина. — Ты, оказывается, всё знаешь.

Она пошла к милиционеру и сказала ему фамилию Алика. Милиционер позвонил по телефону в милицию, потом приходит и говорит:

— Он совсем недалеко живёт: на Песчаной улице. Кто по-

может отвести мальчугана домой? А то он меня почему-то боится.

— Давайте я отведу. Кажется, он уже ко мне немного привык,— сказала женщина, которая узнала фамилию Алика.

Она взяла Алика за руку и повела домой. А милиционер сзади пошёл. Алик успокоился и перестал плакать. Только он всё время оглядывался на милиционера и спрашивал:

— А зачем милиционер сзади идёт?

— Ты не бойся его! Это он для порядка. Видишь, ты не хотел сказать ему свою фамилию, а я сказала. Он позвонил в милицию, и там быстро нашли твой адрес, потому что в милиции все фамилии и адреса записаны.

С тех пор Алик милиционеров уже не боится. Знает, что они для порядка.

И Я ПОМОГАЮ

Жила маленькая девочка, по имени Ниночка. Ей было всего пять лет. У неё были папа, мама и старенькая бабушка, которую Ниночка называла бабулей.

Ниночкина мама уходила каждый день на работу, а с Ниночкой оставалась бабуля. Она учила Ниночку и одеваться, и умываться, и пуговицы застёгивать на лифчике, и башмаки зашнуровывать, и заплетать косы, и даже буквы писать.

С бабулей Ниночка проводила весь день, а с мамой только утро и вечер. А вот папу Ниночка видела очень редко, так как он работал в далёкой Арктике. Он был полярный лётчик и домой приезжал, только когда был отпуск.

Раз в неделю, а иногда и чаще от Ниночкиного папы приходило письмо. Когда мама возвращалась с работы, она читала письмо вслух, а Ниночка и бабуля слушали. А потом все вместе

писали папе ответ. На другой день мама уходила на работу, а бабуля с Ниночкой относили письмо на почту.

Один раз бабуля с Ниночкой пошли на почту, чтоб отправить папе письмо. Погода была хорошая, солнечная. На Ниночке было красивое голубое платье и белый передник с вышитым на нём красным зайчиком. Возвращаясь с почты, бабуля пошла с Ниночкой проходными дворами, через пустырь. Раньше там стояли небольшие деревянные домики, а теперь всех жильцов переселили в новый большой каменный дом, а на этом месте решили насадить деревья и сделать парк. Сейчас пока ещё парка не было, а в углу пустыря лежала куча железного хлама, который забыли увезти: куски старых железных труб, обломки радиатора парового отопления, спутанная железная проволока.

Бабуля даже остановилась возле этой кучи железа и сказала:

— Вот не знают пионеры, где железный лом есть. Надо бы им сказать.

— А зачем пионерам лом? — спросила Ниночка.

— Ну, они ведь всегда бегают по дворам, собирают железный лом и сдают государству.

— А зачем государству?

— А государство пойдёт на завод. На заводе железо расплавят и сделают из него новые вещи.

— А кто заставляет пионеров собирать лом? — спросила Ниночка.

— Никто не заставляет. Они сами. Дети ведь тоже должны помогать взрослым.

— А мой папа помогал взрослым, когда маленьким был?

— Помогал.

— А я, бабуленька, почему я взрослым не помогаю?

— Ну и ты будешь помогать, когда подрастёшь чуточку, — засмеялась старушка.

Прошло несколько дней, и бабуля забыла про весь этот разговор. Но Ниночка ничего не забыла. Однажды она играла

во дворе. Бабуля отпустила её погулять одну. Ребята ещё не вернулись из школы, во дворе никого не было, и Ниночке одной было скучно.

Вдруг она увидела, что в ворота вбежали два незнакомых мальчика. Один из них был в длинных брюках и синей матросской куртке, другой — в коричневом костюме с коротенькими штанами. Ботинки у него на ногах были не чёрные, а какие-то рыжие, потому что он всегда забывал их почистить.

Оба мальчика не обратили на Ниночку никакого внимания. Они стали бегать по всему двору, заглядывать во все углы и как будто что-то искали. Наконец они остановились посреди двора, и тот, который был в длинных брюках, сказал:

— Вот видишь! Ничего нет.

А тот, который был в рыжих ботинках, шмыгнул носом, сдвинул на затылок фуражку и сказал:

— Поищем в других дворах, Валерик. Где-нибудь да найдём.

— Найдёшь тут! — с досадой проворчал Валерик. Они пошли обратно к воротам.

— Мальчики! — закричала вдогонку им Ниночка. Ребята остановились возле ворот.

— Тебе чего?

— Что вы ищете?

— А тебе что?

— Вы, наверно, железо ищете?

— Ну, хотя бы железо. А тебе что?

— Я знаю, где много железа есть.

— Откуда ты знаешь?

— Вот знаю.

— Ничего ты не знаешь!

— Нет, знаю.

— Ну ладно, показывай, где оно, твоё железо.

— Это не здесь. Это надо вот пойти по улице, потом свернуть вон туда, потом ещё повернуть там, потом через проходной двор, потом... потом...

— Врёшь, видно,— сказал Валерик.

— И вовсе не вру! Вот идите за мной,— ответила Ниночка и решительно зашагала по улице.

Ребята переглянулись.

— Пойдём, Андрюха? — спросил Валерик приятеля.

— Ну что ж, пойдём,— усмехнулся Андрюха.

Ребята догнали Ниночку и зашагали сзади. Они делали вид, будто идут не с ней, а отдельно, сами по себе. На лицах у них было насмешливое выражение.

— Ишь шагает, как будто взрослая,— говорил Валерик.

— Ещё заблудится,— ответил Андрюха.— Возись тогда с ней. Придётся отводить обратно домой.

Ниночка дошла до угла улицы и повернула налево. Ребята покорно повернули за ней. На следующем углу она остановилась, постояла в нерешительности, потом смело зашагала через дорогу. Ребята, как по команде, двинулись за ней.

— Послушай,— окликнул Валерик Ниночку,— а там много железа? Может быть, там одна старая сломанная кочерга?

— Там много,— ответила Ниночка.— Вам двоим и не унести.

— Сказочки! — ответил Валерик.— Мы вдвоём сколько хочешь дотащим. Мы сильные.

Тут Ниночка подошла к одному дому и остановилась возле ворот. Она внимательно осмотрела ворота и пошла во двор. Ребята пошли следом за ней. Они дошли до конца двора, потом повернули обратно к воротам и опять вышли на улицу.

— Ты что же это? — с недоумением спросил Валерик.

— Это не тот двор,— смущённо сказала Ниночка.— Я ошиблась. Нам проходной надо, а это не проходной. Наверное, рядом.

Они пошли в соседний двор, но он тоже оказался непроходным. В следующем дворе их постигла такая же неудача.

— Что же, мы так и будем по всем дворам таскаться? — ворчливо сказал Андрюха.

Наконец четвёртый двор оказался проходным. Ребята прошли через него в узенький переулок, потом свернули на широкую

улицу и пошли по ней. Пройдя целый квартал, Ниночка остановилась и сказала, что они, кажется, пошли не в ту сторону.

— Ну пойдём в другую сторону, раз не в ту. Чего тут стоять,— проворчал Андрей.

Они повернули и пошли в другую сторону; миновали переулок, снова прошли квартал.

— Ну теперь куда: направо или налево? — спросил Валерик.

— Направо,— ответила Ниночка.— Или налево...

— Что-что? — строго сказал Андрюха.— Ну и бестолковая же ты!

Ниночка заплакала.

— Я заблудилась! — сказала она.

— Эх, ты! — с укоризной сказал Валерик.— Ну, пойдём, мы тебя отведём домой, а то скажешь, что мы тебя завели да бросили посреди улицы.

Валерик взял Ниночку за руку. Все трое отправились в обратный путь. Андрюха шёл позади и ворчал про себя:

— Из-за этой пигалицы столько времени даром потратили. Без неё давно где-нибудь железо нашли бы!

Они снова вернулись к проходному двору. Валерик уже хотел свернуть в ворота, но тут Ниночка остановилась и сказала.

— Стойте, стойте! Я, кажется, вспомнила. Нам вот туда надо.

— Куда это «вот туда»? — недовольным тоном спросил Андрей.

— Вот туда. Через этот проходной двор, что напротив. Я теперь вспомнила. Мы с бабушкой через два проходных двора шли. Сначала через тот, а потом через этот.

— А ты не обманываешь? — спросил Валерик.

— Нет, кажется, не обманываю.

— Смотри, если железа не будет, мы тебе покажем, где раки зимуют.

— А где они зимуют?

— Тогда узнаешь. Пойдём!

Ребята перешли на другую сторону переулка, прошли через проходной двор и очутились на пустыре.

— Вот оно, железо! Вот оно! — закричала Ниночка.

Андрей и Валерик со всех ног бросились к куче железного лома. Ниночка бежала за ними вприпрыжку и радостно твердила:

— Вот видите! Я говорила вам. Правду я говорила?

— Молодчина! — похвалил её Валерик. — Ты говорила правду. Как тебя звать?

— Ниночка. А вас?

— Меня — Валерик, а вот его — Андрюха.

— Не надо говорить — Андрюха, надо говорить — Андрюша, — поправила Ниночка.

— Ничего, он не обижается, — махнул рукой Валерик.

Ребята принялись разбирать ржавые трубы и обломки от радиатора. Железо было наполовину засыпано землёй, и вытаскивать его было не так-то просто.

— А тут и правда много железа, — сказал Валерик. — Как мы его дотащим?

— Ничего. Свяжем две трубы проволокой, и получатся носилки, — придумал Андрей.

Ребята принялись мастерить носилки. Андрей работал старательно. Он всё время шмыгал носом и проводил по нему кулаком.

— И носом так делать не надо, Андрюша, — наставительно сказала Ниночка.

— Ишь ты! А это ещё почему?

— Бабушка не велит.

— Много она понимает, твоя бабушка!

— Бабушка всё понимает, потому что она самая старшая. На́ вот тебе лучше платочек.

Ниночка достала из кармана аккуратно сложенный беленький, как снежинка, платочек. Андрюха взял его, некоторое время глядел на него молча, потом протянул обратно:

— Возьми, а то я тебе его своим носом измажу.

Он вынул из кармана носовой платок — правда, не такой белоснежный, как у Ниночки,— и высморкался.

— Вот видишь, как хорошо! — сказала Ниночка.

— Чего ещё лучше-то! — ответил Андрюха и скорчил такую физиономию, что Ниночка не могла удержаться от смеха.

Когда носилки были готовы, ребята погрузили на них железо, и только одна толстая кривая труба не поместилась.

— Ничего, её потом при случае захватить можно будет,— сказал Валерик.

— Зачем потом? — ответила Ниночка.— Я помогу вам.

— И то правда! — подхватил Андрюха.— Пойдём с нами в школу, тут недалеко. А потом мы тебя домой отведём.

Ребята взяли носилки и потащили железо к школе, а Ниночка положила на плечо кривую трубу и зашагала за ними.

С тех пор как бабуля отпустила Ниночку погулять, прошёл целый час.

— Что-то моя стрекоза загулялась сегодня,— сказала бабуля, когда вспомнила, что Ниночка уже давно гуляет.— Как бы она не забежала куда-нибудь без меня.

Старушка накинула на плечи платок и вышла во двор. Во дворе было много ребят. Они играли в «пятнашки».

— Ребята, вы не видели Ниночку? — спросила бабуля.

Но ребята так заигрались, что не слышали её вопроса.

В это время мимо пробежал мальчик Вася. Он был весь красный от беготни; волосы на голове взлохматились.

— Ты, Вася, не видел Ниночку?

— А её здесь нет,— сказал Вася.

— Как — нет? — удивилась бабуля.— Она уже с час как во двор пошла.

— Да нет, бабушка, мы здесь давно играем, а её и не видели,— сказала девочка Светлана.— Ребята! — закричала она.— Ниночка потерялась!

Все сейчас же оставили игру и столпились вокруг старушки.

— Может быть, она пошла на улицу? — сказал Вася.

Несколько ребят бросились на улицу и сейчас же вернулись обратно.

— Её там нет,— сказали они.

— Наверное, к кому-нибудь из соседей пошла,— сказал кто-то.— Вы, бабушка, у соседей спросите.

Бабуля пошла по соседским квартирам, а ребята ходили за ней хвостом. Потом они принялись бегать по всем сараям, лазить по чердакам. Даже в подвал спускались. Ниночки нигде не было. Бабуля ходила за ними следом и приговаривала:

— Ах ты, Ниночка, Ниночка! Ну попадись же ты мне! Я тебе покажу, как пугать свою бабушку!

— А может, она куда-нибудь в чужой двор забежала? — сказали ребята.— Ну-ка, бежим по дворам! А вы не ходите, бабушка. Мы, как только найдём, сейчас же вам скажем. Идите домой, отдыхайте.

— Какой уж тут отдых!

Старушка вздохнула грустно и вернулась домой. К ней сейчас же заглянула соседка:

— Не нашлась Ниночка?

— Нет.

— А вы пошли бы в милицию. Вдруг она там.

— Ах, верно! И верно!— сказала бабуля.— А я-то, глупая, сижу здесь...

Она вышла из дому. У ворот её встретили ребята.

— Мы, бабушка, по эту сторону улицы все дворы обыскали!— закричали они.— Теперь по другой стороне пойдём. Вы не беспокойтесь, отыщем.

— Ищите, ищите, милые! Спасибо вам! Вот уж спасибо! Ах, я глупая, старая! Недоглядела! Ах!.. Я и наказывать не стану её. Совсем ничего не скажу, только нашлась бы!

— А вы куда, бабушка, идёте?

— Я в милицию, детки, в милицию.

Она зашагала по улице и всё время оглядывалась по сторонам. Наконец добралась до отделения милиции и отыскала детскую комнату. Там был дежурный милиционер.

— Сыночек, нет ли у вас здесь моей девочки? Внучка у меня потерялась,— сказала бабуля.

— Сегодня мы ещё никого из ребятишек не находили,— ответил милиционер.— Но вы, гражданка, не беспокойтесь. Отыщется ваша девочка.

Он усадил старушку на стул и раскрыл большую толстую тетрадь, которая лежала на столе.

— Сколько лет вашей девочке?— спросил он и стал записывать.— Как звать, где живёт?

Записал всё: и имя, и фамилию, и что Ниночка одета в голубое платье и белый передничек с красным зайчиком. Это чтоб легче было искать. Потом спросил, имеется ли дома телефон, и записал номер.

— Так вот, бабуся,— сказал наконец он,— идите теперь домой и не беспокойтесь. Может быть, ваша Ниночка уже ждёт вас дома, а нет — так мы вам живо её разыщем.

Старушка немного успокоилась и отправилась в обратный путь. Но чем ближе она подходила к дому, тем больше росла её тревога. У ворот дома она остановилась. К ней подбежал Вася. Волосы у него на голове ещё больше взлохматились, а на лице блестели капельки пота.

— Ниночкина мама пришла,— объявил он с испуганным видом.

— А Ниночка?

— Её не нашли ещё.

Бабушка прислонилась к калитке. Ноги у неё стали слабые. Она не знала, как скажет Ниночкиной маме о том, что Ниночка потерялась. Она хотела ещё что-то спросить у Васи, но вдруг увидела на тротуаре двух мальчиков. Они быстро шагали по улице, а между ними семенила ногами маленькая девочка. Оба мальчика держали её за руки, а она то и дело поджимала под себя ноги и, повиснув на руках у ребят, визжала от удовольствия. Вместе с ней смеялись и мальчики. Вот они уже подошли близко, и бабушка увидела на голубом платье девочки белый передник с красным зайчиком.

— Да ведь это Ниночка!— обрадовалась бабушка.— Вот счастье!

— Бабуленька!— закричала Ниночка и бросилась к ней. Бабушка схватила Ниночку на руки, стала целовать её. А Андрей и Валерик остановились рядом и смотрели на них.

— Спасибо вам, мальчики. Где вы её нашли?— спросила старушка.

— Кого?— с недоумением спросил Валерик.

— Да вот её, Ниночку.

— Ах, Ниночку! Слушай, Андрюха, ты не помнишь, где мы нашли Ниночку?

Андрюха привычно шмыгнул носом, огляделся по сторонам и сказал:

— Где?.. Да вот тут, в этом самом дворе. Тут мы её и нашли. А отсюда пошли за железом.

— Ну спасибо, детки! Вот уж спасибо! — твердила бабушка.

Она опустила Ниночку на землю и, крепко держа за руку, повела домой. В коридоре их встретила мать Ниночки. Она надевала на ходу шляпу. Лицо её было встревожено.

— Что тут у вас происходит?— спросила она.— Только что звонили по телефону из милиции. Спрашивали, вернулась ли Ниночка. Куда она ходила?

— Ничего, ничего,— успокоила её бабушка — Ниночка потерялась, а теперь вот нашлась.

— Да нет, бабуля, я вовсе не потерялась,— сказала Ниночка.— Я ходила с мальчиками показать, где железо.

— Какое ещё железо?

Ниночка принялась рассказывать про свои похождения. Бабушка только ахала, слушая её рассказ.

— Ишь чего только не выдумают!— говорила она.— Железо им зачем-то понадобилось.

— Ну, бабулька, ты ведь сама говорила, что дети должны помогать взрослым. Папа тоже помогал, когда был маленьким. Вот и я помогаю.

— Ты хорошо сделала, что помогла пионерам,— сказала

Ниночке мама.— Но сперва надо было спроситься у бабушки
Бабушка беспокоилась.

— Ты совсем не жалеешь свою бабулю! — кивала головой старушка.

— Я тебя жалею, бабуленька! Теперь я всегда буду спрашиваться. А мы с тобой ещё где-нибудь железо найдём. Много железа! Правда?

В тот день только и разговоров было, что про это железо. А вечером все снова сидели за столом. Бабуля и мама писали папе письмо. А Ниночка рисовала картинку. Она нарисовала маленький, занесённый снегом арктический посёлок: всего несколько домиков на берегу замёрзшей реки. Жители посёлка собрались на пригорке и ждут самолёт. А самолёт уже виден вдали на небе. Он везёт людям нужные вещи: кому сахар, кому муку, кому лекарство, а детям — игрушки. Внизу Ниночка нарисовала себя с толстой железной трубой в руках и подписала большими печатными буквами: «И я помогаю».

— Вот замечательно! — обрадовалась бабуля.— Мы эту картинку пошлём в письме папе, и папа будет знать, какая у него дочурка хорошая.

ТРИ ОХОТНИКА

Жили-были три весёлых охотника: дядя Ваня, дядя Федя да дядя Кузьма. Вот пошли они в лес. Ходили, ходили, много разных зверушек видели, но никого не убили. И решили устроить привал: отдохнуть, значит. Уселись на зелёной лужайке и стали рассказывать друг другу разные интересные случаи.

Первым рассказал охотник дядя Ваня.

— Вот послушайте,— сказал он.— Давно это было. Пошёл я как-то зимою в лес, а ружья у меня в ту пору не было: я тогда маленький был. Вдруг смотрю — волк. Огромный такой.

Я от него бежать. А волк-то, видать, заметил, что я без ружья. Как побежит за мной!

«Ну,— думаю,— не удрать от него мне».

Смотрю — дерево. Я на дерево. Волк хотел цапнуть меня, да не успел. Только штаны сзади зубами порвал. Залез я на дерево, сижу на ветке и трясусь от страха. А волк сидит внизу на снегу, поглядывает на меня и облизывается.

Я думаю: «Ладно, посижу здесь до вечера. Ночью волчишка заснёт, я от него удеру».

К вечеру, однако, ещё один волк пришёл. И стали они меня вдвоём караулить. Один волк спит, а другой стережёт, чтоб я не сбежал. Немного погодя пришёл третий волк. Потом ещё и ещё. И собралась под деревом целая волчья стая. Сидят все да зубами щёлкают на меня. Ждут, когда я свалюсь к ним сверху.

Под утро мороз ударил. Градусов сорок. Руки-ноги у меня заоченели. Я не удержался на ветке. Бух вниз! Вся волчья стая как набросится на меня! Что-то как затрещит!

«Ну,— думаю,— это кости мои трещат».

А оказывается, это снег подо мной провалился. Я как полечу вниз и очутился в берлоге. Внизу, оказывается, медвежья берлога была. Медведь проснулся, выскочил от испуга наружу, увидел волков и давай их драть. В одну минуту разогнал всех волчишек.

Я осмелел, потихоньку выглянул из берлоги. Смотрю: нет волков — и давай бежать. Прибежал домой, еле отдышался. Ну, моя маменька дырку на штанах зашила, так что совсем незаметно стало. А папенька, как узнал про этот случай, так сейчас же купил мне ружьё, чтоб я не смел без ружья по лесу шататься. Вот и стал я с тех пор охотник.

Дядя Федя и дядя Кузьма посмеялись над тем, как дядя Ваня напугался волков. А потом дядя Федя и говорит:

— Я раз тоже в лесу напугался медведя. Только это летом было. Пошёл я однажды в лес, а ружьё дома забыл. Вдруг навстречу медведь. Я от него бежать. А он за мной. Я бегу

быстро, ну, а медведь ещё быстрее. Слышу, уже сопит за моей спиной. Я обернулся, снял с головы шапку и бросил ему. Медведь на минутку остановился, обнюхал шапку и опять за мной. Чувствую — опять настигает. А до дому ещё далеко. Снял я на ходу куртку и бросил медведю.

Думаю: хоть на минуточку задержу его.

Ну, медведь разодрал куртку, видит — ничего в ней съедобного. Снова за мной. Пришлось мне бросить ему и брюки, и сапоги. Ничего не поделаешь: от зверя-то надо спастись!

Выбежал я из леса в одной майке и трусиках. Тут впереди речка и мостик через неё. Не успел я перебежать через мостик — как затрещит что-то! Оглянулся я, а это мостик под медведем рухнул. Медведь бултых в речку!

«Ну,— думаю,— так тебе и надо, бродяга, чтоб не пугал людей зря».

Только под мостиком было неглубоко. Медведь вылез на берег, отряхнулся как следует и в лес обратно ушёл.

А я говорю сам себе:

«Молодец, дядя Федя! Ловко медведя провёл! Только как мне теперь домой идти? На улице люди увидят, что я чуть ли не голышом, и на смех поднимут».

И решил: посижу здесь в кусточках, а стемнеет, пойду потихоньку. Спрятался я в кустах и сидел там до вечера, а потом вылез и стал пробираться по улицам. Как только увижу, что кто-нибудь идёт навстречу, сейчас же шмыгну куда-нибудь за угол и сижу там в потёмках, чтоб на глаза не попадаться.

Наконец добрался до дома. Хотел дверь открыть, хватъ-похватъ, а ключа у меня и нет! Ключ-то у меня в кармане лежал, в куртке. А куртку-то я медведю бросил. Надо бы мне сначала ключ из кармана вынуть, да не до того было.

Что делать? Попробовал дверь выломать, да дверь оказалась крепкая.

«Ну,— думаю,— не замерзать же ночью на улице».

Высадил потихоньку стекло и полез в окошко.

Вдруг кто-то меня за ноги хватъ! И орёт во всё горло:

«Держите его! Держите!»

Сразу людей набежало откуда-то.

Одни кричат:

«Держите его! Он в чужое окошко лез!»

Другие вопят:

«В милицию его надо! В милицию!»

Я говорю:

«Братцы, за что же меня в милицию? Я ведь в свой дом лез».

А тот, который схватил меня, говорит:

«Вы его не слушайте, братцы. Я за ним давно слежу. Он всё время по тёмным углам прятался. И дверь хотел выломать, а потом в окно полез».

Тут милиционер прибежал. Все ему стали рассказывать, что случилось.

Милиционер говорит:

«Ваши документы!»

«А какие у меня,— говорю,— документы? Их медведь съел».

«Вы бросьте шутить! Как это медведь съел?»

Я хотел рассказать, а никто и слушать не хочет.

Тут на шум соседка тётя Даша из своего дома вышла. Увидала меня и говорит:

«Отпустите его. Это же наш сосед, дядя Федя. Он на самом деле в этом доме живёт».

Милиционер поверил и отпустил меня.

А на другой день купил я себе новый костюм, шапку и сапоги. И стал я с тех пор жить да поживать, да в новом костюме щеголять.

Дядя Ваня и дядя Кузьма посмеялись над тем, что произошло с дядей Федей. Потом дядя Кузьма сказал:

— Я тоже однажды медведя встретил. Это было зимой. Пошёл я в лес. Гляжу — медведь. Я бах из ружья. А медведь брык на землю. Я положил его на санки и повёз домой. Тащу его по деревне на санках. Тяжело. Спасибо, деревенские ребяташки помогли мне его довести до дома.

Привёз я медведя домой и оставил посреди двора. Сынишка мой Игорёк увидел и от удивления рот разинул.

А жена говорит:

«Вот хорошо! Сдерёшь с медведя шкуру, и сошьём тебе шубу».

Потом жена и сынишка пошли пить чай. Я уже хотел начать сдирать шкуру, а тут, откуда ни возьмись, прибежал пёс Фоксик да как цапнет медведя зубами за ухо! Медведь как вскочит, как рывкнет на Фоксика! Оказалось, что он не был убит, а только обмер от испуга, когда я выстрелил.

Фоксик испугался и бегом в конуру. А медведь как бросится на меня! Я от него бежать. Увидел у курятника лестницу и полез вверх. Взобрался на крышу. Гляжу, а медведь вслед за мной полез. Взгромоздился он тоже на крышу. А крыша не выдержала. Как рухнет! Мы с медведем полетели в курятник. Куры перепугались. Как закудахчут, как полетят в стороны!

Я выскочил из курятника. Поскорей к дому. Медведь за мной. Я в комнату. И медведь в комнату. Я зацепился ногой за стол, повалил его. Вся посуда посыпалась на пол. И самовар полетел. Игорёк от страха под диван спрятался.

Вижу я — бежать дальше некуда. Упал на кровать и глаза с перепугу зажмурил. А медведь подбежал, как тряхнёт меня лапой, как зарычит:

«Вставай скорее! Вставай!»

Я открыл глаза, смотрю, а это жена меня будит.

— Вставай,— говорит,— уже утро давно. Ты ведь собирался идти на охоту.

Встал я и пошёл на охоту, но медведя в тот день не видал больше. И стал я с тех пор жить да поживать, да щи хлебать, да хлеб жевать, да в новом костюме щеголять, во!

Дядя Ваня и дядя Федя посмеялись над этим рассказом. И дядя Кузьма посмеялся с ними.

А потом все трое пошли домой. Дядя Ваня сказал:

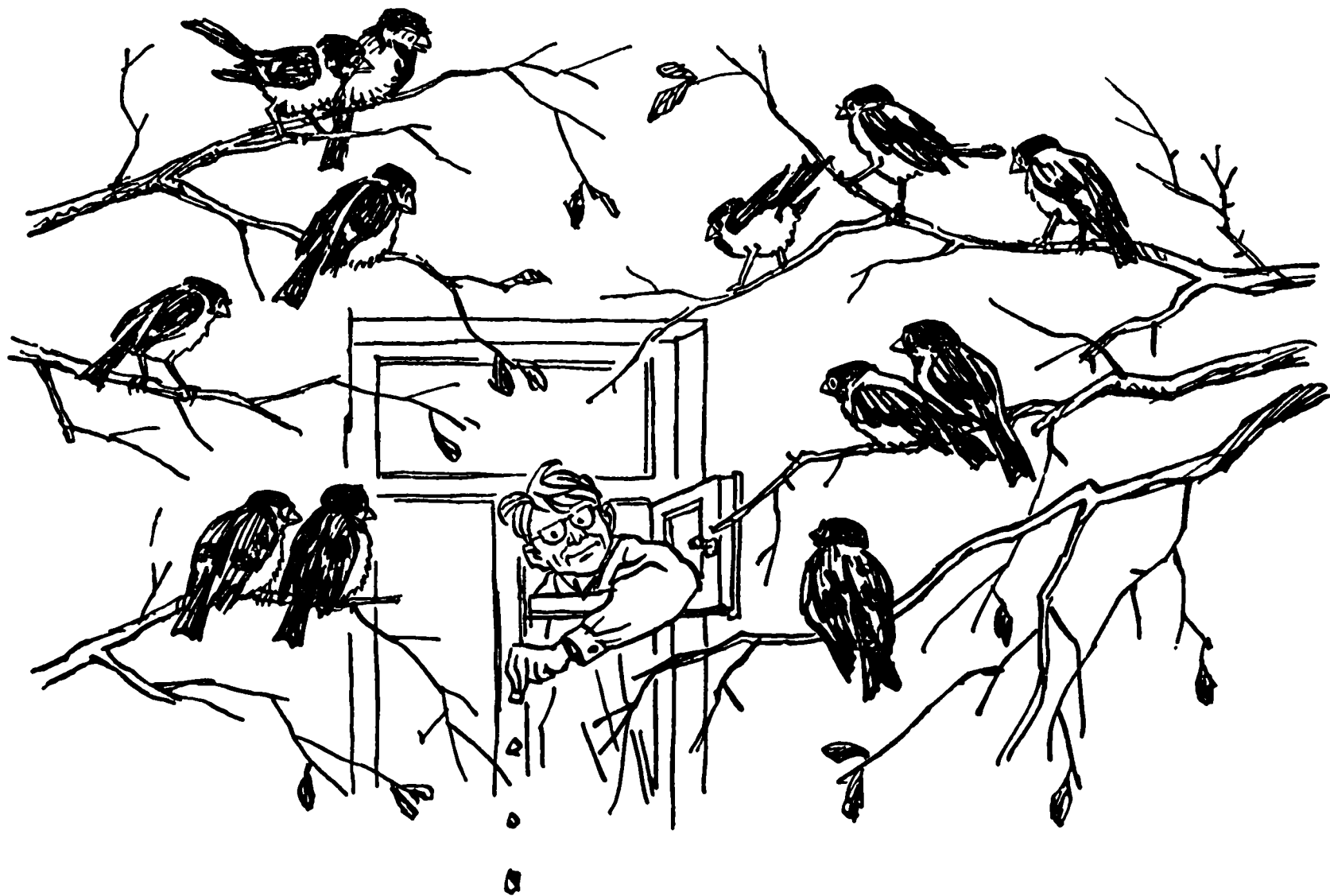
— Хорошо поохотились, правда? И зверушки ни одной не убили, и весело время провели.

— А я и не люблю убивать зверушек,— ответил дядя Федя.— Пусть зайчики, белочки, ёжики и лисички мирно в лесу живут. Не надо их трогать.

— И птички разные пусть тоже живут,— сказал дядя Кузьма.— Без зверушек и пичужек в лесу было бы скучно. Никого убивать не надо. Животных надо любить.

Вот какие были три весёлых охотника.

КОГДА МЫ СМЕЁМСЯ

У меня под окном палисадник с невысокой чугунной оградой. Зимой дворник убирает улицу и сгребаёт за ограду снег, а я бросаю в форточку кусочки хлеба для воробьёв. Как только эти пичуги увидят на снегу угощение, так сейчас же слетаются с разных сторон и рассаживаются на ветках дерева, которое растёт перед окном. Они долго сидят, беспокойно поглядывают по сторонам, но спуститься вниз не решаются. Должно быть, их пугают проходящие по улице люди.

Но вот один воробей набрался храбрости, слетел с ветки и, усевшись на снегу, принялся клевать хлеб. Другой воробей увидел это и тоже спорхнул вниз. За ним спорхнул третий, четвёртый... И скоро вся воробьиная стая уже сидит на снегу и клюёт хлеб. Никто и внимания на прохожих не обращает.

По своей натуре воробьи — ребята дружные, компанейские.

Они очень любят обедать, как говорится, за общим столом. Вот один из них пристроился к кусочку хлеба и подщипывает его снизу. Другой задрал голову, выпятил грудь, словно гордый конь, и долбит этот же кусок сверху. Неожиданно он замечает, что мешает своему товарищу, и сейчас же переходит к другому куску, который лежит неподалёку, рядышком. «Кусков много, хватит на всех!— говорит он всем своим видом.— Ссориться совершенно не из-за чего».

Однако не у всех воробьёв такой компанейский характер. Некоторые схватят кусочек хлеба, оттащат его в сторонку, а там уж и клюют, чтоб никто не мешал.

На этих воробьиных одиночников вообще невозможно смотреть без смеха. Вот один из них выковырял из-под снега увесистый кусок хлеба, оттащил его подальше от остальных воробьёв и уже приготовился хорошенько подзакусить, как откуда-то сбоку налетел другой воробей, схватил без всякого предупреждения хлеб и полетел с ним кверху. Стоило посмотреть на беднягу, который остался, как говорится, с носом. У него был такой растерянный вид! Он даже клюв разинул от удивления.

А этого нахального воробья, который таскает чужие куски, я давно приметил и даже придумал ему имя — Афонька, а по фамилии Вредный. Этот Афонька Вредный никогда не ест в общей компании, а прилетит, когда его вовсе не ждут, схватит у кого-нибудь из-под носа самый большой кусок и летит с ним куда-то к себе в застреху. Иной раз в клюв Афоньке попадётся такой огромный кусище, что оттягивает его голову книзу, и ему приходится лететь, перевернувшись в воздухе кверху хвостом. Крыльями он молотит по воздуху с такой страшной силой, что шум доносится ко мне в комнату сквозь стекло.

Мне кажется, что Афонька Вредный когда-нибудь всё-таки свалится под непосильной тяжестью вниз и как следует стукнется. Я нарочно бросаю ему куски покрупней, чтоб посмотреть, до чего его в конце концов доведёт жадность.

Есть там ещё один вздорный, драчливый воробей-задира. Этот Задира налетит коршуном на какого-нибудь миролюбивого воробья, оттеснит его в сторону, клюнет разок от его куска, тут же налетит на другого воробья, клюнет от его куска, тут же бросится к третьему... То ли его зависть мучит, то ли чужие куски кажутся слаще — но он только и делает, что на других бросается! В конце концов ему попадётся такой же, как он, забияка или же просто неуступчивый воробей, который сам чужого не хочет, но и своего не отдаст. Тут-то они и начнут насакивать друг на друга, сталкиваться грудью и взлетать кверху, словно два петуха. Задира так и норовит побольней ковырнуть своего соперника носом. Но и соперник не уступает. Так они в драке и про хлеб-то забудут. Словом, смех, да и только!

Когда воробьи съедят весь хлеб, они взлетают кверху и рассаживаются на дереве. Отдыхают. Чистят носы о ветки. Вид у них сытый, довольный.

Однажды я решил сделать для них сюрприз, то есть неожиданный подарок. Думаю: «Что им, беднягам, толочься по снегу, морозить лапы! Пусть угощаются, не сходя с дерева».

Надел шапку, пальто, вышел в палисадник и принялся натывать на сучья дерева кусочки хлебного мякиша.

«Вот, — думаю, — воробьи обрадуются!»

Вернулся домой и жду. Целый час, должно быть, в окошко пялился — и хоть бы один воробей!

«Что ж это? — думаю. — Неужели не видят?»

Вдруг откуда-то сверху слетает какой-то странный растрёпанный воробьишка и садится на ветку рядом с торчащим на суку мякишем. Хвост у этого воробьишки коротенький, будто ошипанный, загривок взъерошенный, на спине одно пёрышко сломано и торчит кверху.

«Что это, — думаю, — за Стёпка-растрёпка прилетел к нам? Я такого ещё не видел. Наверно, удрал от кошки, которая хотела его поймать, или подрался с кем-нибудь».

А Стёпка-растрёпка между тем сидит на ветке и даже внимания не обращает на хлебный мякиш. Потом случайно взглянул на него искоса, заморгал испуганно глазками, нижняя челюсть у него отвисла, лапы разжались сами собой, и Стёпка свалился вниз, словно подстреленный из ружья. Не долетев полпути до земли, он неожиданно встрепенулся, замахал крылышками и полетел, постепенно набирая высоту, куда-то по косой линии через улицу.

Я так и расхохотался: понял, что этот дурашливый воробей просто-напросто испугался торчащего на суку хлебного мякиша. Он, видимо, не заметил других кусков, которые были насажены вокруг, и сел по привычке на ветку. А потом увидел, что рядом с ним сидит что-то непонятное, странное, и так оторопел от испуга, что свалился с дерева. Ему ведь никогда раньше не приходилось видеть, чтобы на деревьях куски хлеба росли.

Остальные, более осмотрительные воробьи, видно, сразу заметили на дереве что-то странное, непривычное и не решились садиться на ветки. Наверно, они даже не догадались, что это хлебный мякиш. Воробьи — пичужки хотя и маленькие, но очень осторожные, и всё непонятное пугает их.

Я, конечно, не знаю, что думали воробьи, может быть, они вообразили, что это какие-нибудь невиданные живые существа, которые могут им чем-нибудь повредить, но до тех пор, пока на ветках торчали кусочки хлеба, ни один воробей даже не подлетел близко. Однако стоило мне убрать с дерева хлеб, как они стали прилетать снова и уже ничего не боялись.

Стёпку-растрёпку я с тех пор так больше и не видал. Наверно, это был какой-нибудь залётный, шальной воробей с другой улицы.

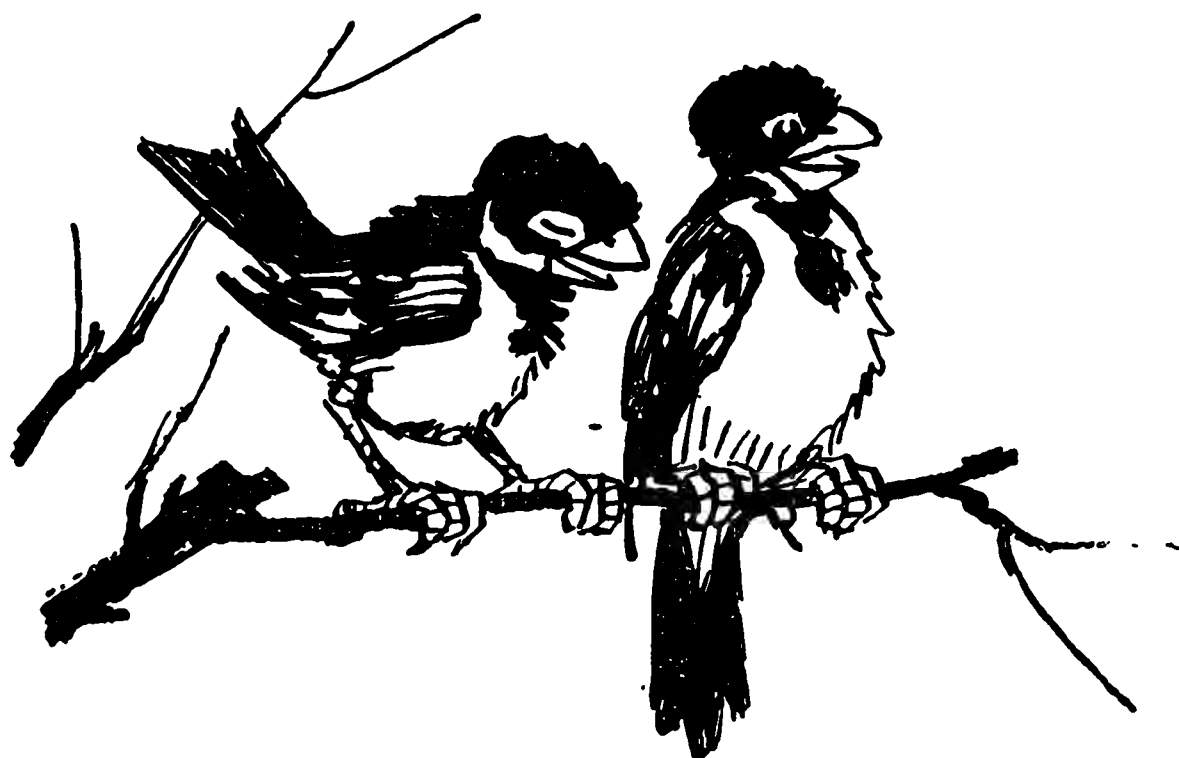
А в общем, воробьиный народ мне нравится. Они пичужки очень симпатичные и очень смешные. Я долго думал над тем, почему мы смеёмся над ними, а потом понял, что смешит нас в них то же самое, что и в людях. Мы смеёмся обычно над такими людьми, которые заботятся только о себе и не думают

о других; смеёмся над невежами, грубиянами, задирами, драчунами, которые не уважают никого, кроме самих себя, и не умеют ужиться с людьми; смеёмся над жадными и завистливыми, которые стараются захватить всё в свою собственность, над зазнайками, гордецами, которые воображают, что они самые лучшие, а другие совсем ничего не стоят; смеёмся и над разинями, над рассеянными, над трусишками, которые пугаются всякого пустяка.

Один мой знакомый (он очень учёный профессор) говорил мне, что мы смеёмся над воробьями, когда замечаем, что они в чём-то похожи на людей.

Но мне почему-то кажется наоборот: мы смеёмся над людьми, когда замечаем, что они в чём-то похожи на воробьёв.

Вот подумай над этим, когда у тебя будет свободное время.

ВИНТИК, ШПУНТИК И ПЫЛЕСОС

Кто читал книгу «Приключения Незнайки», тот знает, что у Незнайки было много друзей, таких же, как он, маленьких человечков.

Среди них было два механика — Винтик и Шпунтик, которые очень любили мастерить разные вещи. Однажды они задумали соорудить пылесос для уборки помещения.

Сделали круглую металлическую коробку из двух половинок. В одной половинке поместили электромотор с вентилятором, к другой присоединили резиновую трубку, а между обеими половинками проложили кусок плотной материи, чтобы пыль в пылесосе задерживалась.

Трудились они целый день и целую ночь, и только наутро пылесос был готов.

Все ещё спали, но Винтику и Шпунтику очень хотелось проверить, как работает пылесос.

— Сначала почистим ковёр в спальне,— предложил Шпунтик.

Он включил пылесос, и пыль с ковра так и полетела в трубу. Поток воздуха был так силён, что в трубу засосало чулки Растеряйки, которые случайно валялись у него под кроватью.

Потом сдуло со стола ручные часы доктора Пилюлькина и тоже засосало в трубу. Винтик и Шпунтик ничего не заметили, так как им обоим очень хотелось спать.

Под столом стоял ящик с красками художника Тюбика. После того как Винтик почистил пыль под столом, количество красок в ящике значительно поубавилось.

— А теперь попробуем чистить одежду,— сказал Винтик и начал чистить пиджак Торопыжки. Пыль из пиджака так и полетела в трубу, а вместе с пылью и пуговицы.

Потом они стали чистить штанишки Пончика. А у Пончика в карманах всегда лежали конфеты. Пылесос был такой мощный, что даже конфеты повысасывал из карманов.

После этого они стали чистить курточку Знайки, и тут только Шпунтик заметил, что из кармана вытащило Знайкину вечную ручку. Он хотел прекратить работу, но Винтик сказал:

— Ничего, потом откроем пылесос и достанем.

— А теперь почистим диван,— предложил Шпунтик.

Они стали чистить диван. Гвозди из обшивки так и выскакивали и исчезали в трубе.

Обшивка постепенно разлезлась, пружины повыскакивали, спинка отвалилась, диван рассыпался на кусочки, и вся диванная начинка вместе с пружинами полетела в трубу.

Дело кончилось тем, что в трубе застряла диванная ножка и пылесос ничего больше не мог всасывать.

— Ну и ладно,— сказал Винтик.— Ляжем спать, а ког-

да встанем, починим диван и вытащим из пылесоса все гвозди.

Друзья легли спать и моментально заснули.

В это утро первым проснулся Растеряйка и принялся искать чулки. Все стали над ним смеяться, потому что он вечно терял свои вещи.

Потом встал Ворчун и с удивлением обнаружил, что у него пропали брюки.

У Авоськи не осталось на одежде ни одной пуговицы. Он так и ходил, придерживая брюки руками, потому что без пуговиц они не могли держаться.

В общем, у каждого что-нибудь потерялось. Только у Незнайки ничего не пропало.

Торопыжка сказал:

— Это, наверно, Незнайка всё устроил. Почему у него ничего не пропало?

— Братцы, я не виноват! — кричал Незнайка. — У меня ничего не пропало, потому что я спал в одежде. Я вчера очень устал, и мне лень было раздеться.

Наконец Знайка обнаружил в углу комнаты какую-то загадочную машину с трубой, из которой торчала диванная ножка.

Знайка сейчас же понял, что это, без сомнения, дело рук Винтика и Шпунтика, и принялся будить их.

Винтик и Шпунтик встали. Они открыли пылесос и обнаружили в нём все пропавшие вещи.

— Мы слишком сильный мотор поставили, — сказал Шпунтик. — Надо уменьшить его мощность, и пылесос перестанет всасывать крупные вещи.

Сейчас же к пылесосу выстроилась длинная очередь. Каждый получал, что у него потерялось: Растеряйка — чулки, Авоська и Торопыжка — пуговицы, Ворчун — свои брюки.

А Незнайка сказал Винтику:

— Посмотри-ка, пожалуйста, нет ли в пылесосе моего свистка, который потерялся прошлым летом.

Все стали над Незнайкой смеяться. Но тут Винтик вдруг обнаружил среди прочих предметов и Незнайкин свисток.

Все удивились и никак не могли понять, как очутился в пылесосе свисток, который пропал в прошлом году. Ведь в прошлом году и пылесоса-то не было!

БОБИК В ГОСТЯХ У БАРБОСА

Жил-был пёс Барбоска. У него был друг — кот Васька. Оба они жили у дедушки. Дедушка ходил на работу, Барбоска сторожил дом, а кот Васька мышей ловил.

Однажды дедушка ушёл на работу, кот Васька убежал куда-то гулять, а Барбос дома остался. От нечего делать он залез на подоконник и стал смотреть в окно. Ему было скучно, вот он и зевал по сторонам.

«Дедушке нашему хорошо! — думал Барбоска. — Ушёл на работу и работает. Ваське тоже неплохо — убежал из дому и гуляет по крышам. А мне вот приходится дома сидеть, сторожить квартиру».

В это время по улице бежал Барбоскин приятель Бобик. Они часто встречались во дворе и играли вместе. Барбос увидел приятеля и обрадовался:

— Эй, Бобик, куда бежишь?

— Никуда,— говорит Бобик.— Так, бегу себе просто. А ты чего дома сидишь? Пойдём гулять.

— Мне нельзя,— ответил Барбос,— дедушка велел дом стеречь. Ты лучше ко мне в гости иди.

— А никто не прогонит?

— Нет. Дедушка на работу ушёл. Никого дома нет. Лезь прямо в окно.

Бобик залез в окно и с любопытством стал осматривать комнату.

— Тебе хорошо! — сказал он Барбосу.— Ты в доме живёшь, а вот я живу в конуре. Теснота, понимаешь! И крыша протекает. Неважные условия!

— Да,— ответил Барбос,— у нас квартира хорошая: две комнаты с кухней и ещё ванная. Ходи где хочешь.

— А меня даже в коридор хозяева не пускают! — пожаловался Бобик.— Говорят — я дворовый пёс, поэтому должен жить в конуре. Один раз зашёл в комнату — что было! Закричали, заохали, даже палкой по спине стукнули.

Он почесал лапой за ухом, потом увидел на стене часы с маятником и спрашивает:

— А что это у вас за штука на стене висит? Всё тик-так да тик-так, а внизу болтается.

— Это часы,— ответил Барбос.— Разве ты часов никогда не видел?

— Нет. А для чего они?

Барбос и сам не знал толком, для чего часы, но всё-таки принялся объяснять:

— Ну, это такая штука, понимаешь... часы... они ходят...

— Как — ходят? — удивился Бобик.— У них ведь ног нету!

— Ну, понимаешь, это только так говорится, что ходят, а на самом деле они просто стучат, а потом начинают бить.

— Ого! Так они ещё и дерутся? — испугался Бобик.

— Да нет! Как они могут драться!

— Ты ведь сам сказал — бить!

— Бить — это значит звонить: бом! бом!

— А, ну так бы и говорил!

Бобик увидел на столе гребешок и спросил:

— А что это у вас за пила?

— Какая пила! Это гребешок.

— А для чего он?

— Эх, ты! — сказал Барбос. — Сразу видно, что весь век в конуре прожил. Не знаешь, для чего гребешок? Причёсываться.

— Как это — причёсываться?

Барбос взял гребешок и стал причёсывать у себя на голове шерсть:

— Вот смотри, как надо причёсываться. Подойди к зеркалу и причешись.

Бобик взял гребешок, подошёл к зеркалу и увидел в нём своё отражение.

— Послушай, — закричал он, показывая на зеркало, — там собака какая-то!

— Да это ведь ты сам в зеркале! — засмеялся Барбос.

— Как — я?.. Я ведь здесь, а там другая собака.

Барбос тоже подошёл к зеркалу. Бобик увидел его отражение и закричал:

— Ну вот, теперь их уже двое!

— Да нет! — сказал Барбос. — Это не их двое, а нас двое. Они там, в зеркале, неживые.

— Как — неживые? — закричал Бобик. — Они же ведь двигаются!

— Вот чудак! — ответил Барбос. — Это мы двигаемся. Видишь, там одна собака на меня похожа?

— Верно, похожа! — обрадовался Бобик. — Точь-в-точь как ты!

— А другая собака похожа на тебя.

— Что ты! — ответил Бобик. — Там какая-то противная собака, и лапы у неё кривые.

— Такие же лапы, как у тебя.

— Нет, это ты меня обманываешь! Посадил туда каких-то двух собак и думаешь — я тебе поверю, — сказал Бобик.

Он принялся причёсываться перед зеркалом, потом вдруг как засмеётся:

— Глянь-ка, а этот чудака в зеркале тоже причёсывается! Вот умора!

Барбос только фыркнул и отошёл в сторону. Бобик причёсался, положил гребешок на место и говорит:

— Чудно́ тут у вас! Часы какие-то, зеркала с собаками, разные финтифлюшки и гребешки.

— У нас ещё телевизор есть! — похвастался Барбос и показал телевизор.

— Для чего это? — спросил Бобик.

— А это такая штука — она всё делает: поёт, играет, даже картины показывает.

— Вот этот ящик?

— Да.

— Ну, это уж враки!

— Честное слово!

— А ну пусть заиграет!

Барбос включил телевизор. Послышалась музыка. Собаки обрадовались и давай прыгать по комнате. Плясали, плясали, из сил выбились.

— Мне даже есть захотелось, — говорит Бобик.

— Садись за стол, сейчас я тебя угощать буду, — предложил Барбос.

Бобик уселся за стол. Барбоска открыл буфет, видит — там блюдо с киселём стоит, а на верхней полке — большой пирог. Он взял блюдо с киселём, поставил на пол, а сам полез на верхнюю полку за пирогом. Взял его, стал вниз спускаться и попал лапой в кисель. Поскользнувшись, он шлёпнулся прямо на блюдо, и весь кисель у него размазался по спине.

— Бобик, иди скорей кисель есть! — закричал Барбос.

Бобик прибежал:

— Где кисель?

— Да вот у меня на спине. Облизывай.

Бобик давай ему спину облизывать.

— Ох и вкусный кисель! — говорит.

Потом они перенесли пирог на стол. Сами тоже на стол уселись, чтоб удобнее было. Едят и разговаривают.

— Тебе хорошо живётся! — говорит Бобик. — У тебя всё есть.

— Да, — говорит Барбос, — я живу хорошо. Что хочу, то и делаю: хочу — гребешком причёсываюсь, хочу — на телевизоре играю, ем и пью что хочу или на кровати валяюсь.

— А тебе позволяет дедушка?

— Что мне дедушка! Подумаешь! Эта кровать моя.

— А где же дедушка спит?

— Дедушка там, в углу, на коврике.

Барбоска так заврался, что не мог уже остановиться.

— Здесь всё моё! — хвастался он. — И стол мой, и буфет мой, и всё, что в буфете, тоже моё.

— А можно мне на кровати поваляться? — спросил Бобик. — Я ни разу в жизни ещё на кровати не спал.

— Ну пойдём, поваляемся, — согласился Барбос.

Они улеглись на кровать.

Бобик увидел плётку, которая висела на стене, и спрашивает:

— А для чего у вас здесь плётка?

— Плётка? Это для дедушки. Если не слушается, я его плёткой, — ответил Барбос.

— Это хорошо! — одобрил Бобик.

Лежали они на кровати, лежали, пригрелись да и заснули. Не слышали даже, как дедушка с работы пришёл.

Он увидел на своей кровати двух псов, снял со стены плётку и замахнулся на них.

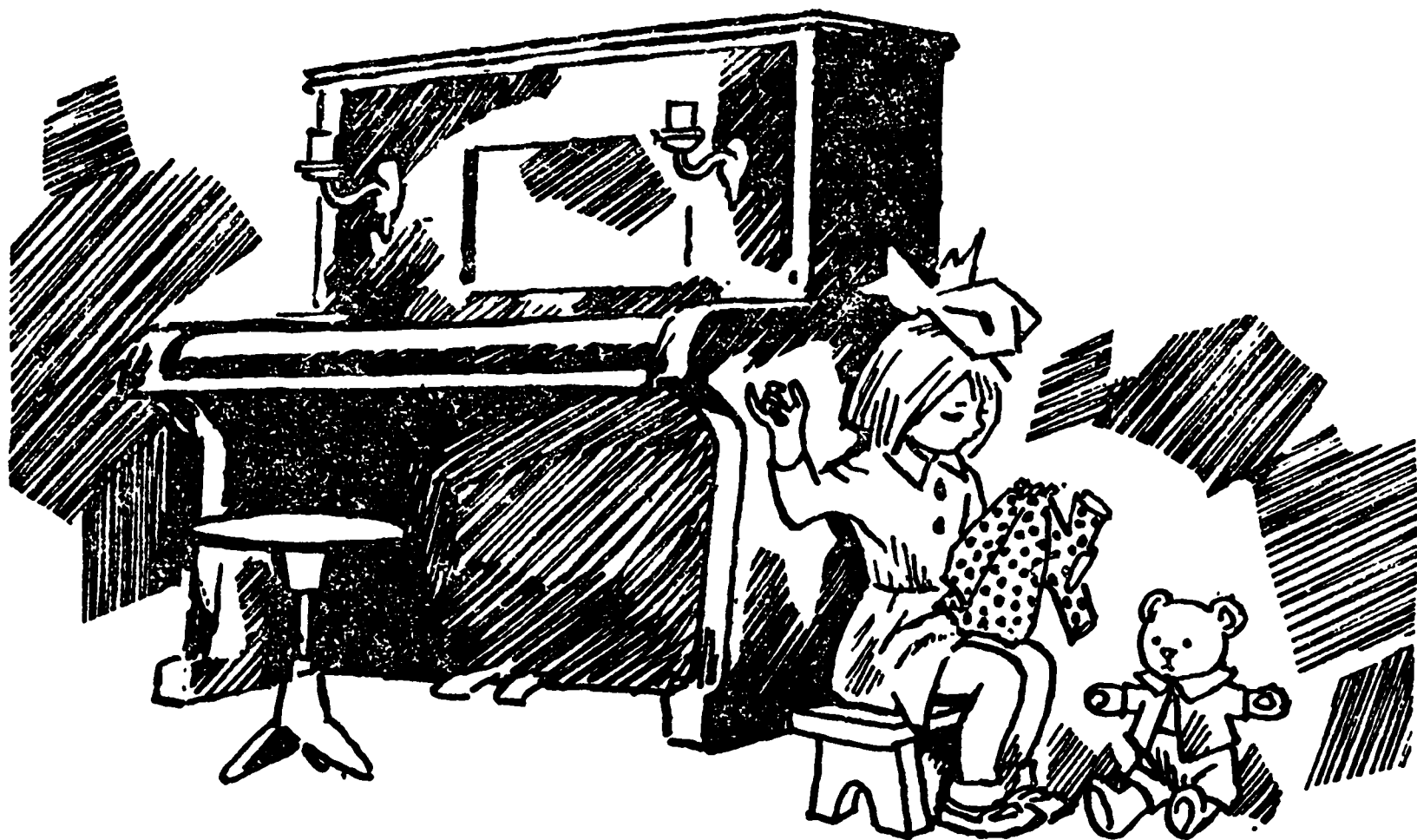
Бобик с перепугу выпрыгнул в окно и побежал в свою конуру, а Барбос забился под кровать, так что его даже половой щёткой нельзя было вытащить. До вечера там просидел.

Вечером вернулся домой кот Васька. Он увидел Барбоса под кроватью и сразу понял, в чём дело.

— Эх, Васька,— сказал Барбос,— опять я наказан! Даже сам не знаю за что. Принеси мне кусочек колбаски, если тебе дедушка даст.

Васька пошёл к дедушке, стал мурлыкать и тереться спинкой о его ноги. Дедушка дал ему кусочек колбаски. Васька половину съел сам, а другую половинку отнёс под кровать Барбоске.

ПОД ОДНОЙ КРЫШЕЙ

Из всех пичужек самые образованные — это воробьи. И знаете ли почему? Потому что они живут не в лесах или полях, а в сёлах и городах, где могут многому от людей научиться. У них даже имена на человеческий лад. Когда-то, в дни моей молодости, я, например, знал воробья, которого звали — как бы вы думали? — Александр Македонский! У другого моего знакомого воробья было имя, как у известного сказочного богатыря, Алёша Попович. Честное слово, правда! Этот Алёша Попович был не то чтобы какой-нибудь воробьиный силач или богатырь. Нет, он просто происходил из семьи, которая жила когда-то в старой церкви под куполом. Поэтому воробьи и прозвали всю его семейку Поповичами. Был тут и Андрюша Попович, и Кирюша Попович, и Антоша Попович, и вот даже Алёша Попович один оказался.

А того воробья, про которого я хочу рассказать, тоже звали очень красиво — Золотой Петушок. Неизвестно, откуда у него взялось такое красивое имя, но известно, что воробей он был очень умный. Однажды он заболел не на шутку и долго хворал, представьте себе, но всё-таки вылечился, и притом сам, без всякой посторонней помощи, то есть без помощи докторов.

И откуда только ума набрался! Ну конечно же, от людей.

В те далёкие времена, а было это лет двадцать назад, Золотой Петушок жил на чердаке старого четырёхэтажного дома. Под крышей ему было и тепло, и уютно, и весело, то есть интересно, потому что на чердаке в долгие зимние вечера, когда бывает особенно скучно, он мог сколько угодно слушать, о чём говорят жильцы верхнего этажа. Конечно, слушать он мог, когда говорили достаточно громко. Когда говорили обыкновенным голосом, то было слышно только какое-то неясное бормотание: «Бу-бу-бу! Бу-бу-бу! Бу-бу-бу!» Впрочем, если хорошенько прислушаться, то и в этом случае можно было кое-что разобрать.

Особенно хорошо на чердаке было слышно радио, а нужно сказать, что в те далёкие времена радио уже всюду существовало. Вот телевидения, правда, не было. Но воробью телевидение и ни к чему, потому что не мог же он смотреть телевизор, сидя на чердаке. Для этого надо было находиться в комнате. Хорошо на чердаке было слышно также, когда в доме кто-нибудь заводил патефон или играл на пианино. Но вот этого наш Золотой Петушок как раз не любил.

Дело в том, что на самом верхнем этаже дома жила маленькая девочка. Её звали Наденька. Мама и папа очень любили Наденьку и купили для неё пианино. Им очень хотелось, чтоб их девочка сделалась знаменитой музыкантшей. Но Наденьке не очень хотелось делаться музыкантшей. Ей больше всего хотелось поступить на одёжную фабрику, не сейчас, конечно, а

впоследствии, когда подрастёт. А сейчас, пока она ещё была маленькая, ей больше всего нравилось шить для своих кукол платья.

У неё было несколько кукол, и каждой кукле она сшила по платью, а своему любимому плюшевому мишке сшила три пары брюк, три пиджака: чёрный, синий и клетчатый, две сорочки с отложными воротничками, пальто зимнее и демисезонное, трусики, чтоб можно было загорать летом, две смены белья, летнюю шляпу из штапельного полотна, а на зиму тёплую меховую шапку-ушанку, чтобы не замёрзли уши.

Всё это было сделано с таким мастерством, что многие гости, которые бывали у них в доме, приходили в восторг и говорили, что из Наденьки выйдет какая-нибудь знаменитая мастерица по шитью одежды.

Однако Наденькины мама и папа были против того, чтобы их дочь сделалась мастерицей по шитью одежды. Они утверждали, что одежду может сшить каждый, а на пианино сыграет не каждый, так как тут нужен талант. Мама говорила, что в детстве у неё самой был замечательный талант к музыке, но у её родителей не было денег на покупку пианино. Зато теперь, когда денег у них вполне достаточно, они обязательно добьются, чтобы их дочь сделалась музыкантшей.

Напрасно их уверяли знакомые, что у каждого ребёнка талант к чему-нибудь своему и что к шитью одежды тоже надо иметь талант: если же одежду начнёт шить каждый, то она выйдет такая, что совестно будет на улицу показаться. Ни папа, ни мама этому почему-то не верили и не хотели даже слышать, чтобы их дочь пошла работать на одёжную фабрику.

Однако у Наденьки на самом деле не было способностей к музыке, а учиться музыке тому, у кого нет способностей к ней, гораздо труднее, чем тому, у кого эти способности есть. Вернувшись из музыкальной школы, Наденька минуты две или три брэнчала на пианино заданное на дом упражнение, но скоро ей это надоедало, и она садилась шить какой-нибудь своей кукле

новое платье или убегала гулять во двор. Иногда она и вовсе не подходила к своему музыкальному инструменту, а когда мама возвращалась домой с работы и спрашивала, занималась ли она музыкой, Наденька отвечала, что уже позанималась, и садилась делать уроки по арифметике, русскому языку или каким-нибудь другим предметам. Так всё шло хорошо сначала, но потом маму вызвала к себе учительница музыкальной школы и довольно строго сказала:

— Ваша девочка очень плохо учится музыке, потому что мало занимается дома. Каждое заданное на дом упражнение надо играть ежедневно по два часа. Без этого пальцы у вашей девочки не разовьются, и её придётся забрать из музыкальной школы. Имейте это в виду.

— У меня нет возможности ежедневно проверять Наденьку,— ответила мать.— Она занимается музыкой днём, когда я ухожу на работу, а вечером, когда я возвращаюсь, она учит уроки.

— А вы сделайте наоборот,— посоветовала учительница.— Пусть Наденька готовит уроки днём, а на пианино пусть занимается вечером, чтобы вы слышали.

Мама послушала учительницу и попробовала заставлять Наденьку играть на пианино вечером, но такая система, однако, не понравилась папе, и он сказал:

— Что это за новая мода пошла: каждый раз вечером музыка! Почему Наденька не может играть свои упражнения днём, когда все работать уходят? Тут вертись на работе весь день, вечером отдохнуть хочется, а вместо этого изволь упражнения слушать!

— Это, конечно, верно,— согласилась мама — но как её днём проверишь? На неё и так учительница жалуется.

— Что ж, об этом необходимо подумать,— ответил отец.

А нужно сказать, что у них, кроме Наденьки, был еще мальчик. Он был маленький и ещё не учился в школе. Ему было шесть лет.

И вот папа сказал:

— Слушай, Алёша...

(Его тоже Алёшей звали, как того воробья, про которого у нас был разговор. То есть по-настоящему-то воробья звали Алёша Попович, а мальчика — просто Алёша.)

— Слушай, Алёша,— сказал, значит, папа.— Ты мальчик уже большой и тоже должен помогать взрослым. Будешь следить, чтобы Наденька исправно занималась на пианино.

И он научил Алёшу, как следить за стрелками часов, чтобы получалось ровно два часа.

Каждый раз, приходя вечером с работы, папа спрашивал:

— Ну-ка, скажи, Алёшенька, сколько сегодня занималась на пианино Наденька?

— Два часа,— отвечал Алёша.

— Молодец! — хвалил его папа.

И давал ему большую конфету. Наденьке он тоже давал конфету за то, что она усидчиво занималась музыкой. Папа, конечно, ничего не терял, так как он и раньше покупал своим детям конфеты, но раньше он отдавал им конфеты даром, а теперь за дело.

Так у них и пошло с тех пор. Наденька даже побледнела немного от усиленных занятий музыкой. Ей ведь некогда даже было побегать во дворе с подругами: утром в школу иди, днём на пианино играй, вечером делай уроки, да ещё ведь ей надо было немножко помогать по хозяйству маме. Где уж тут бегать!

Неизвестно, чем бы всё кончилось, если бы Наденька не начала усиленно думать, как найти из этого положения хоть какой-нибудь выход. Подумав как следует, она придумала такую вещь: получив от папы вечером конфету, она не съела её, а спрятала под подушку. На следующий день, вернувшись из школы, она сказала своему братцу:

— Хочешь, Лёшка, я не буду сегодня на пианино играть, а мы пойдём во дворе погуляем. За это я тебе дам конфету.

— Не хочу,— ответил Алёшка.

— Почему, глупый?

— Потому что, если ты не будешь играть на пианино, мне папа вечером не даст конфету.

— Вот и видно, что глупый! Как же папа может не дать тебе конфету, если ты ему скажешь, что я играла?

Алёша подумал и согласился. Наденька отдала ему конфету, он съел, а потом они пошли во двор и гуляли до вечера. А когда вечером пришёл папа и спросил, занималась ли Надя сегодня музыкой, Алёша по обыкновению сказал:

— Два часа.

Папа дал им, как всегда, по конфете. Алёша свою съел тут же, а Наденька и на этот раз спрятала.

На следующий день повторилась та же история. Алёша быстро сообразил, что гораздо интереснее съесть не одну, а две конфеты и в добавление к этому гулять с сестрой во дворе, вместо того чтобы сидеть дома и слушать скучную музыку.

Так прошёл целый месяц, а может быть, даже больше.

У Наденьки снова заиграл на щеках румянец, улучшился аппетит. И всё было бы хорошо, если бы ей не становилось всё труднее отказываться от конфет. Бедная девочка за это время забыла, какие бывают на вкус конфеты.

Один раз она даже не удержалась и отгрызла от конфеты кусочек. А на другой день Алёшка устроил ей за это скандал и сказал, что он за полконфеты не согласен обманывать папу, а согласен только за целую. Насилу Наденька уговорила его молчать и обещала, что никогда больше не станет откусывать от его конфеты ни кусочка.

После этого случая Наденька крепилась несколько дней подряд, но однажды ночью, когда все уже спали, она достала из-под подушки припрятанную для Алёшки конфету и съела её.

Бедная девочка действовала как будто во сне и даже не понимала, что делала, до такой степени ей захотелось сладкого.

На другой день она не знала, как быть, и когда братишка потребовал у неё конфету, сказала, что потеряла её.

Алёша, который никак не ожидал такого ответа, даже не понял сразу, какая страшная произошла вещь, а когда наконец понял, то разинул от удивления рот. Постепенно он, однако, пришёл в себя и спросил:

— Где же ты её потеряла?

— Глупый,— сказала Наденька,— если бы я знала, где потеряла, то сейчас же нашла бы.

— Так её искать надо! — заявил Алёша.

Он никак не мог примириться с мыслью, что останется на этот раз без конфеты, и они вместе принялись бродить по комнатам, заглядывая во все уголки. Наденька понимала, что никакой конфеты найтись, конечно, не может, но искала для виду, чтобы братишка не заподозрил её в обмане. Алёша, наоборот, отнёсся к делу вполне серьёзно. Он старательно ползал на четвереньках по полу, шарил палкой под шкафами и под буфетом, залезал под столы и кровати, наконец стал обыскивать Наденькину постель и нашёл у неё под подушкой бумажку от конфеты. Некоторое время он молча стоял с бумажкой в руке и как будто что-то соображал, потом подскочил к сестре и закричал визгливым голосом:

— Это что, а? Это что?

— Как — что? Будто не видишь? Бумажка.

— Сам вижу, что бумажка. А от чего бумажка? От конфеты! Значит, ты конфетину сама съела, а бумажка осталась мне!

— Глупый! — ответила Наденька.— Это бумажка совсем не от той конфеты.

— От какой ещё не от той? Думаешь, я не знаю! Я вчера не спал вечером и слышал, как ты там во сне что-то жевала. Я тогда ещё подумал, что это ты уже, наверно, мою конфету ешь.

— Какую такую твою конфету? — рассердилась Наденька.— Конфета моя! Хочу — даю тебе, не хочу — ем сама.

— Ну и ешь сама, а я больше не буду обманывать папу. Вот скажу сегодня, что ты не играла на пианино.

— А я вот нарочно буду играть, попробуй тогда скажи, что я не играла.

Наденька села за пианино и целых два часа подряд играла свои упражнения. Под конец у неё даже голова закружилась от непривычки. Однако она и виду не подавала, что ей было трудно, и, встав из-за пианино, сказала:

— Теперь каждый день буду играть и конфеты сама буду есть.

Алёша увидел, что здорово прогадал, и у него даже затряслись губы от огорчения.

— Зачем же играть каждый день? — сказал он. — Завтра можно и не играть, а за сегодня я, так и быть, прощаю тебя.

— Что-что? — с удивлением спросила Наденька. — За что ты меня прощаешь?

— Ну за то, что ты съела конфету, — объяснил Алёшка.

— Ты, видимо, дурачок, Алёшка, — с обидной усмешкой сказала Наденька. — Свою конфету я всегда имею право съесть без твоего ослиного разрешения. Глупая я раньше была, что отдавала тебе такие вкусненькие конфетки. Теперь вот и завтра съем, и послезавтра, и послепослезавтра, и всегда-всегда! Понял?

— Ну и ешь, — мрачно ответил Алёша. — Мне не очень и хочется!

— «Не очень хочется»! — передразнила Наденька. — А сам тут как царь Кощей над каждой конфетой трясёшься!

— Кто царь Кощей? Я царь Кощей? — закричал, рассердившись, Алёшка.

И как стукнет сестру кулаком.

— А, так ты ещё драться! — сказала Наденька и, схватив Алёшку за волосы, дёрнула с такой силой, что у него из глаз искры посыпались.

— А-а! — завопил Алёшка и принялся размахивать во все стороны кулаками и лягаться ногами.

Но Наденька крепко держала его за волосы, и он ничего не мог ей сделать.

Как раз в это время с работы вернулся папа. Наденька услышала, что кто-то вошёл в прихожую, и выпустила из рук Алёшкины волосы.

— Вот скажу папе, что ты съела конфету! — прошипел Алёшка, грозя сестре кулаком.

— Как будто папа дал мне эту конфету не для того, чтобы я её съела, — сказала Наденька. — У, глупый!

— Вот скажу, что всё время называешь меня глупым.

— Как же тебя называть, если ты и есть глупый?

— Вот скажу папе, что ты не занималась сегодня на пианино.

— Не смей, слышишь! Я ведь занималась! Ах, ты!..

Наденька не успела договорить, потому что в комнату вошёл папа.

— Ну, механики, как дела? — весело спросил он.

Когда у папы бывает хорошее настроение, он почему-то всегда своих детей механиками называет. Увидев, что дети почему-то молчат и сердито смотрят на него исподлобья, папа удивился и спросил:

— Что тут у вас случилось?

— Ничего, — ответила Наденька.

— Совсем-совсем ничего?

— Совсем-совсем ничего.

— Что-то не верится! — покачал головой папа. — А ты почему сегодня такой лохматый? — спросил он Алёшу.

Алёша принялся приглаживать рукой всклокоченные волосы и сердито нахмурился. Вся кожа у него на голове свербила.

Папа схватил обоих ребят в охапку и сел с ними на диван.

— Ну, рассказывайте, что хорошенького?

— Ничего, — сердито буркнул Алёша, усаживаясь у отца на коленях.

— Как же так — ничего? А Наденька занималась сегодня на пианино? Сколько она играла?

— Нисколько, — буркнул опять Алёшка.

— Эге! Вот оно, значит, что!.. — протянул папа и сердито взглянул на Наденьку.

От возмущения Наденька вспыхнула, потом немножечко побледнела, тут же раскрыла широко рот, словно ей не хватало воздуха, и сказала дрожащим голосом:

— Он говорит неправду!

— Это правда? — строго спросил Алёшу папа.

— Что — правда? — не понял Алёша.

— Правда, что ты говоришь неправду?

— Это она говорит неправду.

— Он врёт! — сказала, задыхаясь от гнева, Наденька.

— Вот как! — недоверчиво усмехнулся папа. — Для чего же ему вдруг понадобилось врать? Когда ты занималась исправно, он всегда говорил, что ты занималась. Вот тебе, Алёша, конфетка, за то, что сказал папе правду. А ты, нехорошая девочка, ничего теперь не получишь! Лучше я и твою конфету отдам Алёше. Получай, Алёшенька, и вторую конфету.

Увидев такую несправедливость, Наденька побледнела ещё больше, стала белая, как бумага, потом покраснела внезапно, бросилась плашмя на диван и зарыдала так громко, что у папы от ужаса зашевелились на голове волосы.

В это время дверь отворилась — и в комнату вошла мама. Папа принялся рассказывать ей обо всём. Мама даже не могла сразу понять, что случилось, а когда поняла, сказала:

— Может быть, Алёшка на самом деле соврал? Уж очень горько рыдает Наденька.

— Признаться, я тоже так думал, — ответил папа, — да ведь Алёша никогда раньше не врал. Он всегда говорил правду.

— Не врал? — закричала, вскакивая с дивана, Наденька. — Никогда раньше не врал? Если хотите знать, он всегда врал! Он только и делал, что врал! Я нарочно каждый раз отдавала

ему свои конфеты, и он говорил вам, что я занимаюсь на пианино, а я и не занималась вовсе. Ха! Ха! Но сегодня я как раз занималась и конфету ему не дала, вот он и врёт на меня от злости. Это, что ли, по-вашему, правильно? Раз я занималась, то никакой конфеты ему не полагается. Пусть он зарубит это у себя на носу! Понятно вам?

— А-а! — закричал тогда папа. — Значит, ты, нехорошая девчонка, не занималась на пианино, да ещё учила своего младшего братца обманывать родителей, подкупала его конфетами? Это стыд! Это срам! Это позор! Ты бы подумала, чему учишь его! При таком воспитании из него может вырасти какой-нибудь тунеядец и плут!

А мама сказала папе:

— Ты сам во всём виноват. Нашёл кому поручать присматривать за девчонкой. Он тебе за конфету что хочешь сделает: обманет и мать и отца. Из-за него бедная девочка совсем без конфет осталась, а сладкое тоже для организма нужно.

Наденька услышала эти слова, и ей стало так жалко себя, так жалко, что она зарыдала с удвоенной силой. Но мама сказала:

— А ты молчи! Я не защищаю тебя. Ты, наверно, воображаешь, что тебя напрасно обидели: не дали сегодня конфетку. А сколько раз ты не играла на пианино, но конфеты всё-таки получала?

Наденька сразу притихла, а Алёша увидел, какое получается дело, и давай поскорей есть конфеты, чтобы не отняли обратно. Не успев съесть одну конфету, он запихал в рот другую и стоял с оттопыренной щекой, как будто у него вырос с этой стороны флюс.

— Поручать это дело Алёшке мы больше не станем. Теперь я сама буду за тобой следить, — сказала Наденьке мама. — Но, поскольку вечером играть нельзя, а днём я на работе, придётся тебе вставать на два часа раньше и заниматься с утра.

Необходимо сказать, что весь этот разговор происходил

очень громко и прекрасно был слышен Золотому Петушку, то есть нашему знакомому воробью, который на чердаке жил (вот когда мы про него вспомнили). Услыхав это, Золотой Петушок даже не удивился, потому что за всю свою воробьиную жизнь наслушался всяких историй. Он только подумал:

«Вот ещё какие, оказывается, бывают истории!»

Вскоре он и вовсе перестал думать об этом, так как не понимал в тот момент, чем это всё может для него кончиться.

И вот на другой день, под самое утро, когда спится особенно сладко, воробья разбудили какие-то непонятные звуки:

Бом-тили-тили! Бом-тили-тили!
Тиль-диль-дон! Тиль-диль-дон!

Воробей встрепнулся от неожиданности, открыл широко глаза, но, ничего не видя вокруг, так как было ещё совсем темно, решил, что это ему во сне почудилось; закрыв глаза, он попытался заснуть, но звуки не утихали:

Тиль-диль-дон! Бом-тили-бом!

Как будто палкой по голове!

Воробей сердито поёжился, заморгал глазами и принялся соображать, что бы всё это могло значить. Сон окончательно слетел с него, и воробей наконец понял, что играют на пианино.

Увидев в окно, что небо совсем ещё тёмное и на нём кое-где поблёскивают звёздочки, Золотой Петушок проворчал:

— Что это они там совсем с ума посходили — играть среди ночи!

Он нахохлился, соорудив обиженную физиономию, переступил с лапы на лапу и стал пытаться заснуть, не обращая внимания на музыку. Это ему, однако ж, никак не удавалось. Звуки пианино доносились так явственно, что бедному воробью казалось, будто играют не снизу, а сверху, прямо над его головой.

Постепенно ему даже стало казаться, что звуки раздаются не над головой, а где-то там, внутри головы.

Золотой Петушок крякнул с досады и тряхнул как следует головой. Однако звуки из головы не выскочили и продолжали долбить по мозгам:

Тиль-диль-дон! Тиль-диль-дон!
Вот тебе! Вот!

Через некоторое время небо стало светлеть, звёзды постепенно погасли, и воробей увидел, что уже было утро, а вовсе не ночь, как ему показалось сначала.

Прошло два часа, и музыка наконец прекратилась. Золотой Петушок облегчённо вздохнул, но, увидев, что на дворе окончательно рассвело, решил, что спать всё равно больше нельзя, так как уже была пора вылетать за кормом.

На другой день воробья опять разбудила музыка, на третий — тоже. На четвёртый день он уже с вечера думал о том, что его на рассвете разбудит музыка, и так нервничал, что не мог заснуть. Всю ночь он сидел у себя в застрехе и сонно моргал глазами, ожидая, что вот-вот грянет музыка, а когда наконец заснул, музыка загремела, и ему даже под утро не удалось вздремнуть.

Несколько ночей подряд Золотой Петушок почти вовсе не спал, то есть не то чтобы он вовсе не спал: воробей ведь не может так, чтобы совсем не спать. Конечно, он спал, но спал, нужно сказать, очень тревожно, поминутно просыпаясь и вздрагивая во сне; под утро же его на два часа раньше, чем нужно было, будила музыка.

Таким образом, вместо того чтобы спать восемь часов подряд, наш воробей спал всего шесть часов. Воробью же, как установила наука, положено спать ночью не меньше восьми часов. Иначе это может для него плохо кончиться.

Неизвестно, чем бы всё это для Золотого Петушка кончилось, если бы Наденька вдруг не заболела. Потом она, правда, выздоровела, но потом заболела снова. Она вообще была не

очень крепкого здоровья. Когда Наденька болела, воробей радовался и наслаждался жизнью, но, когда она выздоравливала, он проклинал своё существование и становился злой, как сорок тысяч чертей.

От злости он вообще стал очень нервный и раздражительный.

А впрочем, если сказать по правде, то нашему Золотому Петушку приходилось ещё не так скверно, как одному жильцу, Прохору Семёновичу Индюченко, который жил в соседней квартире. Его комната находилась рядом с той комнатой, где стояло Наденькино пианино, и поэтому ему всегда было хорошо слышно, когда Наденька играла свои упражнения. Этот Прохор Семёнович Индюченко был старенький, седенький старичок с жиденькой козлиной бородкой, причём очень худой и больной ревматизмом.

Как известно, ревматизм — болезнь очень коварная. Она то отпустит больного, даст ему подышать чуточку, то вдруг схватит, точно клещами, и давай ломать кости. В такие дни бедный Прохор Семёнович готов был кричать от боли.

И он кричал бы, если бы не опасался потревожить соседей, но так как он был человек очень деликатный, внимательный к другим людям, то терпел свою боль молча, только слегка покряхтывал и старался лежать не двигаясь, чтобы не раздражать ноющие суставы.

Чаще всего ревматизм донимал Прохора Семёновича с вечера и мучил всю ночь, не давая заснуть ни на минуту. Но как только приближалось утро, боль в костях утихала.

Прохор Семёнович с облегчением вздыхал, готовясь наконец поспать хоть с полчасика, но тут Наденька начинала играть свои упражнения, и уснуть снова было нельзя. Увидев, что о сне уже нечего и думать, бедный больной Прохор Семёнович надевал на ноги свои шлёпанцы и отправлялся на кухню, чтобы

согреть для себя кофе. Прохор Семёнович был старый холостяк, то есть он никогда не был женат, а старые холостяки, как известно, почему-то всегда любят кофе.

Квартира, в которой жил Прохор Семёнович, была большая, и поэтому, когда он являлся на кухню, там уже был кто-нибудь из хозяек. Увидев Прохора Семёновича, они обычно затевали с ним разговор.

— А, Прохор Семёнович! С добрым утречком! — начинала соседка, которую звали Софья Михайловна. — Что-то вы сегодня раненько поднялись?

— Должно быть, бессонница, — тут же подхватывала другая соседка, по имени Людмила Дмитриевна.

— Бессонница, Людмила Дмитриевна, бессонница, — с грустным вздохом соглашался Прохор Семёнович. — Всю ночь ни на минуту не сомкнул глаз, представьте себе. Всё из-за ревматизма, будь он неладен!

— Ну конечно, конечно, от ревматизма, — сочувственно кивала головой Софья Михайловна. — Да, может, вы просто выспались за день. Вчера вас к телефону просили, так я насилу к вам достучалась в дверь.

— Это точно, вчера я задремал днём, да всё потому, что опять-таки ночью не спал. Сначала ревматизм, а потом опять эта музыка — будь она неладна! — совсем не дала заснуть. Надо будет управдому сказать.

— Что же вы ему скажете? — махнула рукой Софья Михайловна. — Если бы девочка шалила, нарочно шум поднимала, то, конечно, другой разговор, но она ведь учится. Разве может управдом запретить учиться?

— Запрещать и не нужно, но зачем же играть спозаранку, когда люди спят! — проворчал Прохор Семёнович. — Да ладно уж! Всё равно, видать, ничего не поделаешь!

— Почему ничего не поделаешь? Можете обменять жил-площадь, — сказала Софья Михайловна.

— Как же так — обменять? Это просто сказать, Софья Михайловна. Я уж тут и к соседям привык.

— И к новым привыкнете.

— Так-то так,— покачал головой Прохор Семёнович и ничего не сказал больше.

Сначала он и думать не хотел об обмене жилплощади, но всё-таки иногда вспоминал о том, что ему сказали соседки. И вот в один прекрасный день Прохор Семёнович исчез из своей комнаты, а вместо него появился новый жилец, Геннадий Варсонофьевич, по фамилии Моржов, с которым Прохор Семёнович обменялся жилплощадью.

Этот Геннадий Варсонофьевич Моржов был такой же одинокий человек, как и Прохор Семёнович, только гораздо выше ростом и гораздо толще его. Он был крепенький, краснощёкенький и очень здоровый на вид. У него были светлые рыжеватые усики и толстый, тугой, увесистый нос с красноватым отливом. Его небольшие, неопределённого цвета глазки глядели на всех добродушно и даже приветливо. Голос у него был бас, и говорил он так громко, что издали казалось, будто трубит самая большая труба в самом большом оркестре. Смеялся он тоже громко, отрывисто: «Хах-ха!» — так что все от неожиданности вздрагивали, а чихал он и кашлял с такой страшной силой, что в доме перегорали электрические пробки, во всех комнатах гасли лампочки, а в окнах звенели стёкла, и притом он курил крепкие папироски.

В отличие от Прохора Семёновича Геннадий Варсонофьевич любил слушать радио и, как только расставил в своей комнате мебель, сейчас же включил радиорепродуктор и пошёл на кухню знакомиться с соседями.

— Я такой человек,— говорил он им,— я терпеть не могу тишины и больше всего на свете люблю слушать радио. Как только я приезжаю куда-нибудь, например на курорт или в дом отдыха, я сейчас же отыскиваю, где включается радио, и включаю его так, чтобы всем было слышно. Если кто-нибудь выключит, я тут же включаю снова. Его опять выключат, а я обратно включу. В конце концов всем надоест выключать, и радио работает без передышки весь день, с утра и до вечера. А мне толь-

ко этого и надо. Да и остальным хорошо, не так скучно, не правда ли? Хах-ха!

И он засмеялся так громко, что все вздрогнули, а одна хозяйка даже выронила из рук кастрюлю, которую собиралась поставить как раз в этот момент на плиту.

На другой день Геннадий Варсонофьевич Моржов проснулся ни свет ни заря и тут же включил радиорепродуктор на полную мощность. Сила звука была так велика, что музыка проникла не только в соседние комнаты, но и в прихожую, и в коридор, и в ванную, и на кухню. Поэтому, пока Моржов курил свои папироски в прихожей, умывался и чистил зубы в ванной, жарил себе на кухне яичницу, он всё время слушал радио и был очень доволен.

Однако остальным жильцам это не очень понравилось, потому что некоторым хотелось ещё поспать, а какой уж тут может быть сон, если такие звуки! Один жилец, Виталий Сергеевич Холодецкий, который работал на заводе инженером-конструктором, даже высунулся в коридор и, увидев Моржова, сказал:

— Что это вы, соседushка, затеяли слушать радио спозаранку? Люди ведь спят ещё.

— Ничего,— хладнокровно ответил Моржов,— будем вставать уже.

— Да я, может быть, не хочу так рано вставать! Вы бы хоть дверь в свою комнату закрыли!

— А мне, может быть, удобнее, когда дверь открыта!

— А мне, может быть, было бы удобнее взять вашу сковородку да поставить вам на голову! — рассердился Холодецкий.

— А вот это было бы мне уже неудобно,— сухо сказал Геннадий Варсонофьевич и скрылся у себя в комнате вместе со сковородкой, на которой шипела яичница.

Виталий Сергеевич постоял в коридоре, но, убедившись, что Геннадий Варсонофьевич не думает выключать радио, пожал плечами и лёг обратно в постель. Конечно, в тот день ему уже больше не удалось поспать.

Вскоре соседи заметили, что этот осёл, то есть не этот осёл, прошу прощения, а этот человек, вёл себя очень странно. Он никогда ничего не читал: ни газет, ни журналов, ни книг, не ходил ни в кино, ни в театр, ни в музеи, ни в картинные галереи, а только и делал, что слушал радио. Причём по радио он слушал всё: и последние известия, и урок гимнастики, хотя сам гимнастикой не занимался, и детскую передачу, и передачу для женщин. Как оказалось впоследствии, Геннадий Варсонофьевич даже на ночь не выключал репродуктор, и, как только утром радиостанция начинала работать, по всему дому неслись громкие звуки, которые поднимали жильцов с постелей.

— Вы бы хоть на минутку давали отдохнуть своему репродуктору,— говорила Геннадию Варсонофьевичу Людмила Дмитриевна.

— А пусть себе,— добродушно отвечал Геннадий Варсонофьевич.— Кому он мешает? Пусть поговорит, а мы слушаем.

— Так нельзя ли хоть чуточку тише? — просили жильцы.

— Отчего же нельзя! Тише можно,— соглашался Геннадий Варсонофьевич.

Он и на самом деле поворачивал регулятор громкости, чтобы было потише, но через минуту громкоговоритель снова работал на полную мощность. Жильцы были в отчаянии и только разводили руками, не зная, что предпринять, а Виталий Сергеевич выходил из себя и говорил:

— Честное слово, мне неважно больше! Я взялся рассчитать дома для завода одну конструкцию и никак не могу сосредоточиться из-за этого репродуктора. Вот увидите, я пойду к управдому жаловаться.

Однажды, когда его терпение окончательно лопнуло, он действительно помчался в домоуправление. Там как раз в это время уже был один из жильцов. Он хотел приобрести в магазине в рассрочку мебель и пришёл к секретарше за справкой.

Увидев управдома, который сидел за столом у окна, Виталий Сергеевич спросил:

— Товарищ управдом, скажите, пожалуйста, можно шуметь у себя в комнате на всю квартиру и мешать людям спать с шести часов утра?

— Зачем же это вам вдруг понадобилось шуметь на всю квартиру, да ещё с шести утра? — удивился управдом.

— Вы лучше подождите немного,— пошутил жилец, который пришёл за справкой.— Вот построят при коммунизме для всех домá со стенами пятиметровой толщины, тогда и шумите себе на здоровье.

— Научиться внимательно относиться друг к другу гораздо легче, чем делать пятиметровые стены,— откликнулась секретарша.— Я думаю, что при коммунизме у нас все будут сознательными, никто не станет шуметь, и ваши пятиметровые стены никому не понадобятся. А вы, гражданин, постеснялись бы шуметь,— обратилась она к Виталию Сергеевичу.

— Да разве это я шумлю? — удивился Виталий Сергеевич.

— Кто же у вас шумит в таком случае? — спросил управдом.

— Шумит наш новый жилец Геннадий Варсонофьевич, Моржов по фамилии.

— Как же он там шумит, этот ваш Моржов?

— Радио включает в неположенные часы. Прямо никакого спасения нет!

— А вы говорили ему, что так делать нельзя?

— Говорили, да он ничего слушать не хочет. Говорит: мне так удобнее!

— «Удобнее»! — с горькой усмешкой сказал управдом.— Сегодня ему удобнее шуметь на всю квартиру, не считаясь с людьми, а завтра станет удобнее взять чужую вещь или обокрасть ювелирный магазин. С этого «удобнее» всё зло и начинается. Вы не смейтесь,— сказал он, заметив на лице секретарши улыбку.

— Я не смеюсь,— ответила секретарша.— Я как раз уверена, что всё нехорошее начинается с неуважения к людям, от невнимания к ним, от недостатка чуткости.

— Ну хорошо,— сказал управдом, обращаясь к Виталию Сергеевичу.— Я зайду к этому вашему Моржову, поговорю с ним.

В тот же вечер он на самом деле зашёл к Моржову. Поздоровавшись с хозяином и покосившись на стоявший в углу комнаты на небольшом столике репродуктор, из которого вырывались бодрые звуки марша, управдом стащил с головы шапку и приветливо сказал:

— Ну как устроились, Геннадий Варсонофьевич? Поздравляю вас с новосельем!

— Спасибо, устроился хорошо,— пробасил Моржов, улыбаясь во весь рот и разглаживая рукой усы, отчего его глаза приняли какое-то хитроватое выражение.

— Что ж, я вижу, что хорошо,— ответил управдом, оглядываясь по сторонам.

— Что вы сказали? — спросил, не расслышав, Моржов.

— Вижу, что хорошо! — закричал управдом, стараясь заглушить радио.

— А-а,— понимающе протянул Моржов и прокричал в ответ: — Садитесь, будьте как дома!

Управдом присел на диван, положил на колени портфель и шапку и, снова покосившись на репродуктор, спросил:

— Что это, Геннадий Варсонофьевич, радио у вас всегда так громко играет?

— Что? — опять не расслышал Моржов.

— Радио, говорю, всегда так громко играет?! — закричал управдом изо всех сил.

— Всегда! — закричал Моржов.— То есть нет, нет, не всегда! — замахал он руками.— Иногда только!

— Так нельзя ли выключить на минутку?

— Что? — Моржов приложил к уху руку, чтобы лучше слышать.

— Вы-клю-чить на ми-нут-ку! — закричал управдом прямо ему в ухо.

— Ах, выключить! — улыбнулся Геннадий Варсонофьевич. — Зачем же его выключать? Можно сделать потише.

Он отрегулировал громкоговоритель, и музыка стала тише.

— Ну вот, — облегчённо вздохнул управдом, — а то ведь даже себя не слышишь!

— Как вы сказали? Себя не слышишь? Хах-ха-а!

Моржов захохотал так громко, что в соседней комнате заплакал от испуга ребёнок, а управдом от неожиданности вздрогнул и даже забыл на минуту, зачем пришёл. Постепенно он, однако, опомнился и сказал:

— Мне тут, голубчик, соседи жаловались, что вы включаете радио в неположенные часы.

— А разве нельзя?

— Почему же нельзя, голубчик? Можно! Но зачем же так громко?

— Так я же не громко.

— Где же не громко! — возразил управдом. — Вот я к вам из домоуправления шёл, так, поверите ли, на улице слышно.

— Что вы говорите? — удивился Моржов. — На улице слышно? А-хах-ха!

Он схватился руками за живот и захохотал так, что управдом от испуга оторопел и уронил на пол портфель и шапку.

— Ну, не буду, дорогой, больше не буду, — сказал Геннадий Варсонофьевич, бросаясь поднимать с пола портфель и шапку. — Буду теперь играть потихонечку.

Он сунул в руки ошалевшему управдому портфель, нахлобучил ему на голову шапку и выпроводил его из комнаты.

— Теперь всё хорошо будет, — сказал он, открывая перед управдомом входную дверь и слегка подталкивая его в спину. — Так вы говорите — на улице слышно? А-хах-ха-а!

Моржов заржал с такой силой, что у бедного управдома потемнело в глазах, и он стал спускаться по лестнице, спотыкаясь на каждой ступеньке и хватаясь руками за стены.

Как только управдом ушёл, Моржов снова повернул регулятор громкости, и музыка опять загремела в полную силу.

На другой день Виталий Сергеевич опять было побежал жаловаться управдому, но тот сказал:

— Делайте что хотите, но я больше не пойду разговаривать с этим вашим Моржом. Уж очень нехорошо он смеётся. У меня до сих пор мурашки по спине ходят, как только я вспомню этот его дьявольский смех. Видать, этого Моржова не учили в детстве родители, что нужно уважительно относиться к людям, а теперь его перевоспитать трудно.

Вот когда пожалели соседки, что посоветовали бывшему жильцу Прохору Семёновичу обменять свою комнату! Если бы у них остался жить этот безобидный больной старичок, они бы и горя не знали. Убедившись, что теперь уже всё равно ничего поделать нельзя, они кончили тем, что поссорились с Геннадием Варсонофьевичем и перестали с ним разговаривать.

Однако на этом деле пострадали не только соседи, но и наш воробей, который на чердаке жил. Услышав впервые звуки громкоговорителя, Золотой Петушок даже не огорчился.

— Ну, и что ж тут такого? — сказал рассудительно он. — Всё равно Наденька начинает играть спозаранку, а немного больше музыки или немного меньше, какая разница!

Он не учёл в первый момент, что Наденька иногда болела и нет-нет да и давала отдых его бедным, многострадальным ушам. Геннадий же Варсонофьевич Моржов был, как уже сказано, мужчина богатырского телосложения и никогда ничем не болел, разве что кашлем. Как только наш Золотой Петушок убедился, что перерывов в утренней работе радиорепродуктора не предвидится, он принялся страшно возмущаться и хотел даже заявление в домоуправление написать, да так и не собрался, потому что вскорости заболел.

Да, да, заболел! И болезнь к нему привязалась какая-то странная, такая, что даже не поймёшь, что за болезнь — не то кашлять хочется, не то чихать, грудь как-то теснит и ничего делать не хочется: не хочется спать, не хочется есть, ни о чём

думать не хочется, летать тоже не хочется, потому что крыльшками махать лень. Со временем он даже отвык разыскивать для себя еду, а только смотрел: куда остальные воробьи летят, туда и он. Так только и не погиб с голоду.

Весной, когда засияло на небе солнышко, Золотой Петушок было вострепнулся и приободрился. Какое-то радостное чувство, которого он давно уже не испытывал, заиграло в его груди, и он подумал, что жить всё-таки хорошо, несмотря ни на что. Он вспомнил, что пора уже строить гнёздышко, чтобы вывести маленьких птенчиков, как обычно делали все воробьи весной. Вся болезнь как бы соскочила с него, и он почувствовал себя по-прежнему бодрым, здоровым, сильным.

Облюбовав для своего гнезда уютное местечко в застрехе, Золотой Петушок с радостной песней полетел за строительным материалом, то есть за различными прутиками, соломинками, пёрышками, пушинками, из которых воробьи любят сооружать свои гнёзда. И сразу ему посчастливилось. Где-то среди двора он подхватил большой комок мягкой, пушистой, белой, как весеннее облачко, ваты и, взвившись кверху, потащил её к своему гнезду, но коварный весенний ветер выхватил вату прямо из его клюва.

Не успел Золотой Петушок сообразить, что, собственно говоря, произошло, как из-под карниза дома выпорхнул другой воробей, подхватил на лету комок ваты и улетел с ним.

Золотой Петушок был так расстроен своей неудачей, что не полетел за новым строительным материалом, а спрятался у себя в застрехе и от огорчения даже на белый свет не хотел смотреть. Досада душила его с такой страшной силой, что стало трудно дышать.

«Это что же творится такое? — думал Золотой Петушок. — Уже прямо изо рта строительный материал выхватывают! Где же справедливость на свете?»

В этот день он уже не вылезал из-под крыши, не ел ничего, не пил и почувствовал такую слабость, что глазки его сами собой закрывались, а головка свешивалась набок.

Бедный воробей даже не подозревал, что уже давно тяжело болеет, и если бы не прослушал случайно в тот же вечер по радио лекцию одного учёного профессора, то так бы, наверно, и не выздоровел никогда.

Эта лекция, как ни странно на первый взгляд, была о значении гимнастики или простого физического труда для человеческого здоровья. Профессор рассказывал, какое огромное значение для нашего организма имеют нормальный сон, правильное питание и занятие физическим трудом или хотя бы гимнастикой.

Мы часто не обращаем внимания, говорил профессор, на потерю аппетита, бессонницу, недомогание, скверное настроение, забывая, что всё это — признаки заболевания нервной системы, которая управляет всем нашим телом и поэтому имеет огромное значение для здоровья каждого из нас. Для лечения нервной системы необходимо наладить нормальный сон, который даёт отдых нервной системе, и восстановить аппетит, а для налаживания сна и аппетита лучшее средство — заниматься гимнастикой, сказал профессор и объяснил, как нужно делать простейшие гимнастические упражнения.

Прослушав лекцию, Золотой Петушок понял, что его недомогание — не просто дурь или какая-нибудь блажь, а серьёзное заболевание, с которым надо бороться.

В этот вечер Золотой Петушок заснул по привычке поздно, а на другой день его, как обычно, разбудили звуки радио.

Прослушав последние известия и ничего не поняв, так как теперь уже ни о чём, кроме своей болезни, не мог и думать, Золотой Петушок вдруг услышал, как чей-то громкий голос сказал:

— А теперь начинаем урок гимнастики по радио. Приготовьтесь к ходьбе. Сделайте глубокий вдох. И... раз, два, три, четыре!..

Загремела музыка. И вот тут-то Золотому Петушку пришла в голову счастливая мысль.

— Э! — сказал он сам себе. — Да ведь это как раз то, что мне нужно! Займусь-ка и я гимнастикой.

Вспомнив, о чём говорил вчерашний профессор, Золотой Петушок принялся делать простейшие гимнастические упражнения, то есть сначала приподнимался на цыпочках и поднимал крылья кверху, одновременно делая глубокий вдох, после чего опускался на пятки, складывая крылышки на спине и делая выдох. Повторив это упражнение раз пять или шесть, он немножечко отдохнул и перешёл к наклонам корпуса, то есть наклонял туловище вперёд, опускал клюв к самому полу, расставляя при этом крылышки в стороны и делая выдох, после чего выпрямлялся в исходное положение и делал вдох. Это упражнение он тоже проделал раз пять-шесть и перешёл к подскокам и приседаниям, а именно: сначала он приседал, опустив крылышки вниз, потом подскакивал на одной левой ноге, а правую выбрасывал вперёд, после чего опять приседал и снова подскакивал, но уже на правой ноге, а левую выбрасывал вперёд или в сторону, так что со стороны казалось, будто воробей пляшет вприсядку.

Потрепыхавшись таким образом минут десять или пятнадцать, Золотой Петушок почувствовал, что ему вдруг страшно захотелось есть, и он тут же, позабыв о всяких болезнях, полетел разыскивать для себя корм. В этот день он был немного бодрей, голова у него соображала быстрее и он питался лучше обычного. Вечером он слушал радио не до самого конца, а только до десяти часов, после чего заткнул уши ватой и лёг спать. Умный воробей рассчитал, что если его будят утром в шесть часов, то надо ложиться не в двенадцать, а в десять, чтобы на сон оставалось восемь часов, как полагается.

Ночь Золотой Петушок провёл вполне хорошо, а наутро снова принялся за гимнастику. И так у него пошло. Каждое утро он делал зарядку, освоил не только подскоки, наклоны и приседания, но и повороты туловища, упражнения для брюшного пресса, поднятие ног в сидячем положении и, наконец, ходьбу, хотя это было для него наиболее трудное упражнение.

Всем известно, что воробьи от природы не умеют ходить, то есть передвигаться по земле, переставляя попеременно то правую, то левую ногу. Обычно воробьи скачут, отталкиваясь от земли сразу двумя ногами. Однако наш Золотой Петушок освоил всё-таки этот метод и каждый раз заканчивал свои физкультурные упражнения ходьбой, то есть маршировал под музыку по лежащей вдоль чердака деревянной балке.

Не прошло и двух недель, как у нашего воробья восстановились сон и аппетит, а вместе с ними здоровье. Золотой Петушок стал по-прежнему добродушный, жизнерадостный, общительный и весёлый. Теперь он уже не мог даже без смеха вспомнить, как глупо вёл себя раньше. В общем, всё у него вернулось в прежнюю колею, и Золотой Петушок, хотя и с некоторым опозданием, успел всё же в это лето и гнездо построить и птенцов вывести.

Этот случай как нельзя лучше доказывает, что из всякого положения можно отыскать выход.

А вот для Геннадия Варсонофьевича всё кончилось не так чтоб уж очень блестяще. Сначала никто из соседей не хотел разговаривать с ним, и это очень огорчало его. Потом он почувствовал, что ни с того ни с сего начинает вдруг глохнуть. Страшно перепугавшись, он побежал в лечебницу. Врач выслушал его, внимательно осмотрел его уши как снаружи, так и внутри и сказал:

— Это у вас от излишнего шума, голубчик. У вас дома, должно быть, соседи скверные и много шумят. Вам обязательно надо переменить обстановку. Послушайте меня, дорогой, поезжайте куда-нибудь, где не так шумно. Если поживёте полгодика в приличном месте, то есть в тишине, то слух ваш улучшится. Если же будете жить, как до сих пор жили, то оглохнете окончательно.

Бедный Геннадий Варсонофьевич постеснялся признаться врачу, что он попросту сам во всём виноват, но с тех пор стал вести совсем иной образ жизни. Громкоговоритель свой не включал, когда не было нужно, а если включал, то совсем

потихонечку; когда кашлял или чихал, прикрывал рот платочком, чтоб не так громко было. Все жильцы очень скоро обратили внимание на перемену в его характере. Они снова стали разговаривать с ним и уже смотрели на него не сердито, а очень приветливо. А когда узнали, что шум для него вреден, то стали создавать вокруг него тишину: разговаривали между собой шёпотом, ходили на цыпочках и забивали в стены гвозди, только когда его дома не было.

Словом, все так хорошо заботились о здоровье Геннадия Варсонофьевича, что слух у него начал улучшаться, и даже появилась надежда, что со временем восстановится совсем.

Впоследствии, когда было изобретено телевидение, Геннадий Варсонофьевич купил себе телевизор. Вернувшись домой с работы, он обычно включал телевизор так, чтобы звук был совсем потихоньку слышен, и, усевшись поближе к экрану, смотрел, пока шла передача.

Все жильцы беспокоились, как бы он не испортил себе зрение, и нарочно заходили к нему поболтать о том о сём, чтоб хоть на некоторое время отвлечь его от телевизора.

Да, братцы, что ни говорите, а всё-таки хорошие люди у нас живут!

А для Наденьки вся эта история тоже кончилась очень благополучно. Мама вскорости убедилась, что нет смысла заставлять девочку учиться музыке, раз у неё нет призвания к этому делу. На следующую осень она забрала Наденьку из музыкальной школы, и с тех пор Наденька училась в обыкновенной школе. Кроме того, мама разрешила ей записаться в кружок кройки и шитья при Доме пионеров.

Когда Наденька окончила семь классов, она пошла в ремесленное училище, а потом в техникум, а когда окончила техникум, поступила работать на одежную фабрику. И такая она хорошая оказалась мастерица, что слава о ней разнеслась по всему городу. Года через два или три её даже пригласили на работу в драматический театр, чтобы шить там костюмы, в которых актёры представляют на сцене. В театре ведь всегда

требуются опытные портные, так как там приходится шить не только обычные костюмы, в которых люди ходят теперь, но и такие, которые носили в прошлые времена, а все актёры, как это известно, очень любят представлять пьесы из прошлых времён.

Наденька с большим удовольствием работала в драматическом театре, но её всё же почему-то тянуло туда, где куклы. В конце концов она бросила это занятие и пошла работать в кукольный театр, хотя ей платили там чуть ли не вдвое меньше, чем на прежнем месте. В кукольном театре она шила для кукол новые красивые платья, а потом и сама стала мастерить для спектаклей новые куклы. Увлёкшись работой, она даже стала выступать со своими куклами на сцене. Каждый ведь знает, что в кукольном театре куклы сами не могут ни двигаться, ни говорить. Их двигают и за них говорят люди, то есть актёры или актрисы.

Наденька так ловко управляла своими куклами и говорила за них с таким умением, что всем казалось, будто куклы сами собой двигаются и говорят. Даже больше того, куклы у неё не просто двигались и говорили, а переживали все чувства — и радовались от счастья, и страдали от горя, и волновались, и сердились, и смеялись, и плакали. И всё это у них получалось так естественно, что зрители, глядя на них, тоже смеялись и плакали и приходили в восторг.

Все увидели, что Наденька замечательная актриса, и ей присвоили звание заслуженной артистки республики. Теперь её все знают.

Фамилия этой артистки... впрочем, фамилии я не скажу. Наденька согласилась, чтоб я рассказал о ней всё, что знаю, но взяла с меня обещание не называть её фамилию. Она считает, что зрителям кукольного театра не следует знать ни артиста, ни его фамилию. Зрители должны воображать, что куклы сами играют на сцене, будто живые. Если же зрители начнут думать, что за кукол играют люди, то всякое очарование пропадёт и спектакль потеряет всю свою силу. Мне почему-

то кажется, что это не совсем так, но поскольку я обещание дал, то должен исполнить.

Мне, конечно, очень приятно, что у меня есть знакомая заслуженная артистка.

Я иногда захожу к ней в гости по старой памяти, она угощает меня чаем с печеньем, а иногда даже с пирожным и рассказывает разные интересные случаи из своей жизни.

— Скажите,— спросил я её однажды,— вот вы не захотели учиться музыке в детстве и, конечно, ничего не потеряли, потому что стали знаменитой артисткой. Но если все дети по вашему примеру будут отказываться учиться играть на пианино, не переведутся ли музыканты на свете?

В ответ на это Наденька рассмеялась так громко, словно я сморозил какую-то чепуху.

— Думаю, что такая беда нам пока не грозит,— сказала она.— Ребёнок, у которого есть способности к музыке, всегда будет учиться с охотой. Он сам будет стремиться стать музыкантом, и его не остановят никакие препятствия. Но вы всё-таки ошибаетесь, если на самом деле думаете, что я ничего не потеряла, отказавшись учиться музыке.

— Да, да, конечно,— поспешил согласиться я.— Теперь вы артистка, а артистке полезно уметь играть.

— Нет, вовсе не потому,— возразила Наденька.— Для моих кукол вовсе не нужно, чтобы я играла на пианино. Я хочу сказать, что музыка нужна каждому. Бывают минуты, когда человеку хочется петь, играть, танцевать, читать наизусть стихи, и он чувствует себя очень несчастным, если не может этого делать.

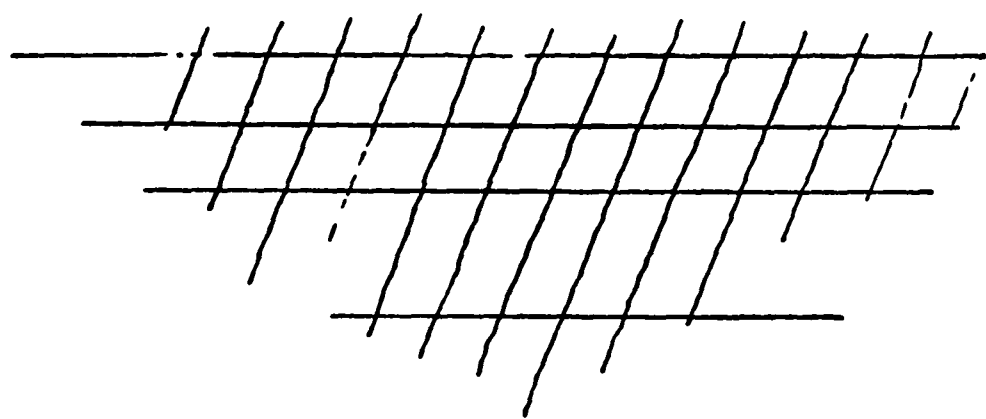
Вот какие разговоры у нас были с Наденькой. Всего, конечно, не перескажешь. Теперь надо рассказать про Наденькиных маму и папу. Наденькины мама и папа в конце концов успокоились и теперь вполне довольны своей судьбой. Теперь они стали совсем старенькими старичком и старушкой. Они часто ходят в кукольный театр, смотрят кукольные представления и очень гордятся своей дочкой.

— Что ж,— говорят они,— из неё не вышла знаменитая музыкантша, это верно, зато артистка получилась хорошая. В конце концов, ведь не так важно, кем будешь: важно трудиться, приносить людям пользу, а не копить, как говорится, небо без толку.

И это, конечно, правда!

Повести

ВЕСЁЛАЯ СЕМЕЙКА

ВАЖНОЕ РЕШЕНИЕ

Это случилось после того, как взорвалась паровая машина, которую мы с Мишкой делали из консервной банки. Мишка слишком сильно нагрел воду, банка лопнула, и горячим паром ему обожгло руку. Хорошо, что Мишкина мама тут же намазала ему руку нафталановой мазью. Это очень хорошее средство. Кто не верит, пусть сам попробует. Только мазать нужно сейчас же, как обожжёшься, пока не сошла кожа.

После того как машина лопнула, Мишкина мама запретила нам с ней возиться и выбросила её в мусорный ящик. Пришлось нам некоторое время слоняться без дела. Скука была смертельная. Началась весна. Снег таял повсюду. По улицам журчали ручьи. Солнышко уже по-весеннему светило в окна. Но ничто нас не радовало. Такой уж у нас с Мишкой характер — нам обязательно нужно какое-нибудь занятие. Когда

нечего делать, мы начинаем скучать и скучаем до тех пор, пока не находим какого-нибудь дела.

Один раз я прихожу к Мишке, а он сидит за столом, носом уткнулся в какую-то книгу, голову обхватил руками и ничего на свете, кроме этой книги, не видит и даже не замечает, что я пришёл. Я нарочно хлопнул погромче дверью, чтобы он обратил на меня внимание.

— А, это ты, Николадзе! — обрадовался Мишка.

Он никогда не называл меня по имени. Вместо того чтобы сказать просто «Коля», он называет меня то Никола, то Микола, то Микула Селянинович, то Миклухо-Маклай, а один раз даже стал называть по-гречески — Николаки. Словом, что ни день, то новое имя. Но я не обижаюсь. Пусть себе зовёт, если ему так нравится.

— Да, это я,— говорю я.— А что это у тебя за книжка? Чего ты в неё вцепился, как клещ?

— Очень интересная книга,— говорит Мишка.— Я её сегодня утром в газетном киоске купил.

Я посмотрел: на обложке — петух и курица и написано «Птицеводство», а на каждой странице — какие-то курятники и чертежи.

— Что же тут интересного? — говорю я.— Это какая-то научная книжка.

— Вот и хорошо, что научная. Это тебе не какие-нибудь сказки. Тут всё правда. Это полезная книга.

Мишка такой человек — ему обязательно надо, чтоб от всего была польза. Когда у него бывают лишние деньги, он идёт в магазин и покупает какую-нибудь полезную книжку. Один раз он купил книгу, которая называется «Обратные тригонометрические функции и полиномы Чебышева». Конечно, он ни слова в этой книжке не понял и решил прочитать её потом, когда немножко поумнеет. С тех пор эта книга лежит у него на полке — ждёт, когда он поумнеет.

Мишка отметил страницу, на которой читал, и закрыл книжку.

— Тут, брат, про всё есть,— сказал он,— как разводить кур, уток, гусей, индюков.

— Уж не собираешься ли ты разводить индюков? — спросил я.

— Нет, что ты! Просто интересно почитать про это. Оказывается, можно устроить такую машину — инкубатор, и цыплята сами будут выводиться, без курицы.

— Кто же этого не знает! — говорю я.— В прошлом году я был с мамой в колхозе и видел инкубатор. Там цыплята выводились каждый день штук по пятьсот или по тысяче. Их насилу успевали вынимать из инкубатора.

— Что ты говоришь! — удивился Мишка.— А я раньше не знал об этом. Я думал, что цыплят всегда высиживает курица. Когда мы жили в деревне, я видел, как наседка высиживает цыплят.

— Я тоже видел наседку. Но инкубатор гораздо лучше. Под наседку положишь десяток яиц — и всё, а в инкубаторе можно заложить сразу тысячу.

— Я знаю,— говорит Мишка.— Здесь про это написано. И потом, пока курица сидит на яйцах и воспитывает цыплят, она не несёт яиц, а если цыплят высиживает инкубатор, курица всё время несётся, и яиц получается гораздо больше.

Мы стали высчитывать, сколько лишних яиц получится, если все куры не станут высиживать цыплят, а вместо этого будут нести яйца. Оказалось, что курица высиживает цыплят двадцать один день, потом она выращивает маленьких цыплят, так что пройдёт три месяца, прежде чем она снова начнёт нестись.

— Три месяца — это девяносто дней,— сказал Мишка.— Если бы курица не высиживала цыплят, она смогла бы снести за год на девяносто яиц больше. В каком-нибудь маленьком хозяйстве, где всего десять кур, за год получилось бы на девятьсот яиц больше. А если взять такое хозяйство, как колхоз или совхоз, где на птицеферме тысяча кур, то там получится на девяносто тысяч больше яиц. Подумать только — на девяносто тысяч!

Мы долго рассуждали о том, какая польза получается от инкубатора. Потом Мишка сказал:

— А что, если нам самим сделать маленький инкубатор, чтоб в нём вывелись из яиц цыплята?

— Как же мы это сделаем? — говорю я. — Ведь это всё надо знать, как делать.

— Ничего хитрого нет, — говорит Мишка. — В книжке тут всё написано. Главное, чтобы яйца нагревались ровно двадцать один день подряд, и тогда из них выведутся цыплята.

Мне вдруг очень захотелось, чтоб у нас были маленькие цыплята, потому что я очень люблю всяких птиц и зверей. Осенью мы с Мишкой даже записались в кружок юннатов и работали в живом уголке, а потом Мишка придумал делать эту паровую машину, и мы перестали ходить на кружок. Витя Смирнов, который был у нас старостой, сказал, что вычеркнет нас из списка, если мы не будем работать, но мы сказали, что будем, и он не вычеркнул.

Мишка принялся рассказывать, как будет хорошо, когда у нас выведутся маленькие цыплята.

— Они будут такие хорошенькие! — говорил он. — Можно будет отгородить им угол на кухне, и пусть они там живут, а мы будем кормить их и ухаживать за ними.

— Но ведь придётся три недели возиться, пока они выведутся! — говорю я.

— Чего возиться? Сделаем инкубатор — они и выведутся. Я задумался.

Мишка с беспокойством поглядывал на меня. Я видел, что ему очень хочется взяться поскорее за дело.

— Ну ладно! — говорю я. — Делать нам всё равно нечего, попробуем.

— Я так и знал, что ты согласишься! — обрадовался Мишка. — Я и сам взялся бы за это дело, да мне без тебя скучно.

НЕОЖИДАННОЕ ПРЕПЯТСТВИЕ

— Давай не будем делать инкубатор, а положим яйца в кастрюлю и поставим на печку,— предложил я.

— Что ты, что ты! — замахал Мишка руками.— Печка остынет, и тогда всё пропало. В инкубаторе должна быть всё время одинаковая температура — тридцать девять градусов.

— Почему тридцать девять?

— Потому что такая температура бывает у курицы, когда она сидит на яйцах.

— Разве у курицы бывает температура? — говорю я.— Температура бывает у человека, когда он болен.

— Много ты понимаешь! Температура есть у каждого человека — и у больного и у здорового, только у больного она повышается.

Мишка раскрыл книгу и стал показывать чертежи:

— Вот смотри, как настоящий инкубатор устроен. Здесь — бак с водой. От бака проведена трубка к ящику с яйцами. Внизу бак нагревается. Нагретая вода проходит по трубке и обогревает ящик с яйцами. Здесь вот градусник, чтоб можно было следить, какая температура.

— Постой,— говорю я,— где же мы возьмём бак?

— А зачем нам бак? Вместо бака возьмём консервную банку. Ведь нам небольшой инкубатор надо.

— А чем нагревать? — спрашиваю я.

— Нагревать можно керосиновой лампой. У нас где-то в сарае есть старая керосиновая лампа.

Мы пошли в сарай и стали рыться в куче рухляди, которая лежала в углу. Тут были старые ботинки, калоши, сломанный зонтик, очень хорошая медная трубка, множество бутылок и старых консервных банок. Мы перерыли всю кучу, но лампы там не было, а потом я увидел, что она стояла вверху на полке. Мишка полез и достал её. Лампа вся была покрыта пылью, но стекло было цело, а внутри оказался даже фитиль. Мы обрадовались, взяли лампу и медную трубку, выбрали хорошую, большую консервную банку и потащили всё это на кухню.

Сначала Мишка вычистил лампу, налил в неё керосину и попробовал зажечь. Лампа горела исправно. Фитилёк можно было подкручивать и делать пламя то больше, то меньше.

Мы потушили лампу и принялись мастерить инкубатор. Первым делом мы сколотили из фанеры большую коробку, чтобы в неё поместить штук пятнадцать яиц. Эту коробку мы выложили внутри ватой, а поверх ваты обили ещё войлоком, чтобы яйцам было теплей. Сверху к коробке приделали крышку с дырочкой. В эту дырочку просунули градусник, чтобы следить за температурой.

После этого мы приступили к устройству нагревательного аппарата. Взяли консервную банку, просверлили в ней два круглых отверстия: одно — вверху, другое — внизу. К верхнему отверстию припаяли медную трубку, потом проделали в инкубаторе сбоку дырочку, просунули в неё трубку и согнули её так, чтобы она проходила внутри коробки, как будто паровое отопление. Конец трубки мы вывели наружу и припаяли к нижнему отверстию консервной банки.

Теперь нужно было устроить так, чтобы банку можно было нагревать снизу лампой. Мишка принёс на кухню фанерный ящик. Мы поставили его стоймя, прорезали в верхней стенке ящика круглую дырку и установили инкубатор так, чтобы консервная банка находилась как раз над дыркой. Лампу мы поставили в ящик снизу, чтоб она могла нагревать банку.

Наконец всё было сделано. Мы налили в банку воды и зажгли лампу. Вода в банке начала нагреваться. Она проходила по трубке и нагревала наш инкубатор.

Ртуть в градуснике стала подниматься и постепенно дошла до тридцати девяти градусов. Она, наверно, поднялась бы и выше, но тут пришла Мишкина мама.

— Почему керосином воняет? Что вы тут делаете? — спросила она.

— Инкубатор,— говорит Мишка.

— Какой инкубатор?

— Ну, чтоб цыплята вывелись.

— Какие ещё цыплята?

— Ну какие... Обыкновенные. Сюда, понимаешь, кладутся яйца, а вот тут, понимаешь, лампа...

— А лампа зачем?

— Как же по-твоему? Без лампы?

— Нет, ты уж, пожалуйста, это оставь! Лампочка опрокинется, керосин загорится.

— Не загорится. Мы будем смотреть.

— Нет, нет! Что это ещё за игрушка с огнём! Мало тебе, что кипятком обварился, ещё хочешь пожар устроить?

Как ни просил Мишка маму, она не разрешила нам жечь керосиновую лампу.

— Вот тебе и вывели цыплят! — сказал Мишка с досадой.

ВЫХОД НАЙДЕН

В эту ночь я долго не мог заснуть.

Целый час я лежал в постели и думал об инкубаторе. Сначала я хотел попросить мою маму, чтоб она разрешила нам жечь керосиновую лампу, но потом понял, что и моя мама не позволит нам возиться с огнём, так как она очень боится пожара и всегда прячет от меня спички. К тому же Мишкина мама отняла у нас керосиновую лампу и ни за что не отдала бы обратно. Все давно уже спали, а я думал об этом и никак не мог заснуть.

Вдруг в мою голову пришла очень хорошая мысль: «А что, если нагревать воду на электрической лампочке?»

Я потихоньку встал, зажёл настольную лампу и приложил к ней палец, чтобы узнать, много ли от электрической лампочки получается тепла. Лампочка быстро нагрелась, так что палец невозможно стало держать. Тогда я снял со стены градусник и прислонил к лампочке.

Ртуть быстро поднялась и упёрлась в верхний конец, так что на градуснике не хватило даже делений. Значит, тепла получалось много.

Я успокоился и повесил градусник на место. Впоследствии, через некоторое время, мы обнаружили, что этот градусник стал врать и показывать неправильную температуру. Когда в комнате было прохладно, он почему-то показывал градусов сорок жары, а когда становилось теплей, ртуть забиралась на самый верх и торчала там до тех пор, пока её не стряхивали. Меньше тридцати градусов жары он никогда не показывал, так что мы даже зимой могли бы прожить без отопления, если бы он не врал. Может быть, это случилось оттого, что я прикладывал градусник к лампе? Не знаю.

На другой день я рассказал о своей выдумке Мишке.

Когда мы вернулись из школы, я выпросил у мамы старую настольную лампу, которая стояла у нас в шкафу, и мы решили попробовать нагревать воду электричеством. Мы поставили настольную лампу вместо керосиновой в ящик, а чтобы лампочка была поближе к банке с водой и лучше нагревала её, Мишка подложил под неё несколько книжек. Я включил электричество, и мы стали следить за градусником. Сначала ртуть в градуснике долго стояла на месте, и мы даже стали бояться, что у нас ничего не выйдет. Потом электрическая лампочка постепенно нагревала воду, и ртуть начала медленно подниматься кверху.

Через полчаса она поднялась до тридцати девяти градусов. Мишка от радости захлопал в ладоши и закричал:

— Ура! Вот она, настоящая куриная температура!.. Оказывается, электричество не хуже керосина.

— Конечно,— говорю,— не хуже. Электричество ещё даже лучше, потому что от керосина может случиться пожар, а от электричества ничего не получится.

Тут мы заметили, что ртуть в градуснике полезла выше и поднялась до сорока градусов.

— Стой!—закричал Мишка.—Стой! Смотри, куда она лезет!

— Надо как-нибудь остановить её,— говорю я.

— А как её остановишь? Если бы это была керосиновая лампа, можно было бы подкрутить фитилёк.

— Какой же тут фитилёк, когда это электричество!

— Никуда оно не годится, твоё электричество! — рассердился Мишка.

— Почему моё электричество? — обиделся я. — Оно такое же моё, как и твоё.

— Но это ведь ты выдумал нагревать электричеством. Смотри, уже сорок два градуса! Если так пойдёт, то все яйца сварятся и никаких цыплят не получится.

— Пстой,— говорю я. — По-моему, надо лампочку опустить ниже, тогда она станет слабей нагревать воду и температура понизится.

Мы вытащили из-под лампы самую толстую книжку и стали смотреть, что будет. Ртуть медленно поползла вниз и опустилась до тридцати девяти градусов. Мы облегчённо вздохнули, и Мишка сказал:

— Ну, теперь всё в порядке. Можно начинать выводить цыплят. Сейчас я попрошу у мамы денег, а ты беги домой и тоже попроси денег. Мы сложимся вместе и купим в магазине десяток яиц.

Я побежал поскорей домой и стал просить у мамы денег на яйца.

Мама никак не могла понять, зачем мне понадобились яйца. Насилу я растолковал ей, что мы устроили инкубатор и хотим вывести цыплят.

— Да у вас ничего не выйдет,— сказала мама. — Шуточное ли дело — вывести без наседки цыплят! Вы только время потеряете даром.

Но я не отставал от мамы и всё просил.

— Ну хорошо,— согласилась мама. — А где же вы хотите покупать яйца?

— В магазине,— говорю я. — Где же ещё?

— Яйца из магазина для такого дела не годятся,— говорит мама. — Для цыплят нужны самые свежие яйца, которые курица недавно снесла, а из тех яиц, которые долго лежали, цыплята уже не выводятся.

Я вернулся к Мишке и рассказал ему об этом.

— Ах я разиня! — говорит Мишка. — Ведь и в книжке об этом написано. Совсем забыл!

Мы решили поехать на другой день в деревню к тётё Наташе, у которой мы жили в прошлом году на даче. У тётё Наташи свои куры, и мы были уверены, что достанем у неё самых свежих яиц.

НА ДРУГОЙ ДЕНЬ

Вот как смешно получается в жизни! Ещё вчера мы и не думали никуда ехать, а на другой день мы уже сидели в поезде и катили в деревню к тётё Наташе. Нам хотелось поскорей привезти яиц и начать выводить цыплят. Поезд, как нарочно, тащился черепашьим шагом, и дорога нам показалась ужасно длинной. Это всегда так бывает: когда спешишь, то всё, как будто назло, делается медленно. Мы с Мишкой нервничали и боялись, что тётя Наташа куда-нибудь уйдёт и мы не застанем её дома.

Но всё обошлось благополучно. Тётя Наташа оказалась дома. Она очень обрадовалась нам и даже подумала, что мы уже приехали к ней на дачу.

— Да ведь у нас ещё каникулы не начинались, — говорит Мишка.

— Мы по делу приехали, — говорю я, — за яйцами.

— За какими яйцами?

— Ну, за обыкновенными, за куриными. Нам нужны свежие куриные яйца.

— Только и всего? — сказала тётя Наташа. — Неужели в городе негде купить яиц?

— Конечно, негде, — говорит Мишка. — Яйца-то в магазине есть, только они все несвежие.

— Как — несвежие? Не может быть, чтоб в магазинах продавали несвежие яйца!

— Почему же не может быть? — говорит Мишка. — Вот как только курица снесёт яйцо, ведь его не везут сейчас же в магазин, правда?

— Правда.

— Вот то-то и есть! — обрадовался Мишка. — Яйца собирают, чтоб получилось сразу много; может быть, целую неделю собирают, а то и две, и только тогда везут в магазин.

— Ну и что же? — говорит тётя Наташа. — Не могут же яйца за две недели испортиться.

— Как — не могут? У нас в книжке ясно написано, что если яйца пролежали больше десяти дней, то из них уже цыплята не выводятся.

— Цыплята — это другое дело, — сказала тётя Наташа. — Для цыплят нужны самые свежие яйца, а в пищу годятся яйца, которые лежали и месяц и два... Вы ведь не собираетесь выводить цыплят?

— Почему не собираемся? Мы как раз собираемся. Затем и приехали, — говорю я.

— Как же вы будете их выводить? — спрашивает тётя Наташа. — Для этого ведь наседка нужна.

— А мы без наседки — мы инкубатор сделали.

— Инкубатор сделали? Вот чудеса! Да зачем вам инкубатор понадобился?

— Ну, чтоб цыплят выводить.

— А цыплята зачем?

— Так просто, — говорит Мишка. — Без цыплят как-то скучно... У вас тут небось всё есть: куры, гуси, коровы, свиньи, а у нас ничего нет.

— Потому что у нас тут деревня. А в городе кто же станет коров держать?

— Ну, коров, конечно, никто не станет, а вот мелкую какую-нибудь скотину, наверно, можно.

— В городе и с мелкой скотиной замучишься! — засмеялась тётя Наташа.

— Почему — замучишься? — говорит Мишка. — У нас в до-

ме один человек живёт и держит птиц. У него в клетках разные птицы живут: чижики, канарейки, щеглы и даже скворцы.

— Ну, так у него птицы в клетках сидят. Разве вы станете держать цыплят в клетках?

— Нет, цыплят можно держать просто на кухне. Уж мы подыщем им хорошее место. Только вы дайте нам самых хороших яиц, самых что ни на есть свежих, потому что из плохих яиц цыплята не выведутся.

— Дам, дам,— сказала тётя Наташа.— Уж я знаю, какие вам яйца нужны: такие, что под наседку кладут. У меня недавно занеслись куры, так что яйца будут самые свежие.

Тётя Наташа пошла на кухню и отобрала полтора десятка яиц. Все они были как на подбор: чистенькие, беленькие, без единого пятнышка. Сразу видно, что самые свежие. Она положила яйца в корзинку, которую мы привезли с собой, а сверху накрыла тёплым платком, чтоб они не простудились в дороге.

— Желаю вам успеха! — сказала тётя Наташа.

На дворе уже стало темнеть, и мы с Мишкой поспешили обратно на станцию.

Домой мы вернулись в двенадцатом часу ночи. Мама принялась бранить меня за то, что я задержался так поздно. Мишке тоже досталось от его мамы. Но это всё ничего! Досаднее всего было то, что в этот день мы уже не могли начать выводить цыплят. Пришлось это дело отложить на завтра.

НАЧАЛО

На другой день, вернувшись из школы, мы принесли на кухню корзину и уложили яйца в инкубатор. Места оказалось достаточно, даже ещё немного осталось.

Мы накрыли инкубатор крышкой, вставили в отверстие градусник и уже хотели зажечь лампу, но тут Мишка сказал:

— Надо подумать, всё ли мы правильно сделали. Может быть, сначала надо нагреть инкубатор, а потом класть в него яйца?

— Вот этого я уж не знаю,— говорю я.— Надо почитать. Наверно, в книге написано.

Мишка взял книгу и стал читать. Читал, читал, потом говорит:

— Ты знаешь: мы чуть не задушили их!

— Кого?

— Яйца. Они, оказывается, живые.

— Что ты! Яйца живые? — удивился я.

— Правда, правда! Вот почитай: «Яйца — это живые существа. Только жизнь незаметна в них. Она как будто дремлет внутри яйца. Но, если яйцо начать нагревать, жизнь пробуждается, и внутри яйца станет развиваться зародыш, который постепенно превращается в маленького птенца. Как и все живые существа, яйца дышат...» Понял? Мы с тобой дышим, и яйца дышат.

— Сказки! — говорю я.— Мы с тобой дышим ртом, а яйца чем дышат? Где у них рот?

— Мы с тобой дышим не ртом, а лёгкими,— говорит Мишка.— Воздух попадает к нам в лёгкие через рот, а яйца дышат прямо через скорлупу. Воздух проходит сквозь скорлупу, и они дышат.

— Ну и пусть себе дышат,— говорю я.— Разве мы не даём им дышать?

— Да как же они могут дышать в коробке? Ведь при дыхании выделяется углекислый газ. Если ты залезешь в коробку и тебя в ней закрыть, то от твоего дыхания в коробке накопится много углекислого газа, и ты задохнёшься.

— Зачем же я полезу в коробку? Очень мне нужно задыхаться! — говорю я.

— Конечно, ты не полезешь... А яйца-то мы куда кладём? В коробку. Вот они и задохнутся в коробке.

— Что же нам делать?

— Надо устроить вентиляцию,— говорит Мишка.— В настоящих инкубаторах всегда делают вентиляцию.

Мы осторожно вынули из коробки все яйца и сложили

их в корзину. Потом Мишка принёс сверло и провертел в инкубаторе несколько маленьких дырочек, чтобы углекислый газ мог выходить наружу.

Когда всё было сделано, мы уложили яйца обратно в коробку и снова накрыли крышкой.

— Пстой,— говорит Мишка.— Мы ведь так и не узнали, что нужно сделать сначала: нагреть инкубатор или положить яйца.

Он снова принялся читать книжку. Потом говорит:

— Опять у нас чепуха получается. Тут написано, что в инкубаторе должен быть влажный воздух, потому что если воздух будет сухой, то из яиц сквозь скорлупу будет испаряться много жидкости и зародыши могут погибнуть. В инкубатор всегда помещают сосуды с водой. Вода испаряется из сосудов, и воздух становится влажным.

Мы снова вынули из инкубатора яйца и решили поставить в него два стакана с водой. Но стаканы оказались слишком высокими, и крышка не закрывалась. Мы стали искать какую-нибудь другую посуду, но ничего подходящего не было. Тут Мишка вспомнил, что у его младшей сестрёнки Майки есть игрушечная деревянная посуда, и говорит:

— Может быть, взять у Майки чашки от этой посуды?

— Верно! — говорю я.— Тащи!

Мишка разыскал Майкину посуду и взял четыре деревянные чашки. Они оказались подходящими. Мы налили в них воды и поставили в инкубатор — в каждый угол по чашке — и стали укладывать яйца. Но теперь чашки заняли место, и все яйца не помещались. Укладывалось только двенадцать яиц, а три яйца никак не помещались.

— Ну ладно,— говорит Мишка.— Хватит с нас двенадцати цыплят. Куда нам больше? На них одного корма сколько понадобится.

Тут пришла Майка, увидела у нас свои чашки и подняла крик.

— Послушай,— говорю я,— мы ведь не навсегда берём.

Через двадцать один день отдадим обратно, а за это, если хочешь, подарим тебе три яйца.

— Зачем мне яйца? Они пустые!

— Нет, не пустые. Они с желтком и с белком — всё как следует.

— Если б они с цыплятами были!

— Ну, мы подарим тебе одного цыплёнка, когда выведутся.

— А не обманете?

— Нет, не обманем.

Майка согласилась, и мы её выпроводили.

— Теперь иди себе, — говорим, — нам надо заниматься делом. Мы тут и без тебя не разберёмся, с чего начинать: то ли положить в инкубатор яйца, а потом нагревать, то ли сначала нагреть, а потом положить.

Мишка снова засел за книжку и вычитал, что можно делать и так и так.

— Тогда включай электричество, и приступим к делу, — говорю я.

— Даже как-то приступать страшно, — говорит Мишка. — Включай лучше ты: я несчастливый.

— Почему же это ты такой несчастливый?

— Мне не везёт в жизни. Я за какое дело ни возьмусь, обязательно неудача будет.

— У меня ведь тоже всегда неудачи, — говорю я.

Мы стали припоминать разные случаи из нашей жизни, и оказалось, что мы оба страшные неудачники.

— Нельзя нам начинать такое дело, — говорит Мишка, — всё равно ничего не выйдет.

— Может быть, позвать Майку? — предложил я.

Мишка позвал Майку:

— Слушай, Майка, ты счастливая?

— Счастливая.

— У тебя какие-нибудь неудачи были в жизни?

— Не было.

— Вот это хорошо! Видишь в ящике лампочку, которая стоит на книжках?

— Вижу.

— Ну-ка, подойди и поверни выключатель.

Майка подошла к инкубатору и зажгла лампу.

— А теперь что? — спрашивает.

— А теперь, — говорит Мишка, — уходи-ка отсюда и не мешай нам.

Майка обиделась и ушла. Мы поскорее накрыли инкубатор крышкой и стали следить за градусником. Сначала ртуть в градуснике стояла на восемнадцати градусах, потом медленно стала двигаться вверх, добралась до двадцати градусов, полезла немножко быстрее, добралась до двадцати пяти градусов, потом — до тридцати, потом стала двигаться медленнее. За полчаса она поднялась до тридцати шести градусов и застыла на месте. Я положил под лампу ещё одну книжку, и ртуть снова начала подниматься. Она долезла до тридцати девяти градусов, но не остановилась на месте, а полезла ещё выше.

— Стоп! — сказал Мишка. — Смотри: сорок градусов! Ты слишком толстую книжку подложил.

Я поскорее вынул эту книжку и подложил другую, потоньше.

Ртуть в градуснике постояла на месте и начала опускаться. Опустилась до тридцати девяти градусов и поехала ещё ниже.

— А эта книжка слишком тонкая, — говорит Мишка. — Сейчас я тетрадку принесу.

Он быстро принёс тетрадь и сунул её под лампу. Ртуть стала опять подниматься, дошла до тридцати девяти градусов и остановилась.

Мы не отрываясь смотрели на градусник. Ртуть спокойно стояла на месте.

— Ну вот, — прошептал Мишка, — теперь такая температура должна держаться двадцать один день. Удержим?

— Удержим, — говорю я.

— Смотри, если не удержим, то всё пропало.

— Почему не удержим? Удержим!

Мы сидели возле инкубатора до конца дня. Даже уроки стали делать на кухне. Градусник всё время исправно показывал тридцать девять градусов.

— Хорошо идёт дело! — радовался Мишка. — Если всё обойдётся благополучно, то через двадцать один день у нас будут цыплята. Целых двенадцать штук. Весёлая будет семейка!

ТЕМПЕРАТУРА ПАДАЕТ

Не знаю, как остальные ребята, но я в воскресенье люблю подольше поспать. В школу не нужно идти, спешить некуда. Раз в неделю можно поваляться в постели. Ничего плохого в этом нет, я думаю. Как раз на другой день было воскресенье, но я почему-то проснулся рано. Солнышко ещё не взошло, но на дворе уже было светло. Я решил полежать ещё немного и вдруг вспомнил про инкубатор. Меня как будто подбросило на постели.

Я быстро оделся, побежал к Мишке и принялся звонить у двери. Мишка сейчас же отворил дверь и зашипел на меня:

— Тссс! Всех перебудишь! Утро, а он тут трезвонит как угорелый.

Он был ещё не одет: в нижней рубашке и босиком.

— Но ведь ты уже встал? — говорю я.

— «Встал»! — буркнул Мишка. — Ещё и не ложился.

— Почему?

— Да всё из-за него, из-за инкубатора.

— А что с ним случилось?

— Да всё падает.

— Почему же он падает? Мы ведь его прочно установили.

— Да не инкубатор падает, голова! Температура, говорю, падает.

— А температура почему падает? — спрашиваю я у Мишки.

— Спроси у неё! Я лёг спать, всё было в порядке, только я долго не мог заснуть. Всё лежал и мечтал о цыплятах. Потом думаю: «Дай-ка пойду посмотрю, как там инкубатор работает». Прихожу на кухню, смотрю... Батюшки-матушки — тридцать восемь с половиной градусов! Я поскорей подложил под лампу ещё одну тетрадку. Подождал. Температура поднялась до тридцати девяти градусов. «Ну, думаю, хорошо, что я не заснул, а то погибли бы наши цыплята». Решил посмотреть, что дальше будет. Сижу, значит, жду. Час, значит, жду, два жду — температура нормальная держится. Мне надоело, понимаешь, без дела сидеть. Взял я книжку и стал читать потихоньку. Зачитался и забыл про градусник. Вдруг смотрю — снова тридцать восемь с половиной градусов. Опять на полградуса упала! Я скорее ещё одну тетрадку под лампу. Температура опять выровнялась. Вот видишь, сейчас пока держится, а что дальше будет, не знаю.

— Ты теперь ложись спать, а я пока подежурю у инкубатора, — предложил я.

— Куда теперь спать! — говорит Мишка. — Уже на дворе утро.

Он вернулся потихоньку в комнату, принёс свою одежду и принялся одеваться. Надел брюки, рубашку, зашнуровал ботинки, потом лёг на кушетку и захрапел. «Ну, — думаю, — пусть поспит. Человек ведь не может так, чтоб совсем не спать». Я уселся возле инкубатора и стал следить за градусником.

Потом мне стало скучно, я взял книжку про птицеводство и стал читать, как нужно следить за инкубатором. В книжке говорилось о том, что если яйца будут лежать в инкубаторе неподвижно, то зародыши в них могут прилипнуть внутри к скорлупе. От этого получаются кургузые, кривобокие, недоразвитые цыплята и даже задохлики, то есть совсемдохлые. Для того чтобы зародыши не прилипали внутри к скорлупе, яйца в инкубаторе нужно через каждые три часа переворачивать на другую сторону.

Я поскорее открыл инкубатор и начал переворачивать яйца на другой бок.

Тут Мишка проснулся, увидел, что я открыл инкубатор и как закричит:

— Ты что там делаешь, а?

Я испугался от неожиданности и чуть не уронил яйцо.

— Ничего,— говорю.

— Как — ничего? Ты зачем инкубатор открыл? Сказано тебе, что нужно двадцать один день ждать! Может быть, ты думаешь, что цыплята на другой день выведутся?

— Ничего я не думаю...— говорю я и хочу объяснить, что яйца нужно переворачивать через каждые три часа.

Но Мишка ничего слушать не хочет и орёт во всё горло:

— Закрой, говорят! Что за наказание! Уж на минуточку заснуть нельзя! Чуть только заснёшь, так он сейчас же в инкубатор лезет, чтоб посмотреть на яйца!

— Да зачем мне на них смотреть? — говорю я.

Тут Мишка подскочил и закрыл крышку, но я всё же успел перевернуть все яйца. На крик пришли Мишкины папа и мама.

— Что тут за шум? — спрашивают.

— Да вот этот умник открыл инкубатор,— говорит Мишка.

Тут я стал объяснять, что нужно переворачивать яйца, так как могут получиться задохлики.

— Какие задохлики? — кричит Мишка.— Почему у курицы не получают задохлики?

— Курица всегда переворачивает яйца, когда высиживает цыплят,— сказала Мишкина мама.

— Откуда она знает, что яйца нужно переворачивать? Курица глупая,— говорит Мишка.

— Не такая уж глупая,— ответила мама.

Мишка задумался.

— А я ведь и сам видел, как наседка переворачивала яйца! — сказал наконец он.— То-то я думал, зачем она ворочает их своим носом?

Мишкин папа засмеялся.

Эх, ты! — сказал он. — Разве у курицы нос?
— Ну клюв. Какая разница — нос или клюв?

ТЕМПЕРАТУРА ПОВЫШАЕТСЯ

Часам к десяти ртуть в градуснике почему-то поднялась на полградуса, так что на этот раз нам пришлось вытащить одну тетрадку и опустить лампу.

— Что за история с этой температурой? — удивлялся Мишка. — Ночью она всё опускалась, а теперь почему-то полезла вверх.

До обеда нам ещё раз пришлось опустить лампу, так как температура опять повысилась.

После обеда Мишка прилёг на кушетке и снова заснул. Мне было скучно одному сидеть — я принёс свой альбом для рисования и принялся рисовать Мишку, как он спит на кушетке. Спящих легче всего рисовать, потому что они лежат спокойно и не шевелятся.

Тут к нам пришёл Костя Девяткин. Он увидел, что Мишка спит, и спрашивает:

— Что это у него, сонная болезнь?

— Нет, — говорю, — это он так просто спит.

Костя принялся тормошить Мишку за плечо и как закричит:

— Вставать пора!

Мишка вскочил как ошпаренный.

— А? Что? Уже утро? — спрашивает.

— Какое утро? — засмеялся Костя. — Скоро вечер уже. Вставай скорей, пойдём гулять. Посмотри, солнышко светит! Весна! И воробьи поют.

— Нам гулять теперь некогда. У нас дело, — говорит Мишка.

— Какое дело?

— Очень, брат, важное дело.

Мишка подошёл к инкубатору, взглянул на градусник и как закричит на меня:

— А ты что тут сидишь, как коза на базаре? Не видишь, что делается!

Я посмотрел на градусник — опять тридцать девять с половиной градусов!

Мишка поскорее понизил лампу.

— Если б я не проснулся, ты, наверно, до сорока бы догнал! — продолжал кричать он.

— Я же не виноват, что ты спишь всё время.

— А я виноват, что я ночью не спал?

— Ну и я, — говорю, — не виноват.

Костя увидел инкубатор и спрашивает:

— Что это вы, опять паровую машину делаете?

— Что ты! Разве паровая машина такая?

— А что это?

— Угадай.

— Гм... — сказал Костя и почесал затылок. — Наверно, паровая турбина.

— Нет, не угадал.

— Ну, тогда какой-нибудь реактивный двигатель.

Мы с Мишкой рассмеялись:

— Сто лет будешь гадать — не догадаешься!

— Что же это такое?

— Инкубатор.

— Ах, инкубатор! Вот оно что! А что он делает, этот инкубатор?

— Как — что? — удивился Мишка. — Цыплят выводит.

— А, понимаю, понимаю! Из чего же он их выводит?

— «Из чего»! — фыркнул презрительно Мишка. — Из яиц, конечно. Из чего же ещё?

— Ах, из яиц! Ну конечно! Он вместо курицы их высиживает. Это я знаю, только я думал, что он не инкубатор, а индюкатор или курбюратор — забыл, как называется. Он, значит, называется инкубатор... А где же яйца?

— Яйца вот здесь, в коробке.

— А ну покажи.

— Ну, уж если каждому показывать, то наверняка никаких цыплят не получится! Подожди, когда наступит время переворачивать яйца, тогда и увидишь.

— Когда же вы будете переворачивать?

Мы с Мишкой стали высчитывать, и оказалось, что яйца нужно будет переворачивать в восемь часов вечера.

Костя остался ждать. Мишка принёс шахматы, и мы стали играть. Только если сказать по правде, то играть втроём в шахматы — это самое последнее дело, потому что играть могут только двое, а третий сидит и подсказывает то одному, то другому. Из этого никогда ничего хорошего не получается. Если ты выиграешь, то тебе говорят, что ты выиграл потому, что тебе помогали. А если проиграешь, то над тобой смеются и говорят, что ты проиграл, несмотря на то что тебе подсказывали. Нет, лучше всего играть в шахматы вдвоём, когда никто не мешает.

Наконец пробило восемь часов. Мишка открыл инкубатор и стал переворачивать яйца. Костя сосчитал их и говорит:

— Одиннадцать яиц. Значит, одиннадцать цыплят будет?

— Как — одиннадцать? — удивился Мишка. — Ведь было двенадцать! Неужели одно яйцо кто-то стащил? Что за наказание! Не успеешь заснуть, как яйцо стащат!.. А ты что тут смотрел? — набросился он на меня.

— Да я, — говорю, — никуда не уходил. Надо пересчитать: может, Костя просто ошибся.

Мишка принялся пересчитывать яйца, и у него получилось тринадцать.

— Ну вот! — заворчал он. — Теперь даже лишнее одно оказалось. Кто его сюда сунул?

Тогда я сосчитал яйца, и получилось ровно двенадцать.

— Эх, вы, — говорю, — арифмометры! Двенадцать яиц сосчитать не могут!

— Пойдите,— говорит Мишка.— Совсем вы меня запутали! Я одно яйцо не перевернул, только не помню какое.

Он задумался, а тут прибежала Майка, высмотрела в инкубаторе самое большое яйцо и говорит:

— Вот из этого вот яйца когда выведется цыплёнок, мой будет.

Мишка рассердился и вытолкнул её за дверь:

— Если ты ещё хоть раз придёшь мешать нам, никакого цыплёнка не получишь!

Майка расхныкалась:

— Там мои чашечки стоят! Я имею право смотреть!

— Вот я тебе покажу, какое у тебя право! — сказал Мишка и закрыл дверь.

— Что же теперь делать? — говорю я.— Может, снова перевернуть все яйца?

— Нет, лучше не надо, а то перевернём их опять на ту сторону, на которой они уже лежали. Пусть лучше одно неперевернутое лежит. В следующий раз надо внимательнее быть.

— А вы поставьте на яйцах отметки, вот и будет видно, какое яйцо перевернуто, какое нет,— предложил Костя.

— Какие ещё отметки? — спросил Мишка.

— Поставь просто крестики.

— Нет, я лучше номера напишу.

Мишка взял карандаш и написал на всех яйцах номера — от первого до двенадцатого.

— Теперь, когда будем переворачивать, все номера будут снизу, а в следующий раз номера опять будут сверху. Так и пойдёт без ошибок,— сказал Мишка и закрыл инкубатор.

Костя собрался уходить. Мишка ему говорит:

— Только ты в школе никому не рассказывай, что у нас инкубатор.

— Почему?

— Ребята станут смеяться.

— Что ж тут смешного? Инкубатор — очень полезная вещь. Над чем тут смеяться?

— Знаешь, какие ребята: скажут — мы, как наседки, высиживаем цыплят. А вдруг ничего не выйдет? Тогда совсем засмеют.

— Почему же не выйдет?

— Мало ли что может случиться... Это ведь трудное дело. Может быть, мы что-нибудь не так делаем. Так что ты помолчи.

— Ладно,— ответил Костя.— Не беспокойтесь, я буду молчать как рыба.

МАЙКА ДЕЖУРНАЯ

— Ну как, всё в порядке? — спросил я на следующее утро Мишку.

— В порядке. Только температура опять всю ночь понижалась.

— Ты опять, значит, всю ночь не спал?

— Нет. Теперь я стал хитрый! Я положил под подушку будильник, и он меня будил через каждые три часа.

— Почему же температура понижалась? Днём она повышалась,— говорю я.

— Я знаю, в чём дело,— говорит Мишка.— Ночью всегда прохладнее, и инкубатор охлаждается больше, а днём становится теплее, поэтому днём температура повышается, а ночью понижается.

— Как же нам быть? — спрашиваю я. — Мы ведь в школу уйдём. Кто будет следить за градусником?

— Может быть, попросить Майку?

Мишка позвал Майку, и мы стали просить её, чтобы она подежурила у инкубатора, пока мы будем в школе.

— Вчера за дверь вытолкали, а сегодня сами просите! Вот не буду дежурить! — сказала Майка.

— Послушай,— говорю я,— ведь цыплята погибнут. И твой цыплёнок погибнет. Мы ведь не для себя просим, а для цыплят.

Тогда она согласилась. И я принялся объяснять ей, что нужно делать.

— Вот это градусник,— сказал я.— Ртуть должна стоять точно на тридцати девяти градусах. Вот видишь две цифры: три и девять. Запомнишь?

— Запомню.

Чтоб она не забыла, я взял красный карандаш и отметил на градуснике, где должна находиться ртуть.

— Смотри хорошенько, не напутай,— говорю я.— Как только ртуть поднимется хоть чуточку выше, ты сейчас же вытащи из-под лампы одну тетрадку, тогда лампа опустится и ртуть тоже опустится в градуснике. Понятно?

— Понятно.

После этого я научил её переворачивать яйца и велел, как только пробьёт одиннадцать часов, открыть инкубатор и перевернуть все яйца.

Майка всё поняла. Я заставил её повторить задание. Она повторила всё правильно, и мы с Мишкой отправились в школу.

— Ну как, инкубатор действует? — спросил Костя, как только мы пришли в класс.

— Тише! — зашипел на него Мишка и оглянулся по сторонам.

— Да я ведь шёпотом спрашиваю.

— «Шёпотом, шёпотом»! — проворчал Мишка.— Орёт на весь класс.

— Ну молчу, молчу... А может быть, можно рассказать ребятам, а?

— Я тебе расскажу! Тогда и не приходи к нам. Мы тебе по дружбе сказали, а ты...

— Ну молчу, молчу. Знаешь, что я придумал? Я скажу на уроке естествознания Марье Петровне, что вы устроили инкубатор. Марья Петровна похвалит вас.

— Попробуй только! Ведь сейчас же все ребята услышат.

— Ну молчу, молчу. Как рыба молчу!

Костя зажал рот рукой и отошёл. Видно было, что язык у него так и чешется и ему хочется рассказать кому-нибудь про наш инкубатор.

Начались уроки. Мишка всё волновался. Ни минуты не мог посидеть спокойно.

— А вдруг Майка без нас что-нибудь спутает?

— Что ж она может спутать?

— Ну, не уследит за градусником.

— Я ведь ей всё хорошо объяснил.

— А вдруг ей надоест сидеть дома и она пойдёт гулять?

— Зачем же она пойдёт, раз обещала сидеть?

— А вдруг она вытащит из инкубатора свои чашки?

— Не вытащит.

— А вдруг лампочка перегорит? Что тогда делать?

На уроке естествознания Марья Петровна услышала, что мы с Мишкой всё время разговариваем, и рассадил нас на разные парты. Мишка сидел мрачный как туча и поглядывал на меня с другого конца класса. А тут Костя приложил ко рту руку и громко прошептал:

— Слушай! Я скажу Марье Петровне про инкубатор.

Мишка заёрзал на своём месте и прошипел:

— Вот я тебе скажу, изменник!

Но Костя уже поднял руку.

— Что ты хочешь сказать? — спросила Марья Петровна.

Мишка пригрозил Косте кулаком.

— Марья Петровна, а что такое инкубатор? — задал вопрос Костя.

Марья Петровна начала рассказывать про инкубатор. Она сказала, что люди уже давно научились выводить цыплят без наседок, нагревая до определённой температуры яйца. Ещё в Древнем Египте и Китае, две тысячи лет назад, люди устраивали инкубаторы и выводили цыплят. Учёные, делая раскопки, находят в земле помещения, в которых древние египтяне устраивали свои инкубаторы. Конечно, тогда инкубаторы были небольшие и цыплят в них выводилось немного, но теперь у нас

есть такие инкубаторы, в которые закладывают по несколько тысяч яиц.

— А у меня есть два знакомых мальчика,— сказал Костя.— Они сами сделали инкубатор. Как вы думаете, выведутся у них цыплята или нет?

— В самодельном инкубаторе получить цыплят можно, только это очень трудное дело,— сказала Марья Петровна.— В фабричных инкубаторах есть разные приспособления, которые регулируют температуру и влажность, а если инкубатор самодельный, то за всем надо внимательно следить. Если ребята старательные и дисциплинированные, то цыплята у них выведутся, а если такие, как наши Миша и Коля, то ничего не получится.

— Почему это у нас не получится? — не выдержал Мишка.

— Потому что вы недисциплинированные: даже в классе не можете как следует посидеть,— сказала Марья Петровна и стала продолжать урок.

После уроков нас задержал Митя Смирнов и сказал, чтоб мы шли дежурить в живом уголке.

— Что ты, что ты! — замахал Мишка руками.— Какой там живой уголок! Нам некогда.

— Вам всегда некогда! Записались в кружок, а не ходите. Сейчас самое горячее время. Весна! Надо скворечни делать.

— Мы потом будем делать скворечни.

— Когда — потом? Скоро прилетят птицы.

— Не прилетят.

— Как так — не прилетят? Птицы не станут вас ждать.

— Ну немножечко-то подождать можно,— сказал Мишка. И мы побежали домой.

Дома всё оказалось в порядке. Лампочка не перегорела, температура была нормальная.

Майка исправно сидела у инкубатора. Мы похвалили её и отпустили гулять.

С тех пор у нас потекла настоящая трудовая жизнь. Днём и ночью нужно было следить за температурой и каждые три часа переворачивать яйца. Вода в консервной банке и деревянных чашечках быстро испарялась, так что часто приходилось подливать свежую воду. Дело как будто нетрудное, но всё время приходилось быть настороже. Как только зазеваешься, так сейчас же что-нибудь случится: или температура подскочит, или забудешь перевернуть яйца. Нельзя было ни на минуту забывать об инкубаторе.

Особенно трудно приходилось Мишке, потому что ему нужно было следить за инкубатором ночью. От этого он не высыпался и по целым дням ходил сонный, как осенняя муха. После обеда он часто засыпал на кушетке в кухне, и я всегда рисовал его, пока он спал.

Так прошло пять дней и пять ночей. На шестой день Мишка не выдержал и нечаянно заснул на уроке. За это ему досталось от Надежды Викторовны, и весь класс над ним смеялся.

Конечно, Мишке было обидно. Каждый любит посмеяться над кем-нибудь, но никто не любит, когда смеются над ним самим.

Всё было бы ничего, но как раз в этот день я принёс в школу свой альбом, чтобы показать ребятам, как я рисую. Ребята увидели рисунки и догадались, что у меня нарисован Мишка, который спал в самых разных позах: и лёжа, и сидя, и чуть ли не стоя.

— Да ты у нас прямо чемпион по снанию! — сказал Мишке Лёша Курочкин.

— Мировой рекордсмен! — подхватил Сеня Бобров. — Спит, как лошадь, двадцать четыре часа в сутки!

Альбом пошёл по рукам. Все рассматривали его и помирали со смеху.

— Ты зачем притащил сюда этот идиотский альбом? — напустился на меня Мишка.

— Откуда же я знал, что ребята станут смеяться? — говорю я.

— Не знал! Нарочно, должно быть, подстроил, чтоб надо мной весь класс потешался! Хорош друг! Знать тебя не хочу больше!

— Честное слово, я не нарочно! Если б я знал, что так выйдет, не рисовал бы тебя, — оправдывался я.

Но Мишка дулся на меня весь день. Вечером он сказал:

— Вот возьми инкубатор и подежурь ночью, тогда узнаешь, как рисовать на меня карикатуры.

— Ну что же, — говорю я, — ты уже пять ночей отдежурил, теперь я отдежурю пять ночей. Будем дежурить по очереди.

Мы перенесли инкубатор ко мне, и с тех пор начались мои мучения.

С вечера я клал под подушку будильник, и ночью он начинал мне в самое ухо трещать. Я вставал, как лунатик, шёл на кухню, проверял температуру, переворачивал яйца и возвращался обратно. Часто я не мог сразу заснуть и долго ворочался на постели, а как только начинал засыпать, будильник снова трещал, и я готов был разбить его вдребезги, чтоб он не мешал мне спать.

Каждое утро я просыпался измученный и насилу вставал с постели. Одевался, как будто во сне, и даже не понимал, что я делаю: штаны начинал надевать через голову, рубашку напяливал вместо штанов.

Один раз я даже перепутал ботинки и надел на правую ногу левый ботинок, а на левую — правый и в таком виде явился в класс.

Ребята заметили это и стали смеяться. Пришлось мне переобуваться во время урока.

Но самое большое несчастье произошло на десятую ночь. То ли я забыл завести будильник, то ли не слышал, как он прозвонил. С вечера я лёг и проснулся утром, когда было уже совсем светло. Сначала я даже не понял, что случилось, потом вспомнил, что ни разу не вставал ночью, и как ошпарен-

ный бросился к инкубатору. Градусник показывал тридцать семь градусов. На целых два градуса меньше, чем нужно! Я поскорее сунул под лампу пару тетрадей и тут же подумал:

«Зачем я это делаю? Всё равно яйца остыли, и теперь, наверно, уже всё пропало! Десять дней мы трудились без отдыха; в яйцах, должно быть, развились большие зародыши, а теперь вот я всё это погубил!»

От досады мне хотелось отколотить самого себя, и я стукнул себя кулаком по макушке.

Ртуть в градуснике медленно поднималась и постепенно дошла до тридцати девяти градусов. Я печально смотрел на градусник и размышлял про себя:

«Ну вот, температура нормальная, яйца снаружи такие же, как и прежде, а внутри в них уже, наверно, нет жизни, и никогда из них не выведутся цыплята!»

Потом я стал думать, что, может быть, ничего опасного не случилось. Может быть, зародыши ещё не успели погибнуть. Но как узнать об этом? Единственный способ узнать это — продолжать нагревать яйца, и, если на двадцать первый день из них не выведутся цыплята, значит, они погибли. А может быть, они и не погибли. Об этом я узнаю только через одиннадцать дней.

«Вот тебе и получилась весёлая семейка! — горевал я. — Вместо двенадцати цыплят, наверно, ни одного не будет!»

Тут пришёл Мишка. Он посмотрел на градусник и весело сказал:

— Красота! Температура нормальная. Дело чудесно идёт! Теперь моя очередь по ночам дежурить.

— Нет, лучше я сам буду дежурить, — говорю я. — Зачем тебе мучиться напрасно?

— Почему — напрасно?

— А вдруг цыплята не выведутся?

— Ну что ж, если не выведутся... Не должен же ты один мучиться: раз мы друзья, то всё пополам.

Я не знал, что сказать Мишке. У меня не хватило смелости ему признаться, и я решил молчать, хотя это, конечно, свинство.

СБОР ОТРЯДА

Костя ежедневно заходил к нам, а потом рассказывал ребятам, как идёт дело с высиживанием цыплят. Только он не говорил, что это мы с Мишкой устроили инкубатор. Он сочинил, что это какие-то другие ребята, из другой школы.

Однажды Витя Смирнов сказал:

— Ты бы познакомил меня с этими ребятами.

— А зачем тебе?

— Просто интересно посмотреть, что это за ребята такие. Вот нам бы таких в юннатский кружок! У нас сразу бы работа пошла. А то с такими ребятами, как Миша и Коля, ничего хорошего не выходит: дежурить не хотят, деревья нужно было сажать — не пошли, скворечен не делают...

— А они тоже деревьев не сажали,— сказал Костя и подмигнул нам с Мишкой.

— Ну, они — это другое дело: у них и без деревьев забот небось по горло.

Витя и не догадывался, что Костя рассказывал про нас с Мишкой.

А у нас на самом деле было по горло забот: из-за этого инкубатора мы совсем запустили уроки и получили по арифметике двойки.

Меня вызвал Александр Ефремович и за то, что я не сумел решить задачу, поставил двойку. Потом он вызвал Мишку и поставил ему двойку с плюсом. Конечно, мы урока не знали, но всё-таки было как-то обидно получать плохие отметки.

— Тебе ещё не так обидно,— говорил Мишка,— у тебя просто двойка, а у меня двойка с плюсом.

— По-моему, двойка с плюсом всё-таки лучше, чем просто двойка,— говорю я.

— Ничего ты не понимаешь! Ну скажи, если к двойке прибавить плюс, разве от этого она станет тройкой?

— Нет, она так и останется двойкой.

— Для чего же ставится плюс?

— Не знаю.

— А я знаю. Плюс ставят для того, чтобы ты не думал, что тебя напрасно обидели. Вот — даже плюсика для тебя не пожалели! На сколько ответил, столько и поставили.

— Что же тут обидного?

— Как «что обидного»? Обидно то, что тебя считают глупым. Умному человеку можно поставить просто двойку — он и так поймёт, что ничего не знает, а глупому нужно поставить двойку с плюсом, чтоб он не воображал, будто его обижают напрасно. То-то и обидно, что тебя считают глупым. А то ещё бывает двойка с минусом, — говорил Мишка. — Какой здесь смысл? Двойка означает, что ты ничего не знаешь. А разве можно знать меньше, чем ничего?

— Нельзя! — согласился я.

— Вот видишь! — обрадовался Мишка. — Двойка с минусом означает, что ты не только ничего не знаешь, но и не хочешь ничего знать. Если ты просто не выучил урока, тебе поставят двойку, а если ты известный лодырь, то тебе нужно закатить двойку с минусом, чтобы ты почувствовал. А то ещё бывает единица... — продолжал разглагольствовать он.

Но ему так и не удалось рассказать о единице, потому что Александр Ефремович рассадил нас на разные парты.

На последней перемене Женя Скворцов сказал:

— После уроков оставайтесь, ребята! Будет сбор отряда.

— Мы не можем: нам некогда, — сказали мы с Мишкой.

— Нужно остаться, — сказал Женя, — будет о вас вопрос.

— Почему о нас? Для чего о нас вопрос ставить? Что мы такое сделали?

— На отряде поговорим, — сказал Женя.

— Ишь ты! — сказал Мишка. — Что это ещё такое: не успеешь получить двойку, как уж о тебе вопрос! Думает, он

председатель отряда, так может обо всех вопросы ставить! Ничего, вот он получит когда-нибудь двойку, пусть и о себе ставит вопрос.

— Он не получит: он хорошо учится,— говорю я.

— А ты чего его защищаешь?

— Да я не защищаю.

— Вот, придётся теперь оставаться! — говорит Мишка.

— Ничего,— говорю я.— Майка за инкубатором посмотрит. После уроков мы остались на сбор отряда.

— Сегодня у нас вопрос об успеваемости и дисциплине,— сказал Женя Скворцов.— За последнее время некоторые ребята недисциплинированно ведут себя на уроках: вертятся, разговаривают, мешают другим. Особенно отличаются этим Миша и Коля. Их уже несколько раз рассаживали за это. Куда это годится? Это ведь безобразие! А сегодня совсем отличились: получили по двойке.

— И совсем не по двойке! У меня двойка с плюсом,— сказал Мишка.

— Невелика разница! — ответил Женя.— У вас и по другим предметам стали отметки хуже.

— У нас по другим нет двоек, только по русскому у меня тройка,— ответил Мишка.

— У него тройка с минусом,— подсказал Ваня Ложкин.

— А ты не лезь, когда не спрашивают! — сказал Мишка.

— Почему — не лезь? Я имею право высказываться: у нас сбор отряда.

— Так возьми слово и высказывайся.

— И возьму! Думаешь, не возьму!.. Ребята, я считаю, что у них плохая успеваемость потому, что они не учат дома уроков. Им что-то мешает учиться. Пусть они скажут, что им мешает.

— Ну, что вам мешает учиться? — спросил Женя Скворцов.

— Ничего нам не мешает,— ответил Мишка.

— Я знаю, что им мешает,— сказал Лёша Курочкин,— они разговаривают и не слушают уроков, а дома тоже плохо гото-

вятся. По-моему, их надо навсегда рассадить, чтоб они не разговаривали.

— За что нас рассаживать? — сказал Мишка. — Мы дружим... За то, что мы дружим, нас рассаживать?

— А что с вами делать, если вам дружба во вред? — сказал Сеня Бобров.

Тут Костя вступился за нас:

— Разве дружба бывает во вред? Дружба никогда не во вред.

— А у них такая дружба — что один, то и другой: один разговаривает, и другой разговаривает; один не хочет делать уроки, и другой тоже; один получил двойку, и другой тут же. Рассадить их, и дело с концом! — сказал Витя Смирнов.

— Пойдите, ребята, — сказал Костя. — Рассадить всегда успеем. Может быть, им помочь надо? Может быть, им делать уроки некогда?

— Почему же им некогда?

— Ну, может быть, они каким-нибудь важным делом занимаются.

— Каким это важным делом? — засмеялся Сеня Бобров.

— А может быть, они инкубатор делают!

— Они? Инкубатор? — удивился Сеня.

— А ты что думаешь? Может быть, они ночей недосыпают — за температурой следят! Может быть, они целый день трудятся, а мы их ругаем! Может быть...

— Да что ты «может быть» да «может быть»! — рассердился Женя. — Что они, на самом деле инкубатор сделали?

— Сделали, — сказал Костя.

— Это они с тех ребят собезьянничали, про которых ты рассказывал, — сказал Витя.

— Нет, — сказал Костя, — это они и есть те ребята, про которых я говорил.

— Они?

— Ну да.

— Да ведь ты говорил, что они в другой школе!

— Ну, это я так говорил.

Тут все обступили нас с Мишкой:

— Так это вы сделали инкубатор?

А Витя Смирнов сказал:

— Это безобразие! Так настоящие юннаты не поступают! Сделали инкубатор и молчат... Эта работа ведь всех ребят интересует. Чего вы секретничаете?

— Да мы думали — вы будете смеяться, — говорим мы с Мишкой.

— Над чем же тут смеяться? Что тут смешного? Наоборот, мы бы помогли вам. Устроили бы дежурство. Вам бы легче было и учились бы лучше.

— Ребята, — сказал Вадик Зайцев, — давайте возьмём шефство над инкубатором.

— Правильно! — закричали все.

Витя сказал, что зайдёт к нам после обеда, мы составим список дежурных и условимся насчёт шефской работы.

На этом сбор отряда закончился.

ШЕФСКАЯ РАБОТА

После обеда у нас на кухне собрался почти весь юннатский кружок. Мы показали ребятам наш инкубатор, рассказали, как производится нагревание, как мы проверяем температуру, как переворачиваем яйца. Потом мы стали обсуждать, как организовать дежурство. Витя Смирнов предложил написать правила для дежурных. Вот какие у нас получились правила.

Двое дежурных приходят в назначенный день после школы, получают от нас с Мишкой указания, что нужно делать, и остаются возле инкубатора до конца дня. Обедать и делать уроки дежурные ходят по очереди. Дежурные обязаны следить, чтобы мы с Мишкой не вертелись возле инкубатора, а делали вовремя уроки.

Потом Витя составил список дежурных и назначил, кому какого числа дежурить. Этот список мы повесили на стенку.

— А почему нас нет в списке? — говорит Мишка. — Мы ведь тоже хотим дежурить.

— Так ведь вам придётся следить за инкубатором ночью, — сказал Витя, — ночью-то некому будет дежурить.

После этого Женя выпроводил от нас всех ребят.

— Можете уходить, ребята, — сказал он. — Останутся только дежурные, а остальным нечего мешать.

Ребята разошлись. Остались дежурные Женя и Витя да мы с Мишкой.

— И вы уходите, — сказал нам Женя.

— Куда же нам уходить? — говорим мы.

— Идите делать уроки.

— А вдруг тут что-нибудь случится!

— Ничего не случится. Если что-нибудь случится, я вас позову.

— Ну, так позови обязательно.

Пришлось нам с Мишкой засесть за уроки. Мы сделали упражнение по русскому, выучили географию и по арифметике решили одну задачу, а другая оказалась трудная. Мы её на потом отложили и явились на кухню.

— Ну, чего вы пришли? Вам ведь сказано, чтоб вы занимались!

— А мы уже всё сделали.

— Ну-ка, покажите тетрадки.

— Что это ещё за проверка? — говорит Мишка.

— Ну, мы ведь взяли над вами шефство — значит, всё нужно проверить.

Мы принесли тетрадки.

— Почему же только одну задачу решили? Две ведь задано.

— Мы другую потом решим.

— А потом вот забудете и явитесь в школу с пустыми тетрадками.

— Почему — с пустыми? По одной задачке всё-таки сделали.

— Уж если делать, то до конца,— сказал Женя.— Знаете пословицу: «Кончил дело — гуляй смело».

Пришлось нам вернуться и засесть за задачу. Но она у нас всё не сходилась с ответом. Мы пробились над нею с час и вернулись на кухню.

— Не выходит задачка,— говорит Мишка.— Мы всё правильно сделали, а с ответом не сходится. Наверно, в книжке ответ неправильный.

— Нечего тут на книжку пенять! — говорит Женя.

— Честное слово, у меня уже был случай, когда в книжке оказался ответ неверный.

— Не может быть! — говорит Женя.— Сейчас проверим. Он пошёл с нами в комнату и стал проверять задачу. Бился, бился — всё правильно, а ответ не сходится.

— Вот видишь, я говорил! — радовался Мишка.

Но Женя сказал, что не сойдёт с места, пока не найдёт ошибку. Стал проверять снова и наконец нашёл.

— Вот она,— говорит.— семью семь сколько, по-вашему, будет?

— Сорок девять.

— А у вас что написано? Двадцать один!

Он исправил нашу ошибку, и всё получилось правильно.

— Это у вас от невнимательности,— сказал он и вернулся к инкубатору.

Мы переписали задачку начисто и пошли на кухню.

— Мы уже всё сделали,— говорим мы.

— Ну, тогда идите гулять. На воздухе тоже бывает полезно.

Мы с Мишкой обиделись и пошли во двор.

Погода была хорошая. Ребята во дворе затеяли игру в волейбол, мы тоже присоединились к ним, а потом зашли к Косте Девяткину, а к нему пришёл Вадик Зайцев, и мы вчетвером до самого вечера играли в лото и другие разные игры.

Домой мы вернулись поздно и застали на кухне, кроме Жени и Вити, Ваню Ложкина. Он, оказалось, отпросился у мамы дежурить на ночь.

— Что же это такое,— говорит Мишка,— значит, теперь нам вовсе никогда не придётся дежурить! Сегодня ты, а завтра другой кто-нибудь отпросится. Я так не согласен!

— Ну ладно,— сказал Витя,— я вас запишу в список наравне с остальными.

И приписал нас в список самыми последними.

Мы с Мишкой начали высчитывать, когда наша очередь будет дежурить, и оказалось, что нам попало самое счастливое дежурство, то есть на двадцать первый день. Как раз в тот самый день, когда цыплята выведутся!

ПОСЛЕДНИЕ ПРИГОТОВЛЕНИЯ

Наконец-то мы с Мишкой вздохнули свободно! Раньше мы были как будто привязанные к инкубатору. Нам приходилось постоянно думать, как бы не прозевать чего-нибудь, и всё время быть начеку. Всякое другое дело было для нас помехой, и ничто нам не лезло в голову. Зато теперь работа прекрасно шла и без нас.

Мы стали активно работать в юннатском кружке: дежурили в живом уголке, сделали две скворечни и повесили их у нас в саду на деревьях, работали на пришкольном участке — сажали цветы и деревья. А самое главное то, что теперь мы исправно делали уроки. И моя и Мишкина мама видели, что мы стали лучше учиться, и они были довольны, что к нам приходят ребята и помогают следить за инкубатором.

На занятии кружка юннатов Марья Петровна рассказала нам, как подготовиться к приёму новорождённых цыплят, и посоветовала посеять какую-нибудь траву, чтобы у наших цыплят был свежий зелёный корм. Она сказала, что лучше всего посеять овёс, потому что он очень питательный и быстро растёт.

Все стали думать, где бы достать овса.

— Надо поехать на птичий рынок,— предложил Ваня Ложкин.— Там продаётся разный птичий корм. Может быть, и овёс есть.

После уроков Ваня и Женя поехали на птичий рынок и часа через два вернулись с полными карманами овса.

— Купили? — обрадовались мы.

— Что вы! Разве его где купишь? Овса нигде нет. Мы обошли весь рынок — всё продаётся: и конопля, и просо, и репейное семя, а овса нет. Мы уже хотели ехать домой, но решили пойти посмотреть на кроликов. Пришли туда, а там стоит лошадь и ест овёс прямо из мешка. Ну, мы и попросили немного овса.

— Как, у лошади попросили? — удивился Мишка.

— Да не у лошади, голова! У колхозника. Он на этой лошади привёз кроликов продавать. Хороший колхозник попался! Только сначала не хотел давать овса. «Зачем вам овёс?» — спрашивает. А мы говорим: «Для цыплят». Он говорит: «Цыплят овсом не кормят». Тогда мы объяснили ему, что хотим посеять овёс, чтоб из него трава выросла. Тогда он говорит: «Берите». Ну, мы и набрали в карманы.

Ваня и Женя высыпали из карманов овёс.

Мы быстро склотили из фанеры два плоских ящика, насыпали в них земли, налили воды и размешали так, чтоб получилась как будто жидкая грязь.

Потом набросали прямо в эту грязь зёрен овса, ещё раз хорошенько перемешали и поставили ящики под печку, чтобы зёрнам было теплее.

Марья Петровна рассказала нам, что зёрна растений, так же как яйца птиц,— живые существа. Жизнь тоже дремлет внутри зерна, но, когда зерно попадает в тёплую, влажную землю, жизнь пробуждается в нём и начинает развиваться. Как и всякие живые существа, зёрна могут умереть, и такие зёрна уже не могут взойти.

Мы очень боялись, как бы наши зёрна не оказались такими

«мёртвыми», и поминутно заглядывали в ящики. Прошло два дня — зёрна не прорастали. На третий день мы заметили, что земля в ящиках потрескалась и как-то подозрительно вспучилась.

— Что это? — удивился Мишка. — Кто это тут навредил? Кто расковырял землю?

— Никто не ковырял! — ответил ему Лёша Курочкин, который в этот день был дежурным вместе с Сеней Бобровым.

— Почему же земля словно вспаханная? — закричал Мишка. — Это вы, наверно, тут ковырялись, чтоб посмотреть на зёрна!

— Да не ковырялись мы, — говорит Сеня. — Зачем нам на них смотреть?

Я приподнял комочек земли и нашёл под ним овсяное зёрнышко. Оно сильно разбухло и лопнуло, а на кончике его виднелся белый росток. Мишка тоже вытащил из-под земли набухшее зёрнышко с белым ростком. Он долго рассматривал его и вдруг закричал:

— А, понимаю: это они сами расковыряли землю!

— Кто «они»?

— Зёрна! Они ожили и лезут уже из-под земли. Смотри, как земля вспучилась. Им там, под землёй, становится тесно.

Мишка поскорее побежал звать ребят, чтоб показать им, как прорастают зёрна. Мы с Лёшкой и Сеней вытащили из-под земли ещё несколько зёрен. Все они уже начали прорасти. Скоро прибежали остальные ребята. Каждому хотелось взглянуть на зёрна.

— Смотрите, ребята, — сказал Витя, — зёрна лопаются, и из них как будто выклёвывается овёс.

— А что ты думаешь? — ответил Мишка. — Овёс ведь тоже живой: только он вырастет и будет стоять на месте; а когда выклюнутся наши цыплята, они будут бегать, пищать и просить у нас кушать. Вот увидите, какая у нас будет весёлая семейка!

САМЫЙ ТЯЖЁЛЫЙ ДЕНЬ

Работать в компании было весело, и последние дни прошли быстро. Наконец наступил двадцать первый день. Это было в пятницу. У нас всё уже было приготовлено к приёму молодняка. Мы отыскали в сарае большую кастрюлю и сделали из неё грелку, то есть выложили её внутри войлоком, чтобы цыплятам в ней было тепло. Теперь эта грелка стояла на чугунке с горячей водой — на случай, если цыплёнок выведется, чтоб сейчас же посадить его в грелку.

Накануне мы с Мишкой хотели совсем не ложиться спать, но в эту ночь Вадик Зайцев отпросился у мамы, и она разрешила ему дежурить у инкубатора.

— Какой же я буду дежурный, если вы будете сидеть возле меня всю ночь? — сказал Вадик. — Уж вы, пожалуйста, лучше идите спать.

— А вдруг цыплята начнут выводиться ночью?

— Что ж тут такого? Если цыплёнок выведется, я его бац в кастрюлю, и пусть себе сохнет.

— Как это «бац»? — говорю я. — С цыплятами нужно бережно обращаться!

— Я буду бережно, не беспокойтесь. А вы лучше ложитесь спать. Завтра ведь ваше дежурство. Как вы будете дежурить, если не выспитесь ночью?

— Хорошо, — говорит Мишка. — Только ты, пожалуйста, разбуди нас, если цыплята начнут выводиться. Мы ведь столько дней ждали этого момента!

— Ладно, разбужу, — согласился Вадик.

Мы отправились спать, только я в эту ночь долго не мог заснуть, так как очень тревожился о цыплятах. Наутро я проснулся с рассветом и сейчас же побежал к Мишке. Мишка тоже уже встал. Он сидел возле инкубатора и внимательно осматривал яйца. Он увидел меня и сказал:

— Ещё ни одной наклёвки не видно.

— Сейчас, наверно, ещё рано, — ответил Вадик. — Они позже начнут наклёвываться.

Вадик скоро ушёл домой, потому что ночь уже кончилась и теперь начиналось наше дежурство. Когда он ушёл, Мишка решил ещё раз осмотреть все яйца. Мы стали переворачивать их и осматривать со всех сторон — нет ли в каком-нибудь яйце маленькой дырочки, которую должен продолбить изнутри цыплёнок. Но все яйца оказались целы. Мы закрыли инкубатор и долго сидели молча.

— А что, если разбить яйцо и посмотреть, есть там цыплёнок или нет? — говорю я.

— Сейчас ещё нельзя разбивать, — сказал Мишка. — Цыплёнок ещё пока дышит через кожу, а не лёгкими. Как только он начнёт дышать лёгкими, он сейчас же пробьёт скорлупу сам. Если же мы разобьём раньше, то цыплёнок погибнет.

— Но цыплята в яйцах уже должны быть живые, — говорю я. — Может быть, можно услышать, как они там шевелятся?

Мишка достал яйцо и приложил его к уху. Я наклонился поближе и тоже стал прислушиваться.

— Тише! — заворчал на меня Мишка. — Сопит тут, как лошадь!

Я затаил дыхание. Стало тихо. Только слышно было, как тикают часы на столе. Вдруг зазвонил звонок. Мишка вздрогнул и чуть не уронил яйцо. Я скорее побежал открывать дверь. Это пришёл Витя. Он хотел узнать, не начали ли выводиться цыплята.

— Нет ещё, — сказал Мишка. — Ещё рано.

— Ну, я потом ещё перед школой зайду, — сказал Витя.

Он ушёл, а Мишка снова взял яйцо и приложил его к уху. Он долго сидел, закрыв глаза, и старательно прислушивался. Наконец сказал:

— Совсем ничего не слышно.

Я взял яйцо и тоже послушал. В яйце была мёртвая тишина.

— Может быть, в этом яйце зародыш погиб? — сказал я. — Надо другие проверить.

Мы стали вынимать одно яйцо за другим и выслушивать

их, но ни в одном яйце нам не удалось обнаружить никаких следов жизни.

— Неужели все зародыши погибли? — сказал Мишка. Должен ведь хоть в одном яйце сохраниться.

Тут снова раздался звонок. Пришёл Сеня Бобров.

— Ты чего в такую рань поднялся? — спрашиваю я

— Пришёл узнать, как цыплята.

— Цыплята ещё никак. Ещё слишком рано, — ответил Мишка.

Вслед за Сеней пришёл Серёжа:

— Ну как, есть уже хоть один цыплёнок?

Какой ты нетерпеливый! — говорит Мишка. — Что ты хочешь, чтоб цыплята с самого утра выводились? Успеют ещё.

Серёжа и Сеня посидели немного и ушли. Мы с Мишкой снова стали выслушивать яйца.

— Всё пропало! — убивался Мишка. — Совсем ничего не слышно.

— А может, они там притаившись сидят?

— Зачем же они сидят притаившись? Им пора скорлупу долбить.

Тут пришли Юра Филиппов и Стасик Лёвшин, а за ними — Ваня Ложкин. Ребята стали собираться один за другим, так что под конец у нас получилось как будто общее собрание. Мы с Мишкой позвали Майку, объяснили ей, что нужно делать, если цыплята начнут выводиться без нас, и пошли вместе с ребятами в школу.

Как мы провели этот день в школе, нельзя рассказать. Это был самый мучительный день в нашей жизни.

Нам казалось, что кто-то нарочно растянул время и сделал уроки в десять раз длинней. Все мы очень боялись, что цыплята начнут выводиться, пока мы сидим в школе, а Майка без нас сделает что-нибудь не так, как нужно. Особенно длинным оказался последний урок. Время как будто остановилось совсем. Мы даже начали думать, что прозевали звонок. Потом нам стало казаться, что звонок испортился и поэтому мы не слышали

его. Потом мы вообразили, что тётя Дуня забыла дать последний звонок и ушла домой и теперь нам придётся сидеть тут до завтрашнего дня, когда она снова вернётся в школу.

Ребята нервничали и шептались. Все посылали записочки Жене Скворцову и спрашивали, который час, но Женя, как на беду, в этот день забыл свои часы дома. В классе было шумно, и Александр Ефремович несколько раз просил восстановить тишину. Но тишина не восстанавливалась. Наконец Мишка поднял руку и хотел сказать, что урок уже кончился, но как раз в это время прозвенел звонок. Ребята сорвались с мест и бросились к двери. Александр Ефремович заставил всех сесть на свои места и сказал, что никто не должен выходить из-за парт, пока учитель в классе.

Потом он обратился к Мишке:

— Ты, кажется, что-то хотел спросить?

— Нет, я хотел сказать, что урок кончился.

— Но ты ведь до звонка поднял руку.

— А я думал, что звонок испортился.

Александр Ефремович только головой покачал, потом взял журнал и вышел из класса. Ребята гурьбой бросились в коридор и загремели вниз по лестнице. У выхода образовалась пробка, но мы с Мишкой успели проскочить первыми и помчались по улице во весь опор. За нами, растянувшись длинной вереницей, мчались остальные ребята.

Через пять минут мы уже были дома. Майка сидела на своём посту, у инкубатора, и шила своей кукле Зинаиде новое платье.

— Ничего не случилось? — спросили мы её.

— Ничего.

— А ты давно заглядывала в инкубатор?

— Давно, ещё когда переворачивала яйца.

Мишка подошёл к инкубатору и приготовился открыть крышку. Все ребята столпились вокруг. Они вытягивали шеи, приподнимались на цыпочки, а Ваня Ложкин взобрался на стул, чтобы получше видеть, и свалился оттуда прямо на Лёш-

ку Курочкина и чуть не сбил его с ног. Мишка всё не решался открыть крышку. Он как будто боялся.

— Ну, открывай! Чего же ты медлишь? — не вытерпел кто-то.

Мишка наконец открыл инкубатор. Яйца по-прежнему спокойно лежали на дне, словно большие белые камешки. Мишка постоял над ними молча, потом осторожно перевернул их по одному и каждое осмотрел со всех сторон.

— Нет ни одной наклёвки! — печально объявил он.

ЧЬЯ ВИНА?

Ребята молча стояли вокруг.

— А может быть, и не будет этих наклёвок? — спросил Сеня Бобров.

Мишка развёл руками:

— Я ведь не курица! Откуда мне знать! Что я понимаю в наклёвках?

Тут ребята заговорили все разом, заспорили: одни говорили, что цыплята не выведутся; другие — что ещё, может быть, выведутся; третьи — что либо выведутся, либо нет. Наконец Витя Смирнов прекратил разговоры.

— Пока ещё рано спорить, — сказал он. — День ещё не прошёл. Надо продолжать работу, как раньше. А сейчас марш все по домам! У инкубатора останутся только дежурные.

Ребята разошлись по домам. Мы с Мишкой остались одни и ещё раз осмотрели все яйца, нет ли где хоть маленькой трещинки, но нигде не было никакой. Мишка закрыл инкубатор и сказал:

— Ничего, пусть будет что будет! Сейчас ещё рано волноваться. Подождём до вечера и, если ничего не будет, тогда начнём волноваться.

Мы решили не волноваться и терпеливо ждать. Но легче всего сказать — не волноваться! Мы всё-таки волновались и че-

рез каждые десять минут заглядывали в инкубатор. Ребята тоже беспокоились и поминутно приходили. У всех был один вопрос:

— Ну как?

Мишка уже не отвечал ничего, а только пожимал плечами в ответ, так что к концу дня он так и остался с поджатыми плечами, будто они были у него к ушам приклеены.

Наступил вечер. Ребята заходили всё реже и реже. Последним пришёл Витя и долго сидел у нас.

— Может быть, вы неправильно посчитали дни? — спросил он.

Мы снова стали считать дни, но оказалось, всё правильно. Сегодня был двадцать первый день, и вот он уже кончился, а цыплят не было.

— Ничего, — утешал нас Витя. — Подождём до утра. Может быть, они за ночь выведутся.

Я попросил у мамы разрешения ночевать у Мишки, и мы с ним решили не спать всю ночь.

Мы долго сидели у инкубатора. Разговаривать нам было не о чем. Теперь мы уже не мечтали, как прежде, потому что нам не о чем было мечтать. Скоро трамваи перестали ходить по улице. Стало тихо. За окошком погас фонарь. Я прилёг на кушетке. Мишка задремал, сидя на стуле, и чуть не свалился с него. Тогда он перебрался ко мне на кушетку, и мы заснули.

Наутро картина не переменилась. Яйца по-прежнему лежали в инкубаторе и все были целенькие. Внутри не было никакого шума.

Все ребята были разочарованы.

— Почему же так вышло? — спрашивали они. — Ведь мы, кажется, всё правильно делали!

— Не знаю, — говорил Мишка и разводил руками.

Один я знал, в чём дело. Конечно, зародыши погибли ещё тогда, когда я проспал ночью: они остыли, и жизнь оборвалась на полпути. Мне было очень совестно перед ребятами. Ведь это из-за меня они напрасно трудились! Но я не мог никому об этом

сейчас сказать и решил признаться когда-нибудь потом, когда этот случай немного забудется и ребята перестанут жалеть о цыплятах.

В школе в этот день нам было особенно грустно. Все ребята как-то сочувственно поглядывали на нас, будто над нами стряслась какая-то особенная беда, а когда Сеня Бобров вздумал, по привычке, назвать нас инкубаторщиками, то все на него набросились и стали стыдить. Нам с Мишкой даже было неловко.

— Пусть бы лучше ребята ругали нас,— говорил Мишка. За что же нас ругать?

— Ну, они столько работали из-за нас. Они имеют право сердиться.

После школы ребята наведались к нам, а потом уже весь день не приходил никто. Только Костя Девяткин иногда приходил. Он один ещё не разочаровался в инкубаторе.

Вот видишь,— говорил Мишка мне,— теперь все ребята на нас рассердились. А за что на нас сердиться? С каждым может случиться неудача.

Ты ведь сам говорил, что они имеют право сердиться.

Имеют! Конечно, имеют! — отвечал с раздражением Мишка.— Ты тоже имеешь право на меня сердиться. Это я во всём виноват.

— Почему ты виноват? Никто тебя не винит. Ни в чём ты не виноват,— ответил я.

— Нет, виноват. Только ты не очень сердись.

— Да за что же сердиться?

— Ну за то, что я такой неудачливый. Такое уж моё счастье, что я всё порчу, к чему только ни прикоснусь!

— Нет, это я всё порчу,— говорю я.— Я сам виноват во всём.

— Нет, я виноват: это я погубил цыплят.

— Как же ты мог погубить их?

— Я тебе расскажу, только ты не очень сердись,— сказал Мишка.— Один раз я под утро заснул и не уследил за градус-

ником. Температура поднялась до сорока градусов. Я поскорее открыл инкубатор, чтоб яйца остыли, но они, видно, уже успели испортиться.

— Когда же это случилось?

— Пять дней назад.

Мишка взглянул на меня исподлобья. Лицо у него было виноватое и печальное.

— Можешь успокоиться,— говорю я ему,— яйца испортились гораздо раньше.

— Как — раньше?

— Ещё до того, как ты проспал.

— Кто же их испортил?

— Я.

— Как?

— А я тоже проспал, а температура упала, и яйца погибли.

— Когда же это случилось?

— На десятый день.

— Что же ты до сих пор молчал?

— Ну, мне совестно было признаться. Я думал — может быть, это ничего и зародыши выживут, а они вот не выжили.

— Так, так,— пробормотал Мишка и сердито посмотрел на меня.— Значит, из-за того, что тебе совестно было признаться, все ребята должны были даром трудиться, а?

— Но я ведь думал, что как-нибудь обойдётся. Всё равно ребята сами бы решили продолжать дело, чтобы узнать, погибли зародыши или нет.

— «Сами решили»! — передразнил меня Мишка.— Вот и нужно было сказать, чтоб все вместе решили, а не решать самому за всех!

— Послушай,— говорю я,— что ты кричишь на меня? А разве ты сам сказал кому-нибудь, когда не уследил за температурой? Ты ведь тогда тоже решил за всех!

— Верно,— говорит Мишка.— Я свинья! Бейте меня!

— Никто тебя бить не собирается. А ребятам ты всё-таки не говори про это,— сказал я.

— Завтра же расскажу! Про тебя я говорить ничего не буду, а про себя расскажу. Пусть все знают, какая я свинья! Пусть это будет как наказание мне!

— Ну, тогда и я всё про себя расскажу,— говорю я.

— Нет, ты лучше не рассказывай.

— Почему?

— Ребята и так смеются, что мы с тобой всё вдвоём делаем: и в школу ходим всегда вдвоём, и уроки учим вдвоём, и даже двойки получаем вдвоём. А теперь скажут: и на дежурстве проспали вдвоём.

— Ну и пусть,— говорю,— смеются. Что мне, легче будет, если только над тобой будут смеяться?

КОГДА ПОГАСЛА НАДЕЖДА

Печально закончился этот день, и опять наступил вечер. На кухне всё было по-прежнему: инкубатор продолжал нагреваться, лампочка продолжала гореть, но надежда у нас совсем погасла. Мишка молча сидел и вертел в руках яйцо. Мы долго думали, разбить его или пока подождать. Вдруг Мишка испуганно посмотрел на меня. Мне показалось, что он увидел позади меня что-то страшное. Я оглянулся. Позади ничего не было. Я снова взглянул на Мишку.

— Смотри! — прохрипел он и протянул мне яйцо, которое было у него в руках.

Сначала я не разглядел ничего, но потом заметил, что в одном месте яйцо треснуло и как будто бы надломилось изнутри.

— Что это? — говорю.— Может быть, ты сам ударил яйцо нечаянно?

Мишка отрицательно замотал головой.

— Тогда что ж это может быть? Наклёвка?

Мишка молча закивал головой.

— Почему ты так в этом уверен?

Мишка пожал плечами:

— Сам не знаю...

Я осторожно приподнял надломленную скорлупу ногтем. В яйце получилась дырочка. Из неё на минуточку высунулся жёлтенький носик цыплёнка и сейчас же спрятался обратно.

От радости мы с Мишкой не могли вымолвить ни одного слова и молча бросились обнимать друг друга.

— Вот так чудо! — закричал Мишка и залился счастливым смехом. — Ну, куда нам теперь бежать? Куда бежать?

— Пстой! — говорю. — Куда бежать? Зачем бежать?

— Ну, надо бежать, сказать ребятам!

Мишка бросился к двери.

— Пстой! — говорю. — Ты хоть яйцо оставь. Что ты, побежишь к ребятам с яйцом?

Мишка вернулся и положил яйцо в инкубатор. В это время к нам пришёл Костя.

— А у нас уже есть цыплёнок! — закричал Мишка.

— Врёте!

— Честное слово!

— Где же он?

— А вот посмотри!

Мишка открыл инкубатор. Костя заглянул в него:

— Где же цыплёнок? Тут одни только яйца.

А Мишка забыл, куда сунул яйцо с наклёвкой, и никак не мог отыскать его среди остальных яиц. Наконец он его нашёл и показал Косте.

— Братцы! Да там ведь самый настоящий цыплячий нос торчит! — закричал Костя.

— А ты думал, что мы тебе какой-нибудь фокус показываем?.. Конечно, настоящий!

— Сейчас, братцы! Вы это яйцо держите покрепче, а я побегу за ребятами! — закричал Костя.

— Беги, беги, а то ребята совсем уже перестали верить в цыплят. Никто и не зашёл за весь вечер ни разу.

Да они все у меня сидят и всё ещё верят, только они

боятся беспокоить вас и каждый раз меня посылают узнать, как дела.

— Почему же они боятся?

— Ну, они ведь понимают, что вам не до них. Вам-то небось и без ребят было тошно.

Костя бросился к двери, и мы слышали, как он застучал каблуками по лестнице.

— Батюшки-матушки! — закричал вдруг Мишка. — А я ещё маме ничего не сказал!

Он побежал звать маму, а я схватил яйцо и побежал показать своей маме.

Мама посмотрела и велела положить яйцо обратно в инкубатор, потому что оно может остыть и тогда цыплёнок простудится.

Я прибежал обратно к Мишке, смотрю — он скачет по кухне как угорелый, а мама и папа стоят и смеются.

Мишка увидел меня и закричал:

— Ты не видел, куда я сунул яйцо? Я весь инкубатор перерыл — нет нигде!

— Какое яйцо? — спрашиваю я.

— Ну какое... С цыплёнком!

— Да вот оно, — говорю.

Мишка увидел у меня в руках яйцо:

— Ах ты, растяпа! Схватил яйцо и убежал! А я тут ищу его.

— Тише! — сказала Мишкина мама. — Столько шума из-за одного яйца.

— Да ты посмотри, что за яйцо! Разве это простое яйцо? — ответил Мишка.

Мама взяла яйцо и стала разглядывать маленький клювик цыплёнка, который виднелся сквозь дырочку. Папа посмотрел тоже.

— Хм! — усмехнулся он. — Удивительное дело!

— Что же тут удивительного? — сказал с важностью Мишка. — Просто явление природы.

— Сам ты явление природы! — засмеялся Мишкин папа. — В цыплёнке, конечно, удивительного ничего нет, а вот удивительно, как он у вас получился. Я был уверен, что у вас из этой затеи ничего не выйдет.

— Почему же ты не сказал ничего?

— А зачем говорить? Я думал, что вам полезнее заниматься делом, чем бегать по улице.

Тут на кухню явилась Майка. Платье на ней было надето задом наперёд, ботинки — на босу ногу. Она уже легла спать, но услышала про цыплёнка и тоже захотела посмотреть, поэтому она очень спешила и оделась кое-как. Мы дали ей на минутку подержать яйцо. Она стала заглядывать в дырочку одним глазом. В это время цыплёнок высунул клюв.

— Он меня клюнуть хотел! — закричала Майка. — Ишь ты какой! Не успел из яйца вылезти, а уже дерётся.

— Ну нечего тут на цыплят кричать! — сказал Мишка.

Он отнял у неё яйцо и положил в инкубатор.

Вдруг на лестнице послышался шум и топанье ног. Кухня быстро наполнилась ребятами. Яйцо снова пошло по рукам. Каждому обязательно хотелось заглянуть в дырочку и увидеть цыплёнка.

— Братцы, — надрывался Мишка, — отдайте яйцо! Ему ведь надо в инкубаторе лежать — цыплёнок простудится!

Но никто не слушался. Насилу мы отняли у ребят это яйцо и положили в инкубатор.

— А на других яйцах нет наклёвок? — спросил Витя.

Мы принялись осматривать другие яйца, но наклёвок больше не было.

— Нет, только номер пятый наклюнулся, остальные яйца без наклёвок, — ответил Мишка.

— Может быть, они тоже наклюнутся? — говорили ребята.

— Ничего, — сказал Мишка, сияя от радости. — Если у нас выведется только один цыплёнок, я и то буду доволен. Всё-таки мы не даром трудились. Вот он, результат!

— Ребята, — сказал Сеня Бобров, — может быть, надо раз-

ломать скорлупу и выпустить цыплёнка на волю? Ему ведь тесно в яйце сидеть.

— Что ты! — ответил Мишка. — Нельзя скорлупу ломать. У цыплёнка кожа ещё слишком нежная, можно её поцарапать.

Ребята долго не расходились. Каждому хотелось увидеть, как цыплёнок выберется из яйца, но было уже очень поздно, и им пришлось уйти домой.

— Ничего, ребята, — говорил на прощание Мишка, — это ещё не всё! Наверно, кроме этого и другие яйца наклюнутся.

Когда ребята разошлись, Мишка осмотрел ещё раз яйца и нашёл ещё на одном наклёвку.

— Смотри, — закричал он, — номер одиннадцатый наклюнулся!

Я посмотрел: яйцо номер одиннадцать тоже было с наклёвкой.

— Ах, какая досада, что ребята ушли! — говорю я. — Теперь уже поздно за ними бежать.

— Да, жалко! — пробормотал Мишка. — Ну ничего, завтра увидят уже готовых цыплят.

Мы сидели у инкубатора и упивались счастьем.

— Это только мы с тобой такие счастливые, — говорил Мишка. — Не каждому небось выпадает такое счастье!

Наступила ночь. Все давно уже спали, но нам с Мишкой даже не хотелось спать.

Время бежало быстро. Часа в два ночи наклюнулись ещё два яйца: номер восьмой и десятый. А когда мы заглянули в инкубатор в следующий раз, то даже ахнули от изумления. Посреди яиц барахтался маленький новорождённый цыплёнок. Он пытался подняться на своих лапках, но всё время шатался и падал.

От счастья у меняхватило дыхание, сердце сильно забилося в груди.

Я поскорее взял цыплёнка в руки. Он был ещё мокренький и какой-то облезлый. Вместо перьев на нём были рыжие волосики, которые прилипли к его тонкой, нежной розовой коже.

Мишка поскорее открыл кастрюлю, из которой мы сделали грелку.

Я посадил цыплёнка в кастрюлю. Мы подлили в чугунок горячей воды, чтобы цыплёнку было теплее.

— Теперь он высохнет, обогреется и станет совсем хорошим,— говорил Мишка.

Он вынул из инкубатора две половинки скорлупы, из которой вылупился цыплёнок, и сказал:

— Удивительно, как в такой маленькой скорлупе мог помещаться такой огромный цыплёнок!

А цыплёнок на самом деле казался огромным по сравнению с маленькой скорлупой, из которой он вылупился. Он ведь лежал в скорлупе скрюченный, с поджатыми лапками, с подвёрнутой головой, а теперь он расправился, вытянул шею и стоял на своих маленьких ножках. Мишка принялся рассматривать обе половинки скорлупы и вдруг как закричит:

— Да это ведь не тот цыплёнок!

— Как «не тот»?

— Ну, не тот, не первый! Первый наклюнулся номер пятый, а этот одиннадцатый.

На скорлупе в самом деле был номер одиннадцать.

Мы заглянули в инкубатор. Номер пятый по-прежнему лежал на месте.

— Что ж это он? — говорю я.— Раньше всех наклюнулся, а вылезать не хочет.

— Наверно, он слабенький и не может сам разломать скорлупу,— сказал Мишка.— Пусть полежит ещё и наберётся побольше сил.

НАША ОШИБКА

За всеми хлопотами мы даже не заметили, как наступило утро. Взошло солнышко и стало светить в окно. На полу заиграли солнечные зайчики, и вся кухня наполнилась радостным светом.

— Вот увидишь, сейчас придёт кто-нибудь из ребят,— сказал Мишка.— Они не вытерпят!

Не успел он это сказать, как пришли сразу двое — Женя и Костя.

— Смотрите на чудо! — закричал Мишка и вытащил из кастрюли цыплёнка.— Вот оно, чудо природы!

Ребята стали рассматривать цыплёнка.

— А здесь ещё три наклёвки! — хвастался Мишка.— Смотрите: номер пятый, восьмой и десятый.

Цыплёнок, видно, очень боялся холода. Когда мы держали его в руках, он начинал беспокоиться, а когда сажали обратно в грелку, сейчас же успокаивался.

— А вы уже покормили его? — спросил Костя.

— Что ты, что ты! — ответил Мишка.— Его ещё рано кормить. Цыплят начинают кормить только на следующий день.

— А вы так и не спали всю ночь? — спросил нас Женя.

— Нет. Куда уж тут спать, когда такие дела пошли!

— Так вы ложитесь, а мы пока подежурим,— предложил Костя.

— А вы разбудите нас, если новый цыплёнок выведется?

— Конечно, разбудим.

Мы с Мишкой улеглись на кушетке и моментально заснули. По правде сказать, мне давно уже хотелось спать. Ребята разбудили нас часов в десять утра.

— Вставайте смотреть чудо-юдо номер два! — закричал Костя.

— Какое «чудо-юдо номер два»? — не понял я спросонок и огляделся по сторонам.

Вся кухня уже была полна ребят.

— Вот оно, чудо! — закричали ребята и показали на грелку.

Мы с Мишкой вскочили и заглянули в кастрюлю. В ней оказалось уже два цыплёнка. Один из них был кругленький, пушистый и жёлтенький, как яичный желток. Совсем настоящий красавец!

— Какой замечательный! — говорю я. — Почему же наш первый такой облезлый?

Все засмеялись:

— Да это и есть ваш первый.

— Какой?

— Вот этот, пушистый.

— Да нет! Наш вот тот, голенький.

— Этот голенький только что вылупился. А первый уже обсох и стал пушистый.

— Вот так чудеса! — говорю я. — Значит, и второй такой будет, когда обсохнет?

— Конечно.

— А какой номер вылупился? — спросил Мишка.

— Как — какой номер? — не поняли ребята.

— Ну, у нас все яйца ведь пронумерованы, — объяснил Мишка.

— А мы и не посмотрели, из какого он номера вылез, — ответил Костя.

— Можно проверить по скорлупе, — сказал я. — Там ведь скорлупа осталась.

Мишка открыл инкубатор и как закричит:

— Батюшки! Да тут ещё два новорождённых!

Все, толкая друг друга, бросились к инкубатору. Мишка осторожно вынул из инкубатора двух новых цыплят и показал нам.

— Вот они, орлы! — с гордостью сказал он.

Мы усадили и этих цыплят в кастрюлю. Теперь их уже было четверо. Они все сидели кучкой и жались друг к дружке, чтобы было теплее.

Мишка вытащил из инкубатора оставшуюся скорлупу и стал разбирать, какие на ней были написаны номера.

— Номер четвёртый, восьмой и десятый, — объявил он. — Только который из них какой?

Мы стали рассматривать трёх новых цыплят, но теперь уже нельзя было узнать, из какой скорлупы они вывелись.

— Все номера перепутались! — смеялись ребята.

— А номер пятый так и лежит в инкубаторе? — говорю я.

— Верно! — воскликнул Мишка. — Лежит! Что ж это он? Может быть, умер?

Мы достали яйцо номер пять из инкубатора и немного расширили наклёвку. Цыплёнок спокойно лежал в яйце и шевелил головкой.

— Живой! — обрадовались мы и положили яйцо обратно.

Мишка проверил оставшиеся яйца и обнаружил новую наклёвку, на третьем номере. Ребята смеялись и потирали от удовольствия руки.

— Вот как пошли дела! — радовались они.

Тут пришла Майка. Мы стали показывать ей цыплят.

— Вот этот мой! — сказала она и уже хотела схватить пушистого.

— Постой, — говорю я. — Зачем хватаешь? Ему сидеть надо в грелке, а то простудится.

— Ну, тогда я потом возьму. Только этот, пушистый, мой будет. Я не хочу голого.

В этот день было воскресенье. В школу никому не нужно было идти. Ребята весь день толпились у нас. Кто на стуле сидел, кто на кушетке. Мы с Мишкой сидели на самом почётном месте — возле инкубатора. Направо, возле плиты, стояла кастрюля с новорождёнными, на плите грелся чугунок с водой, на окне весело зеленел овёс в ящиках. Ребята шутили, смеялись, рассказывали разные интересные случаи из жизни.

— Почему же произошла задержка? — спросил кто-то из ребят. — Вы ведь ещё в пятницу ждали цыплят.

— Не знаю, — ответил Мишка. — В книге написано, что цыплята выводятся на двадцать первый день, а сегодня уже двадцать третий. Может быть, в книге произошла какая-нибудь ошибка?

— Может быть, это у вас произошла ошибка? — говорит Лёша Курочкин. — Вы помните, когда заложили в инкубатор яйца?

— Мы заложили третьего числа. Это было в субботу, —

говорит Мишка.— Это я точно помню, потому что на другой день было воскресенье.

— Послушай,— сказал Женя Скворцов,— у вас как-то нескладно получается: заложили яйца в субботу, а двадцать первый день наступил в пятницу.

— Правда! — подхватил Витя Смирнов.— Если вы начали в субботу, то и двадцать первый день тоже должен наступить в субботу. Ведь в неделе семь дней, а двадцать один день — это ровно три недели.

— Трижды семь — двадцать один! — засмеялся Сеня Бобров.— Так по таблице умножения получается.

— Я не знаю, как там у тебя по таблице умножения получается! — обиделся Мишка.— Мы не по таблице считали.

— Как же вы считали?

— А вот как,— сказал Мишка и начал загибать пальцы.— Третьего числа был первый день, четвёртого — второй, пятого — третий...

Так он дошёл до пятницы, и у него получился двадцать один день.

— Что же это? — говорит Сеня.— По таблице умножения двадцать первый день получается в субботу, а по пальцам — в пятницу. Как-то чудно!

— А ну покажи ещё раз, как ты считаешь,— сказал Женя.

— Вот,— сказал Мишка и снова начал загибать пальцы.— В субботу, третьего,— один день, в воскресенье, четвёртого,— два...

— Постой, постой! Неправильно! Если ты начал третьего, то третье число не надо считать.

— Почему?

— Потому что день ещё не прошёл. День прошёл только четвёртого. Значит, ты должен начать счёт с четвёртого числа.

Тут мы с Мишкой поняли, в чём дело. Мишка подсчитал по-новому, и оказалось всё верно.

— Правильно,— сказал он.— Двадцать первый день наступил вчера.

— Значит, всё вышло как надо,— говорю я.— Ведь мы положили в инкубатор яйца в субботу вечером, и первая наклёвка появилась в субботу вечером, то есть вчера. Как раз двадцать один день прошёл.

— Видишь, какое несчастье может произойти, если плохо знаешь арифметику,— сказал Ваня Ложкин.

Все засмеялись, а Мишка сказал:

— Из-за этой ошибки мы столько мучений перенесли! Если б мы не ошиблись, никто бы не мучился.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

К концу дня у нас в грелке сидело уже десять цыплят. Последним появился номер пятый. Он упорно не хотел вылезать из яйца, и нам пришлось наполовину обломать скорлупу, чтобы помочь ему выбраться. Если бы мы этого не сделали, то он так и остался бы в скорлупе до скончания веков. Он был помельче остальных птенцов и не такой крепкий — должно быть, оттого, что так долго сидел в яйце.

К вечеру в инкубаторе осталось только два яйца. Они сиротливо лежали посреди опустевшей коробки, и на них не появилось даже наклёвок. Мы продолжали нагревать инкубатор и не гасили лампу, но они даже не наклюнулись за ночь. Все новорождённые цыплята прекрасно провели ночь в кастрюле, а наутро мы их выпустили на пол. Все они были жёлтенькие, пушистые и отчаянно пищали. Они моргали своими глазёнками, жмурились от яркого света; одни уже крепко держались на маленьких ножках, другие падали, третьи пытались бежать, но тут же спотыкались. Иногда они тыкали клювиками в разные пятнышки на полу и даже в блестящие шляпки гвоздей.

— Миленькие! Да они есть хотят! — воскликнул Мишка.

Мы поскорее сварили вкрутую яйцо, нарезали его мелко и насыпали цыплятам. Но цыплята не догадывались, что яйцо можно есть. Мы давали им по кусочку яйца и говорили:

— Ешьте, глупые!

Но цыплята даже не смотрели на корм. В это время на кухню пришла Мишкина мама.

— Мама, они не хотят есть яйцо! — пожаловался Мишка.

— А ты поучи их.

— Как же их учить? Мы говорим им, а они не слушаются.

— Да разве так цыплят учат? Ты постучи по полу пальцем.

Мишка присел возле цыплят и стал стучать пальцем по полу там, где был насыпан корм. Цыплята увидели, что палец как будто клюёт на полу корм, и тоже стали клевать. Через минуту от яйца не осталось ни крошки.

Тогда мы поставили им блюдечко с водой, цыплята принялись пить воду. Их этому не нужно было даже учить. Потом они сбились на полу кучкой и прижались друг к дружке. Мы посадили их обратно в кастрюлю, чтобы им было теплее.

В этот день, как только Марья Петровна пришла в класс, все ребята бросились к ней навстречу и стали рассказывать, что у нас уже есть цыплята. Марья Петровна очень удивилась и обрадовалась.

— Значит, вас можно поздравить с днём рождения цыплят? — сказала она.

Все засмеялись, а Витя Смирнов сказал:

— А мы даже не отпраздновали день рождения цыплят! Давайте сегодня отпразднуем.

Все обрадовались и закричали:

— Давайте, давайте! Марья Петровна, а вы придёте на день рождения к нам?

— Приду, — улыбнулась Марья Петровна. — И подарок цыплятам принесу.

— Мы тоже принесём! — кричали ребята.

Вернувшись из школы, мы с Мишкой с нетерпением ждали гостей. Нас очень интересовал вопрос: какие будут подарки?

Первым явился Сеня Бобров с букетом цветов.

— Что это? — сказал Мишка. — Ты зачем цветы притащил?

— А подарок!

— Зачем же цыплятам такой подарок? Что они, есть будут эти цветы?

— Зачем есть? Будут смотреть и нюхать.

— Вот ещё выдумал! Цветов они не видели, что ли!

— Конечно, не видели. Давай-ка банку с водой. Увидишь, как хорошо будет.

Мы налили в банку воды и поставили цветы в воду. Вслед за Сеней явились Серёжа и Вадик. Они оба принесли по букету подснежников.

— Что это вы все сговорились приносить цветы? — насупился Мишка.

— А тебе что, наши подарки не нравятся? — обиделся Вадик.— Знаешь, дарёному коню в зубы не смотрят.

Мы поставили и эти цветы в воду.

Пришёл Ваня Ложкин и принёс полкило крупы овсянки. Мишка посмотрел и покачал головой:

— Уж не знаю, будут ли они такую овсянку есть.

— А ты попробуй,— говорит Ваня.

— Нет, мы лучше подождём и спросим Марью Петровну. Тут пришла Марья Петровна.

В руках у неё было что-то завёрнутое в газету. Она развернула, и это оказалась бутылка. В бутылке было что-то белое.

— Молоко! — закричал Мишка.— А мы и не догадались цыплятам молока дать!

— Это не молоко, а простокваша,— сказала Марья Петровна.— В первые дни цыплятам нужно вдоволь простокваши давать. Они её очень любят.

Мы выпустили цыплят из грелки, принесли блюдечко и налили в него простокваши. Цыплята принялись есть простоквашу.

— Вот это настоящий подарок цыплятам! — радовался Мишка.— Надо знать, что цыплятам дарить.

Продолжали прибывать новые «гости». Пришли Витя и Же-ня и принесли пшена. Вслед за ними прибежал Лёша Курочкин с детской погремушкой в руках и закричал:

— Вот, не знал, что купить новорождённым! Иду по улице, смотрю — в киоске продаются детские погремушки. Ну, я и купил погремушку им.

— Додумался! — проворчал Мишка. — Кто же дарит цыплятам погремушки?

— Откуда же я знаю, что цыплятам дарить? Может быть, им погремушка понравится.

Он подскочил к цыплятам и начал над ними греметь погремушкой. Цыплята перестали есть простоквашу и начали задирать кверху головы.

— Смотрите! — кричал радостно Лёша. — Им погремушка нравится!

Все засмеялись. Мишка сказал:

— Ну ладно, не мешай им есть.

Я спросил Марью Петровну, можно ли кормить цыплят овсянкой. Марья Петровна сказала, что кормить цыплят можно всякой крупой, но только варёной.

— А как варить крупу? — спросил Мишка.

— Ну, сварите просто кашу.

Мы с Мишкой хотели уже начать варить кашу, но тут к нам пришёл ещё один «гость» — Костя Девяткин.

— А подарок принёс? — спросили его ребята.

— Подарок вот, — сказал Костя и вытащил из кармана два пирога.

— Вот так придумал! — засмеялись ребята.

— Ну, на день рождения всегда ведь бывают пироги, — оправдывался Костя.

— А с чем пироги? — спросил подозрительно Мишка.

— С кашей.

— С кашей?.. — закричал Мишка. — Так чего ж ты молчишь?

Он выхватил у Кости из рук пироги и стал выковыривать из них кашу.

— Постой! — сказал Костя. — Ведь и так видно, что они с кашей. Зачем пироги портить?

Но Мишка не слушал. Он выложил кашу на блюдечко и поставил перед цыплятами. Цыплята принялись клевать кашу.

Майка увидела, что все приносят подарки цыплятам. Она принесла красную ленточку, разрежала на кусочки и повязала каждому цыплёнку бантик вокруг шеи. Мы расставили вокруг цыплят банки с цветами, и у цыплят получился настоящий праздник. Перед ними в блюдечках стояло угощение: в одном блюдечке каша, в другом простокваша, в третьем чистая, свежая вода, а все цыплята были с красными бантиками — настоящие именинники! Костя хотел ещё угостить их травой, но Марья Петровна сказала, что цыплятам ещё рано давать зелёный корм; с этим лучше потерпеть до завтра.

Цыплята наелись, попили свежей водички. Мы сняли с них бантики и посадили обратно в грелку. Марья Петровна посоветовала нам отгородить для цыплят угол на кухне и поставить им чугунок с горячей водой, чтоб они возле него грелись.

— А лучше всего отвезти их куда-нибудь в деревню. В закрытом помещении цыплята часто болеют и могут умереть. Им обязательно нужен свежий воздух,— сказала Марья Петровна.

Мы показали Марье Петровне наш инкубатор, в котором осталось только два яйца.

— Из этих яиц, наверно, уже ничего не выйдет,— сказала Марья Петровна.— Но это не беда. У вас и так всё очень хорошо получилось. Вы потрудились на славу!

— А мы не одни трудились: с нами ребята работали,— сказал Мишка.

— Так и надо,— ответила Марья Петровна.— Будете дружными — никакие трудности вас не испугают.

— А я думал, что у нас совсем ничего не получится, так как один раз не уследил за температурой и яйца остыли,— сказал я.

— Зародыши могут выдержать довольно длительное охлаждение,— сказала Марья Петровна.— Ведь наседка не сидит всё время на яйцах. Раз в день она сходит с гнезда, для того что-

бы покормиться, и яйца остывают. В инкубаторах тоже остужают яйца раз в день, чтобы зародыши развивались, как в природных условиях. Но гораздо опаснее перегреть яйца.

— А я один раз перегрел,— говорит Мишка.— Температура поднялась до сорока градусов.

— Значит, ты вовремя спохватился,— объяснила Марья Петровна.— Длительный перегрев мог бы погубить зародыши.

Вечером мы разбили оба оставшихся яйца. В обоих оказались недоразвившиеся зародыши. Жизнь почему-то остановилась в них, и цыплята умерли не родившись. Может быть, это как раз и случилось от перегрева.

Мы потушили лампу, которая горела ровно двадцать три дня. Ртуть в градуснике медленно опустилась вниз. Инкубатор остыл. А у плиты в кастрюле копошилась наша «весёлая семейка» — десять пушистых жёлтеньких цыплят.

НА ВОЛЮ

Наша «весёлая семейка» жила очень дружно. Цыплята чувствовали себя спокойно и хорошо, когда были все вместе. Но стоило только какого-нибудь из них унести от остальных, как он начинал тревожно пищать и бегать, стараясь отыскать своих братцев, и успокаивался только тогда, когда находил их.

Майка уже давно хотела забрать своего цыплёнка, но мы всё не позволяли ей. Наконец она всё-таки не послушалась и унесла его в комнату. Через полчаса она принесла его обратно и со слезами сказала:

— Я не могу больше! Он надрывает мне душу писком. Я думала, он привыкнет и не будет пищать, а он всё пищит, да так жалобно!

Она пустила цыплёнка на пол, и он со всех ног бросился к остальным цыплятам, которые держались стайкой и не отходили далеко друг от друга.

Мы отгородили на кухне угол. В углу постелили клеёнку

и поставили на неё чугунок с тёплой водой. Сверху мы накрыли чугунок подушкой, чтоб вода не остывала слишком быстро. Цыплята забирались под подушку и сидели вокруг чугунка, как вокруг курицы. Этот чугунок на самом деле заменял им мать — курицу.

Иногда мы выносили цыплят во двор, но там нам трудно было следить за ними: то собака появится, то кошка — со всех сторон грозила какая-нибудь беда. Цыплятам чаще всего приходилось сидеть дома, и мы очень боялись, что им не хватает свежего воздуха.

Особенно нас беспокоил один цыплёнок. Он был помельче остальных, и характер у него был какой-то задумчивый. Он мало бегал, часто сидел совсем молча и мало ел. Это был номер пятый, который позже всех вылупился из яйца.

— Хорошо бы отвезти наших цыплят в деревню, — сказал Мишка. — Боюсь, как бы они не заболели у нас.

Но нам жалко было расставаться с цыплятами, и мы со дня на день откладывали поездку.

Один раз утром мы с Мишкой пришли кормить цыплят. Цыплята уже узнавали нас и с радостным писком бросались из-под чугунка к нам навстречу. Мы поставили им тарелочку с пшённой кашей. Цыплята принялись клевать корм.

Они толкали друг дружку, прыгали через головы. Каждый старался опередить другого, а один даже залез с ногами в тарелку.

— А где же номер пятый? — спросил Мишка.

Номер пятый обычно толкся позади всех. Его, как самого слабого, цыплята отталкивали, и мы всегда кормили его отдельно. Иногда он и вовсе не хотел есть, а прибегал с остальными цыплятами, чтобы не оставаться одному. Но на этот раз его совсем не было. Мы пересчитали цыплят. Их оказалось девять.

— Может быть, он за чугуном спрятался? — сказал я и заглянул за чугунок.

Цыплёнок был там. Он лежал на полу, и я сначала подумал, что он просто прилёг отдохнуть. Я протянул руку и взял его.

В руке у меня очутилось маленькое холодное тельце. Головка цыплёнка свесилась книзу и безжизненно моталась на тоненькой шейке. Номер пятый был мёртв.

Мы долго смотрели на него и от жалости не могли сказать ни слова.

— Это мы виноваты! — сказал наконец Мишка. — Надо было отвезти его в деревню. Он бы окреп там на чистом воздухе.

Мы похоронили цыплёнка во дворе под липой, а на другой день собрали всех остальных в корзинку и сказали, что повезём их в деревню. Все ребята пришли провожать цыплят.

Майка плакала и целовала на прощание своего цыплёнка. Ей очень хотелось оставить его у себя, но она боялась, что он будет скучать по своим братцам, и поэтому согласилась, чтобы мы отвезли его тоже в деревню.

Мы накрыли корзинку теплым платком и пошли на вокзал. Цыплятам было тепло и уютно. Всю дорогу они сидели тихо и только иногда попискивали, перекликаясь между собой. Пассажиры с любопытством поглядывали на нас и, наверно, догадывались, что у нас в корзинке цыплята.

— Ну как, птицеводы, опять за яйцами приехали? — засмеялась тётя Наташа, когда увидела нас.

— Нет, — сказал Мишка. — Мы привезли вам маленьких цыплят, чтоб они у вас жили.

Тётя Наташа заглянула в корзинку:

— Батюшки! Где же вы набрали столько цыплят?

— Сами вывели в инкубаторе.

— Шутите! Наверно, в зоомагазине купили.

— Нет, вы ведь сами дали нам яиц месяц назад. А теперь эти вот яйца вернулись к вам в живом виде.

— Чудеса! — воскликнула тётя Наташа. — Вы, наверно, какими-нибудь животноводами будете, когда вырастете.

— Не знаю, — ответил Мишка.

— А вам не жалко расставаться с цыплятами?

— Жалко, — ответил Мишка. — Да вы ведь знаете: в городе им не житьё. Здесь у вас воздух свежий и чистый, и им будет

здесь хорошо, а там им даже побегать негде. У вас они вырастут, и получатся из них настоящие куры и петухи. Куры будут нести вам яйца, а петухи будут петь песни. А у нас уже один цыплёнок умер, и мы похоронили его под липой.

— Ах вы мои бедные! — сказала тётя Наташа и обняла нас с Мишкой. — Ну ничего, ничего! Один цыплёнок умер, что ж делать? Зато остальные будут жить.

Мы выпустили цыплят из корзины и долго смотрели, как они резвились на солнышке. Тётя Наташа сказала, что у неё заклохтала курица, и мы с Мишкой побежали в сарай посмотреть на наседку. Она сидела в лукошке, из которого торчало во все стороны сено. Курица строго глядела на нас, будто боялась, что мы отнимем у неё яйца.

— Вот и будут нашим цыплятам товарищи, — сказал Мишка. — Вместе им веселее будет.

Весь день мы провели с Мишкой в деревне. Ходили в лес, на реку, в поле. Когда мы приезжали в прошлый раз, на полях ещё ничего не росло, потому что это было совсем ранней весной. Только тракторы трещали вокруг и пахали чёрную землю. А теперь вся земля покрылась зелёными всходами: куда ни глянешь — до самого горизонта тянется зелёный ковёр.

А в лесу — вот где было раздолье! В траве копошились мурашки, букашки, в воздухе порхали бабочки, со всех сторон доносились голоса птичек. Так было хорошо, что не хотелось уезжать домой! Мы с Мишкой решили приехать сюда летом, построить на берегу реки шалаш и жить в нём, как Робинзон.

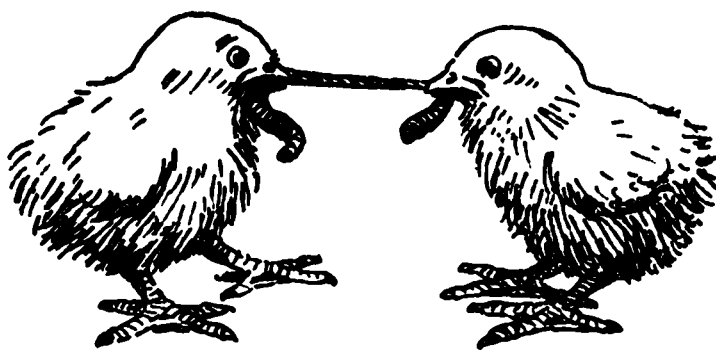
Наконец мы вернулись к тёте Наташе и стали прощаться с ней.

Тётя Наташа дала нам на дорогу по куску пирога и сказала, чтоб мы приезжали к ней жить на каникулы. Мы вышли во двор и в последний раз посмотрели на наших цыплят. Они уже совсем привыкли к новому месту и бегали среди кустов и деревьев, наполняя воздух радостным пискom. Они по-прежнему держались дружной стайкой и пищали, должно быть, для того,

чтобы тот, кто заблудился среди травы, мог найти остальных по пisku.

— Ну, прощай, наша весёлая семейка! — сказал Мишка цыплятам. — Дышите тут воздухом, грейтесь на солнышке, закаляйте свои организмы, набирайтесь побольше сил. Живите между собой дружно, как и до сих пор жили. Помните, что вы все братья — дети одной матери... то есть тьфу! — дети одного инкубатора, в котором все вы лежали рядышком, когда были ещё обыкновенными, простыми яйцами и ещё не умели ни бегать, ни говорить... то есть тьфу! — ни пищать... И нас тоже не забывайте, потому что это мы сделали инкубатор и, значит, это мы дали вам жизнь, которая такая хорошая и прекрасная...

Всё!

ДНЕВНИК КОЛИ СИНИЦЫНА

28 мая

У меня сегодня очень радостный день: занятия в школе окончились и я перешёл в следующий класс с одними пятёрками.

Завтра начинаются каникулы. Я задумал во время каникул вести дневник. Мама сказала, что подарит мне вечную ручку, если я буду вести дневник аккуратно. Я купил толстую общую тетрадь в синей обложке и решил аккуратно записывать в эту тетрадь разные интересные случаи.

Как только случится что-нибудь интересное, я сейчас же запишу.

Кроме того, буду записывать свои мысли. Буду думать о разных вещах и, как только в голову придёт хорошая мысль, я тоже её запишу.

Сегодня ещё ничего интересного не случилось. Мыслей тоже пока ещё не было.

29 мая

Сегодня тоже ещё ничего интересного не случилось.

Мыслей тоже никаких не было. Наверно, это потому, что я всё свободное время играл во дворе с ребятами и мне некогда было думать.

Ну ничего. Подожду до завтра. Может быть, завтра будет что-нибудь интересное.

30 мая

Сегодня опять ничего интересного не случилось. Мыслей тоже пока почему-то не было. Прямо не знаю, о чём писать! Может быть, мне просто выдумать что-нибудь да написать? Но это ведь не годится — в дневнике выдумки писать. Раз дневник, значит, нужно, чтобы всё была правда.

31 мая

Сегодня у нас был сбор звена. Наш звеньевой Юра Кусков сказал:

— Ребята, вот уже началось лето, и нас отпустили на каникулы. Некоторые из вас, может быть, думают, что летом ничего делать не надо, только гулять, но это неправильно. Пионеры даже на лето не прекращают своей работы, чтобы время не пропадало зря. Давайте придумаем на лето какую-нибудь интересную работу и будем делать её всем звеном.

Мы все задумались и стали придумывать на лето работу.

Сначала никто ничего не мог придумать, потом Витя Алмазов сказал:

— Ребята, у нас при школе есть опытный огород. Может быть, нам на огороде работать?

Юра говорит:

— Опоздали: уже эту работу второе звено захватило. Они уже посадили огурцы, и помидоры, и тыквы.

— Тогда давайте деревья в школьном саду сажать,— предложил Женя Шемякин.

— Спихватился! — говорит Юра.— Деревья надо ранней весной сажать. И к тому же у нас все деревья уже посажены. Больше сажать негде.

— Давайте всем звеном собирать почтовые марки,— сказал Федя Овсянников.— Я очень люблю собирать марки.

— Марки каждый может в отдельности собирать, а для звена это не работа,— ответил Юра.

— А то есть ещё такая работа: собирать конфетные бумажки,— сказал Гриша Якушкин.

— Ещё что выдумаешь! — ответил Павлик Грачёв.— Ты ещё скажешь — собирать спичечные коробки! Какая от этого польза? Надо такую работу, чтоб была польза.

Мы снова стали усиленно думать, но больше никому ничего в голову не приходило. Юра сказал, чтоб мы ещё поразмыслили дома, а потом соберёмся и обсудим, какие у кого будут предложения.

Дома я не сразу стал думать. Сначала я погулял во дворе с ребятами, потом пообедал, потом ещё немножечко погулял, потом поужинал и ещё чуточку погулял. Потом вернулся домой и стал писать дневник. Тут мама сказала, что уже пора спать, и только тогда я вспомнил, что мне надо подумать о работе на лето. Я решил, что думать не обязательно нужно сидя. Думать можно и лёжа. Сейчас я разденусь, лягу в постель и начну думать.

1 июня

Вчера я лёг в постель и стал думать. Но вместо того чтобы думать о работе, я стал почему-то размышлять о морях и океанах: о том, какие в морях водятся киты и акулы; почему киты такие большие, и что было бы, если бы киты водились на суше и ходили по улицам, и где бы мы жили, если бы какой-нибудь

кит разрушил наш дом. Тут я заметил, что думаю не о том, и сейчас же забыл, о чём надо думать, и стал почему-то думать о лошадях и ослах: почему лошади большие, а ослы маленькие, и что, может быть, лошади — это то же, что и ослы, только большие; почему у лошадей и ослов по четыре ноги, а у людей только по две, и что было бы, если бы у человека было четыре ноги, как у осла, — был бы он тогда человеком или тогда он был бы уже ослом; почему осёл маленький, а хвост у него большой, а слон большой, но хвост у него не такой уж большой; сколько из одного слона можно наделать лошадей или хотя бы ослов, и почему у слона хобот, а у человека нет, и что было бы, если бы у человека был хобот.

Тут я снова заметил, что опять думаю не о том, и, сколько я ни пытался думать о деле, в голову лезла только одна чепуха. Оказывается, у меня какая-то упрямая голова: когда мне нужно думать об одном, она обязательно думает о другом. Я решил, что с такой головой лучше совсем не думать, и быстро заснул.

2 июня

Ура! Мама подарила мне вечную ручку! Вот теперь я буду писать этой ручкой. Только вот беда: ручка есть, а писать нечего! Целый час думал, о чём писать, и ничего не придумал.

Но я ведь не виноват, что никаких интересных приключений не было.

3 июня

Сегодня утром я вышел на улицу, смотрю — идёт Гриша Якушкин. Я спрашиваю его:

— Куда ты идёшь?

Он говорит:

— Я иду в школу на занятия кружка юннатов.

Я говорю:

— Возьми меня с собой.

Он говорит:

— Пойдём.

Пошли мы вместе и по дороге встретили Юру Кускова. Он тоже шёл на занятия кружка юннатов. Когда все юннаты собрались, наша учительница Нина Сергеевна, которая руководит кружком юннатов, повела нас в сад и стала показывать, как устроены цветы растений. Оказывается, в цветке имеются тычинки с пыльцой, и вот если эта пыльца попадает с цветка на цветок, то из такого опылённого цветка образуется плод, а если пыльца на цветок не попадает, то из него никакого плода не получится. Разные насекомые садятся на цветы, пыльца прилипает к ним, и они её переносят с цветка на цветок. Значит, насекомые помогают увеличивать урожай, потому что если бы они пыльцы не переносили, то плодов бы не получалось.

Больше всего увеличивают урожай пчёлы, так как они собирают на цветах мёд и по целым дням летают с цветка на цветок. Поэтому везде надо устраивать пасеки.

После занятия кружка юннатов Юра собрал сбор звена и стал спрашивать, кто что придумал. Оказалось, что никто из ребят ничего не придумал. Юра велел, чтоб мы ещё хорошенько подумали, и уже хотел закрыть сбор звена, но тут Гриша Якушкин сказал:

— Давайте сделаем улей и будем разводить пчёл.

Мы все обрадовались. Нам понравилось это предложение.

— По-моему, это дело хорошее,— сказал Юра.— Пчёлы приносят большую пользу — они не только делают мёд, но и помогают увеличивать урожай.

— Ребята,— закричал Павлик Грачёв,— мы прославимся на всю школу! Давайте поставим улей в саду, и у нас при школе будет пасека. Всё звено наше прославится!

— погоди,— сказал Юра,— сначала надо сделать улей, а потом уже можно думать о том, чтобы прославиться!

— А как сделать улей? — стали спрашивать все.— Мы ведь не знаем, как он устроен.

— Надо у Нины Сергеевны спросить. Она, наверно, знает,— ответил Юра.

Мы побежали в школу, увидели Нину Сергеевну и стали расспрашивать её про улей.

— А почему вы ульем интересуетесь? — спросила Нина Сергеевна.

Мы сказали, что хотим разводить пчёл.

— Где же вы пчёл возьмёте?

— Наловим,— сказал Серёжа.

— Как наловите?

— Руками. Как же ещё?

Нина Сергеевна стала смеяться:

— Если вы станете ловить пчёл по одной, то они не будут жить у вас, потому что пчёлы живут только большими семьями, и каждая пчела улетит из вашего улья обратно в свою семью.

— Как же делают, если кто-нибудь хочет завести пчёл? — спросили мы.

— Надо купить сразу целую пчелиную семью, или рой,— сказала Нина Сергеевна.

— А где они продаются?

— Можно по почте выписать.

— Как — по почте? — удивились мы.

— Нужно написать в какое-нибудь пчеловодное хозяйство, и оттуда могут прислать пчёл в посылке.

— А где есть такое пчеловодное хозяйство?

— Вот этого я не знаю,— сказала Нина Сергеевна.— Но я постараюсь узнать и скажу вам.

Нина Сергеевна рассказала нам, как устроен улей. Оказалось, что улей — очень простая вещь. Это как будто большая деревянная коробка или ящик с дырой. Если в такой ящик посадить пчёл, то пчёлы будут в нём жить, строить из воска соты и приносить мёд. Только соты они будут лепить прямо к стенкам ящика, и мёд будет трудно доставать оттуда. Для того чтобы мёд было легко доставать, пчеловоды придумали ставить в улей деревянные рамки с вощиной, то есть с тонкими листами воска.

Пчёлы строят соты на этой вошине, и, когда нужно достать мёд, пчеловод достаёт рамки с готовыми сотами.

Мы решили с завтрашнего дня взяться за постройку улья.

Толя Песоцкий сказал, что работать можно будет у него в сарае. Юра сказал, чтоб каждый из нас принёс какие у кого есть инструменты.

Потом я пошёл домой и стал думать о пчёлах. Вот какая интересная штука! Оказывается, пчёл можно посылать по почте. До чего только не додумаются люди!

4 июня

Утром всё наше звено собралось у Толи Песоцкого в сарае.

Витя Алмазов принёс пилу, Гриша Якушкин — топор, Юра Кусков — стамеску, клещи и молоток, Павлик Грачёв — рубанок и молоток, а я тоже принёс молоток, так что у нас оказалось сразу три молотка.

— А из чего делать улей? — спросил Серёжа.

Тут мы все вспомнили, что у нас нет досок.

— Вот беда! — сказал Юра. — Надо доски искать.

— Где же их искать? — говорим мы.

— Ну, надо посмотреть, может быть, у кого-нибудь в сарае найдутся.

Мы все пошли искать доски. Облазили все сараи и чердаки, нигде не нашли.

Юра говорит:

— Пойдём к Гале. Может быть, она нам поможет.

Мы пошли к нашей старшей пионервожатой Гале и рассказали ей обо всём.

Галя сказала:

— Я попрошу у директора школы. Может, он разрешит взять те доски, которые после ремонта остались.

Она поговорила с директором, и он разрешил нам взять

для улья четыре большие доски. Мы приволокли их в сарай, и тут у нас закипела работа. Кто пилил, кто строгал, кто заколачивал гвозди. А Толя распоряжался и кричал на всех. Он воображает, что если мы работаем у него в сарае, то он может кричать на каждого. Я даже чуть не поссорился с ним из-за этого. Понадобился ему молоток, он и давай кричать:

— Где молоток? Только что у меня в руках молоток был, а теперь вот куда-то делся!

— Постой,— говорит Юра,— я только что забивал гвоздь.

— Куда же ты молоток сунул?

— Да никуда я его не совал!

— Вот ищи теперь!

— И ты ищи.

Они принялись искать молоток, но его нигде не было.

Тогда все ребята бросили работу и стали искать молоток.

Наконец нашли его у меня в руках.

— Что же ты стоишь тут, как чучело! — напустился на меня Толя.— Не видишь разве, что мы молоток ищем?

— Откуда же я знаю, что вы этот молоток ищете? Кажется, у нас три молотка.

— «Три молотка»! «Три молотка»! Вот попробуй найди их, когда тут и одного не сыщешь!

— Ну и нечего тут кричать! — говорю я.— Я тоже имею право забивать гвозди. Всем работать хочется.

Сегодня мы ещё не успели сделать улей, потому что день кончился и в сарае стало темно.

5 июня

Ура! Улей уже готов! Вот он — я нарочно нарисовал его здесь на память. Внизу нарисован сам улей, а вверху — крыша. Снизу в передней стенке улья сделана дырка, чтобы пчёлы могли вылезать. Эта дыра называется летком, потому что пчёлы через неё вылетают из улья. Сверху имеется ещё один ма-

ленький леток, для того чтобы, если какой-нибудь пчеле захотелось вылезти сверху, чтоб она могла вылезти. Возле нижнего летка прибита доска. Она называется прилётной доской. Пчёлы на неё садятся, когда прилетают. Крыша сделана отдельно, чтоб её можно было снимать с улья, когда нужно доставать рамки. Кроме улья, мы сделали двенадцать рамок.

Юра ходил к Нине Сергеевне, чтоб спросить про пчёл, но Нина Сергеевна ещё ничего не узнала, потому что была очень занята. А вдруг Нина Сергеевна так и не узнает, где достать пчёл, что тогда делать?

6 июня

Сегодня спрашивал у всех, не знает ли кто-нибудь, где достать пчёл, но никто ничего не знает. Целое утро я ходил скучный.

Потом я вернулся домой, а к нам пришёл дядя Алёша.

— Почему ты такой скучный? — спрашивает дядя Алёша. Я говорю:

— Я потому скучный, что не знаю, где достать пчёл.

— А зачем тебе пчёлы понадобились?

Я рассказал, что наше звено решило устроить пасеку, только мы не знаем, где взять пчёл.

Дядя Алёша сказал:

— Когда я жил в деревне, у меня был знакомый пчеловод, который ловил пчёл в лесу ловушкой.

— Какой ловушкой?

— Сделает из фанеры ящик с дырой, вроде скворечника, положит в него немного мёду и повесит в лесу на дереве. Пчёл привлекает запах мёда. Если откуда-нибудь вылетит рой, он может поселиться в таком ящике, а пчеловод возьмёт ящик, отнесёт к себе на пасеку и посадит пчёл в улей. Вот сделай такую ловушку, а когда поедешь с мамой на дачу, повесь в лесу, может быть, в ловушку попадётся рой.

Я стал спрашивать маму, когда мы поедem на дачу.

— Не скоро,— говорит мама,— у меня отпуск в конце июля будет или, может быть, в августе.

Тогда я пошёл прямо к Серёже и рассказал ему про ловушку.

Серёжа говорит:

— Давай сделаем ловушку и будем ловить пчёл у нас на даче. У нас там есть и лес хороший и река.

— А где ваша дача?

— В Шишигине, пять километров отсюда.

— А нам позволят там жить?

— Позволят. Там целый дом пустой. Одна тётя Поля живёт.

Я сейчас же вернулся домой и стал проситься у мамы к Серёже на дачу.

— Что ты, что ты! — говорит мама.— Как вы туда поедете? Ещё под поезд попадёте.

— Да туда вовсе не надо на поезде ехать. Это недалеко. Мы пешком дойдём. Всего пять километров.

— Ну, всё равно,— говорит мама.— Как вы там будете жить одни? Одно баловство!

— И никакого баловства нет,— говорю я.— И жить будем не одни: там тётя Поля.

— Что ж — тётя Поля! — говорит мама.— Разве вы станете слушаться тётю Полю?

— Конечно, станем.

— Нет, нет! — говорит мама.— Вот будет у меня отпуск, поедem вместе, а то вы там в реке утонете, и в лесу заблудитесь, и ещё я не знаю что будет.

Я сказал, что мы вовсе купаться не будем, даже подходить близко не будем к реке, и в лес не будем ходить, но мама даже слышать ничего не хотела об этом. До самого вечера я кланчил и хныкал. Мама пригрозила, что пожалуется на меня папе. Тогда я перестал проситься, но за ужином ничего не хотел есть. Так и спать лягу голодный. Ну и пусть!

Утром я проснулся пораньше и снова стал тянуть вчерашнюю канитель. Мама сказала, чтоб я не надоедал ей, а я всё надоедал и надоедал, пока она не ушла на работу. Потом я пошёл к Серёже, и он сказал, что уже договорился с Павликом и завтра они вдвоём отправятся на дачу, если я не смогу отпроситься. Мне стало завидно, что Серёжа и Павлик отправятся без меня. Целый день я просидел скучный, и, как только мама вернулась, я принялся проситься с удвоенной силой. Мама рассердилась и снова сказала, что пожалуется папе, но я не унимался, потому что теперь мне было всё равно. Наконец папа пришёл, и мама пожаловалась ему. Папа сказал:

— Что ж тут такого? Пусть отправляется. Парень уже большой. Ему полезно приучаться самостоятельно жить.

Тогда мама сказала, что папа вечно мешает ей правильно воспитывать ребёнка (это меня то есть), а папа сказал, что мама сама неправильно воспитывает меня, и они тут чуть из-за этого не поссорились, а потом помирились, и тогда мама пошла к Серёжиной маме, и они сразу обо всём договорились. Серёжина мама сказала, что на даче мы никому не помешаем, что тётя Поля за нами присмотрит и будет варить нам обед. Нам только надо взять с собой продуктов. Мама успокоилась и сказала, что отпускает меня на три дня, а если я буду вести себя хорошо, то снова отпустит.

Я сказал, что буду вести себя хорошо.

Все ребята очень обрадовались, когда узнали, что мы отправляемся ловить пчёл на дачу. Юра подарил нам свой компас, чтоб мы не заблудились в лесу; Толя дал перочинный нож; Федя принёс нам походный котелок на случай, если мы сами захотим себе варить обед на костре. Потом мы достали фанеры и стали мастерить ловушку для пчёл.

Ловушка получилась хорошая. Спереди мы сделали дырку и дверцу, чтобы закрыть её, когда поймаются пчёлы. А крышу сделали, как в улье, отдельно, чтоб ловушку можно было открыть и достать пчёл.

К вечеру мама накупила разных продуктов — крупы, муки, масла, сахару, булок, консервов — и сложила всё это в рюкзак, так что рюкзак у меня получился тяжёлый. У Серёжи тоже получился большой рюкзак. Но самый огромный рюкзак у Павлика. Он положил в него котелок и фляжку, и ещё не знаю чего он туда напихал. Словом, у нас всё готово. Теперь поскорей бы пришёл вечер, а завтра мы проснёмся — и сразу в поход в Шишигино.

8 июня

Ура! Мы уже в Шишигине. Я думал, какая там дача, а это, оказывается, просто деревянный дом, а вокруг деревья, даже забора нет, только столбы врыты. Должно быть, не успели сделать. Дом оказался на замке, и в нём никого нет. Тётя Поля куда-то ушла. Мы её ждали, ждали, а потом решили, чтоб не терять времени зря, пойти в лес и повесить ловушку. Пошли в лес, положили в ловушку мёду и повесили её на дерево. Потом отправились на реку купаться. Вода в реке была холодная. Мы купались, купались, пока не посинели от холода. Потом нам захотелось есть.

Мы вылезли из воды, разожгли на берегу костёр и стали варить обед из консервов. После обеда мы вернулись на дачу, но тётя Поля ещё не пришла. Павлик сказал:

— А что, если нам найти в лесу дупло с пчёлами? Мы сразу поймали бы целую пчелиную семью.

— Как же найти дупло? — говорю я.

— Давайте следить за какой-нибудь пчелой, — предложил Павлик. — Пчела наберёт мёду и полетит в своё дупло, а мы побежим за ней и узнаем, где живёт пчелиная семья.

Мы заметили на цветке пчелу и стали следить за ней. Пчела летала с цветка на цветок, а мы ползали за нею на четвереньках и не выпускали её из виду.

От ползанья у меня заболели и руки, и ноги, и спина, и шея,

а пчела всё работала и не думала никуда улетать. Наконец Серёжа сказал:

— Наверно, пчёлы позже полетят к себе в дупло. Давайте пойдём ещё искупаемся, а потом снова будем следить за пчёлами.

Мы опять пошли на реку и стали купаться. Купались, купались, а потом увидели, что день уже скоро кончится. Тогда мы вернулись на дачу, а тёти Поли всё ещё не было.

— Может быть, она куда-нибудь уехала и не вернётся сегодня? — говорю я.

— Вернётся, — говорит Серёжа. — Куда она могла уехать?

— А вдруг не вернётся? Пойдём лучше домой.

— У меня и так уже ноги болят, — говорит Павлик. — Я никуда не пойду.

— Где же ты ночевать будешь?

— Можно пойти на соседнюю дачу и попроситься, чтобы пустили переночевать, — сказал Серёжа.

— Зачем на соседнюю дачу? — говорит Павлик. — Построим шалаш и переночуем здесь.

— Верно! — обрадовался Серёжа. — В шалаше даже интереснее. Я ни разу ещё в шалаше не ночевал.

Мы тут же взялись за постройку шалаша. Павлик велел нам наломать зелёных веток, а сам взял четыре шеста, поставил верхушками друг к другу, чтоб они стояли пирамидкой, и стал обкладывать вокруг ветками. Когда шалаш был готов, мы натаскали в него сухого мха, а под головы положили рюкзаки с продуктами. В шалаше получилось тесновато, но зато очень уютно.

Мы решили больше никуда не ходить, потому что очень устали. Подумать только, сколько мы сегодня ходили: из города шли, в лес ходили, на реку ходили, обратно с реки на дачу ходили, потом опять в лес, опять на реку, опять обратно на дачу. Потом ещё шалаш строили. Какой-нибудь нормальный, простой человек за месяц столько не ходит, сколько мы за один день!

Сейчас мы сидим на крылечке и отдыхаем. Я пишу дневник своей вечной ручкой, а Серёжа и Павлик любуются на шалаш. Вечер такой тихий, хороший! Ветра нет. Деревья ветками не машут. Только на осине листья дрожат мелкой дрожью. Они как будто серебряные. На небе ни облачка. Красное солнышко заходит за лесом. Вот пастухи уже гонят колхозное стадо домой. Коровы не спеша шагают по дороге. Их много: штук пятьдесят, наверно. Чёрные, бурые, рыжие, пегие и даже какие-то розовые, вернее сказать — телесного цвета, а есть и пятнистые. Всякие есть! Вот солнышко уже наполовину спряталось. Сейчас мы залезем в шалаш и будем спать. Ещё, правда, светло, но скоро стемнеет. Не сидеть же до темноты под открытым небом, если у нас свой шалаш есть!

9 июня

Сейчас я запишу про то, что случилось ночью. Павлик оказался хитрый: он первый залез в шалаш и занял место посреди-не, а нам с Серёжей достались места по краям. Серёжа как лёг, так сейчас же заснул, но я почему-то долго не мог заснуть. Сначала мне было очень удобно, и я даже удивлялся, для чего люди придумывают разные тюфяки и подушки, когда и без этого можно прекрасно обойтись. Потом меня стало что-то давить в затылок.

Я решил узнать, на чём я лежу, на крупе или на макаронах, и стал щупать под головой рюкзак. Но там оказалась вовсе не крупа и не макароны, а котелок.

«Ага, значит, мне попался рюкзак Павлика», — сообразил я и перевернул рюкзак на другую сторону. Но теперь мне под голову попала консервная банка, и я снова не мог заснуть. Тогда я стал вертеть рюкзак в разные стороны, чтоб отыскать булку или что-нибудь другое, помягче...

— Что ты там ищешь? — спрашивает Павлик.

— Булку.

— Неужели так скоро проголодался?

— Да нет!

— Зачем же тебе булка понадобилась?

— Я буду на ней спать, а то твёрдо очень.

— Подумаешь, нежности! — говорит Павлик.

— Вот попробуй, поспи на консервной банке, так узнаешь, какие нежности, — говорю я.

Булки я так и не нашёл, но мне попался какой-то пакет, наверно с сахаром. Я кое-как пристроился на сахаре и уже хотел заснуть, но тут у меня стала болеть спина. Видно, я отлежал её. Тогда я стал переворачиваться на бок.

— Вот вертится, как уж на сковороде! — проворчал Павлик.

— А тебе что?

— Да ты меня всё время толкаешь!

— Подумаешь, уж и не толкни его!

Я перевернулся на бок, но скоро бок тоже начал болеть. Некоторое время я молча терпел и изо всех сил старался заснуть. Наконец я не выдержал и стал переворачиваться на живот.

— Да дашь ли ты мне в конце концов заснуть! — зашипел Павлик.

— погоди, сейчас заснёшь, — сказал я и... зацепился ногой за шест.

Шест рухнул, и весь шалаш обвалился прямо на нас.

— Вот тебе! Довертелся! — закричал Павлик.

Серёжа проснулся, высунулся из-под ветвей и ошалело посмотрел вокруг.

— Что это ещё за шутки? — закричал он.

— Никакие не шутки! — говорит Павлик. — Просто этот вот бегемот обрушил шалаш! Ну, вставайте, что ли, починять будем.

Мы вылезли из-под обломков шалаша и в сумерках принялись восстанавливать разрушенную постройку.

Ночь приближалась быстро, и мы едва успели кое-как сде-

лать шалаш. Как только всё было готово, я залез в него первым и лёг посредине.

— А ты почему на моё место забрался? — удивился Павлик.

— Здесь места нумерованные, — говорю я. — Это тебе не театр.

Он хотел вытеснить меня, но я не уступил. Павлик лёг с краю и сердито засопел. Он долго ворочался. Видно, не очень удобно было лежать. Я тоже долго не мог заснуть. Всё-таки каким-то чудом я наконец заснул. Не знаю, долго ли я спал, и даже не помню, что мне снилось, только вдруг что-то как треснет меня по голове! Я моментально проснулся и долго не мог понять, что случилось. Постепенно я догадался, что шалаш снова обрушился и меня ударило по голове шестом. Вокруг было темно. Небо над нами чернело, как сажа, только звёзды сверкали на нём. Мы снова выкарабкались из-под обломков шалаша.

— Что ж, надо опять чинить, — говорит Серёжа.

— Починишь тут, когда такая темень!

— Надо попробовать. Не сидеть же нам под открытым небом.

Мы принялись ползать в темноте среди веток и разыскивать шесты. Три шеста мы сразу нашли, а четвёртый никак не находился. Насилу мы его нашли, но, пока искали, потерялись те три шеста, которые уже были найдены. Наконец мы их снова нашли. Павлик хотел устанавливать шесты и вдруг говорит:

— Постойте, а где же наше место?

— Какое место?

— Ну, где наши рюкзаки.

Мы стали бродить в темноте и разыскивать рюкзаки, но их нигде не было. Тогда мы решили построить шалаш на новом месте. Павлик принялся устанавливать шесты, а мы с Серёжей стали обдирать кусты и носить ветки.

— Послушай, — закричал вдруг Серёжа, — иди-ка сюда — здесь много наломанных веток!

Я подошёл и наткнулся на целую кучу веток, которые ворохом лежали на земле. Мы притащили Павлику по охапке и вернулись за остальными ветками.

— Стой,— говорит Серёжа,— здесь ещё что-то лежит.

— Где?

— Вот под ветками. Какой-то вроде мешок.

Я нагнулся и нащупал в темноте мешок.

— Верно,— говорю.— Мешок, чем-то набитый. И ещё один тут.

— Правда! — ахнул Серёжа.— Два набитых мешка!

— А мы с тобой два набитых дурака,— говорю я.

— Почему?

— Потому что это наши рюкзаки. Смотри, вот ещё и третий.

— Верно! А я и не сообразил сразу!

Мы позвали Павлика и сказали, что нашли старое место.

— А там уже шалаш готов,— говорит он.

— Ну, перенесём туда наши вещи, и дело с концом.

Мы взяли рюкзаки и пошли к шалашу. Я поспешил первым, чтоб занять место посередине, и стал бродить вокруг шалаша, но никак не мог отыскать вход.

— Где же вход? — спрашиваю.

— Ах, чтоб тебя! — говорит Павлик.— Забыл вход сделать, со всех сторон ветками заложил!

Он принялся разбирать ветки и делать вход. Как только это было готово, Павлик юркнул в шалаш первым и занял место посередине. Я так устал, что не стал даже с ним спорить. Мы с Серёжей без разговоров улеглись по краям. Под голову мне опять попало что-то твёрдое — не то котелок, не то консервная банка,— но я даже не обратил на это внимания и заснул как убитый. Вот и всё.

А сейчас уже утро. Я проснулся раньше всех и пишу дневник. Солнышко уже поднялось высоко и начинает припекать. По небу плывут белые кудрявые облака. Из деревни доносятся мычание коров и собачий лай. Серёжа и Павлик ещё спят в шалаше. Сейчас я их разбужу, и мы начнём варить завтрак.

После завтрака мы пошли в лес, чтоб проверить ловушку. Ловушка была пустая. Мы решили снова следить за пчёлами и ползали за ними часа два. Наконец у Павлика терпение лопнуло. Он решил напугать пчелу, чтоб она полетела в своё дупло, и принялся кричать на неё, махать руками и топать ногами. Пчела стала кружиться над ним и вдруг как ужалит его в ухо! Павлик как завизжит! Ухо у него покраснело и моментально распухло. Мы стали вытаскивать у него пчелиное жало.

— Чтоб они сгорели, эти пчёлы! — ругался Павлик. — Можете сами с ними возиться, а с меня хватит! Всё ухо в огне!

— Ты потерпи, — говорим мы. — Ухо пройдёт.

— Когда же оно пройдёт! Горит как в огне! Что теперь делать?

— Может быть, платком завязать? — говорю я.

— Не надо платком. Лучше я пойду на реку и буду мочить ухо в воде.

Он ушёл мочить ухо в реке, а мы с Серёжей заметили одну пчелу и стали следить за ней по очереди. Один следит, а другой отдыхает. Следили, следили, вдруг пчела поднялась вверх и полетела. Мы стремглав побежали за ней, но пчела взлетела очень высоко, и мы потеряли её из виду.

— Вот досада! — сказал Серёжа. — Придётся начинать всё снова.

Тут Павлик вернулся с реки и закричал издали:

— Эй, смотрите, что у меня! Сейчас уху будем варить!

Мы подбежали. В руках он держал свою кепку. Она вся была мокрая, а в ней прыгали живые караси.

— Где ты взял?

— Там возле реки, в болоте поймал.

— Как же ты их поймал без удочки?

— Очень просто: болото пересохло, воды совсем мало осталось, я их руками поймал.

Мы побежали к болоту, наловили ещё карасей и стали варить уху. Потом ещё на ужин наловили карасей.

— Тут их много! — говорил Павлик. — Мы хоть каждый день можем карасей есть.

После обеда мы снова пошли в лес, чтоб следить за пчёлами. Серёжа говорит:

— А что, если пчелу обрызгать водой? Пчела, наверно, подумает, что пошёл дождь, и полетит в своё гнездо.

Мы принесли в котелке воды, нашли на цветке пчелу и стали брызгать на неё водой. Пчела намокла, полезла по стебельку вниз и притаилась под зелёным листочком. Значит, ей на самом деле показалось, что пошёл дождь. Потом она увидела, что никакого дождя нет, вылезла из-под листа и стала греться на солнышке. Постепенно она обсохла, расправила крылышки и полетела. Мы уже хотели бежать за ней, но пчела тут же опустилась вниз, села на цветок и снова начала собирать мёд. Тогда Серёжа набрал в рот побольше воды и как брызнет на пчелу! Пчела снова намокла и спряталась под листком, а когда обсохла, опять принялась летать с цветка на цветок.

— Ах ты, какая упрямая пчела! — сказал Серёжа и окатил пчелу водой так, что она промокла насквозь. Даже крылышки у неё от воды сморщились и прилипли к спине.

Пчела наконец увидела, что «дождь» не перестаёт, и, когда обсохла, полетела прочь.

Мы побежали за ней. Пчела летела сначала низко, между стволами деревьев, потом взвилась вверх, и мы потеряли её. Тогда мы принялись поливать водой других пчёл, но у них у всех была одинаковая манера: сначала они прятались от «дождя» под листьями, а потом улетали, и мы ни разу не могли проследить за ними, потому что они летали очень быстро и на большой высоте. Так мы бегали, пока пчёлы не перестали летать.

День уже подходил к концу. Мы вернулись на дачу и стали варить ужин. Тётя Поля до сих пор почему-то ещё не вернулась, и мы решили ещё одну ночь провести в шалаше. Не знаю, мо-

жет быть, это нехорошо, что мы живём в шалаше? Может быть, лучше вернуться домой? Я сказал Серёже и Павлику, а они говорят: «Всё равно завтра вернёмся». Они решили починить шалаш и врыть шесты в землю, чтоб шалаш снова не развалился.

Сейчас они чинят шалаш, а я записываю в дневник наши приключения.

По небу плывут серые, свинцовые тучи. В воздухе стало прохладнее, и потянул ветерок. А вдруг ночью начнётся дождь? Надо шалаш хорошенько покрыть ветками, чтоб нас ночью не промочило. Сейчас кончу писать и пойду помогать Серёже и Павлику.

10 июня

Ночью никаких приключений не было. Вот что значит сделать шалаш как следует! Можно спать с чистой совестью и не бояться, что тебя стукнет по голове шестом. Дождя тоже не было. Проснулся я рано. Меня разбудили птички. Ещё только начало светать, а они уже проснулись и принялись трещать, и чирикать, и пищать на разные голоса. Я вылез из шалаша и увидел, что солнышко ещё не взошло. Вверху небо было чистое, голубое, а внизу, у самой земли,— белые облака, такие лёгкие, пушистые, будто мыльная пена. Постепенно облака росли и клубились, как пар, и взмывали всё выше и выше, пока не заполнили всё небо. Потом они загорелись и стали розовые, будто фруктовое мороженое. Я стал думать, что было бы, если бы нам дали столько мороженого: съели бы мы его или нет? Наверно, за всю жизнь бы не съели. Все люди не съели бы столько мороженого. Я замечтался и тут вдруг увидел, как из-под земли выкатилось огромное красное солнце. Всё засияло вокруг и осветилось ярким светом. Зелёная трава стала ещё зеленей, а на каждой травинке засверкали капли росы, как алмазы. Я поскорей принялся будить Серёжу и Павлика, чтоб

они посмотрели на это чудо, но, пока они протирали глаза, роса испарилась и такой красоты уже не было.

— Эх вы,— говорю,— сони! Спят тут, как суслики у себя в норе! Если будете так спать долго, то ничего в жизни хорошего не увидите!

Павлик только зевнул и сейчас же принялся потрошить карасей на завтрак, но Серёжа сказал, что сначала надо было бы пойти умыться. Мы пошли на реку, умылись, а заодно и выкупались, а потом стали готовить завтрак. Нажарили карасей, напекли из муки лепёшек. Лепёшки оказались невкусными; но зато мне в голову пришла очень хорошая мысль.

— А что, если посыпать мукой пчелу? — говорю я.— Пчела станет тяжёлая и не сможет так быстро летать.

Мы нашли на цветке пчелу и обсыпали её мукой.

Пчела сейчас же принялась чиститься лапками. Стряхнула с себя всю муку и через минуту уже снова собирала мёд.

— Я знаю, что нужно сделать,— сказал Серёжа.— Нужно сначала обрызгать пчелу водой, а потом обсыпать мукой. Тогда мука прилипнет к пчеле, и она не сможет её с себя счистить.

Мы так и сделали. Серёжа набрал в рот воды и как брызнет на пчелу, а Павлик тут же посыпал её мукой. Мука раскисла и облепила пчелу со всех сторон. Пчела сейчас же принялась счищать с себя мокрую муку. Передними лапками она почистила головку и протёрла глазки, потом стала чистить задними лапками брюшко и крылышки. Она очень аккуратно почистилась, только на спине у неё осталось немного мокрой муки. Мы хотели её ещё раз обсыпать, но тут пчела замахала крылышками и полетела. Мы побежали за ней. Пчела летела сначала медленно, потом полетела быстрее, вылетела из леса и понеслась через поле. Мы не взвидя света мчались за ней, прыгали через пни и кочки, через рвы и канавы. Потом пошли какие-то грядки с капустой, и вдруг перед нами появился забор. Пчела перелетела через него. Мы недолго думая тоже перемахнули через забор и очутились в каком-то саду. Вокруг росли деревья, а под ними стояли какие-то маленькие домики без окон, без две-

рей, вроде собачьих будок, только на ножках. Возле одного домика стоял старик с белой бородкой и удивлённо смотрел на нас.

— Ну, что скажете? — спросил старичок, когда увидел, что мы, как истуканы, стоим без движения и молча на него смотрим.

— Ничего, — пролепетал Павлик и полез обратно через забор.

— Зачем же через забор? Вон ведь калитка, — сказал дедушка и укоризненно покачал головой.

— А я не заметил, что тут калитка, — ответил Павлик и спрыгнул с забора с другой стороны.

Мы с Серёжей остались одни. Я стал думать, как бы нам лучше удрать — в калитку или через забор, — а дедушка спросил:

— Вы зачем же полезли сюда?

— Мы нечаянно, — говорю я.

— Сюда полетела наша пчела, а мы за ней, — ответил Серёжа.

— Ваша пчела? — удивился старик. — Не может быть. Это, наверно, моя пчела.

— А разве у вас есть пчёлы? — спросил я.

— Конечно. Вон у меня сколько пчёл.

Тут только мы поняли, что маленькие домики, которые стояли под деревьями, были просто ульи. Пчёлы всё время гудели вокруг. В воздухе стоял непрерывный гул.

— Для чего же вам понадобилось за пчелой бегать? — спросил дедушка.

Мы сказали, что хотели проследить за пчелой и найти дупло с дикими пчёлами.

— Вы, наверно, хотели отыскать дикий мёд? — сказал старик.

— Нет, мы хотели найти пчелиную семью. Нам пчёлы нужны.

— Зачем же вам пчёлы?

Мы стали объяснять, что решили всем звеном сделать улей

и разводить пчёл. Павлик увидел, что дедушка перестал сердиться и мирно беседует с нами. Он подбежал к калитке и стал заглядывать в неё, а потом совсем осмелел и подошёл к нам. Мы рассказали, как сделали ловушку для пчёл и повесили в лесу. Дедушка внимательно выслушал нас и сказал:

— Это вы хорошее затеяли дело. Пчеловодство — полезное занятие. Только поймать диких пчёл очень трудно. Да здесь поблизости их и нет. Разве с пчельника у кого слетит рой да попадёт в вашу ловушку.

— Что же нам делать? — спросили мы жалобно.

Дедушка, видно, сжалился над нами.

— Что ж, — сказал он, — я вам дам на развод пчёл, раз вы так полюбили это дело. Пчеловоды должны выручать друг друга.

Сердце от радости запрыгало у меня в груди. Я думал, что дедушка сейчас же нам даст пчёл, но он сказал:

— Приходите к концу дня. У меня тут из одного улья должен рой выйти. Вот я и отдам этот рой вам. Только принесите с собой какой-нибудь ящик или коробку, чтобы посадить пчёл.

— Можно, мы принесём ловушку? — спросил я.

— Можно. Да не приходите слишком скоро. Часика через три-четыре приходите, когда начнёт спадать жара.

Мы побежали в лес, сняли ловушку с дерева и теперь ждём, когда можно будет идти к дедушке. Делать мне нечего, и я решил написать обо всём подробно, как следует.

Всё-таки, когда пишешь, время проходит незаметнее. Мы ещё подождём немного, а потом пойдём обратно к дедушке. Может быть, рой уже вылетел. А сейчас писать больше пока не о чем.

В ТОТ ЖЕ ДЕНЬ ВЕЧЕРОМ

Наконец-то у нас есть пчёлы! Вот какой добрый оказался дедушка! Я думал, что все пчеловоды бывают злые, потому что

их часто кусают пчёлы, но этот пчеловод оказался вполне хороший и очень добрый. Он не только обещал нам дать пчёл, но и выполнил своё обещание.

Когда мы пришли на пасеку, рой уже сидел в круглой деревянной коробке вроде сита. Сверху коробка была затянута марлей, сквозь которую были видны пчёлы.

Батюшки, сколько там было пчёл! Прямо какая-то живая каша из пчёл.

Дедушка снял марлю и высыпал пчёл в нашу ловушку, как будто крупу. Мы поскорей закрыли ловушку и уже хотели бежать домой, но дедушка задержал нас и стал учить, как обращаться с пчёлами.

Он сказал, чтоб мы высыпали пчёл в улей прямо на рамки с вощиной и поставили на первое время в улей кормушку с сахарным сиропом, пока пчёлы не запасли для себя мёд. Для того чтобы сделать кормушку, нужно сварить из сахара сироп, налить его в стеклянную банку и завязать горлышко тряпочкой. Потом банку нужно перевернуть вверх дном и поставить в улей на рамки. Сироп будет просачиваться из банки, и пчёлы будут его понемногу сосать сквозь тряпочку.

Кроме того, дедушка научил нас сделать из марли сетки, чтоб надевать на голову, когда мы будем открывать улей, и ещё велел нам сделать дымарь, чтоб подкуривать пчёл дымом. Пчёлы боятся дыма. Они прячутся от него в улей и не разлетаются. Дедушка показал нам свой дымарь. Это такая круглая жестянка с носиком, а сбоку гармошка. В жестянку кладут гнилушки и разжигают. Если нажимать на гармошку, из носика идёт дым.

— Пчеловодство — очень интересное занятие, — сказал дедушка. — Кто начнёт заниматься пчеловодством, тот уж на всю жизнь пчёл полюбит и никогда не бросит этого дела.

— Почему? — удивились мы.

— Да так уж, без пчёл ему будет скучно.

Наконец дедушка отпустил нас, и мы отправились в обратный путь. Домой мы вернулись поздно, когда уже начало тем-

нет. Серёжа понёс ловушку с пчёлами к себе домой. Мы с Павликом забежали на минутку домой, чтоб сказать, что уже вернулись, и тоже побежали к Серёже.

Серёжина мама стала расспрашивать нас, как мы жили на даче. Мы боялись, как бы она не спросила про тётю Полю, потому что не знали, признаваться нам, что мы жили в шалаше, или лучше не признаваться. Серёжа нарочно стал рассказывать про дедушку-пчеловода. Мама слушала, слушала, а потом спрашивает:

— А как там тётя Поля поживает?

Мы увидели, что попались, и не знали, что говорить, но тут раздался стук в дверь. Это пришла мама Павлика и сказала, чтоб он шёл ужинать. Мы облегчённо вздохнули, стали показывать ей пчёл и рассказывать про дедушку-пчеловода. Тут Серёжина мама опять спросила:

— Что же ты ничего не рассказал про тётю Полю?

Мы опять растерялись, но тут снова кто-то постучался в дверь.

Это пришла за мной моя мама. Мы обрадовались. Стали показывать ей пчёл и рассказывать про дедушку.

Моя мама тоже стала спрашивать, как мы жили на даче.

Я говорю:

— Хорошо жили. Ничего себе.

— Не надоели там тёте Поле?

— Нет, кажется, не надоели,— говорю я, а сам не знаю, правду я говорю или нет.

— А к нам тётя Поля не собирается? — спросила Серёжина мама.

— Нет,— говорит Серёжа,— кажется, не собирается.

— Ничего не говорила про это?

— Нет, не говорила.

Это он, конечно, правду сказал, так как что могла говорить тётя Поля, раз мы её не видели! Не знаю, до чего дошёл бы этот разговор, но тут опять постучался кто-то. Мы облегчённо

вздохнули. Дверь отворилась, и в комнату вошла сама тётя Поля. Мы разинули от удивления рты, да так и остались с открытыми ртами.

— Здравствуйте! — сказала тётя Поля.

— Здравствуйте,— ответила Серёжина мама.— Какими судьбами к нам?

— Да вот из колхоза шла в город машина, я и приехала,— сказала тётя Поля.

Тут началось самое интересное. Тётя Поля протянула Серёже руку:

— Здравствуй, Серёженька!

Серёжа покраснел, как варёный рак.

— Здравствуйте, тётя Поля.

— Постойте, как это — здравствуйте? — говорит Серёжина мама.— Разве вы сегодня не виделись?

— Где же мы могли видеться? — удивилась тётя Поля.

— Как — где? В Шишигине.

— Да я уж три дня как не была в Шишигине. Я в колхозе работала, в Тарасовке.

— А вы где были? — спросила Серёжина мама.

— Мы — в Шишигине,— говорит Серёжа.

— Так дом-то ведь был закрыт.

— А зачем нам дом? Мы в шалаше жили.

— В каком шалаше?

— Ну, построили из веток шалаш и жили.

— Ах, вот как! Кто же вам разрешил в шалаше жить? Разве вы не могли домой вернуться?

Тут заговорили все сразу — и моя мама, и Павлика, и Серёжина,— и я даже не знаю, что было дальше, потому что моя мама сказала:

— Так вот как ты слушаешься свою мать! Пойдём-ка, голубчик, домой! Я тебе покажу, как жить в шалаше без спросу!

Пришлось мне весь вечер просидеть дома и слушать упрёки. Даже на пчёл не удалось полюбоваться.

Вот такая беда случилась сегодня. Утром я зашёл к Павлику, и мы вместе пошли к Серёже. Серёжа ещё спал. Мы разбудили его. Он проснулся нехотя и стал ворчать на нас, потому что ему снился какой-то интересный сон и ему хотелось досмотреть его.

— Ладно,— говорим,— потом досмотришь. Надо вставать да пчёл сажать в улей.

Серёжа говорит:

— Вы пойдите скажите ребятам, что мы уже достали пчёл, а я пока оденусь.

— А где же ловушка? — спрашиваем мы.

— Ловушка там, на балконе. Я её вчера вечером поставил на балкон, чтоб пчёлам не было в комнате душно.

Мы вышли на балкон. Смотрим... Батюшки, что творится! Дверца ловушки открыта, пчёлы из неё вылазят и разлетаются в разные стороны.

— Ах ты чучело! — закричал на Серёжу Павлик.— Спит себе, а тут пчёлы удрали!

Серёжа выскочил на балкон.

— Что же вы смотрите? — закричал он.— Пчёлы разлетаются, а они смотрят!

Он подбежал к ловушке и закрыл поскорей дверцу.

— Чего ты кричишь? — говорит Павлик.— Будто мы виноваты! Ты сам оставил ловушку открытой.

— Как это я вчера не заметил, что дверца открыта? — говорит Серёжа.— Почему же она открылась?

— Разиня! — говорю я.

— А я виноват? Это всё тётя Поля! Мне тут из-за неё головомойка была. Совсем не до пчёл было.

— Ну вот! А теперь там небось ни одной пчелы не осталось,— сказал Павлик.— Наверно, все разлетелись.

— Может быть, хоть немного осталось,— говорит Серёжа.— Надо посмотреть.

Я поскорей открыл крышку ловушки, и мы втроём стали за-

глядывать в неё. В ловушке оказалось ещё много пчёл. Они начали вылезать вверх. Павлик стал махать на них рукой, чтоб они залезли обратно. Одна пчела вылетела и села мне на руку. Я испугался, уронил крышку и стал трясти рукой, чтоб сбросить пчелу, а она как ужалит меня! Я как заору, как хлопну пчелу рукой и раздавил. Тут остальные пчёлы загудели, начали вылетать из ловушки и жалить нас. Павлик испугался — и бегом в комнату. Серёжа за ним. Одна пчела ужалила меня в шею, другая вцепилась в волосы. Я тоже побежал в комнату и принялся вытаскивать пчелу из волос, но она всё-таки успела меня ужалить в голову. Павлика две пчелы ужалили в шею и одна в губу. Серёжу одна пчела ужалила в нос, а другая в затылок.

Мы побежали на кухню и стали мочить укусы под краном. Боль жгла как калёным железом. Мы принялись вытаскивать друг у друга пчелиные жала. Возились, возились, насилу вытащили, но боль всё-таки не проходила.

— Это всё ты виноват! — кричал Серёжа на Павлика. — Размахался тут руками! Пчёлы не любят, когда на них руками машут.

— А ты потише кричи! — говорит Павлик. — Разве тебя одного ужалили? Меня тоже небось ужалили, да ещё в губу!

— А меня в нос ужалили. Знаешь, как больно!

— Подумаешь, в нос! Что тебе носом делать? А мне губой разговаривать надо.

— Можешь не разговаривать.

Они надулись и перестали спорить.

Мы долго молча сидели на кухне, мочили в воде платки и прикладывали их к укусам. Вдруг Серёжа сказал:

— А ловушка открыта!

Мы побежали в комнату и стали заглядывать на балкон.

Ловушка была открыта. Над ней кружилось несколько пчёл, но скоро они улетели прочь. Мы вышли на балкон и заглянули в ловушку. Внутри было пусто.

— Все разлетелись! — сказал Серёжа.

— А может быть, они ещё прилетят обратно? — говорю я.

— Дождись! — ответил с досадой Павлик.

В это время на улице показались Толя и Юра. Они увидели нас на балконе и закричали:

— Эй! Вы уже вернулись?

— Вернулись.

— С пчёлами или без пчёл?

— С пчёлами.

Они быстро поднялись к нам:

— Где же пчёлы?

— А их уже нет,— говорим.— Улетели.

— Куда улетели?

— Ну, «куда, куда»! — рассердился Павлик.— Будто они нам сказали куда!

— Чего же ты сердишься? Разве нельзя рассказать спокойно!

Мы стали рассказывать про всё, что случилось: и как достали пчёл у дедушки, и как они улетели.

— Может быть, удастся достать ещё у этого дедушки? — говорит Юра.

— Что ты! — говорим мы.— И просить больше не станем. Он нам дал, а мы уберечь даже не сумели. Не даст он нам больше.

— Что ж делать?

— Подождём. Может быть, прилетят обратно.

Стали мы ждать.

Юра и Толя сидели, сидели, потом им надоело. Они ушли и рассказали всем ребятам о том, что случилось. Ребята один за другим приходили и расспрашивали нас. Нам даже надоело рассказывать каждому. У Серёжи нос красный, как клюква, и распух на одну сторону. У Павлика раздулась губа так, что он сам на себя не похож. А у меня на голове вскочила шишка, и шея тоже распухла.

Мы прождали до обеда, но ни одна пчела не вернулась обратно.

— Наверно, они улетели к себе домой, на пасеку к дедушке,— сказал Серёжа.

— Скатертью дорожка! — говорит Павлик.— Если бы они и прилетели обратно, я всё равно не стал бы с ними возиться.

— А я, думаешь, стал бы? — говорит Серёжа.— Очень мне нужно, чтоб они меня жалили!

Я говорю:

— По-моему, это дело неинтересное: с ними возишься, возишься, а они тебя изжалют и улетят.

Тут прибежал Юра и закричал:

— Ребята, идите скорее, будем письмо писать!

— Какое письмо?

— Ну, письмо в пчеловодное хозяйство. Нина Сергеевна узнала адрес. Мы напишем письмо, и нам пришлют пчёл в посылке.

Павлик говорит:

— Можете писать сами: нас пчёлы теперь уже не интересуют.

— Почему не интересуют?

— Мы не хотим больше пчёлами заниматься. Мы решили это дело бросить.

— Как так? — говорит Юра.— Мы ведь всем звеном взялись за эту работу, а вы не хотите.

— Ну, мы будем какую-нибудь другую работу делать. Разве только эта работа на свете и есть?

Юра стал уговаривать нас, но мы твёрдо решили:

— Не хотим, вот и всё.

Так ему и не удалось уговорить нас. Мы теперь хитрые: будем что угодно делать, а с пчёлами пусть кто-нибудь другой возится.

12 июня

Утром я проснулся и насилу встал с постели.

Шея у меня распухла и болит так, что даже голова не вертится. Если хочется посмотреть в сторону, то приходится поворачиваться всем туловищем. И ещё шишка на голове болит. И рука болит.

Я пошёл к Павлику. Он сидит дома, а на шее у него компресс из ваты. Мы стали с ним вдвоём ругать пчёл за то, что они нас изжалили. Потом пришёл Серёжа с распухшим носом, и мы стали проклинять пчёл втроём.

Вдруг прибежал Гриша Якушкин:

— Ребята, пойдёмте пчеловодный инвентарь делать.

— Это какой такой инвентарь?

— Будем делать дымарь и сетки, чтоб не изжалили пчёлы.

— Нас и так не изжалят,— говорим мы,— мы это дело бросили.

Гриша стал уговаривать нас.

— Нет,— сказали мы.— Пчеловодство нам уже надоело. Мы уже попробовали, а теперь вы сами попробуйте.

— Ну что ж, и попробуем.

— И тоже бросите.

— Не бросим. Мы не такие, как вы!

— А вот увидим.

Гриша обиделся и ушёл.

Ну и ладно. Вот изжалят их пчёлы, тогда перестанут храбриться.

13 июня

Сегодня шея уже не так болит. Головой можно вертеть, только не очень быстро. Если быстро вертеть, то ещё немного болит. У Павлика шея тоже ещё болит.

Приходил Гриша и показывал, какой они сделали дымарь. Напустил полную комнату дыму и ушёл. Подумаешь! Будто мы дыму не видели!

Сегодня шея уже совсем не болит. И шишка на голове не болит. Да и шишки никакой нет. Уже прошла шишка, и голова тоже хорошо вертится. Даже махать могу головой. Только зачем мне махать головой? Я ведь не лошадь, чтоб головой махать. Больше ничего интересного не было.

15 июня

Утром мы с Павликом пришли к Серёже и стали играть в шашки. Я выиграл у Серёжи два раза, а у Павлика только раз, а Павлик у меня выиграл три раза, а у Серёжи ни разу, у меня Серёжа тоже выиграл два раза. Вдруг прибежали Женя и Юра:

— Ребята, идите скорее! Пчёлы приехали!

— Откуда?

— Ну, посылка пришла. Целый ящик, а в нём пчёл видимо-невидимо! Так и кишат! И ещё там две рамки с готовыми сотами. Идите скорее, будем пчёл в улей сажать. Очень интересно!

Мы вскочили и хотели бежать.

— А! — обрадовался Юра. — Говорили, что вас пчёлы не интересуют, а теперь самим интересно!

— И ничуть не интересно, — говорим мы. — Будто мы пчёл не видели!

— Видали, да не таких. Наши пчёлы хорошие!

— Ну и целуйтесь с ними, если такие хорошие!

— И будем целоваться. А вы ещё придёте к нам.

Юра и Женя ушли.

Я говорю:

— Интересно пойти взглянуть, какие это у них там пчёлы.

— Не надо, — говорит Павлик. — Все скажут, что у нас никакой твёрдости нет.

— Почему?

— Потому что теперь ребята подумают, будто мы испугались трудностей и бросили дело, а когда за нас другие доби-

лись, мы тоже пришли. Раз мы твёрдо решили бросить, то нужно быть твёрдыми.

— Правильно,— говорит Серёжа.— Мы всем докажем, что у нас есть твёрдость.

Вечером я пошёл домой и стал думать о пчёлах. Всё-таки пчёлы, по-моему, не такие уж плохие. Они честно работают и носят в свой улей мёд. И очень дружно живут.

Я ни разу не видел, чтоб две пчелы подрались между собой.

16 июня

С утра мы сидели у Павлика и играли в шашки. Потом мне надоело играть, и я пошёл домой. Дома я опять думал о пчёлах. Почему они жалят: от злости или просто так? По-моему, всё-таки не от злости.

Пчёлы защищаются жалами от своих врагов.

Если кто-нибудь нападёт на улей, то они его жалят. Они даже медведя изжалят, если он полезет к ним в улей за мёдом.

И правильно сделают. Ведь они для себя запасают мёд, а не для медведей. А людей они жалят, должно быть, по ошибке.

Пчёлы ведь не знают, что люди не хотят им сделать зла. Откуда им это знать!

Хотя люди тоже забирают у пчёл мёд. Но люди ведь забирают не весь мёд. Сколько нужно, столько и забирают, а за это люди заботятся о пчёлах, делают для них ульи, прячут на зиму в хорошие тёплые зимовники.

Если бы люди не заботились о пчёлах, то пчёлам было бы гораздо хуже. Жили бы они только в дуплах или в каких-нибудь щёлках, а теперь они живут в красивых ульях и, когда им нечего есть, люди даже подкармливают их сахарным сиропом.

Поэтому пчёлам не нужно обижаться на людей, а людям не нужно обижаться на пчёл, если пчёлы их жалят.

Чтобы пчёлы не жалили, нужно надевать сетки и подкуривать пчёл дымом.

Вот и всё будет хорошо!

А мы полезли к пчёлам без сеток, за что и были наказаны.

17 июня

Сегодня Павлик сделал из бумаги голубя и стал пускать по комнате. А Серёжа сделал голубя и пустил его с балкона прямо на улицу. Голубь кувыркался в воздухе, кувыркался и упал прямо посреди мостовой.

Мы все трое стали мастерить голубей и пускать с балкона. У меня один голубь перелетел через улицу и упал на крышу дома напротив. А у Серёжи голубь упал на автомобиль, который ехал по улице, и уехал на этом автомобиле. Потом мне стало скучно, и я пошёл домой. Дома на меня почему-то напала тоска. Вот я сижу и хандрю, и ничего делать не хочется.

18 июня

Опять делали голубей и пускали с балкона, только это нам быстро надоело. Мы стали играть в шашки, но шашки тоже быстро надоели. Тогда мы стали играть в другие разные игры, но они тоже нам все надоели.

Серёжа сказал, что ему скучно, и ушёл домой. Мне тоже уже не хотелось играть. Я пошёл домой, и снова на меня напала тоска. Я стал думать, что такое тоска и откуда она берётся. Может быть, тоска — это скука? Нет, по-моему, тоска не скука. Если скучно, то можно поиграть во что-нибудь, и скука пройдёт, а если у человека тоска, то ему даже играть не хочется.

По-моему, тоска нападает от безделья. Когда делаешь какое-нибудь полезное дело, то никогда не бывает тоски. А когда целый день бездельничаешь или занимаешься какой-нибудь чепухой, то потом становится досадно, что потерял время зря. По-моему, тоска — это досадная скука.

Вот это что такое!

Павлик с утра хандрил и не хотел ни во что играть. После обеда он куда-то пропал. Мы с Серёжей обыскали весь двор, облазили все чердаки, сарай — нигде не нашли. Тогда мы решили, что он пошёл к кому-нибудь из ребят, и перестали его искать. Потом нам стало скучно.

— Если бы мы работали вместе со всеми ребятами на пасеке, нам не было бы скучно,— сказал Серёжа.

Я говорю:

— Давай, пока Павлика нет, пойдём и посмотрим на пчёл.

Серёжа обрадовался:

— Пойдём скорей, пока не вернулся Павлик, а то он скажет, что у нас не хватило твёрдости.

Мы поскорей пошли в школьный сад и ещё издали увидели улей. Возле улья сидела какая-то фигура и пялила глаза на пчёл. Мы подошли ближе и увидели, что эта фигура был Павлик.

— А,— закричали мы,— так вот какая у тебя твёрдость! Нам сказал, что не нужно интересоваться пчёлами, а сам сидишь тут и интересуешься! Разве так товарищи поступают?

Павлику стало стыдно.

— Я,— говорит,— нечаянно сюда зашёл. Шёл, шёл и зашёл.

— Сказки! — говорим мы.— Просто захотел на пчёл посмотреть!

— Честное слово, ребята! Зачем мне на них смотреть? Со всем незачем!

— Зачем же ты смотришь, если незачем?

— А вы сами чего пришли?

— А мы тоже шли, шли и зашли. Видим — ты тут сидишь, ну и зашли на тебя посмотреть.

— Врёте! У вас, наверно, твёрдости не хватило, вот вы и пришли на пчёл посмотреть.

— У нас,— говорим,— твёрдости больше, чем у тебя: ты первый пришёл.

Мы стали спорить, у кого больше твёрдости — у нас или

у него. Тут слышались шаги. Мы обернулись и увидели Юру. Он услышал, о чём мы спорили, и говорит:

— У вас у троих нет никакой твёрдости.

— Почему?

— Потому что вы начали работать и бросили на полпути. У кого есть твёрдость, тот не бросает работы, несмотря ни на какие трудности.

— А мы и не бросили,— говорит Павлик.— Мы просто отдохнуть хотели немножко, а теперь снова будем работать.

— Вот и хорошо! — говорит Юра.— Вы себе сделайте сетки и приходите. Будете работать со всем звеном. А сейчас уходите, чтобы пчёлы не изжалили.

— Мы немножко посмотрим и уйдём,— сказал Павлик.

Мы потихоньку присели возле улья и стали смотреть на пчёл. Они выползали одна за другой из летка и улетали за мёдом. Другие пчёлы, наоборот, откуда-то прилетали и заползали в улей. Возле летка всё время толпились пчёлы. Вот и ожил наш улей! На него было радостно смотреть. Потом мы пошли домой, достали марли и проволоки и стали делать сетки. С этим делом мы возились до вечера, и сетки у нас получились хорошие. И никакой скуки не было.

20 июня

Вот сегодня какой счастливый день! Наше звено в полном составе собралось с утра на пасеке. Все ребята принесли сетки, а Юра принёс дымарь. Мы насобирали в саду гнилушек и положили в дымарь. Юра разжёг их и начал раздувать. Дымарь работал исправно.

Мы открыли улей и заглянули внутрь. Батюшки, сколько там было пчёл! Они вплотную друг к дружке сидели на рамках.

Некоторые пчёлы стали вылезать на рамки вверх, но Юра сейчас же стал пускать на них дым, и они спрятались обратно.

Потом Толя вынул одну рамку из улья. И вот тут-то мы уви-

дели, как пчёлы строили соты. Они делали из воска такие длинные шестиугольные трубочки и лепили их одну рядом с другой, так что получались сплошные ряды трубочек, или ячеек.

Мы поскорей поставили рамку на место, чтоб не мешать пчёлам работать.

Удивительные насекомые пчёлы — как они ловко умеют строить соты! Глядя на соты, просто не верится, что их делают обыкновенные пчёлы, до того эти соты правильные и красивые. Конечно, многие другие животные тоже очень умные, например собаки. Но никакая собака не смогла бы сделать такие соты!

21 июня

Сегодня к нам на пасеку пришла Галя и принесла фотоаппарат. Она сказала, что снимет нас вместе с ульем. Все ребята выстроились позади улья, только нам с Серёжей и Павликом не досталось места. Мы стали позади ребят, но там нас не было видно. Тогда мы уселись впереди улья. Галя навела аппарат, щёлкнула — и готово! Занятное дело фотография! Щёлкнул тебя, а потом — в проявитель. Я раз видел, как проявляют карточки. Болтают, болтают, сначала ничего нет, а потом — ба-тюшки, человек лезет! Интересно, какая получится карточка. Только я очень боюсь, что выйду безглазый, потому что моргнул, когда Галя щёлкнула аппаратом. У меня уже был такой случай: нас снимали всем классом, а я моргнул, вот и получился на карточке с закрытыми глазами, как будто сплю сидя. Меня тогда все ребята ругали: «Эх ты, тетеря сонная! Всю карточку испортил!» Будто я виноват!

22 июня

Вот какая досада! Ещё не готова карточка! Галя говорит, плёнка ещё не просохла. Мы стали спрашивать, хорошо ли мы получились. Она говорит:

Вот завтра сделаю карточку, увидим.

Я очень волнуюсь: слепой я или с глазами? И как это меня угораздило моргнуть в такое время!

Скорее бы завтра пришло!

23 июня

Карточка готова! Все ребята хорошо получились, только я вышел с открытым ртом. Не понимаю, как это меня угораздило раскрыть рот! Всё хорошо, и глаза есть, а рот раскрыт.

Ребята снова бранят меня:

— Зачем тебе понадобилось рот разевать?

— Я нечаянно.

— «Нечаянно»! Ты бы ещё язык высунул!

— А вам-то что? Ведь вы хорошо получились.

— Мы-то хорошо, а ты весь вид портишь.

— Чем же я его порчу?

— Да сидишь тут с разинутым ртом, как акула!

Тогда я стал просить Галя:

— Галя, нельзя ли мне чем-нибудь рот замазать?

— Чем же его замазать? — говорит Галя. — По-моему, ты хорошо получился. Очень похож.

— Да, — говорю я, — похож! Разве я такой? Я красивый.

— Ну, ты и здесь очень красивый.

— И совсем не красивый. Здесь у меня какой-то глуповатый вид получился.

— Вовсе не глуповатый. Просто рот чуточку приоткрыт, потому что ты улыбаешься, а вид нормальный. Очень даже умный вид.

Это Галя, наверно, нарочно сказала, чтоб меня утешить. А может быть, у меня на самом деле умный вид, только мне самому незаметно? Не знаю... Только на карточках я почему-то

всегда получаюсь плохо. В жизни-то я очень красивый, а как только снимусь, обязательно не такой. Вот и на этой карточке. Рот ладно уж, это я сам виноват, а нос почему такой? Разве у меня такой нос? У меня нос хороший, а здесь он задирается кверху, вроде запятой. А уши? Разве у меня уши торчат, как самоварные ручки? Ну ничего. Всё-таки я немного похож. Можно узнать, что это я снят, а не кто-нибудь другой. Какое-то сходство есть.

Главное — улей хорошо вышел. И мы с Серёжей и Павликом впереди всех, на самом виду.

Когда мы пошли домой, Серёжа сказал:

— И зачем мы вперёд вылезли? Даже неудобно как-то! Можно подумать, что мы самые главные в этом деле.

— Да,— говорит Павлик,— дела не сделали, даже бросили, а когда и без нас всё вышло, так мы вперёд лезем. Теперь все про нас будут думать, что мы хвастуны.

Дома я думал о хвастовстве. Что такое хвастовство? Почему люди хвастают? Вот, например, некоторые воображают, что они очень хорошие, и всем твердят, какие они хорошие. А зачем об этом твердить? Если ты хороший, то и без слов видно, что ты хороший, а если ты нехороший, то сколько ни тверди, всё равно тебе не поверят.

А то есть ещё такие люди, которые воображают, что они очень красивые, и всем об этом рассказывают. А чего об этом говорить, если и так видно, красивый ты или некрасивый.

А то ещё попадаются такие люди, которые воображают, что они страшно умные, и вот они болтают, болтают, даже о том говорят, чего сами не понимают. И вот тут-то все видят, умные они или неумные.

По-моему, хвастовство — это просто глупость. Глупому всегда почему-то кажется, что он лучше других, а умный понимает, что другие ещё, может быть, лучше его, значит, и хвастаться нечем.

Сегодня Нина Сергеевна научила нас сделать поилку для пчёл.

Нужно взять бочонок, налить в него воды и устроить затычку так, чтоб вода сочилась по капле. Снизу под бочонком нужно поставить наклонно дощечку. Вода будет растекаться по дощечке, и пчёлы будут пить прямо с неё.

Мы стали думать, где взять бочонок. Гриша сказал, что у них на чердаке есть старая бочка. Мы пошли к нему. Он попросил у мамы разрешения взять бочку. Мама позволила.

Бочка была тяжёлая. Мы насилу стащили её с чердака и покатали по улице. Вдруг Федя навстречу:

— Вы куда бочку тащите?

— На пасеку. Будем делать поилку для пчёл.

— С ума сошли! Куда им столько воды?

— Ничего,— говорит Юра.— Выпьют.

Мы приволокли бочку на пасеку и стали таскать в неё воду, а бочка рассохлась и вся вода из неё выливалась, как сквозь решето. Мы уже думали, что придётся её выбросить, но Галя сказала:

— Надо хорошенько размочить бочку. Когда клёпки разбухнут, она перестанет течь.

Мы снова принялись таскать воду.

Сколько воды мы в эту бочку влили! Вёдер сто или, наверно, двести. Сначала вода выливалась сквозь щели, но постепенно бочка разбухла и к вечеру уже была наполовину с водой.

Завтра будем снова воду таскать.

25 июня

За ночь бочка забухла и совсем перестала течь. Мы наносили в неё воды доверху, а потом пришлось всю эту воду вылить, потому что бочка стояла на земле, а её нужно было поставить

на подставку, повыше. Мы вылили воду, вбили в землю четыре столбика, поставили на них бочку и снова натаскали в неё воды. Потом устроили затычку так, чтоб вода капала на дощечку.

Скоро на дощечку села пчела и стала тыкать своим хоботком в воду, которая растекалась по доске. Через некоторое время и другие пчёлы проведали, что для них здесь поилка устроена. Они стали прилетать и пить воду. А мы смотрели на них и радовались.

Потом у нас был сбор отряда. Галя рассказала о работе нашего звена. Весь отряд заинтересовался нашей работой, а ребята из второго звена сказали, что бросят на огороде работать и присоединятся к нам.

— А вот это уж не годится,— сказала Галя.— Кто же будет на опытном огороде работать?

— Ну, мы будем и на огороде работать и будем приходить на пасеку изучать пчёл,— сказали ребята.

— Это дело другое! — сказала Галя.— Приходите, пожалуйста, только и своего дела не оставляйте. Добивайтесь, чтоб был большой урожай.

26 июня

Сегодня мы следили, куда летают наши пчёлы за мёдом. Оказывается, они летают на опытный огород. Там уже зацвели огурцы, кабачки и тыквы. Все грядки усеяны жёлтенькими цветами. Пчёлы всё время жужжат вокруг. Они летают низко над землёй и залезают в чашечки цветов.

Одна пчела залезла в цветок тыквы и так извалялась в пыльце, что стала вся жёлтая. Другие пчёлы летают куда-то через улицу, но за ними нельзя проследить, потому что они летают высоко над домами. Должно быть, они летают в парк.

Юра принёс в стакане немного мёду и решил угостить пчёл. Он налил мёду на стёклышко и положил его недалеко от улья. Пчёлы летали мимо и не замечали, что на земле лежит для них угощение. Тогда Женя поймал одну пчелу стаканом и осторожно перенёс её в стакане прямо на стёклышко с мёдом. Пчела увидела мёд и начала его есть. Мы стали следить за ней. Пчела наелась мёду и полетела обратно в улей. Через некоторое время из улья вылезла другая пчела, подлетела к мёду и стала есть. Наевшись, она улетела, а минуточки через две из улья снова вылетела пчела и полетела прямо к стёклышку с мёдом, как будто она заранее знала, что там приготовлен для неё мёд. Мы удивились: откуда она знает, что на стёклышке мёд?

— Наверно, ей рассказала та пчела, которую Женя поймал стаканом,— говорю я.

Все стали надо мной смеяться:

— Разве пчёлы могут между собой разговаривать?

— Что же, по-вашему, пчела сама догадалась, что здесь лежит мёд?

— А может, она и не догадалась, просто летела мимо и увидела мёд.

Когда пчела улетела, Федя сказал:

— А что, если спрятать мёд?

Мы поскорей взяли стёклышко с мёдом и спрятали. Вдруг из летка вылезла пчела и полетела прямо к тому месту, где раньше лежал мёд. Она увидела, что мёд куда-то исчез, и принялась жужжать и кружиться над этим местом. Тут уж все убедились, что пчела знала про мёд. Значит, ей кто-то сказал! Она долго кружилась и не хотела никуда улетать. Тогда мы положили стёклышко с мёдом на прежнее место. Пчела быстро нашла мёд, наелась и улетела. Мы взяли стёклышко, положили его шага на два в сторону и стали следить. Следующая пчела вылезла из улья и полетела не туда, где теперь лежало стёклышко, а на старое место. Она даже как будто удивилась, когда не нашла мёд, и долго кружилась в воздухе, пока не нашла

стёклышко с мёдом на новом месте. Зато следующая пчела полетела сразу на новое место.

— Ага! — обрадовался я. — Значит, ей уже сообщили, что мёд на новом месте лежит.

Мы следили за пчёлами до конца дня. Каждый раз, когда мы перекладывали мёд на новое место, пчёлы не могли его сразу найти; если же мёд оставался на старом месте, пчёлы быстро находили его. В конце концов всем стало ясно, что пчёлы разговаривают между собой.

Вечером я пошёл домой и стал думать, как пчёлы разговаривают. Если они разговаривают, как люди, то у них должен быть во рту язык. Только разве разглядишь у них во рту язык? Они ведь маленькие. А потом я подумал, что если пчёлы разговаривают, то у них должны быть уши, потому что как же ты услышишь, о чём говорят, если безухий?

Завтра обязательно посмотрю, есть ли у пчёл уши.

28 июня

У пчёл ушей нет. Я очень внимательно рассматривал пчелу, но никаких ушей не заметил.

По-моему, пчёлы совсем ничего не слышат. Я нарочно кричал на пчёл, но они не обращали на мои крики никакого внимания.

Сегодня к нам на пасеку пришла Нина Сергеевна. Мы рассказали ей о наших опытах с пчёлами. Нина Сергеевна тоже захотела посмотреть. Мы поймали пчелу и посадили на стёклышко с мёдом. Пчела поела мёду и улетела в улей, а через несколько минут из улья снова вылетела пчела и полетела прямо к мёду.

— Вот видите! — обрадовались мы. — Значит, она узнала от первой пчелы, что здесь лежит мёд.

— А ну-ка, давайте пометим эту пчелу, — сказала Нина Сергеевна.

Мы не поняли, как это пометить пчелу. Нина Сергеевна объяснила, что нужно взять немножечко краски и поставить на спине пчелы отметку. Толя быстро сбегал домой и принёс краски и кисточку.

Как только к мёду прилетела пчела, он быстро мазнул её по спине белой краской. Пчела так увлеклась мёдом, что даже не заметила, как её покрасили. Она только тогда улетела, когда наелась как следует мёду. Мы стали ждать, что будет дальше. Вдруг, смотрим, из улья опять вылезает эта же самая пчела с белой отметинкой и летит прямо к мёду. Мы подумали, что она ещё не наелась как следует, и стали смотреть, как она ест. Наконец она наелась и снова полетела в улей. Через несколько минут она прилетела снова и опять стала есть мёд.

— Куда она столько ест? Ведь она в конце концов лопнет от жадности!

— Она вовсе не ест,— объяснила Нина Сергеевна.— Она набирает в хоботок мёду, относит его в улей и складывает в соты. Пчёлы всегда так поступают. Если какая-нибудь пчела найдёт мёд, она сейчас же начнёт переносить его в свой улей.

Мы стали следить за нашей пчелой с белой отметинкой и увидели, что она то и дело подлетает к стёклышку и, набрав мёду, улетает в улей.

Тут нам стало понятно, что и вчера на наше стёклышко с мёдом летала только одна пчела, а мы подумали, что это всё разные.

— Значит, пчёлы вовсе не разговаривают друг с другом? — спросили мы.

— Разговаривать, как люди, пчёлы, конечно, не могут,— сказала Нина Сергеевна,— но всё-таки пчёлы могут кое-что сообщить друг другу. У них есть свой пчелиный язык. Вот вы понаблюдайте за ними, может быть, вам удастся подметить, как они это делают.

Сегодня мы решили исследовать, найдёт ли пчела дорогу к себе домой, если её занести куда-нибудь далеко от улья.

Я поймал стаканом одну пчелу, а снизу под стакан подсунул кусочек картона, чтобы пчела не могла улететь.

Теперь нужно было пометить пчелу краской и занести куда-нибудь далеко. Я сказал ребятам, что отнесу пчелу домой, помечу её там и выпущу с балкона.

Ребята остались ждать и следить, когда помеченная пчела прилетит обратно в улей, а я понёс пчелу домой. Я нарочно держал стакан повыше, чтоб пчела замечала дорогу. Снизу стакан был закрыт картоном, так что пчела не могла удрать, а сквозь стакан ей всё было видно.

Потом я пришёл домой и стал думать, как мне пометить пчелу, чтоб она не улетела прежде, чем я поставлю у неё на спинке отметку краской. Тогда я решил покормить пчелу мёдом и, пока она будет есть, пометить её. Я поставил на балконе блюдечко, налил в него капельку мёду и поставил стакан с пчелой на блюдечко.

Скоро пчела увидела мёд и стала его есть. Я осторожно снял стакан и мазнул пчелу по спине краской.

Пчела не испугалась и продолжала есть мёд. Потом она улетела, а я пошёл на пасеку, чтоб узнать, прилетела пчела обратно или нет. Я вышел на улицу и пошёл поскорее. Вдруг навстречу Серёжа.

— Прилетела! — кричит. — Уже прилетела!

Мы принялись прыгать от радости посреди улицы. Вот какая пчела! Маленькая, а всё-таки не заблудилась. Нашла дорогу в свой родной улей!

Серёжа говорит:

— Давай стакан, мы поймаем ещё одну пчелу и снова сделаем опыт.

А я стакан дома забыл. Побежали мы домой за стаканом. Я хотел убрать с балкона блюдечко, вдруг смотрю — при-

летела пчела, села на блюдечко и давай есть. Мы присмотрелись к ней, а у неё на спине пометка краской.

— Да это ведь та же пчела! — догадался я. — Это она снова прилетела за мёдом.

— Вот так пчела! — говорит Сережа. — Она не только нашла дорогу домой, но даже запомнила, что здесь мёд лежит, и прилетела ещё раз!

— Подождём. Может быть, она ещё прилетит, — говорю я.

Мы стали ждать. Минут через десять пчела прилетела снова. До вечера она раз двадцать прилетала за мёдом.

Удивительное насекомое! Какая-нибудь муха наелась бы мёду и улетела, а пчела не пожалела труда. Она и сама поела и своим товарищам отнесла мёду. Очень хорошее насекомое! Таких, как пчёлы, надо уважать.

30 июня

Мы удивлялись: почему, если мёд положить далеко от улья и посадить на него пчелу, то пчела запомнит место, на котором был мёд, и прилетит снова, а если мёд положить близко от улья, но не сажать на него пчёл, то пчёлы сами не находят его.

Нина Сергеевна сказала:

— Сделайте такой опыт. Возьмите два стёклышка, налейте на них мёду. Одно стёклышко положите прямо на землю, а другое положите на кусочек цветной бумаги и следите, на какое стёклышко раньше сядет пчела.

Мы так и сделали. Одно стёклышко с мёдом положили прямо на траву, а под другое стёклышко положили кусочек голубой бумаги. Сначала пчёлы летали мимо и не замечали мёда. Вдруг на стёклышко с голубой бумагой села пчела и стала есть мёд. Мы пометили пчелу краской. Через некоторое время эта же пчела прилетела снова, а потом на это же стёклышко с голубой бумажкой прилетела ещё одна пчела, без отметки. Мы и её пометили краской. Часа через два на стёклышко с голубой бу-

мажкой летало пять пчёл, а на стёклышко без бумаги пчёлы не обращали никакого внимания.

— Голубая бумага заметнее, поэтому пчёлы, должно быть, и садятся на неё,— сказал Витя.

— Правильно,— сказала Нина Сергеевна.— Теперь вам понятно, для чего у растений бывают красивые, яркие цветы — красные, синие, жёлтые?

— Для чего? — не поняли мы.

— Неужели не догадались?.. Для того, чтобы привлекать пчёл и других насекомых.

— Зачем же растениям привлекать пчёл? — говорю я.

— Чтобы пчёлы помогали опылению. Чем больше пчёл и других насекомых будет прилетать на цветы, тем лучше растение опыляется и размножается.

Нина Сергеевна рассказала, что не все растения опыляются насекомыми. Есть такие растения, которые опыляются ветром, например рожь. У ржи цветочки совсем маленькие, незаметные, даже на цветы не похожи, потому что им вовсе не нужно привлекать пчёл и других насекомых.

Потом я пошёл домой и стал думать о том, как удивительно всё в природе устроено. Раньше я думал: почему цветы такие красивые? А теперь оказывается, что цветы красивые не просто для красоты. У тех растений, которые опыляются насекомыми, большие, красивые цветы нужны для того, чтобы насекомые быстрее находили их и помогали опылению. Значит, красота нужна не только для красоты, а и для пользы.

1 июля

Продолжаем опыты с пчёлами. Сегодня мы взяли два кусочка бумаги, красный и синий, налили на них мёд и посадили пчелу на синюю бумагу, а на красную не посадили пчелы. Пчела стала прилетать и носить мёд в улей с синей бумаги. Каждый раз она прилетала и садилась только на синюю бумагу, хотя

красная лежала рядом и на ней тоже был мёд. Тогда мы поменяли местами обе бумажки. Пчела прилетела, увидела, что вместо синей бумаги лежит красная, и не стала на неё садиться. Она покружилась, увидела синюю бумажку и села на неё. Тогда мы отнесли синюю бумажку немного подальше, но пчела всё-таки отыскала её.

Мы делали опыты с разными цветными бумажками и заметили, что пчела всегда летит на тот цвет, на котором она нашла мёд. Значит, пчёлы не только различают цвета, но даже запоминают тот цвет, на котором нашли мёд. Это очень хорошо, что у пчёл такая способность. Она помогает им собрать побольше мёду.

Завтра Гриша и Федя уезжают в пионерлагерь. Сегодня они попрощались со всеми ребятами и сказали, что завтра уже не придут на пасеку. Федя сказал, что ему жалко расставаться с пчёлами, даже в лагерь ехать не хочется. А мы сказали, что пчёлы и без него проживут. Нечего ему выдумывать!

2 июля

Чем больше мы смотрим на пчёл, тем больше удивляемся. С виду пчёлы — это как будто всё равно что мухи. Но куда там мухам до пчёл! Что такое мухи? Мухи — это безмозглые балаболки. Они только жужжат, лезут, куда их не просят, надоедают людям да ещё заразу разносят. А пчёлы — это совсем другой народ! Они всегда занимаются нужным делом, работают дружно, каждая трудится не только для себя, а для всех. И чего только они не делают! Сегодня приходим на пасеку, смотрим — что за непонятная картина! Несколько пчёл уселись в летке и машут изо всех сил своими крылышками.

Сначала мы подумали, что они просто к доске прилипли и не могут взлететь. Мы согнали их, но они снова уселись возле летка и давай махать крылышками. Мы побежали к Нине Сергеевне и рассказали об этом.

Нина Сергеевна сказала:

— Сегодня день очень жаркий и в улье стало душно, вот пчёлы и решили проветрить помещение. Они машут крылышками и гонят в улей свежий воздух. Это у них вентиляция такая.

Вот какие пчёлы, даже вентиляцию выдумали!

И ещё у меня сегодня была радость: мои мама и папа пришли на пасеку и смотрели на наших пчёл.

3 июля

Опять жаркий день. Пчёлы снова проветривают улей. А у поилки что творится! Пчёлы одна за другой вылетают из улья и летят к поилке, а напившись, тут же летят обратно в улей. В воздухе как будто цепочка из пчёл. Одна цепочка тянется от улья к поилке, другая — от поилки к улью.

Мы смотрели на них и удивлялись: почему пчёлы, напившись воды, не летят за мёдом, а тут же возвращаются в улей?

Нина Сергеевна сказала, чтоб мы пометили краской пчёл, которые прилетают пить воду. Толя принялся мазать краской всех пчёл, которые прилетали к поилке.

Меченые пчёлы улетали в улей, а из улья вылетали новые пчёлы и летели к поилке. Толя мазал их всех по очереди. Вдруг мы заметили, что из улья вылезла одна меченая пчела и полетела к поилке, за ней другая, третья... Скоро мы увидели, что к поилке летают одни только меченые пчёлы и помечать больше некого.

— Да это какая-то водяная бригада! — закричал Федя. — Эти пчёлы, наверно, не пьют, а носят зачем-то воду в улей.

— Это так и есть, — сказала Нина Сергеевна. — В жаркую погоду часть пчёл всегда носит в улей воду для тех пчёл, которые заняты работой внутри.

— Разве те пчёлы сами не могут вылететь из улья, чтобы попить? — спросил я.

Нина Сергеевна объяснила нам, что у пчёл есть разделение труда. Молодые пчёлы, которые ещё не научились разыскивать цветы, работают в улье: строят соты, следят за чистотой, проветривают помещение, кормят детву, а старые пчёлы летают за мёдом, носят в улей воду, когда очень жарко.

— Жалко, что нельзя посмотреть, как там в улье пчёлы работают,— сказал Женя.

Нина Сергеевна сказала, что бывают такие ульи со стеклянными стенками, сквозь которые можно наблюдать, как работают пчёлы.

Мы решили, что, когда у нас будет несколько ульев, мы обязательно сделаем один со стеклянной стенкой.

4 июля

Сегодня Нина Сергеевна сказала:

— Скоро зацветёт липа. Надо нам подготовиться к главному медосбору.

— А что такое главный медосбор? — заинтересовались мы.

— Это такая пора, когда зацветает сразу много цветов: цветёт на полях клевер или гречиха, зацветают акация, или клён, или ветла. Как раз в это время пчёлы делают самые большие запасы мёда. Это и есть главный медосбор.

— А у нас ведь нет ни клевера, ни гречихи,— говорим мы.

— Зато у нас много липы. У нас будет главный медосбор с липы.

Нина Сергеевна научила нас сделать для улья надставку, которая называется магазином.

Этот магазин — как будто второй этаж улья. В него ставят добавочные рамки, чтобы пчёлам было куда складывать мёд, когда начнётся большой медосбор.

Мы сделали для улья надставку, а Нина Сергеевна сказала, чтоб мы следили, когда начнёт цвести липа.

Как только липа зацветёт, мы поставим на улей надставку.

5 июля

Липа ещё не зацвела. Я нарочно залез на дерево, чтобы проверить, но цветы ещё не распустились.

Галя увидела и говорит:

— Ты зачем по деревьям лазишь? Слезай сейчас же вниз!

Я говорю:

— Я цветы проверяю.

— Для этого не надо по деревьям лазить, и так будет видно.

Но я всё-таки проверил как следует. Вдруг прозеваем!

6 июля

Я уже давно заметил, что в летке улья постоянно сидят две или три пчелы. Другие пчёлы прилетают и улетают, а эти сидят и никуда не уходят. Я долго думал, что это за пчёлы.

А сегодня в улей пытался пробраться шмель. Он жужжал вокруг улья, жужжал — наверно, искал какую-нибудь дырку, чтоб залезть в улей и полакомиться мёдом. Дырки он так и не нашёл и полез прямо в леток. Тут эти пчёлы набросились на него и стали прогонять.

Он пустился от них удирать, но они догнали его и стали жалить. И правильно! Зачем он позарился на чужой мёд! Пчёлы ведь не для него собирают мёд. Кто работает, тот и ест мёд, а кто не работает, тому не надо давать мёда.

А потом я подумал: «Может быть, эти пчёлы нарочно сидят в летке и караулят, чтобы к ним не пробрались какие-нибудь разбойники?» Я спросил Нину Сергеевну. Нина Сергеевна сказала, что я правильно угадал.

Всё-таки, оказывается, у меня голова кое-что умеет сообщать.

Нина Сергеевна рассказала, что пчёлы не жалеют жизни, защищая свой родной улей. Если на улей нападёт даже такой большой зверь, как медведь, все пчёлы бросаются на него и жалят.

Только если пчела ужалит кого-нибудь, то она не может вытащить жало, а без жала пчела обязательно умирает.

Вот какие храбрые пчёлы.

7 июля

Вот какое большое научное достижение!

Сегодня Женя Шемякин изобрёл способ наблюдать пчелиную жизнь внутри улья. Он взял зеркальце и пустил в леток солнечный зайчик. Солнечный зайчик осветил внутренность улья, и пчёлы стали видны. Только всем сразу нельзя смотреть, потому что леток маленький и можно смотреть только одному человеку. Все ребята смотрели по очереди, и я никак не мог дождаться. Передо мной стал смотреть Витя Алмазов. Я всё просил, чтоб он пустил меня, а он всё «подожди» да «подожди». Целый час, наверно, смотрел! Потом говорит:

— На, смотри.

Я взял у него зеркальце и стал пускать в улей зайчик, но солнце уже перешло на другую сторону, и зайчик не попадал в леток.

Я говорю:

— Что же ты дал зеркало, когда солнце ушло?

— А я виноват, что оно ушло?

Вот и поговори с ним! Такая жадина! Завтра возьму зеркало, приду раньше всех и захвачу место у улья. Пусть тогда попросят меня.

Дома читал газету. В газете была статья про мёд. Оказывается, мёд — лечебное вещество. У кого больной желудок, или сердце, или лёгкие, или нервы, или ещё что-нибудь, всем надо есть мёд, и они быстро поправятся. А если у кого-нибудь нарыв или чирей, то надо намазать его мёдом и завязать тряпочкой, и чирей быстро пройдёт.

8 июля

Вот какая досада! Сегодня нарочно пришёл на пасеку с зеркалом, а солнышка нет. За весь день солнце не выглянуло ни разу. Не везёт мне!

Потом у нас был сбор отряда. Все звенья рассказывали о своей работе. Мы рассказали о наших опытах с пчёлами, а звеньевой второго звена Шура рассказал о работе на опытном огороде. Он сказал, что у них будет очень большой урожай огурцов, гораздо больше, чем в прошлом году. Это, конечно, потому, что в прошлом году пчёл не было, а в этом году наши пчёлы собирали на огуречных цветах мёд и помогали опылению.

9 июля

Наконец-то солнышко выглянуло! Я надел на голову сетку, на руки натянул рукавицы, чтоб пчёлы не жалили, уселся возле улья и стал пускать зеркальцем зайчик в леток. Батюшки, что там в улье творилось! Пчёлы копошатся на сотах, лазают по ним вверх и вниз, для чего-то залезают в ячейки, потом вылезают обратно. Когда солнышко начало припекать, пчёлы снова стали вентилировать улей. Они махали крылышками не только в летке, но и внутри улья. Некоторые пчёлы сидели прямо на сотах и изо всех сил работали крыльями. Каждая пчёлка — как будто маленький вентилятор. Мне очень хотелось увидеть пчелиную детву, но сколько я ни смотрел, ни одной маленькой пчёлки не видел.

Вечером я сказал Нине Сергеевне, что у наших пчёл нет никакой детвы.

— А какая, по-твоему, пчелиная детва? — спросила Нина Сергеевна.

— Ну, это такие маленькие пчёлки, совсем-совсем крошечные, — говорю я.

Нина Сергеевна засмеялась и говорит:

— Нет, пчелиная детва не такая. Вот мы завтра откроем улей, я вам покажу пчелиную детву.

Я сказал всем ребятам, чтоб приходили завтра смотреть пчелиную детву.

10 июля

Всё наше звено собралось с утра на пасеке. Скоро пришла Нина Сергеевна и стала рассказывать, как пчёлы выводят детву. Оказывается, что пчёлы строят ячейки из воска не только для того, чтобы складывать в них запасы мёда, но и для того, чтобы выводить в них детву. В каждой пчелиной семье есть одна самая большая пчела — матка. Пчелиная матка ничего не делает в улье, только кладёт яйца. Остальные пчёлы не могут класть яйца, они только работают и поэтому называются рабочими пчёлами. Пчелиная матка может отложить за день до двух тысяч яиц. Она откладывает яйца в пустые восковые ячейки. Каждая ячейка — это как будто гнёздышко, в котором лежит яйцо.

Нина Сергеевна велела нам открыть улей и вынула из него одну рамку. Мы стали рассматривать соты. Сначала нам показалось, что соты пустые, но Нина Сергеевна сказала, что в них лежат яйца. Мы присмотрелись и увидели, что на дне каждой ячейки лежит по крошечному яйцу. Каждое яйцо не больше макового зёрнышка, только маковое зёрнышко чёрное, а яйцо белое.

Мы никак не могли понять, как из таких маленьких яиц выходят пчёлы, но Нина Сергеевна сказала, что из яиц выходят не пчёлы, а личинки, то есть такие маленькие червячки, или гусенички, только без ножек.

Нина Сергеевна нашла на сотах ячейки, в которых из яиц уже вывелись личинки, и показала их нам. Одни личинки были совсем маленькие, другие побольше. Они свернулись калачиком и лежали на дне ячеек.

— Вот эти личинки и есть пчелиная детва,— сказала Нина Сергеевна.

Мы удивились. А Толя сказал:

— Какая же это детва? Они когда вырастут, из них получатся какие-нибудь червяки или гусеницы. Что с ними будут делать пчёлы?

Нина Сергеевна сказала:

— Когда личинка вырастет, она превращается в куколку, а из куколки через несколько дней уже выходит сразу настоящая большая пчела.

Ещё Нина Сергеевна рассказала, что, кроме рабочих пчёл, в ячейках выводятся молодые матки и трутни. Для молодых маток пчёлы делают большие, просторные ячейки. Перед тем как должна вывестись молодая матка, часть пчёл вместе со старой маткой улетает из улья, и получается рой. Если рой посадить в другой улей, то получится новая пчелиная семья.

Трутни немного крупнее рабочих пчёл. Рабочие пчёлы — это самки, а трутни — самцы. Мёда трутни не собирают, а едят за четверых. Когда приходит зима, пчёлы прогоняют всех трутней из улья, чтоб они не уничтожали запасов мёда.

Сегодня вечером я долго думал о пчёлах. Сначала я решил, что пчёлы — это всё равно что птицы: у птиц есть крылья, и у пчёл крылья; птицы несут яйца, и пчёлы тоже откладывают яйца. Только из птичьих яиц сразу выводятся птенцы, а у пчёл сначала выводятся какие-то личинки, или гусеницы. Значит, пчёлы — не птицы. Что же такое пчёлы? Я думал, думал и решил, что пчёлы — это всё равно что бабочки. У бабочек тоже есть крылья, бабочки тоже откладывают яйца, а из яиц выводятся гусеницы, а из гусениц получаются куколки, а из куколок получаются снова бабочки. Это я точно знаю, потому что у меня в прошлом году жила в ящике большая мохнатая гусеница, которая в один прекрасный день превратилась в куколку.

И вот эта куколка лежала-лежала, и в один ещё прекрасный день из неё вышла большая, замечательно красивая бабочка. Значит, и пчёлки — это такие маленькие бабочки.

Сегодня был очень хороший, солнечный день. Утром я прихожу на пасеку, а Толя уже сидит возле улья с маленьким зеркальцем, заглядывает одним глазом в верхний леток и потихоньку смеётся.

— Чего ты смеёшься? — спрашиваю я.

— Они танцуют.

— Кто танцует?

— Пчёлы.

— С ума, — говорю, — спятил!

— Посмотри сам.

Я взял у него зеркальце и стал смотреть в леток.

Одна пчела бегала вприпрыжку по сотам. Она поворачивалась то в одну сторону, то в другую, то быстро вертелась. Вдруг другая пчела бросилась следом за ней, и они стали вертеться вместе. Следом за второй пустилась плясать третья пчела.

Я не выдержал и громко рассмеялся.

— Всё время так, — сказал Толя. — Я за ними уже давно слежу.

Я пустил зайчик в нижний леток и увидел на дне улья настоящий хоровод. Одна пчела бегала впереди, а за нею вприпрыжку мчалась целая вереница пчёл. Первая пчела вертелась в разные стороны, описывала круги, а остальные пчёлы в точности повторяли её движения. Повертевшись на месте, первая плясунья перелетела в другое место и начала снова плясать. Постепенно к ней присоединились другие пчёлы, и опять получился пчелиный хоровод.

Тут пришли остальные ребята. Мы стали показывать им, как пляшут пчёлы.

— Что же это происходит? — говорит Витя. — Может быть, у них тут какой-нибудь пчелиный праздник?

Все засмеялись:

— Разве у пчёл бывают праздники?

Мы побежали к Нине Сергеевне и стали спрашивать, почему пчёлы пляшут. Нина Сергеевна сказала, что, когда какая-нибудь пчела находит место, где цветёт много цветов, она возвращается в улей и начинает плясать. Этим она даёт знать другим пчёлам, что надо лететь за мёдом. Во время танца остальные пчёлы обнюхивают первую пчелу и по запаху узнают, на каких цветах она брала мёд. После этого пчёлы вылетают из улья и летят туда, откуда доносится запах этих цветов.

— В особенности часто пчёлы танцуют во время главного медосбора,— сказала Нина Сергеевна.— Вы проверьте, может быть, уже зацвела липа.

Мы скорее побежали к школе. Во дворе перед школой росли большие старые липы. Мы посмотрели вверх и увидели, что пчёлы во множестве летают вокруг деревьев и садятся на цветы.

Мы увидели, что липа уже зацвела, побежали на пасеку и поставили на улей надставку. Пчёлы до вечера продолжали плясать в улье.

Одна пчела так расплясалась, что выскочила на прилётную доску и там ещё продолжала плясать, а потом улетела за мёдом.

Вечером я пошёл домой и стал думать о пчёлах. Так вот какой пчелиный язык! Когда пчёлам нужно сообщить друг другу, что надо лететь за мёдом, они просто пляшут. Конечно, пчёлы не могут сказать, куда нужно лететь за мёдом, а только по запаху узнают дорогу. Значит, у них хорошее обоняние, гораздо лучше, чем у людей. В этом, конечно, ничего удивительного нет, собаки тоже очень хорошо умеют находить дорогу по запаху, но зато собаки не умеют плясать. Правда, хорошую собаку тоже можно научить танцевать, но всё-таки никакая собака не поймёт, что если другая собака пляшет, то это значит, что нужно лететь за мёдом.

А пчёлы это хорошо понимают.

Потом я ещё о цветах думал: почему цветы пахнут? Неужели они пахнут для того, чтобы людям было приятно их нюхать?

Нет, наверно, они пахнут для того, чтобы пчёлы скорее находили их и помогали опылению. Ведь растениям выгодно, чтобы побольше пчёл и других насекомых прилетало на цветы.

И потом ещё вот что: для чего в цветах сладкий сок? Может быть, тоже для того, чтобы приманивать насекомых? Ведь если бы сладкого сока не было, зачем бы пчёлы стали летать на цветы?

Завтра спрошу у Нины Сергеевны, правильно я думаю или нет.

12 июля

Я спросил Нину Сергеевну, и она сказала, что я додумался правильно.

Вот, оказывается, какой я умный — до чего сам додумался! Теперь всегда буду думать о разных вещах. Всё-таки у меня хорошие результаты получаются от думанья.

Сегодня у нас на пасеке работа кипит вовсю. Пчёлы жужжат так, что в воздухе стоит непрерывный гул, как на текстильной фабрике, куда нас Галя водила на экскурсию в позапрошлом месяце. Пчёлы носятся туда и сюда. Они как будто спешат наносить побольше мёду, пока цветёт липа. На прилётной доске возле летка толкучка: одни пчёлы лезут из улья, чтоб поскорей лететь за мёдом, другие уже прилетели и лезут навстречу в улей, чтобы сложить добычу. А на деревьях их сколько! Тысячи! Все деревья облепили. Мы и не думали, что у нас столько пчёл.

Нина Сергеевна рассказала, что во время главного медосбора в улье бывает до восьмидесяти тысяч рабочих пчёл, а в некоторых очень сильных семьях — даже до ста тысяч.

Подумать только — сто тысяч! Это как людей в большом городе. А что такое улей? Это и есть пчелиный город.

13 июля

Кипит работа! Пчёлы носятся, как эскадрильи самолётов. Возле летка по-прежнему суется. А внутри улья и сегодня танцы. Будто на самом деле праздник.

А может быть, это и есть праздник у пчёл — праздник Медосбор? Пчёлы ведь должны радоваться, когда много мёду. Поработают, зато на зиму будут запасы.

14 июля

Вот так чудо чудное! Про наше звено написали в газете! Утром мы пришли на пасеку, вдруг смотрим — бежит Витя, а в руках у него газета.

— Ребята! — кричит он. — Посмотрите, про нас в газете написано!

Мы посмотрели, а в газете карточка, на которой мы все сняты с ульем, и напечатано, как мы сделали улей и стали разводить пчёл. И все наши фамилии напечатаны. Даже сказано, в какой мы учимся школе.

Мы скорей побежали к киоску и стали покупать газеты. Все купили себе по газете, а мы с Павликом купили даже по две.

Потом мы стали думать, кто же это про нас написал. Юра говорит:

— Это, наверно, Галя. Ведь она нас снимала. Должно быть, это она послала в газету нашу фотокарточку и написала статью.

Мы побежали к Гале и спросили её. Оказалось, что это на самом деле написала Галя. Мы стали говорить ей спасибо.

Галя говорит:

— За что же мне спасибо? Ведь вы сами сделали улей, сами работали, себя и благодарите.

Все побежали показывать газеты домой. Мы с Серёжей и Павликом тоже пошли. Павлик сказал:

— А вот нам-то и благодарить себя не за что!

— За что же нам благодарить себя — мы пришли на готовое, — говорит Серёжа. — Нам надо ребят благодарить за то, что они дела не бросили.

— За что же про нас в газете написано?

— Ни за что. Мы просто случайно попали.

— Чем же нам гордиться тогда?

— Да и гордиться нечем! Это ребята могут гордиться: они дела не бросали.

— Как же так? — говорит Павлик. — Ведь и про нас будут в газете читать. «Вот, скажут, хорошие ребята!» А мы разве хорошие?

— Я лучше никому не буду газету показывать, — сказал Серёжа.

— Я тоже, — говорит Павлик.

Не знаю, показывали они кому-нибудь газету или нет, а я показал. И маме, и папе, и дяде Васе, и тёте Наде. Потом пошёл всем соседям показывать. Все хвалили меня, хвалили. Мне даже совестно стало. Я вернулся домой и стал думать, почему мне совестно, и что это за совесть такая, и зачем она людей мучит. Почему, когда сделаешь хорошо, совесть не мучит, а когда сделаешь плохо, так мучит?

По-моему, совесть — это что-то вроде человека внутри человека. Только этот человек очень хороший и не любит, когда делают плохо. Когда я сделаю что-нибудь плохое, он упрекает меня. Конечно, это только я так думаю про этого человека внутри человека, потому что внутри человека нет никакого человека... Разве кто-нибудь другой упрекает меня? Это я сам упрекаю себя! Значит, я сам своя совесть. Вот что такое совесть! Совесть — это я сам. За что же я упрекаю себя?.. За то, что перед соседями хвастался.

Может быть, соседи подумали, что я важная птица, а на самом деле я самый простой человек. В следующий раз не буду хвастаться, если хвастаться нечем.

15 июля

Слава про наш улей разнеслась по всей школе. Сегодня к нам приходили ребята из младших классов и даже из старших. Все расспрашивали нас про пчёл, а мы показывали им наш улей и рассказывали, как обращаться с пчёлами. Ребята сказали, что будут приходить учиться у нас пчеловодному делу. Потом пришёл один незнакомый дяденька:

— Это вы ребята, про которых в газете писали?

— Мы,— говорим мы.

— Неужели у вас пчёлы живут?

— Живут.

Он присел возле улья и долго смотрел на пчёл. Потом сказал:

— Ишь ты, какая удивительная вещь!

И пошёл домой. Вот! Даже взрослые начинают интересоваться нашей работой. А если бы в газете не было написано, то никто и не знал бы про нас.

16 июля

Сегодня к нам приходили двое ребят из другой школы. Они читали про наше звено в газете и пришли посмотреть, как сделан улей, чтоб и у себя в школе устроить. А потом опять пришёл тот гражданин, который вчера приходил. Он снова долго сидел возле улья и разговаривал с нами, а потом его укусила пчела, и он ушёл.

17 июля

Вот как быстро разносится слава! Сегодня на пасеку пришла Галя и говорит:

— Подите, ребята, в школу: там вам письмо пришло. Мы удивились: кто же это мог нам письмо написать?

Потом побежали в школу, взяли письмо и стали читать. Вот что там было написано. Я нарочно решил переписать его себе в дневник на память:

«Здравствуйте, дорогие ребята, юные пчеловоды! Примите наш пламенный ученический привет. Пишут вам ученики ремесленного училища мебельного комбината. Мы прочитали про вас в газете и хотим познакомиться с вами посредством письма и наладить связь. Ваша работа очень понравилась нам, и у нас появилась охота тоже заняться пчеловодством. Просим сообщить нам размеры улья и, по возможности, прислать чертёжик. Мы, деревообделочники, будущие столяры-мебельщики. Уже умеем делать табуретки, скамейки, столы, а с будущего года начнём делать гнутую мебель. Думаем, что улей мы сумеем хорошо сделать и даже другим ребятам, какие захотят, можем тоже наделать ульев. Ещё сообщите, где можно достать пчёл. Ещё раз примите наш пламенный, горячий привет! Не считите за труд ответить. Пишите как можно скорее. Ждём с нетерпением ответа. Поздравляем с великим достижением и желаем вам новых больших успехов в работе».

Как раз в этот день у нас был сбор отряда. Галя прочитала письмо на сборе, и мы все решили написать ребятам ответ.

Написали всё как следует, даже улей нарисовали и сообщили адрес пчеловодного хозяйства, чтобы ребята знали, откуда выписать пчёл.

18 июля

А сегодня вдруг снова пришло ещё одно письмо. Прислал его какой-то совсем маленький мальчишка. Только он хоть и маленький, а письмо сумел хорошо написать. Нам всем оно очень понравилось. Я и это письмо решил списать в свой дневник. Вот что там было написано:

«Здравствуйте, милые друзья пионеры и школьники! Я к вам с просьбой. Очень прошу сообщить. Милые друзья! Уже с прошлого года я занимаюсь пчеловодством и стараюсь развести пчёл в коробке. Только сколько я ни стараюсь, ничего у меня не выходит. Пчёлы не хотят у меня жить и улетают от меня. Я кладу им в коробку мёду и сахару, но они поедят мёду и улетают из коробки. А вчера я поймал в саду десять пчёл, а сегодня они удрали от меня. А у меня мечта — накопить пчёл побольше, чтобы, когда я подрасту, можно было устроить улей или хотя бы два, потому что я решил стать пасечником. Сообщите мне, милые друзья, как вы делаете, чтобы пчёлы не улетали от вас, а то я ещё маленький и, может быть, делаю что не так. И ещё сообщите, милые друзья, кусают ли вас пчёлы. Меня они кусают, но я терплю, как на войне раненые бойцы терпят. До свиданья, милые друзья. Писал Митя Ромашкин. Жду ответа, как соловей лета!»

Мы прочитали это письмо, и нам стало очень смешно, а потом мы вспомнили, как сами собирались ловить пчёл по одной, и перестали смеяться и написали Мите Ромашкину всё, что сами знали о пчёлах и как нужно с ними обращаться, чтоб они жили в улье.

Мы долго писали ответ, и письмо получилось длинное, а потом мы пошли на пасеку.

19 июля

Вот так дела пошли! Каждый день по письму! Сегодня пришло письмо мне. На конверте так и написано: «Коле Синицыну — знаменитому пчеловоду». У меня даже задрожали руки, когда я получил это письмо. Я поскорей распечатал его и начал читать:

«Здравствуйте, дорогой незнакомый друг Коля Синицын! Вы, может быть, удивитесь, что Вам пишет совсем незнакомая девочка, которой Вы вовсе не знаете, а может быть, и не интересуетесь знать, так как Вы теперь человек известный, про которого даже в газете написано. Я, конечно, как и другие, узнала про Вас из газеты, в которой напечатана карточка, где Вы сняты со всем звеном, и написано про Вашу работу.

Мы прочитали эту газету на сборе звена и решили последовать Вашему примеру и заниматься этой интересной работой.

Вы, может быть, улыбнётесь, читая эти строчки моего письма, потому что некоторые мальчики презрительно относятся к девочкам и воображают, что девочки ничего не могут, а мальчики могут всё. И вот мы решили доказать всем мальчикам, что девочки ничуть не хуже их, и тоже хотим разводить пчёл. Может быть, многим из нас это пригодится в жизни, и мы на своей школьной пасеке будем изучать пчеловодство, а когда вырастем, будем работать колхозными пчеловодками. И вот всё звено поручило мне написать Вам письмо и спросить, как Вы сделали улей и развели пчёл. А я решила написать лично Вам, потому что мне понравилась Ваша фамилия, и Вы, наверно, мальчик добрый и не откажете в нашей просьбе.

А теперь до свиданья.

С пионерским приветом пионерка

Люся Абанова».

Я сначала не знал, стоит ли писать этой девчонке ответ, но все ребята сказали, что надо написать, и Галя тоже сказала, чтоб я обязательно написал, потому что раз девочки хотят работать, так надо им помочь, и это будет очень нехорошо, если я не отвечу

Тогда я пошёл домой и стал писать ответ. Целый час корпел над письмом, потому что мне хотелось написать по-

лучше и не ударить, как говорится, в грязь лицом. В конце концов я написал всё как следует.

Очень красивое письмо получилось. Мне даже самому понравилось. Все ребята сказали, что не стыдно такое письмо посылать.

20 июля

Сегодня к нам опять приходили ребята, а потом пришёл тот гражданин, которого в прошлый раз укусила пчела. Мы очень боялись, как бы его снова пчела не ужалила, и дали ему сетку, чтобы он надел на голову. Гражданин надел на голову сетку, а когда пришла Нина Сергеевна, он стал её спрашивать:

— Скажите, пожалуйста, что, этот улей — просто для изучения или от него может быть польза?

— И для изучения, и польза будет,— сказала Нина Сергеевна.

— Какая же, скажите, пожалуйста, польза? Разве в городе можно пчёл держать?

— Почему же нет? В городе растёт очень много медоносных растений. В парках, в садах, на бульварах, даже просто на улицах и во дворах растут такие медоносы, как клён, липа, акация, ветла, черёмуха и многие другие. Кроме того, пчёлы могут летать за добычей очень далеко. Они могут вылетать из города и собирать мёд в окрестных полях. Это раньше думали, что пчёл можно держать только в деревне, а теперь даже в таких больших городах, как Москва, живут пчеловоды, которые держат пчёл.

— Ну, если так, то я тоже начну разводить пчёл,— сказал гражданин.— Да вот беда — у меня ульи поставить негде.

— Почему же негде? — спросила Нина Сергеевна.— Для ульев всегда можно найти подходящее место. Если нельзя поставить во дворе, то поставьте хоть на балконе, или на чердаке, или даже просто в сарае.

— Ах так? Ну, если так, то конечно. А я и не знал, что ульи можно на балконе поставить. Скажите пожалуйста! Вот как далеко шагнула наука!

Гражданин поблагодарил Нину Сергеевну, сказал, что ещё придёт поучиться у нас, и ушёл с нашей сеткой на голове. Пришлось его догнать и напомнить, чтоб сетку отдал.

21 июля

Сегодня было очень жарко и пчёлы почему-то плохо работали. Они выкучивались из летка и целой гроздью висели на прилётной доске, прицепившись друг к дружке. У улья получилась как будто борода из пчёл.

Эта «борода» висела, висела, а потом пчёлы залезли обратно в улей, и «борода» пропала. Потом они снова вылезли, и опять получилась «борода». Наконец они спрятались в улей и сидели до вечера.

22 июля

Мы с Серёжей и Павликом пришли с утра на пасеку и увидели, что пчёлы снова стали выкучиваться из летка. Мы думали, что им опять захотелось повисеть «бородой», но пчёлы кучей взлетели кверху и стали кружиться над ульем. Они громко жужжали, а за ними вслед вылетали другие пчёлы. Из улья началось повальное бегство. Мы испугались и спрятались за дерево, а пчёлы тучей летали по саду и гудели так, что, наверно, за километр было слышно.

— Что это они, взбесились? — говорит Павлик.

— Да ведь это рой! — догадался Серёжа.

— Верно! Куда же мы его будем сажать?

— Надо принести ведро, говорю я.

Так беги скорей домой, а я буду следить, куда сядет рой, говорит Павлик.

Мы с Серёжей выбежали за ворота и во весь дух помчались по улице. Я прибежал домой и принялся искать ведро, но не нашёл и схватил вместо него большую картонную коробку от радиоприёмника. Прибегаю назад с коробкой, смотрю — возле улья никого нет, а Серёжа как угорелый бежит по саду с ведром.

— Где же Павлик? — спрашиваю я.

— Не знаю. Я уже весь сад обыскал. Нигде нет.

— А рой где?

— И роя нет.

Мы остановились и стали осматриваться. Тут из-за забора высунулась голова Павлика и сказала:

— Ну, чего вы стоите там? Идите скорее сюда!

Мы скорее перелезли через забор в соседний двор. Серёжа зацепился ногой за забор и уронил ведро. Оно с грохотом покатилося на землю.

— Тише ты! — зашипел Павлик. — Испугаешь ведь рой.

— А где он?

— Вот, разве не видишь?

Тут мы увидели рой. Он гроздью висел на ветке дерева. Все пчёлы слепились плотным комком, и только две-три пчелы летали вокруг, будто не могли пристроиться к общей куче.

— Ну, давайте скорее ведро, — говорит Павлик.

— Может быть, их лучше в коробку собрать? — говорю я. — Коробка побольше ведра.

— Ладно, давай коробку.

Я осторожно поднёс коробку под рой. Павлик сильно потряхнул веткой, и весь рой моментально свалился в коробку. Я сейчас же закрыл её крышкой.

— Есть! — говорю. — Теперь они никуда не улетят.

Мы перелезли обратно через забор и увидели, что на пасеку пришли остальные ребята.

— Идите скорее посмотреть! — закричал я. — У нас рой.

— Где рой?

— А вот, в коробке.

— Где вы его взяли?

— Из улья вылетел.

Ребята заглянули в коробку и удивились:

— Вот так чудо! Значит, у нас вторая пчелиная семья будет! Надо поскорей новый улей делать.

Мы принесли инструменты и в спешном порядке стали делать новый улей. Пришла Нина Сергеевна. Мы показали ей рой в коробке. Нина Сергеевна посмотрела и говорит:

— Не вовремя рой вылетел.

— Почему не вовремя?

— Потому что сейчас большой медосбор. Когда пчёлы роются, они плохо работают и мало собирают мёда.

— Ничего,— говорим мы.— Нам много мёду не нужно. Пусть лучше будет побольше пчёл.

К вечеру мы сделали улей, поставили в него несколько рамок с вощиной и перенесли из старого улья одну рамку с личинками и одну рамку с мёдом, чтоб у новой пчелиной семьи сразу было своё хозяйство. Потом мы вытряхнули из коробки весь рой прямо в улей на рамки, накрыли улей крышкой и пошли домой.

Мы с Серёжей и Павликом очень довольны, потому что если бы не мы, то рой улетел бы. Значит, и от нас тоже бывает польза.

23 июля

Вчера Нина Сергеевна сказала, чтоб мы внимательно следили за новой пчелиной семьёй, так как рой иногда не приживается на новом месте и может улететь, чтоб найти для себя другое жилище. Сегодня мы нарочно пришли пораньше и стали следить.

И вот мы увидели, как из нового улья вылетела первая пчёлка. Она обернулась в воздухе головкой к летку, словно старалась запомнить, откуда она вылетела, потом стала кру-

житься в воздухе, как будто для того, чтобы запомнить место, где стоит улей, а потом уже улетела прочь. Тут стали вылетать и другие пчёлы. Все они сначала кружились около улья, а потом улетели. Мы очень беспокоились, найдут ли пчёлы дорогу в свой новый дом или полетят, по привычке, в старый улей, но через некоторое время пчёлы стали возвращаться назад. Мы очень обрадовались. Значит, пчёлам понравилось их новое жилище.

24 июля

С утра мы снова пришли на пасеку и любовались на своих пчёл. Работа кипит в обоих ульях. Но в новом улье пчёлы работают активнее. Каждая пчёлка не теряет времени даром, а как только выползет из летка, сейчас же расправляет крылышки и быстро летит за мёдом.

Нина Сергеевна сказала, что рой в новом улье всегда проявляет большую энергию, потому что пчёлам надо успеть построить гнездо и собрать побольше мёду на зиму.

25 июля

Дует ветер. Небо хмурится. Солнышко то выглянет, то спрячется в тучи. Иногда начинает накрапывать дождь. Пчёлы в старом улье сидят и не хотят никуда вылетать. Но в новом улье работа не прекращается. Как только солнышко выглянет, пчёлы сейчас же начинают вылетать за мёдом. Молодцы! Пусть стараются.

Федя и Гриша вернулись из лагеря. Вот как быстро время прошло!

Ну и удивились же они, когда увидели, что у нас теперь уже два улья. Они думали, что мы выписали ещё одну пчелиную семью, но мы рассказали им, что это вылетел рой.

Потом мы показали им газету с карточкой и письма, которые нам прислали ребята. Они очень обрадовались. Гриша сказал.

— Ну и дела пошли, а мы и не знали, что тут творится!

26 июля

Совсем плохая погода. Почти весь день шёл дождь. Обе пчелиные семьи сидели в ульях и не летали за мёдом.

Нам было скучно без пчёл. Галя сказала, что сегодня мы всем нашим отрядом пойдём в кино смотреть новую картину.

После обеда Галя взяла на всех билеты, и мы ходили в кино.

27 июля

Вот и окончился главный медосбор. Липа уже отцвела. Теперь пчёлам придётся разыскивать какие-нибудь цветы в разных местах. Тут уж не наберёшь много мёду. Мы стали бояться, что новая пчелиная семья останется на зиму без мёда, но Нина Сергеевна сказала, что ей можно будет уделить часть мёда из старого улья. Мы проверили запасы мёда, и оказалось, что мёда хватит на обе семьи.

— Только вам самим уж не придётся в этом году поесть своего мёда,— сказала Нина Сергеевна.

— А мы и не хотим мёда,— говорим мы,— Пусть лучше пчёлам останется. Ведь они сами трудились, значит, это их мёд.

— Вот и прекрасно,— сказала Нина Сергеевна.— Зато у пчёл будут достаточные запасы на зиму. Пчёлы хорошо перезимуют, а на следующий год соберут столько мёда, что и для вас останется.

— Вот тогда-то мы и попробуем своего мёда! — сказал Павлик.

— А где же будут зимовать наши пчёлы? Для них, наверно, надо зимовник сделать? — спросил Юра.

— Один или два улья могут зимовать в хорошем сухом погребе или просто в землянке,— сказала Нина Сергеевна.— Под землёй пчёлам будет хорошо.

Мы решили с завтрашнего дня приняться за постройку землянки, чтоб нашим пчёлам было помещение на зиму.

28 июля

С утра все ребята собрались на пасеке, и мы приступили к постройке землянки. Мы решили сначала выкопать в саду яму, потом накрыть эту яму досками, а сверху засыпать землёй, чтобы внутрь не пробрался холод. Мы принесли лопаты и стали копать яму.

Земля была твёрдая. Мы провозились до вечера, но зато яма получилась хорошая. Юра придумал развести в яме костёр, чтобы стены хорошенько просохли и в зимовнике не было сырости. Мы натащили хворосту и разожгли в яме большой костёр.

Все ребята разбрелись по саду, стали собирать сухие ветки и подбрасывать их в огонь. Скоро стемнело. Костёр догорел. Мы забрались в яму, убрали золу, а потом уселись на дне и стали мечтать. Вверху над нами чернело небо, а на нём сверкали яркие звёздочки. Ветер шумел в ветвях деревьев, а у нас в яме было тепло и уютно.

— А я буду скучать по пчёлам зимой,— сказал Гриша.— Я к ним очень привык и полюбил их за то, что они такие хорошие маленькие труженики.

— Я тоже буду скучать по пчёлам зимой,— сказал Федя.

— До зимы ещё далеко,— ответил Толя.— А зимой мы будем учиться, и скучать будет некогда.

— А ведь правду сказал нам дедушка-пчеловод: «Кто начнёт заниматься пчеловодством, тот никогда не бросит

этого дела», — сказал Павлик. — Вот я, например, — я уже твёрдо решил: когда вырасту, обязательно стану пчеловодом на колхозной пасеке. У меня будет много ульев, штук сто или двести. Скорее даже двести, чем сто!

— Тебе хорошо, — ответил Федя. — А мне как быть? Ведь я уже решил сделаться инженером, чтобы строить мосты, тоннели, каналы...

— Ну и что же? — говорю я. — Будь себе инженером, а дома у тебя будут ульи. Они ведь не помешают тебе.

— Конечно, — говорит Витя. — Вот я, например, буду художником и пчеловодом. Разве нельзя сразу по двум специальностям работать?

— Художнику хорошо! — ответил Женя. — А мне-то как быть? Я хочу быть лётчиком.

— Ну и будь лётчиком, — говорю я. — Не будешь же ты по целым дням на самолёте летать. Полетаешь, полетаешь и домой прилетишь, посмотришь на своих пчёл и опять полетишь куда надо.

— А если на несколько дней понадобится куда-нибудь лететь?

— Несколько дней пчёлы и без тебя проживут. Они сами о себе могут заботиться. Им не нужна нянька.

— Лётчику-то ещё ничего, — сказал Юра. — Я вот хочу быть матросом или капитаном на пароходе, а пароход как уйдёт в дальнее плавание, чуть ли не на весь год!

— А ты улей поставь на палубе, — говорю я. — Пусть он и стоит себе. Пока плывёшь по морю или по океану, затыкай леток, чтобы пчёлы не разлетелись, а как остановишься у берега, выпускай пчёл, чтоб они на берегу покормились. Вот и хорошо будет.

Так мы разговаривали, и я всем доказал, что каждый может заниматься пчеловодством: и лётчик, и шофёр, и машинист, и шахтёр. А потом я пошёл домой и стал думать, как же мне самому быть. Ведь я уже решил работать в Арктике, а разве в Арктике могут жить пчёлы? Там ведь

нет ни цветов, ни деревьев, одни только льды да белые медведи. А потом я подумал, что, наверно, пока я вырасту, люди насадят в Арктике цветов и деревьев, так что и там можно будет разводить пчёл. А если к тому времени не успеют насадить, то я сам насажу, а пока цветы вырастут, буду кормить пчёл сахарным сиропом.

Обязательно разведу в Арктике пчёл!

29 июля

Мы думали, что нам больше не будет писем, а сегодня вдруг снова письмо. Мы с утра пришли на пасеку, только Юра Кусков не пришёл.

Вдруг, смотрим, Юра бежит и размахивает конвертом в руке. Оказывается, он заходил в школу и получил письмо. Мы поскорей распечатали конверт и стали читать письмо вслух. Вот что там было написано:

«Дорогие друзья пионеры и школьники! Пишут вам пионеры из колхоза «Ленинский путь». Мы прочитали про вас в газете и решили написать вам письмо. Дорогие ребята, нам очень совестно, что мы, колхозные пионеры, ещё не устроили у себя пришкольную пасеку, в то время как вы, городские ребята, уже начали эту работу и у вас уже есть улей. Дорогие друзья, мы эту нашу ошибку исправим и уже договорились с колхозом, и колхоз выделяет для нашей школьной пасеки два улья с пчёлами. Так что пасека у нас будет. Но не думайте, дорогие друзья, что мы всё время сидели сложа руки и ничего не делали.

Наш колхоз находится далеко в степи. Природа у нас суровая: зимой трещат невыносимые морозы, дуют метели и надувают столько снега, что мы даже в школу ходим на лыжах. Летом дуют сильные суховеи, так что всё сохнет

и земля от жары трескается. Чтобы победить засуху, наши колхозники насаждают леса. Мы тоже решили в этом деле помочь родному колхозу и уже собрали шесть мешков отборных желудей для посадки дуба. Мы боремся с вредителями сельского хозяйства — сусликами. В этом году наш пионерский отряд уничтожил полторы тысячи сусликов и спас от гибели пятнадцать тонн зерна, так как каждый суслик съедает за лето до десяти килограммов зерна. И ещё мы взяли шефство над колхозным телятником. У каждого пионера теперь есть по два подшефных телёнка. Мы следим, как растут и развиваются наши подшефные четвероногие. При школе у нас есть сад и опытный огород. Все мы работаем в саду и на огороде и добиваемся, чтобы был большой урожай.

Дорогие ребята, мы знаем, что вы в городе тоже работаете — сажаете цветы и деревья, устраиваете сады и парки, а вот теперь, оказывается, даже начали разводить пчёл. И это очень хорошо, дорогие друзья! Давайте ещё лучше будем работать, вы там, а мы здесь, чтобы наша любимая Родина процветала и покрылась зеленью и садами, чтоб всего было много и всему нашему народу жилось хорошо, как учит нас наша партия.

На этом мы кончаем своё письмо. До свиданья, дорогие друзья! К борьбе за дело Коммунистической партии будьте готовы!»

Мы прослушали письмо до конца, и все, как один, ответили:

— Всегда готовы!

А потом я пошёл домой и стал думать об этом письме. Я долго думал и увидел, что мы, городские ребята, ещё очень мало сделали и нам нужно ещё очень много работать, чтобы сравняться с колхозными пионерами. Мне очень понравилось их письмо, и я решил переписать его в свой дневник на память. И вот я писал, писал — написал всё, что здесь

написано, и тут только заметил, что мой дневник кончается и мне негде больше писать.

Ну что ж, когда-нибудь я куплю ещё одну толстую тетрадь и снова буду писать дневник. А сейчас на этом конец.

Писал пионер
Коля Сеницын.

ВИТЯ МАЛЕЕВ В ШКОЛЕ И ДОМА

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Подумать только, как быстро время летит! Не успел я оглянуться, как каникулы кончились и пришла пора идти в школу. Целое лето я только и делал, что бегал по улицам да играл в футбол, а о книжках даже позабыл думать. То есть я читал иногда книжки, только не учебные, а какие-нибудь сказки или рассказы, а так чтоб позаниматься по русскому языку или по арифметике — этого не было. По русскому я и так хорошо учился, а арифметики не любил. Хуже всего для меня было — это задачи решать. Ольга Николаевна даже хотела дать мне работу на лето по арифметике, но потом пожалела меня и перевела в четвёртый класс так, без работы.

— Не хочется тебе лето портить, — сказала она. — Я переведу тебя так, но ты дай обещание, что сам позанимаешься по арифметике летом.

Я, конечно, обещание дал, но, как только занятия кончились, вся арифметика выскочила у меня из головы, и я, наверно, так и не вспомнил бы о ней, если б не пришла пора идти в школу. Стыдно было мне, что я не исполнил своего обещания, но теперь уж всё равно ничего не поделаешь.

Ну и вот, значит, пролетели каникулы! В одно прекрасное утро — это было первого сентября — я встал пораньше, сложил свои книжечки в сумку и отправился в школу. В этот день на улице, как говорится, царило большое оживление. Все мальчики и девочки, и большие и маленькие, как по команде, высыпали на улицу и шагали в школу. Они шли и по одному, и по двое, и даже целыми группами по несколько человек. Кто шёл не спеша, вроде меня, кто мчался стремглав, как на пожар. Малыши тащили цветы, чтобы украсить класс. Девчонки визжали. И ребята тоже некоторые визжали и смеялись. Всем было весело. И мне было весело. Я был рад, что снова увижу свой пионерский отряд, всех ребят-пионеров из нашего класса и нашего вожатого Володю, который работал с нами в прошлом году. Мне казалось, будто я путешественник, который когда-то давно уехал в далёкое путешествие, а теперь возвращается обратно домой и вот-вот скоро уже увидит родные берега и знакомые лица родных и друзей.

Но всё-таки мне было не совсем весело, так как я знал, что не встречу среди старых школьных друзей Федю Рыбкина — моего лучшего друга, с которым мы в прошлом году сидели за одной партой. Он недавно уехал со своими родителями из нашего города, и теперь уж никто не знает, увидимся мы с ним когда-нибудь или нет.

И ещё мне было грустно, так как я не знал, что скажу Ольге Николаевне, если она меня спросит, занимался ли я летом по арифметике. Ох уж эта мне арифметика! Из-за неё у меня настроение совсем испортилось.

Яркое солнышко сияло на небе по-летнему, но прохладный осенний ветер срывал с деревьев пожелтевшие листья. Они

кружились в воздухе и падали вниз. Ветер гнал их по тротуару, и казалось, что листочки тоже куда-то спешат.

Ещё издали я увидел над входом в школу большой красный плакат. Он был увит со всех сторон гирляндами из цветов, а на нём было написано большими белыми буквами: «Добро пожаловать!» Я вспомнил, что такой же плакат висел в этот день, когда я совсем ещё маленьким пришёл первый раз в школу. И мне вспомнились все прошлые годы. Как мы учились в первом классе и мечтали поскорей подрасти и стать пионерами.

Всё это вспомнилось мне, и какая-то радость встрепенулась у меня в груди, будто случилось что-то хорошее-хорошее! Ноги сами собой зашагали быстрее, и я еле удержался, чтоб не пуститься бегом. Но это было мне не к лицу: ведь я не какой-нибудь первоклассник — как-никак всё-таки четвёртый класс!

Во дворе школы уже было полно ребят. Ребята собирались группами. Каждый класс отдельно. Я быстро разыскал свой класс. Ребята увидели меня и с радостным криком побежали навстречу, стали хлопать по плечам, по спине. Я и не думал, что все так обрадуются моему приходу.

— А где же Федя Рыбкин? — спросил Гриша Васильев.

— Правда, где Федя? — закричали ребята. — Вы всегда вместе ходили. Где ты его потерял?

— Нету Феде, — ответил я. — Он не будет больше у нас учиться.

— Почему?

— Он уехал из нашего города со своими родителями.

— Как так?

— Очень просто.

— А ты не врешь? — спросил Алик Сорокин.

— Вот ещё! Стану я врать!

Ребята смотрели на меня и недоверчиво улыбались.

— Ребята, и Вани Пахомова нет, — сказал Лёня Астафьев.

— И Серёжи Букатина! — закричали ребята.

— Может быть, они тоже уехали, а мы и не знаем, — сказал Толя Дёжкин.

Тут, как будто в ответ на это, отворилась калитка, и мы увидели, что к нам приближается Ваня Пахомов.

— Ура! — закричали мы.

Все побежали навстречу Ване и набросились на него.

— Пустите! — отбивался от нас Ваня. — Человека никогда в жизни не видели, что ли?

Но каждому хотелось похлопать его по плечу или по спине. Я тоже хотел хлопнуть его по спине, но по ошибке попал по затылку.

— А, так вы ещё драться! — рассердился Ваня и изо всех сил принялся вырываться от нас.

Но мы ещё плотней окружили его.

Не знаю, чем бы всё это кончилось, но тут пришёл Серёжа Букатин. Все бросили Ваню на произвол судьбы и накинулись на Букатина.

— Вот теперь, кажется, уже все в сборе, — сказал Женя Комаров.

— Все, если не считать Феди Рыбкина, — ответил Игорь Грачёв.

— Как же его считать, если он уехал?

— А может, это ещё и неправда. Вот мы у Ольги Николаевны спросим.

— Хотите верьте, хотите нет. Очень мне нужно обманывать! — сказал я.

Ребята принялись разглядывать друг друга и рассказывать, кто как провёл лето. Кто ездил в пионерлагерь, кто жил с родителями на даче. Все мы за лето выросли, загорели. Но больше всех загорел Глеб Скамейкин. Лицо у него было такое, будто его над костром коптили. Только светлые брови сверкали на нём.

— Где это ты загорел так? — спросил его Толя Дёжкин. — Небось целое лето в пионерлагере жил?

— Нет. Сначала я был в пионерлагере, а потом в Крым поехал.

— Как же ты в Крым попал?

— Очень просто. Папе на заводе дали путёвку в дом отдыха, а он придумал, чтоб мы с мамой тоже поехали.

— Значит, ты в Крыму побывал?

— Побывал.

— А море видел?

— Видел и море. Всё видел.

Ребята обступили Глеба со всех сторон и стали разглядывать, как какую-нибудь диковинку.

— Ну так рассказывай, какое море. Чего ж ты молчишь? — сказал Серёжа Букатин.

— Море — оно большое, — начал рассказывать Глеб Скамейкин. — Оно такое большое, что если на одном берегу стоишь, то другого берега даже не видно. С одной стороны есть берег, а с другой стороны никакого берега нет. Вот как много воды, ребята! Одним словом, одна вода! А солнце там печёт так, что с меня сошла вся кожа.

— Врёшь!

— Честное слово! Я сам даже испугался сначала, а потом оказалось, что у меня под этой кожей есть ещё одна кожа. Вот я теперь и хожу в этой второй коже.

— Да ты не про кожу, а про море рассказывай!

— Сейчас расскажу... Море — оно громадное! А воды в море пропасть! Одним словом — целое море воды.

Неизвестно, что ещё рассказал бы Глеб Скамейкин про море, но в это время к нам подошёл Володя. Ну и крик тут поднялся! Все обступили его. Каждый спешил рассказать ему что-нибудь о себе. Все спрашивали, будет он у нас в этом году вожатым или нам дадут кого-нибудь другого.

— Что вы, ребята! Да разве я отдам вас кому-нибудь другому? Будем работать с вами, как и в прошлом году. Ну, если я сам надоем вам, тогда дело другое! — засмеялся Володя.

— Вы? Надоедите?.. — закричали мы все сразу. — Вы нам никогда в жизни не надоедите! Нам с вами всегда весело!

Володя рассказал нам, как он летом со своими товарищами

комсомольцами ездил в путешествие по реке на резиновой лодке. Потом он сказал, что ещё увидится с нами, и пошёл к своим товарищам старшеклассникам. Ему ведь тоже хотелось поговорить со своими друзьями. Нам было жалко, что он ушёл, но тут к нам подошла Ольга Николаевна. Все очень обрадовались, увидев её.

— Здравствуйте, Ольга Николаевна! — закричали мы хором.

— Здравствуйте, ребята, здравствуйте! — улыбнулась Ольга Николаевна.— Ну как, нагулялись за лето?

— Нагулялись, Ольга Николаевна!

— Хорошо отдохнули?

— Хорошо.

— Не надоело отдыхать?

— Надоело, Ольга Николаевна! Учиться хочется!

— Вот и прекрасно!

— А я, Ольга Николаевна, так отдыхал, что даже устал! Если б ещё немного — совсем бы из сил выбился,— сказал Алик Сорокин.

— А ты, Алик, я вижу, не переменился. Такой же шутник, как и в прошлом году был.

— Такой же, Ольга Николаевна, только подрос немного.

— Ну, подрос-то ты порядочно,— усмехнулась Ольга Николаевна.

— Только ума не набрался,— добавил Юра Касаткин.

Весь класс громко фыркнул.

— Ольга Николаевна, Федя Рыбкин не будет больше у нас учиться,— сказал Дима Балакирев.

— Я знаю. Он уехал с родителями в Москву.

— Ольга Николаевна, а Глеб Скамейкин в Крыму был и море видел.

— Вот и хорошо. Когда будем сочинение писать, Глеб напишет про море.

— Ольга Николаевна, а с него сошла кожа.

— С кого?

— С Глебки.

— А, ну хорошо, хорошо. Об этом поговорим после, а сейчасстройтесь в линейку, скоро в класс идти надо.

Мы построились в линейку. Все остальные классы тоже построились. На крыльце школы появился директор Игорь Александрович. Он поздравил нас с началом нового учебного года и пожелал всем ученикам в этом новом учебном году хороших успехов. Потом классные руководители стали разводить учеников по классам. Сначала пошли самые маленькие ученики — первоклассники, за ними второй класс, потом третий, а потом уж мы, а за нами пошли старшие классы.

Ольга Николаевна привела нас в класс. Все ребята решили сесть как в прошлом году, поэтому я оказался за партой один, у меня не было пары. Всем казалось, что в этом году нам достался маленький класс, гораздо меньше, чем в прошлом году.

— Класс такой же, как в прошлом году, точно таких же размеров,— объяснила Ольга Николаевна.— Все вы за лето выросли, вот вам и кажется, что класс меньше.

Это была правда. Я потом нарочно на перемене пошёл посмотреть на третий класс. Он был точно такой же, как и четвёртый.

На первом уроке Ольга Николаевна сказала, что в четвёртом классе нам придётся работать гораздо больше, чем раньше, так как у нас будет много предметов. Кроме русского языка, арифметики и других предметов, которые были у нас в прошлом году, теперь прибавляются ещё география, история и естествознание. Поэтому надо браться за учёбу как следует с самого начала года. Мы записали расписание уроков.

Потом Ольга Николаевна сказала, что нам надо выбрать старосту класса и его помощника.

— Глеба Скамейкина старостой! Глеба Скамейкина! — закричали ребята.

— Тише! Шуму-то сколько! Разве вы не знаете, как выбирать? Кто хочет сказать, должен поднять руку.

Мы стали выбирать организованно и выбрали старостой Глеба Скамейкина, а помощником — Шуру Маликова.

На втором уроке Ольга Николаевна сказала, что вначале мы будем повторять то, что проходили в прошлом году, и она будет проверять, кто что забыл за лето. Она тут же начала проверку, и вот оказалось, что я даже таблицу умножения забыл. То есть не всю, конечно, а только с конца. До семью семь—сорок девять я хорошо помнил, а дальше путался.

— Эх, Малеев, Малеев! — сказала Ольга Николаевна. — Вот и видно, что ты за лето даже в руки книжку не брал!

Это моя фамилия Малеев. Ольга Николаевна, когда сердится, всегда меня по фамилии называет, а когда не сердится, то зовёт просто Витя.

Я заметил, что в начале года учиться почему-то всегда трудней. Уроки кажутся длинными, будто их кто-то нарочно растягивает. Если б я был главным начальником над школами, я бы сделал как-нибудь так, чтоб занятия начинались не сразу, а постепенно, чтоб ребята понемногу отвыкали гулять и понемногу привыкали к урокам. Например, можно было бы сделать так, чтоб в первую неделю было только по одному уроку, во вторую неделю — по два урока, в третью — по три, и так далее. Или ещё можно было бы сделать так, чтоб в первую неделю были одни только лёгкие уроки, например физкультура, во вторую неделю к физкультуре можно добавить пение, в третью неделю можно добавить русский язык, и так, пока не дойдёт до арифметики. Может быть, кто-нибудь подумает, что я ленивый и вообще не люблю учиться, но это неправда. Я очень люблю учиться, но мне трудно начать работать сразу: то гулял, гулял, а тут вдруг стоп, машина — давай учись.

На третьем уроке у нас была география. Я думал, что география — это какой-нибудь очень трудный предмет, вроде арифметики, но оказалось, что она совсем лёгкая. География — это наука о Земле, на которой мы все живём; про то, какие на Земле горы и реки, какие моря и океаны. Раньше я думал,

что Земля наша плоская, как будто блин, но Ольга Николаевна сказала, что Земля вовсе не плоская, а круглая, как шар. Я уже и раньше слышал об этом, но думал, что это, может быть, сказки или какие-нибудь выдумки. Но теперь уже точно известно, что это не сказки. Наука установила, что Земля наша — это огромный-преогромнейший шар, а на этом шаре вокруг живут люди. Оказывается, что Земля притягивает к себе всех людей и зверей и всё, что на ней находится, поэтому люди, которые живут внизу, никуда не падают. И вот ещё что интересно: те люди, которые живут внизу, ходят вверх ногами, то есть вниз головой, только они сами этого не замечают и воображают, что ходят правильно. Если они опустят голову вниз и посмотрят себе под ноги, то увидят землю, на которой стоят, а если задерут голову кверху, то увидят над собой небо. Вот поэтому им и кажется, что они ходят правильно.

На географии мы немножечко развеселились, а на последнем уроке случилось интересное происшествие. Уже прозвонил звонок, и в класс пришла Ольга Николаевна, как вдруг отворилась дверь, и на пороге появился совсем незнакомый ученик. Он постоял нерешительно возле двери, потом поклонился Ольге Николаевне и сказал:

— Здравствуйте!

— Здравствуй,— ответила Ольга Николаевна.— Что ты хочешь сказать?

— Ничего.

— Зачем же ты пришёл, если ничего не хочешь сказать?

— Так просто.

— Что-то я не пойму тебя.

— Я учиться пришёл. Здесь ведь четвёртый класс?

— Здесь.

— Вот мне и надо в четвёртый.

— Так ты новичок, должно быть?

— Новичок.

Ольга Николаевна заглянула в журнал:

— Твоя фамилия Шишкин?

— Шишкин, а зовут Костя.

— Почему же ты, Костя Шишкин, так поздно пришёл? Разве ты не знаешь, что в школу надо с утра являться?

— Я и явился с утра. Я только на первый урок опоздал.

— На первый урок? А теперь уже четвёртый. Где же ты пропадал два урока?

— Я был там... в пятом классе.

— Чего же ты в пятый класс попал?

— Я пришёл в школу, слышу — звонок, ребята гурьбой бегут в класс... Ну, и я за ними, вот и попал в пятый класс. На перемене ребята спрашивают: «Ты новичок?» Я говорю: «Новичок». Они ничего не сказали мне, и я только на следующем уроке разобрался, что не в свой класс попал. Вот.

— Вот садись на место и не попадай больше в чужой класс,— сказала Ольга Николаевна.

Шишкин подошёл к моей парте и сел рядом со мной, потому что я сидел один и место было свободно.

Весь урок ребята оглядывались на него и потихоньку посмеивались. Но Шишкин не обращал на это внимания и делал вид, будто с ним ничего смешного не произошло. Нижняя губа у него немного выпячивалась вперёд, а нос как-то сам собой задирался кверху. От этого у него получался какой-то презрительный вид, будто он чем-то гордился.

После уроков ребята обступили его со всех сторон.

— Как же ты попал в пятый класс? Неужели учительница не проверяла ребят? — спросил Слава Ведёрников.

— Может быть, и проверяла на первом уроке, а я ведь пришёл на второй урок.

— Почему же она не заметила, что на втором уроке появился новый ученик?

— А на втором уроке уже другой учитель был,— ответил Шишкин.— Там ведь не так, как в четвёртом классе. Там на каждом уроке другой учитель, и, пока учителя не знают ребят, получается путаница.

— Это только с тобой получилась путаница, а вообще никакой путаницы не бывает,— сказал Глеб Скамейкин.— Каждый должен знать, в какой ему класс надо.

— А если я новичок? — говорит Шишкин.

— Новичок, так не надо опаздывать. И потом, разве у тебя языка нету? Мог спросить.

— Когда же спрашивать? Вижу — ребята бегут, ну и я за ними.

— Ты так и в десятый класс мог попасть!

— Нет, в десятый я не попал бы. Это я бы сразу увидел: там ребята большие,— улыбнулся Шишкин.

Я взял свои книжки и пошёл домой. В коридоре меня встретила Ольга Николаевна.

— Ну, Витя, как ты думаешь учиться в этом году? — спросила она.— Пора тебе, дружок, браться за дело как следует. Тебе нужно приналечь на арифметику, она у тебя с прошлого года хромает. А таблицы умножения стыдно не знать. Ведь её во втором классе проходят.

— Да я ведь знаю, Ольга Николаевна. Я только с конца немножко забыл!

— Таблицу всю от начала до конца надо хорошо знать. Без этого нельзя в четвёртом классе учиться. К завтрашнему дню выучи, я проверю.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Все девчонки воображают, что они очень умные. Не знаю, отчего у них такое большое воображение!

Моя младшая сестра Лика перешла в третий класс и теперь думает, что меня можно совсем не слушаться, будто я ей вовсе не старший брат и у меня нет никакого авторитета. Сколько раз я говорил ей, чтоб она не садилась за уроки сразу, как только придёт из школы. Это ведь очень вредно! Пока учишься в школе, мозг в голове устаёт и ему надо сна-

чала дать отдохнуть часа два, полтора, а потом уже можно садиться за уроки. Но Лике хоть говори, хоть нет, она ничего слушать не хочет.

Вот и теперь: пришёл я домой, а она тоже уже вернулась из школы, разложила на столе книжки и занимается.

Я говорю:

— Что же ты, голубушка, делаешь? Разве ты не знаешь, что после школы надо мозгу давать отдых?

— Это,— говорит,— я знаю, только мне так удобней. Я сделаю уроки сразу, а потом свободная: хочу — гуляю, хочу — что хочу делаю.

— Экая,— говорю,— ты бестолковая! Мало я тебе в прошлом году твердил! Что я могу сделать, если ты своего старшего брата не хочешь слушать? Вот вырастет из тебя тупица, тогда узнаешь!

— А что я могу сделать? — сказала она.— Я ни минуточки не могу посидеть спокойно, пока дела не сделаю.

— Будто потом нельзя сделать! — ответил я.— Выдержку надо иметь.

— Нет, уж лучше я сначала сделаю и буду спокойна. Ведь уроки у нас лёгкие. Не то что у вас, в четвёртом классе.

— Да,— говорю,— у нас не то что у вас. Вот перейдёшь в четвёртый класс, тогда узнаешь, где раки зимуют.

— А что тебе сегодня задано? — спросила она.

— Это не твоего ума дело,— ответил я.— Ты всё равно ничего не поймёшь, так что и рассказывать не стоит.

Не мог же я сказать ей, что мне задано повторять таблицу умножения! Её ведь во втором классе проходят.

Я решил с самого начала взяться за учёбу как следует и сразу засел повторять таблицу умножения. Конечно, я повторял её про себя, чтоб Лика не слышала, но она скоро окончила свои уроки и убежала играть с подругами. Тогда я принялся учить таблицу как следует, вслух, и выучил её так, что меня хоть разбуди ночью и спроси, сколько будет семью семь или восемью девять, я без запинки отвечу.

Зато на другой день Ольга Николаевна вызвала меня и проверила, как я выучил таблицу умножения.

— Вот видишь,— сказала она,— когда ты хочешь, то можешь учиться как следует! Я ведь знаю, что у тебя способности есть.

Всё было бы хорошо, если б Ольга Николаевна спросила меня только таблицу, но ей ещё захотелось, чтоб я задачу на доске решил. Этим она, конечно, всё дело испортила.

Я вышел к доске, и Ольга Николаевна продиктовала задачу про каких-то плотников, которые строили дом. Я записал условие задачи на доске мелом и стал думать. Но это, конечно, только так говорится, что я стал думать. Задача попалась такая трудная, что я всё равно не решил бы её. Я только нарочно наморщил лоб, чтоб Ольга Николаевна видела, будто я думаю, а сам стал украдкой поглядывать на ребят, чтоб они подсказали мне. Но подсказывать тому, кто стоит у доски, очень трудно, и все ребята молчали.

— Ну, как ты станешь решать задачу? — спросила Ольга Николаевна.— Какой будет первый вопрос?

Я только сильнее наморщил лоб и, повернувшись вполоборота к ребятам, изо всех сил заморгал одним глазом. Ребята сообразили, что моё дело плохо, и стали подсказывать.

— Тише, ребята, не подсказывайте! Я сама помогу ему, если надо,— сказала Ольга Николаевна.

Она стала объяснять мне задачу и сказала, как сделать первый вопрос. Я хотя ничего не понял, но всё-таки решил на доске первый вопрос.

— Правильно,— сказала Ольга Николаевна.— Теперь какой будет второй вопрос?

Я снова задумался и замигал глазом ребятам. Ребята опять стали подсказывать.

— Тише! Мне ведь всё слышно, а вы только ему мешаете! — сказала Ольга Николаевна и принялась объяснять мне второй вопрос.

Таким образом, постепенно, с помощью Ольги Николаевны и с подсказкой ребят, я решил наконец задачу.

— Теперь ты понял, как нужно решать такие задачи? — спросила Ольга Николаевна.

— Понял,— ответил я.

На самом деле я, конечно, совсем ничего не понял, но мне стыдно было признаться, что я такой бестолковый, к тому же я боялся, что Ольга Николаевна поставит мне плохую отметку, если я скажу, что не понял.

Я сел на место, списал задачу в тетрадь и решил ещё дома подумать над ней как следует.

После урока говорю ребятам:

— Что же вы подсказываете так, что Ольга Николаевна всё слышит? Орут на весь класс! Разве так подсказывают?

— Как же тут подскажешь, когда ты возле доски стоишь! — говорит Вася Ерохин.— Вот если б тебя с места вызвали...

— «С места, с места»! Потихоньку надо.

— Я и подсказывал тебе сначала потихоньку, а ты стоишь и ничего не слышишь.

— Так ты, наверно, себе под нос шептал,— говорю я.

— Ну вот! Тебе и громко нехорошо и тихо нехорошо! Не разберёшь, как тебе надо!

— Совсем никак не надо,— сказал Ваня Пахомов.— Самому надо соображать, а не слушать подсказку.

— Зачем же мне свою голову утруждать, если я всё равно ничего в этих задачах не понимаю? — говорю я.

— Оттого и не понимаешь, что не хочешь соображать,— сказал Глеб Скамейкин.— Надеешься на подсказку, а сам не учишься. Я лично никому больше подсказывать не буду. Надо, чтоб был порядок в классе, а от этого один вред.

— Найдутся и без тебя, подскажут,— говорю я.

— А я всё равно буду бороться с подсказкой,— говорит Глеб.

— Ну, не больно-то задавайся! — ответил я.

— Почему «задавайся»? Я староста класса! Я добьюсь, чтоб подсказки не было.

— И нечего,— говорю,— воображать, если тебя старостой выбрали! Сегодня ты староста, а завтра я староста.

— Ну вот, когда тебя выберут, а пока ещё не выбрали.

Тут и другие ребята вмешались и стали спорить, нужно подсказывать или нет. Но мы так ни до чего и не доспорились. Прибежал Дима Балакирев. Он узнал, что летом на пустыре позади школы старшие ребята устроили футбольное поле. Мы решили прийти после обеда и сыграть в футбол. После обеда мы собрались на футбольном поле, разбились на две команды, чтоб играть по всем правилам, но тут в нашей команде произошёл спор, кому быть вратарём. Никто не хотел стоять в воротах. Каждому хотелось бегать по всему полю и забивать голы. Все говорили, чтоб вратарём был я, но мне хотелось быть центром нападения или хотя бы полузащитником. На моё счастье, Шишкин согласился сделаться вратарём. Он сбросил с себя куртку, стал в воротах, и игра началась.

Сначала перевес оказался на стороне противников. Они всё время атаковали наши ворота. Вся наша команда смешалась в кучу. Мы без толку носились по полю и только мешали друг другу. На наше счастье, Шишкин оказался замечательным вратарём. Он прыгал, как кошка или какая-нибудь пантера, и не пропустил в наши ворота ни одного мяча. Наконец нам удалось завладеть мячом, и мы погнали его к воротам противника. Кто-то из наших пробил по воротам, и счёт оказался 1 : 0 в нашу пользу. Мы обрадовались и с новыми силами начали нажимать на вражеские ворота. Скоро нам удалось забить ещё гол, и счёт оказался 2 : 0 в нашу пользу. Тут игра почему-то снова перешла на нашу половину поля. Нас опять стали теснить, и мы никак не могли отогнать мяч от наших ворот. Тогда Шишкин схватил мяч руками и помчался с ним прямо к воротам противника. Там он положил мяч на землю и уже хотел забить гол, но тут Игорь Грачёв ловко отыграл у него мяч, передал его Славе Ведёрникову, Слава Ведёрников — Ва-

не Пахомову, и не успели мы оглянуться, как мяч уже был в наших воротах. Счёт стал 2 : 1. Шишкин со всех ног побежал на своё место, но, пока он бежал, нам снова забили гол, и счёт стал 2 : 2. Мы принялись ругать на все лады Шишкина за то, что он оставил свои ворота, а он оправдывался и говорил, что теперь будет играть по всем правилам. Но из этих обещаний ничего не вышло. Он то и дело выскакивал из ворот, и как раз в это время нам забивали голы. Игра продолжалась до вечера. Мы забили шестнадцать голов, а нам забили двадцать один. Нам хотелось ещё поиграть, но темнота наступила такая, что мяча не стало видно, и пришлось разойтись по домам. По дороге все только и говорили, что мы проиграли из-за Шишкина, потому что он всё время выскакивал из ворот.

— Ты, Шишкин, замечательный вратарь,— сказал Юра Касаткин.— Если бы ты исправно стоял в воротах, наша команда была бы непобедимой.

— Не могу я стоять спокойно,— ответил Шишкин.— Я люблю играть в баскетбол, потому что там можно каждому бегать по всему полю и никакого вратаря не полагается и к тому же все могут хватать мяч руками. Вот давайте организуем баскетбольную команду.

Шишкин начал рассказывать о том, как нужно играть в баскетбол, и, по его словам, эта игра была не хуже футбола.

— Надо поговорить с нашим преподавателем физкультуры,— сказал Юра.— Может быть, он поможет нам оборудовать площадку для баскетбола.

Когда мы подошли к скверу, где нужно было поворачивать на нашу улицу, Шишкин вдруг остановился и закричал:

— Батюшки! Я ведь свою куртку на футбольном поле забыл!

Он повернулся и бросился бегом назад. Удивительный это был человек! Вечно с ним случались какие-нибудь недоразумения. Бывают же такие люди на свете!

Домой я вернулся в девятом часу. Мама стала бранить меня за то, что я задержался так поздно, но я сказал, что ещё не поздно, потому что теперь уже осень, а осенью всегда тем-

неет раньше, чем летом, и если бы это было летом, то никому не показалось бы, что уже поздно, потому что летом дни гораздо длиннее, и в это время было бы ещё светло, и всем казалось бы, что ещё рано.

Мама сказала, что у меня вечно какие-нибудь отговорки, и велела делать уроки. Я, конечно, засел за уроки. То есть я засел за уроки не сразу, так как я очень устал на футболе и мне хотелось немножечко отдохнуть.

— Чего же ты не делаешь уроки? — спросила Лика. — Ведь твой мозг, наверно, давно отдохнул.

— Я сам знаю, сколько нужно моему мозгу отдыхать! — ответил я.

Теперь я уже не мог тут же сесть за уроки, чтоб Лика не вообразила, будто это она меня заставила заниматься. Поэтому я решил ещё немножечко отдохнуть и стал рассказывать про Шишкина, какой он растяпа и как он забыл на футбольном поле свою куртку. Скоро пришёл с работы папа и стал рассказывать, что их завод получил заказ на изготовление новых машин для Куйбышевского гидроузла, и я снова не мог делать уроки, потому что мне интересно было послушать.

Мой папа работает на сталелитейном заводе модельщиком. Он делает модели. Что такое модель, наверное, никто не знает, а я знаю. Чтоб отлить какую-нибудь деталь для машины из стали, всегда нужно сделать сначала такую же деталь из дерева, и вот такая деревянная деталь называется моделью. Для чего нужна модель? А вот для чего: модель возьмут, поставят в опоку, то есть в такой вроде железный ящик, только без дна, потом насыплют в опоку земли, и, когда модель вынут, в земле получается углубление по форме модели. В это углубление заливают расплавленный металл, и когда металл застынет, то получится деталь, точно такая же по форме, как была модель. Когда на завод приходит заказ на новые детали, инженеры чертят чертежи, а модельщики делают по этим чертежам модели. Конечно, модельщик должен быть очень умным, потому что он по простому чертежу обязан понять,

какую нужно делать модель, а если он сделает модель плохо, то по ней нельзя будет отливать детали. Мой папа очень хороший модельщик. Он даже придумал электрический лобзик, чтоб выпиливать из дерева разные мелкие части. А теперь он изобретает новый усовершенствованный прибор для шлифовки деревянных моделей. Раньше на шлифовку тратили много времени, а когда папа сделает свой прибор, шлифовать будут гораздо быстрее. Когда папа приходит с работы, он всегда сначала отдохнёт немного, а потом садится за чертежи для своего прибора или читает книжки, чтоб узнать, как что нужно сделать, потому что это не такая простая вещь — самому придумывать шлифовальный прибор. Папа поужинал и засел за свои чертежи, а я засел делать уроки. Сначала я выучил географию, потому что она самая лёгкая. После географии я взялся за русский язык. По русскому языку нужно было списать упражнение и подчеркнуть в словах корень, приставку и окончание. Корень — одной чертой, приставку — двумя, а окончание — тремя. Потом я выучил английский язык и взялся за арифметику. На дом была задана такая скверная задача, что я никак не мог догадаться, как её решить. Я сидел целый час, пялил глаза в задачник и изо всех сил напрягал мозг, но ничего у меня не выходило. Вдобавок мне страшно захотелось спать. В глазах у меня щипало, будто мне кто-нибудь в них песку насыпал.

— Довольно тебе сидеть, — сказала мама, — пора спать ложиться. У тебя глаза уже сами собой закрываются, а ты всё сидишь!

— Что же я, с несделанной задачей завтра в школу приду? — сказал я.

— Днём надо заниматься, — ответила мама. — Нечего приучаться по ночам сидеть! От таких занятий никакого толку не будет. Ты всё равно уже ничего не соображаешь.

— Вот и пусть сидит, — сказал папа. — Будет знать в другой раз, как уроки на ночь откладывать.

И вот я сидел и перечитывал задачу до тех пор, пока буквы

в задачнике не стали кивать, и кланяться, и прятаться друг за дружку, словно играли в жмурки. Я протёр глаза, снова стал перечитывать задачу, но буквы не успокоились, а даже почему-то стали подпрыгивать будто затеяли игру в чехарду.

— Ну, что там у тебя не получается? — спросила мама.

— Да вот, — говорю, — задача попалась какая-то скверная.

— Скверных задач не бывает. Это ученики бывают скверные.

Мама прочитала задачу и принялась объяснять, но я почему-то ничего не мог понять.

— Неужели вам в школе не объясняли, как делать такие задачи? — спросил папа.

— Нет, — говорю, — не объясняли.

— Удивительно! Когда я учился, нам учительница всегда объясняла сначала в классе, а потом задавала на дом.

— Так то, — говорю, — когда ты учился, а нам Ольга Николаевна ничего не объясняет. Всё только спрашивает и спрашивает.

— Не понимаю, как это вас учат!

— Вот так, — говорю, — и учат.

— А что вам рассказывала Ольга Николаевна в классе?

— Ничего не рассказывала. Мы решали на доске задачу.

— Ну-ка, покажи, какую задачу.

Я показал задачу, которую списал в тетрадь.

— Ну вот, а ты тут ещё на учительницу наговариваешь! — воскликнул папа. — Это ведь такая же задача, как на дом задана! Значит, учительница объясняла, как решать такие задачи.

— Где же, — говорю, — такая? Там про плотников, которые строили дом, а здесь про каких-то жестянщиков, которые делали вёдра.

— Эх, ты! — говорит папа. — В той задаче нужно было узнать, во сколько дней двадцать пять плотников построят восемь домов, а в этой нужно узнать, во сколько шесть жестянщиков сделают тридцать шесть вёдер. Обе задачи решаются одинаково.

Папа принялся объяснять, как нужно сделать задачу, но у меня уже всё в голове спуталось, и я совсем ничего не понимал.

— Экий ты бестолковый! — рассердился наконец папа.— Ну разве можно таким бестолковым быть!

Мой папа совсем не умеет объяснять задачи. Мама говорит, что у него нет никаких педагогических способностей, то есть он не годится в учителя. Первые полчаса он объясняет спокойно, а потом начинает нервничать, а как только он начинает нервничать, я совсем перестаю соображать и сижу на стуле, как деревянный чурбан.

— Ну что же тут непонятного? — говорит папа.— Кажется, всё понятно.

Когда папа видит, что на словах никак не может объяснить, он берёт лист бумаги и начинает писать.

— Вот,— сказал он.— Ведь это всё просто. Смотри, какой будет первый вопрос.

Он записал вопрос на бумажке и сделал решение.

— Это понятно тебе?

По правде сказать, мне совсем ничего не было понятно, но я до смерти уже хотел спать и поэтому сказал:

— Понятно.

— Ну вот, наконец-то! — обрадовался папа.— Думать надо как следует, тогда всё будет понятно.

Он решил на бумажке второй вопрос:

— Понятно?

— Понятно,— говорю я.

— Ты скажи, если непонятно, я ещё объясню.

— Нет, понятно, понятно.

Наконец он сделал последний вопрос. Я списал задачу начисто в тетрадку и спрятал в сумку.

— Кончил дело — гуляй смело,— сказала Лика.

— Ладно, я с тобой завтра поговорю! — проворчал я и пошёл спать.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

За лето нашу школу отремонтировали. Стены в классах заново побелили, и были они такие чистенькие, свежие, без единого пятнышка, просто любо посмотреть. Всё было как новенькое. Приятно всё-таки заниматься в таком классе! И светлей кажется, и привольней, и даже, как бы это сказать, на душе веселей.

И вот на следующий день, когда я пришёл в класс, то увидел, что на стене рядом с доской нарисован углём морячок. Он был в полосатой тельняшке, брюки клёш развевались по ветру, на голове — бескозырка, во рту — трубка, и дым из неё кольцами поднимался кверху, как из паровой трубы. У морячка был такой залихватский вид, что на него нельзя было без смеха смотреть.

— Это Игорь Грачёв нарисовал, — сообщил мне Вася Ерохин. — Только, чур, не выдавать!

— Зачем же мне выдавать? — говорю я.

Ребята сидели за партами, любовались морячком, посмеивались и отпускали разные шуточки:

— Морячок с нами будет учиться! Вот здорово!

Перед самым звонком прибежал в класс Шишкин.

— Видел морячка? — говорю я и показываю на стену.

Он взглянул на него.

— Это Игорь Грачёв нарисовал, — сказал я. — Только не выдавать.

— Ну ладно, сам знаю! Ты по русскому упражнение сделал?

— Конечно, сделал, — ответил я. — Что же я, с несделанными уроками буду в класс приходить?

— А я, понимаешь, не сделал. Не успел, понимаешь. Дай списать.

— Когда же ты будешь списывать? — говорю я. — Скоро урок начнётся.

— Ничего. Я во время урока спишу.

Я дал ему тетрадку по русскому языку, и он начал списывать.

— Послушай,— говорит А зачем ты в слове «светлячок» приставку одной чертой подчеркнул? Корень одной чертой надо подчёркивать.

— Много ты понимаешь! — говорю я.— Это и есть корень!

— Что ты! «Свет» — корень? Разве корень бывает впереди слова? Где тогда, по-твоему, приставка?

— А приставки нет в этом слове.

— Разве так бывает, чтобы приставки не было?

— Конечно, бывает

— То-то я ломал вчера голову: приставка есть, корень есть, а окончания не получается.

— Эх, ты! — говорю я.— Мы ведь это ещё в третьем классе проходили.

— Да я уж не помню. Значит, у тебя тут всё правильно? Я так и спишу.

Я хотел рассказать ему, что такое корень, приставка и окончание, но тут прозвонил звонок и в класс вошла Ольга Николаевна. Она сразу увидела на стене морячка, и лицо у неё сделалось строгое.

— Это что ещё за художества? — спросила она и обвела класс взглядом.— Кто это нарисовал?

Все ребята молчали.

— Тот, кто испортил стену, должен встать и признаться,— сказала Ольга Николаевна.

Все сидели молча. Никто не вставал и не признавался. Брови у Ольги Николаевны нахмурились.

— Разве вы не знаете, что класс надо в чистоте держать? Что будет, если каждый станет рисовать на стенах? Самим ведь неприятно в грязи сидеть. Или вам, может, приятно?

— Нет, нет! — раздалось несколько нерешительных голосов.

— Кто же это сделал?

Все молчали.

— Глеб Скамейкин, ты староста класса и должен знать, кто это сделал.

— Я не знаю, Ольга Николаевна. Когда я пришёл, морячок уже был на стене.

— Удивительно! — сказала Ольга Николаевна. — Кто-нибудь да нарисовал же его. Вчера стена была чистая, я последней уходила из класса. Кто сегодня пришёл в класс первым?

Никто из ребят не признавался. Каждый говорил, что он пришёл, когда в классе было уже много ребят.

Пока шёл разговор об этом, Шишкин старательно списывал упражнение в свою тетрадь. Кончил он тем, что посадил в моей тетради кляксу и отдал тетрадь мне.

— Что же это такое? — говорю я. — Брал тетрадь без кляксы, а отдаёшь с кляксой!

— Я ведь не нарочно посадил кляксу, — говорит Костя.

— Какое мне дело, нарочно или не нарочно! Зачем мне в тетради клякса?

— Как же я отдам тебе тетрадь без кляксы, когда уже есть клякса? В другой раз будет без кляксы.

— В какой, — говорю, — другой раз?

— Ну, в другой раз, когда буду списывать.

— Так ты что, — говорю, — каждый раз у меня собираешься списывать?

— Зачем каждый раз? Иногда только.

На этом разговор кончился, потому что как раз в это время Ольга Николаевна вызвала Шишкина к доске и велела решать задачу про маляров, которые красили в школе стены, и нужно было узнать, сколько школа израсходовала денег на окраску всех классов и коридоров.

«Ну, — думаю, — пропал бедный Шишкин! На доске задачу решать — это тебе не с чужой тетрадки списывать!»

К моему удивлению, Шишкин очень хорошо справился с задачей. Правда, решал он её долго, до конца урока, потому что задача была длинная и довольно трудная.

Мы все, конечно, догадались, что Ольга Николаевна нарочно задала нам такую задачу, и чувствовали, что на этом

дело не кончится. На последнем уроке к нам в класс пришёл директор школы Игорь Александрович. С виду Игорь Александрович совсем не сердитый. Лицо у него всегда спокойное, голос тихий и даже какой-то добрый, но я лично всегда побаиваюсь Игоря Александровича, потому, что он очень большой. Ростом он с моего папу, только ещё повыше, пиджак у него широкий, просторный, застёгивается на три пуговицы, а на носу очки.

Я думал, что Игорь Александрович раскричится на нас, но он спокойно рассказал нам, сколько государство тратит денег на обучение каждого ученика и как важно хорошо учиться и беречь школьное имущество и саму школу. Он сказал, что тот, кто портит школьное имущество и стены, наносит ущерб народу, потому что все средства на школы даёт народ. Под конец Игорь Александрович сказал:

— Тот, кто нарисовал на стенке, наверное, не хотел нанести ущерб школе. Если он чистосердечно признается, то докажет, что он человек честный и сделал это не подумавши.

На меня очень подействовало всё, что сказал Игорь Александрович, и я думал, что Игорь Грачёв тут же встанет и признается, что это сделал он, но Игорю, видно, вовсе не хотелось доказывать, что он честный человек, и он молча сидел за своей партой. Тогда Игорь Александрович сказал, что тому, кто разрисовал стену, наверно, стыдно признаться сейчас, но пусть он подумает над своим поступком, а потом наберётся смелости и придёт к нему в кабинет.

После уроков председатель совета нашего пионеротряда Толя Дёжкин подошёл к Грачёву и сказал:

— Эх, ты! Кто тебя просил стену портить? Видишь, что вышло!

Игорь развёл руками:

— Да я что? Я разве хотел?

— Зачем же нарисовал?

— Сам не знаю. Взял и нарисовал не подумавши.

— «Не подумавши»! Из-за тебя пятно на всём классе.

— Почему на всём классе?

— Потому что на каждого могут подумать.

— А может, это кто-нибудь из другого класса к нам забежал и нарисовал.

— Смотри, чтоб этого больше не было,— сказал Толя.

— Ладно, ребята, я больше не буду, я ведь так только — хотел попробовать,— оправдывался Игорь.

Он взял тряпку и принялся стирать морячка, но от этого получилось только хуже. Морячок всё-таки был виден, а вокруг него образовалось большущее грязное пятно. Тогда ребята отняли у Игоря тряпку и не позволили больше размазывать грязь по стене.

После школы мы снова пошли играть в футбол и играли опять до темноты, а когда пошли домой, Шишкин затащил меня к себе. Оказалось, что он живёт на той же улице, что и я, в небольшом деревянном двухэтажном домике, совсем недалеко от нас.

На нашей улице все дома большие, четырёхэтажные и пятиэтажные, как наш. Я давно уже думал: что это за люди, которые живут в таком маленьком деревянном доме? А вот теперь, оказывается, здесь жил как раз Шишкин.

Мне не хотелось идти к нему, потому что уже было поздно, но он сказал:

— Понимаешь, меня дома станут ругать за то, что я так долго играл, а если ты придёшь, меня не так будут ругать.

— Меня ведь тоже будут ругать,— говорю я.

— Ничего. Если хочешь, зайдём сначала ко мне, а потом вместе к тебе, вот и тебя не будут ругать и меня тоже.

— Ну хорошо,— согласился я.

Мы вошли в парадное, поднялись по скрипучей деревянной лестнице с щербатыми перилами, и Шишкин постучал в дверь, обитую чёрной клеёнкой, из-под которой в некоторых местах виднелись клочья рыжего войлока.

— Что же это такое, Костя! Где ты пропадаешь так поздно? — спросила его мать, открывая нам дверь.

— Вот познакомься, мама, это мой школьный товарищ, Малеев. Мы с ним за одной партой сидим.

— Ну заходите, заходите,— сказала мать уже не таким строгим голосом.

Мы вошли в коридор.

— Батюшки! Где же вы извозились так? Вы только на себя посмотрите!

Я посмотрел на Шишкина. Лицо у него было всё красное. По щекам и по лбу шли какие-то грязные разводы. Кончик носа был чёрный. Наверно, и я был не лучше, потому что мне попало мячом в лицо. Шишкин толкнул меня локтем:

— Пойдем умоемся, а то тебе достанется, если ты в таком виде домой явишься.

Мы вошли в комнату, и он познакомил меня со своей тётёй:

— Тётя Зина, вот это мой школьный товарищ, Малеев. Мы в одном классе учимся.

Тётя Зина была совсем молодая, и я сначала даже принял её за старшую сестру Шишкина, но она оказалась не сестра вовсе, а тётя. Она смотрела на меня с усмешкой. Наверно, я очень смешной был, потому что грязный. Шишкин толкнул меня в бок. Мы пошли к умывальнику и принялись умываться.

— Ты зверей любишь? — спрашивал меня Шишкин, пока я намыливал лицо мылом.

— Смотря каких,— говорю я.— Если таких, как тигры или крокодилы, то не люблю. Они кусаются.

— Да я не про таких зверей спрашиваю. Мышей любишь?

— Мышей,— говорю,— тоже не люблю. Они портят вещи: грызут всё, что ни попадётся.

— И ничего они не грызут. Что ты выдумываешь?

— Как — не грызут? Один раз они у меня даже книжку на полке изгрызли.

— Так ты, наверно, не кормил их?

— Вот ещё! Стану я мышей кормить!

— А как же! Я каждый день их кормлю. Даже дом им выстроил.

— С ума,— говорю,— сошёл! Кто же мышам дома́ строит?

— Надо же им где-нибудь жить. Вот пойдём посмотрим мышиный дом.

Мы кончили умываться и пошли на кухню. Там под столом стоял домик, склеенный из пустых спичечных коробков, со множеством окон и дверей. Какие-то маленькие белые зверушки то и дело вылезали из окон и дверей, ловко карабкались по стенам и снова залезали обратно в домик. На крыше домика была труба, а из трубы выглядывала точно такая же белая зверушка.

Я удивился.

— Что это за зверушки? — спрашиваю.

— Ну, мыши.

— Так мыши ведь серые, а эти какие-то белые.

— Ну, это и есть белые мыши. Что ты, никогда белых мышей не видел?

Шишкин поймал мышонка и дал мне подержать.

Мышонок был белый-пребелый, как молоко, только хвост у него был длинный и розовый, как будто облезлый. Он спокойно сидел у меня на ладони и шевелил своим розовым носиком, как будто нюхал, чем пахнет воздух, а глаза у него были красные, точно коралловые бусинки.

— У нас в доме белые мыши не водятся, у нас только серые,— сказал я.

— Да они ведь в домах не водятся,— засмеялся Шишкин.— Их покупать надо. Я купил в зоомагазине четыре штуки, а теперь видишь, сколько их расплодилось. Хочешь, подарю тебе парочку?

— А чем их кормить?

— Да они всё едят. Крупой можно, хлебом, молоком.

— Ну ладно,— согласился я.

Шишкин разыскал где-то картонную коробочку, посадил в неё двух мышей и сунул коробочку в карман.

— Я их сам понесу, а то ты, по неопытности, раздавишь,— сказал он.

Мы стали натягивать куртки, чтоб идти ко мне.

— Куда это ты снова собираешься? — спросила Костю мама.

— Я сейчас вернусь, только на минутку зайду к Вите, я обещал ему.

Мы вышли на улицу и через минуту уже были у меня. Мама увидела, что я не один пришёл, и не стала бранить меня за то, что я поздно вернулся.

— Это мой школьный товарищ, Костя, — сказал я ей.

— Ты новичок, Костя? — спросила мама.

— Да, я только в этом году поступил.

— А до этого где учился?

— В Нальчике. Мы жили там, а потом тётя Зина окончила десятилетку и захотела поступить в театральное училище, тогда мы переехали сюда, потому что в Нальчике театрального училища нет.

— А где тебе больше нравится: здесь или в Нальчике?

— В Нальчике лучше, а здесь тоже хорошо. И ещё мы жили в Краснозаводске, там тоже было хорошо.

— Значит, у тебя хороший характер, раз тебе везде хорошо.

— Нет, у меня плохой характер. Мама говорит, что я слабохарактерный и ничего не добьюсь в жизни.

— Почему же мама так говорит?

— Потому что я никогда вовремя уроков не делаю.

— Значит, ты такой, как наш Витя. Он тоже не любит делать вовремя уроки. Вам надо взяться вместе и переделать свой характер.

В это время пришла Лика, и я сказал:

— А это вот, познакомься, моя сестра Лика.

— Здравствуй! — сказал Шишкин.

— Здравствуй! — ответила Лика и стала разглядывать его, будто он был не простой мальчишка, а какая-нибудь картина на выставке.

— А у меня сестры нет, — сказал Шишкин. — И брата у меня нет. Никого у меня нет, я совсем одинокий.

— А вы хотели бы, чтоб у вас была сестра или брат? — спросила Лика.

— Хотел бы. Я делал бы для них игрушки, дарил бы им зверей, заботился бы о них. Мама говорит, что я беззаботный. А почему я беззаботный? Потому что мне не о ком заботиться.

— А вы о маме заботьтесь.

— Как же о ней заботиться? Она как уедет на работу, так её ждёшь, ждёшь — вечером придёт, а потом вдруг и вечером уедет.

— А кем ваша мама работает?

— Моя мама шофёр, на автомобиле ездит.

— Ну, вы о себе заботьтесь, вашей маме было бы легче.

— Это я знаю, — ответил Шишкин.

— А вы свою куртку нашли? — спросила Лика.

— Какую куртку? Ах да! Нашёл, конечно, нашёл. Она так и лежала на футбольном поле, где я оставил.

— Вы так когда-нибудь простудитесь, — сказала Лика.

— Нет, что вы!

— Конечно, простудитесь. Забудете зимой где-нибудь шапку или пальто.

— Нет, пальто я не забуду... Вы мышей любите?

— Мышей... м-м-м, — замялась Лика.

— Хотите, подарю вам парочку?

— Нет, что вы!

— Они очень хорошие, — сказал Шишкин и вынул из кармана коробку с белыми мышами.

— Ой, какие хорошенькие! — завизжала Лика.

— Что ж ты ей моих мышей даришь? — испугался я. — Сначала подарил мне, а теперь ей!

— Да я ей только показываю этих, а подарю других, у меня ведь ещё есть, — сказал Шишкин. — Или, если хочешь, подарю ей этих, а тебе других подарю.

— Нет, нет, — сказала Лика, — пусть эти Витины будут.

— Ну хорошо, я вам завтра других принесу, а этих вы только посмотрите.

Лика протянула руки к мышам:

— А они не кусаются?

— Что вы! Совсем ручные.

Когда Шишкин ушёл, мы с Ликой взяли коробку из-под печенья, прорезали в ней окна и дверцы и посадили в неё мышей. Мышки выглядывали из окон, и на них было очень интересно смотреть.

За уроки я опять принялся поздно. По своему обыкновению, я сделал сначала то, что было полегче, а после всего принялся делать задачу по арифметике. Задача опять оказалась трудная. Поэтому я закрыл задачник, сложил все книжки в сумку и решил на другой день списать задачу у кого-нибудь из товарищей. Если бы я стал решать задачу сам, то мама увидела бы, что я до сих пор не сделал уроки, и стала бы упрекать меня, что я откладываю уроки на ночь, папа взялся бы объяснять мне задачу, а зачем мне отрывать его от работы! Пусть лучше чертит чертежи для своего шлифовального прибора или обдумывает, как лучше сделать какую-нибудь модель. Для него ведь всё это очень важно.

Пока я делал уроки, Лика положила в мышиный домик ваты, чтобы мышки могли устроить себе гнёздышко, насыпала им крупы, крошила хлеба и поставила маленькое блюдечко с молоком. Если заглянуть в окошечко, можно видеть, как мышки сидят в домике и жуют крупу. Иногда какая-нибудь мышка садилась на задние лапки, а передними начинала умываться. Вот умора! Она так быстро тёрла лапками свою рожицу, что нельзя было без смеха смотреть. Лика всё время сидела перед домиком, заглядывала в окно и смеялась.

— Какой у тебя хороший товарищ, Витя! — сказала она, когда я подошёл посмотреть.

— Это Костя-то? — говорю я.

— Ну да.

— Чем же он такой хороший?

— Вежливый. Так хорошо разговаривает. Даже со мной поговорил.

— Отчего же ему не поговорить с тобой?

— Ну, я ведь девчонка.

— Что ж, если девчонка, так и разговаривать с ней нельзя?

— А другие ребята не разговаривают. Гордятся, наверно. Ты с ним дружи.

Я хотел ей сказать, что Шишкин не такой уж хороший, что он уроки списывает и мне в тетради даже посадил кляксу, но я почему-то сказал:

— Будто я сам не знаю, что он хороший! У нас в классе все ребята хорошие.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Прошло дня три, или четыре, или, может быть, пять, сейчас уже не помню точно, и вот один раз на уроке наш редактор Серёжа Букатин сказал:

— Ольга Николаевна, у нас в редколлегии никто не умеет хорошо рисовать. В прошлом году всегда рисовал Федя Рыбкин, а теперь совсем некому, и стенгазета получается неинтересная. Надо нам выбрать художника.

— Художником надо выбирать того, кто умеет хорошо рисовать,— сказала Ольга Николаевна.— Давайте сделаем так: пусть каждый принесёт завтра свои рисунки. Вот мы и выберем, кто лучше рисует.

— А у кого нет рисунков? — спросили ребята.

— Ну, нарисуйте сегодня, приготовьте хоть по рисунку. Это ведь нетрудно.

— Конечно,— согласились мы все.

На другой день все принесли рисунки. Кто принёс старые, кто нарисовал новые; у некоторых были целые пачки рисунков, а Игорь Грачёв принёс целый альбом. Я тоже принёс несколько картинок. И вот мы разложили все свои рисунки на партах, а Ольга Николаевна подходила ко всем и рассматривала рисунки. Наконец она подошла к Игорю Грачёву и стала смотреть

его альбом. У него там были нарисованы всё моря, корабли, пароходы, подводные лодки, дредноуты.

— Игорь Грачёв лучше всех рисует,— сказала она.— Вот ты и будешь художником.

Игорь улыбался от радости. Ольга Николаевна перевернула страничку и увидела, что там у него нарисован моряк в тельняшке, с трубкой во рту, точь-в-точь такой же, как на стене был. Ольга Николаевна нахмурилась и пристально поглядела на Игоря. Игорь заволновался, покраснел и тут же сказал:

— Это я нарисовал морячка на стенке.

— Ну вот, а когда спрашивали, так ты не признавался! Нехорошо, Игорь, нечестно! Зачем ты это сделал?

— Сам не знаю, Ольга Николаевна! Как-то так, нечаянно. Я не подумал.

— Ну хорошо, что хоть теперь признался. После уроков пойди к директору и попроси прощения.

После уроков Игорь пошёл к директору и стал просить у него прощения. Игорь Александрович сказал:

— Государство уже израсходовало на ремонт школы много денег. Второй раз ремонтировать некому. Иди домой, пообедаешь и придёшь.

После обеда Игорь пришёл в школу, ему дали ведро с краской и кисточку, и он побелил стену так, что морячка не стало видно.

Мы думали, что Ольга Николаевна теперь уже не разрешит ему быть художником, но Ольга Николаевна сказала:

— Лучше быть художником в стенгазете, чем портить стены.

Тогда мы выбрали его в редколлегия художником, и все были рады, и я был рад, только мне-то, если сказать по правде, радоваться не следовало, и я расскажу почему. По шишкинскому примеру, я совсем перестал дома делать задачи и всё норовил списывать их у ребят. Как в пословице говорится: «С кем поведёшься, от того и наберёшься».

«Зачем мне ломать голову над этими задачами? — думал я.— Всё равно я их не понимаю. Лучше я спишу, и дело с

концом. И быстрее, и дома никто не сердится, что я не справляюсь с задачами».

Мне всегда удавалось списать задачу у кого-нибудь из ребят, но наш председатель совета отряда, Толя Дёжкин, упрекал меня.

— Ты ведь никогда не научишься делать задачи, если всё время будешь списывать у других! — говорил он.

— А мне и не нужно, — отвечал я. — Я к арифметике неспособный. Авось как-нибудь и без арифметики проживу.

Конечно, списать домашнее задание было легко, а вот когда вызовут в классе, то тут только одна надежда на подсказку. Ещё спасибо, что хоть ребята подсказывали. Только Глеб Скамейкин с тех пор, как сказал, что будет бороться с подсказкой, всё думал и думал и наконец придумал такую вещь: подговорил ребят, которые выпускали стенгазету, нарисовать на меня карикатуру. И вот в один прекрасный день в стенгазете на меня появилась карикатура с длинными ушами, то есть был нарисован я возле доски, вроде я решаю задачу, а уши у меня длинные-предлинные. Это, значит, для того, чтобы лучше слышать, что мне подсказывают. И ещё какие-то стишки противные под этой карикатурой были подписаны:

Витя наш подсказку любит,
Витя в дружбе с ней живёт,
Но подсказка Витю губит
И до двойки доведёт.

Или что-то вроде этого, не помню точно. В общем, чепуха на постном масле. Я, конечно, страшно рассердился и сразу догадался, что это Игорь Грачёв нарисовал, потому что пока его в стенгазете не было, то и никаких карикатур не было.

Я подошёл к нему и говорю:

— Сними сейчас же эту карикатуру, а то худо будет!

Он говорит:

— Я не имею права снимать. Я ведь только художник. Мне сказали, я и нарисовал, а снимать не моё дело.

— Чьё же это дело?

— Это дело редактора. Он у нас всем распоряжается.

Тогда я говорю Серёже Букатину:

— А, значит, это твоя работа? На себя небось не поместил карикатуры, а на меня поместил!

— Что же ты думаешь, я сам помещаю, на кого хочу? У нас редколлегия. Мы всё вместе решаем. Глеб Скамейкин написал на тебя стихи и сказал, чтоб карикатуру нарисовали, потому что надо с подсказкой бороться. Мы на совете отряда решили, чтобы подсказки не было.

Тогда я бросился к Глебу Скамейкину.

— Снимай,— говорю,— сейчас же, а то из тебя получится бараний рог!

— Как это — бараний рог? — не понял он.

— В бараний рог тебя согну и в порошок изотру!

— Подумаешь! — говорит Глебка.— Не очень-то тебя испугались.

— Ну, тогда я сам из газеты карикатуру вырву, если не испугались.

— Вырывать не имеешь права,— говорит Толя Дёжкин.— Ведь это правда. Если б на тебя написали неправду, то и тогда не имеешь права вырывать, а должен написать опровержение.

— А,— говорю,— опровержение? Сейчас будет опровержение.

Все ребята подходили к стенгазете, любовались на карикатуру и смеялись. Но я решил не оставлять этого дела так и сел писать опровержение. Только у меня ничего не вышло, потому что я не знал, как его написать. Тогда я пошёл к нашему пионервожатому Володе, рассказал ему обо всём и стал спрашивать, как написать опровержение.

— Хорошо, я тебя научу,— сказал Володя.— Напиши, что ты исправишься и станешь учиться лучше, так что не нужна будет подсказка. Твою заметку поместят в стенгазете, а я скажу, чтобы карикатуру сняли.

Я так и сделал. Написал в газету заметку, в которой давал обещание начать учиться лучше и больше не надеяться на подсказку.

На другой день карикатуру сняли, а мою заметку напечатали на самом видном месте. Я был очень рад и даже на самом деле собирался начать учиться лучше, но всё почему-то откладывал, а через несколько дней у нас была письменная работа по арифметике и я получил двойку. Конечно, не я один получил двойку. У Саши Медведкина тоже была двойка, так что мы вдвоём отличились. Ольга Николаевна записала нам эти двойки в дневники и сказала, чтоб в дневниках была подпись родителей.

Печальный возвращался я в этот день домой и всё думал, как избавиться от двойки или как сказать маме, чтоб она не очень сердилась.

— Ты сделай так, как делал наш Митя Круглов,— сказал мне по дороге Шишкин.

— Кто это Митя Круглов?

— А это был у нас такой ученик, когда я учился в Нальчике.

— Как же он делал?

— А он так: придёт домой, получив двойку, и ничего не говорит. Сидит с унылым видом и молчит. Час молчит, два молчит и никуда гулять не идёт. Мать спрашивает:

«Что это с тобой сегодня?»

«Ничего».

«Чего же ты такой скучный сидишь?»

«Так просто».

«Небось натворил в школе чего-нибудь?»

«Ничего я не натворил».

«Подрался с кем-нибудь?»

«Нет».

«Стекло в школе расшиб?»

«Нет».

«Странно!» — говорит мать.

За обедом сидит и ничего не ест.

«Почему ты ничего не ешь?»

«Не хочется».

«Аппетита нет?»

«Нет».

«Ну пойдёшь погуляй, аппетит и появится».

«Не хочется».

«Чего же тебе хочется?»

«Ничего».

«Может быть, ты больной?»

«Нет».

Мать потрогает ему лоб, поставит градусник. Потом говорит:

«Температура нормальная. Что же с тобой, наконец? С ума ты меня сведёшь!»

«Я двойку по арифметике получил».

«Тьфу! — говорит мать. — Так ты из-за двойки всю эту комедию выдумал?»

«Ну да».

«Ты бы лучше сел да учился, вместо того чтоб комедию играть. Двойки и не было бы», — ответит мать.

И больше ничего ему не скажет. А Круглову только это и надо.

— Ну хорошо, — говорю я. — Один раз он так сделает, а в следующий раз мать ведь сразу догадается, что он получил двойку.

— А в следующий раз он что-нибудь другое придумает. Например, приходит и говорит матери:

«Знаешь, у нас Петров сегодня получил двойку».

Вот мать и начнёт этого Петрова пробирать:

«И такой он и сякой. Родители его стараются, чтоб из него человек вышел, а он не учится, двойки получает...» И так далее. Как только мать умолкнет, он говорит:

«И Иванов у нас сегодня получил двойку».

Вот мать и начнёт отделывать Иванова:

«Такой-сякой, не хочет учиться, государство на него даром деньги тратит!..»

А Круглов подождёт, пока мать всё выскажет, и снова говорит:

«Гаврилову сегодня тоже двойку поставили».

Вот мать и начнёт отчитывать Гаврилова, только бранит его уже меньше. Круглов, как только увидит, что мать уже устала браниться, возьмёт и скажет:

«У нас сегодня просто день такой несчастливый. Мне тоже двойку поставили».

Ну, мать ему только и скажет:

«Болван!»

И на этом конец.

— Видать, этот Круглов у вас был очень умный, — сказал я.

— Да, — говорит Шишкин, — очень умный. Он часто получал двойки и каждый раз выдумывал разные истории, чтоб мать не бранила слишком строго.

Я вернулся домой и решил сделать так, как этот Митя Круглов: сел сразу на стул, свесил голову и скорчил унылую-преунылую физиономию. Мама это сразу заметила и спрашивает:

— Что с тобой? Двойку небось получил?

— Получил, — говорю.

Вот тут-то она и начала меня пробирать.

Но об этом рассказывать неинтересно.

На следующий день Шишкин тоже получил двойку по русскому языку, и была ему за это дома головомойка, а ещё через день на нас обоих опять появилась в газете карикатура. Вроде как будто мы с Шишкиным идём по улице, а за нами следом бегут двойки на ножках.

Я сразу разозлился и говорю Серёже Букатину:

— Что это за безобразие! Когда это наконец прекратится?

— Чего ты кипятишься? — спрашивает Серёжа. — Это ведь правда, что вы получили двойки.

— Будто мы одни получили! Саша Медведкин тоже получил двойку. А где он у вас?

— Этого я не знаю. Мы сказали Игорю, чтоб он всех троих нарисовал, а он нарисовал почему-то двоих.

— Я и хотел нарисовать троих,— сказал Игорь,— да все трое у меня не поместились. Вот я и нарисовал только двоих. В следующий раз третьего нарисую.

— Всё равно,— говорю я.— Я этого дела так не оставлю. Я напишу опровержение!

Говорю Шишкину:

— Давай опровержение писать.

— А как это?

— Очень просто: нужно написать в стенгазету обещание, что мы будем учиться лучше. Меня так в прошлый раз научил Володя.

— Ну ладно,— согласился Шишкин.— Ты пиши, а я потом у тебя спишу.

Я сел и написал обещание учиться лучше и никогда больше не получать двоек. Шишкин целиком списал у меня это обещание и ещё от себя прибавил, что будет учиться не ниже чем на четвёрку.

— Это,— говорит,— чтоб внушительней было.

Мы отдали обе заметки Серёже Букатину, и я сказал:

— Вот, можешь снимать карикатуру, а заметки наши наклеи на самом видном месте.

Он сказал:

— Хорошо.

На другой день, когда мы пришли в школу, то увидели, что карикатура висит на месте, а наших обещаний нет. Я тут же бросился к Серёже. Он говорит:

— Мы твоё обещание обсудили на редколлегии и решили пока не помещать в газете, потому что ты уже раз писал и давал обещание учиться лучше, а сам не учишься, даже получил двойку.

— Всё равно,— говорю я.— Не хотите помещать заметку — не надо, а карикатуру вы обязаны снять.

— Ничего,— говорит,— мы не обязаны. Если ты вообра-

жаешь, что можно каждый раз давать обещания и не выполнять их, то ошибаешься.

Тут Шишкин не вытерпел:

— Я ведь ещё ни разу не давал обещания. Почему вы мою заметку не поместили?

— Твою заметку мы поместим в следующем номере.

— А пока выйдет следующий номер, я так и буду висеть?

— Будешь висеть.

— Ладно,— говорит Шишкин.

Но я решил не успокаиваться на достигнутом. На следующей перемене я пошёл к Володе и рассказал ему обо всём.

Он сказал:

— Я поговорю с ребятами, чтоб они поскорее выпустили новую стенгазету и поместили обе ваши статьи. Скоро у нас будет собрание об успеваемости, и ваши статьи как раз ко времени выйдут.

— Будто нельзя сейчас карикатуру вырвать, а на её место наклеить заметки? — спрашиваю я.

— Это не полагается,— ответил Володя.

— Почему же в прошлый раз так сделали?

— Ну, в прошлый раз думали, что ты исправишься, и сделали в виде исключения. Но нельзя же каждый раз портить стенную газету. Ведь все газеты у нас сохраняются. По ним потом можно будет узнать, как работал класс, как учились ученики. Может быть, кто-нибудь из учеников, когда вырастет, станет известным мастером, знаменитым художником, лётчиком или учёным. Можно будет просмотреть стенгазеты и узнать, как он учился.

«Вот так штука! — подумал я. — А вдруг, когда я вырасту и сделаюсь знаменитым путешественником или лётчиком (я уже давно решил стать знаменитым лётчиком или путешественником), вдруг тогда кто-нибудь увидит эту старую газету и скажет: «Братцы, да ведь он в школе получал двойки!»

От этой мысли настроение у меня испортилось на целый час, и я не стал больше спорить с Володиёй. Только потом я понемногу успокоился и решил, что, может быть, пока я вырасту, газета куда-нибудь затеряется на моё счастье, и это спасёт меня от позора.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Карикатура наша провисела в газете целую неделю, и только за день до общего собрания вышла новая стенгазета, в которой уже карикатуры не было и появились обе наши заметки: моя и шишкинская. Были там, конечно, и другие заметки, только я сейчас уже не помню про что.

Володя сказал, чтоб мы все подготовились к общему собранию и обсудили вопрос об успеваемости каждого ученика. На большой перемене наш звеньевой Юра Касаткин собрал нас, и мы стали говорить о нашей успеваемости. Говорить тут долго было не о чем. Все сказали, чтоб мы с Шишкиным свои двойки исправили в самое короткое время.

Ну, мы, конечно, согласились. Что ж, разве нам самим интересно с двойками ходить?

На другой день у нас было общее собрание класса.

Ольга Николаевна сделала сообщение об успеваемости. Она рассказала, кто как учится в классе, кому на что надо обратить внимание. Тут не только двоечникам досталось, но даже и троечникам, потому что тот, кто учится на тройку, легко может скатиться к двойке.

Потом Ольга Николаевна сказала, что дисциплина у нас ещё плохая — в классе бывает шумно, ребята подсказывают друг другу.

Мы стали высказываться. То есть это только я так говорю — «мы», на самом деле я не высказывался, потому что мне с двойкой нечего было лезть вперёд, а надо было сидеть в тени.

Первым выступил Глеб Скамейкин. Он сказал, что во всём виновата подсказка. Это у него вроде болезнь такая — «подсказка». Он сказал, что если б никто не подсказывал, то и дисциплина была бы лучше и никто не надеялся бы на подсказку, а сам бы взялся за ум и учился бы лучше.

— Теперь я нарочно буду подсказывать неправильно, чтоб никто не надеялся на подсказку,— сказал Глеб Скамейкин.

— Это не по-товарищески,— сказал Вася Ерохин.

— А вообще подсказывать по-товарищески?

— Тоже не по-товарищески. Товарищу надо помочь, если он не понимает, а от подсказки вред.

— Так уж сколько говорилось об этом! Всё равно подсказывают!

— Ну, надо выводить на чистую воду тех, кто подсказывает.

— Как же их выводить?

— Надо про них в стенгазету писать.

— Правильно! — сказал Глеб.— Мы начнём кампанию в стенгазете против подсказки.

Наш звеньевой Юра Касаткин сказал, что всё наше звено решило учиться совсем без двоек, а ребята из первого и второго звена сказали, что обещают учиться только на пятёрки и четвёрки.

Ольга Николаевна стала объяснять нам, что, для того чтобы успешно учиться, надо правильно распределять свой день. Надо пораньше ложиться спать и пораньше вставать. Утром делать зарядку, почаще бывать на свежем воздухе. Уроки нужно делать не сейчас же после школы, а сначала часа полтора-два отдохнуть. (Вот как раз то, что я говорил Лике.) Уроки обязательно делать днём. Поздно вечером заниматься вредно, так как мозг к этому времени уже устаёт и занятия не будут успешными. Сначала надо делать уроки, которые потрудней, а потом те, что полегче.

Слава Ведёрников сказал:

— Ольга Николаевна, я понимаю, что после школы нужно

отдохнуть часа два, а вот как отдыхать? Я не умею так просто сидеть отдыхать. От такого отдыха на меня нападает тоска.

— Отдыхать — это вовсе не значит, что надо сидеть сложа руки. Можно, например, пойти погулять, поиграть, чем-нибудь заняться.

— А в футбол можно играть? — спросил я.

— Очень хороший отдых — игра в футбол, — сказала Ольга Николаевна, — только не надо, конечно, играть весь день. Если поиграешь часок, то очень хорошо отдохнёшь и учиться будешь лучше.

— А вот скоро начнётся дождливая погода, — сказал Шишкин, — футбольное поле от дождя раскиснет. Где мы тогда будем играть?

— Ничего, ребята, — ответил Володя. — Скоро мы оборудуем спортивный зал в школе, можно будет даже зимой играть в баскетбол.

— Баскетбол! — воскликнул Шишкин. — Вот здорово! Чур, я буду капитаном команды! Я уже был раз капитаном баскетбольной команды, честное слово!

— Ты вот сначала подтянись по русскому языку, — сказал Володя.

— А я что? Я ничего... Я подтянусь, — сказал Шишкин. На этом общее собрание закончилось.

— Эх, и оплошали же вы, ребята! — сказал Володя, когда все разошлись и осталось только наше звено.

— А что? — спрашиваем мы.

— Как что! Взялись учиться без двоек, а все остальные звенья обещают учиться только на четвёрки и пятёрки.

— А чем мы хуже других? — говорит Лёня Астафьев. — Мы тоже можем на пятёрки и четвёрки.

— Подумаешь! — говорит Ваня Пахомов. — Ничем они не лучше нас.

— Ребята, давайте и мы возьмёмся, — говорит Вася Ерохин. — Вот даю честное слово, что буду учиться не ниже, чем на четвёрку. Мы не хуже других.

Тут и меня подхватило.

— Верно! — говорю. — Я тоже берусь! До сих пор я не брался как следует, а теперь возьмусь, вот увидите. Мне, знаете, стоит только начать.

— Стоит только начать, а потом будешь плакать да кончать, — сказал Шишкин.

— А ты что, не хочешь? — спросил Володя.

— Я не берусь на четвёрки, — сказал Шишкин. — То есть я берусь по всем предметам, а по русскому только на тройку.

— Ты что ещё выдумал! — говорит Юра. — Весь класс берётся, а он не берётся! Подумаешь, какой умник нашёлся!

— Как же я могу браться! У меня по русскому никогда лучшей отметки, чем тройка, не было. Тройка — и то хорошо.

— Послушай, Шишкин, почему ты отказываешься? — сказал Володя. — Ты ведь уже дал обещание учиться по всем предметам не ниже, чем на четвёрку.

— Когда я дал обещание?

— А вот, это твоя заметка в стенгазете? — спросил Володя и показал газету, где были напечатаны наши обещания.

— Верно! — говорит Шишкин. — А я и забыл уже.

— Ну, так как же теперь, берёшься?

— Что ж делать, ладно, берусь, — согласился Шишкин.

— Ура! — закричали ребята. — Молодец, Шишкин! Не подвёл нас! Теперь все вместе будем бороться за честь своего класса.

Шишкин всё-таки был недоволен и по дороге домой даже не хотел разговаривать со мной: дулся на меня за то, что я подговорил его написать в газету заметку.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Не знаю, как Шишкин, а я решил сразу взяться за дело. Самое главное, подумал я, это режим. Спать буду ложиться пораньше, часов в десять, как Ольга Николаевна говорила.

Вставать тоже буду пораньше и повторять перед школой уроки. После школы буду играть часа полтора в футбол, а потом на свежую голову буду делать уроки. После уроков буду заниматься чем захочется: или с ребятами играть, или книжки читать, до тех пор пока не придёт время ложиться спать.

Так, значит, я подумал и пошёл играть в футбол, перед тем как делать уроки. Я твёрдо решил играть не больше чем полтора часа, от силы — два, но, как только я попал на футбольное поле, у меня всё из головы вылетело, и я очнулся, когда уже совсем наступил вечер. Уроки я опять стал делать поздно, когда голова уже плохо соображала, и дал сам себе обещание, что на следующий день не буду так долго играть. Но на следующий день повторилась та же история. Пока мы играли, я всё время думал: «Вот забьём ещё один гол, и я пойду домой», но почему-то так получалось, что, когда мы забивали гол, я решал, что пойду домой, когда мы ещё один гол забьём. Так и тянулось до самого вечера. Тогда я сказал сам себе: «Стоп! У меня что-то не то получается!» И стал думать, почему же у меня так получается. Вот я думал, думал, и наконец мне стало ясно, что у меня совсем нет воли. То есть у меня воля есть, только она не сильная, а совсем-совсем слабенькая воля. Если мне надо что-нибудь делать, то я никак не могу заставить себя это делать, а если мне не надо чего-нибудь делать, то я никак не могу заставить себя этого не делать. Вот, например, если я начну читать какую-нибудь интересную книжку, то читаю и читаю и никак не могу оторваться. Мне, например, надо делать уроки или пора уже ложиться спать, а я всё читаю. Мама говорит, чтоб я шёл спать, папа говорит, что пора уже спать, а я не слушаюсь, пока нарочно не потушат свет, чтоб мне нельзя уже было больше читать. И вот то же самое с этим футболом. Не хватает у меня силы воли кончить вовремя игру, да и только!

Когда я всё это обдумал, то даже сам удивился. Я воображал, будто я человек с очень сильной волей и твёрдым характером, а оказалось, что я человек безвольный, слабохарак-

терный, вроде Шишкина. Я решил, что мне надо развивать сильную волю. Что нужно делать для этого? Для этого я буду делать не то, что хочется, а то, чего вовсе не хочется. Не хочется утром делать зарядку — а я буду делать. Хочется идти играть в футбол — а я не пойду. Хочется почитать интересную книжку — а я не стану. Начать решил сразу, с этого же дня. В этот день мама испекла к чаю моё самое любимое пирожное. Мне достался самый вкусный кусок — из серединки. Но я решил, что раз мне хочется съесть это пирожное, то я не буду его есть. Чай я попил просто с хлебом, а пирожное так и осталось.

— Почему же ты не стал есть пирожное? — спросила мама.

— Пирожное будет лежать здесь до послезавтрашнего вечера — ровно два дня, — сказал я. — Послезавтра вечером я его съем.

— Что это ты, зарок дал? — говорит мама.

— Да, — говорю, — зарок. Если не съем раньше назначенного срока это пирожное, значит, у меня сильная воля.

— А если съешь? — спрашивает Лика.

— Ну, если съем, тогда, значит, слабая. Будто сама не понимаешь!

— Мне кажется, ты не выдержишь, — сказала Лика.

— А вот посмотрим.

Наутро я встал — мне очень не хотелось делать зарядку, но я всё-таки сделал, потом пошёл под кран обливаться холодной водой, потому что обливаться мне тоже не хотелось. Потом позавтракал и пошёл в школу, а пирожное так и осталось лежать на тарелочке. Когда я пришёл, оно лежало по-прежнему, только мама накрыла его стеклянной крышкой от сахарницы, чтоб оно не засохло до завтрашнего дня. Я открыл его и посмотрел, но оно ничуть даже ещё не начало сохнуть. Мне очень захотелось тут же его прикончить, но я поборол в себе это желание.

В этот день я решил в футбол не играть, а просто отдохнуть часика полтора и тогда уже взяться за уроки. И вот после

обеда я стал отдыхать. Но как отдыхать? Просто так отдыхать ведь не станешь. Отдых — это игра или какое-нибудь интересное занятие. «Чем же заняться? — думаю. — Во что поиграть?» Потом думаю: «Пойду-ка поиграю с ребятами в футбол».

Не успел я это подумать, как ноги сами вынесли меня на улицу, а пирожное так и осталось лежать на тарелке.

Иду я по улице и вдруг думаю: «Стоп! Что же это я делаю? Раз мне хочется играть в футбол, то не нужно. Разве так воспитывают сильную волю?» Я тут же хотел повернуть назад, но подумал: «Пойду и посмотрю, как ребята играют, а сам играть не буду». Пришёл, смотрю, а там уже игра в самом разгаре. Шишкин увидел меня, кричит:

— Где же ты ходишь? Нам уже десять голов насажали! Скорей выручай!

И тут уж я даже сам не заметил, как ввязался в игру.

Домой снова вернулся поздно и думаю:

«Эх, безвольный я человек! С утра так хорошо начал, а потом из-за этого футбола всё испортил!»

Смотрю — пирожное лежит на тарелке. Я взял его и съел.

«Всё равно, — думаю, — у меня никакой силы воли нет».

Лика пришла, смотрит — тарелка пустая.

— Не выдержал? — спрашивает.

— Чего «не выдержал»?

— Съел пирожное?

— А тебе что? Съел, ну и съел. Не твоё ведь я пирожное съел!

— Чего же ты сердишься? Я ничего не говорю. Ты и то слишком долго терпел. У тебя большая сила воли. А вот у меня никакой силы воли нет.

— Почему же это у тебя нет?

— Сама не знаю. Если б ты не съел до завтра это пирожное, то я сама бы, наверно, его съела.

— Значит, ты считаешь, что у меня есть сила воли?

— Конечно, есть.

Я немножко утешился и решил с завтрашнего дня снова

приняться за воспитание воли, несмотря на сегодняшнюю неудачу. Не знаю, какой бы получился из этого результат, если бы погода была хорошая, но как раз в этот день с утра зарядил дождь, футбольное поле, как и ожидал Шишкин, раскисло и играть было нельзя. Раз играть было нельзя, то меня и не тянуло. Удивительно, как человек устроен! Вот бывает: сидишь дома, а ребята в это время в футбол играют; ты, значит, сидишь и думаешь: «Бедный я, бедный, несчастный-разнесчастный! Все ребята играют, а я дома сижу!» А вот если сидишь дома и знаешь, что все остальные ребята тоже сидят по домам и никто не играет, то ничего такого не думаешь.

Так и на этот раз. За окном моросил мелкий осенний дождь, а я сидел себе дома и спокойно занимался. И очень успешно у меня занятия шли, пока я не дошёл до арифметики. Но тут я решил, что не стоит мне самому особенно ломать голову, а лучше просто пойти к кому-нибудь из ребят, чтоб мне помогли арифметику сделать.

Я быстро собрался и пошёл к Алику Сорокину. Он в нашем звене лучше всех по арифметике учится. У него всегда по арифметике пять.

Прихожу я к нему, а он сидит за столом и сам с собой играет в шахматы.

— Вот хорошо, что ты пришёл! — говорит. — Сейчас мы с тобой сыграем в шахматы.

— Да я не за тем пришёл, — говорю я. — Вот помоги мне лучше арифметику сделать.

— Ага, хорошо, сейчас. Только знаешь что? Арифметику мы успеем сделать. Я тебе всё объясню в два счёта. Давай сначала сыграем в шахматы. Тебе всё равно надо научиться играть в шахматы, потому что шахматы развивают способности к математике.

— А ты не врёшь? — говорю.

— Нет, честное слово! Ты думаешь, почему я хорошо по арифметике учусь? Потому что играю в шахматы.

— Ну, если так, тогда давай в шахматы, — согласился я.

Расставили мы фигуры и стали играть. Только я тут же увидел, что играть с ним совсем невозможно. Он не мог спокойно относиться к игре, и, если я делал неверный ход, он почему-то сердился и всё время кричал на меня:

Ну кто так играет? Куда ты полез? Разве так ходят? Тьфу! Что это за ход?

— Почему же это не ход? — спрашиваю я.

— Да потому, что я съем твою пешку.

— Ну и ешь,— говорю,— на здоровье, только не кричи, пожалуйста!

— Как же на тебя не кричать, когда ты так глупо ходишь!

— Тебе же,— говорю,— лучше: скорее выиграешь.

— Мне,— говорит,— интересно у умного человека выиграть, а не у такого игрока, как ты.

— Значит, по-твоему, я не умный?

— Да, не очень.

Так он оскорблял меня на каждом шагу, пока не выиграл партию, и говорит:

— Давай ещё.

А я и сам уже раззадорился и очень хотел обыграть его, чтоб он не задавался.

— Давай,— говорю,— только так, чтобы без крика, а если будешь кричать на меня, брошу всё и уйду.

Стали мы снова играть. На этот раз он не кричал, но и молча играть не умел, видно, и поэтому всё время болтал, как попугай, и строил насмешки:

— Ага! Так вот как вы пошли! Ага! Угу! Вот какие вы теперь умные стали! Скажите пожалуйста!

Просто противно было слушать.

Я проиграл и эту партию и ещё не помню сколько. Потом мы стали заниматься по арифметике, но и тут проявился его скверный характер. Ничего-то он спокойно не мог объяснить:

— Да ведь это просто, ну как ты не понимаешь! Да это ведь малые ребята понимают! Что ж тут непонятного! Эх, ты!

Вычитаемого от уменьшаемого не может отличить! Мы это ещё в третьем классе проходили. Ты что, с луны, что ли, свалился?

— Если тебе трудно объяснить просто, то я к кому-нибудь другому могу пойти,— говорю я.

— Да я ведь объясняю просто, а ты не понимаешь!

— Где же,— говорю,— просто? Объясняй, что надо. Какое тебе дело, с луны я свалился или не с луны!

— Ну ладно, ты не сердись, я буду просто.

Но просто у него никак не выходило. Пробился я с ним до вечера и всё-таки мало что понял. Но обиднее всего было то, что я ни разу не обыграл его в шахматы. Если б он не так задавался, то мне и обидно бы не было. Теперь мне обязательно хотелось обыграть его, и с тех пор я каждый день ходил к нему заниматься по арифметике, и мы по целым часам сражались в шахматы.

Постепенно я подучился играть, и мне иногда удавалось выиграть у него партию. Это, правда, случалось редко, но доставляло мне большое удовольствие. Во-первых, когда он начинал проигрывать, то переставал болтать, как попугай; во-вторых, страшно нервничал: то вскочит, то сядет, то за голову схватится.

Просто смешно было смотреть. Я, например, не стану так нервничать, если буду проигрывать, но и не стану радоваться, если проигрывает товарищ. А вот Алик наоборот: он не может сдержать свою радость, когда выигрывает, а когда проигрывает, то готов на себе волосы рвать от досады.

Для того чтобы научиться играть как следует, я играл в шахматы дома с Ликой, а когда дома был папа, то даже и с папой. Однажды папа сказал, что у него когда-то была книжка, учебник шахматной игры, и если я хочу научиться играть хорошо, то мне следует почитать эту книжку. Я сейчас же принялся искать этот учебник и нашёл его в корзинке, где лежали разные старые книжки. Сначала я думал, что ничего не пойму в этой книге, но когда начал читать, то увидел, что

она написана очень просто и понятно. В книжке говорилось, что в шахматной игре, как на войне, нужно стараться поскорей захватить инициативу в свои руки, поскорей выдвинуть свои фигуры вперёд, ворваться в расположение противника и атаковать его короля. В книжке рассказывалось, как нужно начинать шахматные партии, как готовить нападение, как защищаться, и другие разные полезные вещи.

Я читал эту книжку два дня, а когда пришёл на третий день к Алику, то стал выигрывать у него партию за партией. Алик просто недоумевал и не понимал, в чём дело. Теперь положение переменялось. Через несколько дней я играл уже так, что ему даже случайно не удавалось меня обыграть.

Из-за этих шахмат на арифметику у нас оставалось мало времени, и Алик объяснял мне всё наспех, как говорится — на скорую ручку, комком да в кучку. В шахматы играть я научился, а вот не заметил чтоб это улучшило мои способности к арифметике.

С арифметикой у меня по-прежнему обстояло плохо, и я решил бросить шахматную игру. К тому же шахматы мне уже надоели.

С Аликом неинтересно было играть, потому что он всё время проигрывал. Я сказал, что больше не буду играть в шахматы.

— Как! — сказал Алик. — Ты решил бросить шахматы? Да у тебя ведь замечательные шахматные способности! Ты станешь знаменитым шахматистом, если будешь продолжать играть!

— Никаких у меня способностей нет! — говорю я. — Ведь я вовсе не своим умом обыгрывал тебя. Всему этому я научился из книжки.

— Из какой книжки?

— Есть такая книжка — учебник шахматной игры. Если хочешь, я тебе дам почитать эту книжку, и ты станешь играть не хуже меня.

Алику захотелось поскорей прочитать эту книжку. Мы

пошли с ним ко мне. Я дал ему учебник шахматной игры, и он сейчас же убежал домой, чтоб начать читать.

А я решил не играть больше в шахматы до тех пор, пока не подтянусь по арифметике.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Наш вожатый Володя затеял устроить в школе вечер самодеятельности. Некоторые ребята решили выучить наизусть стихи и прочитать их на сцене. Другие решили показать на сцене физкультурные упражнения и сделать пирамиду. Гриша Васильев сказал, что будет играть на балалайке, а Павлик Козловский будет танцевать гопак. Но самую интересную вещь придумали Ваня Пахомов и Игорь Грачёв. Они решили поставить отрывок «Бой Руслана с головой» из поэмы Пушкина «Руслан и Людмила». Этот отрывок был напечатан в нашей книге для чтения «Родная речь» для четвёртого класса. Мы как раз недавно его читали. Игорь Грачёв сказал, что голову великана он вырежет из фанеры и разрисует её пострашней, а сам, спрятавшись позади неё, будет говорить что надо. А Ваня сыграет Руслана. Он сделает себе деревянное копье и будет драться с головой. Нам с Шишкиным тоже захотелось участвовать в самодеятельности, но Ольга Николаевна не разрешила.

— Вам сначала надо исправить свои отметки,— сказала она,— а потом можно будет и на сцене играть.

И вот все ребята принялись разучивать свои роли и репетировать на сцене, а мы с Шишкиным толклись в зале и с завистью смотрели на всех. Игорь вырезал из целого фанерного листа голову великана. Нижнюю челюсть он сделал из фанеры отдельно и прикрепил гвоздём так, что голова могла открывать рот. Потом он разрисовал голову красками и сделал ей вытаращенные глаза. Когда он прятался за нею и шевелил фанерной челюстью, а сам в это время рычал и разговаривал, то казалось, что голова сама рычит и разговаривает. А как

интересно было смотреть, когда Руслан, то есть Ваня, насккивал с копьём в руках на голову, а голова дула на него, и его как будто бы ветром относило в сторону! Однажды Шишкину в голову пришла очень хорошая мысль.

— Я,— говорит,— вчера читал «Руслана и Людмилу», там написано, что Руслан ездил на коне, а у нас он ходит по сцене пешком.

— Где же ты возьмёшь коня? — говорю я.— Даже если бы и был конь, всё равно его на сцену не втащишь.

— У меня есть замечательная идея,— говорит он,— мы с тобой будем представлять коня.

— Как же мы будем представлять коня?

— У меня есть журнал «Затейник», там написано, как двое ребят могут изобразить на сцене коня. Для этого делается из материи такая вроде лошадиная шкура. Впереди делается лошадиная голова, сзади — хвост, а внизу — четыре ноги. Я, понимаешь, залезаю в эту шкуру спереди и просовываю свою голову в лошадиную голову, а ты залезаешь в шкуру сзади, нагибаешься и держишься руками за мой пояс, так что твоя спина получается вроде лошадиная спина. У лошади четыре ноги, и у нас с тобой тоже четыре ноги. Куда я иду, туда и ты, вот и получается лошадь.

— Как же мы сошьём такую шкуру? — говорю я.— Если бы мы были девчонки, то, может быть, сумели бы сшить. Девчонки всегда рукодельничать умеют.

— А ты попроси свою сестру Лику, она нам поможет.

Мы рассказали обо всём Лике и попросили помочь.

— Ладно,— говорит Лика,— я вам помогу, но для этого ведь надо достать материи.

Мы долго думали, где бы достать материи, а потом Шишкин нашёл у себя на чердаке какой-то старый, никому не нужный матрац. Мы вытряхнули из матраца всю начинку и показали его Лике. Лика сказала, что из него, пожалуй, что-нибудь выйдет. Она распоролa матрац, так что получилось два больших куска материи. На одном куске она велела нам нарисовать

большую лошадь. Мы взяли кусок мела и нарисовали на материи лошадь с головой и ногами — всё как полагается. После этого Лика сложила оба куска и вырезала ножницами, так что сразу получилось две лошадиные выкройки из материи. Эти две выкройки она стала сшивать по спине и по голове. Мы с Костей тоже вооружились иголками и принялись помогать ей шить. Особенно много было возни с ногами, потому что каждую ногу нужно было сшить отдельно трубочкой. Мы все пальцы искололи себе иголками. Наконец сшили всё. На другой день мы достали мочалы и сена и стали продолжать работу. В лошадиную голову мы напихали сена, чтобы она лучше держалась, а из мочалы сделали хвост и гриву.

Когда всё это было сделано, мы с Костей залезли в лошадиную шкуру через дырку, которая была оставлена на животе, и попробовали ходить. Лика засмеялась и сказала, что лошадь получилась хорошая, только надо кое-где подложить ваты, а то у неё получились очень тощие бока, и, кроме того, её надо покрасить, так как видно, что она сделана из материи. Тогда мы вылезли из этой лошадиной шкуры. Лика принялась подшивать куда надо вату, а Шишкин принёс из дому мастику, которой натирают полы, и мы покрасили шкуру этой мастикой. Получился настоящий гнедой лошадиный цвет. Потом мы взяли краски и нарисовали на голове глаза, ноздри, рот. На ногах нарисовали копыта. Ещё Лика придумала пришить к лошадиной голове уши, так как без ушей голова получалась не очень красивая. После этого мы снова залезли в лошадиную шкуру.

— И-го-го! — заржал по-лошадиному Костя.

Лика захлопала в ладоши и чуть не захлебнулась от смеха.

— Прямо настоящая лошадь получилась! — кричала она.

Мы попробовали ходить по комнате и брыкаться ногами. Наверно, это очень смешно получалось, потому что Лика всё время смеялась. Потом пришла мама и тоже смеялась, глядя на нашу лошадь. Тут вернулся с работы папа, и он тоже смеялся.

— Для чего это вы сделали? — спросил он нас.

Мы рассказали, что в школе у нас будет спектакль и мы с Костей будем представлять коня.

— Это очень хорошо, что у вас в школе придумывают для ребят такие развлечения. Ребята приучаются заниматься полезным делом. Вы скажите, когда будет представление, я тоже приду,— сказал папа.

Потом мы пошли к Шишкину, чтобы показать лошадь его маме и тёте.

— Ну вот,— сказал я,— папа придёт, а вдруг нам не позволят играть.

— Ты молчи,— говорит Шишкин.— Никому ничего говорить не надо. Мы придём заранее и спрячемся за сценой, а Ваню Пахомова предупредим, чтоб он, перед тем как выходить на сцену, сел на лошадь.

— Правильно! — говорю я.— Так и сделаем.

С тех пор мы с нетерпением ждали представления и даже заниматься не могли из-за этого как следует. Каждый день мы пробовали надевать лошадиную шкуру и ходить в ней для тренировки. Лика то и дело подшивала под шкуру куски ваты, так что лошадь в конце концов сделалась гладенькая, упитанная. Для того чтобы лошадиные уши не висели, как лопухи, Костя придумал вставить внутрь пружинку, и уши стали торчать кверху, как полагается. Ещё Костя придумал привязать к ушам ниточки. Он незаметно дёргал эти ниточки, и лошадь шевелила ушами, как настоящая.

Наконец наступил долгожданный день представления.

Мы незаметно принесли лошадиную шкуру и спрятали позади сцены. Потом мы увидели Ваню Пахомова. Костя отозвал его в сторону и говорит:

— Слушай, Ваня, перед тем как выходить на сцену и драться с головой, ты зайди за кулисы. Там будет стоять приготовленная для тебя лошадь. Ты на эту лошадь садись и выезжай на сцену.

— А что это за лошадь? — спрашивает Ваня.

— Это не твоя забота. Лошадь хорошая. Садись на неё, и она повезёт тебя куда надо.

— Не знаю,— говорит Ваня.— Мы ведь без лошади репетировали.

— Чудак! — говорит Шишкин.— С лошастью ведь гораздо лучше. Даже у Пушкина написано, что Руслан ездил на лошади. Как там написано: «Я еду, еду, не свищу, а как наеду, не спущу!» На чём же он едет, если не на лошади. И в «Родной речи» у нас есть картинка, там Руслан нарисован на лошади.

— Ну ладно,— говорит Ваня.— Мне и самому неловко ходить по сцене пешком. Витязь — и вдруг без лошади.

— Только ты никому не говори, а то весь эффект пропадёт,— говорит Костя.

— Хорошо.

И вот, когда публика начала собираться, мы незаметно пробрались за кулисы, приготовили лошадиную шкуру и стали ждать. Ребята суетились, бегали по сцене, проверяли декорации. Наконец раздался последний звонок и начались выступления ребят. Нам всё хорошо было видно и слышно: и как читали стихи, и как делали физкультурные упражнения. Мне очень понравились физкультурные упражнения. Ребята делали их под музыку, чётко, ритмично, все, как один. Недаром тренировались две недели подряд. Потом занавес закрылся, на сцене быстро установили фанерную голову с открывающимся ртом, и Игорь Грачёв спрятался за нею. Тут появился Ваня. На голове у него был блестящий шлем, сделанный из картона, в руках деревянное копье, выкрашенное серебряной краской. Ваня подошёл к нам и говорит:

— Ну, где же ваша лошадь?

— Сейчас,— говорим мы.

Быстро влезли в лошадиную шкуру — и перед ним появился конь.

— Садись,— говорю я.

Ваня залез мне на спину и уселся. Тут я почувствовал, что

коням не сладко живётся на свете. Под тяжестью Вани я согнулся в три погибели и покрепче вцепился в пояс Шишкина, чтоб была опора. Тут как раз и занавес открылся.

— Но! Поехали! — скомандовал Ваня, то есть Руслан.

Мы с Шишкиным затопали прямо на сцену. Ребята встретили нас дружным смехом. Видно, наш конь понравился. Мы поехали прямо к голове.

— Тпру! Тпру! — зашипел Руслан. — Куда вас понесло? Чуть на голову не наехали! Осади назад!

Мы попятились назад.

В зале раздался громкий смех.

— Да не пятьтесь назад! Вот чудаки! — ругал нас Ваня. — Повернитесь и выезжайте на середину сцены. Мне монолог надо читать.

Мы повернулись и выехали на середину сцены. Тут Ваня заговорил замогильным голосом:

О поле, поле, кто тебя
Усеял мёртвыми костями?

Он долго читал эти стихи, завывая на все лады, а Шишкин в это время дёргал за ниточки, и конь наш шевелил ушами, что очень веселило зрителей. Наконец Ваня кончил свой монолог и прошептал:

— Ну, теперь к голове подъезжайте.

Мы повернулись и поехали к голове. Не доезжая до неё шагов пяти, Шишкин начал хрипеть, упираться ногами и становиться на дыбы. Я тоже стал брыкаться, чтобы показать, будто конь испугался головы великана. Тут Руслан стал прищипывать коня, то есть, попросту говоря, бить меня каблуками по бокам. Тогда мы подъехали к голове, и Руслан принялся щекотать ей ноздри копьём. Тут голова как раскроет рот да как чихнёт! Мы с Шишкиным отскочили, завертелись по всей сцене, будто нас отнесло ветром. Руслан даже чуть не свалился с коня. Шишкин наступил мне на ногу. От боли я запрыгал на одной ножке и стал хромать. Ваня снова стал прищипо-

вать меня. Мы опять поскакали к голове, а она принялась на нас дуть, и нас снова понесло в сторону. Так мы налетали на неё несколько раз, наконец я взмолился.

— Кончайте,— говорю,— скорей, а то я не выдержу. У меня и так уже нога болит!

Тогда мы подскочили к голове в последний раз, и Ваня треснул её копьём с такой силой, что с неё посыпалась краска. Голова упала, представление окончилось, и конь, хромая, ушёл со сцены. Ребята дружно захлопали в ладоши. Ваня соскочил с лошади и побежал кланяться публике, как настоящий актёр.

Шишкин говорит:

— Мы ведь тоже представляли на сцене. Надо и нам поклониться публике.

И тут все увидели, что на сцену выбежал конь и стал кланяться, то есть просто кивать головой. Всем это очень понравилось, в зале поднялся шум. Ребята принялись ещё громче хлопать в ладоши. Мы поклонились и убежали, а потом снова выбежали и опять стали кланяться. Тут Володя сказал, чтоб скорей закрывали занавес. Занавес сейчас же закрыли. Мы хотели убежать, но Володя схватил коня за уши и сказал:

— Ну-ка, вылезайте! Кто это тут дурачится?

Мы вылезли из лошадиной шкуры.

— А, так это вы! — сказал Володя. — Кто вам разрешил здесь баловаться?

— Разве плохой конь получился? — удивился Шишкин.

— Коня-то вы хорошо смастерили,— сказал Володя.— А сыграть как следует не смогли: на сцене серьёзный разговор происходит, а конь стоит, ногами шаркает, то отставит ногу, то приставит. Где вы видали, чтоб лошади так делали?

— Ну, устанешь ведь спокойно на одном месте стоять,— говорю я.— И ещё Ваня на мне верхом сидит. Знаете, какой он тяжёлый. Где уж тут спокойно стоять!

— Надо было стоять, раз на сцену вышли. И ещё. Руслан читает стихи: «О поле, поле, кто тебя усеял мёртвыми костями?» — и вдруг в публике смех. Я думаю, почему смеются?

Что тут смешного! А оказывается, конь в это время ушами хлопал!

— Ну, кони всегда шевелят ушами, когда прислушиваются,— говорит Шишкин.

— К чему же тут понадобилось прислушиваться?

— Ну, к стихам... Он услышал, что Руслан читает стихи, и пошевелил ушами.

— Если б пошевелил, то ещё полбеды, а он ими так задвигал, будто мух отгонял.

— Это я переиграл малость,— говорит Шишкин.— Слишком сильно за верёвочку дёргал.

— «Переиграл»! — передразнил его Володя.— Вот не лезьте в другой раз без спросу на сцену.

Мы очень опечалились и думали, что нам ещё от Ольги Николаевны за это достанется, но Ольга Николаевна нам совсем ничего не сказала, и для меня это было почему-то хуже, чем если бы она как следует пробрала нас за то, что мы не послушались её. Наверно, она решила, что мы с Шишкиным какие-нибудь такие совсем неисправимые, что с нами даже разговаривать серьёзно не стоит.

Из-за этого представления да ещё из-за шахмат я так и не взялся как следует за учёбу, и, когда через несколько дней нам выдали за первую четверть табели, я увидел, что у меня стоит двойка по арифметике. Я и раньше знал, что у меня будет в четверти двойка, но всё думал, что четверть ещё не скоро кончится и я успею подтянуться, но четверть так неожиданно кончилась, что я и оглянуться не успел. У Шишкина тоже была в четверти двойка по русскому.

— И зачем это выдают табели перед самым праздником? Теперь у меня будет весь праздник испорчен! — сказал я Шишкину, когда мы возвращались домой.

— Почему? — спросил Шишкин.

— Ну потому, что придётся показывать дома двойку.

— А я не буду перед праздником показывать двойку,— сказал Шишкин.— Зачем я буду маме праздник портить?

— Но после праздника ведь всё равно придётся показывать,— говорю я.

— Ну что ж, после праздника конечно, а на праздник все весёлые, а если я покажу двойку, все будут скучные. Нет, пусть лучше весёлые будут. Зачем я буду огорчать маму напрасно? Я люблю маму.

— Если бы ты любил, то учился бы получше,— сказал я.

— А ты-то учишься, что ли? — ответил Шишкин.

— Я — нет, но я буду учиться.

— Ну и я буду учиться.

На этом наш разговор окончился, и я решил, по шишкинскому примеру, показать табель потом, когда праздники кончатся. Ведь бывают же такие случаи, когда табели ученикам выдают после праздника. Ничего тут такого нету.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Наконец наступил день, которого я давно уже с нетерпением ждал,— день Седьмого ноября, праздник Великой Октябрьской революции.

Я проснулся рано-рано и сразу побежал к окошку, чтобы взглянуть на улицу. Солнышко ещё не взошло, но уже было совсем светло. Небо было чистое, голубое. На всех домах развевались красные флаги. На душе у меня стало радостно, будто снова наступила весна. Почему-то так светло, так замечательно на душе в этот праздник! Почему-то вспоминается всё самое хорошее и приятное. Мечтаешь о чём-то чудесном, и хочется поскорей вырасти, стать сильным и смелым, совершать разные подвиги и геройства: пробираться сквозь глухую тайгу, карабкаться по неприступным скалам, мчаться на самолёте по голубым небесам, опускаться под землю, добывать железо и уголь, строить каналы и орошать пустыни, сажать леса или работать на заводе и делать какие-нибудь новые замечательные машины.

Вот какие мечты у меня. И ничего в этом удивительного нету, я думаю. Папа говорит, что в нашей стране каждый человек всего добьётся, если только захочет и станет как следует учиться, потому что уже много лет назад, как раз в этот день, седьмого ноября, мы прогнали капиталистов, которые угнетали народ, и теперь у нас всё принадлежит народу. Значит, мне тоже принадлежит всё, потому что я тоже народ.

В этот день папа подарил мне волшебный фонарь с картинками, а мама подарила мне коньки, а Лика подарила мне компас, а я подарил Лике разноцветные краски для рисования.

А потом мы с папой и Ликой пошли на завод, где папа работает, а оттуда пошли на демонстрацию вместе со всеми рабочими с папиного завода. Вокруг гремела музыка, и все пели песни, и мы с Ликой пели, и нам было очень весело, и папа купил нам воздушные шарик: мне красный, а Лике зелёный. А когда мы подошли к самой большой площади нашего города, папа купил нам два красных флажка, и мы с этими флажками прошли мимо трибуны через всю площадь. Потом мы вернулись домой, и скоро к нам стали собираться гости. Первый пришёл дядя Шура. В руках у него было два свёртка, и мы сразу догадались, что это он принёс нам подарки. Но дядя Шура сначала спросил, хорошо ли мы ведём себя. Мы сказали, что хорошо.

— Маму слушаетесь?

— Слушаемся,— говорим.

— А учитесь как?

— Хорошо,— говорит Лика.

И я тоже сказал:

— Хорошо.

Тогда он подарил мне металлический конструктор, а Лике — строительные кубики.

Потом пришли тётя Лида и дядя Серёжа, потом тётя Надя и дядя Юра, и ещё тётя Нина. Все спрашивали меня, как я учусь. Я все говорил — хорошо, и все дарили мне подарки, так что под конец у меня собралась целая куча подарков. У Лики

тоже была целая куча подарков. И вот я сидел и смотрел на свои подарки, и постепенно у меня на душе сделалось грустно. Меня начала мучить совесть, потому что у меня по арифметике была двойка, а я всем говорил, что учусь хорошо. Я долго думал над этим и в конце концов дал сам себе обещание, что теперь возьмусь учиться как следует и тогда такие случаи уже никогда в жизни больше не будут повторяться. После того как я это решил, грусть моя стала понемногу проходить, и я постепенно развеселился.

Восьмого ноября тоже был праздник. Я побывал в гостях у многих ребят из нашего класса, и многие ребята побывали у нас. Мы только и делали, что играли в разные игры а вечером смотрели на стене картины от волшебного фонаря. Когда я ложился спать, то сложил все свои подарки возле своей кровати на стуле. Лика тоже сложила свои подарки на стуле, а под потолком над нами красовались два воздушных шарика, с которыми мы ходили на демонстрацию. Так приятно было смотреть на них!

На следующий день, когда я проснулся, то увидел, что воздушные шарики лежат на полу. Они сморщились и стали меньше. Лёгкий газ из них вышел, и они уже не могли больше взлетать кверху. А когда в этот день я вернулся из школы, то не знал, как сказать маме про двойку, но мама сама вспомнила про табель и велела показать ей. Я молча вытащил табель из сумки и отдал маме. Мама стала проверять, какие у меня отметки, и, конечно, сразу увидела двойку.

— Ну вот, так я и знала! — сказала она, нахмурившись. — Всё гулял да гулял, а теперь в четверти двойка. А всё почему? Потому что ничего слушать не хочешь! Сколько раз тебе говорилось, чтобы ты вовремя делал уроки, но тебе хоть говори, хоть нет — всё как об стенку горохом. Может быть, ты хочешь на второй год остаться?

Я сказал, что теперь буду учиться лучше и что теперь у меня двойки ни за что на свете не будет, но мама только усмехнулась в ответ. Видно было, что ничуть не поверила

моим обещаниям. Я просил маму подписать табель, но она сказала:

— Нет уж, пусть папа подпишет.

Это было хуже всего! Я надеялся, что мама подпишет табель и тогда можно будет не показывать его папе, а теперь мне предстояло ещё выслушивать упрёки папы. Настроение у меня стало такое плохое, что не хотелось даже делать уроки.

«Пускай,— думаю,— папа уж отругает меня, тогда я буду заниматься».

Наконец папа пришёл с работы. Я подождал, когда он пообедаст, потому что после обеда он всегда бывает добрей, и положил табель на стол так, чтоб папа его увидел. Папа скоро заметил, что на столе возле него лежит табель, и стал смотреть отметки.

— Ну вот, достукался! — сказал он, увидев двойку. — Неужели тебе перед товарищами не стыдно, а?

— Будто я один получаю двойки! — ответил я.

— У кого же ещё есть двойки?

— У Шишкина.

— Почему же ты берёшь пример с Шишкина? Ты бы брал пример с лучших учеников. Или Шишкин у вас такой авторитет?

— И совсем не авторитет, — сказал я.

— Вот ты и стал бы учиться лучше да ещё Шишкину помог. Неужели вам обоим нравится быть хуже других?

— Мне, — говорю, — вовсе не нравится. Я уже сам решил начать учиться лучше.

— Ты и раньше так говорил.

— Нет, раньше я так просто говорил, а теперь я решил твёрдо взяться.

— Что ж, посмотрим, какая у тебя твёрдость.

Папа подписал табель и больше ничего не сказал. Мне даже обидно стало, что он так мало укорял меня. Наверно, он решил, что со мной долго разговаривать нечего, раз я всегда только обещаю, а ничего не выполняю. Поэтому я решил на

этот раз доказать, что у меня есть твёрдость, и начать учиться как следует. Жаль только, что в этот день по арифметике ничего не было задано, а то бы я, наверно, задачу сам решил.

На другой день я спросил Шишкина:

— Ну как, досталось тебе от мамы за двойку?

— Досталось! И от тётки Зины досталось. Уж лучше б она молчала! У неё только одни слова: «Вот я за тебя возьмусь как следует!» А как она за меня возьмётся? Когда-то она сказала: «Вот я за тебя возьмусь: буду каждый вечер проверять, как ты сделал уроки». А сама раза два проверила, а потом записалась в драмкружок при клубе автозавода, и как только вечер — её и нету. «Я тебя, говорит, завтра проверю». И так каждый раз: завтра да завтра, а потом и совсем ничего. Потом вдруг: «Ну-ка, показывай тетрадки, отвечай, что на завтра задано». А у меня как раз ничего не сделано, потому что я уже отвык, чтоб меня проверяли. Словом, что ни вечер, то её дома нет. Если на занятия драмкружка не надо идти, то в театр пойдёт.

— Ей ведь надо в театр ходить, раз она в театральном училище учится,— сказал я.

— Это я понимаю,— говорит Шишкин.— Мама тоже на курсах повышения квалификации учится, да ещё работает, а не говорит же она: «Я за тебя возьмусь». Мама просто объяснит, что надо учиться, а если и накричит на меня, то я не обижаюсь. А на тётю Зину всегда буду обижаться, потому что если берёшься, то берись, а если не берёшься, то не берись. Я, может быть, жду, когда тётя Зина за меня возьмётся, и сам ничего не делаю. Такой у меня характер!

— Это ты просто вину с себя на другого перекладываешь,— сказал я.— Переменил бы характер.

— Вот ты бы и переменил. Будто ты лучше моего учишься!

— Я буду лучше учиться,— говорю я.

— Ну и я буду лучше,— ответил Шишкин.

Через несколько дней наш преподаватель физкультуры Григорий Иванович сказал, что спортивный зал у нас уже

оборудован для игры в баскетбол и кто желает, может записаться в баскетбольную команду. Ребята обрадовались и стали записываться. Мы с Шишкиным тоже, конечно, хотели записаться, но Григорий Иванович не записал нас.

— В баскетбольной команде может играть только тот, кто хорошо учится,— сказал он нам.

Шишкин очень расстроился. Он давно уже ждал, когда можно будет играть в баскетбол, и вот теперь, когда другие ребята будут играть, нам, как говорится, приходилось остаться за бортом. Я лично не очень огорчился, потому что решил начать учиться лучше и во что бы то ни стало добиться, чтоб меня приняли в баскетбольную команду.

В этот же день Ольга Николаевна сказала, что многие наши ребята уже подтянулись и стали учиться успешнее. Лучшее всего дело обстояло в первом звене. У них не было ни одной двойки, а троек было всего две. Ольга Николаевна сказала, что когда они исправят эти тройки, то звено выполнит своё обещание учиться только на пятёрки и четвёрки. Хуже всего дело обстояло в нашем звене, так как у нас были две двойки — моя и шишкинская.

Юра сказал:

— Вот! Мы с вами в хвосте оказались! Надо что-нибудь придумать, как из этого положения выпутаться.

— Это всё они, вот эти двое! — сказал Лёня Астафьев и показал на нас с Шишкиным.— Что ж это вы, а? Всё звено позорите! Все ребята стараются, а им хоть кол на голове теши, ничего не помогает! Ты, Малеев, почему плохо учишься?

Тут все на меня набросились:

— Ты что, не понимаешь, что надо учиться лучше?

— Не понимаю, о чём разговор! — сказал я.— Я уже сам решил учиться лучше, а тут снова-наново разговор происходит!

— Решил, так надо учиться! А у тебя какие отметки? — спросил Алик Сорокин.

— Так отметки у меня за прошлое, а решил я только позавчера,— говорю я.

— Эх, ты! Будто не мог раньше решить!

— Пойдите, ребята, не надо ссориться,— сказала Ольга Николаевна.— Отстающим надо помочь. В вашем звене есть хорошие ученики. Надо выделить кого-нибудь в помощь Косте Шишкину и Вите Малееву.

— Можно мне помогать Малееву? — спросил Ваня Пахомов.

— А я буду помогать Шишкину,— сказал Алик Сорокин.— Можно?

— Конечно, можно,— сказала Ольга Николаевна.— Это очень хорошо, что вы хотите помочь товарищам. Но Витя и Костя сами должны побольше работать. Ты, Витя, наверно, если не можешь решить задачку, так сейчас же спрашиваешь папу или маму?

— Нет,— говорю я.— Я теперь папу никогда не спрашиваю. Зачем я буду отрывать его от работы? Я просто иду к товарищу и спрашиваю.

— Ну, это всё равно. Я хочу сказать, что нужно самому добиваться. Если посидишь над задачей как следует да разберёшься сам, то кое-чему научишься, а если каждый раз за тебя задачи будет кто-нибудь другой делать, то сам их решать ты никогда не научишься. Для того и задают задачи, чтоб ученик приучался самостоятельно думать.

— Хорошо,— говорю я.— Теперь я буду сам.

— Вот-вот, постарайся. Только в крайнем случае, если увидишь, что задачи тебе не осилить, обращай за помощью к товарищу или ко мне.

— Нет,— говорю я.— Мне кажется, теперь я осилю сам, а уж если никак не осилю, тогда пойду к Ване.

— Если желание будет, то осилишь,— сказала Ольга Николаевна.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Пришёл я домой и сразу взялся за дело. Такая решимость меня одолела, что я даже сам удивился. Сначала я задумал сделать самые трудные уроки, как Ольга Николаевна нас учила, а потом взяться за то, что полегче. Как раз в этот день была задана задачка по арифметике. Недолго думая я раскрыл задачник и принялся читать задачу:

«В магазине было 8 пил, а топоров в три раза больше. Одной бригаде плотников продали половину топоров и три пилы за 84 рубля. Оставшиеся топоры и пилы продали другой бригаде плотников за 100 рублей. Сколько стоит один топор и одна пила?»

Сначала я совсем ничего не понял, и начал читать задачу во второй раз, потом в третий... Постепенно я понял, что тот, кто составляет задачи, нарочно запутывает их, чтобы ученики не могли сразу решить. Написано: «В магазине было 8 пил, а топоров в три раза больше». Ну и написали бы просто, что топоров было 24 штуки. Ведь если пил было 8, а топоров было в три раза больше, то каждому ясно, что топоров было 24. Нечего тут и огород городить! И ещё: «Одной бригаде плотников продали половину топоров и 3 пилы за 84 рубля». Сказали бы просто: «Продали 12 топоров». Будто не ясно, раз топоров было 24, то половина будет 12. И вот всё это продали, значит, за 84 рубля. Дальше опять говорится, что оставшиеся пилы и топоры продали другой бригаде плотников за 100 рублей. Какие это оставшиеся? Будто нельзя сказать по-человечески? Если всего было 24 топора, а продали 12, то и осталось, значит, 12. А пил было всего-навсего 8; 3 продали одной бригаде, значит, другой бригаде продали 5. Так бы и написали, а то запутают, запутают, а потом небось говорят, что ребята бестолковые — не умеют задачи решать!

Я переписал задачу по-своему, чтоб она выглядела попроще, и вот что у меня получилось:

«В магазине было 8 пил и 24 топора. Одной бригаде плотников продали 12 топоров и 3 пилы за 84 рубля. Другой

бригаде плотников продали 12 топоров и 5 пил за 100 рублей. Сколько стоит одна пила и один топор?»

Переписав задачу, я снова прочитал её и увидел, что она стала немножечко короче, но всё-таки я не мог додуматься, как её сделать, потому что цифры путались у меня в голове и мешали мне думать. Я решил как-нибудь подсократить задачу, чтоб в ней было поменьше цифр. Ведь совершенно неважно, сколько было в магазине этих самых пил и топоров, если в конце концов их все продали. Я сократил задачу, и она получилась вот такая:

«Одной бригаде продали 12 топоров и 3 пилы за 84 рубля. Другой бригаде продали 12 топоров и 5 пил за 100 рублей. Сколько стоит один топор и одна пила?»

Задача стала короче, и я стал думать, как бы её ещё сократить. Ведь неважно, кому продали эти пилы и топоры. Важно только, за сколько продали. Я подумал, подумал — и задача получилась такая:

«12 топоров и 3 пилы стоят 84 рубля.

12 топоров и 5 пил стоял 100 рублей.

Сколько стоит один топор и одна пила?»

Сокращать было больше нельзя, и я стал думать, как решить задачу. Сначала я подумал, что если 12 топоров и 3 пилы стоят 84 рубля, то надо сложить все топоры и пилы вместе и 84 поделить на то, что получилось. Я сложил 12 топоров и 3 пилы, получилось 15. Тогда я стал делить 84 на 15, но у меня не поделилось, потому что получился остаток. Я понял, что произошла какая-то ошибка, и стал искать другой выход. Другой выход нашёлся такой: я сложил 12 топоров и 5 пил, получилось 17, и тогда я стал делить 100 на 17, но у меня опять получился остаток. Тогда я сложил все 24 топора между собой и прибавил к ним 8 пил, а рубли тоже сложил между собой и стал делить рубли на топоры с пилами, но деление всё равно не вышло. Тогда я стал отнимать пилы от топоров, а деньги делить на то, что получилось, но всё равно у меня ничего не получилось. Потом я ещё пробовал складывать меж-

ду собой пилы и топоры по отдельности, а потом отнимать топоры от денег, и то, что осталось, делить на пилы, и чего я только ни делал, никакого толку не выходило. Тогда я взял задачу и пошёл к Ване Пахомову.

— Слушай,— говорю,— Ваня, 12 топоров и 3 пилы вместе стоят 84 рубля, а 12 топоров и 5 пил стоят 100 рублей. Сколько стоит один топор и одна пила? Как, по-твоему, нужно сделать задачу?

— А как ты думаешь?— спрашивает он.

— Я думаю, нужно сложить 12 топоров и 3 пилы и 84 поделить на 15.

— Постой! Зачем тебе складывать пилы и топоры?

— Ну, я узнаю, сколько было всего, потом 84 разделю на сколько всего и узнаю, сколько стоила одна.

— Что — одна? Одна пила или один топор?

— Пила,— говорю,— или топор.

— Тогда получится, что они стоили одинаково.

— А они разве не одинаково?

— Конечно, не одинаково. Ведь в задаче не говорится, что они стоили поровну. Наоборот, спрашивается, сколько стоит топор и сколько пила отдельно. Значит, мы не имеем права их складывать.

— Да их,— говорю,— хоть складывай, хоть не складывай, всё равно ничего не выходит.

— Вот поэтому и не выходит.

— Что же делать?— спрашиваю я.

— А ты подумай.

— Да я уже два часа думал!

— Ну, присмотришь к задаче,— говорит Ваня.— Что ты видишь?

— Вижу,— говорю,— что 12 топоров и 3 пилы стоят 84 рубля, а 12 топоров и 5 пил стоят 100 рублей.

— Ну, ты замечаешь, что в первый раз и во второй топоров куплено одинаковое количество, а пил на две больше?

— Замечаю,— говорю я.

— А замечаешь, что во второй раз уплатили на 16 рублей дороже?

— Тоже замечаю. В первый раз уплатили 84 рубля, а во второй раз — 100 рублей, 100 минус 84, будет 16.

— А как ты думаешь, почему во второй раз уплатили на 16 рублей больше?

— Это каждому ясно,— ответил я,— купили 2 лишние пилы, вот и пришлось уплатить лишних 16 рублей.

— Значит, 16 рублей заплатили за две пилы?

— Да,— говорю,— за две.

— Сколько же стоит одна пила?

— Раз две 16, то одна,— говорю,— 8.

— Вот ты и узнал, сколько стоит одна пила.

— Тьфу!— говорю.— Совсем простая задача! Как это я сам не догадался?!

— Постой, тебе ещё надо узнать, сколько стоит топор.

— Ну, это уж пустяк,— говорю я.— 12 топоров и 3 пилы стоят 84 рубля. 3 пилы стоят 24 рубля. 84 минус 24, будет 60. Значит, 12 топоров стоят 60 рублей, а один топор — 60 поделить на 12, будет 5 рублей.

Я пошёл домой, и очень мне было досадно, что я не сделал эту задачу сам. Но я решил в следующий раз обязательно сам сделать задачу. Хоть пять часов буду сидеть, а сделаю.

На следующий день нам по арифметике ничего не было задано, и я был рад, потому что это не такое уж большое удовольствие задачи решать.

«Ничего,— думаю,— хоть один день отдохну от арифметики».

Но всё вышло совсем не так, как я думал. Только я сел за уроки, вдруг Лика говорит:

— Витя, нам тут задачу задали, я никак не могу решить. Помоги мне.

Я только поглядел на задачу и думаю:

«Вот будет история, если я не смогу решить! Сразу весь авторитет пропадёт».

И говорю ей:

— Мне сейчас очень некогда. У меня тут своих уроков полно. Ты поди погуляй часика два, а потом придёшь, я помогу тебе. Думаю:

«Пока она будет гулять, я тут над задачей подумаю, а потом объясню ей».

— Ну, я пойду к подруге,— говорит Лика.

— Иди, иди,— говорю,— только не приходи слишком скоро. Часа два можешь гулять или три. В общем, гуляй сколько хочешь.

Она ушла, а я взял задачник и стал читать задачу:

«Мальчик и девочка рвали в лесу орехи. Они сорвали всего 120 штук. Девочка сорвала в два раза меньше мальчика. Сколько орехов было у мальчика и девочки?»

Прочитал я задачу, и даже смех разобрал: «Вот так задача! — думаю.— Чего тут не понимать? Ясно, 120 надо поделить на 2, получится 60. Значит, девочка сорвала 60 орехов. Теперь нужно узнать, сколько мальчик: 120 отнять 60, тоже будет 60... Только как же это так? Получается, что они сорвали поровну, а в задаче сказано, что девочка сорвала в два раза меньше орехов. Ага!— думаю.— Значит, 60 надо поделить на 2, получится 30. Значит, мальчик сорвал 60, а девочка 30 орехов». Посмотрел в ответ, а там: мальчик 80, а девочка 40.

— Позвольте!— говорю.— Как же это? У меня получается 30 и 60, а тут 40 и 80.

Стал проверять — всего сорвали 120 орехов. Если мальчик сорвал 60, а девочка 30, то всего получается 90. Значит, неправильно! Снова стал делать задачу. Опять у меня получается 30 и 60! Откуда же в ответе берутся 40 и 80? Прямо заколдованный круг получается!

Вот тут-то я и задумался. Читал задачу раз десять подряд и никак не мог найти, в чём здесь загвоздка.

«Ну,— думаю,—это третьеклассникам задают такие задачи, что и четвероклассник не может решить! Как же они учатся, бедные?»

Стал я думать над этой задачей. Стыдно мне было не решить её. Вот, скажет Лика, в четвёртом классе, а для третьего класса задачу не смог решить! Стал я думать ещё усиленнее. Ничего не выходит. Прямо затмение на меня нашло! Сижу и не знаю, что делать. В задаче говорится, что всего орехов было 120, и вот надо разделить их так, чтоб у одного было в два раза больше, чем у другого. Если б тут были какие-нибудь другие цифры, то ещё можно было бы что-нибудь придумать, а тут сколько ни дели 120 на 2, сколько ни отнимай 2 от 120, сколько ни умножай 120 на 2, всё равно 40 и 80 не получится.

С отчаяния я нарисовал в тетрадке ореховое дерево, а под деревом мальчика и девочку, а на дереве 120 орехов. И вот я рисовал эти орехи, рисовал, а сам всё думал и думал. Только мысли мои куда-то не туда шли, куда надо. Сначала я думал, почему мальчик нарвал вдвое больше, а потом догадался, что мальчик, наверно, на дерево залез, а девочка снизу рвала, вот у неё и получилось меньше. Потом я стал рвать орехи, то есть просто стирал их резинкой с дерева и отдавал мальчику и девочке, то есть пририсовывал орехи у них над головой. Потом я стал думать, что они складывали орехи в карманы. Мальчик был в курточке, я нарисовал ему по бокам два кармана, а девочка была в передничке. Я на этом передничке нарисовал один карман. Тогда я стал думать, что, может быть, девочка нарвала орехов меньше потому, что у неё был только один карман. И вот я сидел и смотрел на них: у мальчика два кармана, у девочки один карман, и у меня в голове стали появляться какие-то проблески. Я стёр орехи у них над головами и нарисовал им карманы, оттопыренные, будто в них лежали орехи. Все 120 орехов теперь лежали у них в трёх карманах: в двух карманах у мальчика и в одном кармане у девочки, а всего, значит, в трёх.

И вдруг у меня в голове, будто молния, блеснула мысль: «Все 120 орехов надо делить на три части! Девочка возьмёт

себе одну часть, а две части останутся мальчику, вот и будет у него вдвое больше!» Я быстро поделил 120 на 3, получилось 40. Значит, одна часть 40. Это у девочки было 40 орехов, а у мальчика две части. Значит, 40 помножить на 2, будет 80! Точно как в ответе.

Я чуть не подпрыгнул от радости и скорей побежал к Ване Пахомову, чтоб рассказать ему, как я сам додумался решить задачу.

Выбегаю на улицу, смотрю — идёт Шишкин.

— Слушай,— говорю,— Костя, мальчик и девочка рвали в лесу орехи, нарвали 120 штук, мальчик взял себе вдвое больше, чем девочка. Что делать, по-твоему?

— Надавать,— говорит,— ему по шее, чтоб не обижал девочек!

— Да я не про то спрашиваю! Как им разделить, чтоб у него было вдвое?

— Пусть делят, как сами хотят. Чего ты ко мне пристал! Пусть поровну делят.

— Да нельзя поровну. Это задача такая.

— Какая ещё задача?

— Ну, задача по арифметике.

— Тьфу!— говорит Шишкин.— У меня морская свинка подохла, я её только позавчера купил, а он тут с задачами лезет!

— Ну, прости,— говорю,— я не знал, что у тебя такое горе.

И побежал дальше.

Прибегаю к Ване.

— Слушай,— говорю,— вот какая задача мудрёная: мальчик и девочка сорвали 120 орехов. Мальчик взял себе вдвое больше. Надо делить на три части. Правильно я догадался?

— Правильно,— говорит Ваня.— Одну часть возьмёт девочка, две части — мальчик, вот у него и будет вдвое больше.

— Это я сам догадался,— говорю я.— Понимаешь, замудрили задачу, думали, никто не догадается, а я всё-таки догадался.

— Ну молодец!

— Теперь я всегда буду сам задачи решать,— сказал я.

— Постарайся. Самому всегда лучше: больше толку,— говорит Ваня.

Побежал я обратно домой.

Вдруг навстречу Юра Касаткин.

— Слушай, Юра,— говорю я.— Один мальчик и одна девочка рвали в лесу орехи...

— Да ну тебя с твоими орехами! Ты лучше скажи, почему ты не занимаешься, а всё по улицам бегаешь?

— Я занимаюсь, честное слово!

— Ты это оставь! Весь класс назад тянешь! Ты и ещё этот твой Шишкин.

— Честное слово, я занимаюсь, а у Шишкина морская свинка сдохла. А ты куда идёшь?

— Я шёл к тебе, хотел посмотреть, как ты занимаешься, а тебя дома нет, вот я и вижу, как ты уроки делаешь.

— Ну, честное-пречестное слово, я делал задачу, а она у меня вышла, и я только на минуточку пошёл к Ване, чтоб рассказать. Вот идём ко мне, посмотришь.

Мы пошли ко мне, и я стал показывать ему задачу про мальчика и девочку.

— Да ведь это для третьего класса задача!— говорит Юра.

— А это я нарочно повторяю прошлогодние задачи,— говорю я.— В прошлом году я неважно по арифметике учился, вот и хочу теперь наверстать.

— Это ты хорошо придумал. Будешь знать предыдущее, дальше легче будет учиться.

Юра ушёл. Скоро вернулась Лика, я сейчас же принялся объяснять ей задачу. Нарисовал дерево с орехами, и мальчика с двумя карманами, и девочку с одним карманом.

— Вот,— говорит Лика,— как ты хорошо объясняешь! Я сама ни за что не догадалась бы!

— Ну, это пустяковая задача. Когда тебе надо, ты мне говори, я тебе всё объясню в два счёта.

И вот я как-то совсем неожиданно из одного человека превратился совсем в другого. Раньше мне самому помогали, а теперь я сам мог других учить. И главное, у меня ведь по арифметике была двойка!

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

На другой день, когда я проснулся, то увидел в окно, что уже наступила зима. На дворе выпал снег. Всё побелело вокруг: и земля и крыши, а деревья стояли как кружевные — все веточки облепило снегом. Я хотел сейчас же пойти покататься на конёчках, которые подарила мне мама, но нужно было идти в школу, а после школы я сначала засел за уроки, а потом стал делать задачи по Ликиному задачнику. Я задумал перерешать все задачи для третьего класса. Там было много простых задач, и я щёлкал их, как будто семечки, но попадались и такие, над которыми приходилось ломать голову. Только это теперь меня не пугало. Я поставил себе за правило не двигаться дальше, пока не решу задачи. Конечно, я в один день не решил все задачи, а сидел над ними недели две или три. На коньках я ходил кататься только по вечерам, когда становилось совсем темно. Зато когда я перерешал все задачи для третьего класса, то я очень поумнел и уже мог без посторонней помощи решать задачи для четвёртого класса, которые задавала нам Ольга Николаевна. В задачнике для четвёртого класса было много задач, которые были похожи на задачи для третьего класса, только они были посложнее, но теперь я уже умел распутывать сложные задачи. Мне даже интереснее было решать те задачи, которые посложней. Я уже не боялся арифметики, как раньше. С меня как будто свали-

лась какая-то тяжесть, и жить мне стало легко. Ольга Николаевна была довольна моими успехами и ставила мне хорошие отметки. Ребята больше не упрекали меня. И мама и папа были рады, что я стал хорошо учиться. Меня приняли в баскетбольную команду, и я через день тренировался с ребятами по два часа. А когда тренировки не было, я катался на коньках, ходил на лыжах, играл с ребятами в хоккей — было что делать.

А Шишкин, вместо того чтобы взяться как следует за учёбу, купил разных морских свинок, белых крыс, черепах. Одних ежей у него было три штуки! И он с ними по целым дням возился, кормил их, ухаживал за ними, а они у него часто болели идохли. И ещё он достал где-то Лобзика. Этот Лобзик был обыкновенный бездомный щенок, то есть если сказать по правде, то совсем не щенок, а уже довольно большая собака, но ещё, видно, молодая, не совсем ещё взрослая: мохнатая такая, чёрного цвета, и уши у неё висели, как лопухи. Он её встретил где-то на улице и поманил за собой, и привёл домой, и выдумал ей имя «Лобзик», хотя Лобзик — это совсем неподходящее для собаки имя, потому что лобзик — это такая маленькая пилочка для выпиливания по дереву. Но Шишкин не знал, что такое лобзик, и вообразил, будто это собачье имя.

Понятно, что со всеми этими делами Шишкину вовсе не до занятий было, и он садился делать уроки после того, как мама раз двадцать напомнит. Вот мать придёт с работы и спросит:

— Ты уроки сделал?

— Нет ещё. Сейчас буду делать.

— Садись сейчас же.

— Сейчас, сейчас, мамочка, вот только покормлю черепаху.

Мать займётся своими делами, а он покормит черепаху, потом вспомнит, что хотел смастерить клетку для морской свинки, и начнёт возиться с клеткой. Через некоторое время мать опять скажет:

— Когда же ты будешь делать уроки?

— Сейчас.

— Когда же «сейчас»? Ты всё время говоришь «сейчас», а сам ни с места.

— Ну сейчас! Надо же клетку сделать.

— Клетку? Да тут тебе на три дня работы! Прекрати это и садись делать уроки.

— Ладно,— с сожалением говорит Шишкин.— Завтра клетку доделаю. Сейчас только принесу ежам водички и буду делать уроки.

Он берёт кружку и отправляется за водой для ежей. Потом начинает проверять, есть ли вода у других животных. Потом обнаруживается, что один из ежей куда-то исчез, и Шишкин начинает искать его по всему дому. Через полчаса мать опять про уроки спросит.

— Сейчас,— говорит Шишкин.— Вот только найду ежа. Ёж куда-то запропастился.

И так всё время. То одно, то другое, то третье. Если мать уйдёт на занятия, он и не думает за уроки взяться, а ждёт, когда время придёт уже ложиться спать, тогда он только начинает что-нибудь делать. Конечно, у него всё получалось на скорую руку, кое-как, он ничего не выучивал как следует, но всё-таки умудрялся получать как-то тройки, иногда даже четвёрки. Впрочем, это бывало редко. Больше всего он боялся русского языка и почти всегда выезжал на подсказке. Правда, никакой пользы ему от этой подсказки не было. Когда в классе должны были писать диктант или сочинение, то Шишкин заранее был уверен, что напишет на двойку, и решил в такие дни совсем не приходить в школу. И вот однажды, когда Ольга Николаевна сказала, что завтра мы будем писать диктант, Шишкин на следующее утро притворился больным и сказал маме, что у него болит голова. Мама разрешила ему не ходить в этот день в школу и сказала, что позовёт врача, как только вернётся с работы. Но, когда она вернулась, Шишкин сказал, что голова у него уже

не болит, так что никакого врача не нужно было вызывать. Мама написала в школу записку, что Костя пропустил по болезни, и всё обошлось благополучно. В другой раз, когда мы в классе должны были писать сочинение Шишкин снова придумал, что у него болит голова, и мама опять разрешила ему не ходить в школу, но, когда она вернулась с работы, ей показалось странным, что Костя и на этот раз быстро выздоровел. Но тогда она ещё ни о чём не догадалась и снова написала в школу записку, что он был болен. Когда же это случилось в третий раз, она стала догадываться, что Костя её обманывает, чтобы не ходить в школу. Костя сначала не признавался, но мама сказала, что сама пойдёт в школу и выяснит, в чём дело. Костя увидел, что мать всё равно своего добьётся и во всём ей признался.

Когда мама услышала, что он всё это придумывал для того, чтобы увиливать от занятий, она страшно рассердилась. Это случилось как раз в тот день, когда Шишкин привёл домой Лобзика. Мама всегда сердилась на Костю за то, что он приносит домой разных животных и возится с ними, вместо того чтоб делать уроки. Поэтому Костя заранее спрятал Лобзика в чулане, чтоб мама не заметила его сразу. И вот, как раз когда Костя признался и мама рассердилась, Лобзик вылез из чулана и пришёл прямо в комнату.

— А это ещё что такое?— закричала мама, увидев Лобзика.

— Это ничего... Это так просто, собака,— пролепетал Шишкин.

— Собака?— закричала мама.— Сейчас же прогони её! Развёл целый зверинец в доме! Только и делаешь, что с разными зверями возишься, заниматься совсем не хочешь! Сейчас же уноси всех зверей отсюда! И крыс, и мышей, и ежей — всех уноси! И собаку эту гони, довольно я с тобой намучилась.

Нечего делать, Костя со слезами на глазах пошёл раздавать своих зверей знакомым ребятам и раздал всех, только одного

ежа у него никто не хотел брать. Тогда он пришёл с этим ежом ко мне и рассказал, что у него произошло дома. Я тоже не хотел брать ежа, потому что мыши, которых он нам подарил, расплодились во множестве, и несколько мышей поселились в комоде, к тому же этот ёж был какой-то вялый, наверно, больной. Но Шишкин сказал, что ёж совсем не больной, а находится в оцепенении, так как ежи обычно погружаются на зиму в спячку и вот этот ёж, значит, тоже уже погружался в спячку. Тогда я согласился взять ежа, а Шишкин сказал, что весной, когда ёж пробудится от спячки, он заберёт его обратно к себе.

Только Лобзика Костя не хотел никому отдавать и решил спрятать его от мамы на чердаке. Он устроил ему подстилку на дымоходе, а чтоб Лобзик не убежал, привязал его за ошейник верёвкой к стропилу. На чердаке было холодно, но дымоход был тёплый, и Лобзик не очень мёрз, хотя если сказать по правде, то ему иногда сильно доставалось и от жары и от холода в одно и то же время. В сильный мороз дымоход почему-то всегда был очень горячий, поэтому с одной стороны Лобзика пробирал холод, а с другой стороны он поджаривался как будто на сковородке. Костя очень беспокоился, как бы Лобзик не отморозил себе уши или не схватил воспаление лёгких. Он тайком приносил Лобзику на чердак еду и сам пропадал на чердаке всё свободное время, чтобы Лобзику не было скучно. Когда мамы не было дома, он приводил Лобзика домой и играл с ним, а к тому времени, когда мама должна была прийти с работы, уводил его обратно на чердак. Сначала всё шло хорошо, но однажды он забыл увести Лобзика из дому вовремя или, может быть, мама вернулась с работы раньше обычного, не знаю точно, только Шишкин, как говорится, попался на месте преступления. Мама увидела Лобзика.

— Опять эта собака здесь!— закричала она.— Так вот почему у тебя не хватает времени заниматься! Я ведь тебе велела прогнать её, а ты снова привёл!

Тут Шишкин признался, что не послушался маму и Лобзик всё это время жил у него на чердаке, а он заботился о нём и кормил его, потому что он его очень любит и не может выгнать его на мороз, так как Лобзик совсем одинокий, бездомный пёс.

— Если бы ты стал делать уроки исправнее, я разрешила бы тебе оставить Лобзика. Но ты ведь ничего слушать не хочешь!— сказала мама.

— Как же я могу делать уроки?— ответил Шишкин.— Я вот сяду заниматься, а сам думаю, как там Лобзик на чердаке сидит. Ему небось одному скучно. Вот мне и не лезут уроки в голову.

Тогда мама сжалилась над ним и сказала:

— Если обещаешь выполнять аккуратно все уроки днём после школы, то, так и быть, разрешу оставить тебе эту собаку.

Костя сказал, что обещает.

— Посмотрим, как ты сдержишь своё обещание,— сказала мама.— Я теперь буду проверять тебя ежедневно после работы.

Обо всём этом мне рассказал Костя, когда мы возвращались на другой день из школы.

— Зайдём ко мне, посмотришь, как я буду дрессировать Лобзика,— предложил Костя.— Увидишь, какой это умный пёс. Он уже умеет палку в зубах держать.

— По-моему, для того чтоб держать палку в зубах, большого ума не надо,— ответил я.

— Смотря для кого,— говорит Шишкин.— Тебе, конечно, для того чтоб держать палку в зубах, совсем не надо ума, а Лобзику надо.

Пришли мы к нему. Шишкин достал из буфета сахарницу и позвал Лобзика. Лобзик увидел сахарницу, подскочил и весело замахал хвостом. Видно было, что этот предмет ему уже хорошо знаком. Костя сунул ему под нос палку и сказал:

— Вот поддержи палку, получишь сахару.

Лобзик отвернулся от палки и покосился на сахарницу.

— Да ты не смотри на сахарницу, держи, говорят тебе, палку!— прикрикнул Костя.

Лобзик всё-таки не хотел брать палку. Тогда Костя насильно раскрыл ему пасть и сунул в неё палку, но, как только он отпустил руки, Лобзик разжал зубы, и палка упала на пол.

— Ну вот, уже забыл, чему я его вчера учил!— проворчал Костя.— Придётся теперь повторять всё сначала.

Он снова сунул палку в пасть Лобзику, а мне велел держать Лобзика за нос так, чтоб он не мог раскрыть рот. Таким образом Лобзик подержал во рту некоторое время палку, а мы дали ему за это кусок сахара. Это упражнение мы проделали несколько раз. Лобзик постепенно понял, что после того, как он подержит в зубах палку, ему дадут сахару, и стал держать палку в зубах сам, без посторонней помощи. Правда, он норовил поскорей бросить палку и получить сахар, но тогда Костя не давал ему сахару и снова заставлял держать палку.

Домой в этот день я вернулся поздно и увидел, что нарушил весь свой режим. Я решил, что летом, когда наступят каникулы, тоже заведу себе собаку и займусь дрессировкой, а сейчас, пока идут занятия, этого делать не стоит, так как дрессировка отнимает очень много времени. Я только начал учиться по арифметике как следует и вдруг опять стану получать двойки. В первую очередь нужно самому учиться, а потом уже можно учить собак.

А Шишкин всё свободное время возился с Лобзиком и выучил его не только держать палку в зубах, но и таскать её за собой. Правда, всё это Лобзик делал не даром, а за сахар, но трудился очень усердно. За какой-нибудь маленький кусочек сахару он мог тащить палку или даже целое полено как отсюда до Вокзального переулкa.

Шишкин говорил, что выучит Лобзика не только этому, но и многому другому, только больше пока ничему не научил,

потому что ему надоело, и вообще он долго не любил заниматься одним делом, а перескакивал с одного на другое и ничего не доводил до конца.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Мы давно уже собирались пойти всем классом в цирк. Володя сказал, что купит на всех билеты, и мы с нетерпением ждали этого дня. Мы уже несколько раз ходили всем классом в кино, но в цирке ещё ни разу не были. Я лично давно в цирке не был, а Шишкин был так давно, что совсем почти ничего не помнил. Помнил только, что там были какие-то звери, не то львы, не то тигры, или, может быть, лошади, и больше ничего не помнил. Он тогда был ещё совсем маленьким. Особенно нам хотелось посмотреть мотоциклиста, который ездил внутри шара из металлических прутьев. Мы давно уже видели расклеенные по городу афиши и слышали рассказы от тех, кто видел этого мотоциклиста. В огромный шар, сделанный из крепких металлических прутьев, влезает мотоциклист и начинает ездить внутри этого шара на мотоцикле. И вот нижняя половина шара отделяется от верхней и опускается вниз. Мотоциклист остаётся в верхней половине шара и продолжает ездить. Самое удивительное было то, что мотоциклист не вываливался из этой половины шара, хотя она и висела в воздухе вверх дном. Говорили, будто, когда мотоциклист мчится внутри шара с огромной скоростью, получается какая-то центробежная сила, которая прижимает мотоцикл к шару и не позволяет ему упасть вниз. Но если скорость мотоцикла уменьшится, центробежная сила пропадёт и мотоцикл упадёт вниз.

Некоторые ребята говорили, что всех не возьмут в цирк, потому что Володя не сможет достать на всех билеты, а возьмут только круглых отличников. Другие говорили, что возьмут всех, только Шишкина не возьмут. Третьи говорили,

что совсем никого не возьмут, потому что билеты, наверно, давно уже проданы.

Наконец билеты были куплены, и мы все пошли в цирк, даже Шишкин пошёл. Явились мы задолго до начала представления, но это ничего: лучше прийти немножко раньше, чем опоздать, потому что тебя тогда совсем не пустят. Мы уселись на свои места и принялись рассматривать арену, покрытую огромным ковром. Над нашими головами были протянуты какие-то канаты. Вверху, под куполом цирка, висели трапеции, кольца, верёвочные лестницы и другие разные приспособления. Огромное здание цирка постепенно наполнялось народом, так что наконец мне даже стало казаться, что весь город собрался здесь. Я решил сосчитать, сколько в цирке народу, досчитал до двухсот тридцати, сбился и начал сначала. В это время зажглись десятки огромных ламп, и в цирке стало светло, как днём. Всё как будто ожило, стало нарядным и праздничным. Огромная толпа зрителей запестрела разнообразными красками. Я думал, что до начала представления ещё далеко, и принялся разглядывать публику, но тут торжественно зазвенели литавры, посыпалась звонкая барабанная дробь, запиликали скрипки, закричали трубы, и... вдруг на арену выбежало множество акробатов. Они принялись прыгать и кувыркаться, подкидывать друг друга руками и ловить за ноги и ходить колесом. И так у них всё ловко получалось, что каждому, кто сидел в цирке, тоже хотелось выскочить на арену и начать кувыркаться вместе с акробатами. Я тоже уже вскочил, чтоб бежать на арену, но меня удержала Ольга Николаевна и сказала, чтоб я сел, потому что мешаю другим смотреть. Я увидел, что никто не бежит на арену, и сел на место. Но всё-таки я не мог усидеть спокойно, глядя на этих прыгунов-акробатов. Я готов был смотреть на них хоть весь вечер, но они скоро убежали, а вместо них стал выступать дрессировщик с дрессированными медведями. И вот какие ловкие оказались мишки! Они ходили по канату, качались на качелях, катились на бочках: бочка катится, а мишка стоит на ней

во весь рост и перебирает лапами. А два медведя даже на велосипедах катались.

После медведей выступали эквилибристы. Они легли на землю, ноги подняли кверху и стали подбрасывать ногами какие-то разноцветные деревянные тумбы. Они крутили их, вертели, перебрасывали ногами друг другу. Иной человек руками того не сделает, что они вытворяли ногами.

Потом выступали дрессированные собачки. Они прыгали, кувыркались, ходили на задних лапках, возили друг дружку в колясочках, играли в футбол. А одна собака была такая храбрая! Её подняли вверх, под самый купол цирка, и она прыгнула оттуда с парашютом. Потом дрессировщица сказала, что покажет собаку, которая умеет считать. И вот принесли стул, посадили на него маленькую чёрненькую собачку. Дрессировщица поставила перед ней три деревянные чурки и велела считать. Мы думали, как же собака будет считать,— ведь не может же она разговаривать. Но собака стала лаять и пролаяла ровно три раза. Публика обрадовалась и стала хлопать в ладоши. Дрессировщица похвалила собаку, дала ей кусочек сахара, потом поставила перед ней пять чурок и снова сказала:

— Считай!

Собака пролаяла пять раз.

Потом дрессировщица стала показывать ей цифры, написанные на картонных табличках. Собака каждый раз отвечала правильно.

Потом дрессировщица стала спрашивать:

— Сколько будет дважды два?

Собака пролаяла четыре раза.

— Сколько будет три плюс четыре?

Собака пролаяла семь раз.

— Сколько будет десять отнять четыре?

Собака пролаяла шесть раз.

Мы сидели и удивлялись: даже складывать и вычитать собака умела!

Ещё выступали жонглёры. Они жонглировали тарелками и

другими разными вещами, то есть подбрасывали их и ловили руками. Один подбрасывал сразу четыре тарелки, и другой — четыре тарелки. Потом стали швырять эти тарелки друг другу. И так это ловко у них получалось! Первый бросает второму, а второй в это же время первому, так что тарелки всё время летят от одного человека к другому. И ни одной тарелки не разбили!

И ещё там в цирке был клоун в голубых брюках, рыжем пиджаке и зелёной шляпе, и нос у него был красный-прекрасный. Он вовсе не был артистом, но делал то же, что и артисты, только гораздо хуже. После жонглёров он тоже вышел, принёс три полена и стал ими жонглировать. Но кончилось это плохо: он треснул сам себя поленом по голове и ушёл. После медведей, которые катались на велосипедах, он тоже выехал на велосипеде, но тут же наехал на барьер, и весь его велосипед рассыпался на кусочки. А когда выступали наездники на лошадях, он стал просить, чтобы ему дали лошадь. Только он боялся свалиться с неё и попросил, чтоб его привязали канатом. И вот сверху спустили канат и привязали его позади за пояс. Тогда он стал взбираться на лошадь по хвосту, но лошадь брыкалась. Он хотел побежать за лестницей, чтоб взобраться на лошадь по лестнице, но не смог, так как был сзади канатом привязан. Тогда он стал просить наездника, чтобы он посадил его на лошадь. Наездник стал подсаживать его, но он никак не мог вскарабкаться.

— Ну, садись же! Садись на лошадь! — кричал наездник и изо всех сил толкал его снизу, а он, вместо того чтоб сесть на лошадь, как-то умудрился сесть на наездника.

И вот наездник бегаёт по всему цирку, а этот чудаков в рыжем пиджаке на нём верхом сидит. Наездник кричит:

— Я ведь тебе говорил — садись на лошадь, а ты куда сел? Ты мне на шею сел!

Наконец его сняли с наездника и посадили на лошадь. Лошадь поскакала, а он свалился с неё, но не упал на землю, а принялся летать по цирку, расставив руки и ноги, потому что

был сверху к канату привязан. Словом, это был такой человек: он всё пытался делать, но ничего у него не выходило. Он только людей даром смешил! Умора!

Самым последним номером был «Шар смелости». Во время перерыва мы никуда не ходили, а сидели на своих местах и видели все приготовления. Сначала внизу собрали из отдельных частей верхнюю половину шара. Она была такая громадная, что под ней свободно могло бы поместиться человек двадцать и ещё, наверно, место осталось бы. Потом верхнюю половину шара подняли кверху, под купол цирка, а внизу собрали такую же огромную нижнюю половину шара. В неё положили два мотоцикла и два велосипеда и всё это подняли вверх, где нижняя половина соединилась с верхней. Внизу шара имелся люк, и из люка вниз спускалась верёвочная лестница.

Перерыв кончился. Публика снова уселась на свои места. Снова зажёгся яркий свет, и на арену вышли мотоциклисты. Они были одеты в голубые комбинезоны, на головах у них были надеты круглые шлемы, как у лётчиков. Их было трое: двое мужчин и одна женщина. Они остановились у края арены, и публика приветствовала их громкими аплодисментами. Заиграла музыка, и вот они, гордые и смелые, с высоко поднятыми головами, стали подниматься по лестнице вверх. Один за другим они пролезли в люк и очутились внутри шара. Потом они закрыли люк изнутри крышкой и стали ездить внутри шара на велосипедах. Пока велосипед ездил с небольшой скоростью, он описывал небольшие круги внизу шара, но как только скорость становилась больше, он взбирался всё выше и выше, и велосипедист вместе с велосипедом держались наклонно, так что непонятно было, почему они не падают. Они ездили по одному и по двое, и женщина ездил не хуже мужчин.

Потом один мотоциклист завёл мотоцикл. Раздался грохот, будто пулемётная пальба. Мотоциклист понёсся внутри шара с огромной скоростью. Он пролетал со своим мотоциклом то внизу, то вверху, причём мотоцикл становился почти вверх ногами, и мы всё время боялись, что мотоциклист вывалится

из своего сиденья, но он не вывалился. Другой мотоциклист тоже завёл свой мотоцикл и помчался вдогонку за первым мотоциклистом. Шум, грохот, пальба! Второй мотоциклист опустился на дно шара и остановился, а первый мотоциклист продолжал ездить в верхней половине шара.

И вот нижняя половина шара отделилась и стала медленно опускаться вниз, а мотоциклист так и остался ездить вверху. Когда нижняя половина шара опустилась на землю, мотоциклист и девушка вылезли из неё, а первый мотоциклист всё ездил и ездил в верхней половине шара. Если бы он остановился, центробежная сила пропала бы — и он упал бы вниз. Теперь для него единственным спасением было всё мчаться и мчаться с прежней скоростью. Затаив дыхание мы смотрели на него. Вдруг я подумал: «А что, если мотор испортится или остановится хотя бы на минуту? Скорость сейчас же уменьшится, и мотоцикл со страшной силой вылетит из шара и полетит вниз».

По временам мне казалось, что мотор начинает делать перебои, но всё обошлось благополучно. Нижнюю половину шара снова подняли вверх. Мотоциклист замедлил скорость и стал кружиться в нижней половине шара. Круги становились всё меньше и меньше. Наконец он остановился, вылез из люка и стал спускаться по лестнице вниз. Тысячи зрителей приветствовали его аплодисментами.

На этом представление кончилось, и было так жалко уходить из цирка, так жалко, что и сказать нельзя. Я решил: когда вырасту, буду каждый день ходить в цирк. Ну если не каждый день, то хотя бы раз в неделю. Мне это никогда не надоест!

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

На другой день я зашёл к Шишкину, чтоб узнать, чем кормить ежа, потому что ёж раздумал погружаться в спячку. Ночью он проснулся и принялся бродить по комнате, шуршал какими-то бумажками и никому не давал спать. Когда я при-

шёл, то увидел, что Шишкин лежит на полу посреди комнаты, ноги задрал кверху, а в руках у него чемодан.

— Ты чего на полу валяешься? — спрашиваю я.

— Это я решил сделаться эквилибристом, — говорит он. — Сейчас буду вертеть чемодан ногами.

Он поднял чемодан руками и старался подхватить его ногами, но это ему никак не удавалось.

— Мне бы, — говорит, — его только ногами подхватить. Ну-ка, помоги, возьми чемодан и положи мне на ноги.

Я взял чемодан и положил ему на ноги. Некоторое время он держал его на вытянутых ногах, потом стал потихоньку поворачивать, но тут чемодан соскользнул и полетел на пол.

— Нет, — сказал Шишкин, — так ничего не выйдет. Надо разуться, а то ботинки слишком скользкие.

Он снял ботинки, снова лёг на спину и поднял ноги кверху. Я опять положил ему чемодан на ноги.

— Вот теперь, — сказал Костя, — совсем другое дело!

Он опять стал пытаться повернуть его ногами, но тут чемодан снова полетел вниз и больно стукнул его по животу. Шишкин схватился за живот и заохал.

— Ох, ох! — говорит. — Так и убиться можно! Этот чемодан слишком тяжёлый. Лучше я что-нибудь другое буду вертеть, полегче.

Стали мы искать что-нибудь другое, полегче. Ничего не нашли. Тогда он снял с дивана подушку, свернул её, как будто трубку, и обвязал потуже верёвкой, словно любительскую колбасу.

— Ну вот, — говорит, — подушка мягкая, если и упадёт, то не ударит больно.

Он снова лёг на пол, и я положил ему эту «колбасу» на ноги. Он опять попробовал её вертеть, но у него всё равно ничего не вышло.

— Нет, — сказал он, — лучше я сначала буду учиться ловить её ногами, как тот эквилибрист в цирке. Ты бросай её издали, а я буду подхватывать на ноги.

Я взял подушку, отошёл в сторону — и как брошу! Подушка полетела, но не попала ему на ноги, а попала по голове.

— Ах ты, растяпа! — закричал Шишкин. — Не видишь, куда бросаешь? На ноги надо бросать!

Тогда я взял подушку и бросил ему на ноги. Костя задрогал ногами, но не смог её удержать. Так я бросал подушку раз двадцать, и ему удалось один раз её подхватить ногами и удержать.

— Видал? — закричал он. — Прямо как у настоящего циркача получилось!

Я тоже решил попробовать, лёг на спину и стал ловить подушку ногами. Только мне ни разу не удалось её поймать. Наконец я выбился из сил. Спина у меня болела, будто на мне кто-нибудь верхом ездил.

— Ну ладно, — говорит Шишкин, — на сегодня упражнений с подушкой довольно. Давай упражняться со стульями.

Он сел на стул и стал постепенно наклонять его назад, чтоб он стоял только на двух задних ножках. Вот он наклонял его, наклонял, наконец стул опрокинулся, Шишкин полетел на пол и больно ушибся. Тогда я стал пробовать, не получится ли что-нибудь у меня. Но у меня получалось то же самое: я полетел вместе со стулом на пол и набил на затылке шишку.

— Нам ещё, видно, рано такие упражнения делать, — сказал Костя. — Давай лучше учиться жонглировать.

— Чем же мы будем жонглировать?

— А тарелками, как жонглёры в цирке.

Он полез в шкаф и достал две тарелки.

— Вот, — говорит, — ты бросай мне, а я тебе. Как только я брошу свою тарелку, ты сейчас же бросай свою мне, а мою лови, а я твою буду ловить.

— Постой, — говорю, — мы ведь сразу разобьём тарелки, и ничего не выйдет.

— Это правда, — говорит он. — Давай вот что: будем сначала одной тарелкой жонглировать. Когда научимся как следует одну ловить, начнём двумя, потом тремя, потом четырьмя, и так у нас пойдёт, как у настоящих жонглёров.

Мы стали швырять одну тарелку и сейчас же её разбили. Потом взяли другую и тоже разбили.

— Нет, это не годится,— сказал Шишкин.— Так мы перебьём всю посуду, и ничего не выйдет. Надо достать что-нибудь железное.

Он разыскал на кухне небольшой эмалированный тазик. Мы стали жонглировать этим тазиком, но нечаянно попали в окно. Ещё хорошо, что мы совсем не высадили стекло — на нём только получилась трещина.

— Вот так неприятность! — говорит Костя.— Надо что-нибудь придумать.

— Может быть, заклеить трещину бумагой? — предложил я.

— Нет, так ещё хуже будет. Давай вот что: вынем в коридоре стекло и вставим сюда, а это стекло вставим в коридоре. Там никто не заметит, что оно с трещиной.

Мы отковыряли от окна замазку и стали вытаскивать стекло с трещиной. Трещина увеличилась, и стекло распалось на две части.

— Ничего,— говорит Шишкин.— В коридоре может быть стекло из двух половинок.

Потом мы пошли и вынули стекло из окна в коридоре, но это стекло оказалось немного больше и не влезало в оконную раму в комнате.

— Надо его подрезать,— сказал Шишкин.— Не знаешь, у кого-нибудь из ребят есть алмаз?

Я говорю:

— У Васи Ерохина есть, кажется.

Пошли мы к Васе Ерохину, взяли у него алмаз, вернулись обратно и стали искать стекло, но его нигде не было.

— Ну вот,— ворчал Шишкин,— теперь стекло потерялось!

Тут он наступил на стекло, которое лежало на полу. Стекло так и затрещало.

— Это какой же дурак стекло положил на пол? — закричал Шишкин.

— Кто же его положил? Ты же и положил,— говорю я.

— А разве не ты?

— Нет,— говорю,— я к нему и не прикасался. Не нужно тебе было его на пол класть, потому что на полу оно не видно и на него легко наступить.

— Чего ж ты мне этого не сказал сразу?

— Я не сообразил тогда.

— Вот из-за твоей несообразительности мне теперь от мамы нагоняй будет! Что теперь делать? Стекло разбилось на пять кусков. Лучше мы его склеим и вставим обратно в коридор, а сюда вставим то, что было,— всё-таки меньше кусков получится.

Мы начали вставлять стекло из кусков в коридоре, но куски не держались. Мы пробовали их склеивать, но было холодно, и клей не застывал. Тогда мы бросили это и стали вставлять стекло в комнате из двух кусков, но Шишкин уронил один кусок на пол, и он разбился вдребезги. Как раз в это время вернулась с работы мать. Шишкин стал ей рассказывать, что тут у нас случилось.

— Ты прямо хуже маленького! — сказала мать. — Тебя страшно одного оставлять дома! Того и гляди, чего-нибудь натворишь!

— Я вставлю, вот увидишь,— говорил Шишкин. — Я всё из кусочков сделаю.

— Ещё чего не хватало! Из кусочков! Придётся позвать стекольщика. А это ещё что за осколки?

— Я тарелку разбил,— ответил Шишкин.

— О-о-о! — только сказала мама.

Она закрыла глаза и приложила обе руки к вискам, будто у неё заболела вдруг голова.

— Убери это сейчас же — и марш заниматься! Уроки небось и не думал учить! — закричала она.

Мы с Костей собрали с полу осколки и отнесли их в мусорный ящик.

— У тебя мама всё-таки добрая,— сказал я Косте. — Если

бы я такого натворил дома, то разговору было бы на целый день.

— Не беспокойся, ещё разговор будет. Вот подожди, скоро придёт тётя Зина, она мне намылит голову. Ещё и тебе попадёт.

Я не стал дожидаться прихода тёти Зины и поскорее ушёл домой.

На другой день я встретил Шишкина на улице утром, и он сказал, что не пойдёт в школу, а пойдёт в амбулаторию, потому что ему кажется, будто он болен. Я пошёл в школу, и, когда Ольга Николаевна спросила, почему нет Шишкина, я сказал, что он сегодня, наверно, не придёт, так как я его встретил на улице и он сказал, что идёт в амбулаторию.

— Проведай его после школы,— сказала Ольга Николаевна.

В этот день у нас был диктант. После школы я сделал сначала уроки, а потом пошёл к Шишкину. Его мама уже вернулась с работы. Шишкин увидел меня и стал делать какие-то знаки: прижимать палец к губам, мотать головой. Я понял, что мне нужно о чём-то молчать, и вышел с ним в коридор.

— Ты не говори маме, что я не был сегодня в школе,— сказал он.

— А почему ты не был? Что тебе в амбулатории сказали?

— Ничего не сказали.

— Почему?

— Да там врач какой-то бездушный. Я ему говорю, что я болен, а он говорит: «Нет, ты здоров». Я говорю: «Я сегодня так чихал, что у меня чуть голова не оторвалась», а он говорит: «Почихаешь и перестанешь».

— А может быть, ты и на самом деле не был болен?

— Да, ну конечно, не был.

— Зачем же в амбулаторию пошёл?

— Ну, я утром сказал маме, что болен, а она говорит: «Если болен, то иди в амбулаторию, а я больше не буду тебе в школу записок писать, ты и так много пропустил».

— Зачем же ты сказал маме, что болен, если вовсе не болен?

— Ну как ты не понимаешь? Ведь Ольга Николаевна сказала, что сегодня будет диктант. Чего же я пойду? Очень мне интересно опять получить двойку!

— Что же ты теперь будешь делать? Ведь завтра Ольга Николаевна спросит, почему ты не пришёл в школу.

— Не знаю, что и делать! Я, наверно, и завтра не пойду в школу, а если Ольга Николаевна спросит, то скажи, что я заболел.

— Слушай,— говорю я,— это ведь глупо. Лучше ты признайся маме и попроси, чтоб она написала записку.

— Ну уж не знаю... Мама сказала, что больше не будет писать никаких записок, чтоб я не приучался прогуливать.

— Что же,— говорю я,— если такой случай вышел. Ты и завтра не пойдёшь и послезавтра — что же это получится? Скажи маме, она поймёт.

— Ну ладно, я скажу, если смелости хватит.

На следующий день Шишкин снова не пришёл в школу, и я понял, что у него не хватило смелости признаться маме. Ольга Николаевна спросила меня о Шишкине, я сказал, что он болен, а когда она спросила, чем он болен, я придумал, что у него грипп.

Вот как по милости Шишкина я сделался обманщиком. Но не мог же я наябедничать на него, если он просил никому не говорить!

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

После занятий я зашёл к Шишкину и рассказал, что мне пришлось из-за него Ольге Николаевне соврать, а он стал рассказывать, как бродил целое утро по городу, вместо того чтоб пойти в школу, потому что побоялся признаться маме, а без записки тоже не мог явиться в школу.

— Что же ты будешь делать? — спрашиваю я. — Ты и сегодня не скажешь маме?

— Не знаю. Я вот что думаю: лучше я в цирк поступлю.

— Как — в цирк? — удивился я.

— Ну поступлю в цирк и буду артистом.

— Что же ты будешь делать в цирке?

— Ну, что... Что и все артисты делают. Выучу Лобзика считать и буду с ним выступать, как та артистка.

— А вдруг тебя не возьмут?

— Возьмут.

— А как же со школой?

— А в школу совсем не буду ходить. Только ты, пожалуйста, не выдавай меня Ольге Николаевне, будь другом!

— Так мама ведь всё равно в конце концов узнает, что ты в школу не ходишь.

— Ну, пока она не узнает, а потом, когда я поступлю в цирк, я сам ей скажу, и всё будет в порядке.

— А вдруг тебе не удастся выучить Лобзика?

— Удастся. Почему не удастся? Вот мы сейчас попробуем. Лобзик! — закричал он.

Лобзик подбежал и принялся юлить вокруг.

Шишкин достал из буфета сахарницу и сказал:

— Сейчас, Лобзик, ты будешь учиться считать. Если будешь считать хорошо, получишь сахару. Будешь плохо считать — ничего не получишь.

Лобзик увидел сахарницу и облизнулся.

— погоди облизываться. Облизываться будешь потом.

Шишкин вынул из сахарницы десять кусков сахару и сказал:

— Будешь сначала учиться считать до десяти, а потом и дальше пойдём. Вот у меня десять кусков сахару. Смотри, я буду считать, а ты постарайся запомнить.

Он начал выкладывать перед Лобзиком на табурет куски сахару и громко считать: «Один, два, три...» И так до десяти.

— Вот видишь, всего десять кусков. Понял?

Лобзик завилял хвостом и потянулся к сахару.

Костя щёлкнул его по носу и сказал:

— Научись сначала считать, а потом тянись к сахару!

Я говорю:

— Как же он может научиться сразу до десяти? Этому и ребят не сразу учат.

— Тогда, может, научить его сначала до пяти или до трёх?

— Конечно,— говорю,— до трёх ему будет легче.

— Ну, давай тогда сначала до двух,— говорит Костя.— Ему тогда совсем легко будет.

Он убрал со скамейки весь сахар и оставил только два кусочка.

— Смотри, Лобзик, сейчас здесь только два куска — один, два, вот видишь? Если я заберу один, то останется один. Если положу обратно, то опять будет два. Ну, отвечай, сколько здесь сахару?

Лобзик привстал, помахал хвостом, потом сел на задние лапы и облизнулся.

— Как же ты хочешь, чтоб он ответил? — сказал я.— Кажется, он у нас ещё не выучился говорить по-человечески.

— Зачем по-человечески? Пусть говорит по-собачьи, как та собака в цирке. Гау! Гау! Понимаешь, Лобзик, «гау-гау» — значит «два». Ну, говори «гау-гау»!

Лобзик молча поглядывал то на меня, то на Шишкина.

— Ну, чего же ты молчишь? — сказал Шишкин.— Может быть, не хочешь сахару?

Вместо ответа Лобзик снова потянулся к сахару.

— Нельзя! — закричал Шишкин строго.

Лобзик в испуге попятился и принялся молча облизываться.

— Ну, говори «гау-гау»! Говори «гау-гау»! — приставали мы к нему оба.

— Не понимает! — воскликнул с досадой Шишкин.— Надо его как-нибудь раззадорить. Слушай, сейчас я буду дрессировать тебя, а он пусть смотрит и учится.

— Как это ты будешь дрессировать меня? — удивился я.

Очень просто. Ты становись на четвереньки и лай по-собачьи. Он посмотрит на тебя и выучится.

Я опустился рядом с Лобзиком на четвереньки.

— Ну-ка, отвечай: сколько здесь сахара? — спросил меня Шишкин.

— Гау! Гау! — ответил я громко.

— Молодец! — похвалил меня Шишкин и сунул мне в рот кусок сахара.

Я принялся грызть сахар и нарочно громко хрустел, чтоб Лобзику стало завидно. А Лобзик с завистью смотрел на меня, и у него даже потекли слюнки.

— Ну, смотри, Лобзик, теперь здесь остался один кусок сахара. Гау — один. Понимаешь? Ну, отвечай: сколько здесь сахара?

Лобзик нетерпеливо фыркнул, зажмурился и стал стучать по полу хвостом.

— Ну, отвечай, отвечай! — твердил Шишкин.

Но Лобзик никак не мог догадаться, что ему нужно лаять.

— Эх ты, бестолковый! — сказал ему Шишкин и снова обратился ко мне: — Ну, отвечай ты!

— Гау! — закричал я, и опять кусок сахара очутился у меня во рту.

Лобзик только облизнулся и фыркнул.

— Сейчас мы его раззадорим, — сказал Шишкин.

Он снова положил на табурет кусок сахара и сказал:

— Вот, кто первый ответит, тот и получит сахар. Ну, считайте.

— Гау! — закричал я.

— Вот молодец! — похвалил Шишкин. — А ты остолоп!

Он взял кусок сахара, медленно поднёс к носу Лобзика, пронёс мимо и сунул мне в рот. Я опять громко зачавкал и захрустел сахаром. Лобзик облизнулся, чихнул и смущённо затряс головой.

Ага, завидно стало! — обрадовался Шишкин. — Кто лает, тот и сахар получает, а кто не лает, тот сидит без сахара.

Он снова положил перед Лобзиком кусок сахара и сказал:
— Считай теперь ты.

Лобзик облизнулся, затряс головой, встал, потом сел, фыркнул.

— Ну считай, считай, иначе не получишь сахара!

Лобзик как-то напрягся, подался назад и вдруг как залает.

— Понял! — закричал Шишкин и бросил ему кусок сахара.

Лобзик на лету подхватил сахар и проглотил в два счёта.

— Ну-ка, считай ещё раз! — закричал Шишкин.

— Гаф! — ответил Лобзик.

И снова кусок сахара полетел ему в рот.

— Ну-ка, ещё разочек!

— Гаф!

— Понял! — обрадовался Шишкин. — Теперь у нас пойдёт наука.

В это время вернулась мать Шишкина.

— Почему сахарница на столе? — спросила она.

— Это я взял немного сахара, чтоб выучить считать Лобзика

— Ещё что выдумал!

— Да ты только послушай, как он считает.

Шишкин положил перед Лобзиком кусок сахара и сказал.

— Ну-ка, скажи, Лобзик, маме, сколько здесь кусков сахара?

— Гаф! — ответил Лобзик.

— И это всё? — спросила мама.

— Всё, — сказал Шишкин.

— Не многому же он у вас научился!

— А что ты хочешь? Ведь Лобзик — не человек. Сейчас он научился до одного считать, потом мы научим его до двух, потом — до трёх, а там, глядишь, он и все цифры выучит.

— Глядишь, придётся мне от тебя сахарницу прятать, — сказала мама.

— Я ведь не для себя беру, — обиделся Шишкин. — Я для науки.

— «Для науки»! — усмехнулась мама. — А свои уроки ты сделал?

— Нет ещё, сейчас буду делать.

— Ты ведь обещал, что к моему приходу у тебя всегда будут уроки сделаны.

— Будут, будут! Это я только сегодня забыл из-за Лобзика.

— Ну, смотри же! Если не будешь уроки делать вовремя, то не разрешу тебе брать сахар и сахарницу спрячу.

Мы с Костей засели делать уроки вместе, потому что он ведь даже не знал, что на дом задано, а на другой день принялись продолжать обучение Лобзика.

— Надо учить его не только сахар считать, а чтоб он понимал цифры, — сказал Костя.

Мы взяли кусочек картона, написали на нём цифру «один» и показали Лобзику.

— Вот это, Лобзик, цифра «один». Всё равно что один кусок сахару, — сказал Шишкин. — Ну, говори: какая это цифра?

— Гаф! — ответил Лобзик.

— Молодец! Это он сразу понял, — обрадовался Шишкин. — Теперь перейдём к цифре «два».

Он положил перед Лобзиком два куска сахара и сказал:

— Считай!

— Гаф! — ответил Лобзик.

— Неправильно! Ты говоришь — один, а тут два. Что нужно ответить?

— Гаф! — снова ответил Лобзик.

— «Гаф»! — передразнил его Костя. — Где же тут «гаф», когда здесь «гаф-гаф»? У тебя на плечах что: голова или кочан капусты?

— Гаф! — ответил Лобзик.

— Затвердила сорока Якова одно про всякого! Где ты тут видишь один? — закричал Шишкин.

Лобзик в испуге даже попятился.

— Ты не кричи, — говорю я. — С собакой надо вежливо обращаться, потому что она будет бояться и ничему не научится.

Шишкин снова принялся объяснять Лобзику, что один — это один, а два — это два.

— Ну, считай! — приказал он ему.

— Гаф! — снова тьякнул Лобзик.

— Ещё раз! Ещё! — подсказал я.

Лобзик покосился на меня. Я закивал головой и заморгал глазами. Тогда он несмело тьякнул ещё раз.

— Вот теперь — два! — обрадовался Шишкин и бросил ему кусок сахара.— Ну-ка, считай ещё раз.

Лобзик пролаял ещё раз.

— Ещё раз! Ещё! — зашептал я снова.

— А ты не подсказывай ему! — говорит Шишкин.— Он сам должен знать. Отвечай, Лобзик!

Лобзик пролаял ещё раз.

— Правильно! — сказал Шишкин.— Только ты должен лаять два раза подряд.

Он снова заставил его считать. Лобзик и на этот раз пролаял раз, а потом увидел, что мы от него ещё чего-то ждём, и пролаял второй раз. Постепенно мы добились, что он лаял два раза подряд, и перешли к цифре «три». Занятия пошли так успешно, что в этот день мы выучили все цифры до десяти, но когда стали на другой день повторять, то оказалось, что у Лобзика всё в голове перепуталось. Когда показывали ему цифру «три», он отвечал, что это четыре, или пять, или десять. Когда показывали десять, он говорил, что это два, короче говоря — молол разную чепуху. Костя злился, кричал на Лобзика и воображал, что это он назло ему отвечает неправильно. Иногда Лобзик отвечал правильно, но, наверно, это получалось случайно, а Костя говорил:

— Вот видишь, ответил правильно — значит, знает, какая это цифра, а спроси его в другой раз, ни за что не ответит. Такой прохвост!

Он подозревал, что Лобзику надоело учиться и он нарочно отвечает неправильно, чтоб от него отстали. Костя показывает ему цифру «пять», а Лобзик отвечает, что это четыре.

— Да не четыре, Лобзик, посмотри хорошенько,— говорит ласково Костя.

Лобзик снова отвечает, что это четыре.

— Ну, не глупи, Лобзик, ты же сам видишь, что это не четыре,— уговаривает его Костя.

«Четыре»,— упрямо твердит Лобзик.

— Дурак! — начинает сердиться Костя.— Считай правильно, тебе говорят!

«Четыре»,— отвечает Лобзик.

— Вот я дам тебе четыре раза по шее, тогда узнаешь, как злить человека! Вот скажи ещё раз «четыре», я тебе покажу!

«Четыре»,— опять повторяет Лобзик.

— Ты видишь, что он со мной делает? — кипятится Костя.

Он берёт цифру «четыре» и показывает Лобзику:

— Ну, а это, по-твоему, какая цифра?

Лобзик отвечает, что это пять.

— Вот видишь! — выходил из себя Костя.— Когда ему показывали пять, так он всё время твердил, что это четыре, а когда показали четыре, он говорит, что это пять! А ты говоришь, что он это не назло мне делает! Я знаю, почему он на меня злится. Утром я нечаянно наступил ему на лапу, так он запомнил и теперь мстит мне.

Я не знал, хитрил Лобзик или не хитрил, но было ясно, что из нашей дрессировки никакого толку не вышло. Может быть, мы с Шишкиным были плохие учителя, а может быть, сам Лобзик был никудышный ученик, не способный к арифметике.

— Может быть, лучше признаться маме да идти в школу? — сказал я Косте.

— Нет, нет! Я не могу! Теперь я уже столько прогулял. Мама как узнает, так и не знаю, что с нею будет. Шуточка дело! Если б я один день прогулял.

— Тогда, может быть, рассказать Ольге Николаевне и посоветоваться с ней? — предложил я.

— Нет, мне стыдно говорить Ольге Николаевне.

— Ну, если тебе стыдно, то, может быть, я расскажу ей?

— Ты? Выдавать меня пойдёшь? Знать тебя не хочу больше!

— Зачем,— говорю,— выдавать? Вовсе я не собираюсь тебя выдавать. Ты сам говоришь, что тебе стыдно, ну я бы и сказал, чтоб тебе стыдно не было.

— «Стыдно не было»! — передразнил меня Шишкин.— Да мне в двадцать раз стыдней будет, если ты скажешь! Молчал бы лучше, если ничего не можешь придумать умней!

— Что же делать? — спрашиваю я.— С Лобзиком ничего не вышло. В цирк тебе всё равно не поступить. Или ты ещё надеешься Лобзика выучить?

— Нет, на него я уже не надеюсь. По-моему, Лобзик — это или отчаянный плут, или круглый осёл. Всё равно из него никакого толку не будет. Мне надо другую собаку достать. Или вот что: лучше я акробатом стану.

— Как же ты акробатом станешь?

— Ну, буду кувыркаться и на руках ходить. Я уже пробовал, и у меня немножко получается, только я не могу всё время вверх ногами стоять. Надо, чтоб сначала меня кто-нибудь за ноги держал, а потом я и сам смогу. Вот поддержи меня за ноги, я попробую.

Он встал на четвереньки, я поднял его за ноги кверху, и он стал ходить на руках по комнате, но скоро руки у него устали и подогнулись. Он упал и ударился головой об пол.

— Это ничего,— сказал Шишкин, поднявшись и потирая ушибленную голову.— Постепенно руки у меня окрепнут, и тогда я смогу ходить без посторонней помощи.

— Но ведь на акробата долго учиться надо,— говорю я.

— Ничего, скоро зимние каникулы. Я как-нибудь дотяну до каникул.

— А после каникул что будешь делать? Ведь зимние каникулы скоро кончатся.

— Ну, а там как-нибудь дотяну до летних каникул.

— Это долго тянуть придётся.

— Ничего.

Странный это был человек. На всё у него был один ответ: «Ничего». Стоило ему придумать какое-нибудь дело, и он уже воображал, что дело сделано. Но я-то видел, что всё это пустая затея и все его мечты через несколько дней разлетятся, как дым.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Костины мама и тётя вовсе не догадывались, что он в школу не ходит. Когда его мама приходила с работы, она первым делом проверяла его уроки, а у него всё оказывалось сделано, потому что каждый раз я приходил к нему и говорил, что задано. Шишкин так боялся, чтоб мама не догадалась о его проделках, что стал делать уроки даже исправнее, чем когда ходил в школу. Утром он брал сумку с книжками и вместо школы отправлялся бродить по городу. Дома он не мог оставаться, так как тётя Зина занималась во второй смене и уходила в училище поздно. Но шататься без толку по улицам тоже было опасно. Однажды он чуть не встретился с нашей учительницей английского языка и поскорей свернул в переулок, чтоб она не увидела его. В другой раз он увидел на улице соседку и спрятался от неё в чужое парадное. Он стал бояться ходить по улицам и забирался куда-нибудь в самые отдалённые кварталы города, чтоб не встретить кого-нибудь из знакомых. Ему всё время казалось, что все прохожие на улице смотрят на него и подозревают, что он нарочно не пошёл в школу. Дни в это время были морозные, и шататься по улицам было холодно, поэтому он иногда заходил в какой-нибудь магазин, согревался немножко, а потом отправлялся дальше. Я чувствовал, что всё это получилось как-то нехорошо, и мне было не по себе. Шишкин ни на минуту не выходил у меня из головы. В классе пустое место за нашей партой всё время напоминало мне о нём. Я представлял себе, как, пока мы сидим в тёплом классе, он крадётся по городу совсем один, точно вор, как он прячется от людей в чужие подъезды, как заходит в какой-нибудь магазин, чтоб по-

греться. От этих мыслей я стал рассеянным в классе и плохо слушал уроки. Дома я тоже всё время думал о нём. Ночью никак не мог уснуть, потому что мне в голову лезли разные мысли, и я старался найти для Шишкина какой-нибудь выход. Если б я рассказал об этом Ольге Николаевне, то Ольга Николаевна сразу вернула бы Шишкина в школу, но я боялся, что тогда все считали бы меня ябедой. Мне очень хотелось поговорить об этом с кем-нибудь, и я решил поговорить с Ликой.

— Слушай, Лика,— спросил я её.— У вас в классе девчонки выдают друг дружку?

— Как это — выдают?

— Ну, если какая-нибудь ученица чего-нибудь натворит, то другая ученица скажет учительнице? Был у вас в классе такой случай?

— Был,— говорит Лика.— Недавно Петрова сломала на окне гортензию, а Антонина Ивановна подумала на Сидорову и хотела наказать её, сказала, чтоб родители пришли в школу. Но я видела, что это Петрова сломала гортензию, и сказала об этом Антонине Ивановне.

— Зачем же тебе нужно было говорить? Значит, ты у нас ябеда!

— Почему — ябеда? Я ведь правду сказала. Если б не я, Антонина Ивановна наказала бы Сидорову, которая совсем не виновата.

— Всё равно ябеда,— говорю я.— У нас ребята не выдают друг друга.

— Значит, ваши ребята сваливают один на другого.

— Почему — сваливают?

— Ну, если б ты в классе сломал гортензию, а учительница подумала на другого...

— У нас,— говорю,— гортензии не растут. У нас в классе кактусы.

— Всё равно. Если бы ты сломал кактус, а учительница подумала на Шишкина, и все бы молчали, и ты бы молчал, значит, ты свалил бы на Шишкина.

— А у Шишкина разве языка нету? Он бы сказал, что это не он,— говорю я.

— Он мог сказать, а его всё-таки подозревали бы.

— Ну и пусть подозревали бы. Никто же не может доказать, что это он, раз это не он.

— У нас в классе не такой порядок,— говорит Лика.— Зачем нам, чтоб кого-нибудь напрасно подозревали? Если кто виноват, сам должен признаться, а если не признаётся, каждый имеет право сказать.

— Значит, у вас там все ябеды.

— Совсем не ябеды. Разве Петрова поступила честно? Антонина Ивановна хочет вместо неё другую наказать, а она сидит и молчит, рада, что на другую подумали. Если б я тоже молчала, значит, я с ней заодно. Разве это честно?

— Ну ладно,— говорю я.— Этот случай совсем особенный. А не было у вас такого случая, чтоб какая-нибудь девочка не явилась в школу, а дома говорила, что в школе была?

— Нет, у нас такого случая не было.

— Конечно,— говорю я.— Разве у вас такое может случиться! У вас там все примерные ученицы.

— Да,— говорит Лика,— у нас класс хороший. А разве у вас был такой случай?

— Нет. У нас,— говорю,— нет. Такого случая ещё не было.

— А почему ты спрашиваешь?

— Так просто. Интересно узнать.

Я перестал разговаривать с Ликой, а сам всё время думал о Шишкине. Мне очень хотелось посоветоваться с мамой, но я боялся, что мама сейчас же сообщит об этом в школу, и тогда всё пропало. А мама и сама заметила, что со мной что-то неладное творится. Она так внимательно поглядывала на меня иногда, будто знала, что я о чём-то хочу поговорить с ней. Мама всегда знает, когда мне нужно что-то сказать ей. Но она никогда не требует, чтоб я говорил, а ждёт, чтоб я сам сказал. Она говорит: если что-нибудь случилось, то гораздо лучше, если я сам признаюсь, чем если меня заставят это сделать. Не знаю,

как это мама догадывается. Наверно, у меня просто лицо такое, что на нём всё как будто написано, что у меня в голове. И вот я так сидел и всё поглядывал на маму и думал, сказать ей или не сказать, а мама тоже нет-нет да и взглянет на меня, словно ждёт, чтоб я сказал. И мы долго так переглядывались с ней, и оба только делали вид: я — будто книжку читаю, а она — будто рубашку шьёт. Это, наверно, было бы смешно, если бы мне в голову не лезли грустные мысли о Шишкине.

Наконец-таки мама не вытерпела и, усмехнувшись, сказала:

— Ну, докладывай, что у тебя там?

— Как это — докладывай? — притворился я, будто не понимаю.

— Ну говори, о чём хочешь сказать.

— О чём же я хочу сказать? Ни о чём я не хочу сказать, — стал я выкручиваться, а сам уже чувствую, что сейчас же обо всём расскажу, и рад, что мама сама об этом заговорила, так как легче сказать, когда тебя спрашивают, чем когда не спрашивают вовсе.

— Будто я не вижу, что ты о чём-то хочешь сказать! Ты уже три дня ходишь как в воду опущенный и воображаешь, что никто этого не замечает. Ну, говори, говори! Всё равно ведь скажешь. Что-нибудь в школе случилось?

— Нет, не в школе, — говорю. — Да нет, — говорю, — в школе.

— Что, опять небось получил двойку?

— Ничего я не получил.

— Что же с тобой случилось?

— Да это не со мной вовсе. Со мной ничего не случилось.

— С кем же?

— Ну, с Шишкиным.

— А с ним что же?

— Да не хочет учиться.

— Как — не хочет?

— Ну, не хочет, и всё!

Тут я увидел, что проговорился, и подумал: «Батюшки, что

же я делаю? А вдруг мама завтра же пойдёт в школу и скажет учительнице!»

— Что же, Шишкин уроков не делает? — спросила мама. — Двойки получает?

Я увидел, что не совсем ещё проговорился, и сказал:

— Не делает. По русскому у него двойка. Совсем не хочет по русскому учиться. У него с третьего класса запущено.

— Как же он в четвёртый-то класс перешёл?

— Ну, не знаю,— говорю.— Он к нам из другой школы перевёлся. В третьем классе у нас не учился.

— Почему же учительница не обратит на него внимания? Его подтянуть надо.

— Так он,— говорю,— хитрый, как лисица! Что на дом задано, спишет, а когда в классе диктант или сочинение, не придёт вовсе.

— А ты бы занялся с ним. Ведь думаешь о товарище, огорчаешься из-за него, а помочь не хочешь.

— Поможешь,— говорю,— ему, когда он сам не хочет заниматься!

— Ну, ты растолкуй ему, что учиться надо, подействуй на него. Ты вот сумел взяться за дело сам, а ему помощь нужна. Попадётся ему хороший товарищ, и он выправится, и из него настоящий человек выйдет.

— Разве я ему плохой товарищ? — говорю я.

— Значит, не плохой, если думаешь о нём.

Мне стало очень стыдно, что я не сказал маме всей правды, поэтому я поскорей оделся и пошёл к Шишкину, чтоб поговорить с ним как следует.

Странное дело! Почему-то именно в эти дни я по-настоящему подружился с Шишкиным и по целым дням думал о нём. Шишкин тоже изо всех сил привязался ко мне. Он скучал по школьным товарищам и говорил, что теперь, кроме меня, у него никого не осталось.

Когда я пришёл, Костя, его мама и тётя Зина сидели за столом и пили чай. Над столом горела электрическая лампочка

под большим голубым абажуром, и от этого абажура вокруг было как-то сумрачно, как бывает летним вечером, когда солнышко уже зашло, но на дворе ещё не совсем стемнело. Все очень обрадовались моему приходу. Меня тоже усадили за стол и стали угощать чаем с баранками. Костина мама и тётя Зина принялись расспрашивать меня о моей маме, о папе, о том, где он работает и что делает. Костя молча слушал наш разговор. Он опустил в стакан с чаем половину баранки. Баранка постепенно разбухла в стакане и становилась всё толще и толще. Наконец она раздулась почти во весь стакан, а Костя о чём-то задумался и как будто совсем позабыл о ней.

— О чём это ты там задумался? — спросила его мама.

— Так просто. Я думаю о моём папе. Расскажи о нём что-нибудь.

— Что же рассказывать? Я уже всё рассказала.

— Ну, ты ещё расскажи.

— Вот любит, чтоб ему об отце рассказывали, а сам ведь и не помнит его, — сказала тётя Зина.

— Нет, я помню.

— Что же ты можешь помнить? Ты был грудным младенцем, когда началась война и твой папа ушёл на фронт.

— Вот помню, — упрямо повторил Шишкин. — Я помню: я лежал в своей кроватке, а папа подошёл, взял меня на руки, поднял и поцеловал.

— Не можешь ты этого помнить, — ответила тётя Зина. — Тебе тогда три недели от роду было.

— Нет. Папа ведь приходил с войны, когда мне уже год был.

— Ну, тогда он забежал на минутку домой, когда его часть проходила через наш город. Тебе про это мама рассказывала.

— Нет, я сам помню, — обиженно сказал Костя. — Я спал, потом проснулся, а папа взял меня на руки и поцеловал, а шинель у него была такая шершавая и колючая. Потом он ушёл, и я больше ничего не помню.

— Ребёнок не может помнить, что с ним в год было, — сказала тётя Зина.

— А я помню,— чуть ли не со слезами на глазах сказал Костя.— Правда, мама, я помню? Вот пусть мама скажет!

— Помнишь, помнишь! — успокоила его мама.— Уж если ты запомнил, что шинель была колючая, значит, всё хорошо помнишь.

— Конечно,— сказал Шишкин.— Шинель была колючая, и я помню и никогда не забуду, потому что это был мой папа, который на войне погиб.

Шишкин весь вечер был какой-то задумчивый. Я так и не поговорил с ним, о чём хотел, и скоро ушёл домой.

В эту ночь я долго не мог заснуть, всё думал о Шишкине. Как было бы хорошо, если бы он учился исправно, ничего бы такого с ним не произошло! Вот я, например: я ведь тоже неважно учился, а потом взял себя в руки и добился чего хотел. Всё-таки мне было, конечно, легче, чем Шишкину: у меня есть отец. Я всегда люблю брать с него пример. Я вижу, как он добивается чего-нибудь по своей работе, и тоже хочу быть таким, как он. А у Шишкина отца нет. Он погиб на войне, когда Костя был совсем маленьким. Мне очень хотелось помочь Косте, и я стал думать, что если бы начать с ним как следует заниматься, то он может выправиться по русскому языку, и тогда учёба у него пойдёт успешно. Я размечтался об этом и решил, что буду заниматься с ним каждый день, но тут же вспомнил, что о занятиях нечего и мечтать, пока он не вернётся в школу.

Я принялся думать, как бы уговорить его, но мне стало понятно, что уговоры тут не помогут, так как Костя слабохарактерный и теперь уже не решится признаться матери.

Мне стало ясно, что с Костей надо действовать твёрдо. Поэтому я решил зайти к нему завтра после школы и поговорить серьёзно. Если он не захочет признаться матери и не вернётся в школу по своей воле, то я пригрожу, что не буду больше врать Ольге Николаевне и не стану его выгораживать, потому что от этого для него получается только вред. Если он не поймет, что это для его же пользы, то пусть обижается на меня.

Ничего! Я перетерплю, а потом он сам увидит, что я не мог поступить иначе, и мы снова подружимся с ним. Как только я это решил, у меня на душе стало легче, и мне сделалось стыдно, что я до сих пор ничего не сказал маме. Я тут же хотел встать и рассказать обо всём, но было поздно, и все давно уже спали.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

На другой день всё вышло не так, как я ожидал. Я хотел после уроков зайти к Шишкину и в последний раз серьёзно поговорить с ним. Но так как я всем говорил в школе, что Шишкин болен, то всё наше звено решило навестить больного товарища. Я испугался и сейчас же после уроков помчался к Шишкину, чтоб предупредить его. Прибегаю к нему. Он увидел меня и говорит:

— Знаешь, я могу уже вверх ногами стоять! Нужно стать у стенки, перевернуться и держаться ногами за стенку.

— Некогда,— говорю,— сейчас вверх ногами стоять. Ложись скорее в постель.

— Зачем?

— Ну, ты ведь болен.

— Как — болен?

— Да я ведь всем говорил в школе, что ты болен. Сам ведь просил!

— Ну, просил!

— А теперь вот сейчас к тебе ребята придут.

— Да что ты!

Тут он моментально нырнул в постель, как был, в одежде, в ботинках, и накрылся одеялом.

— Что же мне говорить ребятам? — спрашивает.

— Что ж говорить? Говори, что болен. Больше говорить нечего.

Скоро пришли ребята. Они разделись в коридоре и вошли

в комнату. Шишкин натянул одеяло до самого подбородка и с беспокойством поглядывал на ребят. Ребята говорят:

— Здравствуй, Шишкин!

— Здравствуйте, ребята! — говорит он.

А голос у него такой слабый-слабый! Ну прямо настоящий больной!

— Вот зашли тебя навестить, — сказал Юра.

— Спасибо, ребята, садитесь.

— Ну, как ты себя чувствуешь? — спросил Ваня.

— Да так...

— Лежишь?

— Лежу вот.

— Скучно тебе небось лежать всё время? — спрашивает Лёня.

— Скучно.

— Ты один весь день?

— Один. Мама на работе. Тётя в училище.

— Мы теперь будем к тебе приходить почаще. Ты извини, что мы не приходили: думали — ты скоро выздоровеешь и сам придёшь.

— Ничего, ребята, ко мне Витя каждый день приходит

— Мы к тебе тоже будем каждый день приходить, хочешь? — предложил Слава.

— Хочу, — говорит Шишкин.

Не мог же он сказать — не хочу!

— А что у тебя болит? — спросил Юра.

— Всё болит: и руки и ноги...

— Что ты? И даже ноги?

— Да. И голова.

— И что? Всё время болит?

— Нет, не всё. То пройдёт, пройдёт, а потом как заболит, заболит!

— У нас в квартире у одного мальчика тоже вот так всё болело. У него ревматизм был, — сказал Вася Ерохин. — Может быть, и у тебя ревматизм?

— Может быть,— говорит Шишкин.
— А доктор что говорит? — спросил Ваня.
— Ну, что он говорит!.. Что ему говорить? Ну, высунь язык, говорит. Скажи «а», говорит.

— А какая болезнь, не говорит?

— Болезнь эта вот... как её?.. Апендикокс.

— Что же это за болезнь такая — апендикокс?

— Сам не знаю,— пожал Шишкин плечами.

— А чем тебя лечат?

— Лекарством.

— Каким?

— Не знаю, как называется. Микстура.

— Горькая или сладкая?

— Горькая! — сказал Костя и скорчил такую физиономию, будто на самом деле микстуры попробовал.

— Когда я был больной, мне тоже микстуру давали. Ох, и горькую! Я не хотел пить,— сказал Дима Балакирев.

— Я тоже не хочу.

— Нет, ты лучше пей, скорей поправишься.

— Я и то пью.

— Это ничего, что горькая,— сказал Лёня.— Ты выпей микстуры, а потом ложку сахара в рот.

— Хорошо.

— А об уроках не беспокойся. Вот начнёшь поправляться, мы тебе будем уроки носить и помогать учиться. Ты нагонишь.

— Ничего, нагоню! — говорит Шишкин.

Тут я заметил, что из-под одеяла высовывается нога Шишкина в ботинке. Я испугался. Думаю: вдруг кто-нибудь из ребят заметит! Но ребята разговаривали с ним и не замечали ботинка. Я подошёл потихоньку и накрыл одеялом ботинок.

— Ну, ребята,— говорю,— он пока ещё слабый, так что вы не утомляйте его. Идите себе домой.

Ребята стали прощаться:

— Ну, до свиданья. Выздоровливай, поправляйся. Мы к тебе завтра зайдём.

Ребята ушли. Шишкин вскочил с постели и запрыгал по комнате.

— Вот как всё хорошо вышло! — закричал он. — Никто не догадался. Всё в порядке!

— Ну, нечего радоваться! — сказал я. — Мне с тобой нужно серьёзно поговорить.

— О чём?

— О том, что тебе надо в школу вернуться.

— Я и сам знаю, что надо, а как я теперь могу? Ты же сам видишь, что не могу.

— Ничего я не вижу! Я решил сегодня с тобой в последний раз поговорить: если ты завтра же не придёшь в школу, то я сам скажу Ольге Николаевне, что ты не больной вовсе.

— Зачем? — удивился Костя.

— Затем, что тебе надо учиться, а не гулять. Всё равно из тебя никакого акробата не выйдет.

— Почему — не выйдет? Посмотри, как я уже научился вверх ногами стоять!

Он подошёл к стенке и стал вверх ногами.

Тут отворилась дверь, и вошёл Лёня.

— Послушай, — говорит, — я тут свои перчатки забыл... А это что? Послушай, ты чего вверх ногами стоишь?

Шишкин вскочил на ноги и растерянно остановился.

— Так вот ты какой больной! — воскликнул Лёня.

— Честное слово, больной! — сказал Шишкин и покраснел как варёный рак.

Он заохал и заковылял к постели.

— Брось притворяться! Говорил, руки-ноги болят, а сам тут вверх ногами ходишь!

— Честное слово, болят!

— Ну, не ври, не ври! И когда ты успел одеться? Ты, значит, одетый в постели лежал?

— Ну ладно, я тебе открою секрет, только ты поклянись, что никому не скажешь.

— Зачем я буду клясться?

— Ну, тогда я ничего не скажу.

В это время в коридоре слышались чьи-то шаги. Дверь приоткрылась, в комнату заглянул Ваня и сказал:

— Ты скоро, Лёня? Мы тут тебя все ждём.

— Ну-ка, иди сюда, Ваня! Он, оказывается, вовсе не болен!

— Не болен? — удивился Ваня и вошёл в комнату.

— Кто не болен? — слышался из коридора голос Юры.

Юра тоже вошёл в комнату, а за ним остальные ребята.

— Да кто же ещё! Вон он, Шишкин, не болен, — ответил Лёня.

— Как так?

— Да вот так: захожу, а он тут вверх ногами стоит!

— Что же это такое? — заговорили ребята. — Зачем ты нас обманывал?

— Это я так просто, ребята... — стал оправдываться Шишкин. — Я просто пошутил.

— Что это ещё за шутки такие?

— Вот такие вот шутки! — развёл Костя руками.

— Мы о нём беспокоились, — говорит Ваня, — всем звеном пришли навестить, а он тут, оказывается, шутки шутит: больным притворяться вздумал!

— Я больше не буду, ребята, вот увидите... — пролепетал Шишкин.

— А почему ты в школу не ходишь? — спросил Юра. — Ты нарочно решил притвориться больным, чтоб не ходить в школу!

— Я вам всё расскажу, ребята, только вы не сердитесь. Я не хотел обмануть вас. Просто я решил циркачом стать.

— Как это — циркачом? — удивились все.

— Ну, поступлю в цирк и буду цирковым акробатом.

— Ты что, рехнулся?

— И ничуть не рехнулся.

— Кто же тебя возьмёт в цирк? — спросил Ваня.

— А откуда, ты думаешь, цирковые артисты берутся?

— А почему же ты всё-таки в школу не ходишь?

— Не хочу больше учиться. Я и так уже всё знаю.

— Как — всё?

— Ну, всё, что нужно цирковому артисту.

— Что же ты думаешь, цирковой артист может неучем быть?

— Почему — неучем? Кое-чему я уже выучился.

— «Выучился»! А пишешь с ошибками! Надо сначала окончить школу, а потом идти в цирковое училище. Цирковой артист тоже должен быть образованным. Ты бы сначала посоветовался с Ольгой Николаевной, — сказал Юра.

— Будто я не знаю, что Ольга Николаевна скажет! — ответил Шишкин.

— По-моему, ребята, он не дело затеял, — сказал Игорь. — Пусть перестанет выдумывать и является завтра в школу.

— А если завтра же не явится, мы скажем Ольге Николаевне, — заявил Юра.

— Ну, и будете ябеды! — ответил Шишкин.

— Не будем, — сказал Юра. — Раз мы предупредили тебя, значит, не ябеды.

— Вот попробуй не приди завтра в школу, тогда узнаешь! — сказал Игорь. — Нечего тебе гулять. Надо учиться.

Тут снова слышались шаги в коридоре, и кто-то постучал в дверь. Шишкин, вместо того чтобы отворить, юркнул, как мышь, в постель и накрылся одеялом. Я отворил дверь и увидел Ольгу Николаевну.

— О, да тут всё звено! — сказала Ольга Николаевна, входя в комнату. — Решили навестить больного товарища?

Все ребята молчали, никто не знал, что сказать.

Костя смотрел на Ольгу Николаевну во все глаза и изо всех сил натягивал на себя одеяло, будто решил закутаться в него с головой. Ольга Николаевна подошла к нему:

— Что ж это ты, Костя, расхворался у нас? Что у тебя болит?

— Ничего у него не болит! — сказал Юра. — Он вовсе не болен.

— Как — не болен?

— Ну, не болен, и всё!

Шишкин увидел, что теперь уже всё равно всё пропало. Он вылез из-под одеяла, уселся на кровати и, свесив голову вниз, стал смотреть на пол. Ольга Николаевна обвела взглядом ребят, увидела меня и сказала:

— Почему же ты, Витя, говорил мне, что Костя болен?

От стыда я не знал куда деваться.

— Почему же ты молчишь? Ты мне неправду сказал?

— Это не я сказал. Это он сказал, чтоб я сказал. Я и сказал.

— Значит, Костя просил тебя обмануть меня?

— Да,— пролепетал я.

— И ты обманул?

— Обманул.

— И ты думаешь, хорошо сделал?

— Но он ведь просил меня!

— Ты думаешь, что оказал ему хорошую услугу, обманывая меня?

— Нет.

— Почему же ты это сделал?

— Ну, я думал, что нельзя же товарища выдавать!

— Как — выдавать? Это врагу нельзя выдавать, а я разве ваш враг?

Я не знал, что сказать, и молча смотрел на пол.

— Не думала я, что мои ученики считают меня врагом! — сказала Ольга Николаевна.

— Мы не считаем, Ольга Николаевна,— сказал Ваня.— Разве мы считаем?

— Почему же никто не сказал мне?

— Да ведь никто и не знал. Мы только сегодня пришли, и вот всё выяснилось.

— Ну хорошо, об этом поговорим после... Почему же ты, Костя, не ходил в школу?

— Я боялся,— пробормотал Костя.

— Чего ты боялся?

— Что вы записку от мамы спросите.

— Какую записку?

— Ну, записку, что я пропустил, когда был диктант.

— Почему же ты пропустил, когда диктант был?

— Боялся.

— Чего?

— Двойку получить боялся.

— Значит, ты нарочно пропустил, когда писали диктант, а потом не приходил, потому что у тебя не было записки от матери?

— Да.

— Что же ты думал делать, когда решил не ходить в школу? — спросила Ольга Николаевна.

— Не знаю.

— Но ведь какие-то планы у тебя были?

— Какие у меня планы!

— Он решил сделаться цирковым акробатом, — сказал Юра.

— В цирковую школу без семилетнего образования не берут. Да еще там надо лет пять учиться. Не мог же ты сразу стать цирковым артистом! — сказала Ольга Николаевна.

— Не мог, — согласился Шишкин.

— Вот видишь. Не обдумав ничего, так сразу и решил не ходить в школу. Разве так можно?

Шишкин молчал.

— Что же ты теперь думаешь делать?

— Не знаю.

— А ты подумай.

Шишкин помолчал, потом взглянул на Ольгу Николаевну исподлобья и сказал:

— Я хочу вернуться в школу!

— Что ж, это самое лучшее, что ты мог придумать. Только условие: ты должен дать обещание, что исправишься и будешь хорошо учиться.

— Я теперь буду хорошо,— сказал Шишкин.

— Ну смотри. Завтра с утра приходи в школу, а я попрошу директора, чтоб он разрешил тебе продолжать учиться.

— Я приду.

Ольга Николаевна сказала нам всем, чтобы мы шли домой делать уроки.

Костя увидел, что она не собирается уходить, и сказал:

— Ольга Николаевна, я хочу вас попросить, не говорите маме!

— Почему?— спросила Ольга Николаевна.

— Я теперь буду хорошо учиться, только не говорите!

— Значит, ты хочешь продолжать обманывать маму? И ещё хочешь, чтобы я тебе помогала в этом?

— Я не буду больше обманывать маму. Мне так не хочется огорчать её!

— А если мама узнает, что мы с тобой вместе обманывали её? Ведь она будет огорчена ещё больше. Правда?

— Правда.

— Вот видишь, надо маме сказать. Но так как ты обещаешь взяться за учёбу как следует, то я попрошу маму, чтобы она не очень сердилась на тебя.

— Я обещаю.

— Вот и договорились,— сказала Ольга Николаевна.— А сейчас бери книги, и будем заниматься.

Я ушёл домой вместе с ребятами и не знаю, что было дальше.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

И вот на другой день Шишкин явился в класс. Он растерянно улыбался и смущённо поглядывал на ребят, но, видя, что его никто не стыдит, он успокоился и сел рядом со мной. Пустое место за нашей партой заполнилось, и я почувствовал облегчение, будто у меня в груди тоже что-то заполнилось и стало на своё место.

Ольга Николаевна ничего не сказала Шишкину, и уроки шли как обычно, своим порядком. На перемене к нам пришёл Володя, ребята стали рассказывать ему про этот случай. Я думал, что Володя станет стыдить Шишкина, а Володя вместо этого стал стыдить меня.

— Ты ведь знал, что твой товарищ поступает неправильно, и не помог ему исправить ошибку,— сказал Володя.— Надо было поговорить с ним серьёзно, а если бы он тебя не послушался, надо было сказать учительнице, или мне, или ребятам. А ты от всех скрывал.

— Будто я с ним не говорил! Я сколько раз ему твердил об этом! Что я мог сделать? Он ведь сам решил не ходить в школу.

— А почему решил? Потому что плохо учился. А ты помог ему учиться лучше? Ты ведь знал, что он плохо учится?

— Знал,— говорю.— Это всё у него из-за русского языка. Он всегда у меня русский списывал.

— Вот видишь, если б ты по-настоящему заботился о своём друге, то не давал бы ему списывать. Настоящий друг должен быть требовательным. Какой же ты товарищ, если миришься с тем, что твой друг поступает нехорошо? Такая дружба ненастоящая — это ложная дружба.

Все ребята начали говорить, что я ложный друг, а Володя сказал:

— Давайте после уроков соберёмся, ребята, и поговорим обо всём.

Мы решили собраться после уроков, но, как только занятия кончились, Ольга Николаевна подозвала меня и Шишкина и сказала:

— Костя и Витя, зайдите сейчас к директору. Он хочет поговорить с вами.

— А о чём? — испугался я.

— Вот он вам и расскажет о чём. Да вы идите, не бойтесь! — усмехнулась она.

Мы пришли в кабинет директора, остановились на пороге и сказали:

— Здравствуйте, Игорь Александрович!

Игорь Александрович сидел за столом и что-то писал.

— Здравствуйте, ребята! Заходите и садитесь вот на диван,— сказал он, а сам продолжал писать.

Но мы сесть боялись, потому что диван стоял очень близко возле директора. Стоять возле дверей казалось нам безопаснее. Игорь Александрович кончил писать, снял очки и сказал:

— Садитесь. Чего же вы стоите?

Мы подошли и сели. Диван был кожаный, блестящий. Кожка была скользкая, и я всё время съезжал с дивана, потому что сел с краю, а усесться на нём как следует я не решался. И так я мучился в продолжение всего разговора — а разговор получился длинный! — и от такого сидения устал больше, чем если бы всё это время стоял на одной ноге.

— Ну, расскажи, Шишкин, как это тебе пришло в голову стать прогульщиком? — спросил Игорь Александрович, когда мы сели.

— Не знаю,— замялся Шишкин.

— Гм! — сказал Игорь Александрович.— Кто же об этом может знать, как ты думаешь?

— Н-не знаю,— снова пролепетал Шишкин.

— Может быть, по-твоему, я знаю?

Шишкин исподлобья взглянул на Игоря Александровича, чтоб узнать, не шутит ли он, но лицо у директора было серьёзное. Поэтому он снова ответил:

— Не знаю.

— Что это, братец, у тебя на всё один ответ: «Не знаю». Уж если разговаривать, то давай разговаривать серьёзно. Ведь я не просто из любопытства спрашиваю тебя, почему ты не ходил в школу.

— Так просто. Я боялся,— ответил Шишкин.

— Чего же ты боялся?

— Я боялся диктанта и пропустил, а потом боялся, что Ольга Николаевна спросит записку от матери, вот и не приходил.

- Почему же ты боялся диктанта? Что он, такой страшный?
- Я боялся получить двойку.
- Значит, ты плохо готовился по русскому языку?
- Плохо.
- Почему же ты плохо готовился?
- Мне трудно.
- А по другим предметам тебе тоже трудно учиться?
- По другим легче.
- Почему же по русскому трудно?
- Я отстал. Не знаю, как слова писать.
- Так тебе подогнать надо, а ты, наверно, мало по русскому занимаешься?
- Мало.
- Почему же?
- Ну, он у меня не идёт. Историю я прочитаю — и уже знаю, а тут как напишу, так обязательно ошибки будут.
- Вот тебе и нужно побольше по русскому заниматься. Надо делать не только то, что легко, но и то, что трудно. Если хочешь научиться, то должен и потрудиться. Вот скажи, Малеев, — спросил Игорь Александрович меня, — ты ведь не успевал раньше по арифметике?
- Не успевал.
- А теперь стал лучше учиться?
- Лучше.
- Как же это у тебя вышло?
- А я сам захотел. Мне Ольга Николаевна сказала, чтоб я захотел, вот я и захотел добиться.
- И добился-таки?
- Добился.
- Но тебе ведь сначала было, наверно, трудно?
- Сначала было трудно, а теперь совсем легко.
- Вот видишь, Шишкин! Возьми пример с Малеева. Сначала будет трудно, а потом, когда одолеешь трудность, будет легко. Так что берись за дело, и у тебя всё выйдет.
- Хорошо, — сказал Шишкин, — я попробую.

— Да тут и пробовать нечего. Надо сразу браться, и дело с концом.

— Ну, я попытаюсь,— ответил Шишкин.

— Это всё равно что попробовать,— сказал Игорь Александрович.— Вот и видно, что у тебя нет силы воли. Чего ты боишься? У тебя есть товарищи. Разве они не помогут тебе? Ты, Малеев, ведь друг Шишкина?

— Да,— говорю я.

— Ну, так помоги ему подтянуться по русскому языку. Он очень запустил этот предмет, и ему одному не справиться.

— Это я могу,— говорю,— потому что сам был отстающим и теперь знаю, с какого конца нужно браться за это дело.

— Вот-вот! Значит, попробуешь? — улыбнулся Игорь Александрович.

— Нет,— говорю,— и пробовать не буду. Сразу начну заниматься с ним.

— Хорошо. Это мне нравится,— сказал Игорь Александрович.— У тебя общественная работа есть?

— Нету,— говорю.

— Вот это и будет твоя общественная работа на первое время. Я советовался с Ольгой Николаевной, и она сказала, что ты сумеешь помочь Шишкину. Уж если ты сам себе сумел помочь, то и другому поможешь. Только отнесись к этому делу серьёзно.

— Я буду серьёзно,— ответил я.

— Следи, чтоб он все задания выполнял самостоятельно, вовремя, чтобы всё доводил до конца. За него ничего делать не надо. Это будет плохая помощь с твоей стороны. Когда он научится работать сам, у него появится и сила воли и твоя помощь ему уже будет не нужна. Понятно это тебе?

— Понятно,— сказал я.

— А ты, Шишкин, запомни, что все люди должны честно трудиться.

— Но я ведь ещё не трудюсь... не тружусь,— пролепетал Шишкин.

— Как так не трудишься? А учёба разве не труд? Учёба для тебя и есть самый настоящий труд. Взрослые работают на заводах и фабриках, в колхозах и совхозах, строят электростанции, соединяют каналами реки и моря, орошают пустыни, насаждают леса. Видишь, как много дел!.. А дети учатся в школах, чтобы в будущем стать образованными и, в свою очередь, принести нашей Родине как можно больше пользы. Разве ты не хочешь приносить Родине пользу?

— Хочу.

— Вот видишь! Но, может быть, ты думаешь, достаточно сказать просто «хочу»? Надо быть стойким, упорным, без упорства ты ничего не достигнешь.

— Я буду теперь упорным.

— Вот хорошо,— сказал Игорь Александрович.— Надо быть честным. А разве ты честен? Ты обманывал мать, обманывал учительницу, обманывал своих товарищей.

— Я буду честным теперь.

— Постарайся,— сказал Игорь Александрович.— Но это ещё не всё. Надо любить своих товарищей.

— Разве я не люблю их? — удивился Шишкин.

— Где же любишь! Бросил их всех и решил без них обойтись. Разве это любовь?

— Но я ведь скучал по ним! — чуть ли не со слезами на глазах воскликнул Шишкин.

— Ну хорошо, что хоть скучал, но будет ещё лучше, если ты будешь чувствовать, что без товарищей тебе не прожить, чтоб даже в голову не приходило бросать их.

— Я буду больше любить,— сказал Шишкин.

— Что же ты делал, голубчик, пока не ходил в школу? — спросил его Игорь Александрович.

Мы рассказали, как учили Лобзика считать, Игорь Александрович очень заинтересовался этим и подробно расспрашивал, как мы это делали.

— Да разве же можно научить собаку считать, как человека? — сказал наконец он.

— А как же считала та собака в цирке?

Игорь Александрович засмеялся:

— Та собака вовсе не умела считать. Её выучили только лаять и останавливаться по сигналу. Когда собака пролает столько раз, сколько нужно, дрессировщик даёт ей незаметный для публики сигнал, и собака перестаёт лаять, а публике кажется, что собака сама лает, сколько нужно.

— Какой же сигнал даёт дрессировщик? — спросил Костя.

— Ну, он незаметно кивает головой, или машет рукой, или потихоньку щёлкает пальцами.

— Но наш Лобзик иногда считает правильно и без сигнала, — сказал Костя.

— Собаки очень наблюдательны, — сказал Игорь Александрович. — Ты сам незаметно для себя можешь кивать головой или делать какое-нибудь телодвижение как раз в то время, когда Лобзик пролает столько раз, сколько нужно, вот он подмечает это и старается угадать. Но так как твои телодвижения очень неуловимы, то он и ошибается часто. Для того чтобы он лаял правильно, приучите его к какому-нибудь определённомu сигналу, например щёлкайте пальцами.

— Я возьмусь за это, — сказал Костя. — Только я сначала подтянусь по русскому языку, а потом буду учить Лобзика.

— Вот правильно! А когда у нас будет вечер в школе, можете выступить со своей дрессированной собакой.

Мы так боялись, что Игорь Александрович придумает для нас какое-нибудь наказание, но он, видно, и не собирался наказывать нас, а хотел только объяснить нам, что надо учиться лучше.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Когда мы вышли из кабинета директора, то увидели, что Володя и все ребята дожидались нас в коридоре. Они моментально окружили нас и стали спрашивать:

— Ну что? Что вам Игорь Александрович сказал? Что вам будет?

— Простил. Теперь уже ничего не будет,— ответил я.

— Ну вот и хорошо! — обрадовался Толя.— Пойдёмте в пионерскую комнату, поговорим. Надо поговорить.

Мы все гурьбой пошли в пионерскую комнату. Шишкин вошёл последним.

— Иди, иди, Шишкин, не бойся! — говорил Юра.— Никто тебя ругать не будет.

Мы сели вокруг стола, и Володя сказал:

— Теперь поговорим, ребята, как помочь Шишкину. Он плохо учился и в конце концов дошёл до того, что совсем перестал ходить в школу. Но мы все тоже виноваты в этом. Мы не обращали внимания на то, как он учится, и не помогли ему вовремя.

— Мы, конечно, тоже виноваты,— ответил Ваня.— Но и Шишкин должен понять, что надо учиться лучше. Если он не возьмётся теперь, то это опять может плохо кончиться.

— Правда, Шишкин, только ты не обижайся, это опять может плохо кончиться,— сказал Юра.— А мы поможем тебе, честное слово! Всё, что надо, сделаем.

— А как помогать? — сказал Лёня Астафьев.— Мы ведь ему помощника выделили. Видно, Алик Сорокин плохо занимался с ним, раз такие результаты.

— Может быть, вы и не занимались совсем? — спросил Володя Алика.

— Почему — не занимались? Мы занимались! — ответил Алик.

— Сколько же раз вы занимались?

— Ну, я не помню. Раза два или три.

— Раза два или три? — удивился Юра.— Да ты должен был каждый день заниматься с ним, а не раза два или три. Сам обещал. Мы тебе это дело доверили, а ты не оправдал доверия!

— Как же я мог оправдать доверие? — сказал Алик.—

К нему придёшь, а его дома нет. Или придёшь, а он говорит: «Я сегодня не в настроении заниматься». Ну, я и бросил.

— Ишь ты, «бросил»! — сказал Юра. — Ты должен был на звене поставить вопрос, чтоб звено помогло. Шишкин у нас неорганизованный. Ты вот хорошо учишься, о себе позаботился, а о товарище позаботиться не захотел... Ну ладно, я тоже виноват, что не проверил тебя.

— Я теперь буду хорошо заниматься с Шишкиным, — сказал Алик. — Я шахматами увлёкся, поэтому так и вышло.

— Нет, — ответил Володя, — больше мы тебе этого дела не доверим.

— Теперь я буду с Шишкиным заниматься, — сказал я. — Мне Игорь Александрович велел.

— Что ж, — сказал Володя, — раз тебя Игорь Александрович назначил, то и мы тебя на это дело выделим. Правда, ребята?

— Конечно, — согласились ребята. — Пусть занимается.

Сбор кончился, и мы вышли на улицу. Шишкин по дороге долго молчал, всё думал о чём-то, потом сказал:

— Вот, оказывается, какой я скверный! Никакой у меня силы воли нет! Ни к чему я не способный. Ничего из меня путного не выйдет!

— Нет, почему же? Ты не такой уж скверный, — попробовал я утешить его.

— Нет, не говори, я знаю. Только я сам не хочу быть таким. Я исправлюсь. Вот ты увидишь. Честное слово, исправлюсь! Только ты уж, пожалуйста, помоги мне! Тебе ведь Игорь Александрович велел. Ты не имеешь права отказываться!

— Да я и не отказываюсь, — говорю я. — Только ты меня слушайся. Давай начнём заниматься с сегодняшнего же дня. После обеда я приду к тебе, и начнём заниматься.

После обеда я сейчас же отправился к Шишкину и ещё на лестнице услышал собачий лай. Захожу в комнату, смотрю — Лобзик уже сидит на стуле и лает, а Костя щёлкает пальцами у него перед самым носом.

— Это,— говорит,— я его приучаю к сигналу, как Игорь Александрович учил. Давай немножко позанимаемся с Лобзиком, а потом начнём делать уроки. Всё равно ведь Лобзика учить надо.

— Э, брат,— говорю я,— сам сказал, что с Лобзиком начнёшь заниматься после того, как справишься по русскому языку, и уже передумал.

— Кончено! — закричал Шишкин.— Пошёл вон, Лобзик! Вот, даже смотреть на него не стану, пока не исправлюсь по русскому. Скажи, что я тряпка, если увидишь, что я занимаюсь с Лобзиком. Ну, с чего мы начнём?

— Начнём,— говорю,— с русского.

— А нельзя ли с географии или хотя бы с арифметики?

— Нет, нет,— говорю.— Я уж на собственном опыте знаю, кому с чего начинать. Что нам по русскому задано?

— Да вот,— говорит,— суффиксы «очк» и «ечк», и ещё мне Ольга Николаевна задала повторить правило на безударные гласные и сделать одно упражнение.

— Вот с этого ты и начнёшь,— сказал я.

— Ну ладно, давай начнём.

— Вот и начинай. Или, может быть, ты думаешь, что я с тобой буду это упражнение делать? Ты всё будешь делать сам. Я только проверять тебя буду. Надо приучаться всё самому делать.

— Что ж, хорошо, буду приучаться,— вздохнул Шишкин и взялся за книгу.

Он быстро повторил правило и принялся делать упражнение. Это упражнение было очень простое. Нужно было списать примеры и вставить в слова пропущенные буквы. Вот Шишкин писал, писал, а я в это время учил географию и делал вид, что не обращаю на него внимания. Наконец он говорит:

— Готово!

Я посмотрел... Батюшки! У него там ошибок целая куча! Вместо «гора» он написал «гара», вместо «весёлый» написал «висёлый», вместо тяжёлый — «тижёлый».

— Ну-ну! — говорю. — Нарботал же ты тут!

— Что, очень много ошибок сделал?

— Да не так чтоб уж очень много, а, если сказать по правде, порядочно.

— Ну вот! Я так и знал! Мне никогда удачи не будет! — расстроился Костя.

— Здесь не в удаче дело, — говорю я. — Надо знать, как писать. Ты ведь учил правило?

— Учил.

— Ну, скажи: что в правиле говорится?

— В правиле? Да я уж и не помню.

— Как же ты учил, если не помнишь?

Я заставил его снова прочитать правило, в котором говорится о том, что безударные гласные проверяются ударением, и сказал:

— Вот ты написал «тижёлый». Почему ты так написал?

— Наверно, «тежёлый» надо писать?

— А ты не гадай. Знаешь правило — пользуйся правилом. Измени слово так, чтоб на первом слоге было ударение.

Шишкин стал изменять слово «тяжёлый» и нашёл слово «тяжесть».

— А! — обрадовался он. — Значит, надо писать не «тижёлый» и не «тежёлый», а «тяжёлый».

— Верно, — говорю я. — Вот возьми и сделай упражнение снова, потому что ты делал его и не пользовался правилом, а от этого никакой пользы не может быть. Всегда надо думать, какую букву писать.

— Ну ладно, в другой раз я буду думать, а сейчас пусть так останется.

— Э, братец, — говорю, — так не годится! Уж если ты обещал слушаться меня, слушайся.

Шишкин со вздохом принялся делать упражнение снова. На этот раз он очень спешил. Буквы у него лепились в тетрадке и вкривь и вкось, валялись набок, подскакивали кверху и заезжали вниз. Видно было, что ему уже надоело заниматься.

Тут к нам пришёл Юра. Он увидел, что мы занимаемся, и сказал:

— А, занимаетесь! Вот это хорошо! Что вы тут делаете?

— Упражнение,— говорю.— Ему Ольга Николаевна задала.

Юра заглянул в тетрадь.

— Что же ты тут пишешь? Надо писать «зуб», а ты написал «зуп».

— А какое тут правило? — спрашивает Шишкин.— У меня правило на безударные гласные, а это разве безударная гласная?

— Тут,— говорю,— такое правило, что надо внимательно списывать. Смотри, что в книжке написано? «Зуб»!

— Тут тоже есть правило,— сказал Юра.— Надо изменить слово так, чтобы после согласной, которая слышится неясно, стояла гласная буква. Вот измени слово.

— Как же его изменить? «Зуб» так он и будет «зуб».

— А ты подумай. Что у тебя во рту?

— У меня во рту зубы, и язык ещё есть.

— Про язык тебя никто не спрашивает. Вот ты изменил слово: было «зуб», стало «зубы». Что слышится: «б» или «п»?

— Конечно, «б»!

— Значит, и писать надо «зуб».

В это время пришёл Ваня. Он увидел, что мы занимаемся, и тоже сказал:

— А, занимаетесь!

— Занимаемся,— говорим.

— Молодцы! За это вам весь класс скажет спасибо.

— Ещё чего не хватало! — ответил Шишкин.— Каждый ученик обязан хорошо учиться, так что спасибо тут не за что говорить.

— Ну, это я так просто сказал. Весь класс хочет, чтоб все хорошо учились, а раз вы учитесь, значит, всё будет хорошо.

Тут опять отворилась дверь, и вошёл Вася Ерохин.

— А, занимаетесь! — говорит.

— Что это такое? — говорю я.— Каждый приходит и говорит: «А, занимаетесь», будто мы первый раз в жизни занимаемся, а до этого и не учились вовсе!

— Да я не про тебя говорю, я про Шишкина,— ответил Вася.

— А Шишкин что? Будто он совсем не учился? У него по всем предметам не такие уж плохие отметки, только по русскому...

— Ну, не сердись, я так просто сказал. Я думал, что он не занимается, а он занимается, вот я и сказал.

— Мог бы хоть что-нибудь другое сказать. Будто других слов нет на свете!

— Откуда же я знал, что это вас так обидит? По-моему, ничего тут обидного нет.

Тут снова отворилась дверь, и на пороге появился Алик Сорокин.

— Сейчас тоже, наверно, скажет: «А, занимаетесь!» — прошептал Шишкин.

— А, занимаетесь! — улыбнулся Алик Сорокин.

Мы все чуть от смеха не лопнули.

— Чего вы смеётесь? Что я такого смешного сказал? — смутился Алик.

— Да ничего. Мы не над тобой смеёмся,— ответил я.— А ты чего пришёл?

— Так просто. Думал, может, моя помощь понадобится.

— Может быть, и шахматы с собой захватил? — спросил я.

— Ах я растяпа! Забыл шахматы захватить! Вот бы мы и сыграли тут!

— Нет, ты уж с шахматами лучше уходи отсюда подальше,— сказал Юра.— Пойдёмте домой, ребята, не будем им мешать заниматься.

Ребята ушли.

— Это они приходили проверить, учимся мы или нет,— сказал Костя.

— Ну и что же? — говорю я.— Ничего тут обидного нет.

— Что же тут обидного? Я и не говорю. Ребята хорошие, заботливые.

— А Ольга Николаевна сказала маме, что ты не ходил в школу? — спросил я Костю.

— Сказала. И маме сказала, и тётё Зине сказала! Знаешь, какая мне за это была головомойка! Ох и стыдили меня — век помнить буду! Но ничего! Я и то рад, что всё теперь кончилось. Я так мучился, пока не ходил в школу. Чего я только не передумал за эти дни! Все ребята как ребята: утром встанут — в школу идут, а я как бездомный щенок таскаюсь по всему городу, а в голове мысли разные. И маму жалко! Разве мне хочется её обманывать? А вот обманываю и обманываю и остановиться уже не могу. Другие матери гордятся своими детьми, а я такой, что и гордиться мною нельзя. И не видно было конца моим мучениям: чем дальше, тем хуже!

— Что-то я не заметил, чтоб ты так мучился, — говорю я.

— Да что ты! Конечно, мучился! Это я только так, делал вид, будто мне всё нипочём, а у самого на душе кошки скребут!

— Зачем же ты делал вид?

— Да так. Ты придёшь, начнёшь укорять меня, а мне, понимаешь, стыдно, вот я и делаю вид, что всё хорошо, будто всё так, как надо. Ну, теперь конец этому, больше уже не повторится. Как будто буря надо мной пронеслась, а теперь всё тихо, спокойно. Мне только надо стараться учиться лучше.

— Вот и старайся, — сказал я.

— Я и то уже начал стараться.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

На следующий день Ольга Николаевна проверила упражнение, которое задала Косте на дом, и нашла у него ошибки, каких даже я не заметил. Пропущенные буквы в словах он

написал в конце концов правильно, потому что я за этим следил, а ошибок наделал просто при списывании. То букву пропустит, то не допишет слово, то вместо одной буквы другую напишет. Вместо «кастрюля» у него получилась «карюля», вместо «опилки» — «окилки».

— Это у тебя от невнимательности,— сказала Ольга Николаевна.— А невнимательность оттого, что ещё нет, наверно, охоты заниматься как следует. Сразу видно, что ты очень торопишься. Спешешь, как бы поскорей отделаться от уроков.

— Да нет, я не очень спешу,— сказал Костя.

— Как же не спешешь? А почему у тебя буквы такие некрасивые? Посмотри: и косые и кривые, так и валяются на строны. Если б ты старался, то и писал бы лучше. Если ученик делает урок прилежно, с усердием, то обращает внимание не только на ошибки, но и на то, чтобы было аккуратно, красиво написано. Вот и сознайся, что охоты у тебя ещё нет.

— У меня есть охота, только вот не хватает силы воли, чтоб заставить себя усидчиво заниматься. Мне всё хочется сделать поскорей почему-то. Сам не знаю почему!

— А потому, что ты ещё не понял, что всё достигается лишь упорным трудом. Без упорного труда не будет у тебя и силы воли и недостатков своих не исправишь,— сказала Ольга Николаевна.

С тех пор по Костиной тетрадке можно было наблюдать, как он боролся со своей слабой волей. Иногда упражнение у него начиналось красивыми, ровными буквами, на которые просто приятно было смотреть. Это значило, что вначале воля у него была сильная и он садился за уроки с большим желанием начать учиться как следует, но понемногу воля его слабела, буквы начинали приплясывать, налезать друг на дружку, валиться из стороны в сторону и постепенно превращались в какие-то непонятные кривульки, даже трудно было разобрать, что написано. Иногда получалось наоборот: упражнение начиналось кривульками. Сразу было видно, что Косте хотелось как можно скорее покончить с этим неинтересным делом, но,

по мере того как он писал, воля его крепла, буквы становились стройнее, и кончалось упражнение с такой сильной волей, что казалось, будто начал писать один человек, а кончил совсем другой.

Но всё это было полбеда. Главная беда была — это ошибки. Он по-прежнему делал много ошибок, и, когда был диктант в классе, он опять получил двойку.

Все ребята надеялись, что Костя на этот раз получит хоть тройку, так как все знали, что он взялся за учёбу серьёзно, и поэтому все были очень огорчены.

— Ну-ка, расскажи, Витя, как вы занимаетесь с Костей,— сказал Юра на перемене.

— Как занимаемся? Мы хорошо занимаемся.

— Где же хорошо? Почему он до сих пор не исправился?

— Я же не виноват, что так получается! Я с ним каждый день занимаюсь.

— Почему же до сих пор нет никаких сдвигов?

— Я же не виноват, что нет сдвигов! Просто ещё мало времени прошло.

— Как — мало времени? Уже две недели прошло. Просто ты не умеешь заставить Шишкина работать по-настоящему. Придётся тебя сменить. Вот мы попросим Ольгу Николаевну, чтоб она выделила вместо тебя Ваню Пахомова. Он сумеет заставить Шишкина работать побольше.

— Ну, уж это извините! — говорю я.— Меня сам Игорь Александрович назначил. Вы не имеете права меня сменять.

— Ничего. Завтра мы поговорим с Ольгой Николаевной. Думаешь, если тебя Игорь Александрович назначил, так на тебя и управы нет?

— Уступи, Малеев,— сказал Лёня Астафьев.— Всё равно Ольга Николаевна сменит тебя. Ты не справился. Ваня лучше тебя будет заниматься.

— Конечно, лучше,— сказал Юра.

— Это ещё неизвестно,— говорю я.

— Ну что ты споришь? Сам видишь, какие результаты.

Тут и другие ребята стали говорить, чтоб я уступил, но я заупрямился, как козёл:

— Нет, пусть меня Ольга Николаевна сменяет, а сам я не уступлю.

— Ну и сменит тебя Ольга Николаевна. Тебе же хуже будет,— сказали ребята.

Не знаю, почему меня такое упрямство одолело. Я и сам чувствовал, что не надо настаивать, раз вышло такое дело и Шишкин получил двойку. Если б на моём месте был кто-нибудь другой, может быть, всё было бы совсем не так, а иначе. Ну что ж, ничего не поделаешь!

В этот день мы с Шишкиным были очень огорчены.

— Мы занимаемся с тобой сегодня в последний раз. Завтра Ольга Николаевна, наверно, сменит меня,— сказал я, когда пришёл к нему после школы.

— А может быть, и не сменит,— сказал Костя.

— Да нет,— говорю.— Всё равно от меня, видно, мало толку. Наверно, я не умею учить. Мне только обидно, что Игорь Александрович будет недоволен. Я обещал ему подтянуть тебя, а тут видишь, что вышло. И ещё он сказал, что это мне как общественная работа. Значит, я с общественной работой не справился и не будет у меня никакого авторитета.

— А может быть, это вовсе и не ты виноват? Может быть, это я сам виноват? — сказал Костя.— Надо мне было лучше учиться. Ты знаешь, я тебе открою секрет: это я сам виноват. Я всегда спешил, торопился, вот и писал плохо и делал много ошибок. Если бы я не торопился, то учился бы лучше.

— Почему же ты торопился?

— Ну, я тебе открою секрет: мне хотелось каждый раз поскорей отделаться от уроков и начать учить Лобзика.

— И ты его учил?

— Учил.

— А,— говорю.— То-то у тебя буквы то такие, то этакие. Значит, ты писал, а сам думал не о том, что пишешь, а о своём Лобзике.

— Ну, вроде этого. Я и о том думал и о другом. Поэтому, наверно, такие результаты.

— Результаты...— говорю я,— никаких результатов нет. За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь. Надо было одного зайца ловить.

— Ну, одного зайца-то я поймал.

— Какого?

— Ну, Лобзика-то я выучил. Сейчас увидишь. Лобзик, иди сюда!

Лобзик подбежал к нему. Костя показал ему табличку с цифрой «три».

— Ну-ка, скажи, Лобзик, какая это цифра?

Лобзик пролаял три раза.

— А это?

Костя показал ему цифру «пять». Лобзик пролаял пять раз.

— Видишь, я потихоньку щёлкаю пальцами, и он знает, когда нужно останавливаться.

— Как же ты этого добился? — спросил я.

— Сначала он никак не хотел понимать сигнала. Тогда я стал делать так: как только он пролает столько раз, сколько нужно, я бросаю ему кусочек сахара, колбасы или хлеба и в это же время щёлкаю пальцами. Лобзик бросается ловить подачку и перестаёт лаять. Так я приучал его несколько дней, а потом попробовал только щёлкать пальцами и ничего не давал. Лобзик всё равно останавливался, так как привык в это время получать что-нибудь вкусное. Как услышит щелчок, так сейчас же перестаёт лаять и ждёт, чтоб я чего-нибудь дал. Сначала я щёлкал громко, но постепенно приучил к тихим щелчкам.

— Ну вот,— говорю,— значит, ты, вместо того чтоб самому выучиться, собаку выучил!

— Да,— говорит,— у меня всё как-то шиворот-навыворот получается. Бездельный я человек! Ну, теперь уже всё равно я его выучил и буду сам как следует заниматься. Больше ничто мне мешать не будет, вот увидишь!

— Увижу,— говорю.— Только теперь уже не я это увижу, а Ваня.

На другой день Костя собрал все упражнения, которые ему задавала на дом Ольга Николаевна, и понёс в школу. Он показал всё это Ольге Николаевне и сказал:

— Ольга Николаевна, вот это все упражнения, которые вы мне задавали. Вот тут вот, смотрите, хорошие, а вот тут плохие. Это, если я делал упражнение плохо, Витя заставлял меня переделывать снова. Скажите, разве он плохо со мной занимался?

— Я знаю, что Витя хорошо с тобой занимается,— сказала Ольга Николаевна.— Но ты и сам должен быть старательнее. Нужно отнестись к делу ещё серьезнее. Витя тебе помогает, но учиться за тебя ведь он не может. Ты сам должен учиться.

— Я сам буду учиться, Ольга Николаевна, только разрешите, чтоб Витя помогал мне. Он уже столько времени потратил со мной.

— Хорошо, пусть помогает. Я вижу, что Витя добросовестно занимается с тобой. Скоро каникулы, вот вы вместе зайдите ко мне в первый же день. Я тебе дам задание на каникулы, а Вите расскажу, как заниматься с тобой, чтоб были лучшие результаты.

Мы обрадовались, когда услышали, что Ольга Николаевна согласна, чтоб я продолжал заниматься с Костей, а Костя сказал:

— Ольга Николаевна, у нас ещё есть дрессированная собака Лобзик. Разрешите нам выступить с этой собакой на новогоднем вечере.

— А что ваша собака умеет делать?

— Она арифметику знает. Умеет считать, как та собака, которую мы видели в цирке.

— Кто же её выучил?

— Мы сами.

— Ну хорошо. Приводите её на новогодний вечер. Я думаю, всем ребятам будет интересно посмотреть на учёную собаку.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Мне было очень досадно, что Костя без меня выучил Лобзика, так как мне тоже было интересно его учить, но теперь уже всё равно ничего не поделаешь.

— Ты не горюй,— сказал Костя.— Когда-нибудь я встречу на улице ещё какую-нибудь бездомную собаку и подарю тебе, тогда ты сам сможешь её выучить.

— Самому мне неинтересно,— ответил я.— Я люблю всё в компании делать, а один я возиться не стану.

— Ну, я ведь буду помогать тебе учить её. Мы вместе будем дрессировать, и у тебя тоже будет учёная собака.

— Нет,— говорю,— это не годится. Как только появится новая собака, ты начнёшь с ней заниматься, вместо того чтобы делать уроки. Лучше отложим это дело до лета.

— Ну ладно, если не хочешь, отложим. А ребятам скажем, что Лобзик — это наш с тобой ученик. Мы ведь начали учить его вместе. И будем вместе выступать с ним на новогоднем вечере.

— А вдруг он испугается, когда попадёт на сцену? — говорю я.— Надо заранее приучить его, чтоб он не пугался людей.

— Как же его приучить?

— Надо повести его куда-нибудь, где побольше людей. Вот окончим уроки и поведём его к нам, покажем нашим, как он умеет считать.

Когда мы кончили делать уроки, Костя надел на Лобзика ошейник, привязал к ошейнику поводок, и мы отправились ко мне. Как раз в это время к нам пришли тётя Надя и дядя Серёжа.

— Сейчас мы покажем вам учёную собаку,— сказал я.— Садитесь все на места, как в театре, и смотрите внимательно.

Мы посадили Лобзика на табурет. Костя достал из кармана таблички с цифрами и стал приказывать Лобзику считать. Лобзик лаял исправно. Тут мне в голову пришла замечательная мысль. Я не стал показывать Лобзику никакой цифры, а просто спросил:

— Ну-ка, Лобзик, сколько будет дважды два?

Лобзик пролаял четыре раза. Конечно, я вовремя щёлкнул пальцами.

Лика обрадовалась:

— Ого! Он даже таблицу умножения знает!

Все хвалили нас за то, что мы так хорошо выучили собаку, а мы сказали, что будем выступать с Лобзиком на новогоднем вечере в школе.

— А у вас костюмы для выступления есть? — спросила Лика.

— Ну, уж будто нельзя без костюмов,— говорю я.

— Без костюмов неинтересно,— сказала Лика.— Лучше я вам разноцветные колпаки сделаю. Вы будете в этих колпаках, как два клоуна в цирке.

— Из чего же ты сделаешь колпаки?

— У меня разноцветная бумага есть. Я купила для ёлочных украшений.

— Ну,— говорю,— делай. С колпаками даже ещё лучше будет.

— А нельзя ли Лобзику тоже сделать колпак? — спросил Костя.

— Нет, Лобзик будет очень смешной в колпаке. Лучше я ему сделаю воротничок из золотой бумаги.

— Ладно, делай что хочешь,— говорю я.

— Теперь пойдём к Глебу Скамейкину, покажем ему, как наш Лобзик умеет считать,— предложил Костя.

Мы пошли к Глебу, от Глеба к Юре, от Юры — к Толе. Везде мы показывали искусство Лобзика, и за это Лобзик получал разные вкусные вещи. Наконец мы отправились к Ване Пахомову, а у Ваниных родителей как раз были гости. Мы обрадовались и решили, что у нас получится настоящая репетиция. Но напрасно мы радовались. Мы осрамились так, что не знали, куда от стыда деваться. Лобзик, вместо того чтоб отвечать правильно, начал путать и врать. Ни одной цифры не назвал правильно! Наконец совсем перестал отвечать. А мы-то

расхвастались, что привели учёную собаку-математика! Пришлось нам уйти с позором.

— Что же это случилось с ним? — сказал Костя, когда мы вышли на улицу.

Он дал Лобзику кусочек сахара, но Лобзик только разгрыз его и тут же выплюнул.

— Теперь понятно, — сказал я. — Мы просто обкормили его. Он объелся, поэтому и не старается отвечать правильно.

Костя сказал:

— А вдруг во время представления в школе такая штука случится? Вот будет позор на всю школу! Может быть, нам лучше не выступать?

— Нет, — говорю, — теперь уже поздно отказываться. Раз взялись, так надо до конца довести.

Целый день накануне Нового года Костя волновался и всё пытался дрессировать Лобзика.

— Оставь его в покое, — сказал я. — Опять ты ему надоешь за день, а когда будет нужно, он не захочет отвечать.

— Ладно, не буду его больше трогать. Иди отдыхай, Лобзик!

Мы оставили Лобзика в покое, а сами стали готовиться к представлению. Лика приготовила нам два колпака: мне — синий с серебряными звёздочками, а Косте — зелёный с золотыми звёздами. Кроме того, она сделала нам серебряные воротники и золотые манжеты на рукава. Мы всё это примерили и остались очень довольны. Получилось прямо как два настоящих клоуна в цирке. Лобзику тоже был сделан золотой воротник.

Наконец время пришло, и мы отправились с Лобзиком в школу. Пока шло первое отделение концерта, мы сидели с Лобзиком в зале, чтоб он привыкал к публике, а потом пошли за кулисы и стали ждать своей очереди. Так мы посмотрели выступления всех ребят и ничего не пропустили. Мы заранее нарядились в свои колпаки, надели Лобзику на шею воротничок. И вот занавес открылся, и все увидели, как мы с Костей вышли на сцену в своих разноцветных колпаках. Костя шёл

впереди, за ним бежал на поводке Лобзик, а я шёл сзади, и в руках у меня был чемоданчик, где лежали все вещи, которые мы приготовили для представления. Костя посадил Лобзика на табурет посреди сцены и сказал:

— Дорогие ребята, сейчас перед вами выступит учёная собака-математик, по имени Лобзик. Пока она выучилась считать до десяти, но она будет учиться дальше, и тогда мы вам её снова покажем. Мы просим, чтоб вы вели себя тихо, потому что Лобзик выступает на сцене впервые и может испугаться шума.

Костя, видно, очень волновался, и голос у него дрожал. Я тоже волновался, и если бы мне пришлось говорить, то я, наверно, не смог бы сказать ни одного слова.

— Ну, начинаем представление,— закончил Костя.

Я достал из чемодана три деревянные чурки и поставил их рядышком на столе, так, чтоб было всем видно.

— Сейчас Лобзик сосчитает, сколько на столе чурок,— объявил Костя.— Ну, считай, Лобзик!

Лобзик пролаял три раза.

Ребята громко захлопали в ладоши и закричали от радости. Лобзик испугался, соскочил с табурета и бросился бежать. Костя догнал его, сунул в рот ему кусок сахара и посадил обратно на табурет. Лобзик принялся грызть сахар. Ребята постепенно утихли. Я достал из чемодана ещё одну чурку и поставил рядом с остальными.

— Ну, а теперь сколько чурок? — спросил Костя.

Лобзик пролаял четыре раза.

Ребята снова дружно захлопали. Лобзик опять хотел соскочить с табурета, но Костя вовремя подхватил его и сунул ему в рот кусок сахара.

Я поставил на стол ещё три чурки.

— А теперь сколько стало чурок? — спросил Костя.

Лобзик пролаял семь раз.

Я достал из чемодана табличку с цифрой «2» и показал публике.

— Какая это цифра? — спросил Костя.

Лобзик пролаял два раза.

Мы стали показывать Лобзику разные цифры; потом Костя спрашивал:

— Сколько будет дважды два? Сколько будет дважды три? Сколько будет три плюс четыре?

Лобзик отвечал правильно.

Ребята всё время хлопали в ладоши, но Лобзик постепенно привык к аплодисментам и уже не пугался.

Я тоже перестал волноваться и сказал:

— Ребята, наш Лобзик умеет даже задачи решать. Кто хочет, может задать какую-нибудь задачку, чтоб были небольшие числа, и Лобзик решит.

Тут встал один мальчик и задал такую задачу: «Бутылка и пробка стоят 10 копеек. Бутылка на 8 копеек дороже пробки. Сколько стоит бутылка и сколько пробка?»

— Ну, Лобзик,— говорю,— подумай и реши задачу.

Конечно, Лобзику нечего было думать. Это я говорил так, чтобы самому подумать. Я быстро решил задачу; пробка стоила 2 копейки, бутылка 8 копеек, а вместе 10 копеек.

— Ну, Лобзик, говори: сколько стоит пробка? — спросил я.

Лобзик пролаял два раза.

— А бутылка?

Лобзик пролаял восемь раз.

Ну и крик тут поднялся!

— Неправильно! — кричали ребята.— Собака ошиблась!

— Почему неправильно? — говорю я.— Вместе ведь стоят 10 копеек. Значит, бутылка 8 копеек, и пробка 2.

— Как же? Ведь в задаче сказано, что бутылка на 8 копеек дороже пробки. Если пробка стоит 2 копейки, то бутылка должна стоить 10 копеек, а они вместе стоят 10 копеек,— объяснили ребята.

Тут я сообразил, что ошибся, и говорю:

— Слушай, Лобзик, ты ошибся. Подумай хорошенько и реши задачу правильно.

Конечно, это мне самому надо было подумать, а не Лобзику, но я сказал:

— Подождите, ребята, сейчас он ещё подумает.

— Пусть думает,— закричали ребята.— Не надо его торопить. Для собаки эта задача, конечно, трудная.

Я стал думать: «Если бутылка на 8 копеек дороже пробки, то пробка, значит, стоит 2 копейки, а бутылка 10. Но в таком случае они вместе будут стоять 12 копеек, а в задаче сказано, что вместе они стоят 10 копеек. Если же пробка стоит 2 копейки, а бутылка 8 копеек, то выходит, что бутылка всего на 6 копеек дороже». Прямо затмение на меня нашло! Что это за задача такая? Не задача, а какой-то заколдованный круг!

— Подождите ещё, ребята,— говорю я.— Ему ещё немного надо подумать. Сейчас он решит.

— Ничего, пусть думает! — закричали ребята.— Собака ведь не человек. Не может же она сразу.

«Да,— думаю,— тут и человек не может сразу решить, не то что собака!» Стал снова думать.

— Эх ты, чудака! — прошептал Костя.— Пробка ведь стоит копейку!

Тут я сообразил, в чём дело: пробка стоит копейку, а бутылка на 8 копеек дороже, значит 9, а вместе — 10.

— Есть! — закричал я.— Внимание! Сейчас Лобзик ответит правильно.

Ребята затихли.

— Ну отвечай, Лобзик, сколько стоит пробка?

Лобзик пролаял один раз.

— Ура! — закричали ребята.

— Тише,— говорю я.— Ещё не вся задача. Пусть теперь скажет, сколько стоит бутылка.

Лобзик пролаял девять раз. Ну и шум тут поднялся! Ребята хлопали в ладоши и громко кричали.

— Вот так собака! — говорили они.— Хоть ошиблась, но в конце концов решила задачу правильно.

На этом представление окончилось.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

И вот наступил Новый год и начались зимние каникулы. Во всех домах красовались нарядные ёлки. Настроение у всех было весёлое, праздничное. У нас с Костей тоже было праздничное настроение, но мы решили не только гулять во время каникул, а и заниматься. В первый же день мы пошли к Ольге Николаевне и получили у неё задание на каникулы.

У Кости появилась такая охота к учению, что он согласен был учиться по целым дням, но я решил, что мы будем работать по два часа в день, остальное время гулять, отдыхать или книжки читать.

Так мы занимались с ним каждый день, и Костя начал понемногу выправляться. Когда каникулы кончились, у нас вскоре был диктант, и Костя получил за него тройку. Он был так рад, будто это была не тройка, а самая настоящая пятёрка.

— Чего ты так радуешься? — сказал я ему. — Тройка не такая уж замечательная отметка.

— Ничего, сейчас для меня хороша и тройка. Я уже давно тройки по письму не получал. Но я на этом не успокоюсь. Вот увидишь, в следующий раз получу четвёрку, а там и до пятёрки как-нибудь доберусь.

— Конечно, доберёшься, — сказал ему Юра. — Но ты сейчас ещё о пятёрке не думай, а скорей получай четвёрку, тогда у нас в классе ни одного троечника не будет.

— Не беспокойся, — ответил Костя, — всё будет в порядке. Теперь уже класс не будет за меня краснеть. Я теперь понял, что каждый должен бороться за честь своего класса. Я и то уже поборолся как следует, ну, а теперь мне совсем немножко осталось.

Ольга Николаевна тоже была рада, что Шишкин стал лучше учиться.

— Пора вам, ребята, включаться в общественную работу, — сказала она нам. — Все что-нибудь делают на общую пользу, только вы ничем не заняты.

— Теперь мы тоже возьмём какую-нибудь работу, — говорю я.

— Возьмём,— говорит Костя.— Я уже давно хочу работать в стенгазете, да меня всё не выбирают в редколлегию.

— Правда,— говорю я.— Пусть нас выберут в редколлегию стенгазеты.

— В редколлегию вам ещё рано. Там должны работать самые авторитетные ребята,— сказала Ольга Николаевна.

— Ну, всё равно, мы и на какую-нибудь другую работу согласны,— говорит Костя.— Если хотите, пусть нас выберут в санкомиссию. Я уже был в санкомиссии, когда учился во втором классе. Мне очень нравилось ходить и всем приказывать, чтоб мыли руки и чтоб у всех были чистые уши.

— Санкомиссия у нас уже выбрана. Если хотите, я вам дам очень интересную работу. Нужно организовать классную библиотечку. Будете выдавать ребятам книги.

— А где взять книги? — спрашиваю я.

— Книги получите в школьной библиотеке. А шкаф я вам достану.

— Я возьмусь,— говорит Костя.— Я люблю книги читать.

— Я тоже,— говорю,— возьмусь.

— Значит, договорились. Постарайтесь быть хорошими библиотекарями. Берегите книги, следите, чтоб все ребята тоже бережно обращались с книгами.

Мы пошли к нашей библиотекарше Софье Ивановне, сказали, что мы теперь тоже будем библиотекарями в четвёртом классе и нам нужны книги.

— Вот и хорошо,— сказала Софья Ивановна.— Книги для четвёртого класса у меня есть. Вы сейчас их возьмёте?

Она дала нам целую стопку книг для четвёртого класса, и мы перетащили их в наш класс. Книг было много, штук сто, но когда мы поставили их в шкаф на полки, то нам показалось мало, потому что они заняли всего лишь три полки, а три полки остались пустые.

— Может быть, нам из дому принести ещё книжек, чтоб было побольше? — сказал Костя.— Я могу штук пять принести или шесть.

— Я тоже,— говорю,— могу принести штук пять, но этого мало. На три полки не хватит.

— А что, если у ребят попросить? Может быть, у кого-нибудь есть старые книжки, которые уже прочитаны. Пусть принесут для библиотечки.

Мы поговорили об этом с Ольгой Николаевной.

— Что же, скажите ребятам, может быть, ребята откликнуться на вашу просьбу,— сказала Ольга Николаевна.

На другой день мы объявили ребятам, что теперь у нас будет своя классная библиотечка, только книг у нас ещё не очень много, и, кто хочет, пусть принесёт для библиотечки хоть по одной книжке.

На эту просьбу откликнулись все ребята, и каждый принёс кто книгу, кто две, а многие принесли и больше. Книг получилось так много, что весь шкаф целиком заполнился. Мы хотели тут же начать выдавать книги ребятам, но Ольга Николаевна сказала, что нужно сначала сделать журнал.

Мы взяли толстую тетрадь и в эту тетрадь записали каждую книгу под номером. Теперь если нужно было отыскать какую-нибудь книгу, то можно было не рыться на полках, а посмотреть по журналу.

Костя радовался, что теперь в нашей библиотечке такой порядок. Особенно ему нравилось, что все полки заняты книгами.

— Теперь как раз хорошо! — говорил он.— Ни прибавить ничего нельзя, ни убавить.

Он то и дело отворял шкаф и любовался на книги.

Некоторые книжки были уже старенькие. У некоторых еле держались переплёты или оторвались страницы. Мы решили взять такие книжки домой, чтоб починить. И вот, сделав все уроки, мы пошли с Костей ко мне, потому что у меня дома был клей, и взялись за дело. Лика увидела, что мы починяем книжки, и тоже захотела нам помогать. Особенно много возни у нас было с переплётами. Костя всё время ворчал.

— Ну вот! — говорил он.— Не знаю, что ребята делают с книжками. Бьют друг друга по голове, что ли?

— Кто же это дерётся книжками? — сказала Лика. — Вот ещё выдумал! Книги вовсе не для того.

— Почему же переплёты отрываются? Ведь если я буду сидеть спокойно и читать, разве переплёт оторвётся?

— Конечно, не оторвётся.

— Вот об этом я и говорю. Или вот, смотрите: страница оторвалась! Почему она оторвалась? Наверно, кто-то сидел да дёргал за листик, вместо того чтоб читать. А зачем дёргал, скажите, пожалуйста? Вот дёрнуть бы его за волосы, чтоб не портил книг! Теперь страничка выпадет и потеряется, кто-нибудь станет читать и ничего не поймёт. Куда это годится, спрашиваю я вас?

— Верно, — говорим, — никуда не годится.

— А вот это куда годится? — продолжал кричать он. — Смотрите, собака на шести ногах нарисована! Разве это правильно?

— Конечно, неправильно, — говорит Лика. — Собака должна быть на четырёх ногах.

— Эх, ты! Да разве правильно в книжке собак рисовать?

— Неправильно, — согласилась Лика.

— Конечно, неправильно! А на четырёх она ногах или на шести, в этом разницы нет, то есть для книжки, конечно, нет, а для собаки есть. Вообще в книжках ничего не надо рисовать — ни собак, ни кошек, ни лошадей, а то один нарисует собаку, другой кошку, третий ещё что-нибудь придумает, и получится в конце концов такая чепуха, что и книжку невозможно будет читать.

Он взял резинку и принялся стирать собаку. Потом вдруг как закричит:

— А это что? Рожу какую-то нарисовали, да ещё чернилами!

Он принялся стирать рожу, но чернила въелись в бумагу, и кончилось тем, что он протёр в книге дырку.

— Ну, если б знал, кто это нарисовал, — кипятился Шишкин, — я бы ему показал! Я бы его этой книжкой — да по голове!

— Ты ведь сам говорил, что книжками нельзя бить по голове,— сказала Лика.— От этого переплёты отскакивают.

Костя осмотрел книгу со всех сторон.

— Нет,— говорит,— эта книжка выдержит, у неё переплёт хороший.

— Ну,— говорю я,— если все библиотекари будут бить читателей по голове книжками, то переплётов не напасёшься!

— Надо же учить как-нибудь,— сказал Костя.— Если у нас будут такие читатели, то я и не знаю, что будет. Я не согласен, чтоб они государственное имущество портили.

— Надо будет объяснить ребятам, чтоб они бережно обращались с книжками,— говорю я.

— А вы напишите плакат,— предложила Лика.

— Вот это дельное предложение! — обрадовался Костя.— Только что написать?

Лика говорит:

— Можно написать такой плакат: «Осторожней обращайтесь с книгой. Книга не железная».

— Где же это ты видела такой плакат? — спрашиваю я.

— Нигде,— говорит,— это я сама выдумала.

— Ну и не очень удачно выдумала,— ответил я.— Каждый без плаката знает, что книга железная не бывает.

— Может быть, написать просто: «Береги книгу, как глаз». Коротко и ясно,— сказал Костя.

— Нет,— говорю,— мне это не нравится. При чём тут глаз? И потом, не сказано, почему нужно беречь книгу.

— Тогда нужно написать: «Береги книгу, она дорого стоит»,— предложил Костя.

— Тоже не годится,— ответил я,— есть книжки дешёвые, так их рвать нужно, что ли?

— Давайте напишем так: «Книга — твой друг. Береги книгу»,— сказала Лика.

Я подумал и согласился:

— По-моему, это подойдёт. Книга — друг человека, потому

что книга учит человека хорошему. Значит, её нужно беречь, как друга.

Мы взяли бумагу, краски и написали плакат.

На другой день мы повесили этот плакат на стене, рядом с книжным шкафом, и начали выдавать ребятам книжки.

Выдавая кому-нибудь из учеников книгу, Костя говорил: — Смотри, чтоб никаких собак, ни рож, ни чертей в книге не было.

— Как это?

— Ну, возмёшь да нарисуешь в книге какую-нибудь загогулину.

— Зачем же я стану рисовать?

— Будто я знаю! Моё дело предупредить, чтоб ни рож, ни собак. Это книжка общественная. Если б это была твоя собственная книга, тогда, пожалуйста, рисуй, но даже в собственной книжке не надо ничего рисовать, потому что после тебя она достанется твоему младшему брату или сестре или товарищу дашь почитать. Так что моё дело предупредить, а если ты не будешь слушаться, то потом я не так с тобой буду разговаривать.

— Ну ладно, сказал — и хватит.

Но Костя не унимался, и каждому, кто брал книжки, он растолковывал в отдельности, почему надо бережно обращаться с книгами.

После уроков он, пригорюнившись, сидел возле шкафа и с грустью смотрел на поредевшие ряды книг на полках.

— Эх,— горевал он.— Снова книг мало стало! Так хорошо было! Шкаф был полнѐхонек, а теперь хоть бери и опять где-нибудь доставай книг.

— Что ж тут такого? — утешал его я.— Ведь ребята прочитают и принесут книги обратно.

— «Принесут»! Принести-то они принесут, да что толку! — ответил Костя.— Они одни книжки принесут, а другие взамен их возьмут. Вот никогда и не соберёшь всех книг обратно.

— Зачем же их собирать? Ведь книги для того, чтоб читать, а не для того вовсе, чтоб на полках стоять.

Я взял и себе книжку, чтоб почитать дома.

— Как? — говорит Костя. — И ты берёшь? И так книжек мало осталось.

— Да я, — говорю, — быстренько прочитаю и принесу. Тогда и он взял себе книжку.

— Ну ничего, — утешал он сам себя. — Будет на одну книжку меньше. Всё равно их мало осталось.

С тех пор мы с Костей имели свободный доступ к книгам и стали много читать. Костя так увлёкся, что читал даже на улице. Возьмёт из библиотечки книжку, идёт по улице и читает. Кончилось это тем, что он налетел на фонарный столб и набил на лбу шишку. После этого он перестал читать на улице и читал только дома.

К библиотечной работе он относился серьёзно, и постепенно у него даже характер переменился. Он стал аккуратным, более организованным и не таким рассеянным, как был раньше. К ребятам он относился очень требовательно. Если кто-нибудь приходил за книжкой с грязными руками, он начинал «пилить» его:

— Как тебе не стыдно? Почему у тебя такие грязные руки?

— Ну испачкались. Тебе-то какое дело?

— Как — какое дело? Ты ведь за книжкой пришёл?

— За книжкой.

— И ты такими руками будешь брать книжку?

— Какими же мне её ещё брать руками?

— Чистыми надо брать руками. Ты ведь своими руками книжку испачкаешь!

— Ну, я приду домой — вымою.

— Нет, голубчик, иди-ка ты лучше под кран и вымой руки, а потом я тебе дам книжку.

Если кто-нибудь брал книжку и долго не приносил, Костя делал ему выговор:

— И тебе не стыдно так долго книжку держать? Другим ребятам тоже хочется почитать, а ты держишь и держишь! Если неохота читать, отдай книжку обратно, а потом снова возьмишь.

— Я ведь не прочитал. Прочитаю и принесу.

— Так ты, может, до скончания веков будешь читать!

— Зачем до скончания веков? Книжка ведь выдаётся на десять дней.

— Ну на десять дней. А ты когда взял?

— А я взял неделю назад. Ещё не прошло десяти дней.

— А тебе обязательно надо, чтобы все десять дней прошли? Десять дней — крайний срок. А ты прочитал раньше и приноси раньше, никто тебе не велит все десять дней держать.

— Так говорят же тебе, что ещё не прочитал!

— Ну, так читай быстрее!

Если кто-нибудь слишком быстро приносил книжку, ему это тоже не нравилось:

— Послушай, когда же ты успел прочитать? Вчера только взял книжку, а сегодня уже обратно принёс! Может быть, ты и не читал её?

— Зачем же я тогда брал?

— Откуда же я знаю, зачем ты берёшь! Может быть, ты только картинки рассматриваешь.

— Что я, маленький?

— Ну ладно, рассказывай, о чём здесь написано.

— Что это ещё за экзамен?

— Ну, мне нужно проверить, читал ты или не читал.

— Это не твоё дело! Твоё дело выдавать книжки, а не проверять.

— Нет, уж если меня назначили библиотекарем, то я должен проверить. Если ты не читаешь, то тебе, может быть, не нужно и давать книг. Пусть лучше кто-нибудь другой берёт, кто читает.

Приходилось ученику рассказывать содержание книжки.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

С тех пор как Костя исправил свою двойку по русскому и мы с ним стали вести общественную работу, наш авторитет среди ребят очень повысился. Косте разрешили играть в баскет-

больной команде, и он оказался очень способным игроком. Мы выбрали его капитаном нашей команды. Костя очень хорошо натренировал свою команду, и мы выиграли первенство в школьном соревновании. От этого наш авторитет ещё больше увеличился, и о нашей команде написали в школьной стенгазете.

Но ещё не всё было у нас благополучно. Мы с Костей упорно продолжали заниматься по русскому языку, но он как застрял на тройке, так и не мог сдвинуться с места. Ему казалось, что после тройки он тут же сразу получит четвёрку, а потом и пятёрку, но не тут-то было! Ольга Николаевна упорно продолжала ставить ему тройки, так что в конце концов Костя даже начал приходить в отчаяние.

— Вы понимаете,— говорил он Володе,— мне теперь уже нельзя учиться на тройку. Я библиотекарь в классе и капитан команды. Про меня в школьной стенгазете написано. А я учусь на тройку! Куда это годится?

— Потерпи ещё немного,— сказал Володя.— Надо продолжать заниматься.

— А я разве к тому говорю, чтоб не заниматься? Я всё равно буду заниматься, только мне Ольга Николаевна никогда не поставит отметки лучше, чем тройка. Она уже привыкла, что я плохо учусь. Так я и буду ехать всё время на тройке.

— Нет,— ответил Володя,— Ольга Николаевна справедливая. Когда ты будешь знать на четвёрку, она поставит тебе четвёрку.

— Ах, скорей бы она поставила! — говорил Костя.— Во всём классе один я троечник. Если бы не я, весь класс учился бы только на «хорошо» и «отлично». Я всему классу дело порчу!

Мы снова решительно брались за дело. Ольга Николаевна тоже занималась с Костей отдельно после уроков, и он хотя медленно, но зато верно продвигался вперёд. Прошло полтора месяца с тех пор, как Костя получил тройку, и вот у него наконец появилась четвёрка. Это было радостное событие для всего класса.

В тот же день в нашем классе было собрание, и Ольга Николаевна сделала сообщение об успеваемости.

— Теперь у нас в классе нет плохих отметок,— сказала она.— Мы изжили не только двойки, но даже и тройки.

Она сказала, что мы с Костей очень хорошо поработали и Костя подтянулся так, что в дальнейшем сможет хорошо учиться.

— В нашей школе есть очень хорошие классы, где много отличников и хороших учеников, но такого дружного класса, как наш, где все учатся только хорошо и отлично, пока больше нет,— сказала Ольга Николаевна.— Думаю, что и другие классы последуют примеру наших учеников и добьются хорошей успеваемости у себя. А вам, ребята, не нужно успокаиваться на достигнутом. Если вы успокоитесь и станете меньше работать, то опять можете снизить отметки.

Потом выступил пионервожатый Володя, который сказал:

— Ребята, я напишу о вашем классе статью в школьную стенгазету, чтоб вся школа знала, как вы работаете, и чтоб другие классы могли брать с вас пример. А вы расскажите, что вам помогло добиться хороших результатов в учебе.

— Я думаю, это, должно быть, оттого, наверно, что Ольга Николаевна нас хорошо учила,— сказал Ваня Пахомов.

— Ольга Николаевна у нас очень хорошая, вот это и потому,— сказал Вася Ерохин.

— В классе не всё зависит от учительницы,— сказала Ольга Николаевна.— И у хороших учителей бывают такие классы, где не все ученики учатся хорошо.

— Мы добились успехов потому, что Ольга Николаевна нас хорошо учила, и ещё, я думаю, потому, что все захотели хорошо учиться,— сказал Толя Дёжкин.

— Вот и скажи, почему все захотели? — спросил Володя.

— Можно мне сказать? — попросил Костя.— Мне кажется, это потому, что у нас в классе между ребятами настоящая дружба. Каждый думает не только о себе, но и о своих товарищах. Это я на себе испытал. Когда я плохо учился, все ребята думали не только о себе, но и обо мне. Только я тогда был

ещё очень глупый и даже обижался. А теперь я вижу, что ребята хотели мне помочь и боролись за честь всего класса.

— Ты правильно сказал, Костя: дружба помогла вашему классу добиться успехов,— сказал Володя.— В вашем классе ребята поняли, что настоящая дружба состоит не в том, чтобы прощать слабости своих товарищей, а в том, чтобы быть требовательным к своим друзьям.

— Позвольте мне сказать,— попросил я.— Вот я теперь понял, как нужно относиться к своему другу. От него надо требовать, чтоб он был хорошим. Если он ошибается, то надо ему сказать, а если не скажешь — значит, ты сам плохой товарищ. Это я тоже на себе испытал. Костя сначала поступал неправильно, а я помогал ему в этом, и от этого получился один только вред. А потом я стал требовательным к нему, и теперь я ему настоящий друг.

— Это ты рассудил правильно,— ответил Володя.

Так мы разговаривали долго и задавали разные вопросы, а потом Костя сказал:

— Ольга Николаевна, я хочу попросить вас: поставьте мне мою четвёрку в дневник.

— В конце недели я буду проставлять всем отметки, тогда и тебе поставлю,— ответила Ольга Николаевна.

— Ну, поставьте сегодня, Ольга Николаевна, мне очень хочется!

— Зачем же тебе так спешно? Твоя четвёрка от тебя не уйдёт.

— Я знаю, что не уйдёт. Я хотел показать маме. Я давно уже обещал маме, что у меня будет четвёрка по русскому языку.

— Разве мама тебе без дневника не поверит? — спросила Ольга Николаевна.

— Поверит! — ответил Костя.— Только, знаете, на словах это так... А когда в дневнике — это совсем иначе.

— Правда, Ольга Николаевна, поставьте! Ему очень хочется! — стали просить ребята.

Володя тоже сказал:

— Мы все просим, Ольга Николаевна! Только ему, а остальным в конце недели.

Ольга Николаевна улыбнулась.

— Ну, если все просят...— сказала она и взяла у Кости дневник.

Костя с волнением смотрел, как Ольга Николаевна поставила в его дневнике четвёрку. И все ребята тоже с волнением смотрели.

Мы с Костей вышли из школы, и я заметил, что, пока мы сидели в классе, на дворе стало теплей. Мороз отпустил. С утра ещё было холодно, а теперь под крышами заплакали сосульки. Они сверкали на солнышке, как блестящие украшения на новогодней ёлке. В лицо нам дул ветер. Он был какой-то мягкий, тёплый и ласковый. От него пахло вот как пахнет водой у реки в жаркий день. Казалось, что этот ветер примчался к нам прямо с юга, из широких степей Казахстана, где уже наступила весна и начался сев. На душе у меня стало так хорошо, так радостно! Сердце громко стучало в груди и рвалось на простор. Хотелось куда-то мчаться или лететь. В голове теснились какие-то чудесные мысли, от которых захватывало дух, хотелось быть добрым, хорошим; хотелось сделать что-то необыкновенное, чтобы все удивились и чтобы всем стало так хорошо, как было мне.

Вот какие мысли были у меня в голове. А Костя шёл и ничего не замечал. Потом он остановился, вынул из сумки дневник и любовался на свою четвёрку.

— Вот она, четвёрочка! — улыбнулся он. — Сколько я мечтал о ней! Сколько раз думал: вот получу четвёрку и покажу маме, и мама будет довольна мной. Я знаю, что не для мамы учусь, мама всегда говорит об этом, но всё-таки я хоть немножечко, а и для мамы учусь. Ведь ей хочется, чтоб её сын был хорошим. Я буду хорошим, вот увидишь. И мама будет гордиться мной. Ещё поднажму, и у меня будет пятёрка. Пусть тогда мама гордится. И тётя Зина пусть тоже гордится. Пусть,

мне не жалко. Ведь тётя Зина тоже хорошая, хотя и пробирает меня иногда.

Он остановился на минуточку, спрятал в сумку дневник и оглянулся по сторонам. Потом вздохнул полной грудью.

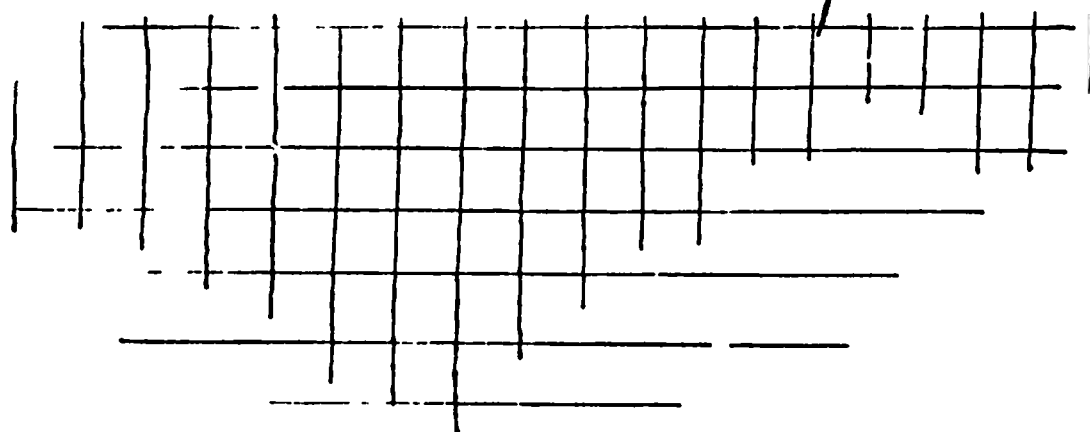
— Ты чувствуешь? — сказал он. — Это весенний ветер! Скоро весна. Ведь сейчас уже конец февраля, а февраль — последний месяц зимы. Скоро наступит март, и придёт весна, и потекут ручейки, и зазеленеет трава, в лесах проснутся ежи и ужи и другие разные звери, и запоют птички, и зацветут цветы...

И он начал ещё что-то рассказывать про весну и про птичек, но я не запомнил, потому что как раз в это время мне в голову пришла мысль написать про всё, что с нами случилось. С тех пор я начал писать и писал чуть ли не каждый день понемногу, и, хотя я писал не обо всём, а только самое главное, я подошёл к концу, уже когда занятия в школе кончились и мы с Костей перешли в следующий класс с одними пятёрками.

Вот и всё, о чём мне хотелось сказать.

Колментарии

РАССКАЗЫ И СКАЗКИ

Первый сборник рассказов Н. Н. Носова вышел в Детгизе в 1945 году под названием «Тук-тук-тук» с подзаголовком «Весёлые рассказы» (с иллюстрациями Г. Валька). Вторым сборник — «Ступеньки» был опубликован в том же издательстве в 1946 году (с иллюстрациями К. Елисеева). Через год, в 1947 году, там же был издан третий сборник Носова — «Весёлые рассказы» (с иллюстрациями Г. Валька). В этот сборник, помимо уже опубликованных, вошли новые рассказы. Почти ежегодно затем появлялись по одному-два, а то и три новых рассказа либо отдельными изданиями, либо в сборниках, составленных из уже известных произведений.

«...Я начал писать в 1938 году,— говорил автор.— Первый рассказ «Затейники» появился в «Мурзилке», № 9, за 1938 год. Вскоре были написаны и опубликованы в периодике (главным образом в «Мурзилке») подобного рода рассказы: «Живая шляпа», «Мишутка и Стасик» (в последующих изданиях «Фантазёры». — Ф. Э.), «Чудесные брюки» (в последующих изданиях «Заплата». — Ф. Э.), «Огурцы», «Метро» и другие... До войны накопился кое-какой багаж, из которого можно было отобрать сборничек для отдельного издания... Да вот — годы войны! Такой сборник под названием «Тук-тук-тук» вышел в Детгизе только в 1945 году. Его состав: «Тук-тук-тук», «Огородники», «Мишкина каша», «ЗИС» («Автомобиль»), «Фантазёры», «Огурцы» (Цитирую по книге С. А. Баруздина «Заметки о детской литературе». М., «Детская литература», 1975, с. 174.—Ф. Э.).

Мишкина каша. Включен автором в сборник «Тук-тук-тук» (1945). Более десяти лет спустя в речи на литературно-критических чтениях в Доме детской книги Носов на примере этого рассказа попытался раскрыть некоторые особенности своего метода создания характера комического героя и творческого процесса восприятия такого характера читателями-детьми:

«Поскольку разговор идёт о моих произведениях, я позволю себе остановиться на том же примере из «Мишкиной каши», когда Мишка утопил в колодце ведро. Читателю в этом эпизоде известно не всё. Он ещё не знает, что ведро утонуло. Происходит разговор: «Где же вода?» — спрашиваю. «Вода?.. Вода там, в колодце». — «Сам знаю, что в колодце. Где ведро с водой?» — «И ведро,— говорит,— в колодце».

Смешит здесь не буквальность ответов Мишки, а именно то, что читатель догадывается, почему Мишка так отвечает, догадывается о тех отношениях, условиях и ограничениях, из-за которых Мишка не может прийти после того, как утопил ведро, и сразу рассказать обо всём. Ведь свои отношения с другом Мишка строит на том, что хочет всё время верховодить и командовать, а теперь условия сложились так, что необходимо признать свою неловкость, а поскольку самолюбие не позволяет, иначе говоря, ограничивает его, Мишка медлит с ответом, переспрашивает, чтоб выиграть

время, старается выкрутиться, отвечая не по существу. Наблюдая, как Мишка выкручивается, читатель видит, что стоит за короткими фразами, читателю становится яснее виден характер Мишки. Он видит, что Мишка при его характере именно так и должен был поступать. Убеждаясь, что всё изображено так, как и на самом деле происходило, читатель верит изображаемой картине, высказывая тут же своё суждение о ней в эмоциональной форме, то есть смеётся...

Я думаю, что как в этих, так и в других примерах смешат вовсе не буквальные или не точные ответы и возникающие от этого абсурдные предложения, а то, что в результате описания более живо выступают те или иные черты характера героев.

Если комический эпизод в произведении описан с такой сжатостью, что читатель затрачивает минимум усилий на его восприятие, и вместе с тем с яркостью, достаточной для того, чтобы воображение читателя само дорисовало недостающие детали картины, то читатель сам сможет себе сказать о существующих в данной обстановке условиях, которые заставляют героя поступать так, как он поступает, благодаря чему и обнаруживаются те или иные смешные стороны его характера.

В этом, как мне кажется, и заключается творческий процесс, который сопровождает не только создание художественного произведения, но также и его восприятие. Произведение не будет художественным, если в нём ничего не оставлено для творческой мысли читателя, для его воображения». (Вопросы детской литературы, 1956. М., «Детская литература», 1957).

По рассказу «Мишкина каша» Носов написал комедию в одном действии и под заглавием «Умелые руки» опубликовал в журнале «Затейник», 1947, № 7.

Дружок. Включён автором в сборник «Весёлые рассказы». По рассказу «Дружок» Носов написал под тем же заглавием пьесу для кукольного театра, в 2-х действиях, 6-ти картинах.

По рассказам «Дружок» и «Мишкина каша» по сценарию Носова был снят полнометражный кинофильм под названием «Дружок» (киностудия им. М. Горького. 1958). На X кинофестивале фильмов для детей и юношества, проходившем в программе XIX Международного кинофестиваля в Венеции (1958), фильму присуждена премия по разделу «Фильмы для детей до 7-ми лет» и Почтовый диплом Международного комитета по распространению искусств, литературы и науки с помощью кинематографии.

Телефон. Впервые опубликован в журнале «Костёр», 1946, № 7. В последующих изданиях рассказ был переработан, внесена стилистическая правка, изменена концовка рассказа. Включён автором в сборник «Весёлые рассказы».

По рассказу «Телефон» Носов написал комедию в 1-м действии.

Бенгальские огни. Включён автором в сборник «Весёлые рассказы». Издавался также под заглавием «Ёлка» (в сборниках «Дружок», «Рассказы», 1952).

Тук-тук-тук. Опубликован в газете «Пионерская правда», 1944, № 50, 12 декабря. Рассказ вошёл в одноимённый сборник «Тук-тук-тук».

По рассказу написана пьеса для кукольного театра в 1-м действии.

Огородники. Рассказ вошёл в сборник «Тук-тук-тук». По рассказу автором написана комедия в 1-м действии, 3-х картинах под заглавием «Мишка на огороде».

Приключения Толи Клюквина. Рассказ опубликован в «Пионерской правде», 1960, № 22, 15 марта, № 23, 18 марта, № 24, 22 марта, № 25, 25 марта.

По рассказу снят в 1964 году полнометражный художественный фильм. «Приключения Толи Крюквина», «Про Гену», «Клякса», «Федина задача», «Находчивость», «Наш каток», «Замазка» составили сборник, вышедший в 1961 году в издательстве «Детская литература» под названием «Приключения Толи Крюквина».

Про Гену. Впервые опубликован в журнале «Мурзилка», 1959, № 12.

Федина задача. Под заглавием «Почему Федя не решил задачу» рассказ опубликован в журнале «Затейник», 1951, № 4.

Замазка. Рассказ опубликован в 1946 году в сборнике «Ступеньки».

Фантазёры. Рассказ опубликован под заглавием «Мишутка и Стасик» в журнале «Мурзилка», 1940, № 4. В переработанном виде вошёл в сборник «Тук-тук-тук». По рассказу в 1965 году снят полнометражный художественный фильм.

Живая шляпа. Рассказ автор включил в сборник «Ступеньки». Опубликовано в переводе на белорусский язык в журнале «Искры Ильича», Минск, 1938, № 10.

На горке. Рассказ вошёл в сборник «Ступеньки» под заглавием «Горка». В некоторых сборниках издавался и в дальнейшем под заглавием «Горка».

Саша. Впервые опубликован в журнале «Мурзилка», 1949, № 4, под заглавием «Пистолет». Под этим же заглавием вошёл в сборник Носова «Рассказы», Лениздат, 1952.

По рассказу Носовым написана пьеса для кукольного театра в 1-м действии под названием «Пистолет».

О том, как зародился замысел «Саши», как он, писатель, обнаружил такой склад характера ребёнка, какие изобразительные средства нашёл, чтобы дать представление читателю о внутреннем мире своего героя, «недоступном для непосредственного наблюдения», Носов рассказал в статье «О писательском труде», опубликованной в сборнике статей и очерков советских детских писателей — «Вслух про себя», кн. 2. М., «Детская литература», 1978.

Ступеньки. Опубликовано в альманахе «Круглый год. Книга-календарь для детей». М., Детгиз, 1945. Включён автором в сборник «Ступеньки».

Метро. Опубликовано в журнале «Мурзилка», 1940, № 11. Включён автором в сборник «Ступеньки».

Огурцы. Рассказ вошёл в сборник «Тук-тук-тук». В виде подписей под картинками печатался в журнале «Веселые картинки», 1959, № 9 и 10 под заглавием «Фунтик и огурцы».

Как сложился рассказ «Огурцы», о том, что «взято из жизни», а что «выдуманно из головы», Носов подробно рассказал в статье «О писательском труде» (помещена в книге: «Вслух про себя», кн. 2. М., «Детская литература», 1978).

Под названием «Фунтик и огурцы» Носов написал сценарий для фильма-сказки. В 1961 году «Союзмультфильм» выпустил мультипликационный фильм по этому сценарию. Сценарий опубликован в книге «Фильмы-сказки. Сценарии рисованных фильмов», вып. 7. М., «Искусство», 1963.

Прятки. Рассказ опубликован в журнале «Затейник», 1940, № 9.

Карасик. Рассказ вошёл в сборник «На горке».

Автомобиль. Опубликовано в журнале «Мурзилка», 1939, № 10, под заглавием «ЗИС». Под тем же заглавием вошёл в сборник «Тук-тук-тук».

Затейники. Первое опубликованное произведение Носова. (Журнал «Мурзилка», 1938, № 9, с рисунками Н. Радлова.)

Заплата. Рассказ опубликован в журнале «Мурзилка», 1941, № 5, под

заглавием «Чудесные брюки» В переработанном виде включён автором в сборник «Ступеньки».

Леденец. Вошёл в сборник «Ступеньки».

Шурик у дедушки. Рассказ помещён в одноимённом сборнике (Детгиз, 1956). Год спустя, в 1957 году, вышел отдельным изданием.

Про репку. Под заглавием «Репка» помещён в альманахе «Круглый год. Книга-календарь для детей» (Детгиз, 1945). Вышел отдельным изданием в 1951 году (Детгиз) под названием «Про репку».

Милиционер. Рассказ вошёл в сборник «Ступеньки».

И я помогаю. Публиковался под заглавием «Ниночка» в сборнике рассказов разных авторов «В труде и учёбе» (Детгиз, 1952) и в некоторых других изданиях.

Три охотника. Помещён в виде подписей под картинками (художник И. Семёнов) под заглавием «Охотничьи рассказы» в журнале «Весёлые картинки», 1957, № 6 (10).

Отрывок (вариант) под заглавием «Медведь» был опубликован в журнале «Затейник», 1947, № 7

Когда мы смеёмся. Опубликован в еженедельном приложении к газете «Известия» («Неделя», 1960, № 41, 4 — 10 декабря).

Винтик, Шпунтик и пылесос. Под заглавием «Как Незнайкины друзья Винтик и Шпунтик сделали пылесос» рассказ вышел в издательстве «Детский мир» отдельной книгой в 1960 году.

По рассказу в 1961 году был снят мультипликационный фильм под названием «Винтик, Шпунтик — весёлые мастера» (сценарий Носова)

Бобик в гостях у Барбоса. Сказка опубликована в журнале «Мурзилка», 1956, № 12.

По сказке Носовым написана пьеса для кукольного театра под названием «Барбос и Бобик». В 1968 году по этому сценарию создан художественный фильм, в котором снимались дрессированные собаки. «Герои фильма... два симпатичных, но несколько простодушных пса» (Интервью Носова «Литературной газете», 1964, 30 мая).

Как дрессировали и готовили собак к «игре», можно прочесть в статье Л. Острецовой «Собаки снимаются в кино. Записки дрессировщицы» («Литературная Россия», 1969, № 18, 1 мая).

Под одной крышей. Рассказ вышел отдельной книгой в издательстве «Советская Россия» в 1962 году.

ПОВЕСТИ

Весёлая семейка. Отдельной книгой вышла в Детгизе в 1949 году с подзаголовком «Рассказ». В отдельном издании 1951 года (Детгиз) и в последующих выходила с подзаголовком «Повесть».

Повесть переведена на многие языки народов СССР и на 15 языков народов мира, в том числе на языки: вьетнамский, монгольский, тамильский, турецкий, японский.

По повести автором написана пьеса в 3-х картинах для школьного театра. Опубликована в «Затейнике», 1949, № 10.

Дневник Коли Синицына. Повесть вышла отдельной книгой в 1950 году. Отрывок, с подзаголовком «Из Колиного дневника», под заглавием «Про пчёл» опубликован в альманахе «Круглый год. Книга-календарь для детей» (1949).

Витя Малеев в школе и дома. Впервые опубликована в журнале «Новый мир», в 1951 году, № 6. За эту повесть Носову присуждена Государственная премия СССР («Правда», 15 марта, 1952). В новой редакции повесть вышла отдельной книгой в 1952 году в Детгизе. Повесть неоднократно переиздавалась в центральных, республиканских издательствах. Только за один 1952 год книга выдержала четыре издания. Она получила широкий отклик в критике. В библиографическом указателе И. И. Старцева «Детская литература». Библиография, 1951—1952» (М., Детгиз, 1953) учтено 20 статей и рецензий на журнальную публикацию, а на первое отдельное издание — 42.

О том, как возник замысел повести, Носов рассказал в статье «О писательском труде» («Вслух про себя. Сборник статей и очерков советских детских писателей», кн. 2. М., «Детская литература», 1978).

Повесть переведена на многие языки народов СССР и на 23 языка народов зарубежных стран. Многократно повесть издавалась на китайском, немецком, польском, словацком, чешском, японском языках¹.

В 1957 году в журнале «Курьер ЮНЕСКО» были приведены статистические данные о том, кого и где больше всего переводили в 1955 году². Из художественной литературы названы произведения пяти русских писателей — Пушкина, Л. Н. Толстого, Горького, Маяковского, Носова.

По повести Носовым написана комедия в 3-х действиях, 7-ми картинах под названием «Два друга».

«Два друга» были поставлены в Центральном детском театре в 1953 году. По повести Носов написал и киносценарий, на Московской киностудии имени М. Горького в 1954 году снят полнометражный художественный фильм — «Два друга».

«По моим сценариям,— сообщил Носов,— поставлено девять художественных фильмов, в том числе четыре полнометражных: «Два друга» (по «Вите Малееву»), «Дружок», «Фантазёры», «Приключения Толи Клюквина» (Из письма от 8 августа 1972 года писателю С. А. Баруздину. См. кн.: Баруздин С. А. «Заметки о детской литературе». М., «Детская литература», 1975).

*Ф. Е. Эбин,
кандидат педагогических наук*

¹ Сведения о переводах произведений Носова на языки зарубежных стран даются по кн.: Произведения советских писателей в переводах на иностранные языки. Библиографический указатель. Отдельные зарубежные издания. Вып. 1. 1945—1953. М., 1954. Вып. 2. 1954—1957. М., 1959. Вып. 3. 1958—1964. М., 1959. Вып. 4. 1965—1970. М., 1972. Вып. 5. 1971—1975. М., 1976. (Союз писателей СССР. Всесоюзная государственная библиотека иностранной литературы.)

² В таблице суммированы сведения о переводах на языки народов СССР и на языки народов зарубежных стран.

СОДЕРЖАНИЕ

А. Алексин. Волшебник и друг детей	5
--	---

РАССКАЗЫ И СКАЗКИ

Мишкина каша. Рис. Г. Валька	11
Дружок. Рис. Г. Валька	20
Телефон. Рис. Г. Валька	36
Бенгальские огни. Рис. Г. Валька	45
Тук-тук-тук. Рис. Г. Валька	59
Огородники. Рис. Г. Валька	66
Приключения Толи Клюквина. Рис. И. Семёнова	75
Про Гену. Рис. И. Семёнова	100
Клякса. Рис. И. Семёнова	110
Федина задача. Рис. Г. Валька	114
Находчивость. Рис. И. Семёнова	119
Наш каток. Рис. И. Семёнова	123
Замазка. Рис. И. Семёнова	133
Фантазёры. Рис. Г. Валька	137
Живая шляпа. Рис. Г. Валька	143
На горке. Рис. Г. Валька	146
Саша. Рис. Г. Валька	149
Ступеньки. Рис. Г. Валька	156
Метро. Рис. Г. Валька	158

Огурцы. Рис. Г. Валька	162
Прятки. Рис. Г. Валька	166
Карасик. Рис. Г. Валька	170
Автомобиль. Рис. Г. Валька	177
Затейники. Рис. Г. Валька	181
Заплата. Рис. Г. Валька	184
Леденец. Рис. Г. Валька	187
Шурик у дедушки. Рис. Г. Валька	189
Про репку. Рис. Г. Валька	195
Милиционер. Рис. Г. Валька	204
И я помогаю. Рис. И. Семёнова	207
Три охотника. Рис. И. Семёнова	218
Когда мы смеёмся. Рис. И. Семёнова	224
Винтик, Шпунтик и пылесос. Рис. Г. Валька	229
Бобик в гостях у Барбоса. Рис. И. Семёнова	233
Под одной крышей. Рис. Г. Валька	239

П О В Е С Т И

Весёлая семейка. Рис. И. Семёнова	271
Дневник Коли Синицына. Рис. В. Ладыгина	339
Витя Малеев в школе и дома. Рис. Г. Валька	414
Комментарии	567

О ф о р м л е н и е
Евгения Савина

Для младшего школьного возраста

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ НОСОВ
Собрание сочинений в четырёх томах

ТОМ I

ИБ № 1052

Ответственный редактор

Л. И. Гульбинская

Художественный редактор

Н. И. Комарова

Технические редакторы

Е. М. Захарова и Л. С. Степина

Корректоры

Л. И. Дмитриук и Н. А. Сафронова

Сдано в набор 02.03.79. Подписано к печати 13.08.79. Формат 60×84^{1/16}. Бум. типогр. № 1. Шрифт литературный. Печать высокая. Усл. печ. л. 33,6. Уч.-изд. л. 28,51+1 вкл.=28,55. Тираж 300 000 (150 001—300 000) экз. Заказ № 4504.

Цена 1 руб. 50 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Сущёвский вал, 49.

Носов Н. Н.

Н84 Собрание сочинений в четырёх томах/Предисл. А. Алексина; коммент. Ф. Эбин.— М.: Дет. лит., Т. I. Рассказы, сказки, повести.— 1979. 575 с., ил., 1 л. портр.

В пер.: 1 р. 50 к.

В первый том собрания сочинений входят: повести «Весёлая семейка», «Дневник Коли Синицына», «Витя Малеев в школе и дома», рассказы и сказки.

Н 70802—423
М101(03)79 Подп. изд.

Р2

Сканирование и обработка:
Алексей Н. (Lion)

И. И. Мещеряков

1p. 50k

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

1 Николай Носов